№ 4/29.

9(77)

БИБЛІОТЕКА
Отдѣлъ № VII
Книга № 375
1910
А. П. МИХНЕВИЧА

3075(2)

И. ТЭНЪ.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦІИ

ТОМЪ I.

СТАРЫЙ ПОРЯДОКЪ.

Переводъ съ французскаго.

Подъ редакціей А. В. Швырова.

Безплатное приложеніе къ «Вѣстнику Иностранной Литературы» за 1907 годъ.

№ 253
02. Окт. 2012
9(44)21
ПРОВЕРЕНО

И. ТЭНЪ.

ПРОВЕРЕНО 2013 г.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦІИ

ПРОВЕРЕНО 1993/94 гг.
Филиал Библиотеки Ленинградского Окружного Дома Офицеров им. С. М. Кирова Ленинград, Дворцовая площадь

ТОМЪ I.

СТАРЫЙ ПОРЯДОКЪ.

ПРОВЕРЕНО 1980/81 гг.
Инв. № 449
Проверено 1939 г.

Переводъ съ французскаго.

Подъ редакціей А. В. Швырова.

проверено 1950 г. № 2
ПРОВЕРЕНО 2007 год

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія П. Ө. Пантелѣева. Подольская, 34.
1907.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ 1849 г., имѣя двадцать одинъ годъ отъ роду, я получилъ избирательныя права и находился въ большомъ затрудненіи, такъ какъ долженъ былъ указать пятнадцать или двадцать депутатовъ; и даже болѣе, согласно французскому обычаю, я долженъ былъ не только избрать людей, но еще выбирать ту или другую теорію. Мнѣ предлагали стать роялистомъ или республиканцемъ, демократомъ или консерваторомъ, соціалистомъ или бонапартистомъ: я не былъ ни тѣмъ, ни другимъ и даже вообще не принадлежалъ ни къ какой партіи и по временамъ завидовалъ многимъ убѣжденнымъ людямъ, имѣвшимъ счастіе быть чѣмъ-нибудь. Изучивъ различныя политическія доктрины, я убѣдился, что въ моемъ мозгу существуетъ какой-то недостатокъ. Доводы, убѣждавшіе другихъ, не имѣли въ моихъ глазахъ никакого значенія: я не могъ понять, какимъ образомъ въ политикѣ можно принимать рѣшенія на основаніи собственныхъ симпатій. Люди убѣжденные строили конституцію точно домъ по самому лучшему, по самому новѣйшему и наиболѣе простому плану, такъ какъ къ ихъ услугамъ было нѣсколько такихъ плановъ: отель маркиза, домикъ буржуа, квартира рабочаго, военная казарма, фаланстерій коммунистовъ и даже шатеръ дикарей. Каждый о своемъ планѣ говорилъ: „вотъ настоящее жилище, единственное, въ которомъ можетъ жить здравомыслящій человѣкъ“. Для моего здраваго смысла доводъ былъ слабъ: личные вкусы не представлялись мнѣ авторитетами. Мнѣ казалось, домъ слѣдуетъ строить не для архитектора и не для того, чтобы это былъ только домъ, но онъ долженъ быть приноровленъ для собственника, который будетъ въ немъ жить. Спрашивать же мнѣнія собственника, представить французскому народу на разсмотрѣніе планъ его будущаго жилища, — было до очевидности глупо; въ подобномъ случаѣ вопросъ всегда вызоветъ отвѣтъ, и если бы даже отвѣтъ былъ независимъ, то все равно Франція смогла бы отвѣтить не лучше меня: десять милліоновъ невѣжествъ не создадутъ одного знанія. Запрошенный народъ можетъ въ крайнемъ случаѣ сказать, какая форма правленія нравится ему, но никогда не будетъ въ состояніи рѣшить, въ какой формѣ правленія онъ нуждается; онъ сумѣетъ это рѣшить только послѣ опыта: ему

нужно время, чтобы провѣрить удобенъ ли его политическій домъ, проченъ ли онъ, способенъ ли противостоять непогодамъ, приноровленъ ли къ нравамъ, занятіямъ, характеру, особенностямъ, странностямъ его обитателей. На опытѣ же мы никогда не были довольны нашимъ политическимъ домомъ: въ продолженіе восьмидесяти лѣтъ мы передѣлывали его тринадцать разъ, и несмотря на всѣ передѣлки, все еще не напали на ту форму, которая болѣе всего удобна для насъ. Если другіе народы оказались счастливѣе насъ, если заграницей нѣкоторыя политическія жилища прочны и существуютъ безконечно долгое время, то это потому, что они были выстроены совершенно иначе, на крѣпкомъ первобытномъ фундаментѣ, опираясь на какое-либо древнее центральное зданіе, нѣсколько разъ измѣняемое, но вѣчно оберегаемое, постепенно расширяемое, приспособляемое осторожно къ нуждамъ жителей. Ничто у нихъ не было построено сразу, по новой мѣркѣ, на основаніи лишь однихъ соображеній разсудка. Быть можетъ, слѣдуетъ допустить, что для подобнаго строительства иныхъ средствъ и не имѣется и что мгновенное изобрѣтеніе новой конституціи—жизненной, приспособленной къ нуждамъ населенія является пріедпріятіемъ превосходящимъ силы человѣческаго разума.

Во всякомъ случаѣ, я могъ бы вывести свое заключеніе изъ всего сказаннаго, что если мы когда-либо и найдемъ, что намъ нужно, то это совершится не въ силу модныхъ теорій. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь нужно о т к р ы т ь, если только оно существуетъ, а не голосовать. Въ этомъ смыслѣ наши личные вкусы были бы совершенно излишни; природа и исторія уже напередъ предрѣшили, что намъ нужно; намъ нужно приноравливаться къ нимъ, такъ какъ навѣрное исторія и природа не станутъ приспособливаться къ намъ. Соціальная и политическая форма, которую можетъ принять народъ, не предоставлена на его усмотрѣніе, но заранѣе опредѣлена его характеромъ и его прошлымъ. Нужно, чтобы она до мельчайшихъ подробностей соотвѣтствовала живымъ чертамъ, къ которымъ ее прикладываютъ, иначе она зачахнетъ и распадется на куски. Поэтому, если мы найдемъ, то это можетъ быть достигнуто лишь путемъ изученія собственнаго характера, и чѣмъ лучше будемъ мы знать самихъ себя, тѣмъ яснѣе увидимъ, что намъ нужно. Такимъ образомъ слѣдуетъ отринуть обычные методы и опредѣлить характеръ націи, прежде чѣмъ сочинятъ для нея государственное устройство. Несомнѣнно, что первая часть работы гораздо болѣе длинная и болѣе трудная, чѣмъ вторая. Сколько требуется времени, изученія, сколько наблюденій подмѣченныхъ одно за другимъ, сколько изысканій въ настоящемъ и въ прошломъ, во всѣхъ областяхъ мысли и дѣятельности, сколько сложной продолжительной работы, чтобы составить точную и полную идею о великомъ народѣ, прожившемъ вѣка и живущемъ еще до сихъ поръ! Но это единственное средство для возведенія правильной постройки, основанной не на пустыхъ умствованіяхъ, и я обѣщаю себѣ, что по крайней мѣрѣ я лично, если когда-либо и стану искать опредѣленнаго политическаго мнѣнія, то только послѣ того, какъ изучу Францію.

Что такое современная Франція? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, нужно знать какъ развилась эта Франція или, что еще лучше, присутствовать въ качествѣ зрителя при ея образованіи. Въ концѣ XVIII вѣка она, подобно насѣкомому, которое линяетъ, претерпѣла метаморфозу. Ея прежняя организація разлетѣлась во прахъ; она сама разрываетъ самыя драгоцѣнныя ткани этой организаціи и падаетъ въ судорогахъ, кажущихся смертельными. Затѣмъ, послѣ метаній въ разныя стороны и тяжелой летаргіи, она возрождается. Но ея организація уже не та: путемъ глухой внутренней работы, новое существо замѣнило старое. Въ 1808 году всѣ ея главныя черты уже окончательно опредѣлились: департаменты, округи, кантоны и общины, ничто съ тѣхъ поръ не измѣнилось въ ея дѣленіяхъ и внѣшнихъ связяхъ: Конкордатъ, сводъ законовъ, суды, университетъ, институтъ, префекты, государственный совѣтъ, налоги, сборщики, счетная палата, единообразное и централизованное управленіе, его главные органы еще тѣ же; дворянство, мѣщанство, рабочіе классы, крестьяне, у каждаго класса отнынѣ положеніе, интересы, чувства, традиціи тѣ самые, которые мы видимъ и въ настоящее время Такимъ образомъ новое существо сразу становится устойчивымъ и вполнѣ развитымъ; его устройство, его институты опредѣляютъ заранѣе кругъ, въ которомъ будутъ вращаться его мысль и дѣятельность. Вокругъ него, другія націи, однѣ осторожныя, другія отсталыя, каждая съ большой осторожностью, нѣкоторыя съ лучшимъ успѣхомъ осуществляютъ то же измѣненіе, путемъ котораго переходятъ отъ феодальнаго существованія къ современному; развитіе становится всеобщимъ и почти одновременнымъ. Но при этой новой формѣ, какъ и при старой, слабый по прежнему является жертвой сильнаго. Горе тѣмъ, медленное развитіе которыхъ отдаетъ ихъ сосѣду, освободившемуся ранѣе изъ своей куколки и ставшему вполнѣ готовымъ къ борьбѣ! Горе также тому народу, слишкомъ быстрое и внезапное развитіе котораго нарушило равновѣсіе внутренней экономической жизни и который въ силу чрезмѣрности руководящаго аппарата, вслѣдствіе измѣненія его коренныхъ органовъ и постепеннаго уменьшенія живительной субстанціи осужденъ на безразсудства, на тщедушіе, на безсиліе среди своихъ болѣе здоровыхъ и болѣе пропорціонально развитыхъ сосѣдей! Въ организаціи создавшейся во Франціи въ началѣ вѣка всѣ главныя линіи ея исторіи были уже намѣчены, политическія революціи, соціальныя утопіи, раздѣленія классовъ, роль церкви, поведеніе дворянства, буржуазіи и народа, развитіе, направленіе или уклоненіе философіи, литературы и искусства. Вотъ почему, когда мы хотимъ понять наше современное положеніе, взоры наши непремѣнно обращаются къ ужасному и вмѣстѣ плодотворному кризису, посредствомъ котораго старый порядокъ породилъ революцію, а революція—новый порядокъ.

Старый порядокъ, революція, новый порядокъ,—я постараюсь точно описать эти три состоянія. У меня хватаетъ даже смѣлости объявить, что я не имѣю никакой другой цѣли; вѣдь можетъ же историкъ относиться къ своей задачѣ, какъ натуралистъ; я смо-

трѣлъ на свою тему, какъ на метаморфозу насѣкомаго. Къ тому же, событіе настолько интересно само по себѣ, что стоитъ потратить время на его наблюденіе, и нѣтъ нужды стремиться исключить заднія мысли. Освобожденное отъ всякой пристрастности любопытство становится научнымъ, и цѣликомъ стремится къ тѣмъ скрытымъ силамъ, которыя руководили удивительнымъ событіемъ. Силами этими являются: положеніе, страсти, идеи, желанія каждой группы, и мы можемъ распутать, даже почти измѣрить ихъ. Они предъ нашими глазами; намъ не нужно пускаться въ догадки, въ сомнительныя предположенія, мы можемъ наблюдать самихъ людей, ихъ внутреннюю и внѣшнюю жизнь. Французы стараго строя еще у насъ на глазахъ. Каждый изъ насъ, въ своей юности, могъ посѣщать этихъ пережитковъ исчезнувшаго міра. Нѣкоторые изъ отелей еще существуютъ и теперь вмѣстѣ съ апартаментами и мебелью. При помощи ихъ картинъ и эстамповъ мы можемъ прослѣдить ихъ домашнюю жизнь, мы видимъ ихъ одежду, ихъ манеры, ихъ жесты. Съ помощью ихъ литературы, ихъ философіи, ихъ наукъ, ихъ газетъ и ихъ переписки мы можемъ возстановить весь ходъ ихъ мыслей, до дружеской бесѣды включительно. Огромное число мемуаровъ, вышедшихъ изъ общественныхъ и частныхъ архивовъ за тридцатилѣтній періодъ, вводитъ насъ въ разные салоны, какъ если бы мы были повсюду знакомы. Письма и дневники иностранныхъ путешественниковъ провѣряютъ и дополняютъ своими безпристрастными картинами тѣ портреты, которые это общество выдавало за свои. Оно все сказало о самомъ себѣ, за исключеніемъ лишь того, что считало неинтереснымъ для современниковъ, за исключеніемъ того, что казалось техническимъ, скучнымъ и ничтожнымъ, за исключеніемъ того, что касалось провинціи, буржуазіи, крестьянина, рабочаго, администраціи и хозяйства. Я хотѣлъ пополнить эти пропуски и узнать всю Францію, а не только маленькій кружокъ хорошо воспитанныхъ и образованныхъ французовъ. Благодаря любезности г. Мори и драгоцѣннымъ указаніямъ г. Бутарика, я могъ перелистать массу рукописныхъ документовъ, переписку огромнаго числа интендантовъ, директоровъ, откупщиковъ, генераловъ, судей, должностныхъ и частныхъ лицъ всякаго рода на протяженіи послѣднихъ тридцати лѣтъ существованія стараго порядка, рапорты и мемуары о различныхъ частяхъ королевскаго дома, протоколы и записки Генеральныхъ Штатовъ въ ста семидесяти шести томахъ, переписку воинскихъ начальниковъ отъ 1789 и 1790 гг., письма, воспоминанія и подробныя статистическія данныя духовнаго комитета, корреспонденцію въ девяносто четырехъ связкахъ департаментскихъ управленій и муниципалитетовъ съ министрами отъ 1790 до 1799 года, рапорты государственныхъ совѣтниковъ, посылаемыхъ съ различными миссіями въ 1801 г., переписку префектовъ въ эпоху Консульства, Имперіи и Реставраціи до 1823 г., большое число другихъ замѣтокъ, столь интересныхъ и столь неизвѣстныхъ, что поистинѣ можно сказать, что исторія Революціи кажется еще неизданной. По крайней мѣрѣ только эти документы рисуютъ намъ живые образы мелкихъ дворянъ, провинціальныхъ священниковъ, монаховъ и монахинь, адвокатовъ, старшинъ и го-

рожанъ, деревенскихъ судей и синдиковъ, рабочихъ и ремесленниковъ, офицеровъ и солдатъ. Только благодаря имъ мы можемъ видѣть вблизи, со всѣми подробностями образъ поведенія людей, внутренность пресвитерскаго дома, монастыря, городского совѣта, познакомиться съ заработной платой поденщика, съ производительностью поля, съ податнымъ обложеніемъ крестьянина, ремесломъ сборщика, расходами помѣщика или прелата, съ бюджетомъ, съ образомъ жизни и церемоніаломъ двора. Благодаря имъ мы можемъ назвать точныя цифры, знать часъ за часомъ распредѣленіе дня, даже болѣе, перечислить блюда на большомъ обѣдѣ, возстановить парадный туалетъ. Мы имѣетъ, кромѣ того, приколотыми на бумагѣ и расположенными по числамъ образчики платьевъ королевы Маріи-Антуанетты; съ другой стороны, мы можемъ представить себѣ одежду крестьянина, описать его хлѣбъ, назвать сорта муки, изъ котораго онъ пекся, и вычислить до послѣдняго сантима, сколько ему стоитъ фунтъ. Съ такими рессурсами становишься почти современникомъ людей, исторію которыхъ пишешь и неразъ въ Архивахъ, пробѣгая пожелтѣвшіе листки съ ихъ стариннымъ почеркомъ, у меня являлось искушеніе заговорить громко съ этими людьми.

Мантонъ-Сэнъ-Бернаръ. Августъ, 1875 г.

СТАРЫЙ ПОРЯДОКЪ.

КНИГА ПЕРВАЯ

Строеніе общества.

ГЛАВА I.

Происхожденіе привилегій. — I. Заслуги и вознагражденіе духовенства. — II. Заслуги и вознагражденіе дворянъ.—III. Заслуги и вознагражденіе короля.

Въ 1789 году три рода лицъ—духовные, дворяне и король, занимали въ государствѣ первенствующія мѣста, пользуясь всѣми преимуществами, предоставляемыми имъ, властью, богатствомъ, почестями или, по крайней мѣрѣ, привилегіями, исключепіями, милостями, пенсіями, преимуществами и прочимъ. Если они въ продолженіе долгаго времени занимали это мѣсто, то значитъ, что они давно его заслужили. Въ самомъ дѣлѣ, путемъ колоссальнаго вѣкового усилія, они постепенно воздвигли три главныхъ устоя современнаго общества.

I.

Изъ трехъ этихъ устоевъ самымъ прочнымъ и самымъ древнимъ было созданіе духовенства: въ продолженіе двѣнадцати вѣковъ и болѣе оно трудилось въ качествѣ архитектора и въ качествѣ сапера, сперва одно, затѣмъ почти одно. Въ началѣ, во время первыхъ четырехъ вѣковъ, оно создало религію и церковь: взвѣсимъ два эти слова, чтобы понять все ихъ значеніе. Съ одной стороны, въ мірѣ, зиждившемся на завоеваніи, жестокомъ и холодномъ какъ стальная машина, осужденномъ благодаря своему строю отнимать у своихъ подданныхъ всякую охоту къ дѣятельности и всякое желаніе къ жизни, оно возвѣстило „благую вѣсть", обѣщало „царство Божіе", проповѣдывало нѣжную покорность Отцу Небесному, внушало терпѣніе, кротость, смиреніе, самоотреченіе, помощь ближнему, указало единственный выходъ, чрезъ который

задыхающійся человѣкъ могъ вдохнуть свѣжій воздухъ и увидѣть просвѣтъ: вотъ религія. Съ другой стороны, въ государствѣ мало-по-малу вымиравшемъ, разлагавшемся оно создало живое общество, руководившееся дисциплиной и закономъ, объединенное одною цѣлью и доктриной, поддерживаемое преданностью вождей и послушаніемъ вѣрныхъ, единственное, которое было въ состояніи выдержать потокъ варваровъ, хлынувшій чрезъ всѣ бреши разрушавшейся Имперіи: вотъ церковь. На этихъ двухъ первыхъ основахъ духовенство продолжало строить и начиная съ нашествія варваровъ, въ продолженіе болѣе чѣмъ пяти вѣковъ, оно спасаетъ все что можно еще спасти отъ человѣческой культуры. Оно идетъ навстрѣчу варварамъ или пріобрѣтаетъ ихъ расположеніе тотчасъ же послѣ ихъ вступленія; услуга огромная; будемъ судить о ней по одному факту: въ Великобританіи ставшей латинской какъ и Галлія, но завоеватели которой въ продолженіе полутора вѣковъ оставались язычниками,—искусства, промышленность, общество, языкъ все было разрушено; отъ подавленнаго и бѣглаго народа, не осталось ничего кромѣ рабовъ; ихъ слѣды нужно угадывать; низведенные на степень вьючныхъ животныхъ, они исчезаютъ изъ исторіи. Такова была бы судьба Европы, если бы духовенство не пріобрѣло быстро въ свою пользу жестокихъ дикарей, которымъ она принадлежала.

Обращенный германецъ дрожалъ отъ страха какъ передъ колдуномъ видя передъ собою епископа въ золоченой митрѣ, монаха „одѣтаго въ звѣриныя шкуры, худого, покрытаго грязью и пятнами гуще, чѣмъ хамелеонъ". Въ спокойные часы послѣ охоты или пьянства, смутное понятіе о чемъ то таинственномъ и грандіозномъ, неопредѣленное чувство невѣдомой справедливости, пробужденіе совѣсти, случавшееся уже въ лѣсахъ по ту сторону Рейна, пробуждалась въ немъ въ видѣ внезапнаго безпокойства, какихъ-то грозныхъ полувидѣній. Въ моментъ ограбленія святилища онъ задавалъ себѣ вопросъ не упадетъ ли онъ на порогѣ сраженный ударомъ съ перехваченнымъ горломъ. Убѣжденный собственнымъ смущеніемъ, онъ останавливается, щадитъ землю, деревню, мѣстечко, которыя живутъ подъ охраной священника. Если вспышка животнаго гнѣва или первобытной жадности толкала его на преступленіе, на грабежъ, то позже, послѣ насыщенія въ дни несчастія или болѣзни, по настоянію своей сожительницы или жены, онъ возвращаетъ въ два раза, въ десять разъ, въ сто разъ награбленное имъ, онъ расточаетъ дары и жертвы. Такимъ образомъ повсюду духовенство охраняетъ и увеличиваетъ число своихъ убѣжищъ для побѣжденныхъ и угнетенныхъ. Съ другой стороны, среди вождей съ длинными волосами, наряду съ королями облеченными въ мѣха, епископъ въ митрѣ, аббатъ съ тонзурой на головѣ присутствуютъ на совѣтахъ; они одни владѣютъ перомъ и умѣютъ спорить. Секретари, совѣтники, теологи, они принимаютъ участіе въ изданіи эдиктовъ, въ управленіи государствомъ, трудятся, чтобы ввести немного порядка въ колоссальный безпорядокъ, стараются сдѣлать законъ болѣе разумнымъ и болѣе человѣчнымъ, стремятся создать и поддержать благочестіе, просвѣщеніе, спра-

ведливость, собственность и въ особенности бракъ. Несомнѣнно что ихъ вмѣшательство воспрепятствовало Европѣ превратиться въ монгольскую монархію. До конца двѣнадцатаго столѣтія духовенство вліяло на князей, обуздывая въ нихъ и въ ихъ окружающихъ грубые аппетиты, возмущеніе плоти и крови, рецидивы и припадки непреоборимой дикости, разрушавшей общество. Въ то же время въ своихъ церквахъ и въ своихъ монастыряхъ оно хранило древнія пріобрѣтенія человѣческаго рода, латинскій языкъ, христіанскую литературу и богословіе, часть литературы и наукъ языческихъ, архитектуру, скульптуру, живопись, искусство и промышленность, служившіе для процвѣтанія культа, промышленность болѣе драгоцѣнную, которая кормитъ человѣка, одежду и жилище, особенно же лучшую изъ всѣхъ людскихъ пріобрѣтеній и наиболѣе противную бродячему характеру лѣниваго варвара грабителя, я хочу сказать, привычку и любовь къ труду. Въ деревняхъ, обезлюденныхъ римскимъ фискомъ, возмущеніемъ Багодовъ, нашествіемъ германцевъ, набѣгами разбойниковъ, бенедиктинскій монахъ строитъ изъ вѣтвей свою хижину среди сосенъ; вокругъ него огромное пространство нѣкогда культурное является теперь запущенными пустырями. Вмѣстѣ съ своими товарищами онъ обрабатываетъ вновь землю, приручаетъ полудикихъ животныхъ, устраиваетъ ферму, мельницу, кузницу, очагъ, мастерскія для изготовленія обуви и платья.

Согласно своему уставу, онъ ежедневно читаетъ въ продолженіе двухъ часовъ, семь же часовъ тратитъ на ручной трудъ и соблюдаетъ самую строгую умѣренность въ пищѣ и питьѣ. Благодаря своему разумному добровольному труду, исполняемому добросовѣстно, онъ производитъ больше, чѣмъ простой міpянинъ. Благодаря же скромному, сдержанному образу жизни онъ потребляетъ меньше, чѣмъ міpянинъ. Вотъ почему тамъ, гдѣ мірской человѣкъ потерпѣлъ неудачу, онъ не только существуетъ, но даже процвѣтаетъ. Онъ собираетъ угнетенныхъ, кормитъ ихъ, даетъ имъ работу, заставляетъ ихъ вступать въ бракъ; нищіе, бродяги, бѣглые крестьяне собираются къ его алтарю. Постепенно ихъ стоянка превращается въ деревню, затѣмъ въ посадъ: человѣкъ начинаетъ работать, какъ только можетъ расчитывать на жатву, и становится отцомъ семейства, когда считаетъ себя въ состояніи прокормить дѣтей. Такъ образуются новые промышленные земледѣльческіе центры, которые въ свою очередь становятся новыми центрами населенія *).

Къ хлѣбу тѣлесному присоедините еще хлѣбъ духовный, не менѣе необходимый; такъ какъ вмѣстѣ съ пищей нужно дать еще человѣку желаніе жить или, по крайней мѣрѣ, покорность, помогающую ему выносить жизнь, и поэтическую или трогательную мечту, которая замѣняетъ ему отсутствующее счастье. До середины XIII столѣтія это доставлялось человѣку почти исключительно ду-

---

*) Polyptique d'Irminon, Герара. По статистическимъ даннымъ Герара крестьяне Палэзо, во времена Карла Великаго, пользовались тѣмъ же достаткомъ, какъ и теперь.

ховенствомъ. Своими безчисленными легендами о святыхъ, своими соборами и ихъ архитектурой, своими статуями и ихъ выраженіемъ, своими богослуженіями и ихъ еще прозрачнымъ смысломъ духовенство сдѣлало доступнымъ понятіе о „Царствѣ Божіемъ“ и воздвигло идеальный міръ на границѣ міра реальнаго, какъ великолѣпный золотой куполъ на вершинѣ нищенской хижины *). Въ этотъ кроткій божественный міръ укрывалось скорбящее сердце, алчущее нѣжности. Здѣсь гонители падали сраженные невидимыми ударами; дикія животныя становились кроткими; лѣсные олени приходили каждое утро, чтобы запречься въ телѣгу святыхъ; лугъ расцвѣталъ для нихъ, какъ новый Рай; они умирали только когда того хотѣли. Въ то же время они утѣшаютъ людей; доброта, благочестіе, всепрощеніе источаютъ ихъ уста, какъ небесную сладость; воздѣвъ къ небесамъ очи, они видятъ Бога и безъ усилій, точно во снѣ возносятся къ свѣту, чтобы сѣсть одесную Его. Божественная легенда имѣла неоцѣнимыя достоинства въ эпоху царства грубой силы, когда, чтобы переносить жизнь, необходимо было воображать себѣ другую и видѣть ее духовными очами столь же ясно, какъ первую очами тѣлесными. Въ продолженіе болѣе чѣмъ двѣнадцати вѣковъ духовенство питало ею людей и по величинѣ награды можно судить о глубинѣ благодарности; ихъ папы въ продолженіе двухсотъ лѣтъ были диктаторами Европы. Духовенство устраивало крестовые походы, развѣнчивало королей, раздавало государства. Его епископы и аббаты здѣсь становились князьями и владыками, тамъ—покровителями и истинными создателями династій. Духовенство держало въ своихъ рукахъ половину доходовъ, треть земель, двѣ трети всѣхъ капиталовъ Европы. Не думайте, что человѣкъ бываетъ признателенъ безъ причины и даетъ безъ достаточныхъ мотивовъ; онъ слишкомъ для этого эгоистиченъ и слишкомъ завистливъ. Какое бы ни было учрежденіе, духовное или свѣтское, какое бы ни было духовенство, буддистское или христіанское, современники, сохраняющіе его въ продолженіе сорока поколѣній, не могутъ быть дурными судьями; они не отдадутъ ему своего добра и своихъ богатствъ иначе, какъ за равное количество оказанныхъ услугъ, и чрезмѣрностью ихъ преданности можно измѣрить колоссальность его благодѣянія.

II.

До сихъ поръ противъ силы разбойниковъ не было другого исхода, кромѣ убѣжденія и терпѣнія. Государства, которыя по примѣру древней Имперіи пытались возвыситься до крѣпкихъ зданій и противопоставить оплотъ безпрерывному нашествію, не могли удержаться на колеблющейся почвѣ; послѣ Карла Великаго все распалось. Со времени битвы при Фонтанэ воиновъ нѣтъ; въ продолженіе полустолѣтія шайки изъ четырехъ-пяти сотъ разбойниковъ безнаказанно убивали, жгли, опустошали всю страну. Но именно

*) Съ VI по X вѣкъ Болландистами собрано двадцать пять тысячъ житій святыхъ.

въ этотъ моментъ разложенія государства появляется военное сословіе. Каждый маленькій вождь прочно укрѣпился въ области занимаемой или удерживаемой имъ. Онъ вполнѣ владѣетъ ею, какъ собственностью. Это его графство или посадъ, гдѣ онъ не отдаетъ отчета даже и королю. Онъ вступаетъ въ борьбу, защищая его. Въ этотъ моментъ благодѣтелемъ, спасителемъ является человѣкъ, умѣющій биться и защищать другихъ и таковъ въ дѣйствительности характеръ новаго народившагося класса. На современномъ языкѣ дворянинъ значитъ воинъ, солдатъ (miles), и ему суждено положить второй устой новѣйшаго общества.

Въ десятомъ вѣкѣ на его происхожденіе не обращалось вниманія. Иногда это каровингскій графъ, получающій жалованье отъ короля, смѣлый владѣлецъ послѣднихъ франкскихъ земель. Здѣсь—воинственный епископъ, отважный аббатъ, тамъ—крещеный язычникъ, осѣвшій на землю бандитъ, обогатившійся искатель приключеній, мужественный охотникъ, долгое время питавшійся дикими плодами и своей охотой *). Предки Роберта Сильнаго неизвѣстны и позднѣе будутъ разсказывать, что Капетинги происходятъ отъ парижскаго мясника. Какъ бы то ни было, дворяниномъ въ то время называли храбреца, человѣка, умѣвшаго владѣть оружіемъ, который во главѣ отряда вмѣсто того, чтобы бѣжать и платить выкупъ, собственной грудью защищалъ принадлежащій ему кусокъ земли. Чтобы нести такую службу не нужно имѣть предковъ, необходимо лишь обладать мужественнымъ сердцемъ и тогда самъ становишься предкомъ; общество слишкомъ счастливо, благодаря благамъ, доставляемымъ имъ, чтобы справляться у такого человѣка относительно его титула. Наконецъ, послѣ многихъ вѣковъ, въ каждомъ кантонѣ образовался вооруженный отрядъ, способный дать отпоръ нападенію кочующихъ народовъ; иноземцамъ теперь уже не такъ легко поживиться за чужой счетъ, та самая Европа, которая не могла противостоять флотиліи двухпарусныхъ лодокъ, выбрасываетъ двѣсти тысячъ вооруженныхъ человѣкъ на азіатскій материкъ и отнынѣ на сѣверѣ, на югѣ, въ борьбѣ съ мусульманами и язычниками, вмѣсто пораженія она одерживаетъ побѣды. Во второй разъ вырисовывается идеальный образъ, образъ героя, который наряду съ образомъ святого возбуждаетъ новое плодотворное чувство и сгруппировываетъ людей въ одно прочное общество. Чувство воинственности переходитъ отъ отца къ сыну. Каждый при рожденіи получаетъ свою наслѣдственную степень, свою мѣстную службу, свою награду въ видѣ имѣній, полную увѣренность, что никогда не будетъ покинутъ своимъ вождемъ и обязанность умереть за своего вождя. Въ эту эпоху постоянныхъ войнъ, могъ существовать только одинъ порядокъ, именно, быть постоянно готовымъ встрѣтить врага, и таковъ былъ дѣйствительно феодальный строй; по одной этой чертѣ вы можете судить, какимъ опасностямъ подвергалъ онъ и какія обязанности приходилось нести. „Въ то время, говоритъ всеобщая испанская хроника,

*) Напримѣръ, Тертуль, отпрыскъ Плантагенетовъ, Роллонъ герцогъ нормандскій, Гюкъ, аббатъ Сенъ-Мартенскій.

короли, графы, дворяне и всѣ рыцари; чтобы не быть застигнутыми врасплохъ, держали лошадей въ залѣ, гдѣ спали съ женой". Виконтъ въ башнѣ, защищавшей входъ въ долину или проходъ въ ущельи, маркизъ заброшенный на выжженной границѣ спитъ съ оружіемъ въ рукѣ, подобно американскому поселенцу на Дальнемъ Западѣ, посреди дикарей Сіу. Домъ его ничто иное какъ лагерь или убѣжище; полъ большой залы устилали соломой или охапкой листьевъ; здѣсь онъ спалъ въ обществѣ своихъ рыцарей, отстегнувъ мечъ, когда имѣлъ возможность уснуть; бойницы едва пропускали дневной свѣтъ, такъ какъ прежде всего заботились, чтобы въ нихъ не попадали стрѣлы. Всѣ вкусы, всѣ чувства подчинены службѣ; есть такіе пункты европейской границы, гдѣ ребенокъ четырнадцати лѣтъ участвуетъ уже въ походѣ, гдѣ вдова обязана до шестидесятилѣтняго возраста снова выйти замужъ. Людей, дабы пополнить потери въ рядахъ, людей на сторожевые посты для несенія службы—вотъ крикъ, исторгаемый въ этотъ моментъ всѣми учрежденіями, подобно набатному призыву. Благодаря этимъ храбрецамъ, крестьянинъ находится подъ защитой; его уже не будутъ убивать больше, его уже не будутъ уводить въ плѣнъ вмѣстѣ съ его семьей, цѣлыми толпами, съ ярмомъ на шеѣ. Онъ уже отваживается заниматься земледѣліемъ, сѣять, надѣяться на урожай; въ случаѣ опасности, онъ знаетъ, что найдетъ защиту для себя, для своего зерна и для своего скота за крѣпкимъ тыномъ, у подножія крѣпости. Постепенно между военнымъ предводителемъ и крестьянами окружныхъ деревень устанавливается молчаливое соглашеніе, превращающееся въ соблюдаемый всѣми обычай. Они работаютъ на него, обрабатываютъ его земли, починяютъ его экипажи, платятъ ему подати, иногда съ каждаго дома, иногда съ каждой головы скота, иногда за полученіе наслѣдства, иногда за продажу; ему вѣдь нужно кормить свое войско. Но получивъ свое, онъ совершаетъ уже несправедливость, если, изъ гордости или зависти, отнимаетъ у нихъ еще что-нибудь.—Что касается бродягъ, нищихъ, которые въ эту эпоху всеобщаго безпорядка и опустошенія приходятъ къ нему искать убѣжища, то ихъ положеніе гораздо хуже: земля принадлежитъ ему, такъ какъ безъ него она не была бы заселена; если онъ имъ отводитъ небольшой кусокъ, даже если онъ позволитъ имъ только поселиться, или дастъ имъ работу или сѣмень для засѣянія поля, они становятся его рабами; куда бы они не ушли, онъ имѣетъ право схватить ихъ, и они будутъ отъ отца къ сыну его вѣчными слугами, употребляемые на ту работу, которую заблагоразсудитъ дать имъ ихъ повелитель, живущіе на его полномъ иждивеніи, не имѣющіе права передать своимъ дѣтямъ ничего, кромѣ лишь того, что послѣ смерти отца они будутъ продолжать его ремесло. „Не быть убитымъ, говоритъ Стендаль, и имѣть зимою теплое платье изъ звѣриной шкуры, являлось для многихъ людей высшимъ счастьемъ въ десятомъ вѣкѣ"; прибавимъ къ этому, что для женщины высшимъ счастьемъ было избѣжать насилія со стороны какой-нибудь бродячей шайки. Когда представишь себѣ нѣсколько яснѣе положеніе людей въ ту эпоху, то начинаешь понимать, почему они съ охотой при-

няли худшія феодальныя права, такъ какъ то, что приходилось переживать ежедневно, было еще хуже. Доказательствомъ служитъ то, что въ феодальную ограду кинулись всѣ, едва она была устроена; въ Нормандіи, какъ только Роллонъ раздѣлилъ землю и повѣсилъ воровъ, люди изъ провинцій стали стекаться къ нему; небольшой обезпеченности было достаточно, чтобы населить страну.

Поэтому жили, или вѣрнѣе, стали жить подъ гнетомъ тяжелой руки закованной въ желѣзо, которая угнетала васъ, но въ тоже время и защищала. Повелитель и владѣтель, въ силу этого двойного титула, помѣщикъ имѣетъ въ своемъ исключительномъ распоряженіи степь, рѣку, лѣсъ, всю охоту; зло не столь большое, такъ какъ страна наполовину опустошена и онъ все свое свободное время употребляетъ на уничтоженіе дикихъ животныхъ. Владѣя одинъ доходами, онъ одинъ только можетъ построить мельницу, доменную печь, давильню для винограда, возвести мостъ, проложить дорогу, выкопать прудъ, держать или покупать быковъ; чтобы возмѣстить свои расходы, онъ беретъ за все это плату или же воспрещаетъ пользованіе. Если онъ умственно развитъ или просто гуманный человѣкъ, если онъ хочетъ получить наибольшую выгоду изъ своихъ имѣній, онъ отпускаетъ или разрѣшаетъ уходить постепенно мужчинамъ на оброкъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мужики или рабы плохо работаютъ, вслѣдствіе тѣсноты населенія. Привычка, необходимость, добровольное или принужденное приспособленіе оказываютъ свое дѣйствіе: въ концѣ концовъ, собственники, мужики, рабы и горожане, освоившись съ своимъ положеніемъ, связанные однимъ общимъ интересомъ, образуютъ вмѣстѣ одно общество, настоящее тѣло. Помѣстье, графство, герцогство становятся отечествомъ, которое любятъ со слѣпымъ инстинктомъ, которому преданы. Оно отожествляется съ владѣльцемъ и его семьей; имъ гордятся, про него разсказываютъ; его привѣтствуютъ криками, когда его кавалькада проѣзжаетъ по улицѣ; изъ симпатіи къ нему радуются его пышности *). Когда онъ вдовъ и не имѣетъ дѣтей, къ нему отправляютъ выборныхъ съ просьбой, чтобы онъ вступилъ вторично въ бракъ, дабы его смерть не отдала страну на жертву войны претендентовъ наслѣдниковъ или сосѣдей.—Такъ зародилось послѣ тысячи лѣтъ самое могучее, самое жизненное изъ чувствъ, поддерживающихъ человѣческое общество. Оно тѣмъ болѣе драгоцѣнно, что можетъ быть увеличено,—для того, чтобы маленькое феодальное отечество стало великимъ національнымъ отечествомъ, теперь достаточно, чтобы всѣ владѣнія объединились въ рукахъ одного господина, и чтобы король, предводитель дворянства, воздвигъ на созданіи дворянъ третій устой Франціи.

III.

Онъ воздвигъ этотъ третій устой, камень за камнемъ. Гугъ Капетъ положилъ первый; до него королевство не давало королю

---

*) См. у средневѣковыхъ историковъ о преданности подданныхъ къ владѣтелю.

ни одной провинціи, даже Ліонъ; только онъ присоединилъ къ титулу еще и владѣніе. Въ продолженіе восьмисотъ лѣтъ путемъ брака, завоеванія, ловкости, наслѣдованія продолжалась эта работа по пріобрѣтенію; даже при Людовикѣ XV, Франція увеличилась Лотарингіей и Корсикой. Изъ ничего король создалъ цѣлое государство, включающее двадцать шесть милліоновъ жителей и являющееся отнынѣ самымъ могущественнымъ въ Европѣ. Въ то же время онъ былъ начальникомъ народной обороны, освободителемъ страны отъ иностранцевъ, отъ папы въ XIV столѣтіи, отъ англичанъ въ XV, отъ испанцевъ въ XVI. У себя въ королевствѣ онъ вѣчно находился въ разъѣздахъ, онъ разрѣшалъ судебныя тяжбы, разрушалъ крѣпости феодальныхъ разбойниковъ, уменьшалъ гнетъ сильныхъ, устанавливалъ порядокъ и миръ: колоссальное дѣло, которое отъ Людовика Толстаго до Людовика Святого, отъ Филиппа Красиваго до Карла VII и до Людовика XI, отъ Генриха IV до Людовика XIII и Людовика XIV продолжалось безпрерывно до средины XVII вѣка, когда былъ изданъ эдиктъ противъ дуэли. Въ то же время всѣ полезныя предпріятія выполненныя по его приказанію или развившіяся подъ его попеченіемъ, дороги, гавани, каналы, пріюты, университеты, академіи, учрежденія благочестія, воспитанія, наукъ, промышленности и торговли носятъ его отпечатокъ и возвѣщаютъ о немъ, какъ объ общественномъ благодѣтелѣ. Подобныя заслуги требуютъ и соотвѣтственной награды: поэтому всѣми допускается, что отъ отца къ сыну, онъ заключаетъ бракъ съ Франціей, что страна дѣйствуетъ лишь по его вдохновенію, что онъ предпринимаетъ все ради ея блага и всѣ старинныя воспоминанія, всѣ настоящіе интересы подтверждаютъ этотъ союзъ. Церковь освящаетъ его въ Реймсѣ, какъ бы восьмымъ таинствомъ, которому сопутствуютъ легенды и чудеса; онъ помазанникъ Божій. Дворяне, по старому военному инстикту преданности, считаютъ себя его охраной и до 10 августа готовы дать убить себя за него на его лѣстницѣ; онъ отъ рожденія ихъ вождь. Народъ до 1789 года будетъ видѣть въ немъ отмстителя за несправедливости, охранителя права, защитника слабыхъ, великаго милостивца, всеобщее прибѣжище. Въ началѣ царствованія Людовика XVI „крики, да здравствуетъ король, начинавшіеся съ шести часовъ утра продолжались почти безпрерывно до заката солнца“ *). Когда у него родился Дофинъ, радость Франціи напоминала семейную радость, „прохожіе останавливались на улицахъ и заговаривали другъ съ другомъ не будучи знакомы, знакомые же обнимались и цѣловались“ **).

Всѣ въ силу какой то неопредѣленной традиціи и уваженія вкоренившагося съ незапамятныхъ временъ, чувствуютъ, что Фран-

---

*) Мемуары м-мъ Кампанъ.

**) Въ 1785 году англичанинъ пріѣхавшій во Францію, хвалился политической свободой своей страны; въ отвѣтъ на это французы упрекали англичанъ, что они казнили Карла I и говорили, что всегда хранили къ своему королю ничѣмъ ненарушимую привязанность, вѣрность и уваженіе, которое не могло быть поколеблено никакими строгостями и жестокостями съ его стороны.

Инв. № 449

ція — корабль построенный его руками и руками его предковъ, что поэтому постройка принадлежитъ ему, что онъ имѣетъ право имѣть тамъ свой уголокъ, какъ каждый пассажиръ и что его единственная обязанность быть опытнымъ и знающимъ, чтобы благополучно провести по морю великолѣпный корабль, такъ какъ подъ его парусомъ находится все общественное достояніе. Подъ давленіемъ такой идеи, ему разрѣшалось дѣлать все; силой или добровольно онъ низвелъ къ нулю древніе авторитеты, превратившіеся отнынѣ въ какіе то отрывки, въ одно воспоминаніе. Дворяне ничто иное какъ его офицеры или придворные. Послѣ заключенія конкордата онъ назначаетъ служителей церкви. Генеральные Штаты не созывались въ продолженіе ста семидесяти пяти лѣтъ; провинціальные штаты занимаются только отсылкой налоговъ; парламенты распускаются какъ только они осмѣливаются дѣлать какія либо представленія. Черезъ свой совѣтъ своихъ управителей и делегатовъ онъ вмѣшивается, въ каждое мелкое мѣстное происшествіе. У него четыреста семьдесятъ семь милліоновъ доходовъ. Половину онъ отдаетъ духовенству. Наконецъ онъ полновластный владыка и заявляетъ объ этомъ. Такимъ образомъ, имущество, освобожденіе отъ налоговъ, удовлетвореніе самолюбія, нѣкоторые остатки юрисдикціи или мѣстной власти—вотъ все что остается прежнимъ соперникамъ; взамѣнъ того они получаютъ его предпочтеніе и милости. Такова вкратцѣ исторія привилегированныхъ класовъ, духовенства, дворянства и короля; ее необходимо напомнить, чтобы понять ихъ положеніе въ моментъ ихъ паденія; создавъ Францію, они наслаждались ею. Разсмотримъ же ближе, кѣмъ стали они въ концѣ XVIII столѣтія, какую часть сохранили они изъ своихъ преимуществъ, какія еще услуги оказываютъ они и какихъ уже болѣе не оказываютъ.

ГЛАВА II.

Привилегіи.—I. Число привилегированныхъ.—II. Ихъ имущество, капиталъ и доходы.—III. Ихъ льготы.—IV. Ихъ феодальныя права.—Эти преимущества—остатки первобытной власти.—V. Судить о нихъ можно по мѣстнымъ и общимъ заслугамъ.

Ленинград

I.

Ихъ около 270.000: въ дворянствѣ 140.000, въ духовенствѣ 130.000. Это составляетъ отъ 25.000 до 30.000 дворянскихъ семей, 23.000 монаховъ въ 2.500 монастыряхъ, 37.000 монахинь въ 1.500 монастыряхъ, 6.000 священниковъ и викаріевъ въ такомъ же количествѣ церквей и часовень. Если нужно представить все это болѣе точно, то можно вообразить, что на каждой квадратной льe земли и на каждую тысячу жителей приходится одна дворянская семья, въ каждой деревнѣ одинъ священникъ и одна церковь и каждыя шесть или семь миль, одна мужская или женская община. Вотъ древніе вожди и создатели Франціи,—судя по этому у нихъ еще много имущества и много правъ.

II.

Слѣдуетъ всегда помнить, кѣмъ они были, чтобы понять, кто они еще теперь. Какъ ни велики ихъ преимущества, это все же лишь остатки преимуществъ болѣе значительныхъ. Такой-то епископъ или аббатъ, такой-то графъ или герцогъ, преемники которыхъ ѣздятъ на поклонъ въ Версаль, былъ нѣкогда равенъ Карловингамъ и первымъ Капетингамъ. Одинъ изъ владѣльцевъ Монлери держалъ въ страхѣ короля Филиппа I. Аббатъ Сенъ-Жерменъ-де-Прэ владѣлъ 433.000 гекторовъ земли, т. е. площадью равной почти цѣлому департаменту. Не нужно удивляться, если они остались могущественными и въ особенности богатыми; ничего нѣтъ устойчивѣе общественной формы. Послѣ восьмисотъ лѣтъ, несмотря на многочисленные удары королевскаго топора и колоссальное измѣненіе соціальной культуры, древній феодальный корень былъ все еще крѣпокъ. Это замѣтно прежде всего по распредѣленію собственности. Одна пятая земли принадлежитъ коронѣ и общинамъ, одна пятая—третьему сословію, одна пятая—земледѣльческому классу народа, одна пятая—дворянству, одна пятая духовенству. Такимъ образомъ, если не считать общественныхъ земель, то привилегированные классы владѣютъ половиной государства. И это огромное пространство въ то же время самое богатое, такъ какъ на немъ находятся почти всѣ роскошныя постройки, дворцы, замки, монастыри, соборы и почти всѣ драгоцѣнныя движимости, мебель, посуда, произведенія искусства, шедевры, накапливаемые въ продолженіе вѣковъ. О нихъ можно судить по любви къ нимъ духовенства. Эти земли оцѣнивались въ четыре милліарда; они приносили доходъ отъ 80 ти до 100 милліоновъ, не считая еще десятины, доходившей до 123 милліоновъ въ годъ, въ общемъ 200 милліоновъ, сумма, которую нужно увеличить въ два раза, чтобы она соотвѣтствовала теперешней; прибавьте къ этому плату за требу и сборъ *).

Чтобы лучше представить себѣ размѣры этой золотой рѣки, познакомимся съ нѣкоторыми изъ ея притоковъ. 399 духовныхъ особъ считаютъ свой доходъ превышающимъ одинъ милліонъ, а капиталъ достигающимъ 45 милліоновъ. Тулузскій монастырь доминиканцевъ съ 236 монахами владѣетъ болѣе 200.000 ливровъ дохода, не считая ихъ монастырей, построекъ и въ колоніяхъ земель, негровъ и другихъ предметовъ, стоящихъ нѣсколько милліоновъ. Бенедиктинцы Клюни въ числѣ 298 человѣкъ имѣютъ доходъ въ 1 800 000 ливровъ. Бенедиктинцы Сэнъ-Морэ въ числѣ 1.672 человѣкъ оцѣниваютъ въ 24 милліона движимое имущество ихъ церквей и домовъ, а доходъ считаютъ въ 8 милліоновъ, „не включая сюда того, что посту-

---

*) Отчетъ Тассэ о десятинѣ, апрѣль 1790. Изъ 123 милліоновъ, 23 уходили на расходы по собиранію; но когда считаютъ доходъ частнаго лица, то не высчитываютъ, что онъ платитъ своимъ управителямъ, смотрителямъ, кассирамъ. Талейранъ (10-го октября 1789) оцѣниваетъ доходъ съ имущества въ 70 милліоновъ, а самое имущество въ 2.100 милліоновъ; но послѣ разслѣдованія, капиталъ и доходъ оказались гораздо значительнѣе.

паетъ къ аббатамъ и пріорамъ", т. е. столько, же если еще не больше. Донъ Роккуръ, аббатъ Клэрво, владѣетъ отъ 300.000 до 400.000 ливровъ дохода. Кардиналъ де-Роганъ, епископъ Страсбургскій, болѣе милліона. Въ Франшъ-Контэ, въ Алзасѣ и Руссильонѣ, духовенство владѣетъ половиной всѣхъ земель; въ Гэно и Артуа тремя четвертями; въ Камбрези 1.400 участковъ изъ 1.700. Велэ почти цѣликомъ принадлежитъ епископу Пюпскому, аббату изъ Шэзъ-Дьё, дворянскому роду Бріудъ и помѣщикамъ Полиньякъ. Каноники Сэнъ-Клода въ Юрѣ владѣютъ 12.000 рабовъ или крѣпостныхъ. При помощи этого богатства перваго класса, мы можемъ себѣ представить богатство второго. Такъ какъ на ряду съ дворянами въ него входятъ и всѣ тѣ, кто получилъ дворянство впослѣдствіи, и такъ какъ въ продолженіе одного столѣтія финансисты пріобрѣтали или покупали дворянское званіе, то ясно, что почти всѣ огромныя состоянія Франціи какъ древнія, такъ и новыя, переданы по наслѣдству, получены въ награду отъ двора, пріобрѣтены путемъ коммерческихъ операцій; когда какой-нибудь классъ находится навысотѣ, то онъ припимаетъ къ себѣ все, что поднимается или карабкается кверху. Здѣсь тоже есть колоссальныя состоянія. Высчитано, что удѣлы принцевъ королевской крови, графовъ д'Артуа и Прованса, герцоговъ Орлеанскихъ и Пантьеврскихъ, занимаютъ седьмую часть всей территоріи. Принцы крови имѣли въ общемъ доходъ отъ 24 до 25 милліоновъ; герцогъ Орлеанскій, одинъ владѣлъ 11.500.000 ливровъ ренты. Въ этомъ видны слѣды феодальнаго строя; нѣчто подобное можно встрѣтить теперь въ Англіи, въ Австріи, Пруссіи и Россіи; въ самомъ дѣлѣ, собственность на много лѣтъ переживаетъ обстоятельства создавшія ее. Ее создала верховная власть; отдѣленная отъ верховной власти она осталась въ рукахъ нѣкогда бывшихъ тоже верховными. Въ лицѣ епископа, аббата или графа, король уважалъ собственника, уничтожая соперника, и въ собственникѣ сто признаковъ указываютъ еще бывшаго или урѣзаннаго въ своихъ правахъ государя.

III.

Таково изъятіе отъ уплаты налоговъ, полное или частичное. Сборщики не требуютъ отъ нихъ денегъ, такъ какъ король чувствуетъ, что феодальная собственность точно такого же происхожденія какъ и его. Если королевство—привилегія, то помѣстье—тоже; самъ король никто иной, какъ самый привилегированный изъ привилегированныхъ. Самый неограниченный и болѣе всѣхъ пользовавшійся своимъ правомъ, Людовикъ XIV и тотъ выказалъ безпокойство, когда крайняя необходимость заставила его наложить на всѣхъ налогъ десятины. Договоры, прецеденты, обычай, установившійся съ незапамятныхъ временъ, память о древнемъ правѣ удерживаютъ еще руку фиска. Чѣмъ болѣе собственникъ походитъ на древняго независимаго короля, тѣмъ болѣе широки его преимущества. То укрывается онъ недавнимъ договоромъ, своимъ чужеземнымъ происхожденіемъ, своимъ родствомъ съ королемъ. „Въ Альзасѣ, владѣтельные иностранные принцы, Мальтійскій и Тев-

тонскій ордены пользуются освобожденіемъ отъ всѣхъ налоговъ". „Въ Лотарингіи родъ Ремирмонъ пользуется привилегіей лично назначать себѣ размѣръ государственныхъ налоговъ*). То его защищаютъ провинціальные штаты или включеніе въ дворянское сословіе; въ Лангедокѣ и Бретани только одни разночинцы платятъ подать. Повсюду его званіе освобождаетъ его, его замокъ и владѣнія отъ уплаты налоговъ,—которые уплачиваютъ только его фермеры. Даже больше, достаточно, если онъ обрабатываетъ землю самъ или черезъ своего управителя, чтобы его природная независимость сообщилась и этому клочку земли; какъ только онъ коснется земли самъ или черезъ своего работника, онъ ничего не платитъ за триста десятинъ, за которыя въ рукахъ другого наложили бы двѣ тысячи франковъ подати, и кромѣ того отъ налога освобождаются лѣса, луга, виноградники, пруды, земли принадлежащія замку, какой бы величины онѣ не были". Поэтому въ Лимузинѣ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ большею частью находятся луга и виноградники, онъ старается управлять самъ, такъ какъ освобождается совершенно отъ сборщика податей. Такимъ образомъ послѣ четырехсотъ пятидесяти лѣтъ дѣятельности, налогъ, это первое орудіе фиска, самое тяжеловѣсное изъ всѣхъ, почти не коснулось феодальной собственности*). Спустя столѣтіе, два новыхъ орудія, подушная подать и двадцатая часть казались болѣе плодотворными, но не осуществили ожиданій. Прежде всего, при помощи дипломатическаго искусства, духовенство отвратило и смягчило эти удары. Такъ какъ оно составляло корпораціи и устраивало собранія, то могло вести переговоры съ королемъ, откупаться, избѣжать установленія размѣра налога посторонними лицами, заставить принять, что его взносы не уплата налога, но „добровольный даръ", добиться въ замѣнъ массы привилегій, уменьшать этотъ даръ, иногда даже не дѣлать его, во всякомъ же случаѣ, сокращать его на 16 милліоновъ каждыя пять лѣтъ, т. е. приблизительно на 3 милліона ежегодно; въ 1788 году было уплачено лишь 1.800.000 ливровъ, а въ слѣдующемъ 1789 году духовенство отказалось совершенно отъ уплаты *). Болѣе того, такъ какъ оно занимаетъ для взноса своего налога, а десятина, установленная на духовныя имущества, не достигаетъ суммы, чтобы погасить капиталъ и уплатить проценты по долгу, то оно сумѣло заставить короля придти къ нему на помощь и получаетъ ежегодно 2.500.000 ливровъ; такимъ образомъ вмѣсто того, чтобы платить, духовенство получаетъ и еще въ 1787 году ему было выдано 1.500.000 ливровъ.

Дворяне же, не имѣя возможности собираться, имѣть своихъ представителей, дѣйствовать общественнымъ путемъ, дѣйствовали путемъ частнымъ, у министровъ, управителей, субделегатовъ, откупщиковъ и вообще у всѣхъ лицъ, облеченныхъ властью; ради ихъ званія имъ оказывалось снисхожденіе, уваженіе. Прежде

---

*) Лонсъ де-Лавернь. «Les Assemblees provinciales».

**) Неккеръ. «De l'administration des finances». Налогъ приносилъ 91 милліонъ, двадцатая 76.500.000, подушная 41.500.000.

***) Родо, «La France avant la Révolution».

всего ихъ званіе освобождаетъ ихъ, ихъ людей, и людей ихъ, отъ несенія службы въ милиціи, отъ постоя войскъ, отъ обязательныхъ работъ по исправленію дорогъ. Затѣмъ, подушная, установленная, согласно налогу, касается ихъ совершенно нечувствительно. Кромѣ того, каждый изъ нихъ, насколько можетъ, возстаетъ противъ суммы, которую на него наложили. „Ваше чувствительное сердце, пишетъ одинъ изъ нихъ уполномоченному, никогда не допуститъ, чтобы отецъ моего званія былъ бы обложенъ такою же податью, какъ отецъ простолюдина“ *). Съ другой стороны, такъ какъ каждый платитъ свою подать по мѣсту жительства, нерѣдко очень отдаленнаго отъ его земель, а объ его доходахъ съ движимаго имущества ничего неизвѣстно, то онъ можетъ платить сколько ему вздумается. Никакихъ разслѣдованій не производится, разъ онъ дворянинъ; „къ лицамъ привилегированнаго сословія относятся съ безконечной предупредительностью“; въ провинціи, говоритъ Тюрго, подушная привилегированныхъ постепенно сводится къ чему-то въ высшей степени измѣнчивому, тогда какъ подушная податныхъ почти равна податямъ“. Наконецъ, „сборщики считали себя обязанными быть милостивыми по отношенію къ дворянамъ“, даже когда они были должны, „что привело, говоритъ Неккеръ, къ крупнымъ недоимкамъ, числившимся за дворянами“. Такимъ образомъ, не отражая нападенія фиска съ фронта, они просто уклонились отъ него, сдѣлавъ это нападеніе почти безвреднымъ. Въ Шампани, гдѣ „сумма подушныхъ достигала до 1.500.000 ливровъ, дворяне уплачивали не болѣе 14.000 ливровъ“, т. е. „2 су и 2 динарія за тотъ предметъ, который стоитъ 12 су фунтъ податному“. По словамъ Калонна, „если бы уничтожили концессіи и привилегіи, то налоги приносили бы вдвое бо̀льшую сумму“. Самые богатые защищались наиболѣе ловко. „Съ уполномоченными, говорилъ герцогъ Орлеанскій, я достигаю соглашенія; я приблизительно плачу сколько хочу“, и онъ высчитывалъ, что провинціальныя власти, обложивъ его чрезмѣрнымъ налогомъ, заставили потерять его 300.000 ливровъ дохода. Доказано, что принцы крови платили 188.000 ливровъ, вмѣсто 240.000. Собственно, при томъ строѣ, освобожденіе отъ налоговъ, есть послѣдній обрывокъ верховной власти или, покрайней мѣрѣ, независимости. Привилегированной уклоняется отъ налога не только потому, что онъ отнимаетъ у него часть денегъ, но также потому, что онъ унижаетъ его; налогъ является отличительнымъ признакомъ разночинца, т. д. древней сервитуды, и потому дворянинъ противится фиску столько же изъ гордости, сколько и ради собственнаго интереса.

IV.

Послѣдуемъ за привелигированнымъ въ его владѣнія. Епископъ, аббатъ, кананикъ, аббатисса,—каждый изъ нихъ имѣетъ свое владѣніе, какъ и свѣтскій помѣщикъ; такъ какъ прежде монастырь

*) Токвиль. «L'ancien Régime et la Révolution».

и церковь были маленькими государствами, подобно графству или герцогству.

Оставшаяся нетронутой по ту сторону Рейна и почти уничтоженная во Франціи, феодальная постройка позволяетъ различать одинъ и тотъ же планъ повсюду. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лучше укрытыхъ или менѣе подвергавшихся нападеніямъ, она сохранила всю свою старинную внѣшность. Въ Кагорѣ, епископъ-графъ города имѣетъ право, когда онъ совершаетъ торжественное богослуженіе, „положитъ на алтарь шлемъ, кирассу, перчатки и шпагу". Въ Безансонѣ архіепископъ-князь имѣетъ въ своей свитѣ шесть высокихъ должностныхъ лицъ, которые должны платить ему ленъ, присутствовать при его посвященіи и при его похоронахъ. Въ Мандэ, епископъ, сюзеренный владѣлецъ Жеводанъ, съ одиннадцатаго столѣтія избираетъ „совѣтниковъ аппеляціонныхъ судей, коммиссаровъ и синдиковъ страны", распоряжается всѣми должностями „какъ муниципальными, такъ и юридическими" и отказываясь пріѣхать на собраніе трехъ орденовъ, „отвѣчаетъ, что его положеніе, его владѣнія и его рангъ ставятъ его превыше всѣхъ мелочей его епархіи и онъ не можетъ предсѣдательствовать лично, такъ какъ, будучи сюзереннымъ владѣтелемъ всѣхъ земель и въ частности баронствъ, онъ не можетъ идти на уступки своимъ вассаламъ", однимъ словомъ, что онъ король въ своей провинціи. Въ Ремирмонѣ благородный глава канониковъ распоряжается „нижнимъ, верхнимъ и среднимъ судомъ въ пятидесяти двухъ помѣстьяхъ", является представителемъ семидесяти пяти деревенскхъ священниковъ, предсѣдательствуетъ въ десяти мужскихъ канониката́хъ, назначаетъ въ городѣ муниципальныхъ властей, кромѣ того, назначаетъ трехъ судей первой инстанціи и аппеляціоннаго суда и мѣстныхъ чиновниковъ. Тридцать два епископа, не считая монастырскихъ главъ, также представляютъ свѣтскую власть, цѣликомъ или отчасти, въ своемъ епископскомъ городѣ, иногда и въ прилежащемъ округѣ, иногда же, какъ напримѣръ, епископъ Сенъ-Кло, во всей провинціи. Здѣсь феодальная твердыня сохранена во всей неприкосновенности; въ другихъ мѣстахъ она нѣсколько измѣнена, особенно въ удѣлахъ. Въ этихъ владѣніяхъ, охватывающихъ болѣе двѣнадцати нашихъ департаментовъ, принцы крови назначаютъ лицъ на судейскія должности и на доходныя мѣста. Заступая короля, они имѣютъ свои права какъ матеріальныя, такъ и почетныя. Они почти короли, такъ какъ получаютъ не только все, что получилъ бы король какъ владѣлецъ, но еще и часть того, что получилъ бы онъ какъ монархъ. Напримѣръ, Орлеанскій домъ имѣетъ право облагать налогомъ напитки, золотыя и серебряныя издѣлія, желѣзное и стальное производство, карты, бумагу, крахмалъ, однимъ словомъ, всѣ предметы торговли, которые болѣе всего увеличиваютъ сумму косвенныхъ налоговъ. Ничего поэтому нѣтъ удивительнаго, если находясь почти въ королевскихъ условіяхъ жизни, они подобно королямъ, имѣютъ совѣтъ, канцлера, дворъ, домашній церемоніалъ, и если феодальный строй облекается подъ ихъ руками въ роскошныя одежды.

Перейдемъ къ менѣе значительнымъ лицамъ, къ помѣщику

средней руки, въ его имѣніе, въ среду тысячи жителей, которые нѣкогда были его рабами, къ дворянину, живущему по сосѣдству съ монастыремъ или епископомъ и права котораго переплетены съ ихъ правами. Какъ бы не унижали его достоинства, онъ всетаки стоитъ довольно высоко. Онъ все еще, какъ говорятъ интенданты, „первый житель"; это князь, котораго мало-по-малу лишили его общественныхъ обязанностей и урѣзали въ почетныхъ и матеріальныхъ правахъ, но который остался княземъ. Въ церкви у него своя скамья и онъ имѣетъ право быть похороненнымъ на клиросѣ; на стѣнахъ красуются его гербы; ему воскуриваютъ ѳиміамъ и подаютъ святую воду. Иногда, будучи основателемъ и строителемъ церкви онъ становится ея патрономъ, избираетъ кюрэ, требуетъ отъ него полнаго себѣ повиновенія,—въ деревняхъ по его фантазіи служатъ позже или раньше приходскія обѣдни. Если онъ носитъ какой-нибудь титулъ, то является главнымъ судьей, и есть цѣлыя провинціи, какъ, напримѣръ, Мэнъ и Анжу, гдѣ нѣтъ лена безъ своего суда. Въ такихъ случаяхъ онъ назначаетъ уѣзднаго судью, актуаріуса и другихъ законниковъ, прокуроровъ, нотаріусовъ, сержантовъ, приставовъ, которые дѣйствуютъ и судятъ отъ его имени, разбирая въ первой инстанціи какъ гражданскія, такъ и уголовныя дѣла. Болѣе того, онъ утверждаетъ особый судъ за лѣсныя преступленія и назначаетъ штрафы, которые взыскиваетъ лѣсной судья. Для преступниковъ разнаго рода у него есть своя тюрьма и даже иногда висѣлица. Съ другой стороны, въ возмѣщеніе расходовъ по судопроизводству, онъ получаетъ имущество человѣка приговореннаго къ смерти и къ конфискаціи въ его владѣніяхъ; онъ наслѣдуетъ побочному члену фамиліи умершему безъ духовнаго завѣщанія и не имѣвшаго законныхъ дѣтей; онъ наслѣдуетъ мѣстному урожецу, законнорожденному, но умершему не оставивъ законныхъ наслѣдниковъ и духовнаго завѣщанія; онъ присваиваетъ движимое имущество, живой и мертвый инвентарь, владѣлецъ котораго неизвѣстенъ; онъ оставляетъ въ свою пользу треть или половину находки и на берегу онъ беретъ себѣ имущество потерпѣвшихъ крушеніе; наконецъ, что случается очень нерѣдко въ эту эпоху нищеты, онъ становится владѣльцемъ покинутыхъ земель, которыя не обрабатывались въ теченіе десяти лѣтъ.

Другія преимущества еще яснѣе указываютъ, что нѣкогда онъ управлялъ всѣмъ кантономъ. Таковы, напримѣръ, въ Оверни, во Фландріи, въ Гэно, въ Артуа, въ Пикардіи, въ Альзасѣ и въ Лоррэнѣ налоги за заботу, которыя уплачиваютъ ему за охрану жителей; налоги за стражу; пошлина, которую онъ беретъ съ людей торгующихъ пивомъ, виномъ и другими напитками въ розницу и оптомъ; сборы деньгами или зерномъ, которые уплачиваются ему, съ каждаго дыма, семьи или дома; кромѣ того, почти повсемѣстно въ его пользу установленъ налогъ на продажу и покупку земель, а также на каждую аренду, превышающую девять лѣтъ. Все это настоящіе налоги, — земельные, на движимую собственность, на договоры, на наслѣдства, установленные когда-то въ виду общественныхъ услугъ, оказываемыхъ дворяниномъ и отъ которыхъ онъ освобожденъ въ настоящее время.

Другіе доходы тоже не что иное, какъ древніе налоги, по за нихъ онъ несетъ извѣстныя обязанности. Правда, король уничтожилъ многіе изъ поборовъ, и продолжаетъ уничтожать, но все же остается еще много приносящихъ доходы помѣщику, таковы налоги на мосты, на дороги, на пруды, на суда, которыя поднимаются или спускаются по рѣкѣ. За починку мостовъ, дорогъ и пр. они получаютъ въ общемъ налоговъ на девяносто тысячъ ливровъ. Точно также за содержаніе рыночнаго барака и за даровое пользованіе вѣсами и мѣрами, помѣщикъ устанавливаетъ налогъ на товары, привозимые къ нему на ярмарку или на рынокъ: въ Ангулемѣ уплачивается сорокъ восьмая часть проданнаго зерна, въ Конбургѣ, близъ Сэнъ-Мало, съ головы скота, въ другихъ мѣстахъ съ количества проданнаго вина, съѣстныхъ припасовъ и рыбы. Построивъ доменную печь давильню для винограда, мельницу, бойню, онъ обязываетъ жителей пользоваться ими и платить ему и при этомъ уничтожаетъ постройки, которыя конкурируютъ съ нимъ. Ясно, что эти монополіи и пошлины восходятъ къ тому времени, когда онъ имѣлъ абсолютную власть.

Онъ не только имѣлъ власть, но владѣлъ людьми и землею. Во многихъ отношеніяхъ онъ является собственникокъ людей и теперь въ нѣкоторыхъ провинціяхъ. „Въ Шампаньи, въ Сенонэ, въ Маршѣ, въ Бублоннэ, въ Пивернэ, въ Бургундіи, Франшъ-Контэ — почти повсемѣстно имѣются слѣды бывшаго рабства. Тамъ можно встрѣтить большое число рабовъ ставшихъ, либо по собственному желанію или по желанію ихъ господъ“. Тамъ человѣкъ является рабомъ иногда въ силу рожденія, иногда изъ-за земли. Разные, крѣпостные крестьяне въ количествѣ полутора милліона людей, носятъ на шеѣ обрывокъ феодальнаго ига; въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ по ту сторону Рейна его носятъ почти всѣ крестьяне. Нѣкогда полный властитель и собственникъ ихъ имущества и работы, помѣщикъ еще и теперь можетъ требовать отъ нихъ десять или двѣнадцать дней барщины въ годъ и ежегодной подушной. Въ баронствѣ Шуазель близъ Шомана въ Шампаньи, „жители обязаныя обрабатывать его поля, засѣвать ихъ, собирать жатву и убирать зерно; каждый кусокъ земли, каждый домъ, каждая голова скота оплачиваются налогомъ; дѣти наслѣдуютъ родителямъ только въ томъ случаѣ, если живутъ съ ними; если же они отсутствуютъ во время смерти, то все наслѣдство переходитъ владѣльцу“. Вотъ что на современномъ языкѣ называлось помѣстьемъ „съ хорошими доходами“.

Въ другихъ мѣстахъ помѣщикъ получалъ наслѣдство вмѣсто братьевъ и племянниковъ, если тѣ не принадлежали къ одной общинѣ съ покойнымъ въ моментъ его смерти, переходъ же изъ общины въ общину дѣлается лишь съ его разрѣшенія. Въ Жюре и Кеверне онъ можетъ преслѣдовать бѣжавшихъ рабовъ и присваивать послѣ ихъ смерти все оставленное имущество Въ Сенъ-Клодѣ онъ пріобрѣтаетъ это право на каждаго, кто провелъ годъ и одинъ день въ чертѣ его владѣній.

Что касается собственности земли, то тутъ еще яснѣе видно, что прежде она принадлежала ему вся. Въ округѣ, подчиненномъ

его юрисдикціи, общественныя владѣнія остаются его частнымъ владѣніемъ; дороги, улицы и общественныя площади принадлежатъ ему. Онъ имѣетъ право усаживать ихъ деревьями и вырубать находящіяся тамъ деревья. Во многихъ провинціяхъ онъ заставляетъ платить населеніе за разрѣшеніе пасти ихъ скотъ, въ поляхъ послѣ снятія урожая и въ разныхъ пустошахъ. Рѣчки не судоходныя принадлежатъ ему вмѣстѣ съ островками и отмелями, имѣющимися на нихъ, а также рыбой. Онъ имѣетъ право охотиться на всемъ пространствѣ своей юридикціи, такъ что бывали случаи, что другой помѣщикъ бывалъ припужденъ открывать ему ворота своего парка обнесеннаго оградой.

Для полноты картины сдѣлаемъ еще одинъ штрихъ. Этотъ глава государства, собственникъ людей и земли, былъ нѣкогда воздѣлывателемъ земли, живущимъ среди другихъ, подвластныхъ ему землепашцевъ; благодаря этому онъ оставилъ за собой нѣкоторыя преимущества эксплоатаціи. Таково, напримѣръ, право продажи вина, еще очень распространенное, въ силу котораго онъ имѣетъ привилегію продавать вино единолично, въ продолженіе первыхъ сорока или тридцати дней послѣ сбора винограда. Въ Туренѣ, онъ имѣетъ право посылать пастись свои стада на луга своихъ подданныхъ. Такова, наконецъ, монополія, на основаніи которой тысячи его голубей могутъ свободно летать повсюду, собирая себѣ кормъ и которыхъ никто не смѣетъ тронуть пальцемъ.

Благодаря все тому же званію землевладѣльца, онъ собираетъ дань со всѣхъ земель, которыя были имъ отданы когда-то въ вѣчную аренду, дѣлая поборы деньгами и натурой, столь же разнообразные, сколько разнообразны мѣстныя условія. Въ Бурбонэ онъ получаетъ четверть жатвы; въ Берри двѣнадцать колосьевъ со ста; иногда его должникомъ или жильцомъ является цѣлая община; нѣкій депутатъ изъ національнаго собранія получалъ двѣсти бочекъ вина съ трехъ тысячъ частныхъ владѣній. Въ другихъ мѣстахъ онъ могъ „удержать за собою все проданное помѣстье, съ возвращеніемъ платы пріобрѣтателю, но за удержаніемъ въ свою пользу налога за совершеніе купчей крѣпости".

Замѣтьте, наконецъ, что всѣ эти подчиненія собственности образуютъ для владѣльца положеніе привилегированнаго кредитора, налагающаго на своихъ подданныхъ недѣлимый неоплатный долгъ. Вотъ феодальныя права: чтобы представить ихъ въ одной общей картинѣ станемъ изображать всегда графа, епископа или аббата X вѣка, властелина и собственника своего кантона. Форма, въ которую выливается тогдашнее человѣческое общество, построена подъ давленіемъ безпрестанной и близкой опасности, въ виду защиты мѣстности, вслѣдствіе подчиненности всѣхъ интересовъ, необходимости жить, желанія сохранить за собою землю, прикрѣпившись къ этой землѣ. Исчезла эта опасность, распалась и постройка. За плату владѣльцы позволили бережливому крестьянину воспользоваться нѣсколькими ея камнями. Они пострадали также оттого, что король присвоилъ себѣ общественную часть. Остается первобытный устой, древній фундаментъ собственности, земля предназначенная или уже исчерпанная на поддержку со-

ціальнаго строя, который распался, однимъ словомъ. порядокъ привилегій подчиненности, причина и объектъ которыхъ исчезли.

V.

Этого всего недостаточно, чтобы признать подобный порядокъ вреднымъ или даже безполезнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, вождь не несущій больше своей прежней службы, можетъ исполнять другія обязанности. Назначенный для войны, когда жизнь была военной, онъ можетъ служить для мира въ мирное время и для народа; подобное измѣненіе имѣетъ огромное преимущество, такъ какъ, сохраняя своихъ вождей, устраняется опасность, которая состоитъ въ избраніи новыхъ.

Нѣтъ ничего болѣе труднаго какъ создать правительство, я говорю о правительствѣ постоянномъ, которое состоитъ въ томъ, что нѣсколько приказываютъ, а нѣсколько повинуются, т. е. о совершенно противоестественномъ порядкѣ вещей. Чтобы человѣкъ, сидя въ своемъ кабинетѣ, иногда дряхлый старикъ, располагалъ имуществомъ и жизнью двадцати или тридцати милліоновъ людей, большинство которыхъ его никогда не видали; чтобы онъ приказывалъ имъ вносить десятую или пятую часть дохода, и чтобы они вносили; чтобы онъ приказывалъ имъ идти убивать другихъ или подвергать свою жизнь опасности, и чтобы они шли; чтобы они продолжали такой образъ дѣйствія десять или двадцать лѣтъ, несмотря на всѣ испытанія, пораженія, несчастія какъ французы при Людовикѣ XIV, англичане при Питтѣ, пруссаки при Фридрихѣ V, безъ волненій и внутреннихъ возстаній: вотъ истинное чудо и если народъ желаетъ оставаться независимымъ, онъ долженъ быть готовъ повторять такое чудо каждый день. Но эта преданность, это согласіе не являются плодами разсуждающаго разума; разумъ слишкомъ слабъ, слишкомъ нерѣшителенъ, чтобы породить подобный энергичный результатъ. Предоставленное самому себѣ и низведенное сразу къ первобытному состоянію, человѣческое стадо не знало бы, какъ поступить, и толклось бы безъ толку, пока, наконецъ, чистая сила не взяла бы верхъ, какъ въ варварскія времена, и среди шума и криковъ не появился бы военный вождь, который почти всегда былъ палачемъ. Въ дѣлѣ исторіи лучше продолжать, чѣмъ начинать все сызнова. Вотъ почему, въ особенности когда большинство некультурно, полезно, чтобы вожди назначались впередъ по наслѣдственному обычаю и по спеціальному воспитанію. Въ такомъ случаѣ народу не приходится ихъ искать. Онъ на лицо въ каждомъ кантонѣ, ихъ всѣ видятъ, всѣ признаютъ; ихъ узнаютъ по ихъ имени, по ихъ титулу, по состоянію, по образу жизни, ихъ власть уважаютъ всѣ. Власть эту въ большинствѣ случаевъ они уже заслужили; рожденные и воспитанные, чтобы проявлять ее, они находятъ въ традиціяхъ, въ примѣрѣ и семейной гордости предшественниковъ, то, что воспитываетъ въ нихъ духъ общественности; нуженъ лишь случай, чтобы они поняли обязанности, налагаемыя на нихъ ихъ прерогативой. Таково обновленіе вносимое феодальнымъ строемъ. Та-

кимъ образомъ бывшій вождь все еще можетъ сохранять за собою свое старшинство, благодаря оказываемымъ услугамъ и оставаться популярнымъ, не теряя своихъ привилегій. Нѣкогда бывшій начальникомъ округа, его охранителемъ, онъ долженъ теперь превратиться въ помѣщика, благодѣтеля своего края, добровольнымъ покровителемъ всѣхъ полезныхъ предпріятій, обязательнымъ попечителемъ бѣдныхъ, администраторомъ и безплатнымъ судье кантона, депутатомъ у короля, т. е. опять таки защитникомъ, какъ въ древности, только поставленный въ другія условія, пріуроченныя къ новымъ обстоятельствамъ. Мѣстный администраторъ, представитель въ центрѣ, вотъ его двѣ главныя функціи, и если обратиться въ другія страны, то можно увидѣть, что онъ исполняетъ то или другое или же обѣ функціи вмѣстѣ.

ГЛАВА III.

Мѣстныя обязанности, исполняемыя привилегированными лицами.—I. Примѣры въ Германіи и Англіи.—Привилегированныя лица не исполняютъ этихъ обязанностей во Франціи.—II. Помѣщики.—Остатки феодальнаго духа.—Они не жестоки со своими крѣпостными, но не занимаются мѣстнымъ управленіемъ.—Ихъ разобщенность.—Мелочность и посредственность ихъ благополучія.—Ихъ расходы.—Они не въ состояніи возстановить свой прежній престижъ.—Чувства крестьянъ къ ихъ мѣстности.—III. Помѣщики не живущіе въ своихъ владѣніяхъ.—Колоссальность ихъ состоянія и ихъ права.—Имѣя бóльшія преимущества, они должны нести бóльшія обязанности.—Причины ихъ отсутствія.—Вліяніе этого отсутствія.—Апатія въ провинціяхъ.—Состояніе ихъ земель.—Они не творятъ милостыни.—Нищета ихъ крестьянъ.—Требовательность ихъ откупщиковъ.—Ихъ долги.—Состояніе ихъ судовъ.—Вліяніе ихъ права охоты.—Чувства крестьянъ къ ихъ мѣстности.

I.

Разсмотримъ сперва мѣстное управленіе. У воротъ Франціи есть мѣстности, гдѣ феодальная подвластность болѣе тяжелая, чѣмъ во Франціи, кажется болѣе легкой, такъ какъ на другой чашкѣ вѣсовъ благодѣянія перетягиваютъ гири. Въ Мюнстерѣ въ 1809 году Беньо встрѣчаетъ владѣтельнаго епископа, городъ состоящій изъ монастырей и барскихъ домовъ, гдѣ проживаютъ нѣсколько купцовъ, торгующихъ необходимыми товарами, очень небольшое число гражданъ, въ окрестностяхъ же рабы и крестьяне. Владѣтель удерживаетъ для себя часть ихъ производства, а послѣ смерти часть ихъ наслѣдства; если же они уходятъ, ихъ имущество переходитъ къ нему. Его слуги наказываются, какъ простые мужики. Порка является обыкновеннымъ наказаніемъ не считая другихъ болѣе тяжкихъ. Но никогда наказанному не приходила въ голову мысль заявить протестъ или подать въ судъ, такъ какъ владѣтель, наказывающій ихъ, какъ отецъ, въ то же время защищаетъ ихъ какъ отецъ, помогаетъ имъ въ несчастіи и заботится во время ихъ болѣзни; онъ даетъ имъ пріютъ подъ старость, охраняетъ ихъ вдовъ и радуется когда у нихъ много дѣтей; вслѣдствіе этого они не чувствуютъ себя ни несчастными, ни безпомощными; они знаютъ, что въ крайней или непредвидѣнной нуждѣ онъ всегда поможетъ имъ *).

*) Беньо, Мемуары.

Въ прусскихъ штатахъ, въ силу кодекса Фридриха Великаго, обязанности, налагаемыя на феодальныхъ подданныхъ, были еще тяжелѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ были увеличены и обязанности феодальныхъ властителей по отношенію своихъ подданныхъ. Безъ разрѣшенія владѣльца крестьяне не смѣли продать свое поле, заложить его или культивировать иначе; они не смѣли также перемѣнить свою профессію и вступить въ бракъ. Если они покидали помѣстья, онъ могъ преслѣдовать ихъ и привести обратно силою. Онъ имѣлъ право наблюденія надъ ихъ частной жизнью и могъ наказывать ихъ за пьянство и лѣность. Въ юношескіе годы они въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ были у него слугами, впослѣдствіи же несли барщину, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ три дня въ недѣлю. Но по обычаю и по закону онъ долженъ слѣдить за тѣмъ, чтобы они получали образованіе, помогать имъ въ ихъ нуждахъ, предоставлять имъ, насколько это въ его средствахъ, рессурсы къ жизни. Такимъ образомъ на него возложено управленіе, выгодами котораго онъ пользуется, и подъ тяжелой рукой, угнетающей и въ то же время поддерживающей ихъ, живетъ сравнительно благоденствующее населеніе.

Въ Ангіи высшіе классы достигаютъ тѣхъ же результатовъ только другимъ путемъ. Тамъ также страна платитъ еще десятую часть въ пользу духовенства; сквайръ, дворянинъ владѣетъ болѣе обширными землями, чѣмъ его сосѣдъ-французъ, и фактически пользуется большей властью въ своемъ кантонѣ. Но его крестьяне, поселенцы и фермеры — не рабы и даже не вассалы; они свободны. Если онъ управляетъ, то лишь благодаря вліянію, а не приказанію. Къ нему относятся съ уваженіемъ, какъ къ собственнику и хозяину. Лордъ, намѣстникъ, начальникъ милиціи, администраторъ, судья, онъ полезенъ. Въ особенности потому, что отъ отца къ сыну онъ здѣсь живетъ, родился въ этомъ кантонѣ и находится въ непрестанномъ общеніи съ мѣстнымъ населеніемъ, благодаря своимъ дѣламъ, развлеченіямъ, охотѣ, помощи бѣднымъ, благодаря своимъ фермерамъ, которыхъ приглашаетъ къ своему столу, своимъ сосѣдямъ, которыхъ встрѣчаетъ въ комитетѣ или въ vestry. Вотъ какъ поддерживается древняя іерархія: необходимо, чтобы она превратилась изъ военнаго кадра въ кадръ гражданскій и нашла себѣ новое примѣненіе феодальному вождю.

II.

Когда поднимаешься нѣсколько выше въ нашу исторію, то тамъ и сямъ можно встрѣтить подобныхъ же дворянъ. Таковъ былъ герцогъ Сенъ-Симонъ, отецъ писателя, настоящій властелинъ Блэ, уважаемый самимъ королемъ. Таковъ былъ дѣдъ Мирабо. въ своемъ замкѣ Мирабо въ Провансѣ, самый высокомѣрный, самый невозможный изъ всѣхъ людей, „требующій, чтобы офицеры, которыхъ онъ представлялъ въ свой полкъ, были приняты королемъ и министрами“, терпящій ревизоровъ только для формы, но героическій, великодушный, преданный, отдающій свою пенсію шести капитанамъ, раненымъ подъ его командой, защищающій бѣдныхъ, из-

гоняющій изъ своихъ земель прокуроровъ, намѣревавшихся ввести тамъ свою волокиту, „прирожденный защитникъ людей“, даже отъ министровъ и короля. Однажды охранители табачной монополіи остановились у его кюрэ; Мирабо изгналъ ихъ и преслѣдовалъ съ такимъ остервененіемъ, что они съ трудомъ спасли свою жизнь. „Но не довольствуясь этимъ, онъ написалъ письмо, требуя отставки всѣхъ начальниковъ, обѣщая, что въ противномъ случаѣ всѣ служащіе будутъ спущены въ Рону или въ море. Для его успокоенія къ нему пріѣзжалъ самъ директоръ монополіи“. Видя, что его кантонъ не даетъ хорошаго урожая, а его работники лѣнятся, онъ собралъ всѣхъ жителей: мужчинъ, женщинъ, дѣтей и въ отвратительную погоду вышелъ во главѣ ихъ несмотря на своими двадцать семь ранъ, и шею, поддерживаемую серебряной пластинкой и заставилъ за плату работать ихъ, распахивать землю, данную имъ въ аренду на сто лѣтъ, воздвигать огромныя стѣны и усаживать оливами каменистую скалу. „Никто не смѣлъ ни подъ какимъ предлогомъ уклоняться отъ работъ, если не былъ боленъ, и никто никогда не осмѣлился его обмануть“. Это послѣдніе пни древности, узловатые, дикіе. Ихъ можно было встрѣтить еще въ отдаленныхъ кантонахъ, въ Бретани, въ Овернѣ, и я увѣренъ, что при надобности ихъ крестьяне пойдутъ за ними какъ изъ уваженія, такъ и изъ страха. Сила сердца и плоти порождаетъ и сильныхъ наслѣдниковъ, а изобиліе энергіи, проявляющееся вначалѣ въ насиліяхъ, переходитъ въ благодѣяніе.

Менѣе независимая и менѣе строгая родительская власть остается если не въ законѣ, то въ нравахъ. Въ Бретани близъ Трегюйэ и Ланніана, говоритъ уѣздный судья Мирабо, „весь главный штабъ береговой охраны состоитъ изъ родовитыхъ важныхъ людей. Я не разу не видѣлъ, чтобы кто-нибудь изъ нихъ вспылилъ на солдата крестьянина и въ то же время со стороны послѣднихъ всегда чувствовалось сыновнее уваженіе... Это настоящій земной рай нравовъ, простота, истинное патріархальное величіе: крестьяне, которые относятся къ своимъ владѣльцамъ, какъ нѣжные сыновья къ своему отцу, господа, которые говорятъ на своемъ грубомъ языкѣ съ крестьянами, улыбаясь въ то же время;—здѣсь видна взаимная любовь между хозяевами и слугами.

Болѣе къ югу въ Бокажѣ, въ странѣ земледѣльческой, бездорожной, гдѣ дамы путешествуютъ верхомъ или въ каретахъ, запряженныхъ волами, гдѣ у господъ пѣтъ фермеровъ, но двадцать пять или тридцать мелкихъ поселенцевъ, первородство господъ не угнетаетъ низкорожденныхъ. Можно жить вмѣстѣ, когда живешь вмѣстѣ съ перваго дня рожденья до самой смерти, по семейному, съ общими интересами, съ общими занятіями и удовольствіями, Такъ живутъ солдаты съ ихъ офицерами во время походовъ, въ палаткѣ и товарищескія отношенія нисколько не вредятъ уваженію. Помѣщикъ часто навѣщаетъ ихъ въ ихъ хижинахъ, разговариваетъ съ ними объ ихъ дѣлахъ, объ уходѣ за скотомъ, принимаетъ участіе въ ихъ семейныхъ радостяхъ и горѣ, которыя отзываются такъ же и на немъ. Онъ бываетъ на свадьбахъ у ихъ дѣтей и пьетъ съ гостями. По воскресеньямъ на дворѣ замка устраиваются танцы.

Когда онъ охотится за волкомъ или оленемъ, священникъ объявляетъ объ этомъ съ каѳедры, крестьяне радостно собираются въ означенное мѣсто, встрѣчаютъ помѣщика, который разставляетъ ихъ по мѣстамъ, и всѣ до единаго соблюдаютъ его приказанія: вотъ солдаты и ихъ командиръ. Позднѣе они сами выберутъ его въ начальники національной гвардіи, въ мэры общины, въ вождя возстанія и въ 1792 году приходскіе стрѣлки пойдутъ во главѣ съ нимъ противъ правительственныхъ войскъ, подобно тому какъ теперь идутъ противъ волка.

Таковы послѣдніе остатки стараго феодальнаго духа, напоминающіе вершины горъ, поглощеннаго водной стихіей континента. До Людовика XIV такое положеніе было по всей Франціи. „Провинціальное дворянство прежнихъ временъ, говоритъ маркизъ Мирабо, пило слишкомъ долго, дремало въ старинныхъ креслахъ, ѣздило верхомъ на охоту, съ самаго утра, собиралось въ день Св. Губерта и расходилось только послѣ Св. Мартина... Это дворянство вело веселую и добровольно грубую жизнь, дешево обходилось государству и давало ему больше обработкой своихъ полей, чѣмъ даемъ въ настоящее время мы своими изысканіями... Всѣ знаютъ какъ велика была привычка и, такъ сказать, манія подносить подарки своимъ господамъ. Въ мое время эта привычка прекратилась почти повсюду... Помѣщики больше были ненужны своимъ крестьянамъ, поэтому они были забыты, точно такъ же, какъ забыли сами... Никто не признавалъ больше помѣщика на его землѣ, поэтому его всѣ грабили. Повсюду, за исключеніемъ укромныхъ уголковъ, взаимная любовь и союзъ двухъ классовъ исчезъ. Пастухъ отдѣлился отъ стада и пастыри народа стали считаться паразитами.

Послѣдуемъ за ними сначала въ провинціи. Здѣсь живетъ только мелкое дворянство и часть средняго; остальное въ Парижѣ. То же самое произошло и съ духовенствомъ: аббаты, епископы и архіепископы не живутъ въ своихъ резиденціяхъ, викаріи и каноники находятся въ большихъ городахъ; въ деревняхъ остались только пріоры и приходскіе священники; по обыкновенію весь главный штабъ духовенства и свѣтскаго начальства находится въ отсутствіи, живущіе же на мѣстахъ исполняютъ второстепенныя или третьестепенныя функціи.

Какъ живутъ они съ крестьянами? Достовѣрно лишь одно, что чаще всего они не обращаются съ ними ни жестоко, ни индифферентно. Отдѣленные отъ нихъ рангомъ, они не отдѣлены пространствомъ; сосѣдство же уже само по себѣ является связью между людьми. Я читалъ, но никогда не встрѣчалъ въ нихъ деревенскихъ тирановъ, которыхъ описываютъ декламаторы революціи. Высокомѣрные въ обращеніи съ гражданами, они обыкновенно добродушно относятся къ крестьянамъ.

„Если проѣхать по провинціямъ,—говоритъ одинъ современный адвокатъ,—по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ живутъ помѣщики, то изъ ста врядъ ли можно найти одного или двухъ, которые являются тиранами для своихъ подданныхъ; всѣ же остальные терпѣливо дѣлятъ общую нищету. Они ожидаютъ сборщиковъ, вносятъ имъ на-

логи. Они укрощаютъ и умѣряютъ иногда слишкомъ жестокія преслѣдованія откупщиковъ, управителей, дѣльцовъ".

Одна англичанка, видѣвшая ихъ въ Провансѣ послѣ революціи, говоритъ, что ихи ненавидѣли въ Эксѣ и очень любили въ ихъ помѣстьяхъ. „Въ то время какъ передъ первыми гражданами они проходили, поднявъ высоко голову, придавъ своему лицу выраженіе пренебреженія, крестьянамъ они кланялись чрезвычайно вѣжливо". Одинъ изъ нихъ раздаетъ дѣтямъ, женщинамъ, старикамъ своего владѣнія ленъ и пряжу для занятія въ холодное время года и въ концѣ года выдаетъ премію въ сто фунтовъ за два лучшихъ куска полотна. Во многихъ случаяхъ крестьяне добровольно отдаютъ его земли за покупную цѣну.

Вокругъ Парижа, близъ Ромэнвиля, послѣ ужасной бури 1788 года, помѣщики щедрой рукой раздаютъ милостыню: „Очень богатый человѣкъ немедленно жертвуетъ сорокъ тысячъ франковъ окружающимъ его несчастнымъ"; во время холодой зимы въ Альзасѣ, въ Парижѣ подаютъ всѣ: „передъ каждымъ отелемъ извѣстной семьи горитъ большой костеръ, куда день и ночь бѣдные приходятъ грѣться. Въ дѣлѣ милостыни провинціальные монахи, являющіеся свидѣтелями общественнаго несчастія, остаются вѣрными духу своего учрежденія. При рожденіи дофина августинцы Монморильона въ Пуату заплатили изъ собственныхъ средствъ подушную за девятнадцать бѣдныхъ семей. Въ 1881 году въ Провансѣ доминиканскіе монахи Сенъ-Максимэна давали пищу въ своемъ округѣ, гдѣ ураганъ опустошилъ всѣ виноградники и испортилъ оливковыя деревья. „Шартрскіе монахи въ Парижѣ раздаютъ бѣднымъ 1.800 фунтовъ хлѣба еженедѣльно. Въ продолженіе зимы 1784 г. монашескіе ордены увеличили милостыню; ихъ сборщики раздавали вспоможеніе бѣднымъ жителямъ деревень и, чтобы удовлетворить этимъ чрезвычайнымъ нуждамъ, многія общины должны были еще больше умѣрить свои потребности". Когда въ концѣ 1789 года поднялся вопросъ объ ихъ уничтоженіи, я встрѣчаю въ ихъ пользу большое число заявленій написанныхъ муниципальными чиновниками, потабелями, массой жителей, ремесленниковъ, крестьянъ и эти столбцы деревенскихъ подписей постинѣ краснорѣчивы. Семьсотъ семей изъ Като-Камбрези подаютъ прошеніе о сохраненіи почтенныхъ монаховъ и аббатовъ, аббатства Сентъ-Андре, ихъ отцовъ и благодѣтелей, питавшихъ ихъ во время града обитія". Жители Сенъ-Савена въ Пиринеяхъ „страдаютъ со слезами жалости и горя при мысли, что будетъ уничтожено ихъ аббатство бенедиктинскихъ монаховъ, единственное благотворительное учрежденіе въ ихъ бѣдной странѣ. Въ Сьерке близъ Теонвиля, „шартрскій монастырь, пишутъ нотабели, является во всѣхъ отношеніяхъ Божіей помощью для насъ, такъ какъ является главнымъ источникомъ пропитанія отъ 1.200 до 1.500 лицъ, приходящихъ туда ежедневно. Въ этотъ годъ монахи роздали имъ изъ собственныхъ запасовъ по шестнадцати фунтовъ зерна на домъ". Каноники Домьевра, въ Лотарингіи, кормятъ шестьдесятъ бѣдныхъ два раза въ недѣлю; „ихъ слѣдуетъ оставить, говоритъ прошеніе, „изъ жалости и состраданія къ бѣдному народу, нужда котораго превосхо-

дитъ всякое воображеніе; гдѣ нѣтъ монастырей и канониковъ, тамъ бѣдные взываютъ къ милосердію". Въ Мутье-Сенъ-Жанъ, близъ Семюра, въ Бургундіи, бенедиктинцы изъ Сенъ-Мора поддерживаютъ всю деревню и кормили жителей цѣлый годъ въ своей трапезной. Близъ Морлея, въ Барроа, аббатство Овей, ордена Сито, всегда было для всѣхъ сосѣднихъ деревень благотворительнымъ учрежденіемъ. Въ Эрво-Пуату муниципальные чиновники, полковникъ національной гвардіи и большое число жителей просятъ сохранить канониковъ Св. Августина. „Ихъ существованіе,—говорится въ петиціи,—положительно необходимо какъ для нашего города, такъ и для деревень, и ихъ уничтоженіе явилось бы для насъ неисправимой потерей". Муниципалитетъ и постоянный совѣтъ Суасона пишутъ, что домъ Св. Іоанна въ Виноградникахъ „всегда спѣшилъ помочь общественному горю. Онъ во время безпорядковъ принималъ безпріютныхъ гражданъ и давалъ имъ пропитаніе. Онъ несъ всѣ расходы по устройству выборовъ депутатовъ въ національное собраніе. Онъ же въ настоящее время даетъ помѣщеніе ротѣ Армоньякскаго полка. Онъ всюду, гдѣ требуется самопожертвованіе".

Въ двадцати мѣстахъ заявляется, что монахи—отцы бѣднымъ. Въ Оксерской епархіи лѣтомъ въ 1789 году бернардинцы изъ Риньи „лишились всего имущества, помогая жителямъ сосѣднихъ деревень: хлѣбъ, зерно, деньги, все было отдано приблизительно двумъстамъ человѣкъ, которые въ продолженіе шести недѣль ежедневно приходили къ ихъ дверямъ... Займы, авансы у откупщиковъ, кредитъ у поставщиковъ дома, все было использовано лишь бы облегчить участь народа".

Я опускаю много другихъ не менѣе характерныхъ чертъ; видно, что духовныя или свѣтскія особы не были простыми эгоистами, когда жили въ своихъ имѣніяхъ. Человѣкъ сочувствуетъ несчастью, когда является очевидцемъ; для уменьшенія впечатлѣнія нужно находиться въ отсутствіи; сердце сочувствуетъ, когда горе народится передъ глазами. Кромѣ того, дружба сопутствуетъ симпатіи; нельзя оставаться равнодушнымъ при видѣ горя бѣдняка, съ которымъ въ продолженіе двадцати лѣтъ здоровался мимоходомъ, котораго знаешь жизнь, который не представляется въ воображеніи абстрактной единицей, статистической цифрой, но является страждущей душой. Тѣмъ болѣе, что послѣ выхода въ свѣтъ сочиненій Руссо и экономистовъ вѣяніе гуманности, съ каждымъ днемъ усиливающееся и превращающееся въ универсальное, смягчило сердца. Отнынѣ о бѣдныхъ думаютъ и даже считаютъ честью думать о нихъ. Стоитъ только прочесть тетради генеральныхъ штатовъ, чтобы увидѣть, что изъ Парижа филантропическое вѣяніе распространилось до провинціальныхъ замковъ и аббатствъ. Я убѣжденъ, что, за исключеніемъ затворниковъ, охотниковъ и пьяницъ, увлеченныхъ тѣлесными упражненіями на путь чисто животной жизни, большинство помѣщиковъ походили, въ стремленіи или на дѣлѣ, на дворянъ, которыхъ выводилъ на сцену Мармонтель въ своихъ нравственныхъ сказкахъ; мода требовала отъ нихъ такихъ же поступковъ, а во Франціи всегда слѣдуютъ модѣ. Въ ихъ характерѣ

нѣтъ ничего феодальнаго, это люди „чувствительные, кроткіе, очень вѣжливые, довольно образованные, поклонники общихъ мѣстъ и которые возбуждаются легко, живо, охотно, подобное любезному резонеру маркизу Ферьеръ, депутату отъ Сомюра, въ національномъ собраніи, автора сочиненія „О деизмѣ", нравственнаго романа, благожелательныхъ мемуаровъ; который больше всего удалился отъ стариннаго деспотическаго темперамента. Они охотно бы облегчили участь народа и сами обращаются съ нимъ насколько возможно лучше. Если они приносятъ вредъ, то не потому, что они злы; зло происходитъ отъ ихъ положенія, но не отъ характера. Въ самомъ дѣлѣ, ихъ положеніе даетъ имъ права, но не даетъ обязанностей, запрещаетъ имъ нести общественную службу, оказывать полезное вліяніе, т. е. все то, чѣмъ они могли бы оправдать свои преимущества и завоевать симпатіи крестьянъ.

Но на этой почвѣ центральное правительство заняло ихъ мѣсто. Уже съ давнихъ поръ они не могутъ бороться съ интендантомъ и слишкомъ безсильны, чтобы защитить свой приходъ. Двадцать дворянъ не могутъ собраться для обсужденія какого-либо вопроса безъ спеціальнаго разрѣшенія короля. Если во Франшъ-Конте они собирались разъ въ годъ прослушать вмѣстѣ мессу и пообѣдать, то лишь по терпимости, но даже и это невинное собраніе происходило всегда въ присутствіи чиновника короля.

Отдѣленный отъ равныхъ себѣ, дворянинъ былъ отдѣленъ также и отъ низшаго класса. Управленіе деревней не касалось его, онъ не наблюдалъ ни за внесеніемъ налоговъ, ни за составомъ милиціи; ремонтъ церкви, собраніе и предсѣдательствованіе въ приходскихъ совѣтахъ, устройство дорогъ, учрежденіе благотворительныхъ мастерскихъ, все это дѣло интенданта или коммунальныхъ чиновниковъ, которыхъ интендантъ назначаетъ и надъ которыми имѣетъ надзоръ. Такимъ образомъ дворянинъ совершенно не участвуетъ въ общественныхъ дѣлахъ. Если бы случайно онъ захотѣлъ оффиціально вмѣшаться и сталъ бы говорить отъ имени общины, королевскія канцеляріи живо заставили бы его замолчать. Начиная съ Людовика XIV, все законодательство, административная дѣятельность были направлены противъ помѣщиковъ, съ цѣлью отнять отъ нихъ плодотворныя функціи, оставивъ имъ лишь голое званіе. Благодаря этому разногласію между обязанностью и званіемъ, онъ, становясь безполезнѣе, начиналъ больше гордиться. Его самолюбіе, не имѣя возможности быть удовлетвореннымъ на широкой дѣятельности, обратилось на мелочи; отнынѣ онъ добивается внѣшнихъ знаковъ почтенія, а не вліянія, и стремится первенствовать, но не управлять *). Въ самомъ дѣлѣ, мѣстное управленіе въ рукахъ жалкихъ писакъ превратилось въ рутинное бумажное дѣло и, понятно, не могло не казаться грязнымъ для дворянъ. „Они оскорблялись собственнымъ самолюбіемъ, когда имъ

---

*) Тетради генеральныхъ штатовъ 1789 года. Большое количество тетрадей дворянства требуетъ для дворянъ, мужчинъ и женщинъ, отличительный почетный знакъ, напримѣръ, крестъ или ленту, по которымъ ихъ можно было бы узнавать.

предлагали отдаться этому дѣлу. Устанавливать налоги, устраивать милиціи, скрѣплять акты рабства—дѣло синдика".

Дворянинъ упорствовалъ, уединялся въ своемъ домѣ, предоставляя другимъ заниматься тѣмъ, чѣмъ онъ пренебрегалъ. Не стараясь защищать своихъ крестьянъ, такъ какъ съ трудомъ могъ защищать самого себя и свои привилегіи, онъ стремился лишь къ тому, чтобы уменьшить свои налоги, добиться исключенія своихъ слугъ изъ милиціи, охранить свою особу, свое жилище, своихъ людей, свою охоту и свою рыбную ловлю отъ всеобщей узурпаціи, которая влагала въ руки „монсеньора интенданта" и господъ субделегатовъ всѣ блага и всѣ права. Кромѣ того, нерѣдко онъ бѣденъ, Буиллэ, говоритъ, что всѣ старинныя фамиліи, заключеніемъ двухсотъ или трехсотъ, разорены. Въ Руергѣ многіе живутъ на доходъ, не превышающій пятидесяти и даже двадцати пяти луидоровъ. „Въ Лимузинѣ, говоритъ одинъ интендантъ, въ началѣ вѣка изъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ нельзя насчитать пятнадцати, которые получали бы двадцать тысячъ ливровъ ренты". Въ Берри, около 1754 года, „три четверти умираютъ съ голоду". Въ Франшъ-Конте собраніе, о которомъ мы говорили, являетъ комическое зрѣлище: „послѣ мессы они отправляются къ себѣ по домамъ, одни пѣшкомъ, другіе на своихъ разбитыхъ на ноги россинантахъ. Въ Бретани масса дворянъ находится на фермахъ, занимая всякія низкія должности. Нѣкій Моранде поступилъ управляющимъ въ имѣніе. Нѣкая семья владѣла лишь одной хижиной и о своемъ дворянствѣ могла удостовѣрить однимъ голубемъ; она жила совершенно по крестьянски и питалась сухарями. Другой дворянинъ, вдовецъ„ проводитъ свои дни въ пьянствѣ, живетъ со своими служанками и употребляетъ граматы своего дома на то, что покрываетъ ими горшки съ масломъ". „Всѣ рыцари Шатобріаны,—говоритъ отецъ,—были пьяницы и страстные охотники". Самъ онъ живетъ бѣдно и уныло, имѣя пять слугъ, одну охотничью лошадь и двѣ старыхъ кобылы, „въ замкѣ, гдѣ когда-то проживало до ста дворянъ съ ихъ свитой". Тамъ и сямъ въ мемуарахъ встрѣчаются нѣкоторыя изъ этихъ странныхъ фигуръ, напримѣръ, въ Бургундіи „охотники-дворяне, въ гетрахъ, въ окованныхъ сапогахъ, со старой шпагой подмышкой, испитые, умирающіе съ голода, отказываются работать" *); въ другомъ мѣстѣ: „Г-нъ де-Периньянъ, въ кафтанѣ, въ рыжемъ парикѣ, занимался постоянно починкой стѣнъ и пьянствовалъ съ мѣстнымъ интендантомъ"; приходясь родственникомъ кардиналу Флери, его возвели въ перваго герцога Флерійскаго.

Все способствовало этому упадку: законъ, нравы и прежде всего право старшинства. Учрежденное съ тою цѣлью, чтобы власть не подвергалась раздѣлу, это право разоряетъ дворянъ съ тѣхъ поръ какъ они не имѣютъ власти. „Въ Бретани,—говоритъ Шатобріанъ,—старшіе дворяне брали себѣ двѣ трети имущества, младшіе же дѣлили между собою одну треть отцовскаго наслѣдства. Вслѣдствіе этого младшіе младшихъ доходили быстро до раздѣла одного голубя, одного кролика, одной утки и одной охотничьей собаки. Все

*) „Жизнь моего отца," соч. Ретифа Бретонскаго.

состояніе моего предка не превышало пяти тысячъ ливровъ ренты, изъ которыхъ, старшій изъ его сыновей взялъ себѣ двѣ трети—три тысячи триста ливровъ; для трехъ младшихъ осталась одна тысяча шестьсотъ шестьдесятъ ливровъ. Это уменьшающееся и уничтожающееся состояніе они не умѣютъ и не хотятъ увеличить путемъ торговли, промышленности: это унизило бы высокихъ и могущественныхъ владѣльцевъ одного голубя или одного кролика,—чѣмъ болѣе уменьшается ихъ состояніе, тѣмъ болѣе привязываются они къ своему имени.

Прибавьте къ этому зимнее пребываніе въ городѣ, представленіе ко двору, расходы которые необходимо дѣлать для удовлетворенія тщеславія и для вращенія въ обществѣ, посѣщеніе губернаторовъ и интендантовъ: нужно быть нѣмцемъ или англичаниномъ, чтобы провести скучные, зимніе мѣсяцы въ замкѣ или на своей фермѣ. Поэтому они влѣзаютъ въ долги, нищаютъ, продаютъ по кускамъ свою землю: многіе лишаются всего за исключеніемъ маленькаго дома и своихъ правъ, ценза, права охоты и судопроизводства на территоріи, которая нѣкогда принадлежала имъ. Живя этими правами, они, конечно, стараются утилизировать ихъ даже тогда, когда эти права угнетаютъ другихъ и когда должникъ бѣденъ. Но какъ отказаться имъ отъ налога на зерно и вино, когда это вино и зерно является для нихъ чуть не единственнымъ пропитаніемъ? Какъ освободить крестьянъ отъ налоговъ пятой части, когда это единственныя деньги, которыя они получаютъ? Какъ имъ не быть требовательными, если они нуждаются?

Такимъ образомъ по отношенію къ крестьянину, они становятся въ положеніе простыхъ кредиторовъ; вотъ къ чему сведенъ феодальный режимъ измѣненный монархіей. Я вижу какъ вокругъ замка симпатіи понижаются, зарождается зависть и растетъ ненависть. Удаленный отъ дѣлъ, освобожденный отъ налоговъ, помѣщикъ дѣлается одинокимъ, чуждымъ среди своихъ вассаловъ; его уничтоженная власть и сохраненныя привилегіи ставятъ его въ особенное положеніе. Когда онъ вмѣшивается въ жизнь своихъ вассаловъ то только усиливаетъ общественную нищету. На этой разоренной казной землѣ, онъ появляется для того чтобы отнять часть производства, то извѣстное количество зерна, то столько-то бочекъ вина. Его голуби и его дичь поѣдаютъ урожай. Молоть нужно непремѣнно на его мельницѣ оставляя ему одну шестнадцатую помола. Поле проданное за шестьсотъ ливровъ, даетъ ему доходъ въ сто ливровъ. Наслѣдство брата поступаетъ къ брату только послѣ того какъ онъ возьметъ себѣ сумму равную годовому доходу. Двадцать другихъ налоговъ, имѣвшіе прежде общественную пользу, служатъ теперь только для его прокормленія. Крестьянинъ, какимъ мы его видимъ теперь, жадный до наживы, привыкшій все переносить и все дѣлать чтобы съэкономить или заработать экю, начинаетъ изподлобья бросать гнѣвные взгляды на башенку, въ которой хранятся архивы граматы, ненавистные пергаменты, въ силу которыхъ человѣкъ другого сорта, живущій насчетъ другихъ, всеобщій кредиторъ и получающій плату за то, что

3*

ничего не дѣлаетъ, накладываетъ свою тяжелую руку на земли и на всѣ другія производства. При первомъ случаѣ недовольство прорвется наружу: башенку подожгутъ, а вмѣстѣ съ ней и замокъ.

III.

Еще болѣе печальное зрѣлище представится намъ, когда съ земель, гдѣ проживаютъ помѣщики, мы перейдемъ на земли на которыхъ помѣщики не живутъ. Дворяне или получившіе дворянство, духовные и свѣтскіе, представляютъ собою привилегированныхъ среди привилегированныхъ и образуютъ аристократію въ аристократіи. Въ это число входятъ всѣ могущественныя фамиліи каково бы ни было ихъ происхожденіе и древность рода. Благодаря своему обычному или частому пребыванію въ центрѣ, благодаря своимъ связямъ или взаимнымъ посѣщеніямъ, благодаря ихъ правамъ и ихъ роскоши, а также ихъ огромному значенію, они образуютъ отдѣльную группу и именно они владѣютъ самыми обширными землями первыми сюзеренствами, самыми широкими и самыми полными полномочіями. Придворное дворянство и высшее духовенство, они быть можетъ представляютъ одну тысячную въ каждомъ порядкѣ и ихъ незначительное число выставляетъ съ большимъ рельефомъ колоссальность ихъ преимуществъ. Мы уже видѣли, что удѣлы принцевъ крови составляютъ седьмую часть территоріи; Неккеръ высчитываетъ въ два милліона земельный доходъ, получаемый обоими братьями короля. Владѣнія герцоговъ Бульонскаго, д'Эгильонскаго и нѣкоторыхъ другихъ занимаютъ цѣлыя мили и своей колоссальностью напоминаютъ имѣнія, которыми владѣютъ герцогъ Сутерландскій и герцогъ Бедфордскій въ настоящее время въ Англіи. Только отъ однихъ лѣсовъ и каналовъ герцогъ Орлеанскій, еще до своего брака съ женщиной столь же богатой какъ онъ, извлекалъ около милліона ренты. Такое владѣніе какъ Клермонтуа, принадлежавшее принцу Кондэ, имѣло сорокъ тысячъ жителей: это размѣры германскаго княжества; „кромѣ того всѣ налоги, причитавшіеся съ Клермонтуа, поступали въ пользу его высочества, король не получалъ оттуда рѣшительно ничего".

Естественно, что власть и богатство идутъ вмѣстѣ и чѣмъ больше приноситъ земля, тѣмъ болѣе ея владѣлецъ походитъ на государя. Архіепископъ Камбре, герцогъ Камбре, графъ Камбрезисъ, имѣетъ полную власть надъ страной, которая насчитываетъ семьдесятъ пять тысячъ жителей; онъ избираетъ половину должностныхъ лицъ въ Камбре и всю администрацію Като, онъ назначаетъ аббатовъ въ двухъ большихъ аббатствахъ; предсѣдательствуетъ въ провинціальныхъ штатахъ, а также въ постоянномъ бюро, которое учреждается на ихъ мѣсто; однимъ словомъ на ряду съ интендантомъ, онъ сохраняетъ первенствующее значеніе, имѣетъ вліяніе почти такое же какое имѣетъ въ настоящее время въ своей землѣ, какой-нибудь курфюрстъ, входящій въ составъ новой германской имперіи. Близъ него въ Гэно, аббатъ Сенъ-Амандскій владѣетъ семью восьмыми тирриторіи и получаетъ съ нея одну

восьмую помѣщичьихъ доходовъ и десятину; кромѣ того онъ назначаетъ прево и должностныхъ лицъ, такъ что, какъ говорятъ жалобы, „онъ составляетъ все государство или вѣрнѣе представляетъ самъ все государство".

Я не кончилъ бы, если бы сталъ перечислять всѣ большія владѣнія. Возьмемъ только имущество прелатовъ и именно ихъ наличныя деньги. Въ „Королевскомъ Альманахѣ" и въ „Духовной Франціи" 1788 года, мы находимъ ихъ доходъ; но истинный доходъ будетъ въ половину больше для епископовъ, въ два или три раза для аббатовъ и кромѣ того этотъ истинный доходъ надо удвоить, чтобы перевести его на современныя деньги. Сто тридцать одинъ епископъ и архіепископъ имѣютъ въ общемъ пять милліоновъ шестьсотъ тысячъ ливровъ съ епископскаго дохода и милліонъ двѣсти тысячъ ливровъ въ аббатствахъ, въ среднемъ пятьдесятъ тысячъ ливровъ на человѣка и это на бумагѣ, въ дѣйствительности же не менѣе ста тысячъ: поэтому въ глазахъ современниковъ, которымъ была извѣстна правда, епископъ представлялся „богатымъ господиномъ имѣющимъ сто тысячъ ливровъ ренты" *). Нѣкоторыя важныя епископскія мѣста приносили великолѣпный доходъ. Санъ приноситъ семьдесятъ тысячъ ливровъ, Вердонъ — семьдесятъ четыре тысячи, Туръ — восемьдесятъ двѣ тысячи, Бове, Тулуза и Байэ — девяносто тысячъ, Руанъ — сто тысячъ, Ошъ, Мецъ, Альби — сто двадцатъ тысячъ, Нарбонна — сто шестьдесятъ тысячъ, Парижъ и Камбре двѣсти тысячъ, по оффиціальнымъ цифрамъ, которыя навѣрно сокращены на половину. Другія мѣста менѣе хлѣбныя обставлены еще лучше. Представьте себѣ маленькій провинціальный городокъ, который нерѣдко не имѣетъ въ наше время даже мелкой супрефектуры, какъ напримѣръ, Консеранъ, Мирпуа, Лаворъ, Ріе, Ломбецъ, Сенъ-Папуль, Комминжъ, Люсонъ, Сарла, Мандъ, Фрежюсъ, Лескаръ, Белле, Сенъ Мало, Трегіе, Амбронъ, Сенъ-Клодъ, приблизительно въ двѣсти менѣе ста, а иногда менѣе пятидесяти приходовъ и за духовный надзоръ ихъ прелатъ получаетъ отъ двадцати пяти до семидесяти тысячъ ливровъ, по оффиціальнымъ даннымъ, отъ тридцати семи тысячъ ливровъ, до ста пяти тысячъ ливровъ въ дѣйствительности, отъ семидесяти четырехъ тысячъ до двухсотъ десяти тысячъ ливровъ на наши деньги. Что касается аббатствъ, то я насчиталъ тридцать три аббатства, приносящихъ отъ двадцати пяти тысячъ, до ста двадцати тысячъ ливровъ аббату, двадцать семь, которыя приносятъ отъ двадцати тысячъ до ста тысячъ ливровъ каждой аббатиссѣ; взвѣсьте эти цифры Альманаха и подумайте что нужно удвоить ихъ, чтобы получить цифру дѣйствительнаго дохода и учетверить, чтобы перевести на современныя деньги. Ясно, что при подобныхъ доходахъ и феодальныхъ правахъ полиціи, юстиціи, администраціи, крупный духовный или свѣтскій владѣлецъ фактически является настоящимъ королемъ въ своемъ округѣ, имѣетъ большое сходство съ прежнимъ феодаль-

*) Маркизъ де-Феррьеръ, Мемуары, томъ II, 57: „всѣ они имѣли сто тысячъ, нѣкоторые же двѣсти, триста и даже восемьсотъ тысячъ".

нымъ властителемъ, что его личныя преимущества придаютъ ему общественный характеръ, что его высокій титулъ и огромные доходы обязываютъ его оказывать пропорціональныя этимъ доходамъ услуги и что даже при господствѣ интенданта онъ долженъ оказывать своимъ вассаламъ, своимъ крѣпостнымъ и своимъ оброчнымъ, помощь, свое заступничество и другія благодѣянія.

Для этого необходимо было бы жить въ своихъ владѣніяхъ, а между тѣмъ, онъ чаще всего отсутствуетъ. Приблизительно въ продолженіе полутораста лѣтъ нѣкая всемогущая притягательная сила заставляетъ сеньоровъ покидать провинціи, толкаетъ ихъ къ столицѣ, и волненіе становится непреоборимымъ, такъ какъ оно есть результатъ двухъ самыхъ великихъ и самыхъ общихъ силъ, которыя воздѣйствуютъ на людей: это, во-первыхъ, соціальное положеніе, во-вторыхъ, національный характеръ. Нельзя безнаказанно лишать дерева его корней. Учрежденная, чтобы править, аристократія бросаетъ землю, когда перестаетъ управлять, а перестала она управлять съ тѣхъ поръ, какъ послѣ долгихъ подходовъ почти вся юстиція, вся администрація, вся полиція, каждая подробность мѣстнаго или общаго управленія, всякая инициатива, сотрудничество или контроль въ дѣлѣ налоговъ, выборовъ, путей, общественныхъ работъ и благотворительности перешли въ руки интенданта и субделегата подъ высшимъ управленіемъ главнаго контролера и совѣта короля. Приказчики, люди „пера и законовъ“, разночинцы безъ общественнаго положенія несутъ службу; оспаривать ее у нихъ нѣтъ никакого средства. Даже несмотря на помощь королевской делегаціи, провинціальный губернаторъ, будь онъ наслѣдственнымъ и принцемъ крови, какъ Кондэ въ Бургундіи, долженъ стушеваться передъ интендантомъ; у него нѣтъ дѣйствительной службы; его общественныя обязанности состоятъ въ пріемахъ и выѣздахъ. Къ тому же онъ дурно выполнилъ бы всякія другія: административная машина съ ея тысячами колесъ, грязныхъ и скрипучихъ, такая, какъ сдѣлали ее Ришельё и Людовикъ XIV, можетъ функціонировать только благодаря рабочимъ, не мучающимся угрызеніями совѣсти и готовымъ сломить все во имя государства; съ этимъ подлымъ народомъ невозможно соперничать. И онъ устраняется, оставляя дѣла на ихъ рукахъ. Праздный, униженный, что станетъ дѣлать онъ теперь въ своемъ помѣстьѣ, гдѣ уже не повелѣваетъ болѣе и гдѣ скучаетъ? Онъ ѣдетъ въ городъ, чаще ко двору.

Къ тому же иначе нельзя сдѣлать карьеры: чтобы добиться успѣха, нужно стать придворнымъ. Король требуетъ этого, онъ хочетъ, чтобы вы были въ его салонѣ для полученія милостей, въ противномъ случаѣ при первой просьбѣ онъ отвѣтитъ: „Кто это? Я никогда не вижу этого человѣка“. Отсутствіе въ его глазахъ не имѣетъ извиненія, даже когда оно бываетъ вслѣдствіе религіозныхъ причинъ; ему предпочли Бога, значитъ дезертировали. Министры запрашиваютъ интендантовъ, чтобы знать, „любятъ ли оставаться дома дворяне ихъ провинціи и не отказываются ли они отъ исполненія своихъ обязанностей у короля“. Вообразите себѣ величіе подобнаго притяженія: губернаторства, командыванія, епископскія мѣста, придворныя должности, пенсіи, кредитъ, милости вся-

каго рода и всякой степени для себя и для своихъ—все, что государство съ населеніемъ въ двадцать или двадцать пять милліоновъ можетъ предложить пылкому честолюбію, тщеславію и корыстолюбію, собрано тамъ какъ въ резервуарѣ. Къ нему спѣшатъ и изъ него черпаютъ.

Тѣмъ болѣе, что само мѣсто пріятно и припоровлено къ соціальнымъ чертамъ французскаго характера. Дворъ есть ничто иное какъ постоянный салонъ, гдѣ „свободенъ и легокъ доступъ подданныхъ къ повелителю“, гдѣ они живутъ вмѣстѣ съ нимъ въ короткомъ и частомъ общеніи, несмотря на почти безконечное различіе ранга и власти, гдѣ монархъ изображаетъ изъ себя въ совершенствѣ хозяина дома. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя было найти салона, ни столь хорошо содержимаго, ни столь приспособленнаго для развлеченія гостей всякаго рода удовольствіями, красотою, достоинствомъ, разнообразіемъ украшенія, выборомъ общества и интересомъ зрѣлища. Только въ Версалѣ можно показать себя, выдвинуться, развлекаться, вести бесѣды или болтать, тамъ былъ центръ новостей, жизни и дѣлъ, тамъ были избранныя государства, судьи хорошаго тона, элегантности и вкуса. „Государь,—говорилъ г-нъ де-Вардъ Людовику XIV,—когда находишься вдали отъ вашего величества, то чувствуешь себя не только несчастнымъ, но еще смѣшнымъ“. Въ провинціи остается только бѣдное и деревенское дворянство. Чтобы тамъ жить, нужно быть отсталымъ, не имѣть вкуса или быть изгнанникомъ. Когда король отсылаетъ какого-нибудь дворянина на свою землю, это считается самой жестокой опалой; къ горести опалы присоединяется еще невыносимый гнетъ скуки. Самый красивый замокъ съ чуднымъ мѣстоположеніемъ является отвратительной „пустыней“; тамъ никого не увидишь, за исключеніемъ чудаковъ изъ мелкаго города и деревенскихъ жителей. „Только изгнаніе,—говоритъ Артуръ Юнгъ,—принуждаетъ французское дворянство дѣлать то, что англичане исполняютъ добровольно: жить въ своихъ владѣніяхъ и улучшать ихъ. Десятки разъ Сенъ-Симонъ и другіе историки двора повторяютъ, говоря, о какой-нибудь церемоніи: „вся Франція была тамъ“; въ самомъ дѣлѣ все что считается лучшимъ во Франціи, присутствуетъ тамъ, и они узнаютъ себя по этой отмѣткѣ. Парижъ и дворъ становится обязательнымъ мѣстопребываніемъ всей аристократіи. При подобномъ положеніи дѣлъ одни отъѣзды вызываютъ другіе; чѣмъ болѣе покидаютъ провинцію, тѣмъ болѣе становится она пустынной. „Нѣтъ въ королевствѣ,—говоритъ маркизъ де-Мирабо,—ни одной земли, хотя бы немного значительной, владѣлецъ которой не проживалъ бы въ Парижѣ, а слѣдовательно не пренебрегалъ бы своими домами и своими замками“ *). Богатые, свѣтскіе люди имѣютъ свои отели въ столицѣ, свои квартиры въ Версалѣ, свои дачи въ окружности на двадцать льё; если изрѣдка они посѣщаютъ свои земли, то только для того, чтобы охотиться тамъ. Полторы тысячи аббатовъ и пріоровъ тратятъ свои церковные доходы, какъ будто получаютъ ихъ съ какой-то далекой фермы. Двѣ тысячи семьсотъ

*) Traité de la population (1755).

главныхъ викаріевъ и канониковъ ѣздятъ другъ къ другу въ гости и обѣдаютъ внѣ дома. За исключеніемъ нѣсколькихъ лицъ строгаго образа жизни, сто тридцать одинъ епископъ только наѣздами бываютъ въ своихъ епархіяхъ; почти всѣ дворяне, всѣ люди общества, что они стали бы дѣлать вдали отъ свѣта, погребенные заживо въ провинціальномъ городкѣ? Представьте себѣ важнаго барина, нѣкогда блестящаго и галантнаго аббата, а теперь епископа, владѣющаго ста тысячами ливровъ ренты, который добровольно зарываетъ себя на цѣлый годъ въ какой-нибудь Мандъ Кондомъ или Коминджъ. Разница стала слишкомъ огромной между элегантной, разнообразной литературной жизнью центра и монотонной, энергичной положительной жизнью провинціи. Вотъ почему важный баринъ, ушедшій изъ первой, не можетъ привыкнуть ко второй, онъ остается чуждымъ ей по крайней мѣрѣ сердцемъ.

Мрачный видъ представляетъ страна, въ которой сердце перестало посылать кровь по артеріямъ. Артуръ Юнгъ, путешествовававшій по Франціи отъ 1787 до 1789 гг., удивляется, находя тамъ столь оживленный центръ и совершенно мертвыя окраины. Между Парижемъ и Версалемъ двойной рядъ каретъ, ѣдущихъ туда и обратно, тянется всѣ пять лье, не прерываясь съ утра до вечера*). Зато какой контрастъ на другихъ дорогахъ. „Выѣхавъ изъ Парижа по Орлеанской дорогѣ, говоритъ Артуръ Юнгъ, мы на протяженіи десяти миль не встрѣтили ни одного дилижанса, ничего кромѣ курьеровъ и незначительнаго количества почтовыхъ повозокъ, не составлявшихъ десятой части того, что можно встрѣтить близъ Лондона въ продолженіе часа“. На большой дорогѣ близъ Нарбонны, „на протяженіи тридцати шести миль, говоритъ онъ, я повстрѣчалъ только одинъ кабріолетъ, полдюжины телѣгъ и нѣсколько крестьянокъ, гнавшихъ ословъ“. Впрочемъ, близъ Сенъ-Жирона онъ отмѣчаетъ, что, сдѣлавъ двѣсти пятьдесятъ миль, онъ встрѣтилъ въ общемъ „два кабріолета и три жалкихъ экипажа похожихъ на наши старыя почтовыя англійскія повозки въ одну лошадь, и ни одного дворянина“. Повсюду въ этой странѣ гостинницы отвратительныя; нанять тамъ карету нѣтъ возможности, въ то время какъ въ Англіи въ самомъ захолустномъ городкѣ въ двѣ или полторы тысячи душъ имѣются комфортабельные отели, и всѣ средства сообщенія; это доказываетъ, что во Франціи „передвиженіе ничтожно“. Цивилизацію и довольство можно встрѣтить лишь въ очень большихъ городахъ“. Въ Нантѣ великолѣпный театральный залъ, въ два раза больше, чѣмъ залъ Дрюри-Лэнскаго театра и въ пять разъ великолѣпнѣе. Великій Боже, воскликнулъ я мысленно, такъ къ этому зрѣлищу ведутъ степи и пустыни, которыя я переѣзжалъ на протяженіи трехсотъ миль! Однимъ скачкомъ вы переноситесь изъ нищеты къ расточительной роскоши. Деревня пустынна и, если какой-нибудь дворянинъ живетъ тамъ, то лишь для того, чтобы прикопить денегъ, которыя онъ затѣмъ промотаетъ въ столицѣ“.

---

*) Я слышалъ эту подробность отъ стариковъ, видѣвшихъ Версаль до 1789 года.

„Одна почтовая карета, — говоритъ г-нъ де-Монлозье,—еженедѣльно отправлялась изъ главныхъ городовъ провинціи въ Парижъ и не всегда всѣ мѣста были заняты. Вотъ характеристика дѣлового движенія. Имѣлась лишь одна газета, называемая „Gazette de France“, выходившая два раза въ недѣлю: вотъ характеристика умственнаго движенія*). Парижскіе судьи, сосланные въ Буржъ въ 1753 и 1754 году описываютъ этотъ городъ такъ: „Городъ, въ которомъ не съ кѣмъ поговорить по душѣ о чемъ-либо разумномъ; дворяне, умирающіе съ голоду, чванящіеся своимъ происхожденіемъ, держащіеся вдали отъ коммерсантовъ и юристовъ и находящіе страннымъ, что дочь сборщика податей стала женой совѣтника парижскаго парламента и выказываетъ претензіи на умъ и свѣтскость; изумительно невѣжественные граждане единственная опора той летаргіи, въ которой обрѣтаются умы большинства жителей; тщеславныя пустыя женщины, всецѣло отдавшіяся модѣ и любовнымъ интригамъ“; въ этомъ развращенномъ и пустомъ мірѣ, среди этихъ разныхъ Тибодье и Гарнэнъ, среди этихъ виконтовъ Сотенвилей и этихъ графинь Эскарбальясъ, архіепископъ, кардиналъ де-ла-Рошфуко, главный исповѣдникъ короля, владѣющій четырьмя аббатствами, имѣющій пятьсотъ тысячъ ливровъ дохода, свѣтскій человѣкъ, чаще всего находится въ отлучкѣ изъ своей епархіи, а если пріѣзжаетъ туда, то лишь для того, чтобы украшать свой садъ и дворецъ; его съ успѣхомъ можно уподобить золоченому павлину, залетѣвшему изъ птичника на задній дворъ, гдѣ пасутся гуси.

Само собой разумѣется, что всякая политическая мысль отсутствуетъ. „Невозможно себѣ представить,—говоритъ рукопись, —что либо болѣе равнодушное къ общественнымъ дѣламъ“. Позднѣе жители высказываютъ ту же апатію къ самымъ важнымъ событіямъ, затрогивающимъ ихъ по самому чувствительному мѣсту. Въ Шато-Тьерри, 4-го іюля 1789 г. не было ни одного кафэ, гдѣ можно было получить какой-нибудь журналъ. Такой имѣлся только въ Дижонѣ; въ Мулэнѣ, 7-го августа „въ лучшемъ кафэ города, гдѣ стояло по крайней мѣрѣ двадцать столовъ, мнѣ также легко достали бы слона, какъ и газету“. Между Страсбургомъ и Безансономъ нѣтъ совсѣмъ газетъ. Въ Безансонѣ имѣются только „Gazette de-France“, за которую здравомыслящій человѣкъ не дастъ ни гроша въ данный моментъ, и нумеръ „Courrier militaire“, вышедшій двѣ недѣли тому назадъ; прилично одѣтые люди говорятъ о событіяхъ, происшедшихъ двѣ, три недѣли тому назадъ и ихъ рѣчи доказываютъ, что они ничего не знаютъ о томъ что произошло сегодня“. Въ Клермонтѣ „я пять разъ обѣдалъ или ужиналъ за табль-д'отомъ въ обществѣ двадцати или тридцати человѣкъ, среди которыхъ были негоціанты, купцы, офицеры, и т. д., и хоть бы разъ зашелъ разговоръ о политикѣ,—это въ тотъ моментъ, когда всѣ сердца, казалось, должны бы биться отъ политическихъ ощущеній; невѣжество и глупость этихъ людей невѣроятны. Не проходитъ недѣли, чтобы въ ихъ странѣ не произошло крупнаго событія, которое ана-

---

*) Мемуары Монлозье.

лизируется и обсуждается даже слесарями въ Англіи". Причина этой инертности выяснена; на вопросъ, что они думаютъ по тому или другому вопросу, всѣ отвѣчаютъ: „Мы провинціалы; намъ приходится ждать, чтобы узнать, что дѣлается въ Парижѣ". Никогда не выступая въ активной роли, они не умѣютъ дѣйствовать, но благодаря инертности, ихъ можно толкать. Провинція огромное стоячее болото, которое при ужасномъ наводненіи можетъ сразу выйти изъ береговъ; виноваты ея инженеры, которые не позаботились объ устройствѣ водоотводныхъ каналовъ.

Такова тоска или, вѣрнѣе, ничтожность провинціальной жизни, когда отъ нея бѣжали мѣстные вожди, лишивъ ея своей симпатіи и своей дѣятельности. Живое участіе въ провинціальной жизни принимали всего лишь трое или четверо крупныхъ господъ, практичныхъ филантроповъ, руководствующихся примѣромъ англійскаго дворянства, герцогъ д'Аркуръ, помогающій крестьянамъ въ ихъ тяжебныхъ дѣлахъ, герцогъ де-ла-Рошфуко--Ліанкуръ, устроившій на своихъ владѣніяхъ образцовую ферму и художественно-промышленную школу для дѣтей неимущихъ военныхъ, графъ де-Бріенъ, тридцать деревень котораго придутъ въ конвентъ требовать свободы. Другіе же, побольшей части либералы, ограничиваются разсужденіями о народномъ благѣ и политической экономіи. Въ самомъ дѣлѣ, различіе въ образѣ жизни, разность интересовъ и идей столь велики, что между привилегированными классами и ихъ крѣпостными точки соприкосновенія чрезвычайно далеки и рѣдки. Даже у де-ла-Рошфуко-Ліанкура, когда Артуръ Юнгъ захотѣлъ узнать какія-то свѣдѣнія, его направили къ управляющему. „У дворянина на моей родинѣ къ обѣду пригласили бы двухъ или трехъ фермеровъ, которые сидѣли бы за столомъ вмѣстѣ съ благородными дамами. Я не преувеличу, если скажу, что это случалось со мной сто разъ въ первыхъ домахъ соединеннаго королевства. Между тѣмъ, во Франціи, отъ Калэ до Байоны ничего подобнаго увидѣть нельзя, за исключеніемъ развѣ такого случая, когда посѣтишь помѣщика много путешествовавшаго по Англіи. Французскому дворянству и въ голову не приходитъ заниматься земледѣліемъ или дѣлать его темой для разговоровъ, за исключеніемъ чисто теоретическихъ разсужденій, вродѣ того, какъ говорятъ о какомъ-нибудь ремеслѣ или машинѣ, которая не имѣетъ ничего общаго съ ихъ ежедневными занятіями и привычками". По традиціи, модѣ и образу жизни, они не хотятъ быть никѣмъ инымъ, кромѣ свѣтскихъ людей; единственное ихъ занятіе состоитъ въ бесѣдѣ о пустякахъ и въ охотѣ. Никогда руководители людей не презирали болѣе искусства руководить людьми, искусства, состоящаго въ томъ, чтобы идти по тому же пути, но впереди всѣхъ и руководить работой, принимая въ ней участіе.

Нашъ англичанинъ, очевидецъ и компетентный человѣкъ пишетъ еще: „У помѣщика, хотя бы получающаго милліонные доходы, вы можете быть увѣрены, что найдете землю въ большомъ запущеніи. Земли принца Субиза и герцога Бульонскаго самыя обширныя во Франціи и проѣзжая по нимъ, я видѣлъ только степи, пустыри, дикія, заброшенныя поля. Побывайте въ ихъ имѣніяхъ и вы увидите, что

ихъ усадьбы стоятъ среди густыхъ лѣсовъ населенныхъ оленями, вепрями, волками". „Крупные помѣщики, говоритъ другой современникъ *), привлекаемые и удерживаемые въ нашихъ городахъ утѣхами роскоши, не имѣютъ понятія о своихъ земляхъ, зная лишь одно, — требовать уплаты денегъ отъ своихъ откупщиковъ, которыя имъ нужны для поддержанія разорительнаго образа жизни. Какихъ улучшеній можно ожидать отъ тѣхъ, которые отказываются даже отъ поддержанія и исправленія самаго необходимаго?". Не оспоримымъ доказательствомъ того, что ихъ отсутствіе есть причина зла, является рѣзкое отличіе владѣній аббата, находящагося въ постоянной отлучкѣ, отъ владѣній, принадлежащихъ монахамъ. „Опытный путешественникъ различитъ ихъ сразу по состоянію посѣвовъ. Если онъ встрѣчаетъ поля, окруженныя заботливо рвами, хорошо воздѣланныя и покрытыя отличными всходами, эти поля,— говоритъ онъ,—принадлежатъ монахамъ. Почти всегда рядомъ съ этими плодородными полями находится дурно обработанная полоса, представляющая полный контрастъ; между тѣмъ характеръ почвы совершенно одинаковый, такъ какъ это двѣ части одного владѣнія, но послѣдняя часть принадлежитъ аббату". „Аббатскій надѣлъ,— говоритъ Лефранкъ де-Помпиньянъ,—часто напоминаетъ надѣлъ расточителя; монашескій же надѣлъ представляется надѣломъ хорошаго хозяина, не пренебрегающаго никакими улучшеніями". Вслѣдствіе этого, „двѣ трети", которыми пользуется аббатъ, приносятъ ему менѣе, чѣмъ „треть" предоставленная монахамъ.

Упадокъ земледѣлія вотъ еще одно изъ послѣдствій отсутствія. Почти цѣлая треть всей земли во Франціи, заброшенная также какъ Ирландія, также мало воздѣлывалась и также мало была продуктивна, какъ Ирландія въ рукахъ богатыхъ absentees *), епископовъ, англійскихъ дворянъ и гражданъ.

Ничего не дѣлая для земли, какъ могутъ они сдѣлать что либо для людей? Несомнѣнно, отъ времени до времени, въ особенности когда арендныя деньги не поступали въ срокъ, управляющій писалъ, извѣщалъ о нищетѣ фермеровъ. Несомнѣнно также, что за послѣднія тридцать лѣтъ они хотятъ быть гуманными; они разсуждаютъ между собою о правахъ человѣка; они стали бы страдать, видя блѣдное лицо голоднаго крестьянина. Но они этого не видятъ; могутъ ли они угадать это подъ неловкой и льстивой фразой ихъ управляющаго? Потомъ, знаютъ ли они, что такое голодъ? Кто между ними имѣетъ деревенскій опытъ? И какъ могутъ они вообразить себѣ нужду бѣдняка? Они для этого слишкомъ далеки отъ него, слишкомъ чужды его жизни. Портретъ нарисованный ими, чисто фантастическій; никогда крестьянина не изображали болѣе ложно; поэтому пробужденіе будетъ ужасно. Это добрый деревенскій житель, кроткій, покорный, признательный, простодушный и прямой, легко подчиняющійся, сочиненный по Руссо и идилліямъ, которыя въ этотъ моментъ разыгрываются во всѣхъ общественныхъ театрахъ. Благодаря этому они забываютъ его; они читаютъ

---

*) De l'état religieux, par les abbés Bonnefot et Bernard. (1784).
**) Отсутствующіе помѣщики.

письмо ихъ управляющаго, затѣмъ свѣтскій вихрь снова подхватываетъ ихъ и, вздохнувъ, изъ сожалѣнія къ бѣднымъ, они думаютъ о томъ, что въ этомъ году не получатъ своихъ доходовъ.

Это, конечно, не располагаетъ къ тому, чтобы творить милостыню. Такимъ образомъ, противъ отсутствующихъ, а не противъ мѣстныхъ помѣщиковъ поднимаются жалобы. „Церковныя богатства, говорится въ одной тетради, служатъ лишь къ удовлетворенію страстей знатныхъ лицъ". „Согласно канонамъ говорится въ другой тетради, каждый получающій доходъ священникъ долженъ отдавать четверть своего дохода бѣднымъ; между тѣмъ въ нашемъ приходѣ получаютъ болѣе двѣнадцати тысячъ ливровъ дохода, бѣднымъ же не дается ничего, если не считать небольшой милостыни, раздаваемой кюрэ". „Аббатъ де-Коншъ получаетъ половину десятины и ничѣмъ не содѣйствуетъ облегченію прихода". Дальше, „Экуйсскій монастырь, пользущійся десятиною, нисколько не помогаетъ бѣднымъ, а старается только увеличить свои доходы". „По сосѣдству съ нимъ аббатъ Круа-Лефруа, получающій крупную десятину и аббатъ Берней, получающій пятьдесятъ семь тысячъ ливровъ и не живущіе въ аббатствѣ, даютъ окружнымъ кюрэ столь ничтожную сумму, что имъ едва хватаетъ, чтобы не умереть съ голода". „Въ моемъ приходѣ,—говоритъ кюрэ Берри,—имѣется шесть аббатствъ, начальники которыхъ постоянно отсутствуютъ, получая въ общемъ до девяти тысячъ ливровъ дохода. Я писалъ имъ самыя трогательныя письма во время постигшаго насъ въ прошломъ несчастья; я получилъ только два луидора отъ одного, большинство же мнѣ даже не отвѣтило. Съ тѣмъ большимъ правомъ можно предполагать, что они не отказывались отъ полученія налоговъ въ обыкновенное время. Впрочемъ, эти налоги находятся на обязанности управителя, а хорошимъ управителемъ считается тотъ, кто присылаетъ больше денегъ. Онъ не имѣетъ права быть великодушнымъ за счетъ своего господина, но зато нерѣдко эксплоатируетъ въ свою пользу крестьянъ своего господина. Напрасно мягкая рука хозяина старалась бы быть легче и нѣжнѣе, жестокая рука его наемщика угнетаетъ крестьянъ всей своею тяжестью, и отеческая заботливость помѣщика уступаетъ мѣсто требованіямъ приказчика.

Что происходитъ въ имѣніи, когда мѣсто приказчика занимаетъ откупщикъ или арендаторъ, которые за извѣстную сумму купили у владѣльца право собиранія налоговъ? Въ Майенскомъ округѣ, а также, конечно, и во многихъ другихъ, крупныя помѣстья основаны на этой системѣ. Къ тому же большое число налоговъ, какъ напримѣръ, рыночный сборъ, налогъ на стадо, монополія мельницы не могутъ быть осуществлены иначе; помѣщику необходимо лицо, которое за него вступало бы въ разныя пререканія по поводу сбора. Въ такомъ случаѣ вся требовательность и вся жадность откупщика, рѣшившагося нажиться, падаетъ на крестьянъ. „Это хищный волкъ, говоритъ Ренольдонъ, котораго пускаютъ на землю, который выжимаетъ все до послѣдняго гроша, угнетаетъ крестьянъ, доводитъ ихъ до нищеты, заставляетъ дезертировать земледѣльцевъ, возбуждаетъ отвращеніе къ хозяину, который принужденъ

переносить его требовательность". Представьте себѣ, если можете, зло, которое можетъ причинить подобный деревенскій ростовщикъ, вооруженный такими огромными правами; это—феодальное имѣніе, попавшее въ руки Гарпагона или отца Грандэ. Въ самомъ дѣлѣ, когда собираніе налоговъ становится невозможнымъ вслѣдствіе мѣстныхъ нуждъ, то почти всегда это дѣло переходитъ въ руки откупщика: откупщикъ канониковъ, напримѣръ, отнимаетъ отцовское наслѣдство у Жанны Мермэ, подъ предлогомъ, что она провела у своего мужа первую брачную ночь. Врядъ ли можно найти подобное безсердечіе даже въ Ирландіи въ 1830 году на тѣхъ владѣніяхъ, гдѣ главный откупщикъ передаетъ младшимъ откупщикамъ а эти—еще меньшимъ, мелкаго крестьянина, находящагося внизу іерархической лѣстницы, который одинъ несетъ на себѣ всю тяжесть лѣстницы.

Предположимъ, что, видя злоупотребленіе своимъ имѣнемъ, владѣлецъ захотѣлъ бы вырвать изъ этихъ цѣпкихъ рукъ управленіе своимъ владѣніемъ; чаще всего онъ не былъ бы въ состояніи исполнить это: онъ слишкомъ задолжалъ и предоставилъ своимъ кредиторамъ часть своихъ земель и часть доходовъ. Въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ высшее дворянство, благодаря своей роскоши, расточительности, беззаботности и ложному понятію о чести, смотрѣло на счетоводство, какъ на низкую, недостойную его званія работу. Оно гордится своимъ пренебреженіемъ, оно называетъ это жить благородно. „Господинъ архіепископъ,—говорилъ Людовикъ XVI Диллону,—говорятъ, что у васъ есть долги и даже много". „Государь,—отвѣтилъ прелатъ, съ ироніей вельможи,—я справлюсь у моего управляющаго и буду имѣть честь дать о нихъ отчетъ вашему величеству".

У маршала Субиза пятьсотъ тысячъ ливровъ ренты, которые ему не хватаютъ. Долги кардинала де-Рогана, графа д'Артуа извѣстны всѣмъ; ихъ милліонные доходы пропадали точно въ пропасти. Принцъ де-Гременэ оказался несостоятельнымъ на тридцать пять милліоновъ. Герцогъ Орлеанскій, самый богатый помѣщикъ королевства, былъ долженъ къ своей смерти семьдесятъ четыре милліона. Когда нужно было заплатить кредиторамъ долги эмигрантовъ, то оказалось, что большинство крупныхъ имѣній было заложено. Кто читалъ мемуары, знаетъ, что въ продолженіе двухсотъ лѣтъ дворянамъ для покрытія дефицитовъ приходилось вступать въ бракъ съ дочерьми богатыхъ коммерсантовъ или прибѣгать къ благодѣянію короля. Поэтому, по примѣру самого короля, они старались сдѣлать деньги изо всего, главнымъ образомъ изъ мѣстъ, которыми располагали, и отказываясь отъ власти ради выгодъ, уничтожили послѣдній клочекъ власти, оставшійся въ ихъ рукахъ. Такимъ образомъ повсюду уваженіе къ вождю было потеряно, и онъ пріобрѣлъ отталкивающія черты характера. „Не только,—говоритъ одинъ современникъ,—они не платятъ жалованье своимъ судебнымъ чиновникамъ, но, что гораздо хуже, большинство въ настоящее время продаетъ эти должности" *).

*) Репольдонъ.

Несмотря на эдиктъ 1693 года, назначенные этимъ способомъ, судьи никогда не приносятъ присяги. „Что же происходитъ? Судъ, слишкомъ часто производимый недостойными людьми, превращается въ денной грабежъ и въ отвратительную безнаказанность".

Обыкновенно владѣтель, продавшій должность, получаетъ, кромѣ того, сотую, пятидесятую или десятую часть цѣны, когда эта должность переходитъ въ другія руки; иногда же онъ продаетъ ее пожизненно. Такія должности создаются имъ нарочно для продажи. „Всѣ сеньоріальные суды, говорится въ тетрадяхъ, наводнены толпою чиновниковъ всѣхъ родовъ, сеньоріальными сержантами, верховыми стражниками, стражниками превотства, стражниками коннетабля. Нерѣдко такихъ судовъ можно встрѣтить до десяти въ одномъ округѣ, который едва ли могъ бы прокормить два такихъ суда, если бы они ограничивались однимъ исполненіемъ своихъ обязанностей". „Поэтому они въ одно и то же время являются судьями, прокурорами, фискалами, приставами, нотаріусами", каждый въ отдѣльномъ мѣстѣ, каждый работаетъ въ нѣсколькихъ имѣніяхъ подъ разными званіями, причемъ всѣ сговариваются между собой, какъ воры на ярмаркѣ, собираясь въ кабакѣ, чтобы тамъ составлять жалобы и производить судъ. Иногда въ цѣляхъ экономіи владѣлецъ предоставляетъ званіе судьи одному изъ откупщиковъ: „Въ Готмонѣ въ Гено прокуроромъ является слуга". Чаще такимъ прокуроромъ становится какой нибудь доморощенный адвокатъ изъ сосѣдняго городишки, получающій жалованье, которое не хватило бы ему и на недѣлю. Онъ возвращаетъ свои деньги съ крестьянъ. „Безнаказанность, говоритъ Ренольдонъ, царитъ больше всего въ сеньоріальныхъ судахъ... Тамъ не производятъ слѣдствія даже по самымъ крупнымъ преступленіямъ"; такъ какъ владѣтель боится израсходоваться на уголовный процессъ, а его судьи и прокуроры боятся, что не получатъ ничего за судопроизводство. Къ тому же тюрьмой нерѣдко является погребъ замка; „изъ ста судовъ нѣтъ ни одного, у котораго тюрьма сооотвѣтствовала бы уставу"; стража же его закрываетъ глаза или помогаетъ заключенному. Вотъ почему „его земли превращаются въ убѣжище всѣхъ негодяевъ кантона". Страшный результатъ его безразличія, который скоро обрушится на него самого: завтра въ клубѣ прокуроры, которыхъ онъ умножилъ, потребуютъ его голову, и бандиты, которыхъ онъ терпѣлъ посадятъ ее на конецъ копья.

Остается еще одинъ пунктъ, охота, гдѣ его власть не потеряла своего значенія и права которой онъ защищаетъ особенно самолюбиво. Въ древнія времена, когда половина кантона состояла изъ лѣсовъ и густыхъ зарослей, а другую половину опустошали дикіе звѣри, у него была причина оставить за собой охоту; это входило въ обязанности мѣстнаго вождя. Онъ по наслѣдству былъ воиномъ, всегда былъ вооруженъ, всегда былъ готовъ выступить, какъ противъ вепрей и волковъ, такъ и противъ бродягъ и разбойниковъ. Теперь, когда отъ воина остались одно лишь званіе и эполеты, онъ по традиціи сохраняетъ свою привилегію и изъ службы устроилъ развлеченіе. Ему необходимо охотиться просто ради охоты. Это для

него тѣлесное упражненіе и въ то же время признакъ расы. Какой-нибудь Роганъ, Диллонъ, травятъ оленя, даже принадлежа къ церкви, несмотря на эдикты и каноны. „Вы много охотитесь, господинъ епископъ, говорилъ Людовикъ XV *) этому послѣднему; мнѣ кое что извѣстно. Какъ же хотите вы запрещать охоту вашимъ кюрэ, если сами подаете имъ примѣръ?—Государь, у моихъ кюрэ охота—ихъ личный недостатокъ, у меня же это недостатокъ предковъ". Когда кастовое самолюбіе встаетъ на охрану какого-нибудь права, то дѣлаетъ это безъ всякихъ проявленій слабости. Поэтому ихъ начальники охотъ, ловчіе, лѣсники оберегаютъ животныхъ, какъ если бы они были люди, и преслѣдуютъ людей, точно они звѣри. Въ судопроизводствѣ Понъ и Эвека въ 1889 году приводятъ четыре примѣра „совершенныхъ убійствъ охранителями охоты г-жи А., г-жи Н., прелата и маршала Франціи, разночинцевъ, застигнутыхъ на мѣстѣ преступленія во время охоты или несшихъ оружіе. Всѣ четверо убійцъ открыто пользуются безнаказанностью". Въ Артуа одинъ приходъ заявляетъ, что „на территоріи кастеляна дичь пожираетъ всѣ посѣвы и что земледѣльцы будутъ принуждены перестать заниматься обработкой земли". Недалеко оттуда, въ Романкурѣ, въ Беллонѣ „зайцы, кролики, куропатки совершенно поѣдаютъ посѣвы, графъ д'Уази не охотится самъ и не разрѣшаетъ охоты другимъ". Въ двадцати деревняхъ, расположенныхъ вокругъ Уази, гдѣ графъ охотится, онъ вытаптываетъ на поляхъ молодые всходы. „Его сторожа, всегда вооруженные, убили нѣсколькихъ лицъ подъ предлогомъ охраны правъ своего господина... Дичь, разлетающаяся изъ многихъ мѣстъ королевской охоты, поѣдаетъ ежегодно надежду на урожай". Въ Эврё „дичь пожрала всѣ травы вплоть до порога домовъ... Изъ-за дичи гражданинъ не имѣетъ даже права пойти втеченіе лѣта въ поле и вырвать сорныя травы, которыя душатъ зерно и портятъ всходы... Сколько женщинъ осталось безъ мужей и дѣтей безъ отцовъ изъ-за несчастнаго зайца или кролика!". Сторожа Гуфернскаго лѣса въ Нормандіи „столь жестоки, что оскорбляютъ и убиваютъ людей... Я зналъ фермеровъ, которые, жалуясь на госпожу и требуя возмѣщенія убытковъ понесенныхъ отъ дичи, даромъ потеряли свое время, распрощались съ жатвой и истратились на судебныя издержки... Олени и серны подходятъ къ нашимъ домамъ даже днемъ". Въ Домфронтской жалобѣ говорится: „Жители, болѣе чѣмъ десяти приходовъ, принуждены караулить поля по цѣлымъ ночамъ впродолженіе десяти мѣсяцевъ въ году, охраняя урожай". Вотъ результатъ права охоты въ провинціи. Но наиболѣе печальное зрѣлище представляетъ Иль-де-Франсъ, гдѣ территорія охоты гораздо обширнѣе. Одинъ протоколъ удостовѣряетъ, что въ одномъ только приходѣ Во близъ Мелана кролики сосѣдняго имѣнія истребили восемьсотъ десятинъ обработанной земли и уничтожили урожай двухъ тысячъ четырехъ сотъ сетье т. е. годовое количество хлѣба, потребляемое восемью стами душъ. Въ Рошетѣ стада сернъ и оленей втеченіе дня пожираютъ все на поляхъ, а ночью приходятъ въ малень-

*) Веньо „Мемуары" I, 35.

кіе сады жителей, гдѣ уничтожаютъ овощи и ломаютъ молодыя деревья. На территоріи охотничьей нѣтъ возможности разводить овощи иначе, какъ въ садахъ, обнесенныхъ высокими заборами. Въ Фарсѣ изъ пятисотъ персиковыхъ деревьевъ, посаженныхъ въ виноградникѣ, въ который заходили олени, черезъ три года осталось только двадцать. На всей территоріи Фонтэнебло общины, чтобы спасти свои виноградники, принуждены содержать людей, которые охраняютъ ихъ съ захода по восходъ солнца и съ перваго мая до половины октября. Въ Шартретѣ дикіе звѣри, перейдя черезъ Сену, приходятъ въ имѣніе графини де-Ларошфуко и уничтожаютъ всѣ плантаціи тополей. Имѣніе, оцѣнивавшееся въ двѣ тысячи ливровъ стоитъ не болѣе четырехъ сотъ ливровъ, послѣ того какъ окрестности Версаля, стали территоріей королевской охоты. Однимъ словомъ одиннадцать кавалерійскихъ непріятельскихъ полковъ, расположившихся въ одиннадцати мѣстахъ вокругъ столицы и отправляясь ежедневно за фуражомъ, не могли бы причинить большаго вреда. Не слѣдуетъ поэтому удивляться, если народъ оставлялъ земледѣліе. Близъ Фонтэнебло и Мелона въ Буа-ле-Руа три четверти территоріи превращаются въ пустыри; почти всѣ дома въ Броллѣ, превращены въ развалины; въ Кутиллѣ и въ Шаппель-Раблэ, покинуто пять фермъ; въ Нарбоннѣ брошено на произволъ судьбы большое количество земли; въ Вилье и въ Дамъ-Мари, гдѣ были четыре большихъ фермы и большое количество отдѣльныхъ земледѣльцевъ, восемьсотъ десятинъ остаются необработанными.

Странная вещь, по мѣрѣ того какъ вѣкъ становится мягче права охоты охраняются строже; смотрители охоты выказываютъ особое рвеніе, потому что работаютъ на глазахъ и для „удовольствія„ своего господина. Въ 1789 году устроено восемьсотъ ремизовъ въ одномъ только кантонѣ Фонтэнебло и противъ желанія населенія. По уставу 1762 года каждому частному собственнику на протяженіи территоріи, объявленной подъ охоту, запрещается возводить на своей землѣ какія бы то ни было стѣны, ограды или рвы безъ особаго разрѣшенія. Въ случаяхъ разрѣшенія владѣлецъ долженъ оставить въ своей оградѣ широкое пустое пространство, удобное для проѣзда во время охоты. Онъ не имѣетъ права носить при себѣ огнестрѣльное оружіе или какой-нибудь снарядъ, пригодный для охоты и не смѣетъ также брать съ собой собаку даже не пригодную для охоты, если только эта собака не идетъ на привязи или не имѣетъ ошейника. Ему запрещается также косить свой лугъ или люцерну до Иванова дня и входить въ свое собственное поле съ 1-го мая по 24-ое іюня, высаживаться на острова Сены, косить тамъ траву, даже въ томъ случаѣ, если трава принадлежитъ ему и все это потому, что въ это время куропатка высиживаетъ птенцовъ и законодатель охраняетъ ее; даже о роженицѣ не такъ заботятся; старые хроникеры сказали бы про него, какъ про Гильома Руфуса, что его чрево отечески заботится лишь о животныхъ. Во Франціи было четыреста квадратныхъ лье, гдѣ дичь мелкая и крупная являлась истиннымъ тираномъ крестьянина. Вотъ что говоритъ Монлозье, въ 1789 году: „Когда мнѣ приходилось встрѣчать

стада оленей на моемъ пути, проводники постоянно кричали мнѣ: „Вотъ дворянство!“ намекая этимъ на опустошенія, производимыя этими животными на ихъ земляхъ“. Такимъ образомъ, въ глазахъ своихъ подданныхъ дворяне были дикими звѣрями.

Вотъ куда приводитъ привилегія безъ несенія службы; обязанность защиты вырождается въ право опустошенія и гуманные и разсудительные люди дѣйствуютъ, сами того не предполагая, какъ люди негуманные и неразсудительные. Отдѣленные отъ народа они злоупотребляютъ имъ; номинальные вожди они разучились нести обязанности вождей активныхъ; потерявъ общественный характеръ, они ничего не уступили изъ своихъ частныхъ привилегій. Тѣмъ хуже для кантона и тѣмъ хуже для нихъ самихъ. Тридцать или сорокъ браконьеровъ, которыхъ они преслѣдуютъ сегодня на своихъ земляхъ, завтра пойдутъ противъ ихъ замка во главѣ взбунтовавшейся толпы.

Отсутствіе учителей, апатія провинцій, дурное состояніе земледѣлія, притѣсненіе откупщиковъ, вѣроломство судей, жестокость закона объ охотѣ, праздность, долги помѣщика, нищета, дикость и враждебность вассаловъ все это происходитъ отъ одной причины и приводитъ къ одному результату. Когда господство превращается въ синекуру, оно становится гнетущимъ, не оставаясь полезнымъ и когда оно угнетаетъ, не будучи полезнымъ, его отбрасываютъ.

ГЛАВА IV.

Обязанности, которыя должны нести привилегированныя лица. — I. Примѣръ въ Англіи —Привилегированныя лица не исполняютъ этихъ обязанностей во Франціи. — Вліяніе и налоги, которые остаются имъ.— Они приносятъ пользу только имъ.—II. Собранія духовенства. - Они служатъ только духовнымъ интересамъ.—Духовенство не уплачиваетъ налоговъ.- Ходатайства его агентовъ.- Его рвеніе противъ протестантовъ.—III. Вліяніе дворянъ.—Законъ на ихъ сторонѣ.—Преимущество, даваемое имъ церковью. — Распредѣленіе епископствъ и аббатствъ.—Преимущество, получаемое ими отъ государства. — Административныя должности, синекуры, пенсіи, награды.—Не принося пользы, онѣ становятся тяжелымъ бременемъ. - IV. Одиночество начальниковъ.—Чувства подчиненныхъ.- Провинціальное дворянство.—Приходскіе священники.—V. Король.—Онъ пользуется самой колоссальной привилегіей.—Захвативъ всю власть, онъ принялъ на себя всѣ обязанности.—Тяжесть этой задачи.—Онъ уклоняется отъ исполненія своихъ обязанностей или исполняетъ ихъ неудовлетворительно.— Спокойствіе его совѣсти.—Франція—его имѣніе.—Какъ онъ этимъ злоупотребляетъ. - Королевская власть—центръ злоупотребленій.—VI. Скрытая дезорганизація Франціи.

I.

Безполезные въ кантонѣ, они могли бы быть полезными въ центрѣ и не принимая участія въ мѣстномъ управленіи, они могли бы служить въ главномъ. Такъ поступаетъ лордъ, баронетъ, сквайръ даже въ томъ случаѣ, если онъ не представляетъ собой правосудіе или не служитъ членомъ приходской коммиссіи. Избранный депутатомъ въ нижнюю палату или какъ наслѣдственный членъ верхней палаты, онъ держитъ въ своихъ рукахъ шнурки отъ общественнаго кошелька и препятствуетъ слишкомъ часто черпать от-

туда королю. Таковъ порядокъ въ странахъ, гдѣ феодальные владѣтели, вмѣсто того, чтобъ допустить короля соединиться противъ нихъ съ общинами, соединились съ общинами противъ короля. Чтобы лучше защищать собственные интересы, они защищали интересы другихъ и переставъ быть представителями себѣ подобныхъ, стали представителями націи.

Ничего подобнаго не было во Франціи. Генеральные штаты пришли въ упадокъ, и король по истинѣ могъ считать себя единственнымъ представителемъ страны. Подобно деревьямъ, заглушеннымъ гигантскимъ дубомъ, другіе общественныя власти перестали развиваться; они, такъ сказать, образуютъ вокругъ него кругъ кустарниковъ и засохшихъ стволовъ. Одинъ изъ нихъ, парламентъ, отпрыскъ, вышедшій изъ дуба, иногда предполагаетъ, будто у него есть собственный корень; но видно, что его сокъ заимствованъ, и онъ не можетъ держаться самъ собою и доставлять народу независимое убѣжище. Другія корпораціи, какъ духовное собраніе и провинціальные штаты, и четыре или пять провинцій защищаютъ еще порядокъ, но эта защита простирается только на порядокъ или на провинцію, и если она защищаетъ частный интересъ, то дѣлаетъ это обыкновенно въущербъ интересу общему.

II.

Разсмотримъ самую жизненную и лучше всѣхъ пустившую корни, изъ этихъ корпорацій, собраніе духовенства. Каждыя пять лѣтъ оно собирается, а въ промежутки два выбранныхъ агента наблюдаютъ интересы ордена. Созываемое правительствомъ, руководимое имъ, допускаемое или прерываемое при надобности, всегда подъ рукой, употребляемое имъ для политическихъ цѣлей, собраніе, тѣмъ не менѣе, остается убѣжищемъ для духовенства, представителемъ котораго оно является. Но оно является убѣжищемъ только для него и, защищаясь отъ казны, оно снимаетъ бремя съ своихъ плечъ только для того, чтобы возложить бо̀льшую тяжесть на плечи другихъ. Мы уже видѣли какъ его дипломатія спасла привилегіи духовенства, какъ оно откупилось отъ взносовъ налоговъ, какъ оно измѣнило свою подать въ „добровольный даръ", какъ ежегодно оно употребляло это даръ для уплаты долга, съ какимъ тонкимъ искусствомъ удалось ему, не только ничего не вносить въ казначейство, но еще извлекать ежегодно изъ казначейства около милліона пятисотъ тысячъ ливровъ; все это конечно хорошо для церкви; но тѣмъ хуже для народа.

Теперь пробѣгите рядъ томовъ in-folio, въ которыхъ заключаются отчеты агентовъ—людей ловкихъ, приготовляющихся этимъ путемъ къ болѣе высокимъ должностямъ въ церкви, аббатовъ Буажелэча, Перигора, Барраме, Монтескіу; благодаря ихъ ходатайствамъ передъ судьями и совѣтомъ, благодаря авторитету, который придается ихъ искамъ, недовольствомъ могущественнаго ордена, стоящаго позади ихъ, много духовныхъ дѣлъ было разрѣшено въ положительномъ для духовенства смыслѣ, многіе феодальные налоги поддерживались для удовлетворенія жела-

нія какого-нибудь настоятеля или епископа, много исковъ изъ публики было отвергнуто. Въ 1781 году, несмотря на постановленіе римскаго парламента, каноники Сенъ-Мало продолжали поддерживать монополію своей печи, къ великому неудовольствію булочниковъ, которые хотѣли печь у себя дома и населенія, которое платило бы менѣе за хлѣбъ испеченный у булочниковъ. Въ 1773 году Геннинъ, школьный учитель, смѣщенный епископомъ Лангрскимъ и тщетно поддерживаемый жителями, принужденъ былъ уступить свое мѣсто преемнику, назначенному прелатомъ. Въ 1770 году Растель протестантъ, открывъ общественную школу въ Сенъ-Африкъ, подвергся преслѣдованіямъ со стороны епископа и агентовъ духовенства; школа была закрыта, а учитель посаженъ въ тюрьму.

Когда какая нибудь корпорація держала въ своихъ рукахъ шнурки отъ кошелька, она всегда могли расчитывать на угожденіе, равнявшееся той суммѣ, которую она отпускала. Повелѣвающій тонъ короля, подчиненный видъ духовенства въ сущности не измѣнялъ дѣла; между ними всегда былъ торгъ: дающему дается; такъ, напримѣръ, законъ о протестантахъ появился взамѣнъ одного или двухъ милліоновъ присоединенныхъ къ добровольному дару. Точно также въ XVII вѣкѣ совершалось постепенное уничтоженіе Нантскаго эдикта, статьи за статьей. Когда духовенство начинаетъ помогать государству, то государство превращается въ палача. Въ продолженіе всего XVIII столѣтія церковь наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы подобныя операція продолжалась. Въ 1717 году въ Андузѣ было застигнуто собраніе изъ 74 лицъ, мужчины были отправлены на галеры, а женщины въ тюрьму. Въ 1724 году объявлено эдиктомъ, что всѣ, которые будутъ присутствовать на собраніи, а также всѣ тѣ, которые имѣютъ какія либо прямыя или косвенныя сношенія съ протестантскими проповѣдниками, подвергаются конфискаціи имѣній и кромѣ того женщины будутъ обриты и заключены пожизненно въ тюрьму, мужчины же на всю жизнь—на галеры. Въ 1745 и въ 1746 году въ Дофинэ двѣсти семьдесятъ семь протестантовъ приговорены къ галерамъ, а нѣсколько женщенъ къ наказанію кнутомъ. Съ 1744 по 1752 годъ на западѣ и на югѣ арестованы шестьсотъ протестантовъ, а восемьсотъ приговорены къ различнымъ наказаніямъ. Въ 1774 году у Нимскаго кальвиниста Ру были отняты два ребенка. До приближенія революціи въ Лангедокѣ вѣшаютъ священниковъ и посылаютъ драгунъ противъ конгрегацій, собирающихся въ пустынѣ молиться Богу; тамъ матери Гизо прострѣлили однажды юбки; по мнѣнію провинціальныхъ штатовъ въ Лангедокѣ, „епископы, болѣе чѣмъ гдѣ либо, земные владыки, всегда готовые послать драгунъ и обращать въ истинную вѣру при помощи ружейныхъ выстрѣловъ“. Въ 1775 году архіепископъ Ломеній Бріенскій, отличавшійся безвѣріемъ, сказалъ однажды молодому королю: Вы относитесь одобрительно къ системамъ преступной терпимости... Увѣнчайте дѣло, предпринятое Людовикомъ Великимъ. Вамъ предоставлено нанести послѣдній ударъ кальвинизму въ вашемъ государствѣ“. Въ 1780 году собраніе духовенства заявляетъ, что „алтарь и тронъ одина-

ково окажутся въ опасности, если ереси позволятъ разбить свои оковы". Даже въ 1789 году духовенство въ своихъ тетрадяхъ, соглашаясь терпѣть присутствіе въ странѣ людей не католическаго вѣроисповѣданія, считаетъ эдиктъ 1788 года слишкомъ либеральнымъ; оно требуетъ, чтобы были исключены статьи, въ которыхъ протестантамъ разрѣшается публичное исповѣданіе своего культа, и дозволяются смѣшанные браки; далѣе оно требуетъ предварительной цензуры печатныхъ произведеній, учрежденія духовнаго комитета для обсужденій этихъ произведеній и унизительныхъ наказаній авторовъ противорелигіозныхъ книгъ; наконецъ оно требуетъ себѣ права управленія общественными школами и наблюденія за частными школами. Въ этой нетерпимости нѣтъ ничего страннаго. Каждая корпорація, какъ и отдѣльный человѣкъ, прежде всего думаетъ о себѣ, если иногда корпорація жертвуетъ какой нибудь привилегіей, то дѣлаетъ это лишь для того, чтобы упрочить свой союзъ съ другими корпораціями. Въ такомъ случаѣ, примѣромъ чему служитъ Англія, всѣ эти привилегіи зависятъ другъ отъ друга и поддерживая однѣ другія составляютъ въ общемъ общественныя свободы. Здѣсь же депутаты корпораціи не уполномочены и не желаютъ ничего уступать другимъ; интересъ корпораціи является для нихъ единственнымъ руководителемъ; они подчиняютъ ему интересъ общественный и служатъ столь усердно, что готовы даже нанести ущербъ обществу.

III.

Такъ работаютъ корпораціи, когда, вмѣсто того, чтобы соединиться, онѣ дѣйствуютъ въ одиночку. То же зрѣлище представляютъ касты и волости; ихъ уединенность составляетъ ихъ эгоизмъ. Снизу до самаго верха лѣстницы законныя или моральныя власти, которыя должны были бы представлять націю, представляютъ лишь самихъ себя, и каждый изъ нихъ извлекаетъ свои выгоды, нарушая интересы націи. Не имѣя права собираться и ставить вопросы на голоса, дворянство имѣетъ свое вліяніе и чтобы познакомиться съ тѣмъ, какъ оно имъ пользуется, слѣдуетъ лишь прочесть эдикты и альманахъ. Въ силу устава маршала Сегюра, было возобновлено прежнее препятствіе, лишавшее разночинцевъ получать военные чины, и съ этихъ поръ, чтобы стать капитаномъ, нужно доказать четыре поколѣнія предковъ-дворянъ. Точно также въ послѣднее время стало нужно быть дворяниномъ, чтобы получить званіе учителя фехтованія и кромѣ того въ тайнѣ на будущее время рѣшено, „что всѣ духовныя имущества, отъ самаго скромнаго пріорства до богатѣйшихъ аббатствъ, будутъ предоставляться дворянству".

Фактически значитъ, что всѣ важныя мѣста, какъ духовныя, такъ и свѣтскія предоставляются имъ; всѣ духовныя и свѣтскія синекуры существуютъ только для нихъ или для ихъ родственниковъ, знакомыхъ и близкихъ людей. Франція напоминаетъ обширную конюшню, гдѣ породистыя лошади получаютъ двойную и тройную порціи, ничего не дѣлая или неся только половинную службу, въ то время какъ обыкновенныя лошади несутъ полную службу,

получая половинную порцію, а нерѣдко даже не получая и этого. Нужно еще замѣтить, что среди этихъ породистыхъ лошадей находится привилегированный табунъ, который тѣснитъ себѣ подобныхъ, жретъ сколько можетъ, жирный, блестящій, съ гладкой шерстью, стоящій по брюхо въ кормѣ, не имѣя другихъ занятій, кромѣ постоянныхъ заботъ о своемъ довольствѣ. Это придворные, живущіе у источника милостей, съ дѣтства упражняющіеся въ попрошайничествѣ, постоянно слѣдящіе за благосклонностью и холодностью короля, для которыхъ дворцовыя комнаты представляютъ вселенную, „одинаково равнодушные какъ къ государственнымъ, такъ и къ своимъ дѣламъ, предоставляя управлять одними провинціальныхъ интендантовъ, какъ предоставляютъ они управлять другими своимъ собственнымъ управляющимъ".

Посмотримъ, какъ отзываются они на бюджетѣ Извѣстно, насколько великъ бюджетъ церкви; я считаю, что они получаютъ по крайней мѣрѣ половину въ свою пользу. Девятнадцать монастырей для благородныхъ мужчинъ, двадцать пять монастырей для благородныхъ женщинъ, двѣсти шестьдесятъ мальтійскихъ учрежденій. Благодаря протекціи, дворянами заняты всѣ архіепископскія мѣста и всѣ епископства, за исключеніемъ пяти. Изъ четырехъ главныхъ аббатствъ и викаріатствъ, они занимаютъ три. Если изъ женскихъ аббатствъ взять тѣ, которыя приносятъ не менѣе двадцати тысячъ ливровъ, то мы увидимъ, что аббатиссами въ нихъ являются дворянки. Чтобы доказать колоссальность милостей, приведу одну подробность: я насчиталъ девяносто три мужскихъ аббатства, находящихся въ рукахъ духовниковъ, капеллановъ, учителей или лекторовъ короля, королевы, принцевъ и принцессъ; одинъ изъ нихъ, аббатъ Вермондскій, получаетъ восемьдесятъ тысячъ ливровъ дохода. Говоря короче, тысяча пятьсотъ духовныхъ синекуръ являются ходячей монетой вельможъ, которыя то превращаются въ золотой дождь, падающій на кого-нибудь изъ ихъ близкихъ, то хранящійся въ широкихъ резервуарахъ и поддерживающій блескъ ихъ положенія.

Кромѣ того, по обычаю давать больше тому, кто имѣетъ больше, самые богатые прелаты обладаютъ сверхъ своихъ епископскихъ доходовъ, богатѣйшими аббатствами. Согласно альманаха, Аржантре, епископъ Сеецкій, имѣетъ 34.000 ливровъ дополнительной ренты; де-Сюфрэнъ, епископъ Систеронскій, 36.000; де-Жиракъ, епископъ Реннскій, 40.000; де-Бурдейль, епископъ Суассонскій, 42.000; д' Агу де-Бонваль, епископъ Памьерскій, 45.000; де-Марбефъ, епископъ Отонскій, 50.000; де-Роганъ, епископъ Страсбургскій, 60.000; де-Сисэ, архіепископъ Бордосскій, 63.000; де-Люинъ, архіепископъ Санскій, 82.000; де-Берни, архіепископъ Альбійскій, 100.000; де-Бріенъ, архіепископъ Тулузскій, 106.000; де-Диллонъ, архіепископъ Нарбонскій, 120.000; де-Ла-Рошфуко, архіепископъ Руанскій, 130.000; т. е. вдвойнѣ а иногда втройнѣ болѣе показанныхъ суммъ и вчетверо, а иногда и болѣе, если перевести на современныя деньги. Де-Роганъ извлекалъ изъ своихъ аббатствъ не 60.000 ливровъ, а 400.000 и Бріенъ самый могущественный изъ всѣхъ послѣ Рогана, 24-го августа 1788 года, покидая министерство, по-

слалъ взять „изъ казначейства 20.000 ливровъ жалованья за свой мѣсяцъ, который еще не истекъ; точность тѣмъ болѣе замѣчательная, что не считая оклада и 6.000 ливровъ пенсіи, онъ имѣлъ 678.000 ливровъ ренты и что еще недавно за срубленный въ одномъ изъ его аббатствъ лѣсъ, онъ получилъ милліонъ“.

Перейдемъ къ бюджету свѣтскому; тамъ тоже синекуры преобладаютъ и почти всѣ принадлежатъ дворянству. Къ этому роду относятся, въ провинціяхъ тридцать семь большихъ главныхъ управленій, семь малыхъ, шестьдесятъ шесть генеральныхъ намѣстничествъ, четыреста семь особыхъ управленій, тринадцать управленій королевскими домами и большое число другихъ, всѣ эти мѣста, не требующія никакихъ занятій, всѣ въ рукахъ дворянъ, всѣ доходныя не только потому, что каждому мѣсту присвоенъ окладъ, но также вслѣдствіе другихъ доходовъ. Здѣсь еще разъ дворянство позволило отнять у себя власть, дѣятельность, полезность, получивъ взамѣнъ титулъ, блескъ и деньги. Управляетъ всѣмъ интендантъ; „губернаторъ же не можетъ исполнять никакихъ функцій безъ особаго письменнаго разрѣшенія“; онъ тамъ только для того, чтобы давать обѣдъ, но и для этого ему нужно разрѣшеніе, „разрѣшеніе отправиться проживать въ свое губернаторство“. Но мѣсто доходно: генералъ-губернаторство Берри приноситъ 35.000 ливровъ ренты, Гвіаны 120.000; Лангедока 160.000; маленькое особое управленіе, какъ напримѣръ, Гаврское, приноситъ 35.000 ливровъ, кромѣ разныхъ побочныхъ; незначительное намѣстничество въ Руссильонѣ, отъ 13.000 до 14.000 ливровъ, особое управленіе отъ 12.000 до 18.000 ливровъ и замѣтьте, что въ одномъ Иль-де-Франсѣ ихъ насчитывается до тридцати четырехъ: въ Верненѣ, Санлисѣ, Мелонѣ, Фонтэнебло, Гурданѣ, Санѣ, Лимурѣ, Этанѣ, Дре, Гуданѣ и другихъ столь же незначительныхъ и мирныхъ городахъ; главный штабъ Валуа пересталъ служить съ эпохи Ришелье, но казна продолжаетъ платить ему.

Поглядите на эти синекуры только въ одной провинціи, въ Лангедокѣ, гдѣ, казалось бы, общественныя деньги должны охраняться лучше. Тамъ находятся три младшихъ военачальниковъ, въ Турнонѣ, Алэ и Монпелье, „каждый изъ нихъ получаетъ 16.000 ливровъ, несмотря на то, что у нихъ нѣтъ никакихъ обязанностей, такъ какъ эти должности были учреждены въ эпоху смутъ и религіозныхъ войнъ, для борьбы съ протестантами“. Двѣнадцать намѣстниковъ короля безполезны въ одинаковой съ ними степени, точно такъ же какъ и три главныхъ намѣстника: каждый изъ нихъ „получаетъ приличествующее его званію жалованье и каждые три года награду въ 30.000 ливровъ за услуги, оказанныя этой провинціи, которыя однако нужно отнести въ область химеръ“, такъ какъ ни одинъ изъ нихъ не проживаетъ на мѣстѣ своего служенія и если ему платятъ, то только потому, что онъ имѣетъ поддержку при дворѣ. „Такимъ образомъ, графъ де-Караманъ, имѣющій болѣе 600.000 ливровъ ренты, какъ собственникъ Лангедокскаго канала, получаетъ 30.000 ливровъ каждые три года, безъ всякаго законнаго основанія, независимо отъ частыхъ и богатыхъ подарковъ, которые дѣлаетъ ему провинція за починку ка-

нала". Провинція даетъ также военачальнику, графу де-Перигору, награду въ 12.000 ливровъ сверхъ жалованья и его женѣ другую награду въ 12.000 ливровъ, когда она впервые оказала честь штатамъ своимъ присутствіемъ. Провинція платитъ кромѣ того за содержаніе тѣлохранителей, которые въ количествѣ восьмидесяти человѣкъ служатъ во время краткаго пребыванія въ штатахъ военачальника и которые вмѣстѣ съ ихъ капитаномъ обходятся въ годъ въ 15.000 ливровъ. Она платитъ также губернатору за содержаніе восьмидесяти или ста тѣлохранителей „изъ которыхъ каждый получаетъ 300 или 400 ливровъ, кромѣ массы разныхъ привилегій и которые не несутъ никакихъ обязанностей, такъ какъ губернаторъ никогда туда не заглядываетъ"; на этихъ бездѣльниковъ расходуется до 24.000 ливровъ, кромѣ 5.000 — 6.000 ливровъ расходуемыхъ на ихъ капитана и къ этому нужно еще присоединить 7.500 на секретарей губернатора, кромѣ 60.000 ливровъ жалованія самому губернатору. Я вижу повсюду второстепенныхъ бездѣльниковъ, укрывающихся въ тѣни бездѣльниковъ главныхъ и почерпающихъ средства въ общественномъ кошелькѣ, который является общей кормилицей. Весь этотъ міръ обильно пьетъ и ѣстъ и проводитъ время въ пустыхъ церемоніяхъ: таково его главное занятіе и онъ добросовѣстно его исполняетъ. Засѣданія штатовъ длятся около шести недѣль, во-время которыхъ интендантъ расходуетъ 25.000 ливровъ на обѣды и пріемы.

Столь же доходны и столь же безполезны придворныя должности, домашнія синекуры, доходы которыхъ далеко превосходятъ оклады. Я насчиталъ однихъ служащихъ у стола 295 человѣкъ, не считая лакеевъ, причемъ первый дворецкій получаетъ 84.000 ливровъ въ годъ деньгами и пищею, не считая жалованія и парадныхъ ливрей, на изготовленіе которыхъ онъ получаетъ деньги Первыя горничныя королевы, записанныя въ альманахѣ по 150 ливровъ и получающія 12.000 франковъ, въ дѣйствительности получаютъ до 50.000 франковъ, вслѣдствіе перепродажи свѣчей, горѣвшихъ днемъ; Висаръ, секретарь дворцовой канцеляріи и мѣсту котораго оффиціально присвоено 900 ливровъ вознагражденія въ годъ, признается, что оно приноситъ ему 200.000. Начальникъ охотъ въ Фонтэнебло продаетъ въ свою пользу каждый годъ на 20.000 франковъ, кроликовъ.„ Во-время каждаго путешествія въ загородные дворцы короля прислуживающія дамы, подавая счета произведенныхъ расходовъ при переѣздѣ, наживаютъ 80%; говорятъ, что кофе съ молокомъ, и хлѣбомъ, для каждой изъ этихъ дамъ, обходится въ годъ 2.000 франковъ, въ такой же пропорціи и остальные расходы".

„М-мъ де-Тайларъ съумѣла скопить 115.000 ливровъ ренты занимая мѣсто гувернантки королевскихъ дѣтей, потому что за каждаго новаго ребенка ей увеличивали жалованье на 35.000 ливровъ". Герцогъ Пантьеврскій, занимая должность генералъ-адмирала, получалъ со всѣхъ судовъ, „входившихъ въ гавани и въ устья Франціи" якорный налогъ, годовая сумма котораго достигала 91.484 франка. М-мъ де-Ламбаль, главная управительница, оффиціально получающая 6.000 франковъ, въ дѣйствительности получаетъ 150.000. Послѣ одного праздника, съ потѣшными огнями, герцогъ Жеврскій

выручаетъ 50.000 экю за остатки и уголь, которые принадлежатъ ему, въ силу занимаемой имъ должности.

Крупные дворовые чиновники, управляющіе королевскими дворцами, начальники охотничьихъ округовъ, камергеры, шталмейстеры, камеръ-юнкеры, пажи, гувернеры, духовники, капеланы, фрейлины, служанки, прииивалки короля, королевы, брата короля, сестры короля, графа д'Артуа, графини д'Артуа, принцессы Елизаветы, въ каждомъ дворцѣ имѣются сотни должностей съ присвоеннымъ окладомъ и побочными доходами безъ всякихъ обязанностей, учрежденныхъ единственно ради декораціи. „М-мъ де-ла-Бордъ недавно назначена постельничьей королевы съ 12.000 франковъ жалованья изъ суммъ короля; неизвѣстно, какія обязанности сопряжены съ этимъ званіемъ, несуществовавшимъ со временъ Анны Австрійской". Старшій сынъ г-на де-Машо назначенъ управляющимъ классами, это одна изъ такъ называемыхъ милостивыхъ должностей: онъ получаетъ „18.000 ливровъ дохода за то, чтобы подписать два раза въ годъ свою фамилію". Таково же мѣсто главнаго секретаря швейцарцевъ' приносящее 30.000 ливровъ дохода, на которое назначенъ аббатъ Бартелеми; таково же мѣсто главнаго секретаря драгунъ, съ жалованьемъ 20.000 ливровъ въ годъ, занимаемое поочереди Наптолемъ Бернаромъ и Ложаномъ—двумя маленькими поэтами.

Было бы проще давать деньги безъ мѣстъ, но и въ этомъ нѣтъ недостатка; читая мемуары, казначейство представляется добычей разрываемой на части. Окружая короля, придворные заставляютъ его сострадать ихъ несчастьямъ. Они его близкіе, гости его салона, люди одинаковой съ нимъ расы, его природные кліенты, единственные, съ которыми онъ бесѣдуетъ и такъ какъ ему нужно видѣть ихъ довольными, то ему приходится помогать имъ. Онъ долженъ способствовать къ составленію приданаго ихъ дѣтей, потому что расписывается въ брачномъ контрактѣ; онъ долженъ обогащать ихъ самихъ, потому что ихъ роскошь служитъ украшеніемъ его двора. Дворянство, служа украшеніемъ трона, обязываетъ владѣтеля трона позолачивать его насколько возможно чаще. Приведенныя нѣкоторыя выше цифры и анекдоты, взятые изъ тысячи, обладаютъ рѣдкимъ краснорѣчіемъ.

„Принцъ де-Понсъ имѣлъ 25.000 ливровъ пенсіи отъ короля, къ которымъ его величество пожелалъ прибавить 6.000 для м-ль де-Марсанъ, его дочери, монахини въ Ремирмонѣ. Семья изложила передъ королемъ дурное положеніе дѣлъ принца де-Понса и его величество соблаговолилъ разрѣшить принцу Камиллу, его сыну 15.000 ливровъ пенсіи, освободившейся за смертью его отца и 5.000 ливровъ прибавки къ пенсіи м-ль де-Марсанъ".

Г-нъ де-Конфланъ вступаетъ въ бракъ съ м-ль Портейль: „Изъ симпатіи къ этому браку, король соблаговолилъ, чтобы изъ 10.000 ливровъ пенсіи г-жи Портейль 6.000 перешло бы г-ну Конфланъ, послѣ смерти г-жи Портейль".

Г-нъ де-Сешель, министръ выходящій въ отставку, „имѣлъ 12.000 ливровъ пенсіи, которую король сохранилъ ему; кромѣ того онъ имѣетъ еще 20.000 ливровъ пенсіи въ качествѣ министра и король прибавляетъ къ этому еще 40.000 ливровъ въ годъ".

Иногда причины милости поразительны. Нужно, напримѣръ, утѣшить чѣмъ-нибудь г-на Руйле за то, что онъ не принималъ участія въ вѣнскомъ трактатѣ; ради этого „его племянницѣ м-мъ де-Кастелланъ назначаютъ 6.000 ливровъ пенсіи, а его дочери 10.000". Г-нъ Пвизье получаетъ приблизительно 76.000 или 77.000 ливровъ ренты отъ короля; правда, это довольно значительная сумма, но доходъ не всегда вѣрный, потому что онъ получается съ виноградниковъ". „Только что назначили пенсію въ 10.000 ливровъ маркизѣ де-Лэдъ, потому что она не понравилась супругѣ инфанта и должна удалиться отъ двора".

Самые могущественные протягиваютъ руку и берутъ. „Высчитано, что на прошлой недѣлѣ, придворнымъ дамамъ назначено 120.000 ливровъ пенсіи, въ то время какъ офицеры не получали никакой пенсіи впродолженіе двухъ лѣтъ: 8.000 ливровъ назначено герцогинѣ де-Шеврезъ, мужъ которой имѣлъ отъ 400.000 до 500.000 ливровъ дохода; 12.000 ливровъ г-жѣ де-Люинь, чтобы она не была ревнива, 10.000 герцогинѣ де-Бранкасъ, матери предыдущей и т. д.". Во главѣ этихъ кровопійцевъ стоятъ принцы крови. „Король назначилъ милліонъ пятьсотъ тысячъ ливровъ принцу де-Конти, для уплаты его долговъ, изъ которыхъ одинъ милліонъ выданъ подъ предлогомъ вознагражденія за несправедливость, совершенную по отношенію къ нему, вслѣдствіе продажи Оранжа и 500.000 ливровъ въ награду". „Герцогъ Орлеанскій имѣлъ передъ тѣмъ 50.000 экю пенсіи, ожидая наслѣдства отъ своего отца. Сдѣлавшись богатымъ послѣ смерти отца и получая болѣе трехъ милліоновъ дохода, онъ отказался отъ пенсіи. Но представивъ затѣмъ доказательства, что его расходы превышаютъ доходы, эти 50.000 были возвращены ему королемъ".

Двадцать лѣтъ спустя, въ 1780 году, когда Людовикъ XVI, желая облегчить казначейство, подписываетъ „великую реформу стола", сестрамъ короля назначается 800.000 ливровъ на ихъ столъ; вотъ во что обходятся народу сокращенные обѣды трехъ старыхъ дамъ. Для двухъ братьевъ короля назначается 8.300.000 ливровъ, кромѣ 2.000.000 дохода съ удѣловъ; для дофина, принцессы Елизаветы и принцессъ 3.500.000 ливровъ; для королевы четыре милліона: это указывается въ счетѣ Неккера въ 1784 году. Присоедините къ этому получаемые изъ рукъ въ руки: 200.000 франковъ г-ну де-Сартину, для уплаты его долговъ, 200 000 г-ну Ламуаньену, хранителю печатей, 600.000 франковъ г-ну Мироменилю на расходы по заведенію, 166.000 вдовѣ г-на де-Морепа, 500.000 принцу де-Сальенъ, 1.200.000 герцогу Полиньяку за заложенное графство Фенетранжъ, 754.337—сестрамъ короля на уплату за Бельвю. „Г-нъ де-Калоннъ, называемый Ожеаръ, компетентный свидѣтель, говоритъ, что изъ стамилліоннаго займа четверть не попало въ казначейство, такъ какъ деньги были разворованы придворными; графу д'Артуа было дано 56.000.000, братъ короля имѣетъ 25.000.000; принцу де-Кондэ, взамѣнъ ренты въ 300.000 ливровъ, дано было единовременно 12.000.000. Не слѣдуетъ забывать, что всѣ эти подарки, пенсіи и жалованья нужно удвоить, чтобы перевести на современныя деньги.

Таково занятіе вельможъ, окруающихъ центральную власть: вмѣсто того, чтобы явиться представителями народа, они сочли за лучшее стать фаритами государя и стригутъ стадо, которое должны бы охранять.

V.

Въ концѣ концовъ стриженое стадо узнаетъ, что сдѣлали изъ его шерсти. „Рано или поздно, говоритъ парламентъ отъ 1764 г., народъ узнаетъ, что остатки нашихъ финансовъ расточаются попрежнему на незаслуженные подарки, на усиленныя и умноженныя пенсіи, на приданыя и безполезныя жалованья“. Рано или поздно онъ оттолкнетъ „эти жадныя руки, всегда протягивающіяся и никогда недовольныя, этихъ ненасытныхъ людей, которые, повидимому, рождены только для того, чтобы все брать и ничего не имѣть, людей безъ жалости и безъ стыда“. Въ этотъ день стригущіе окажутся одни, такъ какъ аристократія, думающая лишь о себѣ, превратилась въ особую касту. Забывъ про народъ, она пренебрегаетъ своими подчиненными; отдѣлившись отъ націи, она отдѣлилась отъ своей свиты. Это главный штабъ въ отпуску, который важничаетъ и нисколько не заботится о своихъ унтеръ-офицерахъ; придетъ день битвы, никто не пойдетъ за нимъ, вождей будутъ искать въ другомъ мѣстѣ. Такова отчужденность придворныхъ сеньоровъ и прелатовъ отъ мелкаго дворянства и низшаго духовенства; они захватили себѣ жирный кусокъ и не даютъ ничего или почти ничего людямъ, не принадлежащимъ къ ихъ міру. Противъ нихъ впродолженіе цѣлаго вѣка поднимается ропотъ и постепенно превращается въ крикъ, въ которомъ старый и новый духъ и философскія идеи звучатъ въ униссонъ. „Я вижу,—говоритъ судья Мирабо, что дворянство дичаетъ и теряется. Это простирается на всѣхъ дѣтей кровопійцъ, на выскочекъ финансоваго міра, введенныхъ Помпадуръ, которая сама вышла изъ этой грязи. Часть одичаетъ на службѣ при дворѣ, другая смѣшается съ писарской командой, которая превращаетъ въ чернила кровь подданныхъ короля, еще другая погибнетъ задушенная судейскими чиновниками“; и все это выскочки старой или новой расъ составляютъ банду, которая и есть дворъ. „Дворъ, — восклицаетъ Держансонъ, въ этомъ словѣ все зло. Дворъ превратился въ сенатъ націи. Самый незначительный слуга Версаля, является сенаторомъ. Горничныя принимаютъ участіе въ управленіи государствомъ и если не распоряжаются, то во всякомъ случаѣ препятствуютъ появленію уставовъ и законовъ, вслѣдствіе чего въ странѣ нѣтъ болѣе ни законовъ, ни повелѣній, ни повелителей... При Генрихѣ IV придворные жили, каждый въ своемъ домѣ, они не были вовлечены въ разорительныя издержки, чтобы находиться при дворѣ; поэтому имъ и не нужно было тѣхъ милостей, какъ въ настоящее время...Дворъ— могила націи“. Большое число офицеровъ изъ дворянъ, видя, что высшія должности предоставляются только придворнымъ, покидаютъ службу и недовольные возвращаются на свои земли. Другіе не покидавшіе своихъ владѣній, питаютъ праздностью и скукой ихъ

неудовлетворенное самолюбіе. Въ 1789 году,—говоритъ маркизъ де-Феррейръ,—большинство „такъ утомилось дворомъ и министрами, что почти стали демократами“. По крайней мѣрѣ „они хотятъ вырвать правительство у министерской олигархіи, въ рукахъ которой оно сосредоточено“. Не нужно вельможъ на мѣста депутатовъ; они ихъ оттѣсняютъ назадъ, говоря, что они не защищаютъ интересовъ дворянства“; сами они въ своихъ тетрадяхъ настаиваютъ, чтобы не было больше придворнаго дворянства.

Тѣ же самыя чувства питаетъ и низшее духовенство, такъ какъ оно исключено отъ занятія высокихъ должностей, ни только потому, что оно низшее, но еще и потому, что представители его—разночинцы. Уже въ 1766 году, маркизъ Мирабо писалъ: „большинство духовенства сочло бы для себя оскорбленіемъ, если бы комунибудь предложили занять мѣсто деревенскаго священника. Доходы и награды предназначаются для аббатовъ и для многисленныхъ настоятелей монастырей. Истинные же пастыри душъ, служители церкви, едва могутъ существовать“. Первый классъ, „вышедшій изъ дворянства и высшей буржуазіи ничего не имѣетъ кромѣ претензій. Другой долженъ исполнять лишь свои обязанности безъ всякой надежды на какой либо доходъ... Онъ набирается изъ нижнихъ слоевъ гражданскаго общества и паразиты, обирающіе этихъ работниковъ, приводятъ ихъ въ еще болѣе бѣдственное положеніе“. „Я сожалѣю,—говоритъ Вольтеръ,—о судьбѣ деревенскаго священника, принужденнаго оспаривать каждую мѣру зерна у своего прихожанина, возбуждать противъ него судебное преслѣдованіе, требовать отъ него десятину гороха, проводить свою жалкую жизнь въ постоянныхъ раздорахъ... Еще болѣе мнѣ жаль священника, получающаго часть отъ монаховъ, которые осмѣливаются давать жалованье въ 40 дукатовъ, чтобы цѣлый годъ ходить за двѣ, за три мили отъ своего дома, днемъ, ночью, въ солнце, дождь и снѣгъ, исправлять самыя трудныя и непріятныя обязанности“.

Впродолженіе тридцати лѣтъ старались обезпечить и увеличить вознагражденіе священникамъ; сперва имъ увеличили оклады до 500 ливровъ (1768) затѣмъ 700 ливровъ (1785) викарію 200 ливровъ (1768), затѣмъ 250 ливровъ 1778) и наконецъ 350 ливровъ (1785). При умѣренномъ образѣ жизни при существовавшихъ въ то время цѣнахъ, человѣкъ могъ просуществовать на эти деньги. Но онъ жилъ среди бѣдныхъ, которымъ обязанъ былъ оказывать помощь и онъ питалъ въ своемъ сердцѣ тайную горечь противъ празднаго богача, который съ полными карманами посылалъ его съ пустыми карманами исполнять дѣло милосердія. Въ Сэнъ-Пьерѣ де-Баржувилѣ, въ Тулузенѣ епископъ тулузскій беретъ половину десятины и раздаетъ въ годъ восемь ливровъ милостыни; въ Бретксѣ настоятель Иль-Журдена получающій половину десятины и три четверти другихъ налоговъ раздаетъ десять ливровъ; въ Круа-Фальгардъ, бенедиктинцы, которымъ принадлежитъ половина десятины, даютъ десять ливровъ въ годъ. Въ Сенъ-Круа де-Берней въ Нормандіи не живущій на мѣстѣ аббатъ получающій 57.000 ливровъ, платитъ кюрэ 1.050 ливровъ, у котораго нѣтъ пресвитера и въ приходѣ котораго насчитывается 4.000 причастниковъ. Въ Сэнъ-Обенѣ-

Сюръ-Гайлонъ, аббатъ, получающій крупную десятину, даетъ 350 ливровъ викарію, который принужденъ ходить въ деревню и выпрашивать себѣ зерна, хлѣба, яблокъ. Въ Плесси-Геберъ, „причетникъ не имѣя никакихъ средствъ къ жизни, принужденъ ходить просить обѣда у сосѣднихъ кюрэ“. Въ Артуа гдѣ нерѣдко десятина достигаетъ семи съ половиной и восьми процентовъ производства земли, число кюрэ чрезвычайно невелико церковь ихъ приходитъ въ разрушеніе, а получающій доходы ничего не даетъ бѣднымъ. „Въ Сэнъ-Лоранѣ, въ Нормандіи, приходъ священническій приноситъ не болѣе 400 ливровъ, причемъ кюрэ долженъ давать милостыню населенію состоящему изъ 500 душъ, три четверти котораго нищіе“.

Такъ какъ ремонтированіе церкви и священническаго дома лежитъ на обязанности помѣщика или аббата, нерѣдко находящихся въ отсутствіи, то случается, что священникъ не знаетъ, гдѣ ему служить обѣдню и гдѣ онъ долженъ жить. „Я прибылъ, говоритъ туренскій священникъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ 1788 года... Священническій домъ походилъ на омерзительное подземелье, если бы онъ не былъ открытъ всѣмъ вѣтрамъ“: внизу двѣ квадратныя комнаты безъ дверей и оконъ, вышиною въ четыре съ половиной фута, третья вышиною въ шесть футовъ, квадратная служащая заломъ, кухней, пекарней и водохранилищемъ; наверху три такихъ же комнаты, „повсюду видны трещины, гниль, разрушеніе, нѣтъ ни дверей, ни оконъ, которыя бы закрывались“, и въ 1790 году жилище не было исправлено.

Посмотрите въ видѣ контраста на роскошь прелатовъ, у которыхъ полмилліона дохода, на пышность ихъ дворцовъ на охотничьи выѣзды г-на Диллона, епископа Эврескаго, на обитыя атласомъ исповѣдальни г-на Барраля, епископа Труаскаго, на безчисленные массивные серебряные приборы г-на де-Рогана, епископа Страсбургскаго. Такова судьба священниковъ, состоящихъ на жалованьи у монастырей, получающихъ какихъ нибудь 400 — 500 ливровъ. Изъ этой жалкой суммы они еще должны выплачивать добровольный даръ. Въ Клермонтской епархіи кюрэ обложены сборомъ въ 60, 80, 100, 120 ливровъ и болѣе; викаріи, зарабатывающіе хлѣбъ въ потѣ лица, платятъ 22 ливра“. Наоборотъ, прелаты платятъ очень немного и „есть обычай преподносить епископамъ росписку о взносѣ ихъ налога въ видѣ подарка на новый годъ“. Для священниковъ нѣтъ выхода. За исключеніемъ двухъ или трехъ епископствъ, всѣ высшія церковныя должности предоставлены дворянству; „чтобы быть теперь епископомъ, говоритъ одинъ изъ нихъ, нужно быть дворяниномъ“. Они подобно сержантамъ въ арміи лишены какой бы то ни было надежды стать когда либо офицерами. Нерѣдко поэтому гнѣвъ прорывается у нихъ наружу. „Мы—несчастные кюрэ; мы, имѣющіе огромные приходы, подобно, напримѣръ, моему, который углубляется на два лье въ лѣса; мы, судьба которыхъ заставляетъ вопіять даже камни нашихъ жалкихъ жилищъ, мы поддерживаемъ прелатовъ, которые нерѣдко ведутъ тяжбу съ бѣднымъ кюрэ, срѣзавшимъ въ его лѣсахъ палку, единственную опору во время его длинныхъ путешествій“.

При ихъ проѣздѣ бѣдный человѣкъ принужденъ бросаться наугадъ въ сторону, оберегая свои ноги отъ лошадей, отъ колесъ, а иногда и отъ кнута грубаго кучера, затѣмъ, обрызганный грязью съ палкой и шляпой въ рукахъ, униженно и быстро поклониться раззолоченой каретѣ, въ которой іерархъ возлежитъ на шерсти стада, пасомаго бѣднымъ кюрэ". Все письмо похоже на долгій крикъ бѣшенства; въ такомъ положеніи и съ такими чувствами низшее духовенство не должно смотрѣть на своихъ вождей иначе, какъ смотрѣло на своихъ провинціальное дворянство. Оно не изберетъ „представителями тѣхъ, которые утопаютъ въ роскоши, спокойно смотря на страданія меньшей братіи". Со всѣхъ сторонъ кюрэ порѣшили посылать въ генеральные штаты только деревенскихъ священниковъ, исключивъ „не только канониковъ, аббатовъ, пріоровъ и др., но также главныхъ священниковъ и начальниковъ іерархій", т. е. епископовъ. Въ самомъ дѣлѣ изъ 300 депутатовъ отъ духовенства, въ генеральныхъ штатахъ насчитывается 208 кюрэ, которые, подобно провинціальному дворянству, принесли съ собой недовѣріе и злобу, питаемую ими съ давнихъ поръ къ своимъ начальникамъ. То и другое проявится.

V.

Остается послѣдній привилегированный, самый колоссальный изъ всѣхъ, т. е. король, такъ какъ въ этомъ главномъ штабѣ наслѣдственныхъ дворянъ онъ является наслѣдственнымъ генерераломъ. Правда его службу нельзя считать синекурой какъ ихъ рангъ, но въ его службѣ столько же неудобствъ и еще больше искушеній. Двѣ вещи гибельны для человѣка, отсутствіе занятія и отсутствіе преграды; ни праздность, ни всемогущество не согласуются съ его натурой и самодержавный владыка, который можетъ дѣлать все, какъ бездѣльная аристократія, которая ничего не дѣлаетъ, становится безполезнымъ и вреднымъ. Незамѣтно, захватывая всѣ полномочія, король берется за отправленіе всѣхъ обязанностей; задача колоссальная, превосходящая человѣческія силы. Не революція, но монархія насадила во Франціи административную централизацію подъ руководствомъ королевскаго совѣта три высшихъ чиновника съ генералъ-контролеромъ въ центрѣ, въ каждомъ округѣ интендантъ, въ каждомъ избирательномъ округѣ субделегатъ, ведутъ всѣ дѣла, устанавливаютъ уменьшаютъ и увеличиваютъ налоги, назначаютъ базарные дни, намѣчаютъ, заставляютъ прокладывать дороги, раздаютъ пособія, устанавливаютъ богослуженія и распоряжаются какъ слугами членами муниципальнаго совѣта. „Деревня, говоритъ Тюрбо, есть не что иное какъ собраніе домовъ, хижинъ и жителей, причемъ послѣдніе столь же пассивны, какъ и первые... Ваше величество принуждены рѣшать всѣ вопросы сами или при помощи своихъ приближенныхъ... Каждый ожидаетъ вашихъ приказаній, чтобы послужить на благо народа, чтобы высказать уваженіе къ правамъ другихъ, иногда даже во вредъ своимъ собственнымъ интересамъ". Вслѣдствіе этого Неккеръ говоритъ, что Франція управляется изъ глубины канцеляріи... Мелкіе

служащіе, восхищенные своимъ вліяніемъ, никогда не упустятъ случая подѣйствовать на министра, не обладающаго всестороннимъ умомъ. Бюрократія въ центрѣ, произволъ, исключенія и протекція, вотъ результатъ системы. „Субделегаты, выборные чиновники, управляющіе, сборщики и контролеры податей, судебные пристава, низшее чиновничество, всѣ эти люди занимающіеся налогами пользуются своей маленькой властью и пускаютъ въ глаза пыль своими финансовыми познаніями, людямъ, платящимъ подати, незнающимъ и не могущимъ понять, что ихъ обманываютъ. Грубая безконтрольная централизація наводняетъ всю территорію арміей мелкихъ пашей, рѣшающихъ подобно судьямъ всякія дѣла, управляющіе страной и оправдывающіе хищеніе и злоупотребленіе тѣмъ, что у нихъ всегда на языкѣ имя короля, который заставляетъ ихъ это дѣлать.

Въ самомъ дѣлѣ, вслѣдствіе своей сложности, неправильной постановки и своей коллосальности, машина ускользаетъ отъ контроля, Фридрихъ II, встававшій въ четыре часа утра, Наполеонъ, диктующій ночью, сидя въ своей ваннѣ и работающій восемнадцать часовъ въ сутки, едва успѣваетъ присмотрѣть за всѣмъ. Подобный режимъ подвигается безъ напряженнаго вниманія, безъ неутомимой энергіи, безъ военной строгости, безъ высшаго генія, только при такихъ условіяхъ можно измѣнить по своей волѣ двадцать пять милліоновъ людей въ автоматовъ. Людовикъ XV даетъ машинѣ возможность идти самой по себѣ и пребываетъ въ полной апатіи. „Они такъ хотѣли, они думали, что такъ лучше“, такова его манера говорить, когда операціи министровъ не удавались. „Если бы я былъ полицейскимъ,—говаривалъ онъ еще,—то защищалъ бы кабріолеты“. Онъ чувствуетъ, что машина дѣйствуетъ неправильно, что онъ ничего не можетъ подѣлать и ничего не дѣлаетъ. Въ случаѣ несчастья у него есть свои сбереженія, свой собственный капиталъ.—„Король,—говорила м-мъ Помпадуръ,—безъ всякого размышленія подпишетъ ассигновку на милліонъ и съ трудомъ выдаетъ сотню луидоровъ изъ собственныхъ средствъ“. Людовикъ XVI впродолженіе долгаго времени пытался уничтожить нѣкоторыя отдѣльныя части этой машины, уменьшить треніе остальныхъ, но части были слишкомъ тяжелы, онъ не могъ пригнать ихъ, согласовать, удержать на мѣстѣ и въ безсиліи онъ опустилъ усталыя руки. Онъ довольствуется тѣмъ, что соблюдаетъ экономію по отношенію къ самому себѣ; онъ записываетъ въ свой дневникъ о починкѣ карманныхъ часовъ и предоставляетъ Калонну управлять государственной колесницей.

Несомнѣнно, зло, причиняемое ими или отъ ихъ имени не нравится и огорчаетъ ихъ. Они могутъ жалѣть народъ, но не чувствуютъ себя виновными по отношенію къ нимъ, такъ какъ они являются ихъ владыками, а не ихъ уполномоченными. Франція для нихъ то же самое, что имѣніе для помѣщика, а помѣщикъ никогда не чувствуетъ недостатка въ почестяхъ, такъ какъ онъ щедръ и небреженъ. Онъ расточаетъ свое имущество и никто не имѣетъ права спрашивать у него отчета. Государство, созданное на феодальной системѣ, является собственностью, наслѣдственнымъ

имуществомъ и было бы измѣной, если бы принцъ передалъ въ руки своихъ подданныхъ какую-нибудь часть своего королевства, которое онъ получилъ въ полной неприкосновенности отъ своихъ отцовъ и долженъ передать его такимъ же своимъ дѣтямъ. Не только по средневѣковымъ традиціямъ, онъ является собственникомъ французовъ и Франціи, но еще и по теоріи законниковъ, онъ, подобно Цезарю, единственный и постоянный представитель націи, а по доктринѣ теологовъ, онъ, подобно Давиду, священный посолъ самого Бога. При всѣхъ этихъ титулахъ было бы чудомъ, если бы онъ не считалъ государственный доходъ своихъ частнымъ доходомъ и не распоряжался бы имъ какъ хотѣлъ. Наша современная точка зрѣнія настолько противоположна, что мы лишь съ трудомъ можемъ стать на его точку зрѣнія; но въ то время, таково было всеобщее мнѣніе. Въ ту эпоху вмѣшиваться въ дѣла короля было-бы такъ же странно, какъ вмѣшиваться въ дѣла частнаго лица. Только въ концѣ 1788 года, въ знаменитомъ салонѣ Пале-Рояля „съ невообразимой смѣлостью высказывали, что въ настоящей монархіи государственные доходы не должны находиться въ распоряженіи государя, что ему слѣдуетъ назначить только довольно крупную сумму для расходовъ по содержанію дворца, для наградъ своимъ служащимъ, а также для его развлеченій, остальное же должно храниться въ государственномъ казначействѣ и расходоваться только съ разрѣшенія Національнаго Собранія". Ограничить монарха цивильнымъ листомъ, наложить руку на девять десятыхъ его дохода, какая дерзость! Изумленіе было бы не меньшее, если бы въ настоящее время кто-нибудь предложилъ раздѣлить доходъ каждаго милліонера на двѣ части и отдавъ ему меньшую, другую часть вносить въ общую кассу и расходовать деньги только на общественныя дѣла. Одинъ бывшій главный откупщикъ, человѣкъ умный и безъ предразсудковъ писалъ совершенно серьезно, оправдывая покупку Сэнъ-Клу: „Это было кольцо на палецъ королевы". Въ дѣйствительности кольцо своило 7.700.000 фр. Но король Франціи имѣлъ въ то время 477 милліоновъ дохода. Что сказали бы о частномъ лицѣ, обладающемъ доходомъ въ 477 тысячъ ливровъ и который разъ въ своей жизни подарилъ бы своей женѣ на семь или восемь тысячъ ливровъ бриллiантовъ? Сказали бы, что подарокъ очень скроменъ и что мужъ не расточителенъ.

Чтобы лучше понять исторію нашихъ королей, будемъ принимать всегда въ принципѣ, что Франція—ихъ земля, ферма, передаваемая отъ отца къ сыну, сперва маленькая, мало-по-малу разросшаяся и черезъ восемь столѣтій имѣющая протяженіе въ 27.000 квадратныхъ миль. Конечно въ большинствѣ случаевъ его интересы совпадаютъ съ общественнымъ благомъ; въ общемъ онъ недурно управлялъ, и такъ какъ его владѣнія постоянно расширялись, то значитъ онъ управлялъ лучше многихъ другихъ. Кромѣ того, вокругъ него находится много опытныхъ людей, старыхъ совѣтниковъ, преданныхъ государству, которые почтительно упрекаютъ его, когда онъ расходуетъ слишкомъ много; нерѣдко онъ призываетъ ихъ къ полезной работѣ,—устройству путей, каналовъ, сооруженію домовъ для инвалидовъ, военныхъ школъ, ученыхъ

институтовъ, благотворительныхъ заведеній, работаетъ по ограниченію крѣпостного права, по вѣротерпимости, созываетъ провинціальныя собранія, проводитъ разныя другія реформы, превращая феодальное государство въ современное. Но феодальное или современное, оно все же остается его собственностью, которому онъ можетъ вредить въ такой же степени, какъ и приносить пользу. Если при обычномъ поведеніи личные интересы не слишкомъ господствуютъ надъ интересами общественными, то онъ уподобляется святому, какъ Людовикъ IX, или стоику, подобно Марку Аврелію. Но тѣмъ не менѣе, у него какъ и у другихъ королей имѣется свое самолюбіе, свои вкусы, свои фавориты, свои родственники, своя любовница, своя жена, свои близкіе, которыхъ онъ долженъ удовлетворить впередъ; нація же идетъ послѣ.

Въ самомъ дѣлѣ за сто лѣтъ, отъ 1672 до 1774 года, всѣ войны возгорались, вслѣдствіе уколовъ самолюбія, изъ частныхъ расчетовъ, изъ-за жены или семейныхъ интересовъ. Людовикъ XVI въ своей внѣшней политикѣ всегда встрѣчаетъ препятствіе въ супружескихъ тенетахъ. Дома онъ жилъ, какъ другіе помѣщики, но роскошнѣе, потому что былъ самымъ крупнымъ помѣщикомъ во Франціи; сейчасъ я опишу его образъ жизни, пока же ограничусь двумя, тремя подробностями. По достовѣрнымъ даннымъ, Людовикъ XV израсходовалъ на м-мъ Помпадуръ 36 милліоновъ, т. е. 72 милліона на современныя деньги. По словамъ д'Аржансона, въ 1751 году у него въ конюшнѣ находилось 4.000 лошадей и содержаніе дома стоило въ этотъ годъ 68 милліоновъ, т. е. приблизительно одна четверть всего государственнаго дохода. Что же удивительнаго въ томъ, что король въ то время уподоблялся помѣщику, пользовавшемуся своимъ наслѣдственнымъ богатствомъ? Онъ строитъ, устраиваетъ праздники, охотится, бросаетъ деньгами. Считая себя хозяиномъ денегъ, онъ раздаетъ ихъ по своему усмотрѣнію и всѣ его назначенія являются милостями. „Ваше величество знаетъ лучше меня, писалъ аббатъ де-Вермонъ императрицѣ Маріи Терезіи, что съ незапамятныхъ временъ вошло въ обычай три четверти мѣстъ, почестей, пансіоновъ раздавать не по заслугамъ, а по благосклонности. Благосклонность порождается происхожденіемъ, связями и состояніемъ, почти никогда не имѣетъ она другой подкладки, кромѣ протекціи и интригъ. Этотъ порядокъ вещей такъ укрѣпился, что уважается даже тѣми, кто больше всѣхъ страдаетъ отъ него; дворянинъ, не имѣющій связей при дворѣ, не могущій блеснуть своимъ состояніемъ, никогда даже и не мечтаетъ получить полкъ, какъ бы ни были велики его личныя заслуги. Двадцать лѣтъ тому назадъ, сыновья герцоговъ, министровъ, придворныхъ, родственники любовницъ становились полковниками въ шестнадцать лѣтъ. Г-нъ де-Шуазель привелъ всѣхъ въ ужасъ, отодвинувъ это назначеніе къ двадцати тремъ годамъ; но чтобы уничтожить протекцію и произволъ, онъ передалъ на усмотрѣніе короля, или вѣрнѣе министровъ, назначеніе лейтенантовъ, полковниковъ, назначавшихся прежде по старшинству. Вы знаете, что эти мѣста нарочно увеличивали, чтобы раздавать ихъ фаворитамъ. Голубая лента, красная лента—въ такомъ же положеніи, иногда то

же самое происходитъ и съ крестомъ Святого Людовика. Епископство и аббатство раздаются всегда по протекціямъ. О казенныхъ мѣстахъ я не отваживаюсь и говорить".

Неккеръ, вступивъ въ управленіе министерствомъ, открылъ, что изъ королевскаго казначейства выдается 20 милліоновъ пенсіи; послѣ его паденія на придворныхъ посыпался настоящій денежный ливень. Даже въ его время король раздавалъ цѣлыя состоянія подругамъ и друзьямъ своей жены: графинѣ Полиньякъ 400.000 франковъ, для уплаты долговъ, 800.000 франковъ на приданое ея дочери, кромѣ того, для нея самой король обѣщалъ подарить землю, приносящую 35.000 ливровъ дохода и для ея любовника графа де-Водрейль 30.000 ливр. пенсіи; принцессѣ де-Ламбаль 100.000 экю въ годъ, съ одной стороны какъ жалованье, за исполняемыя ею обязанности управительницы, съ другой, какъ пенсія ея брату. Но расточительность становится прямо безумной во времена Каллона. Выбитый изъ колеи, король раздаетъ, покупаетъ, строитъ, помогаетъ близкимъ людямъ, какъ настоящій вельможа, швыряя пригоршнями деньги. Судите хотя бы по одному примѣру: чтобы помочь обанкрутившимся Гаменэ, онъ покупаетъ у нихъ за 12.500.000 три имѣнія, только что пріобрѣтенныя тѣми за 4 милліона; кромѣ того, въ обмѣнъ двухъ имѣній въ Бретани, приносящихъ 33.758 ливровъ, онъ уступаетъ имъ княжество Домбское, приносящее 70.000 ливровъ ренты.

Когда позднѣе мы займемся „Красной книгой", то найдемъ тамъ 700.000 ливровъ пенсіи уплачиваемой дому Полиньякъ, большинство которой переходитъ отъ одного члена семьи къ другому и около двухъ милліоновъ ежегоднаго пособія дому Ноэйль.

Король забылъ, что всѣ его милости заставляютъ страдать другихъ, такъ какъ дворянинъ, получающій шесть тысячъ ливровъ пенсіи, получаетъ подати съ шести деревень. Въ государствѣ, гдѣ существуетъ налогъ, каждый расходъ монарха основанъ на голоданіи крестьянина и король при помощи своихъ чиновниковъ отнимаетъ хлѣбъ у бѣдныхъ, чтобы давать экипажи богатымъ. Однимъ словомъ, центръ правительства, есть центръ зла; всѣ несправедливости, всѣ несчастія исходятъ изъ него, какъ изъ зараженнаго очага: здѣсь общественный нарывъ достигаетъ своей крайней точки. И здѣсь же онъ прорвется.

VI.

Справедливый и фатальный результатъ привилегіи которую эксплоатируютъ въ свою пользу, вмѣсто того, чтобы извлекать изъ нея пользу для другихъ. Кто говоритъ „государь", подразумѣваетъ защитникъ, дающій пропитаніе, начальникъ, который руководитъ"; за исполненіе такихъ обязанностей, вознагражденіе никогда не будетъ слишкомъ велико, такъ какъ нѣтъ обязанности болѣе высокой и болѣе трудной. Но, нужно, чтобы онъ ее исполнялъ, иначе въ день опасности его оставятъ одного. Уже задолго до наступленія дня опасности, его войско не принадлежитъ ему, если оно еще идетъ за нимъ, то только по рутинѣ; оно – собраніе от-

дѣльныхъ личностей, а не организованное тѣло. Въ то время, какъ въ Германіи и Англіи преображенный феодальный режимъ составляетъ еще живое общество, во Франціи его механическая рама сжимаетъ только прахъ людей. Еще существуетъ матеріальный порядокъ, но нравственнаго порядка нельзя уже болѣе найти. Медленная и глубокая революція разрушила интимную іерархію и добровольное почтеніе. Это —армія, гдѣ чувство дѣлающее вождей и чувство, дѣлающее подчиненныхъ, исчезли; чины различаются по платью, но не существуютъ болѣе въ сознаніи; ей недостаетъ того, что дѣлаетъ крѣпкой армію,—довѣрія, оправдываемаго солдатами, ежедневнаго обмѣна взаимной преданности, убѣжденія, что каждый полезенъ всѣмъ, и что вожди полезнѣе всѣхъ. И какъ можетъ существовать такое убѣжденіе въ арміи, главный штабъ которой разъѣзжаетъ по ресторанамъ, выставляетъ напоказъ свои эполеты и получаетъ двойной окладъ? Уже до финальной катастрофы, Франція разложилась и разложилась потому, что привилегированный классъ забылъ свои обязанности общественныхъ людей.

КНИГА ВТОРАЯ.

Нравы и характеры.

ГЛАВА I.

Зарожденіе нравовъ въ эпоху Стараго Порядка.—Дворъ и показная жизнь.— I. Внѣшній видъ и нравственный характеръ Версаля —II. Домъ короля.— Личный составъ и издержки.—Его военный домъ, его конюшня, его охотничій дворъ, его средства, его столъ, его комната, его гардеробъ, его складъ мебели, его путешествія. — III. Общество короля. — Офицеры его дома.— Гости его салона. — IV. Занятія короля. Пробужденіе, месса, обѣдъ, прогулки, охота, ужинъ, игра, вечеринки. — Онъ всегда на виду и въ обществѣ.—V. Развлеченія королевскихъ особъ и двора.—Людовикъ XV.—Людовикъ XVI.—VI. Аналогичные образы жизни.—Принцы и принцессы.—Придворные.—Финансисты и парвеню.—Посланники, министры, губернаторы, высшіе военные чины.—VII. Прелаты, сеньоры и мелкое дворянство въ провинціи.—Феодальная аристократія превратилась въ салонное общество.

Главный штабъ въ отпуску болѣе чѣмъ столѣтіе, собирающійся у генералъ-аншефа, устраивающаго пріемы въ своемъ салонѣ,— вотъ причина и слѣдствіе происхожденія нравовъ въ эпоху стараго порядка. Поэтому тотъ, кто захотѣлъ бы узнать ихъ, долженъ прежде всего направить свои наблюденія на ихъ центръ и источникъ, т. е. на дворъ. Какъ старый порядокъ взятый въ общемъ, онъ лишь пустая форма, пережитокъ военнаго быта; когда причины исчезли, послѣдствія еще существуютъ и примѣненіе переживаетъ полезность. Нѣкогда въ первыя феодальныя времена, при товарищескихъ простыхъ отношеніяхъ, дворяне служили королю собственными руками,—одинъ присматривалъ за его покоями, другой подавалъ ему на столъ, тотъ раздѣвалъ его вечеромъ, а тотъ

наблюдалъ за его соколами и лошадьми. Затѣмъ въ эпоху Ришелье и во время Фронды они составляли гарнизонъ его дворца, вооруженные они сопровождали его, составляя свиту, всегда готовую дать отпоръ. Теперь, какъ и раньше, они неотлучно находились возлѣ него, со шпагой у бедра, ловя его каждое слово, повинуясь каждому его жесту, и самые знатные изъ нихъ исполняли у него домашнюю работу. Но вычурная пышность замѣнила плодотворную дѣятельность; въ настоящее время они являются только украшеніемъ, а не полезными помощниками; они, группируясь вокругъ короля, только способствуютъ его блеску.

I.

Нужно сказать, что блеску было достаточно и со временъ итальянскаго Ренессанса, міръ не видѣлъ большей пышности. Послѣдуемъ за лентой экипажей, которая изъ Парижа въ Версаль, тянется непрерывно, какъ рѣка. Лошади, которыхъ называютъ „бѣшеными“, и которыхъ кормятъ особымъ образомъ, совершаютъ путь туда и обратно въ три часа. Съ перваго взгляда чувствуешь себя въ особаго рода городѣ, построенномъ сразу, какъ бы изъ одного куска, подобно медали, отчеканенной въ одномъ экземплярѣ со спеціальной цѣлью: его форма является постороннимъ дѣломъ такъ же какъ его происхожденіе и цѣль употребленія. Правда, въ немъ до 80.000 душъ населенія и онъ считается однимъ изъ обширнѣйшихъ городовъ королевства, но онъ наполненъ, заселенъ, занятъ жизнью одного человѣка; онъ ничто иное, какъ резиденція короля, приспособленная цѣликомъ, чтобы отвѣчать нуждамъ, удовольствіямъ, услугамъ, охранѣ, обществу, представительству короля. Тамъ и сямъ въ закоулкахъ и трущобахъ есть гостиницы, винныя лавки, трактиры, кабаки для рабочихъ, людей труда, для рядовыхъ солдатъ, для младшей челяди; эти кабачки необходимы, такъ какъ самый великолѣпный апофеосъ не можетъ обойтись безъ грязной работы. Но зато дальше идутъ только пышные отели и дворцы, скульптурные фасады, портики, балюстрады, великолѣпныя лѣстницы, барскіе дома, обширные, идущіе въ стройномъ порядкѣ точно процессія вокругъ колоссальнаго и грандіознаго дворца, являющагося средоточіемъ всего. Самыя знатныя фамиліи имѣютъ здѣсь постоянную резиденцію: направо отъ дворца, отель Бурбоновъ, отель Эквилли, отель Тремуйль, отель Кондэ, отель Морепа, отель герцоговъ Бульонскихъ, отель д'Е отель Ноэйль, отель Пантьевръ, отель Ливри, отель графа де-ла-Маршъ, отель Броліе, отель Тэнгри, отель Орлеановъ, Шатильона, Вильруа, д'Аркура, Монако; налѣво павильонъ Орлеановъ, павильонъ Монсіенъ (брата короля), отели: Шеврезъ, Бальбель, Опиталь, д'Антэна, Данжо, Поншартрэнъ,—и безконечнаго числа другихъ. Прибавьте къ этому еще тѣхъ, которые на десять миль въ окружности въ Ссо, въ Женивилье, въ Брюнуа, въ Иль-Аданъ, въ Райнси, въ Сэнъ-Уанѣ, въ Коломбѣ, въ Сэнъ-Жермэнѣ, въ Марли, въ Бельвю въ сотнѣ другихъ мѣстъ образуютъ цвѣточный архитектурный вѣнокъ, откуда каждое утро вылетаетъ такое же количество золотистыхъ осъ, чтобы блистать,

собирать медъ въ Версалѣ, центрѣ всякаго изобилія и блеска. Каждый годъ бываетъ „представлено" около сотни мужчинъ и женщинъ, что составитъ въ общемъ двѣ-три тысячи: это общество короля, дамы дѣлающія передъ нимъ реверансы, дворяне ѣздящіе въ его каретахъ; ихъ отели либо рядомъ со дворцомъ, либо гдѣ-нибудь по близости и поэтому они въ любой моментъ могутъ наполнить его пріемную или салонъ.

Такой салонъ имѣетъ и пропорціональные размѣры; въ Версалѣ нужно считать сотнями отели и другія постройки, отведенные для частнаго пользованія короля и его приближенныхъ. Со времени Цезаря ни одна человѣческая жизнь не занимала столько мѣста подъ солнцемъ. Улица Резервуаръ: старый отель и новый отель губернатора Версаля, отель гувернера дѣтей графа д'Артуа, хранилище мебели короля, зданія для помѣщенія актеровъ, играющихъ при дворѣ, конюшни брата короля. Улица Бонзанфанъ: отель гардероба, домъ служащихъ графини Провансальской. Улица Помпы, отель старшины, конюшни герцога Орлеанскаго, отель гвардіи графа д'Артуа, англійскій садъ брата короля, ледники короля, манежъ легкой кавалеріи гвардіи короля, садъ отеля смотрителя зданій короля, отель гвардейскихъ жандармовъ, отель главнаго штаба легкой кавалеріи, огромный отель тѣлохранителей, отель главнаго ловчаго, отель главнаго сокольничаго егермейстера, начальника канала, генералъ-контролера, главно-управляющаго зданій, отель канцеляріи, отель сокольничій, отель придворныхъ каретъ, мастерскія и магазины мелкихъ развлеченій, главная конюшня, малая конюшня, другія конюшни въ улицѣ Лиможъ, въ улицѣ Рояль, и въ авеню Сэнъ-Клу, огородъ короля, занимающій двадцать девять садовъ и четыре террассы, большое общежитіе на двѣ тысячи лицъ, дома и отели называемые „Людовиковы", въ которыхъ король помѣщаетъ разныхъ лицъ на время или навсегда,—но при помощи словъ написанныхъ на бумагѣ, нѣтъ возможности дать физическое впечатлѣніе колоссальности.

Въ настоящее время отъ этого Версаля, приноровленнаго къ другимъ требованіямъ, остались одни обломки; однако, посмотрѣть его стоитъ. Взгляните на эти три аллеи, которыя сходятся вмѣстѣ на большой площади, сорокъ туазовъ въ ширину, четыреста въ длину, онѣ не казались слишкомъ просторными для многолюдной толпы, для движенія экипажей, для головокружительной быстроты эскортовъ, мчащихся позади каретъ; посмотрите на стоящія противъ дворца двѣ конюшни, съ ихъ рѣшетками длиною въ тридцать два туаза, стоившихъ въ 1682 году три милліона, т. е. пятнадцать милліоновъ на теперешнія деньги; эти конюшни такъ красивы и вмѣстительны, что еще при Людовикѣ XIV тамъ устраивались то кавалькады принцевъ, то залъ для театра, то залъ для танцевъ; прослѣдите затѣмъ взглядомъ расположеніе гигантской полукруглой площади, которая отъ рѣшетки къ рѣшеткѣ, отъ двора къ двору идетъ, поднимаясь и суживаясь, сперва между отелями министровъ, затѣмъ между двумя колоссальными флигелями, чтобы окончиться у величественной стѣны Мраморнаго Двора, гдѣ пилястры, статуи, фронтоны, всевозможныя сложныя украшенія цѣ-

лымъ рядомъ этажей возносятъ до небесъ величественную прямолинейность своихъ контуровъ и громоздкую выставку украшеній? По словамъ одного манускрипта дворецъ стоилъ 153 милліона, т. е. приблизительно 750 милліоновъ на современныя деньги; когда король хочетъ показаться во всемъ блескѣ, то онъ не можетъ жить дешевле. Бросьте теперь взглядъ въ другую сторону, на сады, и королевское великолѣпіе станетъ еще болѣе ощутительнымъ. Лужайки и паркъ являются салономъ на воздухѣ; природа не имѣетъ здѣсь своего естественнаго вида; она приноровлена вся для общества; здѣсь нельзя отыскать мѣста, куда можно было бы уединиться, но все приспособлено для совмѣстныхъ прогулокъ и церемонныхъ поклоновъ. Деревья представляютъ собою стѣны и обои, подрѣзанные кустарники изображаютъ вазы и лиры. Эти лужайки не что иное какъ мягкіе ковры. Въ этихъ соединенныхъ, прямолинейныхъ аллеяхъ король, съ палкой въ рукѣ, станетъ прогуливаться со своей свитой. Шестьдесятъ дамъ въ платьяхъ съ кринолинами, имѣющими до восьмидесяти футъ въ окружности, легко могутъ размѣститься на ступеняхъ этихъ лѣстницъ. Эти укромныя бесѣдки изъ зелени будутъ въ состояніи скрыть мимолетное любовное увлеченіе какого-нибудь принца. Подъ этимъ круглымъ портикомъ, всѣ сеньоры, имѣющіе доступъ во внутренніе покои короля, могутъ любоваться причудливой игрой новаго фонтана. Они находятъ себѣ подобныхъ даже въ мраморныхъ и бронзовыхъ фигурахъ населяющихъ аллеи и бассейны, даже въ благородной позѣ Аполлона, въ театральномъ видѣ Юпитера, въ свѣтскости и дѣланной небрежности Діаны или Венеры. Даже сами боги — люди ихъ общества. Углубленный путемъ усилій цѣлаго поколѣнія и цѣлаго вѣка, отпечатокъ двора становится настолько сильнымъ, что ложится какъ на каждую деталь, такъ и на все цѣлое, какъ на матеріальные предметы, такъ и на произведенія ума.

III.

Все это только рамка; до наступленія 1789 г. она была заполнена. „Не видѣть великолѣпія Версаля, говоритъ Шатобріанъ, значитъ ничего не видѣть“ *). Это настоящій муравейникъ ливрей, формъ, костюмовъ, экипажей, не менѣе блестящій и разнообразный, чѣмъ на картинѣ; я хотѣлъ бы прожить недѣлю въ этомъ мірѣ; онъ былъ приспособленъ для изображенія красками, для того, чтобы ласкать взоръ, какъ сцена въ оперѣ. Но какъ представить себѣ людей, для которыхъ жизнь была опера? Въ ту эпоху каждый вельможа долженъ былъ имѣть большую свиту; его кортежъ и роскошь составляютъ часть его личности; онъ теряетъ часть своего значенія, если окружаетъ себя роскошью не вполнѣ достойной его; онъ чувствовалъ бы себя неловко, если бы у него въ домѣ было пусто, совсѣмъ такъ, какъ чувствуемъ мы себя, находя дыру въ платьѣ. Если онъ экономничаетъ, онъ впадаетъ въ

---

*) Мемуары. I., 221. Онъ былъ представленъ ко двору 23-го февраля 1787 г.

опалу; когда Людовикъ XVI начинаетъ проводить нѣкоторыя реформы, дворъ говоритъ, что онъ поступаетъ по-мѣщански. Какъ только принцъ или принцесса входятъ въ возрастъ, въ распоряженіе имъ предоставляютъ отдѣльный домъ; когда принцъ женится, для его супруги тоже отводится отдѣльный домъ; подъ домомъ нужно подразумѣвать пятнадцать или двадцать отдѣльныхъ службъ, конюшня, кухня, часовня, гардеробъ, людская, винный погребъ, фруктовая, кухня для прислуги, кабинетъ, совѣтъ, безъ этого она не чувствуетъ себя принцессой. У герцога Орлеанскаго 274 должности, у сестеръ короля 210, 68 у принцесы Елизаветы, 239 у графини д' Артуа, 256 у графини Провансальской, 496 у королевы. Когда нужно было образовать штатъ королевской дочери, достигшей возраста одного мѣсяца, „королева, пишетъ австрійскій посолъ, желаетъ устранить вредное вліяніе безполезной массы прислуги и всякій вообще поводъ для порожденія чувства гордости. Но, несмотря на сокращеніе, домъ молодой принцессы достигнетъ приблизительно 80 лицъ, предназначенныхъ единственно къ услугамъ королевской особы“. Гражданскій домъ брата короля включаетъ 420 лицъ, а военный домъ 179; военный домъ графа д' Артуа 237, а гражданскій 456.

Три четверти служатъ только для парада; благодаря своимъ вышивкамъ и галунамъ, благодаря ихъ вѣжливымъ и учтивымъ манерамъ, ихъ внимательному, скромному виду, ихъ красивой манерѣ кланяться, ходить, улыбаться, они ласкаютъ взоръ, вытянувшись въ рядъ въ прихожей или образуя живописныя группы въ галереи; я хотѣлъ бы даже заглянуть въ конюшни и на кухню, гдѣ находятся фигуранты, заполняющіе фонъ картины. По этому блеску второстепенныхъ звѣздъ судите о великолѣпіи королевскаго солнца.

Королю нужна гвардія, пѣхота, кавалерія, тѣлохранители, французскіе гвардейцы, швейцарскіе гвардейцы, сотня швейцарцевъ, легкая гвардейская кавалерія, стражники, 9.050 человѣкъ, содержаніе которыхъ обходится ежегодно 7.081.000 ливровъ. Четыре роты французскихъ гвардейцевъ и двѣ—швейцарскихъ гвардейцевъ каждый день устраиваютъ парады на дворѣ министровъ, между двумя рѣшетками, и когда король выѣзжаетъ въ экипажѣ въ Парижъ или Фонтенэбло—зрѣлище поражаетъ своей пышностью. Впереди и сзади ѣдутъ по четыре трубача. Швейцарскіе гвардейцы съ одной стороны и французскіе гвардейцы съ другой образуютъ длинную непроницаемую ограду. Передъ лошадьми идетъ сотня швейцарцевъ въ костюмахъ пятнадцатаго столѣтія съ бердышами, брыжжами, съ султаномъ на шляпахъ, ихъ просторныя куртки сшиты изъ двухъ разноцвѣтныхъ матерій; рядомъ съ нимъ гвардейцы превотства съ золотыми петлицами, красными отворотами въ костюмахъ, покрытыхъ драгоцѣнными вышивками. Во всѣхъ корпусахъ офицеры, трубачи, музыканты унизаны золотыми и серебряными галунами и ослѣпляютъ своимъ блескомъ взоръ. Литавры, повѣшенныя на луку сѣдла, украшенныя раззолоченными и пестрыми узорами годятся для музея; литаврщикъ-негръ французскихъ гвардейцевъ походитъ на какое-то страшилище изъ феерія.

Позади и по бокамъ кареты бѣгутъ тѣлохранители со шпагой и карабиномъ, въ красныхъ панталонахъ, большихъ черныхъ сапогахъ, въ голубыхъ курткахъ, украшенныя бѣлыми вышивками, все столбовые дворяне; всѣхъ тѣлохранителей 1.200 человѣкъ, выбранныхъ изъ дворянъ и людей податнаго сословія; нѣкоторые изъ нихъ одѣтые въ бѣлые казакины съ золотыми и серебряными звѣздами, съ ихъ дамаскими бердышами, присутствуютъ на всѣхъ церковныхъ церемоніяхъ, стоя вокругъ короля и повернувшись къ нему лицомъ: „чтобы со всѣхъ сторонъ имѣть наблюденіе за его особою“. Вотъ все относительно его безопасности.

Будучи дворяниномъ, онъ и наѣздникъ и потому ему необходимо имѣть достойную его званія конюшню. 1857 лошадей, 217 каретъ, 1458 человѣкъ, которыхъ онъ одѣваетъ и ливреи которыхъ обходятся въ 540 тысячъ ливровъ ежегодно; кромѣ того, имѣется еще 38 конюховъ, главныхъ и обыкновенныхъ; затѣмъ, къ этому слѣдуетъ добавить 20 гувернеровъ, помощниковъ гувернеровъ, учителей, поваровъ и слугъ, предназначенныхъ поучать и служить пажамъ; кромѣ того, около тридцати врачей, аптекарей, сидѣлокъ, управителей, смотрителей, рабочихъ, купцовъ, состоящихъ на жалованіи за оказываемыя ими услуги: въ общемъ болѣе 1.500 человѣкъ. Ежегодно покупается на 25.000 франковъ лошадей. Для пополненія состава имѣются конскіе заводы въ Лиліузинѣ и Нормандіи. 287 лошадей ежедневно дрессируются въ двухъ манежахъ; 443 верховыхъ лошади стоятъ въ малой конюшни, 457 въ большой и этого еще не хватаетъ для всѣхъ нуждъ. Все это стоитъ 4.600.000 ливровъ въ 1775 году и достигаетъ 6.200.000 ливровъ въ 1787 году. Еще зрѣлище, которое стоило бы посмотрѣть воочію, чтобы полюбоваться этими пажами, пикерами, конюшенными мальчиками въ галунахъ, конюшенными мальчиками съ серебряными пуговицами, слугами малой шелковой ливреи, музыкантовъ, берейтеровъ конюшни.

Пользованіе лошадью, это феодальное искусство для человѣка благороднаго происхожденія, это самая естественная роскошь; вспомните конюшни Шантильи, больше похожія на дворцы. Вмѣсто того, чтобы сказать, что это хорошо воспитанный, благородный человѣкъ, въ ту эпоху говорили: „Это великолѣпный наѣздникъ“. И дѣйствительно, онъ только тогда являлся въ полномъ блескѣ, когда садился на коня такой же благородной крови, какъ онъсамъ.

Другая страсть дворянина, являющаяся слѣдствіемъ ивелой?— охота. Она обходится королю отъ 1.100.000 до 1.200.000 ливровъ въ годъ, причемъ для нея требуется 280 лошадей, кромѣ двухъ конюшенъ. Нельзя вообразить себѣ болѣе разнообразнаго и болѣе полнаго охотничьяго снаряда: стая для кабана, стая для волка, стая для дикой козы, соколы для кобчиковъ, соколы для вороны, соколы для сороки, соколы для зайца, соколы для спуска на поляхъ. Въ 1783 году на кормъ лошадямъ израсходовано 179.194 ливра и 53.412 ливровъ на кормъ собакамъ. Вся площадь на десять льё отъ Парижа принадлежитъ королевской охотѣ; поэтому вы видите повсюду куропатокъ, вполнѣ освоившихся съ человѣкомъ, мирно клюющихъ зерно и даже не сторонящихся, когда мимо нихъ кто-нибудь проходитъ“.

Прибавьте къ этому охотничьи владѣнія принцевъ, доходящихъ до Валлера-Коттерэ и Орлеана; это составитъ вокругъ Парижа, почти непрерывающуюся площадь въ тридцать льё въ окружности, гдѣ дичь никѣмъ не безпокоимая, множится для удовольствія короля. Одинъ Версальскій паркъ занимаетъ площадь приблизительно въ десять льё. Лѣсъ Рабмульё тянется на протяженіи 25.000 десятинъ. Въ окрестностяхъ Фонтэнебло встрѣчаются стада оленей отъ 70 до 80 головъ. Перечитывая охотничьи замѣтки, каждый истинный охотникъ почувствуетъ зависть. Волчій снарядъ выпускается каждую недѣлю и истребляетъ до 40 волковъ ежегодно. Съ 1743 по 1774 гг. Людовикъ XV загналъ 6.400 оленей. Людовикъ XVI пишетъ отъ 31-го августа 1781 г. „Сегодня убито 460 штукъ". Въ 1780 г. онъ положилъ 20.354 штуки; въ 1781 г.—20.291; за 14 лѣтъ убито 189.251 штука, кромѣ 1.254 оленей; кабаны и дикія козы истребляются въ той же пропорціи и замѣтьте, что все это находится у него подъ руками, такъ какъ его парки примыкаютъ къ его дворцамъ.

Таковъ дѣйствительно характеръ „благоустроеннаго дома", т. е. снабженнаго всѣмъ необходимымъ и всѣми услугами; въ немъ все находится подъ рукой: это цѣлый міръ довлѣющій самъ себѣ. Широкая жизнь привязываетъ и собираетъ вокругъ себя съ величайшей предусмотрительностью и мелочной заботливостью всѣ дополненія, которыми она пользуется или могла бы воспользоваться.

Поэтому каждый принцъ, каждая принцесса имѣетъ свой медицинскій факультетъ, свою часовню; считается неприличнымъ, если священникъ, служащій для нея обѣдню, или докторъ, ухаживающій за нею во-время болѣзни, будутъ приглашены отъ кого-нибудь другого. Тѣмъ болѣе король обязанъ имѣть своихъ собственныхъ; къ его часовнѣ приставленъ штатъ изъ 75 лицъ: священниковъ, капелановъ, духовниковъ, проповѣдниковъ, клерковъ, звонарей, пѣвчихъ, нотныхъ писцовъ, композиторовъ священной музыки; къ его медицинскому факультету принадлежатъ 48 медиковъ, хирурговъ, аптекарей, окулистовъ, операторовъ и химиковъ. Присоедините къ этому еще свѣтскую музыку, 128 пѣвчихъ, танцовщиковъ, инструменталистовъ, учителей и инспекторовъ; его библіотеку, 43 хранителей, чтецовъ, переводчиковъ, граверовъ, медалистовъ, географовъ, переплетчиковъ, типографщиковъ; личный составъ, присутствующій на торжественныхъ выходахъ: 62 герольда, оруженосцы и музыканты; личный составъ, который несетъ заботу объ его аппартаментахъ: 68 камердинеровъ, провожатыхъ и гоффурьеровъ. Я опускаю другія должности, я тороплюсь, чтобы поскорѣе достичь центра, т. е. стола, такъ какъ именно по немъ можно судить о пышности дома.

Каждый день готовятся три разныхъ обѣда: первый для короля и его малолѣтнихъ дѣтей; второй, называемый малый общій, для гофмейстера, главнаго казначея и для тѣхъ принцевъ и принцессъ, которые живутъ во дворцѣ; третій, называемый большой общій для второго стола гофмейстера, для мэтръ-д'отелей, для священниковъ, для служащихъ дворянъ и для лакеевъ: въ общемъ для этого требуется: 383 человѣка служащихъ, 103 лакея, 2.177.771 ливръ рас-

хода; кромѣ этого, ежегодно тратится 388.173 ливра на столъ m-me Елизаветы, 1.095.547 ливровъ на столъ сестеръ короля, итого 3.660.491 ливръ. Виноторговецъ доставляетъ ежегодно винъ на 300.000 франковъ, поставщикъ съѣстныхъ припасовъ присылаетъ на милліонъ дичи, мяса и рыбы. Только для доставки воды изъ Виль д'Аврэ и для перевозки слугъ и провизіи нанимается 50 лошадей за сумму въ 70.491 фр. въ годъ. Принцы и принцессы крови „имѣя право посылать во дворецъ за рыбой въ постные дни, когда они не живутъ во дворцѣ", увеличиваютъ этимъ расходъ въ 1778 г. на 175.116 ливровъ. Прочтите въ Альманахѣ названіе должностей и передъ вами развернется настоящій пиръ Гаргантюа, важная іерархія кухни, великія должности стола, мэтръ д'отели, контролеры, контролеры-ученики, приказчики, дворяне-хлѣбодары, мундшенки, конюшіе и стража кухни, начальники, помощники, повара, кухонные мальчики, виночерпіи, супники, зеленщики, пирожники, кондитеры, оффиціанты, хранители серебра, вертелщики, дворецкій перваго дворецкаго, цѣлая процессія широкихъ покрытыхъ галунами спинъ, величественныхъ животовъ, серьезныхъ лицъ, служащихъ въ порядкѣ и съ убѣжденіемъ вокругъ кастрюль и буфетовъ.

Еще шагъ и мы войдемъ въ святилище, въ аппартаменты короля. Тамъ имѣется два главныхъ должностныхъ лица, у каждаго изъ которыхъ въ распоряженіи находится до ста подчиненныхъ: съ одной стороны оберъ-камергеръ съ первыми придворными чинами, съ дворцовыми пажами, ихъ гувернерами и чинами, съ швейцарами, съ четырьмя главными ординарными лакеями, съ шестнадцатью младшими дежурными лакеями, съ епанченосцами ординарными и дежурными, съ брадобрѣями, обойщиками, часовщиками, гарсонами и привратниками; съ другой стороны—оберъ-гофмейстеръ, съ кастелянами, съ лакеями гардероба, съ портными, смотрителями надъ бѣльемъ, крахмальщиками, съ лакеями, съ придворными чиновниками, съ сторожами и секретарями кабинета, въ общемъ 198 лицъ для внутренной службы и такое же число служащихъ для разныхъ обязанностей по присмотру за роскошной мебелью, за украшеніями аппартаментовъ. Есть отдѣльные служащіе для посылки и полученія писемъ и посылокъ, для держанія плаща и палки, для причесыванія короля, для вытиранія его послѣ принятія ванны, для управленія мулами, которые перевозятъ его кровать, для присмотра за его комнатными левретками, для складыванія, продѣванія и завязыванія его галстуха, для уборки его судна *), особенно много было такихъ, служба которыхъ заключалась въ томъ, чтобы находиться на указанномъ ему мѣстѣ и заполнять собою уголъ, который иначе оказался бы пустымъ. Конечно, что касается выправки и ловкости, то они были безупречны; находясь въ такой близости отъ повелителя, они были обязаны выказывать эти качества; въ такомъ сосѣдствѣ ихъ манеры не могли быть неловкими.

---

*) При Людовикѣ XVI было два такихъ служащихъ, которые каждое утро, одѣтые въ бархатъ съ шпагами у бедра, приходили исполнять свои обязанности; каждый получалъ 20 000 ливровъ въ годъ.

Таковъ домъ короля, и я описалъ только одну изъ его резиденцій; всѣхъ же ихъ около дюжины, кромѣ Версаля есть еще Марли, два Тріанона, Мюетъ, Шуази, Сенъ-Оберъ, Сенъ-Жермэнъ, Фонтэнебло, Компьенъ, Сэнъ-Клу, Рамбулье, не считая Лувра, Тюйлери и Шамбора съ ихъ парками, охотничьими территоріями, съ ихъ губернаторами, инспекторами, контролерами, консьержами, фонтанщиками, садовниками, метельщиками, полотерами, лѣсничими, кротоловами, верховыми и пѣшими сторожами, въ общемъ болѣе чѣмъ 1.000 лицъ. Конечно, король ремонтируетъ, строитъ, сажаетъ; на это онъ расходуетъ 3 или 4 милліона въ годъ. Конечно, онъ подновляетъ или передѣлываетъ свою мебель: въ 1778 году, который является однимъ изъ среднихъ по расходу, это стоило ему 1.936.853 ливра. Конечно, онъ также приглашаетъ гостей, которые живутъ у него на всемъ готовомъ вмѣстѣ съ ихъ людьми: въ Шуази, въ 1780 году, кромѣ обѣдовъ для бѣдныхъ, накрывается 16 столовъ на 345 персонъ; въ Сэнъ-Клу, въ 1785 г., — 26 столовъ; „путешествіе въ Марли на 21 день обходилось въ 120.000 ливровъ чрезвычайныхъ расходовъ"; путешествіе въ Фонтэнебло стоило до 400.000 ливровъ и даже до 500.000. Въ среднемъ, эти переѣзды обходятся въ полмилліона и болѣе.

Чтобы окончить описаніе этой расточительной пышности, слѣдуетъ еще напомнить, что „ремесленники и купцы всѣхъ цеховъ и корпорацій обязаны, вслѣдствіе ихъ привиллегіи, слѣдовать за дворомъ" во время его путешествій, дабы доставлять повсюду: „аптекарей, оружейниковъ, мастеровъ шелковыхъ и шерстяныхъ чулокъ, мясниковъ, булочниковъ, кружевниковъ, кабатчиковъ, чеботарей, изготовителей поясовъ, свѣчниковъ, шапочниковъ, колбасниковъ, хирурговъ, сапожниковъ, позументщиковъ, поваровъ, позолотчиковъ и граверовъ, шпорниковъ, кондитеровъ, лоскутниковъ, обдѣлывателей клинковъ, парфюмеровъ, перчаточниковъ, часовщиковъ, книготорговцовъ, бѣлошвей, виноторговцевъ оптовиковъ и розничныхъ, столяровъ, ювелировъ, пергаментщиковъ, позументщиковъ, поваровъ для жаренія дичи и рыбы, поставщиковъ сѣна, соломы и овса, торговцевъ желѣзомъ, шорниковъ, портныхъ, хлѣботорговцевъ, зеленщиковъ-фруктовщиковъ, стекольщиковъ и инструментальныхъ мастеровъ". Можно подумать, что двигается какой-нибудь восточный дворъ; когда онъ начинаетъ приходить въ движеніе, то слѣдуетъ, если хочешь уѣхать, запасаться мѣстомъ въ почтовой каретѣ заранѣе". Въ общемъ къ гражданской части дворца принадлежитъ около 4.000 лицъ, къ военной части—9.000—10.000 лицъ и около 2.000 находятся въ свитѣ его близкихъ, итого приблизительно 15.000 человѣкъ, содержаніе которыхъ стоитъ отъ 40 до 45 милліоновъ, что составляетъ десятую часть общаго дохода. Вотъ центральная часть монархическаго блеска. Какъ ни велика, какъ ни расточительна она, она все же только соотвѣтствуетъ своему назначенію, послѣ того какъ дворъ превратился въ общественное учрежденіе, а аристократія, не имѣя серьезнаго дѣла, занимается только посѣщеніемъ салона короля.

III.

Двѣ причины заставляютъ наполнять этотъ салонъ: одна—является формой, сохранившейся съ феодальныхъ временъ, другая—зародилась вслѣдствіе новой централизаціи; одна - заставляетъ дворянство служить королю, другая же— превращаетъ дворянъ въ просителей.

Вслѣдствіе исполненія разныхъ обязанностей при дворѣ, все высшее дворянство живетъ у короля. Главный духовникъ, г-нъ де-Монморанси-Лаваль, епископъ Метцскій; первый духовникъ, г-нъ де-Бессюежуль де-Роклоръ, епископъ Санлисскій; маршалъ Франціи, принцъ Кондэ; оберъ-гофмаршалъ, графъ де-Каръ; гофмаршалъ обыкновенный, маркизъ Мондрагонъ; первый хлѣбодаръ, герцогъ де-Брисакъ; главный кравчій, маркизъ де-Верпёль; первый стольникъ, маркизъ де-ла-Шеснэй; первые камеръ-юнкеры: герцоги де-Ришелье, де-Дюрфоръ, де-Вилькье, де-Флёри; оберъ-камергеръ де-ла-Рошфуко-Ліанкуръ; камергеры: графъ де-Буажелэнъ и маркизъ де-Шовлэнъ; главный сокольничій, шевалье де-Форже; начальникъ кабаньей охоты, маркизъ д'Эквилли; главноуправляющій зданій, графъ д'Анживиллэ; оберъ-шталмейстеръ, принцъ де-Ламбескъ; оберъ-егермейстеръ, герцогъ Пантьеврскій; оберъ-церемоніймейстеръ, маркизъ де-Брезé; оберъ-гоффурьеръ, маркизъ де-ла-Сузъ; начальники охраны: герцоги д'Эйàнъ, де-Вильруе, де-Брисакъ, д'Эгильонъ и де-Биронъ, принцы: де-Куа, де-Люксембургъ, и де-Субизъ; управляющій дворцомъ, маркизъ де-Турзель; губернаторы резиденцій и начальники охотъ, герцогъ де-Ноэйль, маркизъ де-Шансанетцъ; баронъ де-Шапло, герцогъ де-Куаньи, графъ де-Моденъ, графъ де-Монморжъ, герцогъ де-Лаваль, графъ де-Бріенъ, герцогъ Орлеанскій, герцогъ Жеврскій. Всѣ эти господа являются какъ бы членами семьи короля, его постоянными гостями, занимающими свои должности по наслѣдству, живущіе у него, ежедневно, составляющіе его общество, потому что они—„свои люди“ *) и несутъ для него домашнюю службу. Прибавьте къ этому еще столько же лицъ, состоящихъ при королевѣ, при принцессѣ Елизаветѣ, при графѣ и графинѣ Провансальскихъ, при графѣ и графинѣ д'Артуа.

И это только высшіе чины; если подсчитать число дворянъ исполняющихъ низшія должности, то мы увидимъ, что еще имѣется 68 духовниковъ и капелановъ, 170 камеръ-юнкеровъ или слугъ, 117 конюшихъ и егерей, 148 пажей, 114 титулованныхъ фрейлинъ, кромѣ того, всѣ офицеры до самаго младшаго, не считая 1.400 простыхъ гвардейцевъ, удостовѣренныхъ генеалогистомъ и потому допущенныхъ къ службѣ ко двору. Таково постоянное общество на королевскихъ пріемахъ; отличительной чертой режима является то обстоятельство, что слуги вмѣстѣ съ тѣмъ бываютъ и гостями, и что передняя имѣетъ доступъ въ салонъ.

---

*) Выраженіе графа д'Артуа, употребленное имъ, когда онъ представлялъ женѣ должностныхъ лицъ своего дворца.

Это происходитъ не потому, чтобы салонъ не было кѣмъ наполнить. Будучи источникомъ всякихъ милостей и повышеній, онъ конечно, набитъ биткомъ; въ нашемъ уравненномъ обществѣ; салонъ мелкаго депутата, посредственнаго журналиста, модницы —полонъ придворными, прикрывающимися именемъ друзей или посѣтителей.

Но здѣсь присутствіе вмѣняется въ обязанность; можно сказать, что это является какъ бы продолженіемъ воздаванія древнихъ феодальныхъ почестей; главный штабъ дворянъ составляетъ свиту своему природному начальнику. На языкѣ эпохи это называется „воздавать должное королю". Въ глазахъ властителя отсутствіе ихъ было бы признакомъ независимости, а также равнодушія и небрежности.

Въ этомъ отношеніи нужно взглянуть на учрежденіе съ его зародыша. Людовикъ XVI успѣлъ видѣть всѣхъ „при своемъ вставаніи, при раздѣваніи, во время обѣдовъ, проходя по своимъ апартаментамъ, въ своихъ садахъ: никто не могъ укрыться отъ него, даже тѣ, которые не надѣялись быть имъ замѣченными; тотъ могъ быть увѣренъ, что попадетъ въ опалу, кто никогда не появлялся при дворѣ". Съ древнихъ временъ первыя лица королевства, мужчины и женщины, духовные и свѣтскіе, считали главнымъ занятіемъ своей жизни, настоящей работой, быть всегда, каждый часъ на глазахъ короля. „Кто считаетъ,—говоритъ Ла-Брюйеръ,— что лицо принца составляетъ все счастье придворнаго, что онъ только тѣмъ и занимается, чтобы видѣть и его и быть видѣннымъ имъ, тотъ пойметъ, что лицезрѣніе Бога составляетъ все счастье и славу святыхъ". Отсюда та удивительная преданность и рачительность. Каждое утро въ семь часовъ, зимой и лѣтомъ, герцогъ де-Фронсакъ, по приказанію своего отца, находился внизу лѣстницы, ведшей въ часовню, единственно чтобы подать руку м-мъ де-Мэнтнонъ, уѣзжавшей въ Сенъ-Сиръ. „Извините меня, мадамъ,—писалъ ей герцогъ Ришелье, что я осмѣливаюсь отправить вамъ письмо, которое пишу королю, умоляя его на колѣняхъ разрѣшить мнѣ пріѣзжать иногда къ его двору, такъ какъ я готовъ скорѣе померетъ, чѣмъ прожить два мѣсяца, не видѣвъ его". Истый придворный слѣдуетъ за принцемъ, точно тѣнь за человѣкомъ; таковъ былъ при Людовикѣ XVI герцогъ де-Ла-Рошфуко; „впродолженіе сорока лѣтъ онъ и двадцати разъ не выѣзжалъ изъ Парижа, если тамъ въ то время находился король". Если позднѣе при менѣе требовательныхъ короляхъ и при общемъ упадкѣ нравовъ въ XVIII вѣкѣ эта дисциплина ослабла, дворецъ, тѣмъ не менѣе, по традиціи, наполнялся придворными. Приблизиться къ королю, быть слугою въ его домѣ, сторожемъ, лакеемъ является привилегіей, которую покупаютъ даже въ 1789 году за тридцать, за сорокъ и за сто тысячъ ливровъ; но самой полезной, самой почтной и завидной изъ привилегій — это составлять общество короля. Прежде всего это служитъ доказательствомъ высокаго происхожденія. Мужчина, участвующій на королевской охотѣ, женщина, представленная королевѣ, должны вести свой родъ отъ 1400 г. Затѣмъ это даетъ воз-

можность составить капиталъ, только въ салонѣ короля можно получать милости; вслѣдствіе этого до 1789 года дворянскія семьи постоянно проживали въ Версалѣ. Лакей маршала Ноэля однажды вечеромъ сказалъ ему: „Въ которомъ часу прикажете разбудить васъ завтра?“—„Въ десять часовъ, если почью никто не помретъ“. Многіе изъ придворныхъ, достигшихъ восьмидесятилѣтняго возраста говорили что они провели сорокъ пять лѣтъ на ногахъ въ пріемныхъ короля, принцевъ и министровъ. „Вамъ нужно дѣлать только три вещи,—говорилъ одинъ изъ нихъ начинающему,—говорите хорошо о всѣхъ, просите все, садитесь, когда можете“.

Вотъ почему вокругъ принца всегда толпа. 1-го августа 1773 г. графиня дю-Барри представляла свою племянницу, причемъ свита была такъ многочисленна повсюду, гдѣ происходило это представленіе, что даже въ прихожихъ съ трудомъ можно было протискаться. Въ декабрѣ 1774 года въ Фонтэнебло, гдѣ по вечерамъ королева устраивала игру, обширное зало едва вмѣщало присутствующихъ. „Давка была такъ сильна, что можно было вести разговоръ только съ двумя или тремя лицами, съ которыми велась игра“. На пріемахъ пословъ четырнадцать аппартаментовъ набиты биткомъ разодѣтыми мужчинами и женщинами. 1-го января 1775 года королева „насчитывала болѣе двухсотъ женщинъ, представленныхъ ко двору“. Въ 1780 году, въ Шуази, ежедневно накрывался столъ на тридцать приборовъ для короля, другой на тридцать приборовъ для придворныхъ, кромѣ сорока приборовъ для гвардейскихъ офицеровъ и конюшихъ и кромѣ пятидесяти приборовъ для служащихъ во внутреннихъ покояхъ.

Я считаю, что при пробужденіи и отходѣ ко сну, во время прогулокъ, на охотѣ, при игрѣ, короля окружаютъ, кромѣ лакеевъ, по крайней мѣрѣ, сорокъ или пятьдесятъ дворянъ, чаще же сто и столько же дамъ; въ Фонтэнебло въ 1756 году, хотя „въ этомъ году не было ни баловъ, ни балетовъ, насчитывалось сто шесть дамъ“. Когда король устраиваетъ игру или танцы въ стеклянной галлереи, вокругъ игорныхъ столовъ собираются отъ четырехсотъ до пятисотъ приглашенныхъ. Вотъ зрѣлище, которое бы стоило посмотрѣть, но не при помощи воображенья или неполныхъ текстовъ, но собственными глазами и на мѣстѣ, чтобы понять духъ, вліяніе, тріумфъ монархической культуры; въ домѣ высшаго общества салонъ является главной комнатой и во всемъ домѣ нѣтъ лучше его. Съ украшеннаго скульптурными изображеніями и населеннаго порхающими амурами свода, спускаются въ видѣ цвѣточныхъ гирляндъ, пылающія люстры, блескъ которыхъ умножаютъ высокія зеркала; огни цѣлымъ потокомъ горятъ на позолотѣ, на брилліантахъ, на остроумныхъ и веселыхъ головахъ, на красивыхъ корсажахъ, на чудовищныхъ платьяхъ. Группы дамъ, стоящихъ кружками или сидящихъ на маленькихъ скамьяхъ, „образуютъ богатую выставку жемчуга, золота, серебра, драгоцѣнныхъ каменьевъ, цвѣтовъ, плодовъ съ ихъ цвѣтами, искусственныхъ вишень, малины“,—это гигантскій живой букетъ, слѣпящій глаза своимъ блескомъ. Черныхъ одеждъ, какія носятъ въ наше время, нѣтъ совершенно. Въ напудренныхъ парикахъ, съ буклями и ко-

сичками, въ кружевныхъ галстухахъ и манжетахъ, въ шелковой одеждѣ нѣжно-розоваго и блѣдно-голубого цвѣта съ серебрянымъ шитьемъ и золотыми галунами, мужчины столь же нарядны, какъ и женщины. Мужчины и женщины, подобраны одинъ къ одному—это все люди самаго высшаго свѣта, обладающіе всѣми качествами, которыя могутъ дать рожденіе, воспитаніе, богатство, праздность и привычка; въ своемъ родѣ они совершенство. Здѣсь нѣтъ ни одного туалета, ни одной формы головы, ни одного звука голоса, ни одного оборота рѣчи, которые не были бы совершенствомъ свѣтской культуры, квинтэссенціей всего, что можетъ выработать изящнаго соціальное искусство. Какъ бы ни было утонченно парижское общество, оно не похоже на это; въ сравненіе со дворомъ оно кажется провинціальнымъ. Нужно сто тысячъ разъ, какъ говорятъ, для того, чтобы выработать одинъ золотникъ той единственной эссенціи, которую употребляютъ персидскіе короли; таковъ и этотъ салонъ, маленькій флаконъ изъ хрусталя и золота; онъ содержитъ въ себѣ субстанцію человѣческой растительности. Чтобы наполнить его, сперва потребовалось, чтобы высшая аристократія, пересаженная въ жаркую теплицу и ставшая отнынѣ безплодной, приносила бы только цвѣты, затѣмъ, чтобы ея профильтрованная часть концентрировалась бы въ нѣсколькихъ капляхъ аромата. Цѣна велика, но только за эту цѣну можно сдѣлать чрезвычайно тонкіе духи.

IV.

Подобной же операціи подвергается и тотъ, кто ее совершаетъ, и тотъ кто ее переносятъ. Нельзя безнаказанно превратить дворянство, приносящее пользу, въ дворянство служащее украшеніемъ; приходится самому вмѣсто дѣятельности заниматься одними декораціями. У короля есть дворъ, значитъ онъ долженъ его содержать. Тѣмъ хуже, если онъ поглощаетъ его время, его умъ, его душу, большую часть силъ его и государства. Быть хозяиномъ дома обязанность немаленькая, особенно, когда приходится принимать по пятисотъ лицъ; приходится жить общественной, показной жизнью. Говоря точно, это профессія актера, если бы тому пришлось проводить цѣлый день на сценѣ. Чтобы выдерживать эту тяжесть и еще работать, нужно имѣть характеръ Людовика XIV, его физическое здоровье, необыкновенную крѣпость его нервовъ, мощь его желудка, регулярность его привычекъ; послѣ него его преемники устаютъ или оказываются несостоятельными. Но они не могутъ избѣжать исполненія обязанностей; ежедневное поддержаніе представительства, неразлучно съ ихъ мѣстомъ и угнетаетъ ихъ, какъ тяжелая златотканная церемоніальная одежда. Король обязанъ занимать всю аристократію, слѣдовательно, показываться во всякій часъ, даже въ наиболѣе интимные часы, даже при вставаніи съ постели, даже въ постели. Утромъ, въ заранѣе опредѣленный часъ, его будитъ лакей; пять серій лицъ входятъ къ нему поочереди, чтобы исполнить свои обязанности „и, несмотря на огромные размѣры, бываютъ дни, когда пріемныя залы едва могутъ вмѣстить толпу придворныхъ“.

„Сперва происходитъ „семейныхъ входъ“, принцы и принцессы крови, первый медикъ, хирургъ и другія полезныя лица. Затѣмъ совершается „большой входъ“: оберъ камергеръ, камергеръ, камеръ-юнкеры, герцоги Орлеанскій и Пантьевръ, нѣкоторые другіе пользующіеся симпатіей придворные, фрейлины королевы, сестры короля и другія принцессы, не считая цирульниковъ, портныхъ и разнаго рода слугъ. Между тѣмъ королю льютъ на руки винный спиртъ, затѣмъ приносятъ святую воду; онъ совершаетъ крестное знаменіе и читаетъ молитву. Затѣмъ въ присутствіи всего общества поднимается съ постели. Оберъ камергеръ и камеръ-юнкеръ подаютъ ему халатъ; онъ набрасываетъ его на плечи и садится въ кресло, въ которомъ долженъ одѣваться. Въ это мгновеніе отворяется дверь; въ спальную входитъ еще толпа придворныхъ; эти придворные имѣютъ, кромѣ того, драгоцѣнную привилегію присутствовать при маломъ отходѣ ко сну. Въ тотъ же моментъ въ комнату входитъ вереница слугъ, медиковъ и хирурговъ, управляющихъ развлеченіями, чтецовъ и другихъ: королевская жизнь такова, что ни одна изъ его функцій не совершается безъ свидѣтелей. Въ тотъ моментъ, когда служащіе гардероба приближаются къ королю, чтобы одѣвать его, камеръ-юнкеръ, увѣдомленный стражникомъ, прочитываетъ королю имена дворянъ, ожидающихъ за дверью: этотъ четвертый входъ, называемый „входъ палаты“, многочисленнѣе чѣмъ предыдущіе, такъ какъ, не говоря уже о плащеносцахъ, оруженосцахъ, обойщикахъ и другихъ слугъ, теперь входитъ большинство высшихъ чиновниковъ, главный духовникъ, младшіе духовники, настоятель часовни, капитанъ и маіоръ тѣлохранителей, полковникъ и маіоръ французскихъ гвардейцевъ, полковникъ королевскаго полка, капитанъ швейцарской сотни, оберъ-егермейстеръ, прево города, церемоніймейстеръ, оберъ-метръ д'отель, оберъ-шенкъ, иностранные послы, министры и статсъ-секретари, маршалы Франціи, большинство знатныхъ дворянъ и прелаты. Пристава размѣщаютъ толпу и при надобности призываютъ къ молчанію. Между тѣмъ, король моетъ руки и начинаетъ переодѣваться. Два пажа снимаютъ съ него туфли; оберъ-гофмейстеръ снимаетъ съ него ночную рубашку за правый рукавъ, старшій же слуга гардероба держитъ за лѣвый рукавъ и оба передаютъ ее гардеробному чиновнику, въ то время какъ другой гардеробный слуга приноситъ дневную рубашку. Тогда наступаетъ самый торжественный моментъ церемоніи; происходитъ пятый входъ и черезъ нѣсколько минутъ, когда король возьметъ рубашку, всѣ остальные придворные чины, ожидающіе въ галлереи, будутъ допущены въ комнату короля. Для рубашки имѣется цѣлый уставъ. Честь подношенія ея принадлежитъ сыновьямъ и внукамъ Франціи, за ихъ неимѣніемъ принцамъ крови, за отсутствіемъ этихъ оберъ-камергеру или камеръ-юнкеру; замѣтьте, что послѣднее случается очень рѣдко, принцы обязаны присутствовать при пробужденіи короля, точно такъ же, какъ принцессы при пробужденіи королевы. Но вотъ рубашка поднесена; слуга уноситъ старую; двое другихъ старшихъ слугъ держатъ новую, одинъ за лѣвый рукавъ, другой за правый; во время этой операціи еще двое лакеевъ держатъ

передъ королемъ раскрытый халатъ, который служитъ ему какъ бы ширмой. Когда рубашка надѣта, начинается новая церемонія. Одинъ слуга держитъ передъ королемъ зеркало, а двое другихъ, стоя по бокамъ, освѣщаютъ, если нужно, факелами. Приносится остальное одѣяніе; оберъ-гофмейстеръ передаетъ королю камзолъ, прикрѣпляетъ голубую ленту, пристегиваетъ шпагу; затѣмъ слуга, приставленный къ галстухамъ, приноситъ коробку, въ которой находится нѣсколько штукъ, и гофмейстеръ надѣваетъ королю тотъ, который король выбираетъ. Затѣмъ слуга, приставленный къ носовымъ платкамъ, опять предлагаетъ выбрать королю одинъ изъ трехъ принесенныхъ. Наконецъ, гофмейстеръ подноситъ королю его шляпу, перчатки и трость. Тогда король подходитъ къ своей постели, преклоняетъ колѣна и совершаетъ молитву, въ то время какъ духовникъ въ полголоса произноситъ „Quaesumus, Deus omnipotens“. Окончивъ, король отдаетъ приказаніе относительно порядка дня и идетъ съ приближенными въ свой кабинетъ, гдѣ иногда даетъ аудіенціи. Между тѣмъ, остальные остаются въ галлереи, чтобы сопровождать его на мессу, когда онъ выйдетъ.

Таково пробужденіе, цѣлая пьеса въ пяти дѣйствіяхъ. Безъ сомнѣнія, ничего нельзя придумать лучшаго, чтобы занимать по пустому аристократію—цѣлая сотня важныхъ дворянъ потратила два часа, чтобы придти, ждать, войти, продефилировать, встать на мѣсто, простоять на ногахъ, сохранять на своемъ лицѣ довольное и почтительное выраженіе, подобающее такимъ фигурантамъ, и затѣмъ наиболѣе знатные то же самое повторяютъ у королевы. Но и король съ своей стороны тоже игралъ роль; каждый его шагъ, каждый жестъ былъ опредѣленъ заранѣе; онъ долженъ былъ управлять своимъ голосомъ, своей физіономіей, сохранять важный видъ, умѣренно дарить взглядами и кивками, говорить только объ охотѣ и отгонять всякую личную мысль, если она у него только была. Нельзя мечтать, задумываться, быть разсѣяннымъ, когда находишься на сценѣ; приходится играть роль. Къ тому же въ салонѣ ведутся только салонные разговоры и вниманіе хозяина, вмѣсто того, чтобы собираться въ полезный источникъ, теряется въ придворной водѣ. Въ такомъ же родѣ и всѣ остальные часы его дня, за исключеніемъ трехъ или четырехъ утреннихъ часовъ, пока онъ находится въ совѣтѣ или въ своемъ кабинетѣ: слѣдуетъ еще замѣтить, что на другой день послѣ охоты, когда онъ возвращается изъ Рамбулье въ три часа утра, ему приходится спать чрезвычайно мало. Однако, посланникъ Мерси находитъ, что этого совершенно достаточно; по крайней мѣрѣ онъ говоритъ, что Людовикъ XVI „соблюдаетъ большой порядокъ и не теряетъ времени на безполезныя вещи“; дѣйствительно, его предшественникъ работалъ очень мало, приблизительно одинъ часъ въ день. Такимъ образомъ три четверти его времени уходитъ на показную жизнь. Та же самая свита находится при немъ, когда онъ одѣвается для охоты, когда онъ возвращается, чтобы перемѣнить свой костюмъ на вечернее платье, когда онъ идетъ въ свою комнату, чтобы лечь въ постель. „Всѣ вечера впродолженіе шести лѣтъ,—говоритъ одинъ пажъ,—я и мои товарищи видѣли Людовика XVI отходящаго

ко сну при публикѣ, съ соблюденіемъ только что описанныхъ церемоній". Еще болѣе многочисленное общество собирается къ королю, когда онъ обѣдаетъ или ужинаетъ, такъ какъ, кромѣ мужчинъ, за столомъ еще находятся женщины. Мнѣ не нужно говорить, что вечеромъ во время бала, концерта или карточной игры во дворецъ прибываетъ цѣлая толпа. Когда онъ охотится, то кромѣ дамъ выѣзжающихъ верхами и въ колясках, кромѣ егермейстеровъ, кромѣ тѣлохранителей, шталмейстеровъ, плащеносца, оруженосца, хирурга и виночерпія, на охоту приглашаются всѣ присутствующіе дворяне. Не думайте, что эта свита малочисленна: въ тотъ день, когда представлялся Шатобріанъ, вмѣстѣ съ нимъ было четверо новыхъ дворянъ; всѣ молодые люди лучшихъ фамилій два или три раза въ недѣлю присоединяются къ свитѣ короля. Не только восемь или десять сценъ происходящихъ ежедневно, но даже и короткіе интервалы, отдѣляющіе одну сцену отъ другой, происходятъ при огромномъ стеченіи придворныхъ. Короля ждутъ, сопровождаютъ, съ нимъ бесѣдуютъ при его приходѣ, на пути между кабинетомъ и часовней, между часовней и кабинетомъ, между комнатою и коляской, между коляской и комнатой между кабинетомъ и столовой. Болѣе того, даже закулисная жизнь его принадлежитъ обществу. Если онъ не расположенъ и ему подаютъ бульонъ, если онъ боленъ и ему прописывается лекарство „лакей немедленно созываетъ большой входъ". Король подобенъ дубу, заглушенному безчисленнымъ множествомъ ползучихъ растеній, обвивающихъ его стволъ отъ корня до верхушки. При такомъ порядкѣ вещей король ощущаетъ недостатокъ воздуха; ему необходимъ мимолетный отдыхъ: у Людовика XV бывали интимные ужины и охоты; у Людовика XVI были охоты и уединеніе. И я не описалъ еще безконечныхъ подробностей этикета, изумительнаго церемоніала парадныхъ обѣдовъ, когда пятнадцать, двадцать или тридцать лицъ заняты наблюденіемъ за стаканомъ и тарелкой короля, священнодѣйствія прислуги, церемоніальный маршъ, прибытіе „корабля" *),—все это напоминаетъ византійскій или китайскій дворъ. Въ воскресеніе допускалась даже обыкновенная публика, и это называлось большимъ обѣдомъ", который по сложности и торжественности не уступалъ мессѣ. Такимъ образомъ для потомка Людовика XIV, ѣсть, пить, вставать, ложиться значитъ служить. Фридрихъ II, когда ему объяснили этотъ этикетъ, сказалъ, что если бы онъ былъ королемъ Франціи, то прежде всего издалъ бы указъ о назначеніи другого короля спеціально для двора; въ самомъ дѣлѣ для этихъ праздныхъ людей, которые только расшаркиваются, нуженъ такой же праздный человѣкъ, который отвѣчалъ бы имъ тѣмъ же. Есть только одно средство освободить монарха,—это распустить французское дворянство и преобразовать его по прусскому образцу, въ трудолюбивый батальонъ полезныхъ чиновниковъ. Но пока дворъ остается какимъ онъ есть, т. е. бле-

*) „Кораблемъ" называлось блюдо художественной работы, ставившееся въ центрѣ стола и содержавшее между ароматными подушками салфетки, предназначенныя для короля.

стящей свитой и украшеніемъ салона, королю приходится также оставаться только красивой декорацiей не приносящей ровно никакой пользы.

V.

Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ занимается хозяинъ дома, который какъ говорится, умѣетъ жить? Онъ развлекается и развлекаетъ своихъ гостей; каждый день у него какое-нибудь новое развлеченіе. Вотъ распредѣленіе одной только недѣли. „Вчера, въ воскресенье,—пишетъ герцогъ Люинь,—я встрѣтилъ короля, отправлявшагося въ долину Сэнъ-Дени на охоту и ночевавшаго въ Мюэтъ, гдѣ онъ разсчитываетъ охотиться сегодня и завтра возвратиться сюда во вторникъ или среду утромъ, чтобы въ тотъ же день отправиться на охоту на оленей“. Два мѣсяца позже „король, опять пишетъ де-Люинь,—ежедневно бывалъ на охотѣ за эти двѣ недѣли, за исключеніемъ сегодняшняго дня и воскресенья и убилъ за это время три съ половиной тысячи куропатокъ“. Онъ постоянно находится въ пути и на охотѣ, переѣзжая изъ одной резиденціи въ другую, изъ Версаля въ Фонтэнебло, въ Шуази, Марли, Мюэтъ, Компьень, Тріанонъ, Сентъ-Оберъ, Бель-Вю, Рамбулье и въ большинствѣ случаевъ вмѣстѣ со всѣмъ дворомъ. Въ Фонтэнебло и, главнымъ образомъ, въ Шуази собирается весь свѣтъ. Въ Фонтэнебло „въ воскресенье и пятницу игра; въ понедѣльникъ и среду концертъ у королевы; во вторникъ и четвергъ спектакль французскихъ артистовъ; въ субботу итальянскій спектакль“; такимъ образомъ распредѣлены всѣ дни недѣли. Въ Шуази, пишетъ супруга дофина, „съ обѣда и до часу ночи не имѣешь времени побыть наединѣ въ своей комнатѣ... Послѣ обѣда, до шести часовъ идетъ игра, послѣ которой начинается спектакль, продолжающійся до половины десятаго и затѣмъ ужинъ; послѣ этого опять игра до часу, а иногда и до половины второго“. Въ Версалѣ, гдѣ ведутъ образъ жизни болѣе умѣренный, въ недѣлю бываетъ только два спектакля и одинъ балъ, но за то каждый вечеръ бываетъ игра у короля, у его дочерей, у его любовницы, у его невѣстки, не считая охотъ и трехъ маленькихъ еженедѣльныхъ путешествій. Высчитано, что въ такомъ-то году Людовикъ XV провелъ только пятьдесятъ двѣ ночи въ Версалѣ, и австрійскій посолъ вѣрно замѣчаетъ, „что его образъ жизни не оставляетъ ему ни одного свободнаго часа для разсмотрѣнія серьезныхъ дѣлъ“.

Что касается Людовика XVI, то, какъ мы видѣли, онъ проводилъ нѣсколько часовъ въ кабинетѣ; но машина была уже пущена въ ходъ и увлекала его. Какъ освободиться отъ гостей и не имѣть чести принимать ихъ у себя? Приличіе и обычай тоже деспоты; присовокупите къ этому еще третье обстоятельство, а именно необычайную живость характера юной королевы, не могущей провести ни одного часа за чтеніемъ. Въ Версалѣ три спектакля и два бала еженедѣльно, два парадныхъ ужина, во вторникъ и четвергъ, и время отъ времени поѣздка въ оперу. Въ Фонтэнебло три спектакля въ недѣлю, въ остальные дни игра и ужинъ. Въ слѣдующую зиму королева устраиваетъ маскированный балъ, одинъ разъ

въ недѣлю, причемъ „на составленіе костюмовъ, фигурныхъ контрдансовъ и на ежедневныя репетиціи уходитъ цѣлая недѣля". Во время карнавала 1777 года, кромѣ собственныхъ баловъ, королева устраиваетъ балы въ Пале-Роялѣ и маскированные балы въ Оперѣ; нѣсколько позже устраивается балъ у графини Діаны де-Полиньякъ, на которомъ королева присутствуетъ со всей семьей и который длится отъ половины двѣнадцатаго ночи до одиннадцати часовъ утра. Въ обыкновенные же дни увлекаются Фараономъ *): въ ея салонѣ игра перешла всякія границы благоразумія; герцогъ Шартрскій въ одинъ вечеръ проигрываетъ восемь тысячъ луидровъ. Эта жизнь напоминаетъ итальянскій карнавалъ; нѣтъ ни въ чемъ недостатка, ни въ маскахъ, ни въ общественной комедіи: тутъ играютъ, смѣются, танцуютъ, устраиваютъ пиры, слушаютъ музыку, маскируются, ѣздятъ на пикники, сплетничаютъ и ухаживаютъ. „Новая пѣсня,—говоритъ образованная, серьезная горничная королевы,—острота, мелкіе скандальные анекдоты составляли единственную тему бесѣдъ, дружескаго кружка королевы". Что касается короля, то вслѣдствіе своей тяжеловѣсности и необходимости физическихъ упражненій, онъ главнымъ образомъ занимается охотой. Съ 1775 по 1779 годъ подводя итогъ тому, что онъ сдѣлалъ, король считаетъ „сто четыре охоты на кабановъ, сто тридцать четыре на оленей, двѣсти шестьдесятъ шесть на дикихъ козъ, тридцать три охоты съ молодыми собаками, тысяча двадцать пять выстрѣловъ"; итого тысяча пятьсотъ шестьдесятъ два дня охоты, т. е. одна охота въ каждые три дня, кромѣ того, сто сорокъ девять путешествій безъ охоты и двѣсти двадцать двѣ прогулки на лошади или въ каретѣ. „Впродолженіе четырехъ мѣсяцевъ въ году, онъ два раза въ недѣлю отправляется въ Рамбулье и возвращается только послѣ ужина, т. е. въ три часа утра". Эта укоренившаяся привычка въ концѣ обращается въ манію и даже въ нѣчто худшее. Небрежность и тупоуміе двора безпримѣрны, — пишетъ Артуръ Юнгъ 26-го іюня 1789 года; въ тотъ моментъ, когда обсуждался вопросъ быть ли королю дожемъ Венеціи или французскимъ королемъ, Людовикъ XVI находился на охотѣ". Его дневникъ напоминаетъ записки псаря. Прочтите его въ самые важные моменты и вы будете изумлены, что онъ туда заноситъ. Онъ пишетъ слово „ничего" въ тѣ дни когда не охотился; эти дни онъ считаетъ потерянными. „11-го іюня 1789 г., ничего, отъѣздъ Неккера. 12-го, вечерня, отъѣздъ Монморена де-Сэнъ-Пріеста и де-ла-Люцернъ. 13-го, ничего. 14-го іюля, ничего; 29 го іюля, ничего, возвращеніе Неккера... 4-го августа, охота на оленя въ лѣсу Марли, убитъ одинъ, туда и обратно верхомъ... 13-го августа аудепція Штатамъ въ галлереи, Te Deum во время мессы внизу; свора загнала одного оленя въ Марли... 26-го августа, приношенія поздравленія Штатами, торжественная месса съ красными лентами, проповѣдь г. Байли, вечерня —большой обѣдъ... 5-го октября стрѣлялъ у Шатильонскихъ воротъ, убита восемьдесятъ одна штука, охотѣ помѣшали событія, отъѣздъ въ Парижъ въ половинѣ перваго по-

*) Карточная азартная игра. (Примѣчаніе переводчика).

полудни, посѣщеніе городской думы, ужиналъ и ночевалъ въ Тюльери. 7-го октября, ничего, пріѣзжали мои тетки обѣдать, 8-го, ничего... 12-го, ничего, „охотился за оленемъ у Портъ Рояль". Запертый въ Парижѣ, плѣнникъ толпы, онъ попрежнему страдаетъ маніей. Двадцать разъ въ 1790 г. читаемъ въ его дневникѣ, что въ такой-то день, въ такомъ-то мѣстѣ происходила охота на оленя; онъ страдаетъ, что не можетъ быть тамъ. Это самое невыносимое для него лишеніе; слѣды его мы находимъ даже въ протестѣ, составленномъ имъ прежде, чѣмъ уѣхать въ Аренъ: перевезенный въ Парижъ, заключенный въ Тюльери, „гдѣ даже нѣтъ удобствъ, къ которымъ онъ привыкъ и гдѣ онъ не имѣетъ развлеченій, къ которымъ привыкъ"; ему, кажется, что вмѣстѣ съ этимъ изъ его короны исчезла прекраснѣйшая жемчужина.

VI.

Каковъ генералъ, таковъ и главный штабъ; придворные подражаютъ монарху. Подобно колоссальному изображенію изъ драгоцѣннаго мрамора, воздвигнутому въ центрѣ Франціи и уменьшенныя копіи, котораго въ тысячахъ экземляровъ имѣются въ провинціяхъ, повторяется королевская жизнь въ меньшихъ пропорціяхъ. Повсюду представительство и пріемы, повсюду проводятъ время въ многочисленномъ обществѣ. Прежде всего я вижу вокругъ двора около дюжины дворовъ принцевъ; каждый принцъ или принцесса крови имѣетъ дворъ, оплачиваемый частью или цѣликомъ изъ средствъ казначейства, наполненный дворянскими пажами, дамами, въ общемъ, пятьдесятъ, сто, двѣсти и до пятисотъ должностей. Такой дворъ имѣетъ королева, принцесса Викторія, принцесса Аделаида, принцесса Елизавета, братъ короля, его супруга, графъ д'Артуа, графиня д'Артуа; маленькій дофинъ, герцогъ Нормандскій, всѣ трое дѣтей короля, герцогъ Ангурскій, герцогъ Беррійскій, оба сына графа д'Артуа: шести-семилѣтніе дѣти уже присутствуютъ при выходахъ и устраиваютъ пріемы. Если я возьму точное число, то за 1771 годъ нахожу еще дворъ герцога Орлеанскаго, герцога Бурбонскаго, герцогини Бурбонской, принца Кондэ, графа Клермонтскаго, вдовствующей принцессы Конти, принца Конти, графа де-ла Маршъ, герцога Пантьевръ. Каждый изъ этихъ лицъ, кромѣ своего помѣщенія во дворцѣ имѣетъ еще свой замокъ и свой дворецъ, гдѣ у него есть кружокъ близкихъ ему лицъ; королева имѣетъ въ Тріанонѣ и Сэнъ-Клу, сестры короля въ Бельвю, братъ короля въ Люксембургѣ и въ Брюнуа, графъ д'Артуа въ Медонѣ и Багателлѣ, герцогъ Орлеанскій въ Палэ-Роялѣ, въ Монсо, въ Иль-Аданѣ, Кондэ въ бурбонскомъ дворцѣ и Шантильи, Герцогъ Пантьевръ въ Сео, Анэ, Шатовилэнѣ; я опускаю половину этихъ резиденцій. Въ Палэ-Роялѣ всѣ представленныя лица могутъ приходить ужинать въ дни оперы. Въ Шатовилэнѣ всѣ, пріѣхавшіе ко двору, приглашаются обѣдать, дворяне за столъ герцога, другіе за столъ его камеръ-юнкера. Въ Тамплѣ, ужины по понедѣльникамъ собираютъ полтораста приглашенныхъ. „Число приближенныхъ принцессы,—говоритъ герцогиня Мэнская, достигаетъ сорока или пятидесяти человѣкъ". Свита неразлучна съ

принцемъ и сопровождаетъ его даже въ походъ. „Г. принцъ де Кондэ,—говоритъ де Люинь,—завтра отправляется въ армію въ сопровожденіи большой свиты, а у него двѣсти двадцать пять лошадей, у графа де-ла-Марша сто. Герцогъ Орлеанскій уѣзжаетъ въ понедѣльникъ; у него триста пятьдесятъ лошадей“.

Кромѣ родственниковъ короля, всѣ вельможи, являющіеся ко двору, имѣютъ свой дворъ въ отелѣ въ Парижѣ или Версалѣ и въ замкѣ, отстоящемъ на нѣсколько миль отъ Парижа. Въ мемуарахъ эта сторона дворянской жизни освѣщается довольно подробно. Такъ, мы имѣемъ свѣдѣнія о герцогѣ Жеврскомъ, камергерѣ, губернаторѣ Парижа и Иль-де-Франса, управлявшемъ, кромѣ того, Ліономъ, Суассономъ, Нойономъ, Крепи, охотничьимъ округомъ Муссо, получавшемъ двадцать тысячъ ливровъ пенсіи, типичномъ придворномъ, который, благодаря своей должности, роскоши, фавору, долгамъ, значенію, вкусамъ, занятіямъ, и образу мыслей, представляетъ изъ себя въ миніатюрѣ всю аристократію. Его память на родство и генеалогію удивительна; онъ основательно ознакомился съ драгоцѣнной наукой этикета; благодаря этимъ двумъ качествамъ, онъ является оракуломъ и съ нимъ нерѣдко совѣтуются. „Онъ великолѣпно украсилъ свой садъ и домъ въ Сэнъ-Уэнѣ“... „У него была многочисленная свита, состоявшая изъ дворянъ, пажей, слугъ всякаго рода, требовавшая огромныхъ расходовъ... Каждый день у него состоялся парадный обѣдъ... Почти ежедневно онъ давалъ частныя аудіенціи. Не было человѣка ни въ городѣ, ни при дворѣ, не имѣвшаго съ нимъ какого-нибудь дѣла. Даже министры и принцы крови были чѣмъ нибудь обязаны ему. Онъ принималъ, еще находясь въ постели. Онъ писалъ и диктовалъ среди большого общества... Его домъ въ Парижѣ и квартира въ Версалѣ не пустѣли съ момента его пробужденія и до того времени, пока онъ не ложился спать“. Двѣсти или триста домовъ въ Парижѣ, въ Версалѣ имѣютъ приблизительно такой же характеръ“. Никогда не находишься въ одиночествѣ,—таковъ обычай во Франціи,—говоритъ Горасъ Вальполь,—„сжечь на народѣ свою свѣчу“. Отель герцогини Грамонъ съ утра наполняется самой избранной публикой. Пять разъ въ недѣлю у герцога Шуазеля, въ десять часовъ вечера, мэтръ-д-'отель обходитъ салоны, подсчитывая приблизительное число гостей, а затѣмъ распоряжается накрывать столъ на пятьдесятъ, на шестьдесятъ, на восемьдесятъ кувертовъ; вскорѣ этому примѣру послѣдовали всѣ богатые дома, желая похвастать, что они держатъ открытый столъ для всѣхъ приходящихъ.

Само собой понятно, что выскочки, финансисты, покупающіе или прибавляющіе къ своему имени названіе имѣнія, копируютъ привычки и образъ жизни аристократіи. И я не говорю здѣсь о Буре, Божонахъ и другихъ денежныхъ мѣшкахъ, роскошь которыхъ затмеваетъ роскошь принцевъ.

Взгляните хотя бы, какъ живетъ сравнительно мелкій финансистъ г. д' Эпинэй, умная и скромная жена котораго отказывается отъ всякаго внѣшняго блеска. Даже въ этомъ домѣ „число слугъ, женщинъ и мужчинъ достигаетъ шестнадцати“... Когда г. д' Эпи-

нэй встаетъ, къ нему немедленно является слуга, чтобы одѣвать его. Два лакея находятся тутъ же въ ожиданіи его распоряженій. Первый секретарь является, чтобы доложить о полученныхъ письмахъ, которыя онъ обязанъ вскрывать; но при этомъ его сто разъ прерываютъ. То входитъ барышникъ, предлагающій купить небывало красивыхъ копей, то какой-нибудь вѣтрогонъ, которому была оказана поддержка для поступленія въ оперу, послѣ того какъ онъ взялъ нѣсколько уроковъ хорошаго тона и пѣнія". „Но вотъ, наконецъ, я встаю и ухожу. Два лакея открываютъ обѣ половинки двери, хотя я могъ бы пройти и въ игольное ушко, а двое другихъ слугъ въ прихожей возвѣщаютъ о моемъ появленіи. Всѣ становятся шпалерами; здѣсь суконщики, торговцы инструментами, ювелиры, лакеи, должники и другіе скучные, надоѣдливые господа. Бьетъ полдень, а то и часъ пополудни, прежде чѣмъ окончень туалетъ и секретарь, зная, что нѣтъ возможности сообщить своему господину подробный отчетъ о дѣлахъ, передаетъ ему небольшую записку, гдѣ написано, что онъ долженъ говорить на совѣщаніи откупщиковъ". Праздность, безпорядочность, долги, церемоніалъ, тонъ покровителя,—все это кажется пародіей настоящаго „свѣта"; здѣсь мы находимся въ послѣднемъ этажѣ аристократіи. А между тѣмъ дворъ г. д' Эпинэй напоминаетъ въ миніатюрѣ дворъ короля.

Тѣмъ болѣе необходимо министрамъ, посламъ, главнымъ чиновникамъ, представляющимъ или замѣщающимъ короля, вести домъ на широкую ногу. И здѣсь, какъ во всемъ дурномъ и хорошемъ, главнымъ виновникомъ былъ Людовикъ XIV. Политика, учредившая дворъ, предписывала пышность. „Чтобы нравиться ему, люди расточали деньги на платья, экипажи, столъ, дворцы, игру; этимъ можно было заставить говорить о себѣ. Отъ двора зло перешло въ провинцію и въ армію, гдѣ люди оцѣнивались по тому какой держали столъ и по остальному великолѣпію". Впродолженіе одного года маршалъ де-Бель-Иль на поѣздку и пребываніе во Франкфуртѣ во время избранія Карла VI израсходовалъ 750.000 ливровъ на путешествія, перевозку, празднества, постройку обѣденной залы и кухни, кромѣ 150.000 ливровъ затраченныхъ на ящики, часы и другіе подарки; по распоряженію кардинала Флери, будучи экономнымъ, у него на кухни было всего 101 человѣкъ прислуги. Въ Вѣнѣ въ 1772 г., у посла, принца де-Роганъ были двѣ коляски стоившія въ общемъ 40.000 ливровъ, 40 лошадей, 7 пажей благороднаго происхожденія, 6 дворянъ, 5 секретарей, 10 музыкантовъ, 12 выѣздныхъ лакеевъ, 4 курьера, ливреи которыхъ стоили 4.000 ливровъ каждая и въ той же пропорціи остальное. Всѣмъ извѣстна роскошь, вкусъ и великолѣпные обѣды кардинала де-Берни, въ Римѣ. „Его называли римскимъ королемъ и онъ дѣйствительно былъ имъ благодаря своему великолѣпію и оказываемому ему почету... Въ празднествахъ, церемоніяхъ, иллюминаціяхъ онъ былъ выше всякаго сравненія". Онъ самъ смѣясь говорилъ про себя: я содержу французскую гостинницу на перекресткѣ Европы". Вслѣдствіе этого, вознагражденія получаемыя ими были въ два, три раза больше теперешнихъ. „Король назначаетъ

50.000 экю главнымъ посланникамъ. Герцогъ Дюрасскій получаетъ въ годъ до 200.000 ливровъ, занимая постъ мадридскаго посла. Кромѣ того, ему назначено 10.000 экю награды, 50.000 ливровъ за секретныя дѣла и выдано мебели и другихъ вещей на 400.000 ливровъ, половина которыхъ осталась за нимъ„. Расходы и оклады министровъ приблизительно такіе же. Въ 1786 г. канцлеръ получаетъ 120.000 ливровъ жалованья, хранитель печатей 135.000; „де-Вильдель, въ качествѣ государственнаго секретаря, долженъ былъ получать 180.670 ливровъ, но онъ представилъ докладъ, указывая, что этой суммы ему недостаточно и ему было назначено 226.000 ливровъ". Кромѣ того существовало правило, что когда эти лица выходятъ въ отставку, король назначаетъ имъ 20.000 ливровъ пенсіи и 200.000 въ приданое дочери. Этого немного для ихъ образа жизни. „Они всѣ принуждены держать такой огромный штатъ прислуги, что не могутъ даже разбогатѣть, получая такое содержаніе; у нихъ у всѣхъ открытый столъ, въ Парижѣ по крайней мѣрѣ три раза въ недѣлю, а въ Версалѣ и Фонтэнебло ежедневно". Ла Моньонъ, при своемъ назначеніи канцлеромъ, получилъ 100.000 ливровъ жалованья, тотчасъ же всѣ рѣшили, что онъ разорится' такъ какъ онъ взялъ къ себѣ прислугу своего предшественника, которому одинъ столъ обходился въ 80.000 ливровъ. Обѣдъ, даваемый имъ въ Версалѣ, первому совѣту, стоилъ 6.000 ливровъ и кромѣ того какъ въ Версалѣ, такъ и въ Парижѣ у него ежедневно накрывался столъ, по крайней мѣрѣ на двадцать приборовъ". Въ Шанбару у маршала де-Саксъ ежедневно бывало два стола, одинъ на шестьдесятъ, другой на восемьдесятъ приборовъ; въ конюшняхъ стояло четыреста лошадей, кромѣ того онъ содержалъ полкъ уланъ для своей охраны, театръ стоющій ему 600.000 ливровъ и образъ жизни который онъ велъ или который вели окружающіе его, напоминалъ вакханалію Рубенса. Что касаеся генералъ-губернаторовъ, то мы уже видѣли, что во время ихъ пребыванія въ провинціи, все ихъ занятіе состоитъ въ пріемахъ; на ряду съ ними интендантъ, единственный человѣкъ дѣла, также устраиваетъ великолѣпные пріемы. Военачальники, намѣстники, чиновники, командируемые изъ центра, тоже держатъ открытый салонъ, изъ моды, изъ приличія и изъ праздности. Вмѣстѣ съ ними въ провинцію заносятся изъ Версаля элегантность и гостепріимство. Если съ ними ѣдутъ ихъ жены, онѣ скучаютъ, „принужденныя сидѣть въ кругу пятидесяти лицъ, говорящихъ лишь общія мѣста, занимающіяся вязаньемъ или игрою въ лото и проводящія по три часа за столомъ". Но „всѣ военные, всѣ окружные дворяне, всѣ городскія дамы ѣздятъ къ нимъ на балы и восхваляютъ ихъ красоту, и вѣжливость. Даже въ среднемъ классѣ можно встрѣтить такіе же нравы. Въ силу установившагося обычая полковники и даже капитаны платятъ жалованье своимъ офицерамъ и расходуютъ гораздо больше, чѣмъ получаютъ. Вслѣдствіе этихъ причинъ командованіе полкомъ предоставляется сыновьямъ знатныхъ вельможъ а роты предоставляются богатымъ дворянамъ.

Отъ колоссальнаго королевскаго дерева, пышно распустившагося въ Версалѣ, по всей Франціи распространилось тысячи по-

бѣговъ расцвѣтавшіе, какъ, въ Версалѣ, въ букеты празднествъ и собраній.

VII.

По этому образцу и подъ вліяніемъ, оранжерейной температуры всѣ аристократическіе отпрыски, даже въ самыхъ отдаленныхъ провинціяхъ, стремятся попасть въ свѣтъ. За неимѣніемъ другихъ занятій дворяне посѣщаютъ другъ друга и главная обязанность хорошаго хозяина дома это прилично принять гостей; я говорю здѣсь какъ о духовныхъ, такъ и о свѣтскихъ. Сто тридцать одинъ епископъ и архіепископъ, семьсотъ аббатовъ — настоящіе свѣтскіе люди; у нихъ хорошія манеры, они богаты, совсѣмъ не строги и ихъ епископскій дворецъ или ихъ аббатства являются для нихъ дачами, которыя они украшаютъ, чтобы было гдѣ принять гостей. Въ Клэрво, донъ Рокуръ очень вѣжливый по отношенію къ мужчинамъ и еще болѣе вѣжливый въ обращеніи съ дамами не выѣзжаетъ иначе какъ въ каретѣ, запряженной четверкой со скачкомъ впереди; онъ приказываетъ называть себя монахамъ монсеньоромъ и держитъ цѣлый дворъ. Въ монастырѣ Ореньи близъ Сэнъ-Кантена „у аббатиссы есть слуги, карета, лошади, къ ней пріѣзжаютъ на обѣдъ и въ гости свѣтскіе люди. Принцесса Христина, аббатиса Ремирмона и ея дамы канониссы почти всегда находятся въ пути и тѣмъ не менѣе „въ аббатствѣ живутъ весело“, тамъ устраиваются пріемы въ частныхъ аппартаментахъ принцессы. Двадцать пять женщинъ-начальницъ и девятнадцать пріоровъ имѣютъ всегда открытые салоны гдѣ собирается избранное общество, такъ что только незначительный барьеръ отдѣляетъ духовныхъ отъ большого свѣта, изъ котораго они набираются. Въ Аликсѣ близъ Ліона канониссы приходятъ на хоры въ фижмахъ, „одѣтыя какъ мирянки“, въ черныхъ шелковыхъ платьяхъ, съ накидками на горностаевой подкладкѣ. Въ одномъ изъ Альзасскихъ монастырей „цѣлую недѣлю, говоритъ одна посѣтительница мы гуляли, отыскивая слѣды римскихъ дорогъ, много смѣялись, даже танцовали, такъ какъ въ аббатство пріѣзжаетъ много народу и въ особенности часто говорили о тряпкахъ“. Близъ Сарлуи лутрскія монахини обѣдаютъ вмѣстѣ съ офицерами и не отличаются излишней скромностью. Большинство монастырей являются пріятными убѣжищами для молодыхъ вдовъ, для замужнихъ женщинъ, мужья которыхъ находятся въ арміи, для молодыхъ дѣвушекъ, начальница же, чаще всего дама высшаго общества, съ удовольствіемъ руководитъ этимъ милымъ женскимъ міркомъ.

Но нигдѣ великолѣпіе, гостепріимство, толпа не достигаютъ такихъ размѣровъ, какъ въ епископскихъ дворцахъ. Я уже описывалъ положеніе епископовъ: столь могущественные владѣтели феодальныхъ правъ, наслѣдники и преемники древнихъ государей страны, кромѣ того, частые посѣтители Версаля, они не могутъ не имѣть двора. Сисэ, епископъ Бордоскій, Дилонъ, архіепископъ Нарбонскій, Бріенъ, архіепископъ Тулузскій, Кастелланъ, епископъ Мандскій и сюзеренный владѣтель Жеводана, архіепископъ Камбрейскій, герцогъ Камбрейскій сюзеренный владѣтель Камбрезіи и

наслѣдственный президентъ провинціальныхъ штатовъ,—почти всѣ эти лица принцы, не должны ли они поэтому вести подобающій имъ образъ жизни? Вотъ почему они охотятся, занимаются строительствомъ, принимаютъ гостей, имѣютъ церемоніалъ пробужденія, пріемную залу, приставовъ, чиновниковъ, открытый столъ, большой штатъ прислуги, экипажи и чаще всего долги, необходимая принадлежность каждаго вельможи. Въ почти королевскомъ дворцѣ, выстроенномъ въ Савернѣ Роганами, наслѣдственными страсбургскими епископами и кардиналами отъ дяди къ племяннику, имѣется 700 постелей, 180 лошадей, 14 дворецкихъ, 25 лакеевъ. „Тамъ собирается вся провинція; кардиналъ помѣстилъ тамъ сразу двѣсти приглашенныхъ не считая слугъ; во всякое время тамъ можно встрѣтить отъ двадцати до тридцати наиболѣе интересныхъ мѣстныхъ женщинъ, причемъ число это нерѣдко увеличивается пріѣзжими изъ Парижа“. „Вечеромъ въ девять часовъ все общество ужинаетъ вмѣстѣ, что всегда носитъ характеръ празднества“; кардиналъ являлся тамъ лучшимъ украшеніемъ. Великолѣпно одѣтый, красивый, изысканно вѣжливый, любезный, онъ могъ осчастливить каждаго одной своей улыбкой. Его лицо внушало довѣріе; у него была физіономія человѣка, предназначеннаго къ представительству“.

Таковъ же образъ жизни главныхъ свѣтскихъ вельможъ, когда лѣтомъ страсть къ охотѣ и прелести сезона приводятъ ихъ въ ихъ имѣнія. Напримѣръ, Гаркуръ въ Нормандіи и Бріенъ въ Шампаньи являются наиболѣе излюбленными замками. „Туда пріѣзжаютъ изъ Парижа важныя лица, выдающіеся литераторы, а мѣстное дворянство составляетъ дворъ“. Нѣтъ такого имѣнія, куда не залетали бы придворныя птицы пообѣдать, потанцовать, поохотиться, поболтать, принять участіе въ домашнемъ спектаклѣ. Этихъ блестящихъ птицъ можно прослѣдить во время ихъ перелета изъ одного птичника въ другой; они остаются недѣлю, мѣсяцъ, три мѣсяца, выставляя напоказъ свое опереніе. Изъ Парижа въ Иль-Аданъ, въ Вилле-Котре, въ Фретуа, въ Паншетъ, въ Суассонъ, въ Реймсъ, въ Гризоль, въ Силлери, въ Бріенъ, въ Балинкуръ, въ Водрель, графъ и графиня де-Жанлисъ разъѣзжаютъ на досугѣ, блестя умомъ и веселостью у своихъ друзей, которыхъ въ свою очередь принимаютъ въ Жанлисѣ. Одного взгляда на внѣшность этихъ домовъ достаточно, чтобы понять, что первой обязанностью въ то время считалось гостепріимство, а первой необходимостью—находиться въ обществѣ. Ихъ роскошь отличается отъ нашей. За исключеніемъ нѣсколькихъ княжескихъ домовъ, въ нихъ нельзя встрѣтить хорошей обстановки: это предоставляютъ показывать финансистамъ. „Но зато здѣсь есть все, что можетъ доставить наслажденіе другимъ: лошади, экипажи, роскошные обѣды, помѣщеніе для пріѣзжающихъ и, наконецъ, прислуга болѣе многочисленная, чѣмъ въ наше время. Взаимное соприкасаніе заставляетъ деревенскихъ дворянъ учиться изысканному обращенію, элегантности, постепенно теряя грубость нравовъ, которыми отличаются такіе же помѣщики въ Германіи и Англіи. Во Франціи нельзя уже встрѣтить сквайровъ Вестернъ или бароновъ Тондертенъ-Трункъ; одна эльзаская дама, видѣвшая во Франкфуртѣ потѣшныхъ вестфаль-

скихъ дворянчиковъ, была поражена контрастомъ. Французскіе дворяне самыхъ дальнихъ провинцій посѣщали салоны командующаго войсками или интенданта и видѣли иногда версальскихъ дамъ, поэтому „у нихъ есть привычка къ хорошимъ манерамъ и они нѣсколько знакомы съ требованіями моды". Наиболѣе дикій спускается со шляпой въ рукѣ до подъѣзда, провожая гостей и благодаря ихъ за оказанную ему честь. Самый грубый, находясь въ присутствіи женщины, извлекаетъ изъ своей памяти обрывки рыцарской вѣжливости. Самый бѣдный и уединенный имѣетъ парадный костюмъ и орденъ св. Людовика, чтобы при случаѣ явиться представиться какому-нибудь вельможѣ или принцу. Такимъ образомъ феодальный главный штабъ преобразился отъ первыхъ до послѣднихъ степеней. Еслибъ можно было обнять взглядомъ тридцать или сорокъ тысячъ дворцовъ, отелей, аббатствъ, какую блестящую, великолѣпную декорацію увидѣлъ бы зритель! Франція превратилась въ обширный салонъ, и я не вижу въ ней никого, кромѣ салонныхъ людей. Повсюду начальники, имѣя власть стали полными хозяевами, раздающими милости. Они принадлежатъ къ тому обществу, гдѣ прежде чѣмъ выразить свое восхищеніе великому генералу спрашиваютъ „милъ ли онъ въ обращеніи". Конечно, они еще носятъ шпагу, они храбры изъ самолюбія и по традиціи, они умѣютъ умирать, въ особенности на дуэли; но свѣтскій характеръ стеръ прежній военный фонъ. Въ концѣ XVIII столѣтія ихъ главный талантъ состоитъ въ умѣніи жить, а ихъ дѣйствительное занятіе—принимать или быть принятыми.

ГЛАВА II.

Салонная жизнь.—I. Она совершенна только во Франціи.—Причины этого проистекаютъ извлеченныя изъ французскаго характера.—Причины извлеченныя придворнаго тона Франціи.—Эта жизнь становится все болѣе и болѣе пріятной и поглощающей.—II. Подчиненіе ей другихъ интересовъ и обязанностей.—Безразличное отношеніе къ общественнымъ дѣламъ. — Они даютъ только поводъ къ каламбурамъ.—Небрежность въ частныхъ дѣлахъ. — Безпорядочность въ веденіи хозяйства и злоупотребленіе деньгами.—III. Нравственный разводъ супруговъ.—Волокитство.— Отчужденность родителей и дѣтей.— Воспитаніе, его недостатки и его предметъ.—Тонъ прислуги и поставщиковъ. — Свѣтскій отпечатокъ на всѣхъ. — IV. Привлекательность этой жизни.—Умѣніе жить въ XVIII столѣтіи.—Его совершенства и рессурсы.—Право женщинъ обучать этому умѣнью и предписывать его. — V. Счастье въ XVIII столѣтіи.—Наслажденіе декораціей и обществомъ.—Праздность, времяпрепровожденіе, шутки.—VI. Веселость въ XVIII столѣтіи.—Ея причины, ея вліяніе.—Терпимость и распущенность.—Балы, празднества, охоты, пиры, развлеченія.—Права и преимущества судей и прелатовъ.—VII. Главныя развлеченія, домашняя комедія.—Показная жизнь и излишества.

I.

Другія аристократіи въ Европѣ были приведены, приблизительно тѣми же обстоятельствами къ приблизительно тѣмъ же нравамъ. Тамъ также монархія породила дворъ, который породилъ изысканное общество, но красивое растеніе развилось только наполовину. Почва оказалась неблагопріятной, а сѣмена были дурного сорта. Въ

Испаніи король живетъ заключеннымъ въ этикетъ, какъ мумія въ своей гробницѣ, и слишкомъ прямолинейная гордость, неспособная спуститься къ вольности свѣтской жизни, породила только мрачную скуку и безсмысленную роскошь. Въ Италіи подъ управленіемъ мелкихъ принцевъ-деспотовъ, большинство изъ которыхъ иностранцы, постоянная опасность и наслѣдственное недовѣріе заставили сердца обратиться къ интимнымъ удовольствіямъ любви или къ нѣмому восхищенію прекрасными искусствами. Въ Германіи и Англіи холодный, неповоротливый темпераментъ, противящійся культу, удерживаетъ человѣка до конца послѣдняго столѣтія въ германскихъ привычкахъ одиночества, пьянства и грубости. Наоборотъ, во Франціи все благопріятствуетъ расцвѣту общественнаго духа; въ этомъ отношеніи національный геній вполнѣ совпадаетъ съ политическимъ строемъ, и кажется, будто растеніе напередъ выбрано для этой почвы.

По инстинкту французъ любитъ находиться въ обществѣ и вслѣдствіе этого онъ исполняетъ безъ затрудненій всѣ требованія общества. У него нѣтъ ложнаго стыда стѣсняющаго его сѣверныхъ сосѣдей ни сильныхъ страстей, увлекающихъ его южныхъ сосѣдей. Ему не нужно дѣлать усилія, чтобы вести бесѣду, у него нѣтъ природной стѣснительности, нѣтъ также и особенно важныхъ занятій. Поэтому онъ бесѣдуетъ легко и пріятно и испытываетъ самъ отъ этого удовольствіе. Такъ какъ ему необходимо это своеобразное развлеченіе умное, легкое, быстрое, безпрестанно возобновляющееся и измѣняющееся, которое даетъ пищу его уму, его самолюбію, всѣмъ его живымъ и симпатичнымъ способностямъ; и это своеобразное развлеченіе доставляетъ ему бесѣда и свѣтъ. Онъ чувствовалъ бы себя несчастнымъ, если бы былъ съ кѣмъ-нибудь невѣжливымъ или встрѣтилъ бы невѣжливость съ чьей-нибудь стороны. Въ такой компаніи можно болтать, такъ какъ болтать значитъ развлекать другихъ, развлекая въ то же время самого себя, а для француза нѣтъ выше удовольствія. Будучи живымъ и подвижнымъ, онъ также нуждается въ разговорѣ, какъ птица въ летаніи: переходя отъ идеи къ идеѣ, возбуждаемый вниманіемъ другихъ, онъ дѣлаетъ неожиданные выводы, возносится ввысь, падаетъ внизъ, не углубляясь въ бездны, не забираясь въ чащу, не требуя отъ тысячи вещей ничего, кромѣ развлеченія и пріятности ихъ внѣшняго вида.

Съ такими данными и склонностями онъ былъ созданъ для строя, который на десять часовъ сводилъ вмѣстѣ людей; природныя дарованія согласовались съ соціальнымъ порядкомъ, доводя салоны до совершенства. Во главѣ всѣхъ король подавалъ примѣръ. Людовикъ XIV обладалъ всѣми качествами хозяина дома, хорошимъ вкусомъ, гостепріимствомъ, достоинствомъ, искусствомъ управлять самолюбіемъ другихъ и искусствомъ первенствовать, благородной любезностью, тактомъ и совершенствомъ ума и языка. „Онъ говорилъ великолѣпно; если нужно было шутить, говорить любезности, если онъ хотѣлъ разсказать сказку, все это онъ умѣлъ сдѣлать съ несравненнымъ умѣньемъ, умно и тонко, какъ никто“. „Ни одинъ человѣкъ не могъ быть столь естественно вѣжливъ, умѣренной вѣжливостью... Его поклоны отличались необычайнымъ вели-

чіемъ... Онъ былъ великолѣпенъ, принимая различно привѣтствія войскъ во время смотровъ. Но въ особенности никто не могъ съ нимъ сравниться въ обращеніи съ женщинами*). Вотъ образецъ, которому не переставали подражать съ бо̀льшимъ или меньшимъ успѣхомъ до конца существованія стараго порядка. Если онъ немного измѣнился, то только для того, чтобы стать болѣе общественнымъ. Въ XVIII столѣтіи, за исключеніемъ торжественныхъ выходовъ, этотъ образецъ мало-по-малу низводили съ пьедестала. Вокругъ короля уже не бывало теперь того молчанія „когда даже шаги муравья бываютъ слышны". „Государь,—сказалъ однажды Людовику XVI маршалъ Ришелье, свидѣтель трехъ царствованій,—при Людовикѣ XIV не смѣли проронить ни слова; при Людовикѣ XV говорили очень тихо; при вашемъ же величествѣ говорятъ громко". Если власть отъ этого теряетъ, то общество выигрываетъ; понемногу уничтожаемый этикетъ позволяетъ проникать веселью и удовольствіямъ. Отнынѣ вельможи заботятся не столько о важности, сколько о томъ, чтобы произвести пріятное впечатлѣніе; они сбрасываютъ съ себя угрюмость, какъ стѣснительный и вмѣстѣ смѣшной костюмъ „стремясь заставить не уважать себя, а апплодировать себѣ". Недостаточно даже быть ласковымъ, необходимо во чтобы то ни стало казаться любезнымъ какъ къ низшимъ, такъ и къ равнымъ**). „Французскіе принцы,—говоритъ еще одна современница,—до смерти боятся, какъ бы не лишить кого-нибудь милости***).

Даже у подножія трона „тонъ обращенія живой и свободный", и подъ улыбкой молодой королевы серьезный дворъ Людовика XVI становится самымъ веселымъ и интереснымъ. Благодаря отсутствію натянутости свѣтская жизнь дѣлается настоящимъ совершенствомъ. „Кто не жилъ до 1789 г.,—говоритъ позднѣе Талейранъ,—не зналъ сладости жизни". Она была слишкомъ велика, при ней нельзя было вкусить другой, она захватывала всего человѣка. Когда свѣтъ имѣетъ столько приманокъ, то живутъ только для него.

II.

Не остается больше ни досуга, ни охоты для другихъ вещей, даже для такихъ, которыя ближе всего касаются человѣка, какъ общественныя дѣла и семейная жизнь. Я уже говорилъ, что по отношенію къ первымъ они относятся совершенно равнодушно; какъ мѣстная, такъ и общая администрація находится не въ ихъ рукахъ и не интересуетъ ихъ больше. Когда заходитъ объ этомъ рѣчь, то единственно въ шутку; самыя серьезныя событія служатъ матеріаломъ для остротъ.

Послѣ постановленія аббата Террэ, объявившаго себя несостоятельнымъ и заплатившаго кредиторамъ 50% всѣхъ долговъ, какой-то зритель, стиснутый въ театрѣ, воскликнулъ: „Ахъ, какая

---

*) Сэнъ-Симонъ. XII.
**) Герцогъ Леви, 321.
***) M-me Жанлисъ. Воспоминанія Фелиціи.

жалость, что тутъ нѣтъ аббата Террэ, чтобы насъ уменьшить на половину!". И публика смѣется, апплодируетъ; на другой день весь Парижъ, повторяя остроту, утѣшается. Союзы, битвы, налоги, договоры, министерство, государственные перевороты, вся исторія вѣка имѣется въ эпиграммахъ и пѣсняхъ. Разъ*) въ обществѣ молодыхъ придворныхъ во время пересказа интересной остроты, одинъ изъ присутствующихъ въ восхищеніи воскликнулъ: „Какъ же не радоваться крупнымъ событіямъ, даже переворотамъ, которые даютъ поводъ къ такимъ интереснымъ каламбурамъ!" По поводу всѣхъ національныхъ несчастій писались пѣсни. Пѣсенка, сочиненная на сраженіе при Гохштэдтѣ, оказалась неудачной и нѣкоторые говорили: „Меня злитъ проигрышъ этого сраженія; пѣсня ровно ничего не стоитъ". Даже исключая изъ этой черты всѣ уродства и случайныя преувеличенія, всетаки можно усмотрѣть, что государство въ ту эпоху не значило почти ничего, общество же почти все. Основываясь на этомъ принципѣ, можно угадать, какихъ талантовъ требовалъ народъ отъ министровъ. Неккеръ, устроивъ блестящій ужинъ съ оперой серьезной и оперой комической, „считаетъ, что этотъ вечеръ доставилъ ему большое довѣріе и бо̀льшую устойчивость, чѣмъ всѣ его финансовыя операціи... По поводу его постановленія относительно налога одной двадцатой на имущество говорили только одинъ день, тогда какъ о праздникѣ говорятъ еще до сихъ поръ, какъ въ Парижѣ, такъ и въ Версалѣ, причемъ всѣ громко заявляютъ: „Чудные люди—г. и г-жа Неккеръ, они не замѣнимы для общества" *). Общество развлекающееся требуетъ отъ другихъ, чтобъ его развлекали. Оно говорило почти то же что Вольтеръ: „что боги создали королей только для того, чтобы они устраивали ежедневно празднества, жизнь слишкомъ коротка, чтобы пользоваться ею иначе, что тяжбы, интриги, война, диспуты жрецовъ—глупыя и отвратительныя вещи, что человѣкъ рожденъ для наслажденія" и что въ перечнѣ необходимыхъ вещей прежде всего нужно поставить „избытокъ".

Можно поэтому предвидѣть, что въ частныхъ дѣлахъ они будутъ также безпечны, какъ и въ общественныхъ. Хозяйство, управленіе имуществомъ, домашняя экономія въ ихъ глазахъ кажутся мѣщанскими занятіями подходящими только для управителей и дворецкихъ. Къ чему тогда слуги, если нужно заботиться обо всемъ самому? Жизнь не будетъ праздникомъ, какъ только станешь заниматься мелочами. Нужно, чтобы удобство, роскошь, красота, притекали сами изъ источника и достигали губъ. Нужно, чтобы само собой у человѣка находилось золото въ карманахъ, богатое платье на его туалетѣ, напудренные лакеи въ прихожей, золоченая карета у дверей дома, тонкій обѣдъ на столѣ, и чтобы онъ могъ все свое время проводить съ гостями. Подобное хозяйство не можетъ быть благополучно, и слуги, предоставленныя самимъ себѣ, нерѣдко запускаютъ руки въ хозяйское добро. Но не все ли равно, разъ они исполняютъ свои обязанности? Къ тому

*) Шамфоръ, 26, 55.
**) „Секретная переписка".

же, всѣ люди хотятъ жить, и пріятно видѣть вокругъ себя довольныя лица. Поэтому первые дома королевства преданы разграбленію. Однажды на охотѣ Людовикъ XV спросилъ находящагося вблизи него герцога Шуазеля, сколько онъ думаетъ стоитъ коляска, въ которой они ѣдутъ. Шуазель отвѣтилъ, что онъ, пожалуй, могъ бы пріобрѣсти себѣ за 5.000 или за 6.000 ливровъ, но „ваше величество, расплачиваясь по-королевски, должны заплатить тысячъ восемь“.—„Вы далеки отъ истины,—возразилъ король,—эта коляска мнѣ обошлась въ 30.000 франковъ... Крадутъ у меня чудовищно, но средствъ противъ этого нѣтъ никакихъ“.

Въ самомъ дѣлѣ крадутъ всѣ отъ малого до большого. У короля для обершталмейстера стоитъ 54 лошади; тридцать восемь имѣется для принцессы Бріонъ, которая управляетъ конюшней за малолѣтствомъ своего сына; кромѣ того, имѣется двѣсти пятнадцать конюховъ и приблизительно столько же лошадей, содержимыхъ на средства короля для различныхъ лицъ, совершенно ему чужихъ. На одномъ этомъ сукѣ королевскаго дерева, какая огромная колонія паразитовъ!

Кромѣ того, я нахожу въ архивахъ, что принцесса Елизавета тратитъ въ годъ 30.000 франковъ на рыбу, 70.000 фр. на мясо и дичь, 60.000 фр. на свѣчи; что другія принцессы сжигаютъ бѣлыхъ и желтыхъ свѣчей на 215.068 фр. Въ Версалѣ еще теперь показываютъ улицу, когда-то всю наполненную лавками, куда приходили слуги короля и продавали жителямъ Версаля свой дессертъ. Нѣтъ такого предмета, на которомъ не наживались бы слуги. Вслѣдствіе этого, король, напримѣръ, выпиваетъ на 2.190 франковъ оршада и лимонада; утренній и вечерній бульонъ, который иногда пьетъ двухлѣтняя дочь короля, стоитъ въ годъ 5.201 ливръ. Въ концѣ предыдущаго царствованія горничныя ставили въ счетъ расходовъ на дофина четыре пары башмаковъ въ недѣлю, три аршина лентъ въ день для завязыванія пенюара, два аршина тафты, чтобы покрывать коробку, въ которую кладутъ перчатки и вѣеръ. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, за кофе, лимонадъ, шоколадъ, оршадъ и др. прохладительные напитки, король платилъ въ годъ 200.000 франковъ. Понятно, что въ такихъ домахъ поставщики не слишкомъ надоѣдаютъ требованіями уплаты денегъ. Иногда имъ приходится ждать такъ долго, что, какъ это случилось при Людовикѣ XV они отказываются поставлять и прячутся. Въ 1778 г., при всей экономіи Тюрбо, король долженъ около 800.000 ливровъ виноторговцу и около трехъ съ половиной милліоновъ поставщику провизіи. Тотъ же самый безпорядокъ царитъ и въ домахъ окружающихъ тронъ. Г-жа де-Гименэ должна 60.000 ливровъ своему сапожнику. Другая, видя, что у ея мужа больше долговъ, чѣмъ имущества рѣшила спасти свое приданое на сумму въ 200.000, но ей отвѣтили что она согласилась уплатить по счету портному, а этотъ счетъ—невѣроятная вещь—достигаетъ 180.000 ливровъ. Одна изъ самыхъ распространенныхъ маній этого времени,—говоритъ г-жа Обер-

кирхъ, состоитъ въ томъ, чтобы разоряться во всю и на всемъ. Два брата Вильмюра выстраиваютъ себѣ дачи по 500.000—600.000 ливровъ; у одного изъ нихъ имѣется сорокъ верховыхъ лошадей спеціально предназначенныхъ для прогулокъ въ Булонскомъ лѣсу. Г-нъ де-Шенансо въ одну ночь проигрываетъ 800.000 ливровъ. Герцогъ де-Лозанъ въ двадцать шесть лѣтъ истратилъ капиталъ приносящій 100.000 экю дохода и задолжалъ болѣе двухъ милліоновъ". „Принцъ де-Конти не имѣетъ ни хлѣба, ни дровъ, хотя у него 600.000 ливровъ дохода". Насколько прекраснѣе была бы жизнь, если бы люди были разсудительны. Какъ достичь изящнаго, когда не хватаетъ денегъ. Огромныя суммы денегъ текутъ, пока не изсякнетъ источникъ; злоупотребленіе прислуги, расточительность хозяина, тратящаго безумныя деньги на мебель, на туалеты на пріемы гостей, на разныя развлеченія. Графъ д'Артуа, для бала, устраиваемаго въ честь королевы, сломалъ, перестроилъ и заново отдѣлалъ Багатель, сверху до низу, нанявъ для этой цѣли девятьсотъ рабочихъ, и такъ какъ не было времени посылать далеко за тесомъ и тесанными камнями, то швейцарскіе гвардейцы выѣзжали на большія дороги и отбирали за деньги все, что подвозилось въ этомъ родѣ къ городу. Маршалъ Субизъ, принимая однажды короля въ своемъ загородномъ домѣ, израсходовалъ въ одни сутки 10.000 ливровъ. М-мъ де-Матиньонъ уплачиваетъ 24.000 ливровъ въ годъ за то, что ей ежедневно доставляютъ новый парикъ. У кардинала де-Рогана имѣется вышитый иглой стихарь, оцѣниваемый болѣе чѣмъ въ 100.000 ливровъ, а вся его кухонная посуда—изъ массивнаго серебра. Королева подарила дофину карету, украшенную рубинами и сапфирами, наивно заявляя: „Король увеличилъ мое жалованье на 200.000 ливровъ, зачѣмъ же я стану ихъ беречь?" Ихъ скорѣй слѣдуетъ выкинуть за окно. Такъ поступилъ маршалъ Ришилье съ кошелькомъ, даннымъ имъ своему внуку и который мальчикъ принесъ домой полнымъ, не сумѣвъ ничего истратить. На этотъ разъ по крайней мѣрѣ ими воспользовался метельщикъ подметавшій улицу. Но иногда деньги прямо бросаются въ воду. Однажды г-жа Б. дала понять принцу де-Конти, что хотѣла бы имѣть миніатюру его чижика въ своемъ кольцѣ. Принцъ вызвался исполнить просьбу, которая была принята съ условіемъ, что миніатюра будетъ самая простая безъ брилліантовъ. Въ самомъ дѣлѣ миніатюра оказалась маленькимъ золотымъ кружочкомъ, но чтобы разглядѣть живопись, былъ приложенъ крупный брилліантъ, служившій какъ бы увеличительнымъ стекломъ. Г-жа Б. отослала обратно брилліантъ. Тогда принцъ Конти велѣлъ истолочь драгоцѣнный камень въ порошокъ и посыпалъ имъ письмо вмѣсто обыкновеннаго песка, который употребляютъ для просушки чернилъ. Щепотка этого порошка стоила четыре или пять тысячъ ливровъ.

III.

Въ салонѣ женой занимаются меньше всего, поэтому въ эпоху, когда живутъ только для общества и въ обществѣ, для супружеской близости нѣтъ мѣста. Къ тому же, когда супруги принадлежатъ къ высшему обществу, обычай и обязанности разъединяютъ

ихъ. У каждаго свой домъ или, по крайней мѣрѣ, свои комнаты, свои люди, свой экипажъ, свои пріемы, свой избранный кружокъ, вслѣдствіе чего они относятся другъ къ другу съ изысканной вѣжливостью постороннихъ людей. Они докладываютъ другъ другу о своемъ приходѣ, называя другъ друга „сударь, сударыня", не только въ обществѣ, но и наединѣ; они пожимаютъ плечами, когда въ шестидесяти миляхъ отъ Парижа, въ какомъ-нибудь старомъ замкѣ, имъ приходится встрѣтить провинціалку, называющую своего мужа „мой другъ" передъ всѣмъ обществомъ.

Супруги, разъединенные даже у домашняго очага, живутъ каждый самостоятельной жизнью. У мужа свое управленіе, полкъ, служба при дворѣ, удерживающія его внѣ дома; только въ послѣдніе годы жены стали соглашаться слѣдовать за мужьями въ провинцію. Съ своей стороны жена тоже несетъ серьезныя обязанности, состоя при какой-нибудь принцессѣ или принимая многочисленныхъ посѣтителей у себя въ салонѣ. Въ эту эпоху женщина выказываетъ такую же дѣятельность, какъ и мужчина въ той же самой области, борясь тѣмъ же оружіемъ, т. е. гибкимъ словомъ, увлекающей граціей, тактомъ, пониманіемъ даннаго момента, искусствомъ нравиться, просить и получать; при дворѣ нѣтъ такихъ дамъ, которыя не могли бы выхлопотать полкъ или пенсію. Вслѣдствіе этого у жены есть также своя свита просителей и ходатаевъ, свои друзья, враги, свои стремленія и неудовольствія; ничто болѣе не способствуетъ распаду семейной жизни, какъ это сходство занятій и разница интересовъ. Связывающая нить рвется, супруги взаимно высказываютъ полное равнодушіе другъ другу, принадлежа всецѣло свѣту.

Въ серединѣ вѣка мужъ и жена, хотя и жили подъ одной кровлей, но и только „Никогда ихъ не видѣли вмѣстѣ, не встрѣчали въ одной каретѣ, ни тѣмъ болѣе, въ одномъ домѣ или въ общественномъ мѣстѣ". Глубокое чувство показалось бы страннымъ, пожалуй, „смѣшнымъ" и во всякомъ случаѣ неприличнымъ; оно также шокировало бы, какъ серьезный разговоръ вполголоса во время легкой бесѣды въ обществѣ. Разговоры и свиданія наединѣ разрѣшаются только влюбленнымъ и то лишь нѣсколько дней. Однимъ словомъ, общество, подобно абсолютному королю, не терпитъ, чтобы ему принадлежали лишь наполовину. „Если правы отъ этого теряли,—говоритъ одинъ изъ современниковъ, г. де-Безенваль,—общество зато много выигрывало; освобожденная отъ стѣсненія и холода, наводимыхъ всегда мужьями, свобода была доведена до крайности: кокетство женщинъ и мужчинъ поддерживало постоянное оживленіе и доставляло массу пикантныхъ приключеній". Ревность отсутствовала даже у влюбленныхъ. „Когда нравятся—отдаются другъ другу; надоѣдятъ—разстаются столь же легко, какъ и сошлись. Если увлеченіе возрождается — сходятся снова съ пылкостью, точно видятъ другъ друга въ первый разъ Такъ какъ сошлись безъ любви, то разстаются безъ ненависти".

Къ тому же внѣшнія приличія всегда соблюдаются; ненаблюдательный иностранецъ никогда ничего бы не замѣтилъ. „Необходимо,—говоритъ Горасъ Вальполь,—чрезмѣрное любопытство или

очень большой навыкъ, чтобы раскрыть здѣсь малѣйшую связь между двумя полами. Никакая фамильярность не позволяется, развѣ только подъ покровомъ дружбы, а любовный словарь воспрещенъ въ равной степени, какъ и любовный ритуалъ". Даже у Кребильона, даже у Ланло дѣйствующія лица въ самые патетическіе моменты говорятъ въ умѣренныхъ, безукоризненныхъ выраженіяхъ. Разнузданность въ поступкахъ допускается, но разнузданность въ словарѣ—никогда, и языкъ приличій запрещаетъ не только взрывы страстей, но также и грубости инстинкта.

Такимъ образомъ, чувства терпкія уже по своему характеру, потеряли свою остроту и шипы; изъ ихъ полированныхъ, золоченыхъ остатковъ сдѣлали салонную игрушку, которой перебрасываются, какъ красивымъ мячемъ. Слѣдуетъ послушать, что говорятъ по этому поводу герои эпохи: ихъ легкій, развязный тонъ неподражаемъ и обрисовываетъ одинаково хорошо какъ ихъ самихъ, такъ и ихъ дѣйствія.

„Я,—говоритъ герцогъ де-Лозонъ, — находился въ отличныхъ, можно сказать, даже завидныхъ отношеніяхъ съ г-жей де-Лозонъ; я весьма открыто жилъ съ г-жей Камби, которой нисколько не дорожилъ; я содержалъ маленькую Евгенію, которую очень любилъ; я велъ крупную игру, служилъ при дворѣ, и постоянно охотился съ королемъ". Впрочемъ, онъ снисходительно относился и къ другимъ. „Однажды его спросили, чтобы онъ отвѣтилъ своей женѣ, которую онъ не видѣлъ втеченіе десяти лѣтъ, еслибы она ему написала: „Я забеременила". Онъ подумалъ и отвѣчалъ: „Я написалъ бы ей: я счастливъ, что небо, наконецъ, благословило нашъ союзъ; берегите ваше здоровье, я сегодня навѣщу васъ". Подобныхъ отвѣтовъ наберешься до двадцати и могу сказать, что пока ихъ не прочтешь, не представляешь до какой степени общество можетъ подавить природный инстинктъ.

„Здѣсь въ Парижѣ,— пишетъ г-жа Оберкирхъ,—я не принадлежу болѣе себѣ, у меня едва находится время поговорить съ мужемъ и отвѣтить на письма. Не знаю, какъ устраиваются женщины, ведущія такую жизнь постоянно; развѣ имъ не нужно вести хозяйство и воспитывать своихъ дѣтей?" Онѣ поступаютъ такъ, какъ будто у нихъ нѣтъ ни того, ни другого; мужчины устраиваются также.

Супруги живутъ врозь, дѣти ихъ живутъ отдѣльно, и тѣ же причины, которыя вліяютъ на бракъ, вліяютъ и на семью. Прежде всего существуютъ аристократическія условія, устанавливающія извѣстный барьеръ, отдѣляющій родителей отъ дѣтей. Хотя и ослабленная, традиція эта существуетъ. Сынъ говоритъ „сударь" своему отцу; дочь приходитъ почтительно цѣловать руку у матери. Ласка дозволяется изрѣдка, въ видѣ особой милости; обыкновенно въ присутствіи родителей дѣти молчаливы, и обычное чувство питаемое ими къ отцу и матери—робкое почтеніе. Нѣкогда они были подданными; до извѣстной степени они остаются ими еще и теперь, а новыя требованія свѣтской жизни ставятъ ихъ на задній планъ. Талейранъ говорилъ, что онъ никогда не спалъ подъ одной кровлей съ отцомъ и матерью. Но если они даже и живутъ вмѣстѣ,

они не становятся болѣе внимательными. „Меня поручили, — говоритъ графъ де-Тилли, — слугамъ и какому-то учителю, сильно ихъ напоминавшему“. Въ то же время его отецъ жуировалъ. „Я зналъ, что у него были любовницы до глубокой старости,—прибавляетъ молодой человѣкъ,—онъ обожалъ ихъ и безпрестанно измѣнялъ имъ“. Герцогъ де-Биронъ, находя, что трудно достать хорошаго гувернера своему сыну, поручилъ его лакею покойной матери, умѣвшему читать и сносно писать“. Кромѣ того, ко мнѣ приставили самыхъ модныхъ учителей, но г. Рошъ, имя моего гувернера, былъ не въ состоянiи управлять уроками, ни дать мнѣ возможности извлечь изъ нихъ пользу. Къ тому же я былъ, какъ и всѣ дѣти моего возраста и происхожденія, т. е. имѣлъ самое великолѣпное платье для выхода и ходилъ почти голымъ дома, умирая съ голода, не изъ жестокости, но позабывчивости и полному безпорядку въ хозяйствѣ; вниманіе было направленно въ другую сторону. Можно по пальцамъ пересчитать отцовъ, которые, какъ маршалъ Бель-Иль, сами наблюдали и руководили воспитаніемъ своихъ сыновей.

Дѣвочекъ прямо отдавали въ монастырь; освободившись отъ заботы, родители совершенно не интересовались ихъ воспитаніемъ. Но даже, когда дѣвочки оставались дома, онѣ всетаки не тяготили старшихъ. Малютка Фелисита де-Сэнъ-Обенъ встрѣчается съ родителями только при ихъ пробужденіи и во время обѣда; во весь остальной день они слишкомъ заняты; мать принимаетъ визиты, отецъ находится въ своемъ физическомъ кабинетѣ или на охотѣ. До семи лѣтъ ребенокъ живетъ съ горничными, которыя учатъ ее немного катехизису и очень много разсказываютъ о привидѣніяхъ. Приблизительно въ это время о ней начинаютъ заботиться довольно характернымъ для эпохи образомъ. Маркиза, ея мать, авторъ миѳологическихъ и буколическихъ оперъ, выстроила въ замкѣ театръ. Въ этомъ театрѣ послѣ двадцати недѣль репетицій, дѣвочка, съ голубыми крылышками за спиною, играетъ роль амура; этотъ костюмъ такъ хорошо идетъ ей, что она носитъ его и дома впродолженіе девяти мѣсяцевъ. Чтобы закончить ея воспитаніе, къ ней приглашаютъ учителя танцевъ и фехтовальнаго искусства и дѣвочка, въ костюмѣ амура, беретъ уроки граціи и фехтованія. „Вся зима проходитъ въ устройствѣ разныхъ спектаклей“. Отсылаемая послѣ обѣда дѣвочка, снова приходитъ, чтобы играть на клавесинѣ или декламировать монологъ Альзиры передъ многочисленнымъ обществомъ. Конечно, такія крайности случаются не всегда, но характеръ воспитанія повсюду одинаковъ, т. е. я хочу сказать, что для родителей разумной жизнью является свѣтская жизнь, и поэтому дѣтьми занимаются лишь для того, чтобы заранѣе подготовить ихъ къ этой жизни.

До послѣднихъ годовъ стараго порядка маленькіе мальчики ходили съ напудренными буклями; съ боку у нихъ висѣла шпага, а въ рукахъ была шляпа; платье было расшито золотомъ; они цѣловали руки молодыхъ барышень, съ граціей настоящихъ франтовъ. Дѣвочка въ шесть лѣтъ уже носитъ корсетъ, огромный кринолинъ, поддерживающій платье покрытое гирляндами; на головѣ

у нея затѣйливый шиньонъ, изъ фальшивыхъ волосъ, съ буклями и фижмами, приколотый шпильками, увѣнчанный перьями и такой высокій, что нерѣдко „подбородокъ находится на полпути отъ ногъ". Это дама въ миніатюрѣ; она это знаетъ и въ совершенствѣ играетъ свою роль, въ силу привычки. Единственнымъ и постояннымъ обученіемъ является наука какъ держать себя; съ полнымъ правомъ можно сказать, что въ этотъ вѣкъ выгоднѣе всего было быть учителемъ танцевъ. Съ нимъ можно было не обращать вниманія на другіе предметы воспитанія, безъ него всѣ другія науки служили ни къ чему. Такъ какъ безъ его науки трудно было исполнять съ легкостью и граціей тысячи обычныхъ вещей, какъ-то: садиться, стоять, ходить, предлагать руку, раскрывать вѣеръ, слушать, смѣяться. Какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ все это впослѣдствіе будетъ важнымъ дѣломъ, поэтому оно становится важнымъ и для дѣтей. При наличности граціи, движеній и жестовъ, они уже обладаютъ граціей ума и рѣчи. Едва начавъ говорить, они говорятъ уже изысканнымъ языкомъ своихъ родителей. Эти послѣдніе развлекаются съ ними какъ съ красивыми куклами; проповѣдь Руссо, введшая за послѣднюю треть вѣка въ моду дѣтей, не имѣла другого результата. Ихъ заставляютъ читать уроки при гостяхъ, выступать въ пословицахъ и пасторадяхъ. Они умѣютъ сказать комплиментъ, изобрѣсти трогательный или наивный отвѣтъ, умѣютъ быть отважными, чувствительными и даже остроумными. Маленькій герцогъ Ангулемскій, принимая книгу изъ рукъ Сюфрена, сказалъ ему: „Я читалъ Плутарха и его знаменитыхъ людей, поэтому ваша книга какъ нельзя болѣе кстати". Дѣти г. Сабрана, дѣвочка и мальчикъ, восьми и девяти лѣтъ, брали уроки у актеровъ Сенваля и Ларива, а затѣмъ въ Версалѣ играли въ присутствіи короля и королевы „Ореста" Вольтера, и когда мальчика спросили какихъ классическихъ писателей онъ знаетъ, онъ отвѣтилъ обратившейся къ нему дамѣ, матери трехъ очаровательныхъ дѣвушекъ: „Сударыня, я не могу здѣсь вспомнить никого, кромѣ Анакреона". Другой, приблизительно тѣхъ же лѣтъ, на какой-то вопросъ Генриха прусскаго, отвѣтилъ остроумнымъ экспромтомъ. Умѣть сказать каламбуръ, ловкій комплиментъ, остроумное четверостишіе восьми лѣтъ отъ роду, какое торжество свѣтской культуры! Эта послѣдняя черта строя, который, оттолкнувъ людей отъ общественныхъ дѣлъ, отъ личныхъ дѣлъ, отъ брака и семьи, взялъ его со всѣми его чувствами и способностями и передалъ то и другія обществу.

Вѣжливость и изящество проникаютъ и въ низшіе классы, захватываютъ слугъ и торговцевъ. Горничной требуются только деньги, чтобы стать дамой. Сапожникъ является „господиномъ въ черной парѣ, который говоритъ матери раскланиваясь съ дѣвушкой: „Сударыня, вотъ очаровательная дѣвица и я больше чѣмъ когда-либо цѣню вашу доброту;" дѣвушка же, слыша эти слова, принимаетъ его за жениха и въ смущеніи краснѣетъ. Безъ сомнѣнія между поддѣльнымъ луидоромъ и луидоромъ изъ чистаго золота есть разница. Но ихъ сходство въ достаточной мѣрѣ указываетъ, что всѣ классы общества увлечены однимъ стремленіемъ.

IV.

Для того, чтобы свѣтское общество имѣло такое вліяніе, нужно чтобы оно было привлекательно; дѣйствительно ни въ одной странѣ никогда соціальное искусство не дѣлало жизнь столь пріятной. Парижъ—это школа Европы, куда изъ Россіи, Германіи, Англіи пріѣзжаютъ молодые люди получать образованіе. Лордъ Честерфильдъ въ письмахъ своихъ неустанно повторяетъ сыну, чтобы онъ посѣщалъ салоны, которые лишатъ его „кембриджской грубости". Когда ихъ узнаешь, съ ними уже не разстаешься, если же приходиться покинуть ихъ, то потомъ всегда сожалѣешь. „Ничто не можетъ сравниться,—говоритъ Вольтеръ,—съ той пріятной жизнью, которую ведутъ на лонѣ искусства и спокойной, изящной чувственности; иностранцы, короли предпочли этотъ покой, столь пріятный и столь очаровательный, своей родинѣ и своему трону... Здѣсь размягчается сердце, здѣсь оно расплывается, подобно тому какъ сладко разливаются ароматы на умѣренномъ огнѣ, распространяя вокругъ себя восхитительное благовоніе". Густавъ III, разбитый русскими, говорилъ, что отправится въ Парижъ доживать свои послѣдніе дни въ какомъ-нибудь отелѣ на бульварахъ, и это была не пустая фраза; онъ велѣлъ прислать себѣ планы и смѣты. Чтобы присутствовать на какомъ-нибудь ужинѣ или на вечерѣ, люди ѣздятъ за двѣсти миль. Друзья принца де-Линь „выѣхали изъ Брюсселя послѣ завтрака, прибывъ въ Парижскую Оперу какъ разъ передъ поднятіемъ занавѣса и по окончаніи спектакля сейчасъ же поѣхали обратно въ Брюссель, пробывъ въ дорогѣ всю ночь". О такомъ изысканномъ счастьѣ мы можемъ судить только по слабымъ копіямъ и поэтому для возстановленія полной картины должны обратиться къ собственному воображенію. Оно заключается во-первыхъ въ удовольствіи жить съ людьми вѣжливыми; нѣтъ удовольствія болѣе продолжительнаго, болѣе неисчерпаемаго, болѣе глубокаго. Умные люди всегда могутъ изобрѣсти что-нибудь новое для удовлетворенія безконечнаго человѣческаго самолюбія. Нѣтъ такого малѣйшаго оттѣнка, который оставилъ бы безразличнымъ безконечную свѣтскую чувствительность. Кромѣ того, человѣкъ все еще величайшій источникъ счастья, какъ и несчастья для человѣка; въ ту же эпоху источникъ вмѣсто огорченій доставлялъ только удовольствіе. Нравиться являлось обязанностью каждаго; нужно было забывать себя для другихъ, спѣшить на встрѣчу ихъ желаній, хранить про себя собственное огорченіе и неудачи, щадить постороннихъ отъ печальныхъ идей, доставляя имъ только идеи веселыя. „Въ эту эпоху никогда не старились. Старость была приведена въ міръ революціею. Вашъ дѣдъ, дочь моя, былъ красивъ, элегантенъ, граціозенъ, веселъ, любезенъ, влюбчивъ до смертнаго часа... Тогда умѣли жить и умирать; мелкихъ надоѣдливыхъ болѣзней не было. Если у кого-нибудь была подагра, тотъ, тѣмъ не менѣе, ходилъ, не дѣлая гримасъ; физическія страданія скрывались въ силу полученнаго воспитанія. Въ то время не было столько дѣлъ, которыя портятъ желудокъ и придаютъ тяжеловѣсность уму. Тогда умѣли разоряться, не показывая вида, какъ хо-

рошіе игроки, которые проигрываютъ, не выказывая ни безпокойства, ни досады. На охоту приказывали нести себя чуть не полумертвыми; считали, что гораздо лучше умереть на балу или въ театрѣ, чѣмъ въ своей постели, посреди восковыхъ свѣчей и грубыхъ людей въ черныхъ одѣяніяхъ. Люди были философы, они не играли въ аскетизмъ, но нерѣдко были аскетами, не показывая вида. Когда бывали религіозными, то становились такими по внутреннему убѣжденію, не дѣлаясь ни педантами, ни жеманными. Жизнью наслаждались и, когда приходилъ часъ разстаться съ нею, не старались отравить жизнь другимъ. Послѣдними словами моего стараго мужа было пожеланіе на много лѣтъ пережить его и быть счастливой" *).

Съ женщинами нужно было быть не только вѣжливыми, но и галантными. У принца де-Конти, въ Иль-Аданѣ, каждая приглашенная дама „имѣетъ къ своимъ услугамъ карету и лошадей; она можетъ ежедневно приглашать обѣдать къ себѣ въ комнату своихъ личныхъ друзей". Когда г-жа де-Сивракъ принуждена была отправиться на воды, друзья ея рѣшили развлечь ее по дорогѣ; они опередили ее на нѣсколько почтовыхъ станцій и повсюду, гдѣ она останавливалась ночевать, устраивали въ честь ея сельскій праздникъ съ пѣснями, танцами. Одна дама, зная, что у виконта де-В... двѣ коляски, попросила одолжить ей на нѣсколько часовъ одну изъ нихъ; у того обѣ были заняты, но онъ и не подумалъ извиниться, а купилъ новую, и послалъ ее дамѣ, говоря, что счастливъ, что имѣетъ возможность чѣмъ-нибудь услужить. Его расточительности никто даже не удивился. Въ ту эпоху женщины—царицы; дѣйствительно, въ салонѣ, онѣ имѣютъ на это полное право, вотъ почему въ восемнадцатомъ столѣтіи онѣ задаютъ тонъ. Само собой разумѣется, что, создавая кодексъ обычаевъ, онѣ создали его въ благопріятномъ для себя смыслѣ и строго требуютъ, чтобы всѣ слѣдовали его предписаніямъ. Въ этомъ отношеніи тотъ салонъ является высшимъ трибуналомъ, гдѣ судятъ послѣ всѣхъ. Супруга маршала де-Люксембургъ является авторитетомъ. Нѣтъ такого приличія, которое она не оправдала бы своимъ живымъ разсудкомъ. За одно слово, за одно уклоненіе отъ обычая, за малѣйшій видъ претенціозности можно навлечь на себя ея неодобреніе и навсегда потерять въ глазахъ свѣта. За одно умное замѣчаніе, за молчаніе, за своевременное восклицаніе „О!" или „Ахъ!" можно получить отъ нея, какъ отъ Талейрана, дипломъ на умѣнье жить, являющійся началомъ репутаціи и обѣщаніемъ богатства. Ясно, что при такой „учительницѣ„ умѣнье держать себя, жестъ, языкъ, всякая мелочь свѣтской жизни становится какъ бы картиной, поэмой, произведеніемъ искусства легкаго и вмѣстѣ мудраго и столь гармоничнаго во всѣхъ своихъ частяхъ, что совершенство скрываетъ его трудность.

Свѣтская дама „привѣтствуетъ десять лицъ, кланяясь только одинъ разъ и воздавая головою и глазами каждому должное". Кромѣ

---

*) Жоржъ Зандъ, I, 58—60. Разсказъ ея бабки, вышедшей въ тридцать лѣтъ замужъ за человѣка шестидесяти двухъ лѣтъ.

того, въ ея привѣтствіи есть грація. У ней особый поклонъ для благородныхъ женщинъ, особый для знатныхъ дамъ, для придворныхъ, для дамъ титулованныхъ, для дамъ съ историческимъ именемъ, для дамъ высокорожденныхъ, но вышедшихъ замужъ за человѣка ниже себя по рожденію, для дамъ, мужья которыхъ составили себѣ имя на адвокатской каѳедрѣ и, наконецъ, свой особый поклонъ для тѣхъ, въ домѣ которыхъ угощаютъ хорошими ужинами". Иностранецъ останавливается въ изумленіи, видя, какъ увѣренно и ловко маневрируетъ она среди подводныхъ каменьевъ, „она умѣетъ все выразить посредствомъ реверансовъ, имѣющихъ цѣлую массу разныхъ нюансовъ, начиная отъ чуть замѣтнаго движенія плечомъ, до того почтительнаго, глубокаго реверанса, который даже придворныя дамы далеко не всѣ умѣютъ хорошо дѣлать, это медленное присѣданіе, съ опущенными глазами, но съ прямой таліей и затѣмъ выпрямленіе, со взоромъ, скромно устремленнымъ на особу, откидывая граціозно назадъ корпусъ: все это деликатнѣе, тоньше, чѣмъ слово, но чрезвычайно выразительно, какъ способъ высказать уваженіе". Это только одно и довольно обычное дѣйствіе, но есть сотни другихъ гораздо важнѣйшихъ: вообразите же, если можете, степень элегантности и совершенства, достигнутую ими посредствомъ умѣнья жить. Я возьму наудачу дуэль между двумя принцами крови: графомъ д'Артуа и герцогомъ Бурбонскимъ; послѣдній былъ оскорбленъ первымъ, который предложилъ ему дать удовлетвореніе. „Едва графъ д'Артуа увидѣлъ его, какъ вышелъ изъ кареты и прямо направился къ нему съ улыбкой на лицѣ: „Сударь, публика желаетъ, чтобы мы встрѣтились другъ съ другомъ". Герцогъ Бурбонскій, снимая шляпу, отвѣтилъ: „Я здѣсь, сударь, къ вашимъ услугамъ. Готовъ исполнить ваши приказанія,—отвѣтилъ графъ д'Артуа,—но сперва позвольте мнѣ вернуться къ каретѣ". Онъ возвращается со шпагой и поединокъ начинается; черезъ нѣкоторое время ихъ останавливаютъ,—свидѣтели заявляютъ, что честь удовлетворена. „Я не имѣю права высказывать никакого мнѣнія по этому вопросу,—говоритъ д'Артуа,—я здѣсь для исполненія приказаній герцога Бурбонскаго".—„Сударь,—отвѣчаетъ герцогъ, опуская шпагу,—я глубоко признателенъ вамъ за вашу доброту и никогда не забуду оказанной вами мнѣ чести". Возможно ли болѣе вѣрное и тонкое пониманіе положенія, ранговъ и можно ли обставить дуэль большимъ изяществомъ? Нѣтъ такого щекотливаго положенія, изъ котораго нельзя бы было выйдти при помощи вѣжливости. Даже въ присутствіи короля можно примирить сопротивленіе съ почтеніемъ. Когда Людовикъ XV, изгнавъ парламентъ, устами Дю-Барри сказалъ, что онъ принялъ твердое рѣшеніе и не измѣнитъ его, герцогъ де-Нивернэ замѣтилъ: „Ахъ, сударыня, король, говоря это, смотрѣлъ на васъ". „Дорогой Фонтенель,—говорила ему одна изъ его подругъ, кладя свою руку къ нему на сердце,—у васъ и тамъ мозгъ". Фонтэнель разсмѣялся и ничего не возразилъ; такимъ образомъ, даже академика заставили проглотить истину, каплю горечи въ конфектѣ, причемъ острый вкусъ только усиливалъ сладость. Каждый вечеръ во всѣхъ салонахъ пользовались такими конфектами, причемъ иногда къ нимъ примѣшивалась го-

речь, чаще же они состояли только изъ одной сладости и аромата. Таково свѣтское искусство, проникающее всѣ мелочи жизни, всѣ слова и дѣйствія, чтобы превратить ихъ въ совершенства красоты, обязывало людей не къ рабству и лжи, а къ уваженію и заботѣ о другихъ, взамѣнъ чего человѣческое общество предоставляетъ имъ всевозможныя удовольствія.

V.

Въ грубыхъ очертаніяхъ это удовольствіе понять нетрудно, по какъ сдѣлать его наглядпымъ? Препровожденіе времени высшаго общества почти невозможно описать; оно слишкомъ легко; его очарованіе зависитъ, главнымъ образомъ, отъ сопутствующихъ ему элементовъ. Пересказъ его былъ бы грубой профанаціею; развѣ либретто оперы даетъ идею самой оперы? Если вы хотите заглянуть въ этотъ исчезнувшій міръ, ищите его въ его произведеніяхъ, которыя выражаютъ его внѣшность, его духъ: прежде всего въ картинахъ и эстампахъ, у Ватто, Фрагонара, Сэнъ-Обэнъ, затѣмъ въ романахъ и комедіяхъ у Вольтера и Мариво, даже у Коллэ и Кребильона-сына; тогда только видишь лица, слышишь голоса. Сколько умныхъ, привлекательныхъ и веселыхъ лицъ, сіяющихъ удовольствіемъ и жаждою нравиться! Сколько красоты въ осанкѣ и походкѣ! Сколько пикантной граціи въ туалетѣ и улыбкахъ, въ оживленной болтовнѣ, въ пѣвучемъ голосѣ, въ чуть уловимомъ кокетствѣ! Невольно заслушиваешься ихъ и засматриваешься ими! Красивость находится повсюду, въ маленькихъ остроумныхъ головкахъ, въ изящныхъ ручкахъ, въ лицахъ и личикахъ! Малѣйшій ихъ жестъ, поворотъ головы, красивая рука, выглядывающая изъ своего кружевного гнѣздышка, поскрипыванія вѣера, корпусъ, наклоненный надъ вышиваніемъ,—все является наслажденіемъ для взора и для ума. Здѣсь все услаждаетъ и ласкаетъ утонченныя чувства до внѣшнихъ украшеній жизни, до излучистыхъ линій, до утонченнаго удобства архитектуры и мебели. Вообразите себѣ эту обстановку и эти лица и вы поймете въ ихъ развлеченіяхъ тотъ интересъ, который они выказываютъ къ нимъ. Въ такомъ мѣстѣ и въ такомъ обществѣ достаточно быть вмѣстѣ, чтобы было хорошо. Ихъ праздность не утомляетъ ихъ, они играютъ съ жизнью. Въ Шантлу, куда къ герцогу Шуазелю пріѣзжалъ весь высшій свѣтъ, ничего не дѣлали, но втеченіе дня не было ни одного часа свободнаго. „Герцогиня имѣетъ свободныхъ всего два часа, когда одѣвается и отвѣчаетъ на письма. Понять это нетрудно: встаетъ она въ 11 часовъ, въ полдень—завтракъ, продолжающійся за бесѣдой до 4-хъ часовъ; въ 6 часовъ обѣдъ, затѣмъ игра и чтеніе мемуаровъ г-жи де-Мэнтенонъ“. Обыкновенно „общество не расходится ранѣе двухъ часовъ почи“. Свобода—полная; никакихъ заботъ, ни огорченій; послѣ полудня идетъ игра въ вистъ и трикъ-тракъ, вечеромъ—въ фараонъ. „Сегодня дѣлаютъ, что дѣлали вчера и что будутъ дѣлать завтра; обѣдомъ и ужиномъ занимаются, какъ самыми важными дѣлами и ни на что въ свѣтѣ не жалуются, какъ только на желудокъ. Время несется такъ быстро, что мнѣ всегда кажется, будто я сразу послѣ вчерашняго дня перенесся въ сегодняшній

вечеръ" *). Иногда устраиваются охоты, въ которыхъ принимаютъ участіе и дамы. Но все же онѣ болѣе любятъ пребываніе въ комнатахъ, чѣмъ на свѣжемъ воздухѣ; въ эту эпоху самымъ настоящимъ солнцемъ является свѣтъ свѣчей, а самымъ красивымъ небомъ—расписной потолокъ. Развѣ салонъ не самое удобное мѣсто для веселой болтовни? Поэтому тамъ постоянно ведется оживленный разговоръ — словесный съ присутствующими друзьями, письменный — съ отсутствующими. Читаютъ нравоученія г-жѣ дю-Деффанъ, которая слишкомъ экспансивна для своего почтеннаго возраста и которую называютъ „малюткой"; молодая же герцогиня, нѣжная и чувствительная, получаетъ прозвище „бабушки". Что же касается „дѣдушки", г. де-Шуазеля, „то такъ какъ его удерживаетъ въ постели небольшая простуда, то ему цѣлыми днями читаютъ волшебныя сказки, за это чтеніе мы принялись теперь всѣ и находили ихъ столь же вѣроятными, какъ и современную исторію. Не думайте, что онъ ничѣмъ не занимается, онъ приказалъ поставить въ салонѣ ткацкій станокъ, за которымъ работаетъ не скажу, чтобъ съ большой ловкостью, но во всякомъ случаѣ съ большей настойчивостью... Теперь мы съ большимъ увлеченіемъ предаемся пусканію воздушныхъ змѣевъ; дѣдушка не зналъ этой игры и восхищается ею". Само по себѣ, времяпрепровожденіе ничего не значитъ, берутъ, увлекаются тѣмъ, что нравится въ данный моментъ, а затѣмъ аббатъ пишетъ: „Я не говорю вамъ больше объ охотахъ, такъ какъ мы не охотимся, ни о нашихъ чтеніяхъ, такъ какъ никто не читаетъ, ни о прогулкахъ, потому что болѣе не выходимъ на воздухъ.

Что же мы дѣлаемъ? Одни играютъ на билліардѣ, другіе въ домино, третьи въ карты".

То же зрѣлище и въ другихъ мѣстахъ. Такъ какъ все занятіе состоитъ въ игрѣ, то достаточно каприза моды, чтобы ввести въ почетъ какое-нибудь новое развлеченіе. Теперь въ такомъ въ почетѣ находится выдергиваніе изъ галуновъ золотыхъ и серебряныхъ нитокъ, и всѣ бѣлыя ручки въ Парижѣ обрабатываютъ галуны, эполеты и старинныя ткани. Это считается чѣмъ-то вродѣ полезнаго занятія, даже какъ будто экономіею. Какъ только соберется нѣсколько дамъ, на столѣ появляется рабочій мѣшокъ изъ зеленой тафты, принадлежащій хозяйкѣ дома и остальныя дамы немедленно приказываютъ принести свои **). Это какой-то ужасъ: всѣ дергаютъ нитки впродолженіе нѣсколькихъ часовъ подрядъ, ежедневно. Мужчины обязаны поставлять матеріалъ для работы: для этой цѣли герцогъ де-Лозонъ даетъ г-жѣ де-В... арфу въ натуральную величину покрытую золотыми нитями; огромный золотой барашекъ, принесенный въ подарокъ графомъ де-Говендалемъ, стоилъ двѣ или три тысячи франковъ, а послѣ его обработки, золото было продано на 500 или 600 ливровъ. Но на эту убыточность работы не обращаютъ вниманія: нужно вѣдь, главное, дать работу празднымъ рукамъ, физическій исходъ нервной дѣятельности. Разъ, выходя на

---

*) Неизданная корреспонденція г-жи дю-Деффанъ.
**) М-мъ де-Жанлисъ, „Словарь этикетовъ".

прогулку съ какимъ-то дворяниномъ, г-жа де-Р... замѣчаетъ, что золотая бахрома у него на платьѣ очень удобна для выдергиванія и моментально отрѣзаетъ кусокъ. Въ ту же минуту десять другихъ женщинъ окружаютъ господина съ бахромой и срываютъ съ его одежды всю бахрому и всѣ галуны.

У этого общества однѣ занятія и одно времяпрепровожденіе какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ. Нѣтъ человѣка, у котораго не было бы какого-нибудь таланта чисто салоннаго свойства, какого-нибудь средства занять свой умъ и руки, провести весело время: почти всѣ сочиняютъ стихи и выступаютъ въ любительскихъ спектакляхъ; многіе—музыканты, художники; сейчасъ мы видѣли, что г-нъ Шуазель занимается тканьемъ ковровъ, другіе вышиваютъ, вяжутъ. Г-нъ де-Франкейль хорошій инструментальный мастеръ и самъ изготовляетъ для себя скрипки, кромѣ того, онъ „архитекторъ, художникъ, слесарь, часовщикъ, декораторъ, поэтъ, композиторъ и великолѣпный вышивальщикъ". При всеобщей праздности „нужно умѣть пріятно развлекать какъ самого себя, такъ и другихъ". Маркиза Помпадуръ—музыкантша, актриса, художница и граверъ. Принцесса Аделаида изучаетъ часовое мастерство, играетъ на всѣхъ инструментахъ, правда не очень хорошо, приблизительно такъ же какъ поетъ королева, красивый голосокъ которой не всегда вѣрно выводитъ рулады. Но никто не имѣетъ никакихъ претензій, требуется только увеселять другихъ и больше ничего; жаръ и стараніе замѣняютъ все. Прочтите лучше разсказъ о талантѣ м-мъ де-Лозонъ въ Шантлу: „Знаете ли вы, пишетъ, аббатъ что никто не умѣетъ лучше ея приготовлять яичницу. Она не помнитъ того времени, когда получила этотъ талантъ, я думаю, что это у нея врожденно. Случай помогъ узнать о немъ и его тотчасъ же рѣшили испытать. Вчера утромъ, незабвенное число въ исторіи яицъ, были принесены всѣ нужные инструменты для этой великой операціи: сковорода, бульонъ, соль, перецъ, яйца, и м-мъ де-Лозонъ, которая сперва трепетала и краснѣла, а затѣмъ съ отвагой разбила яйца, разлила ихъ по сковородѣ, которую стала вертѣть направо, налѣво, верхъ, внизъ съ безпримѣрной увѣренностью и успѣхомъ; никто никогда не ѣлъ ничего подобнаго". Сколько смѣха и веселья вокругъ этой маленькой сцены! И сколько мадригаловъ и намековъ впослѣдствіе! Въ то время веселость напоминала танцующій лучъ солнца; она витаетъ надъ всѣмъ и кладетъ свой красивый отпечатокъ на каждый малѣйшій предметъ.

VI.

„Быть всегда веселымъ,—говоритъ одинъ англійскій путешественникъ въ 1785 г.,—вотъ самая характерная черта француза", и онъ говоритъ, что это прямая обязанность каждаго, такъ какъ во Франціи это единственный способъ понравиться дамамъ, владычицамъ общества и судьямъ хорошаго тона. Прибавьте къ этому отсутствіе причинъ, которыя порождаютъ печаль въ наше время и развертываютъ надъ нашими головами гнетущее небо. Въ ту эпоху не существовало тяжелаго безпросвѣтнаго труда, не существовало

яростной конкуренціи, не было неопредѣленныхъ карьеръ, ни безконечныхъ перспективъ. Ранги были намѣчены, честолюбіе ограничено, зависть менѣе развита. Человѣкъ не чувствовалъ себя постоянно недовольнымъ, раздраженнымъ, занятымъ, какъ теперь. Въ то время какъ мы мечтаемъ только о движеніи впередъ, они мечтали о развлеченіяхъ. Вмѣсто того, чтобы ругать годовой отчетъ, офицеръ той эпохи придумываетъ костюмъ для маскированнаго бала. Вмѣсто того, чтобы подсчитывать штрафы, полученные имъ, судья даетъ великолѣпный ужинъ. Въ Парижѣ, въ аллеѣ, съ лѣвой стороны Палэ-Рояля, ежедневно послѣ полудня собирается „веселое общество въ роскошныхъ костюмахъ"; вечеромъ „по выходѣ изъ Оперы, въ половинѣ девятаго, всѣ туда возвращаются и нерѣдко остаются тамъ до двухъ часовъ ночи". Тамъ подъ открытомъ воздухомъ, при лунномъ свѣтѣ, занимаются музыкой,—Гара поетъ, а кавалеръ де-Сэнъ-Жоржъ играетъ на скрипкѣ. Въ Морфонтэнѣ „графъ де-Водрейль, поэтъ Лебронъ, кавалеръ де-Коньи, такой веселый и любезный, Бронніаръ, Роберъ каждую ночь сочиняютъ шарады и будятъ другъ друга, чтобы ихъ сказать". Въ Монертуи у г-на де-Монтескіу, въ Сэнъ-Уэнѣ у герцога де-Ниверпэ, въ Сэнъ-Жерменѣ у маршала де-Ноэйля, въ Жанвилѣ у графа де-Водрейля, въ Напси у герцога Орлеанскаго, въ Шантильи у принца Кондэ—постоянные праздники. Нельзя прочесть ни одной біографіи, ни одного провинціальнаго документа безъ того, чтобы не услышать звонъ бубенчиковъ всеобщаго карнавала. Въ Мантуа, у графа де-Бедэ, дяди Шатобріана, „музыка, танцы, охота, веселье съ утра до вечера; проѣдались доходы и капиталъ". Въ Эксѣ и Марселѣ среди большого свѣта, у графа де-Вальбеля, я ничего не вижу кромѣ концертовъ, дивертиссементовъ, баловъ, волокитства, любительскихъ спектаклей, съ графиней Мирабо на первыхъ роляхъ. Въ Шатору, г-нъ Дюпэнъ де-Франкейль содержитъ „труппу музыкантовъ, лакеевъ, поваровъ, прихлебателей, лошадей и собакъ, платя пригоршнями за удовольствія и развлеченія, желая быть счастливымъ самъ и чтобы были счастливы всѣ окружающіе, не желая считать денегъ и разорившись самымъ милымъ образомъ". Ничто не въ состояніи задушить это веселье, ни возрастъ, ни изгнаніе, ни несчастье; въ 1793 г. оно продолжалось даже въ тюрьмахъ республики. Въ тѣ времена костюмъ и постъ не обязывали человѣка хранить важный, напыщенный видъ, что почти необходимо дѣлать теперь. Въ 1753 г. члены Парламента, изгнанные въ Буржъ, устраиваютъ три театра, гдѣ разыгрываютъ комедію, а одинъ изъ нихъ, Дюпрё де-Сэнъ-Моръ даже дерется на шпагахъ съ однимъ изъ соперниковъ. Въ 1787 г., когда весь парламентъ ссылается въ Труа, епископъ Барраль спѣшитъ пріѣхать туда изъ своего замка, чтобы встрѣтить и предсѣдательствовать каждый вечеръ на обѣдахъ въ сорокъ человѣкъ. „Тогда въ городѣ шли безконечные праздники и пиры. Спросъ на съѣстные продукты утроился, а дровъ въ кухняхъ жгли такъ много, что городъ чуть не остался безъ топлива. Въ обычное время развлеченій и праздниковъ было не меньше. Каждый членъ парламента, какъ дворянинъ, долженъ блистать своимъ богатствомъ; загляните въ

письма президента Бросса, какъ въ нихъ описывается Дижонское общество и посмотрите на тотъ же городъ теперь. Въ 1744 г. по поводу выздоровленія короля, братъ президента де-Бурбона приглашаетъ на ужинъ всѣхъ рабочихъ, купцовъ и ремесленниковъ, которые у него служатъ, въ числѣ восьмидесяти человѣкъ, со вторымъ столомъ для приказчиковъ, секретарей, лекарей, хирурговъ, прокуроровъ и нотаріусовъ; процессія собирается вокругъ тріумфальной колесницы, на которой находятся пастушки, пастухи, сельскія божества въ оперныхъ костюмахъ; фонтаны льютъ вино какъ воду, и послѣ ужина всѣ сладости выбрасываются за окно.

Вокругъ города у каждаго члена парламента есть свой маленькій Версаль, большой отель, расположенный между дворомъ и садомъ. Молчаливый въ наше время городъ, оглашается цѣлый день стукомъ проѣзжающихъ экипажей. Роскошь обѣдовъ изумительна: „не только въ парадные дни, но во время ужиновъ каждую недѣлю, можно даже сказать каждый день. Среди всѣхъ этихъ амфитріоновъ самымъ знаменитымъ является президентъ де-Броссъ, настоящій галлъ, веселый, остроумный, неистощимый въ сальностяхъ: въ присутствіи своихъ друзей онъ снимаетъ парикъ, тогу и коечто еще; никто и не думаетъ оскорбляться этимъ.

„Когда я вступилъ въ свѣтъ, въ 1785 г., пишетъ одинъ изъ членовъ парламента, то меня, такъ сказать, параллельно представляли женамъ и любовницамъ друзей моей семьи: въ понедѣльникъ я былъ у одной, во вторникъ у другой. И мнѣ еще не было восемнадцати лѣтъ! И я происходилъ изъ судейской фамиліи!“ Въ Басвилѣ у г-на де-Ламуаньенъ, во время вакансій въ Троицу и осенью, каждый день за столъ садилось до тридцати человѣкъ; каждую недѣлю охотились три или четыре раза и самые извѣстные судьи де-Ламуаньенъ, Паскье, де-Розанбо, г-нъ и г-жа д'Агессо даютъ „Севильскаго Цирульника“ на сценѣ замка.

Что касается сутаны, то ей предоставлены такія же вольности, какъ судейской тогѣ. Въ Савернѣ, въ Клэрво, въ Мансѣ и въ прочихъ мѣстахъ прелаты носятъ ее какъ придворное платье. Чтобы придать ей болѣе скромный видъ потребовались волненіе революціи, враждебное наблюденіе организованной партіи и постоянныя угрозы опасности. До 1789 г. небо слишкомъ ясно, воздухъ слишкомъ мягокъ, чтобы нужно было застегивать ее на всѣ пуговицы. „Свобода, уступки, аббатъ, говаривалъ кардиналъ де-Роганъ, не то мы очутимся въ пустынѣ“. Этого добрый кардиналъ боялся больше всего; онъ создалъ изъ Саверны очаровательный мірокъ въ стилѣ Ватто, чуть что не „Прибытіе на Цитеру“. Шестьсотъ крестьянъ и разставленная въ рядъ стража образуетъ утромъ длинную цѣпь въ цѣлую милю, въ то время какъ охотники, мужчины и женщины становятся по мѣстамъ. „Дабы дамы не оставались однѣ, около каждой ставятъ мужчину наименѣе нелюбимаго ею“ и такъ какъ запрещено до сигнала покидать свои мѣста, то быть застигнутыми врасплохъ невозможно. Около часа пополудни „общество собирается въ красивой палаткѣ или на берегу ручья, или въ какомъ нибудь другомъ живописномъ мѣстѣ, гдѣ подаютъ обѣдъ и, такъ какъ требуется, чтобы всѣ были счастливы, крестьяне получаютъ по фунту

мяса, по два фунта хлѣба и полбутылки вина, послѣ чего каждый изъ нихъ готовъ начать охоту, съ чѣмъ, впрочемъ, согласны и дамы". Конечно придирчивымъ людямъ добрый прелатъ, отвѣтилъ бы словами Вольтера: „Что ничего дурного никогда не происходитъ въ обществѣ". И дѣйствительно разъ онъ сказалъ это почти въ такихъ же выраженіяхъ. Однажды къ нему пріѣхала дама въ сопровожденіи молодого офицера и такъ какъ онъ оставилъ ихъ ночевать, то лакей на ухо сообщилъ ему, что нѣтъ свободныхъ мѣстъ. „А развѣ ванная комната занята?"—Нѣтъ, монсеньоръ. „А двѣ кровати тамъ имѣются?"—Да, монсеньоръ, но онѣ въ одной комнатѣ, а этотъ офицеръ... „Но развѣ они не вмѣстѣ пріѣхали? Люди ограниченные, вродѣ васъ, во всемъ видятъ дурное. Вы увидите, что они отлично устроятся; тутъ не о чемъ даже думать". Повидимому, дѣйствительно никто не задумался—ни офицеръ, ни дама.

Въ Грансельвѣ бернардинскіе монахи еще гостепріимнѣе; къ нимъ пріѣжаютъ за пятнадцать, двадцать миль на праздникъ Св. Бернарда, продолжающійся двѣ недѣли; все время идутъ танцы, охоты, домашніе спектакли; кушанье можно получать въ любое время. Помѣщеніе для дамъ снабжено всѣмъ что требуется для туалета; у нихъ все подъ рукою и даже говорятъ, что имъ не нужно привозить съ собою своихъ офицеровъ. Я могъ бы привести имена двадцати другихъ прелатовъ столь-же галантныхъ; второй де-Роганъ, герой исторіи съ ожерельемъ, г. де-Жарентъ, епископъ Орлеанскій, молодой де-Гримальди, епископъ Манскій, де-Бретейль, епископъ Монтобанскій, де-Сисе, архіепископъ Бордосскій, кардиналъ Монморанси, главный духовникъ, де-Талейранъ епископъ Отонскій, де-Конзье, епископъ Аррасскій, въ первомъ ряду аббатъ С.-Жермена де-Прэ, графа Клермонскаго, принца Крова, который, имѣя триста семьдесятъ тысячъ ливровъ дохода ухитряется дважды разориться, играетъ на собственной сценѣ въ городѣ и деревнѣ, а въ аббатскомъ домѣ держитъ танцовщицу м-ль Ледюкъ. Ни малѣйшаго лицемѣрія: у г. Трюдена, четверо епископовъ присутствуютъ на пьесѣ Колле, подъ названіемъ „Происшествія или аббаты" и суть которой, по словамъ самого автора, столь свободна, что онъ не осмѣлился напечатать ее вмѣстѣ съ другими. Нѣсколько позднѣе, Бомарше, читая у маршала Ришелье „Свадьбу Фигаро", болѣе рѣзкую и вольную, чѣмъ теперь, имѣлъ въ качествѣ слушателей епископовъ и архіепископовъ, которые съ наслажденіемъ, прослушавъ, сдѣлали мнѣ честь, увѣривъ меня, что непремѣнно опубликуютъ, что въ пьесѣ нѣтъ ни одого слова, которое могло бы оскорбить добрые нравы, и такимъ образомъ пьеса была пропущена противъ воли короля, по молчаливому соглашенію всѣхъ, даже наиболѣе заинтересованныхъ въ ея запрещеніи лицъ. Есть нѣчто болѣе глупое, чѣмъ моя пьеса,—это ея успѣхъ". Приманка была слишкомъ сильна; люди удовольствія не могли отказаться отъ самой веселой комедіи вѣка; они шли апплодировать сатирѣ, написанной на нихъ самихъ; болѣе того они сами играли ее. Когда всѣми управляетъ какая-нибудь одна склонность, она доходитъ, подобно сильнымъ страстямъ, до крайностей, гра-

ничащихъ съ безуміемъ. Ради удовлетворенія момента, человѣкъ становится точно ребенокъ при видѣ красиваго плода, ничто не останавливаетъ его ни опасность, такъ какъ онъ про нее забываетъ, ни приличія, такъ какъ онъ самъ создаетъ ихъ.

VII.

Развлекаться—значитъ отворачиваться отъ себя, уходить отъ себя, а чтобы это лучше сдѣлать, слѣдуетъ стать другимъ, надѣть чужую маску, играть его роль. Вотъ почему самымъ лучшимъ развлеченіемъ является спектакль, въ которомъ участвуешь въ качествѣ актера. Такъ развлекаются дѣти, которыя цѣлый день являются авторами, актерами, зрителями, выдумываютъ и представляютъ маленькія сцены. Таково же развлеченіе народовъ, политическій строй которыхъ лишаетъ ихъ серьезнаго дѣла и которые играютъ съ жизнью вродѣ дѣтей. Въ Венеціи, въ XVIII вѣкѣ карнавалъ длится шесть мѣсяцевъ; во Франціи подъ другой формой онъ продолжается круглый годъ. Не столь фамильярный и не столь живописный, но болѣе утонченный и болѣе элегантный, онъ покинулъ публичную площадь, гдѣ ему не хватало солнца, чтобы уйти въ салоны, люстры, которыхъ лучше гармонируютъ съ нимъ. Изъ колоссальнаго народнаго маскарада онъ сохранилъ только одинъ обрывокъ, балъ въ оперѣ, впрочемъ, грандіозный и посѣщаемый принцами, принцессами и королевой!. Но этого обрывка ему недостаточно и во всѣхъ замкахъ, во всѣхъ отеляхъ, въ Парижѣ и провинціи онъ устанавливаетъ маскарады и домашніе спектакли. При пріемѣ важной особы, при праздновании семейнаго торжества гости или приглашенные разыгрываютъ экспромтомъ придуманную оперетку, какую-нибудь наивную или хвалебную пастораль, одѣтые то богами, то добродѣтелями, то миѳологическими абстракціями, то турками, лапландцами, поляками, напоминая собою фигуры, украшающія обложку книгъ, то въ костюмахъ крестьянъ, ученыхъ, ярмарочныхъ купцовъ, молочницъ, цвѣточницъ. Они поютъ, танцуютъ, говорятъ по очереди стихи на данное событіе. Въ Шантильи, юная и очаровательная герцогиня Бурбонская, одѣтая сладострастной Наядой, везетъ графа дю-Норъ, въ раззолоченной гондолѣ по большому каналу къ острову Любви"; принцъ де-Конти является лоцманомъ; другіе же сеньоры и дамы „въ аллегорическихъ костюмахъ" составляютъ свиту герцогини и на этихъ прелестныхъ водахъ, въ этомъ саду Альсины веселый, хохочущій кортежъ кажется феерiей Тасса.

Въ Водрейлѣ дамы, предупрежденныя, что ихъ хотятъ похитить въ сераль, одѣваются весталками и великій жрецъ принимаетъ ихъ въ своемъ храмѣ посреди парка; въ это время является болѣе трехсотъ турокъ, берутъ приступомъ ограду подъ звуки музыки и уносятъ дамъ въ паланкинахъ по разъиллюминованнымъ садамъ. Въ маленькомъ Тріанонѣ паркъ изображаетъ ярмарку; придворныя дамы являются торговками „королева держитъ кафе", тамъ и сямъ идутъ представленія; праздникъ говорятъ, стоитъ 400 тысячъ ливровъ, и его повторяютъ въ Шуази еще съ большими расходами.

Наряду съ этими переодѣваніями, ограничивающимися однимъ измѣненіемъ костюма, есть развлеченіе болѣе сильное, комедія которая преображаетъ всего человѣка и которая впродолженіе шести недѣль и даже трехъ мѣсяцевъ, занимаетъ его репетиціями. Бернардинецъ, живущій въ Брессѣ, среди лѣса, пишетъ Коллэ, что онъ собирается сыграть съ своими товарищами „Охоту Генриха IV" и строитъ маленькій театръ „вопреки мнѣнію ханжей и мелкихъ умовъ". Реформаторы, моралисты вводятъ театральное искусство въ число предметовъ обученія дѣтей; г-жа Жанлисъ сочиняетъ для нихъ комедіи и находитъ, что упражненія въ сценическомъ искусствѣ безусловно полезны, такъ какъ даютъ хорошее произношеніе, увѣренность и умѣніе держать себя. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время театръ подготовлялъ человѣка къ высшему обществу, какъ общество приготовляло человѣка къ театру; въ томъ и другомъ находишься на людяхъ, научаешься владѣть жестомъ и голосомъ, играешь роль. Въ концѣ вѣка всѣ становятся актерами; такъ какъ всѣ уже были ими. „Только и разговору, что о театрикахъ, выстроенныхъ въ окрестностяхъ Парижа.

Примѣръ тому уже давно подали самые знатные люди. При Людовикѣ XV герцогъ Орлеанскій и де-Ниверна, д'Айенъ, де-Куаньи, маркизы де-Куртеньо и д'Антрэгъ, графъ де-Мэльбуа, герцогиня де-Бранка, графиня д'Эстрадъ образуютъ вмѣстѣ съ маркизой Помпадуръ труппу „маленькихъ кабинетовъ"; директоромъ ея былъ назначенъ герцогъ де-ла-Валльеръ. Затѣмъ увлеченію этому поддаются члены королевской фамиліи. Въ Тріанонѣ сначала передъ сорока лицами, а затѣмъ передъ большимъ обществомъ королева играетъ Колетту въ „Деревенскомъ колдунѣ", Розину въ «Севильскомъ цирульникѣ», Пьеретту въ «Охотникъ и молочница»; партнерами ей являются наиболѣе видныя при дворѣ лица. Кромѣ того одинъ театръ есть у брата короля, два—у графа д'Артуа, два—у герцога Орлеанскаго, два—у графа Клермонтскаго, одинъ у принца Кондэ. Графъ Клермонтскій играетъ роли серьезныя, герцогъ Орлеанскій съ прирожденнымъ талантомъ изображаетъ крестьянъ и финансистовъ; графъ де-Понсъ съ рѣдкимъ совершенствомъ играетъ роль «Мизантропа». «Болѣе десятка изъ нашихъ дамъ, пишетъ принцъ де-Линь, играютъ и поютъ лучше, чѣмъ кто бы то ни былъ въ нашихъ театрахъ». По ихъ таланту судите объ ихъ стараніи; ясно, что для многихъ изъ нихъ это занятіе было главнымъ. Былъ такой замокъ, замокъ Сэнъ-Обэна, гдѣ хозяйка, чтобы имѣть достаточную труппу привлекла къ участію въ спектаклѣ своихъ четырехъ горничныхъ, а свою десятилѣтнюю дочь заставила играть «Заиру». Послѣ своей несостоятельности, въ изгнаніи первой заботой принцессы Гемене — это устройство домашняго театра. Однимъ словомъ, какъ въ Венеціи не выходили больше безъ масокъ точно такъ же здѣсь не понимали жизни иначе какъ съ переодѣваніемъ, съ метаморфозами и успѣхомъ гистріона.

Послѣдній штрихъ еще болѣе значительный, это короткая пьеса. Для высшаго свѣта жизнь есть ничто иное какъ карнавалъ, почти столь же свободный и распущенный, какъ венеціанскій.

Обыкновенно спектакль кончается какой нибудь мелкой шуткой, заимствованной изъ сказокъ Лафонтэна или изъ фарсовъ итальянскихъ буффоновъ, не только веселыхъ и легкихъ, но и иногда столь свободныхъ, что «ихъ можно играть только въ присутствіи принцевъ или проститутокъ»; герцогъ Орлеанскій поетъ на сценѣ пѣсенки, сильно скабрезнаго содержанія, играетъ Бартолена въ «Никезѣ», въ «Бракѣ безъ священника», въ „Толстомъ Леандрѣ», въ «Настойчивомъ любовникѣ»,—вотъ названія пьесъ составленныхъ Коллэ «для развлеченія его высочества и двора». На одну пьесу, обладающую юморомъ и солью, приходится десять пьесъ густо посыпанныхъ перцемъ. Въ Брюнуа, у брата короля, представленія настолько гривуазны, что король раскаивается, что пріѣхалъ туда; «никто не имѣлъ представленія о подобной распущенности; двѣ дамы, присутствовавшія въ залѣ, принуждены были спасаться бѣгствомъ и, невѣроятная вещь, на этотъ спектакль осмѣлились пригласить королеву. Веселье есть родъ опьяненія, черпающее до самаго дна изъ бочки и послѣ вина, выпивающее подонки. Не только на интимныхъ ужинахъ, не только съ женщинами легкаго поведенія, но и въ присутствіи дамъ высшаго общества часто царитъ чисто кабацкій разгулъ. Это шалуны, не отступающіе ни передъ рискованнымъ словомъ, ни передъ двусмысленнымъ поступкомъ. „Вотъ уже пять или шесть мѣсяцевъ, пишетъ одна дама, на ужинахъ играютъ въ жмурки, что обыкновенно оканчивается всеобщимъ безобразіемъ“ *). На такіе ужины приглашаютъ за двѣ недѣли впередъ. „Въ послѣдній разъ опрокидывали столы, стулья, кресла, разбили около двадцати графиновъ съ водой; наконецъ я ушла, чтобы отдохнуть часа полтора, оставивъ г-жу де-Кларансъ, съ охрипшимъ голосомъ, съ разорваннымъ на тысячу кусковъ платьемъ, съ оцарапанной рукой, съ контуженной головой, но расхваливаемую всѣми за свой веселый ужинъ и льстившую себя надеждой что завтра это станетъ злобой дня“. Вотъ къ чему приводитъ необходимость развлеченья. Подъ ея давленіемъ, точно подъ пальцемъ скульптора, маска вѣка преображается постепенно и теряетъ серьезное выраженіе лица; умѣренная физіономія придворнаго сперва превращается въ лицо свѣтскаго человѣка, затѣмъ на его смѣющихся устахъ измѣняются контуры, превращаясь въ неудержимый, разнузданный хохотъ.

ГЛАВА III.

Неудобства салонной жизни.—I. Она искусственна и суха.—Возвратъ къ природѣ и чувству.—II. Финальная черта заканчивающая обрисовку физіономіи вѣка,—салонная чувствительность.—Время когда она появилась.—Ея симптомы въ искусствѣ и литературѣ. — Ея вліяніе на частную жизнь.—Ея преувеличенія.—Ея искренность.—Ея утонченность.—III. Слабость образовавшагося, подъ этимъ вліяніемъ, характера.—Пріуроченный къ одному положенію онъ не подготовленъ къ противоположному.—Прорѣхи образованія.—Прорѣхи воли.—Этотъ характеръ обезоруженъ, благодаря умѣнію жить.

I.

При продолжительности, простое удовольствіе перестаетъ быть удовольствіемъ и салонная жизнь, несмотря на всю свою привле-

*) М-мъ Жанлисъ.

кательность, въ концѣ концовъ, начинаетъ казаться пустой. Чего-то не хватаетъ хотя еще и не знаютъ чего именно; душа безпокоится и мало-по-малу съ помощью писателей и артистовъ разбирается въ причинахъ своего недовольства и выясняетъ предметъ своихъ тайныхъ желаній. Искусственность и сухость—вотъ двѣ черты общества и чѣмъ болѣе общество утонченно, тѣмъ сильнѣй выступаютъ эти черты. Прежде всего изъ общества изгнано все естественное; въ немъ все искусственно, все пріурочено,—обстановка, костюмъ, поза, звукъ голоса, слова, идеи и даже чувства. Истинное "чувство столь рѣдко, говоритъ г-жа де-В..., что когда я пріѣзжаю изъ Версаля, то часто останавливаюсь на улицѣ, чтобы посмотрѣть какъ собака гложетъ кость". Человѣкъ, отдавшись обществу цѣликомъ, не сохранилъ ничего для себя и приличія какъ ліаны обвили все существо его и каждую мелочь его дѣятельности. „Въ то время,—говоритъ одно лицо, испытавшее на себѣ такое воспитаніе *), нужно было умѣть ходить, садиться, кланяться, поднимать перчатку, держать вилку, подносить какой-нибудь предметъ, наконецъ, съ дѣтства учили мимическому искусству, чтобы оно стало ихъ второй натурой и все это считалось такимъ важнымъ въ жизни какъ мужчинъ, такъ и женщинъ высшаго общества, что современные актеры едва ли въ состояніи дать намъ объ этомъ какое-либо представленіе".

Не только внѣшняя сторона жизни была искусственной, но даже и внутренняя, — существовали обязательныя чувства, мысли, былъ обязательный способъ жить и умирать. Невозможно не быть къ его услугамъ, говоря съ мужчиной и съ женщиной—чтобы не быть у ея ногъ. Хорошій тонъ заранѣе опредѣлилъ малые и большіе поступки, способъ объясняться въ любви дамѣ и расходиться съ ней, вызывать на дуэль, обходиться съ равнымъ себѣ, съ подчиненнымъ и съ высшимъ. Если кто либо отступалъ отъ этого кодекса, онъ падалъ въ общественномъ мнѣніи. Такой талантливый и сердечный человѣкъ, какъ д'Аржансонъ получилъ кличку „животнаго", потому что его оригинальность выходила изъ общепринятыхъ рамокъ. „Этому нѣтъ названія, это ни на что не похоже", таково было самое страшное осужденіе. Въ поведеніи, какъ въ литературѣ, все что уклоняется отъ извѣстнаго образца—отрицается. Число дозволенныхъ дѣйствій ограничено, какъ и число общеупотребительныхъ словъ. Подобное требованіе дѣлаетъ бѣдной инициативу, а также языкъ, вслѣдствіе чего пишутъ и дѣйствуютъ по заученнымъ формамъ въ извѣстномъ ограниченномъ кругу. Эксцентричность, вольность, пламенный подъемъ духа не допускаются ни за какую цѣну.

Изъ двадцати примѣровъ я приведу самый незначительный, въ которомъ дѣло касается только жеста но по немъ можно судить о прочемъ. М-ль де... благодаря вліянію своей семьи добивается пенсіи для Марселя, знаменитаго учителя танцевъ и радостная спѣшитъ къ нему, чтобы вручить документъ. Марсель беретъ и кидаетъ его на землю: «Развѣ я васъ такъ училъ, подносить пред-

*) Жоржъ Зандъ:—„меня учили всему, каждое мое движеніе критиковалось".

меты? Поднимите эту бумагу и поднесите какъ нужно». Она поднимаетъ документъ и подноситъ его съ требуемой граціей. «Хорошо, сударыня, говоритъ Марсель, я принимаю его, хотя вашъ локоть не былъ округленъ въ достаточной степени, и благодарю васъ». Въ концѣ концовъ, такая вычурность утомляетъ: питаясь впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ утонченной кухней, можно захотѣть молока и черстваго хлѣба.

Изъ всѣхъ свѣтскихъ пряностей особенно злоупотребляютъ шуткой. Въ свѣтѣ отсутствуетъ страсть, вслѣдствіе чего шутка является всегда умѣстной. Въ обществѣ нельзя появиться мрачнымъ или разстроеннымъ; сосредоточенный или сдержанный видъ произвелъ бы на всѣхъ удручающее впечатлѣніе. Хозяйка дома всегда имѣетъ право сказать молчаливому гостю: «Господинъ, имя рекъ, вы сегодня не любезны». Слѣдовательно нужно быть всегда любезнымъ и потому чувствительность разсѣивающаяся по тысячамъ каналовъ не можетъ соединиться въ одинъ могучій потокъ. «Имѣя сто друзей, изъ которыхъ двое или трое ежедневно, чѣмъ нибудь огорчены, нельзя имъ долго сочувствовать, такъ какъ иначе не хватитъ сочувствія для остальныхъ девяносто семи»; поэтому дѣло обыкновенно ограничивается тѣмъ, что другъ вздохнетъ раза два изъ сочувствія къ одному изъ девяносто семи. Г-жа дю-Деффанъ потерявъ одного изъ самыхъ старинныхъ друзей, президента Гено, въ тотъ же вечеръ пріѣхала на какой-то большой ужинъ: «Увы, сказала она, онъ умеръ сегодня въ шесть часовъ, иначе бы вы не увидали меня здѣсь». При этомъ постоянномъ режимѣ развлеченій и увеселеній не существуетъ болѣе глубокихъ чувствъ; ничто не затрагиваетъ людей глубже эпидермы; даже любовь сводится къ «обмѣну двухъ фантазій». И такъ какъ всегда падаютъ на ту сторону, въ которую клонятся, легкость превращается въ элегантность, въ нѣчто преднамѣренное. Индеферентизмъ входитъ въ моду; каждый счелъ бы постыднымъ для себя быть растроганнымъ. Каждый старается играть въ любовь, третировать женщину, какъ механическую куклу, нажимать, у нея то одну пружину, то другую, вызывая по желанію то нѣжность, то гнѣвъ. Что бы она ни дѣлала съ ней всегда обращаются съ самой оскорбительной вѣжливостью и даже преувеличенное почтеніе, оказываемое ей ничто иное, какъ иронія. Идутъ дальше и души очерствѣвшія окончательно, превращаютъ галантность въ особый родъ злой насмѣшки. Ради скуки и желаній возбужденія, изъ тщеславія всѣ дѣлаютъ видъ что страдаютъ, плачутъ, прикидываются оскорбленными, медленно убиваютъ себя. Въ концѣ концовъ, такъ какъ самолюбіе—бездонная пропасть, то нѣтъ такой глупости, на которую не были бы способны эти вѣжливые палачи и герои Лакло имѣютъ своихъ оригиналовъ. Конечно, чудовища такія рѣдки, но нѣтъ нужды касаться ихъ, чтобы понять сколько эгоизма заключаетъ въ себѣ свѣтская галантность. Женщины первыя введшія въ употребленіе эту галантность, первыми же почувствовали ея ложь и пожалѣли о заразительной пылкости сильнаго чувства, исчезнувшаго среди холодной почтительности. Тогда характеръ вѣка получаетъ послѣднюю черту и появляется «чувствительный человѣкъ».

II.

Основа нравовъ не измѣнилась; они остались до конца такими же свѣтскими и легкими. Но мода повелѣваетъ быть чувствительнымъ, отдаваться мечтамъ и восторгамъ неизвѣстнымъ до тѣхъ поръ. Нужно возвратиться къ природѣ, восхищаться деревней, любить простоту деревенскихъ нравовъ, интересоваться крестьянами, быть человѣчнымъ, имѣть сердце, вкушать прелести естественныхъ чувствъ, быть супругомъ и отцомъ, болѣе того, имѣть душу, добродѣтели, религіозные порывы, вѣрить въ Провидѣніе и безсмертіе, быть способнымъ на энтузіазмъ. Каждый хочетъ быть такимъ или казаться такимъ. Во всякомъ случаѣ, обладаніе всѣми этими данными не должно мѣшать обычному образу жизни и ощущенія этой новой жизни не должны отравлять прежнихъ радостей. Такимъ образомъ начинающаяся экзальтація ничто иное какъ раздраженіе мозга и почти вся эта идиллія разыгрывается въ салонахъ. Литература, театръ, живопись и всѣ искусства вступаютъ на путь сентиментальности, чтобы доставить разгоряченному воображенію искусственную пищу. Руссо проповѣдуетъ въ точеныхъ періодахъ прелесть дикой жизни, а франты, въ промежуткѣ между двумя мадригалами, мечтаютъ о счастьѣ спать голыми въ дѣвственномъ лѣсу. Влюбленныя „Новой Элоизы" на протяженіи четырехъ томовъ обмѣниваются нѣжностями и особа не только «умѣренная, но даже сдержанная» графиня де-Бло въ кружкѣ у герцогини Шартрской говоритъ что «женщина дѣйствительно чувствительная не могла бы противостоять страсти Руссо» На художественныхъ выставкахъ стоятъ цѣлыя толпы избранной публики вокругъ картинъ «Разбитая кружка», «Возвращеніе мамки», «Деревенская невѣста» и другихъ буколическихъ и домашнихъ идиллій Грёза. Сладострастный оттѣнокъ, вызывающе чувственный фонъ, проглядывающій въ хрупкой наивности его дѣвичьихъ фигуръ, служитъ лакомствомъ для публики съ испорченнымъ вкусомъ. Послѣ нихъ Дюси, Тома, Парни, Колардо, Руше, Делиль, Бернарденъ де-Сэнъ-Пьеръ, Мармонтель, Флоріанъ, всѣ ораторы, писатели и политики, мизантропъ Шанфоръ, резонеръ Лагарбъ, министръ Неккеръ, сочинители мелкихъ стиховъ, подражатели Геснера и Юнга, Беркены, Битобэ, всѣ хорошо причесанные, съ кружевнымъ платкомъ въ рукахъ, чтобы вытирать слезы, сочиняютъ пастушескія поэмы вплоть до самой революціи. Въ „Меркуріи" за 1791 и 1792 гг. появляются «Нравственныя сказки», Мармонтеля, а номеръ вышедшій вслѣдъ за сентябрьскими смутами начинается «У моего чижика».

Во всѣхъ подробностяхъ частной жизни чувствительность заявляетъ о своемъ присутствіи. Въ паркахъ строятъ маленькіе храмы Дружбы; въ кабинетѣ устанавливаютъ маленькій алтарь Добродѣтели. Носятъ плащи à la Жанъ-Жакъ Руссо «аналогичные принципамъ этого автора». Придумываютъ «сентиментельныя» прически, помѣщая среди волосъ портреты дочери, матери, чижика, собаки, «убирая ихъ волосами своего отца или подруги сердца».

къ подругамъ сердца испытываютъ столь сильное чувство; «что оно напоминаетъ дѣйствительную страсть». Каждый разъ, когда влюбленные говорятъ другъ другу что либо чувствительное, они должны придавать своему голосу особаго рода нѣжность и пѣвучесть. Энтузіазмъ вмѣняется въ обязанность. При возобновленіи «Отца семейства» плакали всѣ присутствующіе, дамы же падали въ обморокъ. «Существуетъ обычай, въ особенности для молодыхъ дамъ, волноваться, блѣднѣть, быть чувствительными и даже чувствовать себя дурно при видѣ г. Вольтера». *) Когда какой нибудь свѣтскій писатель читаетъ свою драму въ салонѣ, мода требуетъ, чтобы слушатели восклицали, рыдали, а красавицы падали въ обморокъ. Г-жа Жанлисъ, высмѣивающая эти преувеличенія, сама не чужда аффектаціи. Иногда она въ присутствіи общества восклицаетъ обращаясь къ сиротѣ дѣвушкѣ, которую воспитываетъ: «Памела, изобразите Элоизу»! И Памела, распустивъ волоса, становится на колѣни, устремляя глаза къ небу, принявъ вдохновенный видъ; присутствующіе, конечно, апплодируютъ. Чувствительность становится закономъ. Таже г-жа Жанлисъ создаетъ орденъ Постоянства, въ короткое время насчитывающій «до девяносто кавалеровъ, самаго высшаго общества». Чтобы быть принятыми въ него нужно отгадать одну загадку, отвѣтить на одинъ нравственный вопросъ, произнести рѣчь на тему о добродѣтели. Каждая дама или кавалеръ, которые откроютъ и сообщатъ «о трехъ добродѣтельныхъ поступкахъ, вполнѣ доказанныхъ» получаютъ золотую медаль. Каждый кавалеръ имѣетъ своего, «брата по оружію», каждая дама—свою подругу, каждый членъ—свой девизъ и каждый девизъ, поставленный, въ маленькую картину, красуется въ «храмѣ чести», родъ палатки, очень красиво декорированной, и поставленной посредя сада.

Но все же этотъ искусственный энтузіазмъ и высокопарныя слова оставляютъ въ глубинѣ сердецъ извѣстный осадокъ доброты и благожелательства и даже счастья. Впервые жены начинаютъ сопровождать мужей въ гарнизоны; матери хотятъ кормить своихъ дѣтей, отцы интересуются воспитаніемъ сыновей. Простота вторгается и въ обращеніе. Маленькихъ мальчиковъ уже больше не пудрятъ; большое число дворянъ перестаетъ носить галуны, затѣмъ вышивки, башмаки съ красными каблуками, шпаги, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда надѣваютъ парадное платье. На улицахъ встрѣчаются сеньоры, одѣтые à la Франклинъ, въ платье изъ грубаго сукна, съ сучковатой палкой въ рукахъ, въ башмакахъ съ толстыми подошвами. Болѣе уже никто не питаетъ слабости къ каскадамъ, фонтанамъ, статуямъ, пышнымъ украшеніямъ, теперь любятъ только англійскіе сады. Королева устраиваетъ въ Тріанонѣ деревню, гдѣ „въ простомъ бѣломъ платьѣ, съ соломенной шляпой па головѣ“, ловитъ рыбу и смотритъ какъ доятъ коровъ. Этикетъ спадаетъ какъ старая ветошь и сквозь прорѣхи можно видѣть живые отклики естественныхъ чувствъ. Принцесса Аделаида беретъ скрипку и замѣняетъ отсутствующаго музыканта,

*) Г-жа Жанлисъ: Le sdangers du monde.

чтобы дать возможность потанцовать крестьянкамъ. Герцогиня Бурбонская выходитъ утромъ инкогнито съ цѣлью раздачи милостыни и „разыскиваетъ бѣдныхъ по ихъ чуланамъ“. Супруга дофина выскакиваетъ изъ коляски, чтобы помочь почтальону, бѣдному крестьянину, котораго сшибъ съ ногъ олень. Король и графъ д'Артуа помогаютъ кучеру высвободить застрявшую телѣгу. Никто болѣе не мечтаетъ сохранять свое достоинство при всякомъ обстоятельствѣ, подчинять слабости природы требованіямъ ранга. При смерти перваго дофина, въ то время какъ слуги бросаются на встрѣчу королю, чтобы помѣшать ему войти, а королева на колѣняхъ кидается къ его ногамъ, онъ плача восклицаетъ: „О, жена, нашъ дорогой ребенокъ умеръ, такъ какъ меня не пускаютъ взглянуть на него“. И разсказчикъ съ изумленіемъ добавляетъ: „Мнѣ казалось; что я вижу добраго земледѣльца и его жену, охваченныхъ ужаснымъ отчаяніемъ по случаю потери ихъ любимаго сына“. Никто больше не скрываетъ своихъ слезъ, считая за честь быть человѣчнымъ; ставъ же человѣчнымъ, ближе сходишься съ людьми низшими. Принцъ, присутствуя на смотру, говоритъ солдатамъ, представляя принцессу:— „вотъ дѣти, моя жена“. Каждый хочетъ сдѣлать людей счастливыми и наслаждаться ихъ признательностью. Быть добрымъ, быть любимымъ, вотъ цѣль главы государства, высокопоставленнаго человѣка. Въ этомъ направленіи заходятъ такъ далеко, что Бога передѣлываютъ на свой образецъ. „Гармоніи природы“ истолковываютъ какъ деликатное вниманіе Провидѣнія. Идилліи воображаемой на небесахъ, соотвѣтствуетъ идиллія происходящая на землѣ. Отъ принцевъ до народа и отъ народа до принцевъ, въ стихахъ, въ прозѣ, въ оффиціальныхъ отвѣтахъ, начиная отъ стиля королевскихъ эдиктовъ, до пѣсенокъ на сценѣ происходитъ постоянный обмѣнъ любезностей и нѣжностей; въ театрѣ раздаются аплодисменты, когда въ какомъ-нибудь стихотвореніи дѣлается намекъ на добродѣтель принцевъ, а минуту спустя, когда другая тирада восхваляетъ достоинства народа аплодируютъ, въ свою очередь принцы. Со всѣхъ сторонъ въ тотъ моментъ, когда кончается этотъ міръ, взаимная любезность, аффектированная кротость рождается, какъ мягкое и сырое дуновеніе осени, чтобы стереть послѣднюю сухость и черствость и окутать ароматомъ умирающихъ розъ утонченность его послѣднихъ дней. Въ это время встрѣчаются дѣйствія и слова, удивительной красоты, единственныя въ своемъ родѣ, подобныя обворожительнымъ фигуркамъ изъ стараго севрскаго фарфора. Однажды, когда графиня Амелія де-Буфле въ легкомъ тонѣ отзывалась о своемъ мужѣ, свекровь замѣтила ей:—„Вы не забывайте, что говорите о моемъ сынѣ“.—Правда, матушка, я думала, что говорю только о вашемъ зятѣ“. Другой разъ во время „игры въ лодку“, когда ей предложили выбрать между своей любимой свекровью и родной матерью, которую она едва знала, графиня отвѣтила:—„Я бы спасла мою матушку и утонула бы вмѣстѣ со свекровью“. Герцогиня Шуазель и другія являются такими же изящными миніатюрами. Когда умъ и сердце одинаково деликатны, они производятъ шедевры.

III.

Чѣмъ больше человѣкъ привыкаетъ къ одному положенію, тѣмъ менѣе онъ подготовленъ къ другому. Привычки и способности, являвшіяся полезными для него при старомъ строѣ, вредятъ ему при новомъ. Пріобрѣтя таланты, подходящіе для мирнаго времени онъ теряетъ таланты, подходящіе для эпохи смутъ и становится наиболѣе слабымъ одновременно съ достиженіемъ наибольшей учтивости. Чѣмъ болѣе аристократія становится вѣжливой, тѣмъ болѣе она обезоруживается и когда, наконецъ, у ней имѣются всѣ средства, чтобы нравиться она теряетъ всякую силу для борьбы. А между тѣмъ въ этомъ мірѣ необходимо бороться, чтобы жить. Власть принадлежитъ силѣ какъ въ человѣчествѣ, такъ и въ природѣ. Каждая тварь, теряющая искусство и энергію защищаться, становится жертвой, тѣмъ скорѣе, чѣмъ сильнѣй ея блескъ, ея неосторожность и даже красивость, которые отдаютъ ее на съѣденіе грубаго аппетита, шныряющаго вокругъ. Гдѣ найти сопротивленіе характеру, создавшемуся при нравахъ, только что нами описанныхъ? Прежде всего, чтобы защищаться, нужно осматриваться вокругъ себя, предвидѣть и видѣть, вооружаться противъ опасности. Какъ могли бы они это дѣлать, ведя такой образъ жизни? Кругъ ихъ слишкомъ узокъ, слишкомъ строго ограниченъ? Запершись въ своихъ замкахъ и отеляхъ, они видятъ только людей своего круга, слышатъ отголоски только своихъ идей; двѣсти лицъ кажутся имъ публикой. Кромѣ того, въ салонъ не допускаются непріятныя истины, въ особенности, когда онѣ носятъ личный характеръ и химера становится у нихъ догмой, потому что превращается въ соглашеніе. Такимъ образомъ, узость своего обычнаго горизонта они закрѣпляютъ иллюзіями себѣ подобныхъ. Они ничего не знаютъ о томъ обширномъ мірѣ, который окружаетъ ихъ маленькій міръ; они неспособны понять чувства горожанина, чувства крестьянина; они воображаютъ крестьянина не такимъ, какимъ онъ есть, но какимъ они хотѣли бы его видѣть. Такъ какъ въ модѣ идиллія, то ей никто не смѣетъ противорѣчить; всякое другое предположеніе—неправильно, потому что оно непріятно и салоны рѣшивъ, что все пойдетъ хорошо, твердо вѣрятъ въ это. Никогда ослѣпленіе не было столь полно и столь добровольно. Герцогъ Орлеанскій предлагалъ держать съ нимъ пари на сто луидоровъ, что генеральные штаты будутъ распущены, не успѣвъ ничего сдѣлать, не уничтоживъ даже приказовъ объ арестахъ (Lettres de cachet). Когда разрушеніе начнется, болѣе того, когда оно станетъ совершившемся фактомъ, они не будутъ судить вѣрнѣе. Они не имѣютъ никакого понятія о соціальной архитектурѣ; имъ незнакомы ни матеріалы, ни пропорціи, ни законъ равновѣсія; они никогда не занимались этимъ и никогда не учились. Они не знаютъ структуру старой фабрики, въ которой занимаютъ первый этажъ. Они не умѣютъ высчитать ни сопротивленія, ни отраженія. Наконецъ, они рѣшаютъ за лучшее оставить все на произволъ судьбы, пусть зданіе рушится, оно возста-

новится для нихъ само по себѣ и они снова войдутъ въ свой раззолоченный, заново отдѣланный салонъ, чтобы продолжать пріятную бесѣду, которую нарушила случайность, уличное безобразіе. Столь ясновидящіе относительно всего, что касается свѣта, они совершенно близоруки въ политикѣ. Они разбираются во всемъ при искусственномъ свѣтѣ свѣчъ; но ихъ безпокоитъ и ослѣпляетъ естественный свѣтъ дня. Привычка, очевидно, слишкомъ сильна и стара. Органъ зрѣнія все время примѣняемый для разсмотрѣнія мелочей элегантной жизни, не можетъ болѣе охватывать большія массы народной жизни и вслѣдствіе этого, попавъ въ новую среду, его изощренность является причиной его слѣпоты.

Между тѣмъ дѣйствовать нужно, такъ какъ опасность хватаетъ прямо за горло. Но опасность эта низкаго происхожденія и противъ ея нападеній ихъ воспитаніе не даетъ имъ никакого оружія. Они учились фехтовальному искусству, но не умѣютъ бороться съ бѣдностью. Они все же сыновья тѣхъ, которые въ Фонтэнуа, вмѣсто того, чтобы стрѣлять первыми, снимали шляпы и вѣжливо заявляли англичанамъ:—„Нѣтъ, господа, стрѣляйте вы!“ Большое число разныхъ дѣйствій, при этомъ самыхъ необходимыхъ, но которыя требуютъ быстроты, силы, сообразительности, считаются несовмѣстимыми съ званіемъ благороднаго человѣка. Они не могутъ позволить себѣ эти дѣйствія, они даже не мечтаютъ о нихъ, и чѣмъ человѣкъ стоитъ выше на общественной лѣстницѣ, тѣмъ болѣе стѣсняетъ его занимаемое имъ положеніе. Когда королевская семья уѣзжаетъ въ Варенъ ихъ губитъ этикетъ, изъ-за котораго они опаздываютъ. Г-жа де-Турзель потребовала себѣ мѣста въ каретѣ и она имѣла на это право, въ качествѣ гувернантки королевскихъ дѣтей; король захотѣлъ вручить маршальскій жезлъ г-ну де-Буйлле и чтобы имѣть жезлъ пришлось послѣ долгихъ поисковъ попросить его у герцога Шуазеля. Королева не могла обойтись безъ дорожнаго несессера, вслѣдствіе чего тоже вышла задержка, такъ какъ пришлось ждать, пока соорудятъ огромныхъ размѣровъ несессеръ; кромѣ того, потребовались другія корзины и ящики и полный комплектъ бѣлья для нея и для дѣтей, какъ будто въ Брюсселѣ нельзя было найти рубашекъ. Узкая набожность, гуманность несмотря ни на что, фривольность мелкаго, но литературно развитаго ума, невѣжество въ земельномъ вопросѣ, ничтожность духовная и умственная все еще очень велики какъ у государей, такъ и у дворянъ.

Противъ дикаго и грознаго бунта всѣ оказываются безсильными. У нихъ нѣтъ физической мощи, которая можетъ покорить этотъ бунтъ, нѣтъ грубаго шарлатанства, который бы его очаровалъ и обманулъ, тнѣъ остроумія Скапэна, который бы его разсмѣшилъ, нѣтъ крѣпкаго лба, жестовъ бойца, глотки крикуна, однимъ словомъ, нѣтъ тѣхъ рессурсовъ энергичнаго темперамента и животной хитрости, которые одни способны отвратить ярость сорвавшагося съ цѣпи звѣря. Чтобы найти такихъ борцовъ, имъ приходится искать среди другой расы и другого воспитанія, какими были грубый плебей аббатъ Мори, сатиръ Мирабо, отважный авантюристъ Дюмурье, который въ Шербургѣ, когда слабый ду-

хомъ герцогъ де-Бевронъ отдалъ хлѣбные магазины бунтовавшей толпѣ, чуть самъ не разорванный въ клочки, замѣтивъ, что ключи отъ магазиновъ находятся въ рукахъ голландскаго моряка, закричалъ народу, что его предали и бросившись къ матросу, отнялъ у него ключи и передалъ ихъ офицеру гвардіи, прежде чѣмъ кто-либо успѣлъ опомниться. Водиться съ ворами и мошенниками, произносить рѣчи на перекресткахъ, кричать громче всякихъ крикуновъ, работать кулаками, какъ работала позднѣе золотая молодежь, отвѣчать дуракамъ и невѣждамъ способомъ понятнымъ для нихъ; усиливать охрану вокругъ національнаго собранія, не щадить ни своей, ни чужой шкуры, быть народомъ передъ лицомъ народа,—вотъ плодотворныя и простыя дѣйствія, но грубость которыхъ была противна аристократамъ. Имъ даже въ голову не приходитъ прибѣгнуть къ этимъ средствамъ; они не умѣютъ и не хотятъ употребить въ дѣло свои руки. Они выучены только для дуэли; противъ же народнаго быка у нихъ имѣется только салонное оружіе, — эпиграммы, пѣсни, остроты, пародіи и другіе булавочные уколы. Этому характеру не хватаетъ основы и рессурсовъ, въ силу утонченности, онъ обезцвѣтился и натура, ослабленная культурой, неспособна къ тому преображенію, которое одно только можетъ оживить и возродить. Всемогущее воспитаніе подавило, укротило, уничтожило даже самый инстинктъ. Передъ лицомъ смерти у нихъ не бываетъ вспышки гнѣва, непреодолимаго желанія ударить того, кто бьетъ ихъ. Никогда мы не увидимъ, чтобы дворянинъ размозжилъ черепъ якобинцу, пришедшему арестовать его. Они позволяютъ себя взять, послушно идутъ въ тюрьму; устраивать скандалъ по ихъ мнѣнію значитъ обладать дурнымъ вкусомъ; прежде всего и главнымъ образомъ они хотятъ оставаться приличными людьми. Въ тюрьмѣ мужчины и женщины будутъ одѣваться съ прежнимъ тщаніемъ, будутъ дѣлать другъ другу визиты, устраивать салонъ, который будетъ въ глубинѣ корридора, при четырехъ свѣчахъ; но тамъ будутъ шутить, сочинять мадригалы, пѣсенки столь же граціозныя, какъ и прежде: развѣ необходимо дѣлаться мрачнымъ и грубымъ, только потому, что случай помѣстилъ васъ въ дурную гостинницу? Въ присутствіи судей, на эшафотѣ они будутъ сохранять свое достоинство и свою улыбку; въ особенности женщины выкажутъ полное презрѣніе къ смерти. Высшая черта умѣнья жить, возведенная въ единственную обязанность и превратившаяся для аристократіи въ вторую натуру, проглядываетъ, какъ въ ея добродѣтеляхъ, такъ и въ порокахъ, въ ея способностяхъ и безсиліи, въ ея расцвѣтѣ и ея паденіи, украшая ее до самой смерти, къ которой неминуемо приводитъ ее.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Духъ и доктрина.

ГЛАВА I.

Составъ революціоннаго духа. —Первый элементъ, научное пріобрѣтеніе. — I. Накопленіе и прогрессъ открытій въ естественныхъ наукахъ. — Они служатъ точкой отправленія для новыхъ философовъ.—II. Примѣненіе точки зрѣнія въ наукѣ о человѣкѣ.—Она отрѣшается отъ теологіи и становится, какъ бы продолженіемъ естественныхъ наукъ.—III. Переобразованіе исторіи. Вольтеръ. —Критика и общіе взгляды.—Монтескье.—Разборъ соціальныхъ законовъ. — IV. Преображеніе психологіи. — Кондильякъ. — Теорія ощущенія и признаковъ.—V. Аналитическій методъ. —Его принципъ. —Требуемыя условія, чтобы онъ сталъ плодотворнымъ.—Условія эти отсутствуютъ или недостаточны въ XVIII вѣкѣ.—Справедливость принципа.

Когда мы видимъ, что человѣкъ нѣсколько слабаго сложенія, но по внѣшнему виду здоровый, а по манерамъ — миролюбивый, жадно пьетъ какой-нибудь новый напитокъ, а затѣмъ вдругъ падаетъ на землю, съ пѣной на губахъ, начинаетъ бредить и биться въ судорогахъ, намъ не трудно угадать, что въ пріятномъ на вкусъ напиткѣ заключалось нѣчто опасное, вредное; но намъ необходимо произвести самый тщательный анализъ, чтобы отдѣлить и разложить ядъ. Ядъ находится и въ философіи восемнадцатаго вѣка, при этомъ столь же странный, сколь и могучій; такъ какъ онъ не только плодъ долгой исторической работы, окончательный и концентрированный экстрактъ всей мысли вѣка; но еще и то, что два главныхъ его ингредіента обладаютъ той особенностью, что будучи отдѣлены они полезны, соединенные же вмѣстѣ даютъ ядовитое вещество.

Первый—это научное пріобрѣтеніе, оно благотворно по своей природѣ и прекрасно съ какой стороны на него не смотришь; оно состоитъ изъ цѣлой массы истинъ медленно подготовляемыхъ, затѣмъ собираемыхъ другъ за другомъ или сразу. Впервые въ исторіи науки достигаютъ того, что не только какъ прежде въ эпоху Галилея и Декарта даютъ отрывки постройки или какія то временныя лѣса, но цѣлую и доказанную систему міра, какъ напримѣръ, открытіе Ньютона. Вокругъ этой главной истины выстраиваются какъ бы дополненія или продолженія почти, всѣ открытія вѣка: въ чистой математикѣ вычисленіе безконечнаго изобрѣтено въ одно время Лейбницемъ и Ньютономъ, механика приведена д'Аламберомъ къ одной теоремѣ, а великолѣпное собраніе теоремъ, выработанныхъ Бернуелли, Элеролле, Клэро, д'Аламберомъ, Тэлоромъ, Маклорэномъ, приняли окончательную форму въ концѣ вѣка подъ руками де-Монжа, де-Лагранжа, Лапласа. Въ астрономіи продолженія математическихъ выкладокъ и наблюденій, преобразовавшихъ отъ Ньютона до Лапласа науку въ механическую проблему, объясняютъ всѣ движенія планетъ, указываютъ происхожденіе и образованіе нашей солнечной системы и

достигаютъ при помощи открытій Гершеля до звѣзднаго архипелага и общихъ линій архитектурныхъ небесъ. Въ физикѣ разложеніе свѣтоваго луча и принципы оптики, найденные Ньютономъ, скорость звука, форма его колебаній, главныя теоремы акустики, первые законы теплоты, указанные Ньютономъ, Крафтомъ и Ламберомъ, открытія Лавуазье и Лапласа, первыя вѣрныя идеи о сущности огня и жара, опыты, законы, машины, при помощи которыхъ Дюфэ, Ноллэ, Франклинъ и въ особенности Кулонъ объясняютъ и впервые пользуются электричествомъ. Въ химіи всѣ основы науки, кислородъ, водородъ, азотъ получены въ отдѣльномъ состояніи, опредѣленъ составъ воды, теорія сгоранія, изобрѣтена химическая номенклатура, количественный анализъ, выяснена неразрушимость матеріи и вѣса, однимъ словомъ появились всѣ открытія Шееле, Пристлея, Кэвендиша и Сталя увѣнченныя окончательными теоріями и выводами Лавуазье. Въ минералогіи гоніометръ, постоянство угловъ и первые законы производныхъ формъ, открытые Ромэ-де-Лилемъ, затѣмъ открытіе типовъ и математическая дедукція вторичныхъ формъ, найденная Гайюи. Въ геологіи продолжаются изслѣдованія и провѣрка теоріи Ньютона, опредѣляется точная фигура земли, приплюснотость полюсовъ, жидкое состояніе планеты въ раннюю эпоху ея существованія, причины и законъ морскихъ приливовъ, сохраненіе центральнаго жара; затѣмъ съ Бюффономъ, де-Марэ, Поттонакъ и Вернеромъ возбуждается вопросъ о водномъ или огненномъ происхожденіи скалъ, о слоистости почвы, составъ ея слоевъ, продолжительное и повторное пребываніе моря на материкахъ, медленное отложеніе животныхъ и растительныхъ остатковъ, изумительная древность жизни, оголенія, изломы, постепенное измѣненіе рельефовъ материковъ и наконецъ грандіозная картина, въ которой Бюффонъ приблизительными чертами набрасываетъ всю исторію нашего земного шара, начиная съ того момента когда онъ былъ расплавленной массой лавы, до эпохи когда родъ человѣческій появляется на немъ послѣ многихъ другихъ исчезнувшихъ или изжившихъ видовъ.

На этой наукѣ о мертвой матеріи въ то же время начинаетъ воздвигаться наука объ организованной матеріи. Грью, затѣмъ Вальямъ доказываютъ существованіе половъ и описываютъ оплодотвореніе растеній; Линней изобрѣтаетъ ботаническую номенклатуру и первую полную классификацію, братья Жюсье открываютъ взаимное подчиненіе признаковъ и естественную классификацію. Пищевареніе объясняется впервые Реомюромъ и Спалланцани, дыханіе— Лавуазье; Прохаска доказываетъ механизмъ рефлекторныхъ движеній; Галлеръ и Спалланцани производятъ опыты и описываютъ условія и фазы зарожденія. Люди проникаютъ въ самую глубь животнаго царства; Реомюръ издаетъ свои дивныя описанія о насѣкомыхъ, а Ліонне употребляетъ двадцать лѣтъ на изученіе ивовой гусеницы; Спалланцани воскрешаетъ своихъ коловратокъ, Трамбле разрѣзаетъ полипа прѣсной воды, Нитчемъ впервые показываетъ инфузорій. Изъ всѣхъ этихъ открытій постепенно вырисовывается экспериментальное понятіе жизни. Уже Бюффонъ и

въ особенности Ламаркъ въ своихъ грандіозныхъ, хотя и не совсѣмъ полныхъ набросках намѣчаютъ съ дивной проникновенностью главныя черты современной физіологіи и зоологіи. Органическія молекулы повсюду распространенныя или повсюду рождающіяся, подобно шарикамъ находящимся въ состояніи постояннаго измѣненія потери и возстановленія своего вещества, которыя путемъ слѣпого и самопроизвольнаго развитія, преобразуются, множатся, соединяются вмѣстѣ и которыя безъ предвзятой цѣли, единственно въ силу своего строенія и окружающей среды прикрѣпляются въ строгомъ порядкѣ другъ къ другу, чтобы составить тѣ удивительныя постройки, называемыя нами животными и растеніями; вначалѣ формы самыя простыя, затѣмъ медленно и постепенно организація усложняется и совершенствуется; каждый органъ создается вслѣдствіе привычки, въ силу необходимости, подъ вліяніемъ среды, наслѣдственность передаетъ далѣе пріобрѣтенныя измѣненія. Вотъ хотя и въ формѣ догадокъ и предположеній целлюлярная теорія нашихъ послѣднихъ физіологовъ и выводы Дарвина. Въ картинѣ природы начертанной человѣческимъ умомъ, наука XVIII вѣка нарисовала общіе контуры, порядокъ плановъ и главныя массы въ столь вѣрныхъ линіяхъ, что главныя изъ нихъ до сихъ поръ остаются безъ измѣненій; за исключеніемъ частичныхъ исправленій намъ нечего здѣсь измѣнять.

Именно этотъ обширный запасъ истинъ доказанныхъ или вѣроятныхъ, или только предчувствоваемыхъ далъ духу вѣка пищу, сущность и силу. Посмотрите на вождей общественнаго мнѣнія, на провозвѣстниковъ новой философіи: въ различныхъ степеняхъ они всѣ знакомы съ физическими и естественными науками. Они не только знаютъ теорію и книги, но не чужды даже опытамъ. Вольтеръ не только излагаетъ однимъ изъ первыхъ оптику и астрономію Ньютона, но производитъ вычисленія, наблюденія и опыты. Онъ представляетъ въ академію наукъ записки „Объ измѣреніи двигательной силы“ „О свойствахъ, о распространеніи теплоты“. Онъ работаетъ съ термометромъ Реомюра, съ призмой Ньютона, пирометромъ Мушенбрека. Въ его сирейской лабораторіи имѣются всѣ извѣстные въ ту эпоху аппараты физики и химіи. Онъ собственными руками производитъ опыты надъ отраженіемъ свѣта въ пустотѣ, надъ увеличеніемъ вѣса накаливаемыхъ металловъ, надъ возрожденіемъ отрѣзанныхъ частей у животныхъ, съ настойчивостью истиннаго ученаго, повторяя опыты до того, что разъ отрѣзалъ головы сорока улиткамъ и слизнякамъ, чтобы провѣрить утвержденія Спалланцани. То-же любопытство и та же подготовка встрѣчается у всѣхъ проникнутыхъ тѣмъ же духомъ. Въ другомъ лагерѣ, среди картезіанцевъ, которые вскорѣ должны покончить свое существованіе, имѣется Фонтенель, великолѣпный математикъ, компетентный біографъ всѣхъ знаменитыхъ ученыхъ, уполномоченный секретарь и настоящій представитель академіи наукъ. Далѣе въ Бордосской академіи, Монтескье читаетъ лекціи о механизмѣ эхо, объ отправленіяхъ почекъ, онъ вскрываетъ лягушекъ, производитъ опыты, чтобы доказать вліяніе тепла и холода на живыя ткани, печатаетъ свои наблюденія надъ

растеніями и насѣкомыми. Наименѣе ученый изъ всѣхъ, Руссо слушаетъ курсъ химика Руэлля, гербаризуетъ и подготовляется къ писанію своего „Эмиля“, запасаясь всѣми элементами человѣческаго знанія. Дидро преподавалъ математику, пожираемый наукой, искусствомъ вплоть до техническихъ пріемовъ промышленности. Д'Аламберъ стоитъ въ первомъ ряду математиковъ. Бюффонъ перевелъ теорію простудныхъ болѣзней Ньютона, статику растеній Гельса; онъ по очереди или сразу становится металлургомъ, оптикомъ, географомъ, геологомъ и наконецъ анатомомъ. Кондильякъ, чтобы пояснить употребленіе знаковъ и филіацію идей, пишетъ краткіе учебники ариѳметики, алгебры, механики и астрономіи. Мопертюи, Кондорсе и Лаландъ-математики, физики, астрономы; Ольбахъ, Ламеттри и Кабанисъ—химики натуралисты, физіологи, медики. Великіе или малые пророки, учителя или ученики, ученые спеціалисты или простые диллетанты, они всѣ черпаютъ прямо или косвенно изъ живого источника, открывшагося для нихъ. Отсюда исходятъ они, поучая человѣка что онъ такое, откуда и куда идетъ, чѣмъ онъ можетъ стать и чѣмъ долженъ быть. Но новая точка отправленія приводитъ къ новой точкѣ зрѣнія, вотъ почему идея о человѣкѣ вскорѣ измѣнится кореннымъ образомъ.

II.

Предположите умъ весь проникнутый новыми истинами; поставьте зрителя на орбиту Сатурна и пусть онъ оттуда смотритъ. Среди безпредѣльныхъ пространствъ и милліоновъ солнечныхъ архипелаговъ, какой маленькой областью покажется ему наша солнечная система и какою песчинкой земля. Какое множество міровъ надъ нами и, если тамъ встрѣчается жизнь, какое множество всевозможныхъ комбинацій совершенно иныхъ, чѣмъ тѣ, послѣдствіемъ которыхъ явились мы! Что такое жизнь, что такое организованная субстанція въ этой чудовищной вселенной, какъ не незначительная величина, преходящая случайность, плѣсень на поверхности? И если такова жизнь, то что же тогда человѣчество, являющееся лишь ея микроскопическимъ отрывкомъ? Таково мѣсто человѣка въ природѣ, это атомъ, эфемерная величина; не слѣдуетъ поэтому забывать въ системахъ, которыя мы составляемъ относительно его происхожденія, его значенія, его судебъ. Клещъ былъ бы смѣшонъ, если бы сталъ разсматривать себя центромъ вселенной и не годится, чтобы „почти безконечно малое насѣкомое выказывало безконечно великую гордость“. И даже, какъ поздно появился на свѣтѣ человѣкъ! Сколько миріадовъ вѣковъ лежитъ между первымъ охлажденіемъ и началомъ жизни. Что значитъ суета нашего муравейника, наряду съ этой минеральной трагедіей, при которой мы не присутствовали, наряду съ этой борьбой воды и огня, утолщеніемъ коры, образованіемъ мірового океана, возникновеніемъ и отдѣленіемъ материковъ. Прежде нашей исторіи существовала длинная исторія животнаго и растительнаго царствъ, сколько перемѣнилось флоръ и фаунъ, сколько поколѣній морскихъ животныхъ, чтобы образовать наслоеніе земли, сколько поколѣній растеній, чтобы

образовать склады каменнаго угля, какія потребовались измѣненія климата, чтобы прогнать отъ полюса гигантскихъ толстокожихъ. Наконецъ, послѣдній пришлецъ, распустившійся, какъ конечная почка на вершинѣ древняго дерева, чтобы просуществовать тамъ втеченіе нѣкотораго времени, но осужденный, какъ само дерево погибнуть черезъ нѣкоторое время, когда возрастающее и давно предвидѣнное охлажденіе заставитъ завянуть дерево. Онъ не одинъ на стеблѣ: подъ нимъ, вокругъ него почти на одномъ съ нимъ уровнѣ есть другія почки, зародившіяся отъ того же самаго сока; пусть онъ никогда не забываетъ, если хочетъ понять свое бытіе, что наряду съ заботой о себѣ, онъ долженъ обращать вниманіе на своихъ сосѣдей, достигающихъ до него и вышедшихъ изъ того же самаго ствола. Если онъ стоитъ внѣ линіи, то, во всякомъ случаѣ, онъ не вышелъ изъ общей рамы, онъ—животное среди другихъ животныхъ; въ немъ и у нихъ субстанція, организація, рожденіе, формированіе, возобновленіе, функціи, чувства, аппетиты—одинаковы и его высшій разумъ точно такъ же какъ ихъ первобытный разумъ требуютъ нервную матерію, строеніе которой у нихъ такое же какъ и у него. Можно ли поэтому предположить, что человѣкъ произведенный, поддерживаемый, обвитый природой представлялъ бы собою въ природѣ нѣчто вродѣ государства въ государствѣ? Онъ лишь часть въ цѣломъ и въ силу физическаго тѣла, химическаго состава, какъ живое существо, какъ общественное животное, среди другихъ тѣлъ, другихъ составовъ, другихъ общественныхъ животныхъ вполнѣ тождественныхъ съ нимъ и поэтому онъ, подобно имъ, подчиненъ законамъ. Такъ какъ если мы и не знаемъ принципа природы, если мы и споримъ, желая узнать, что представляетъ онъ собою съ внѣшней и внутренней стороны, мы все же можемъ установить съ достовѣрностью способъ его дѣйствій, а дѣйствуетъ онъ, подчиняясь общимъ и постояннымъ законамъ. Всякое событіе, каково бы оно ни было, происходитъ при извѣстныхъ условіяхъ и разъ условія существуютъ, событіе непремѣнно. Изъ двухъ колецъ, составляющихъ звено, первое всегда увлекаетъ за собой второе. Такіе же законы существуютъ для чиселъ фигуръ и движеній, для планетныхъ возмущеній и паденія тѣлъ, для разсѣиванія свѣта и излученія теплоты, для притяженія и отталкиванія электричества, для химическихъ соединеній, для рожденія, равновѣсія и испаренія органическихъ тѣлъ. Существуютъ они и для рожденія, поддержанія и развитія человѣческихъ обществъ, для образованія, столкновенія идей, страстей и желаній въ отдѣльномъ человѣческомъ существѣ. Во всемъ этомъ человѣкъ продолжаетъ природу, отсюда слѣдуетъ, что для познанія его, человѣка слѣдуетъ наблюдать въ природѣ послѣ нея съ тою же безпристрастностью, съ тѣми же предосторожностями и въ томъ же духѣ. Однимъ этимъ замѣчаніемъ опредѣляется методъ нравственныхъ наукъ. Въ исторіи, въ психологіи, въ нравственности и политикѣ мыслители предшествовавшаго вѣка: Паскаль, Боссюе, Декартъ, Фенелонъ, Мальбраншъ, Ла-Брюйеръ исходили еще изъ догмата и каждый умѣющій ихъ читать знаетъ, что выводы ихъ предрѣшены заранѣе. Религія по-

ставляла имъ законченную теорію нравственнаго міра; согласно этой скрытой или ясной теоріи, они описывали человѣка и принаравливали свои наблюденія къ предвзятому типу. Писатели XVIII вѣка отвергли этотъ методъ: они исходятъ отъ человѣка, отъ человѣка доступнаго наблюденію и отъ окружающей его среды; въ ихъ глазахъ всѣ выводы относительно души, ея происхожденія, ея судьбы, должны придти потомъ, такъ какъ вполнѣ зависятъ не оттого что дастъ откровеніе, но отъ наблюденія. Нравственныя науки отдѣляются отъ богословія и становятся какъ бы продолженіемъ физическихъ наукъ.

III.

Вслѣдствіе этого перемѣщенія и сліянія, онѣ становятся науками. Въ исторіи всѣ основы, на которыхъ въ настоящее время опираемся мы, уже были установлены. Сравните „Разсужденіе", Боссюе о всеобщей исторіи и „Опытъ" Вольтера о нравахъ и вы сейчасъ же увидите въ какой степени новы и глубоки эти основанія. Критика сразу нашла свой принципъ: устанавливая, что законы природы всеобщи и неизмѣняемы, она рѣшаетъ, что въ нравственномъ мірѣ какъ и въ мірѣ физическомъ ничто не отступаетъ отъ этого и что никакое произвольное или постороннее вмѣшательство не можетъ нарушить правильный ходъ вещей, что даетъ возможность отличить миѳъ отъ истины. Изъ этого основного положенія рождается библейская экзегеза не только та, которую даетъ Вольтеръ, но и позднѣйшая. Въ ожиданіи же онъ скептически пробѣгаетъ лѣтописи всѣхъ народовъ, укорачивая ихъ слегка, даже съ нѣкоторою поспѣшностью, въ особенности, когда дѣло касается древнихъ, такъ какъ его историческія экспедиціи ничто иное какъ рекогносцировка, однако при этомъ обнаруживается такая вѣрность взгляда, что мы можемъ сохранить почти всѣ контуры набросанной имъ карты. Первобытный человѣкъ не былъ вовсе высшимъ существомъ, просвѣщеннымъ свыше, но грубый, нагой, жалкій дикарь, медленный въ своемъ ростѣ, запоздалый въ умственномъ отношеніи, самый беззащитный и самый нуждающійся изъ всѣхъ животныхъ, а слѣдовательно общественный, рожденный какъ пчела и бобръ съ истинктомъ жить въ стадѣ, кромѣ того, подражательный подобно обезьянѣ, но интелигентнѣе, способный перейти постепенно отъ языка жестовъ къ членораздѣльному говору и, начавъ съ односложныхъ словъ, мало-по-малу вырабатываетъ богатый, точный языкъ. Сколько вѣковъ прошло, прежде чѣмъ былъ изобрѣтенъ человѣкомъ этотъ первый языкъ! Сколько еще прошло вѣковъ, прежде чѣмъ были изобрѣтены самыя необходимыя искусства для употребленія огня, издѣлія „топоровъ изъ кремня и нефрита", плавки и очистки металловъ, прирученія животныхъ, культивированія съѣдобныхъ растеній, для учрежденія первыхъ прочныхъ и благоустроенныхъ обществъ, для открытія письма, цифръ, астрономическихъ періодовъ! Только послѣ этихъ чудовищныхъ, безконечно долгихъ сумерекъ, въ Халдеѣ и Китаѣ зарождается исторія съ указаніемъ лѣтъ. Существуютъ пять или шесть,

такихъ большихъ независимыхъ центровъ самозародившейся цивилизаціи: Китай, Вавилонъ, древняя Персія, Индія, Египетъ, Финикія и двѣ американскія имперіи. Соберемъ же ихъ останки, прочтемъ тѣ изъ ихъ книгъ, которыя дошли до насъ и о которыхъ упоминаютъ путешественники, пять китайскихъ императоровъ династіи Кингъ, Веды индусовъ, Зендъ-Авеста древнихъ персовъ и мы найдемъ тамъ религіи нравственной науки, философіи, учрежденія достойныя вниманія не меньше нашихъ. Еще и теперь три изъ этихъ кодексовъ—индусскій, китайскій и мусульманскій управляютъ странами, столь же обширными какъ наша Европа и народами ничуть неуступающими намъ. Не станемъ подражать Боссюе „забывая вселенную во всеобщей исторіи", и подчиняя человѣческій родъ маленькому народцу заключенному въ каменистомъ округѣ близь Мертваго моря. Человѣческая исторія такая же естественная вещь какъ и все остальное. Ея направленіе зависитъ отъ различныхъ элементовъ; ею управляетъ не внѣшняя сила, но ее создаютъ силы внутреннія: она идетъ ни къ какой либо цѣли, а только достигаетъ извѣстнаго результата и главнымъ результатомъ является прогрессъ человѣческаго духа. „Посреди стольких мятежей и разрушеній мы видимъ, что втайнѣ родъ человѣческій питаетъ любовь къ порядку, что и предохраняетъ его отъ окончательной гибели. Это одна изъ тѣхъ пружинъ природы, которыя постоянно возобновляютъ ея силу; эта любовь къ порядку создала кодексъ націи, благодаря ей уважаются законы и исполнители законовъ одинаково какъ въ Тонкинѣ и на островѣ Формоза, такъ и въ Римѣ". Такимъ образомъ въ человѣкѣ заложенъ „принципъ разсудка", т. е. „механическій инстинктъ, внушающій ему полезныя идеи и инстинктъ справедливости, внушающій идеи нравственныя. Эти два инстинкта составляютъ часть его организаціи; они принадлежатъ ему съ рожденія, „какъ перья птицамъ, какъ шерсть медвѣдямъ". Вотъ почему онъ способенъ къ совершенствованію по природѣ и подчиняется только природѣ, когда улучшаетъ свой разумъ и свое поведеніе. Дикарь, „бразилецъ—животное не достигшее совершенства своего вида, это куколка, заключенная въ свой коконъ и которая превратится въ бабочку, лишь черезъ нѣсколько вѣковъ". Продолжите далѣе эту идею вмѣстѣ съ Тюрго и Кондорсе и сквозь преувеличеніе вы увидите какъ въ концѣ вѣка зарождается наша современная теорія прогресса, на которой основываются всѣ наши надежды на безконечное развитіе наукъ, на увеличеніе благополучія, доставляемое человѣчеству полезными открытіями и на выростаніе здраваго смысла, благодаря медленному вліянію на человѣческій умъ популяризаціи научныхъ открытій.

Остается установить второй принципъ, чтобы закончить созданіе исторіи. Открытый Монтескье, онъ до сихъ поръ служитъ намъ опорой при всѣхъ построеніяхъ и если иногда мы должны передѣлывать кое-что въ зданіи учителя, то только потому, что увеличеніе эрудиціи вложило въ наши руки болѣе крѣпкіе и болѣе многочисленные матеріалы. Въ человѣческомъ обществѣ всѣ части связаны другъ съ другомъ; нельзя измѣнить одну безъ того, чтобы не вызвать такихъ же измѣненій и въ другихъ частяхъ. Учрежде-

нія, законы, нравы не свалены тамъ въ кучу по капризу или по случайности, но связаны между собою, благодаря условіямъ и необходимости, какъ въ концертѣ. Принадлежитъ ли власть всѣмъ или нѣсколькимъ, или только одному лицу, допускаетъ ли государь или не допускаетъ надъ собою незыблемые законы и признаетъ ли подъ собою второстепенныя власти, — смотря поэтому все измѣняется или стремится измѣниться въ извѣстномъ смыслѣ и въ извѣстномъ отношеніи, общественный духъ, воспитаніе, форма судопроизводства, характеръ и степень наказаній, положеніе женщинъ, военныя учрежденія, характеръ и величина налога. Отъ главнаго центральнаго колеса зависитъ множество второстепенныхъ колесъ. Такъ какъ если часы ходятъ, то лишь благодаря согласованію ихъ отдѣльныхъ частей, отсюда слѣдуетъ, что если согласованіе отсутствуетъ, часы портятся. Но кромѣ главной пружины есть много другихъ вліяющихъ на нее или комбинирующихъ свою дѣятельность съ ея, что придаетъ каждымъ часамъ особый характеръ и особый ходъ. Таково прежде всего вліяніе климата, т. е. степень холода или тепла, сухости или влажности, со всѣми ихъ безчисленными послѣдствіями на физическій и нравственный характеръ человѣка, а слѣдовательно на его политическое, гражданское и домашнее рабство или свободу. Таково такъ же вліяніе почвы смотря по своей плодородности, положенію и размѣрамъ. Таковъ также физическій режимъ, въ силу котораго народъ занимается охотой, скотоводствомъ или земледѣліемъ Таково вліяніе плодовитости расы, а слѣдовательно медленнаго или быстраго возростанія народонаселенія и преобладающаго числа то мужчинъ, то женщинъ. Таково, наконецъ, вліяніе національнаго характера и религіи. Всѣ эти причины, въ совокупности одна съ другой или ограничивая одна другую, содѣйствуютъ образованію конечнаго результата, которымъ является общество. Простое или сложное, устойчивое или измѣнчивое, варварское или культурное, это общество носитъ въ самомъ себѣ причины своего существованія. Можно всегда объяснить его строеніе какъ бы ни было оно причудливо и понять его учрежденія, какъ бы не казались онѣ противорѣчивыми. Ни расцвѣтъ, ни упадокъ, ни деспотизмъ, ни свобода не являются случайностями на подобіе игры въ кости и не могутъ быть созданы по произволу человѣка. Онѣ происходятъ при извѣстныхъ условіяхъ, отъ которыхъ мы не въ состояніи освободиться. Во всякомъ случаѣ намъ полезно знать эти условія съ одной стороны, чтобы улучшить наше положеніе, съ другой, чтобы запастись терпѣніемъ или же выполнить своевременныя реформы, или отказаться отъ неосуществимыхъ реформъ, иногда же для того, чтобы обладать необходимой для успѣха ловкостью, иногда же чтобы быть осторожнымъ по необходимости.

IV.

Такимъ образомъ мы достигаемъ центра нравственныхъ наукъ, гдѣ главнымъ предметомъ является человѣкъ вообще. Намъ надо создать естественную исторію души и мы создадимъ ее, какъ вся-

кую другую, устраняя предразсудки, считаясь только съ фактами, руководствуясь аналогіей и начиная съ самаго начала, слѣдуя шагъ за шагомъ за развитіемъ, которое изъ ребенка, дикаря, некультурнаго, первобытнаго человѣка, создаетъ человѣка развитаго и культурнаго. Обратимъ вниманіе на начало жизни, на животное, находящееся въ самомъ внизу лѣстницы, на человѣка въ моментъ слѣдующій за его рожденіемъ. Прежде всего мы находимъ у него ощущеніе, того или другого рода, пріятное или болѣзненное, а слѣдовательно, потребность стремленія или желанія и наконецъ, благодаря физіологическому механизму, произвольныя и непроизвольныя движенія болѣе или менѣе точно, или болѣе или менѣе быстро приспособленныя и координированныя. Этотъ элементарный фактъ является не только примитивнымъ характеромъ, онъ встрѣчается повсюду и всегда, въ каждый моментъ, каждой жизни, какъ самой сложной, такъ и самой простой. Поищемъ теперь не составляетъ ли онъ той нити, изъ которой соткана вся наша душевная ткань и не приводитъ ли самопроизвольное развертываніе, которое связываетъ его петля къ петлѣ, къ изготовленію всей сѣти нашихъ мыслей и страстей. Исходя изъ этой идеи, несравненно точный и свѣтлый умъ Кондильяка, даетъ почти на всѣ вопросы отвѣты, которые въ началѣ девятнадцатаго вѣка были дискредитированы въ нашихъ глазахъ возродившимся теологическимъ предразсудкомъ и занесенной германской метафизикой, но благодаря возобновившимся наблюденіямъ, душевной патологіи и многочисленнымъ вивисекціямъ, они были подтверждены, оправданы и дополнены. Уже Локкъ говорилъ, что всѣ наши идеи имѣютъ, своимъ первоисточникомъ внутренній или внѣшній опытъ. Кондильякъ указываетъ, кромѣ того, что всякое воспріятіе, воспоминаніе, мысль, воображеніе, разсужденіе, знаніе имѣютъ своими д ѣ я т е л ь н ы м и э л е м е н т а м и ощущенія, въ прямомъ смыслѣ этого слова, или ощущенія воспроизводимыя; наиболѣе возвышенныя наши идеи не имѣютъ другихъ матеріаловъ; такъ какъ онѣ сводятся къ признакамъ, которые сами по себѣ являются ощущеніями особаго рода. Такимъ образомъ ощущенія, суть субстанціи, какъ человѣческаго, такъ и животнаго разума; но первый безконечно превосходитъ второй, въ томъ смыслѣ, что путемъ созданія знаковъ онъ въ состояніи изолировать, извлекать и отмѣчать отрывки своихъ ощущеній, т. е. формировать, комбинировать, руководить общими понятіями. Установивъ это, мы можемъ провѣрить всѣ наши идеи; такъ какъ можемъ всѣ ихъ передѣлать и перестроить при помощи размышленія, все что было сдѣлано безъ размышленія. Вначалѣ нѣтъ никакихъ отвлеченныхъ опредѣленій, отвлеченность является послѣ, въ видѣ извѣстнаго продукта; во главѣ каждой науки нужно ставить примѣры, опыты, обязательные факты; изъ нихъ уже будетъ извлекаться общая идея. Точно такимъ же образомъ изъ нѣсколькихъ общихъ идей одного рода, мы извлекаемъ другую, болѣе общую и т. д.; шагъ за шагомъ идемъ мы впередъ, слѣдуя естественному порядку, постоянно анализируя при помощи выразительныхъ обозначеній, беря примѣръ съ математиковъ, которые переходятъ отъ счисленія по пальцамъ къ

численію посредствомъ цифръ, затѣмъ къ численію при помощи буквъ и которые, призывая глаза на помощь разуму, изображаютъ внутреннюю аналогію чиселъ внѣшней аналогіей символовъ. Такимъ путемъ современная наука окончится хорошо разработаннымъ языкомъ. Благодаря, такой перемѣнѣ обычнаго пріема мы сразу прекращаемъ всѣ споры о словахъ, избѣгаемъ иллюзій человѣческой рѣчи, упрощаемъ изученіе, передѣлываемъ обученіе, обезпечиваемъ открытіе, подвергаемъ контролю всякое утвержденіе и дѣлаемъ доступной каждому уму каждую истину.

V.

Такой именно методъ нужно примѣнять во всѣхъ наукахъ и главнымъ образомъ въ наукахъ нравственныхъ и политическихъ. Нужно разсматривать по очереди каждую отдѣльную область человѣческой дѣятельности, разложить главныя понятія, подъ которыми мы ее себѣ представляемъ, понятія о религіи, объ обществѣ и правительствѣ, понятія о полезности, богатствѣ и обмѣнѣ, понятія о справедливости, о правѣ и обязанности; подняться до простѣйшихъ фактовъ, первоначальныхъ опытовъ, въ которыхъ заключаются элементы понятія и извлечь безъ пропусковъ драгоцѣнныя нити, составить при помощи ихъ понятіе, установить его смыслъ, опредѣлить его значеніе; замѣнить неопредѣленную общепринятую идею изъ которой она вышла точнымъ и научнымъ опредѣленіемъ, извлеченнымъ нами, замѣнить неочищенный металлъ, полученный нами первоначально, металломъ очищеннымъ: вотъ общій методъ, которому учатъ философы подъ именемъ анализа и который резюмируетъ весь прогрессъ вѣка. До этого пункта и не далѣе они правы: истина, вся истина заключается въ предметахъ наблюдаемыхъ и только оттуда можно извлечь ее; другого пути, который ведетъ къ открытіямъ не существуетъ. Конечно, операція только тогда принесетъ плоды, если окажется богатая руда и, если мы обладаемъ умѣніемъ извлекать изъ нея то, что нужно; чтобы составить себѣ правильное понятіе о государствѣ, религіи, правѣ, богатствѣ нужно быть предварительно историкомъ, юристомъ, экономистомъ, собрать миріады фактовъ и обладать, кромѣ того колоссальной эрудиціей, утонченной и большою наблюдательностью. Безъ сомнѣнія также, если эти условія будутъ выполнены лишь на половину, операція окажется не совсѣмъ удачной и результатъ получится довольно сомнительный, вродѣ научныхъ набросковъ и начатковъ педагогики Руссо, политической экономіи Кенэ, Смита и Тюрго, лингвистики президента Бросса, нравственной ариѳметики и уголовнаго законодательства Бентама. Безъ сомнѣнія, наконецъ, что если ни одно изъ этихъ условій не выполнено, то операція, произведенная кабинетными мыслителями, салонными диллетантами и уличными шарлатанами приводитъ лишь къ вреднымъ составамъ и убійственнымъ взрывамъ.

Но хорошее правило остается хорошимъ, даже послѣ того, какъ невѣжество и поспѣшность плохо использовали его и, если теперь мы снова принимаемся за дѣло, неудавшееся въ XVIII вѣкѣ, то

тѣмъ не менѣе не выходимъ изъ рамокъ, которыя онъ передалъ намъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Второй элементъ классическаго духа. — I. Его признаки, продолжительность и могущество.—Его происхожденіе и его публика. Его словарь, грамматика и стиль.—Его пріемы, достоинства и недостатки.—II. Его прирожденный недостатокъ.—Признаки этого недостатка къ XVII вѣкѣ. Онъ усиливается съ теченіемъ времени и по мѣрѣ развитія успѣховъ.—Доказательства этого усиленія въ XVIII вѣкѣ.—Серьезныя поэмы, театръ, исторія, романы. — Уменьшенное представленіе о человѣкѣ и человѣческой жизни.—III. Согласованіе этого съ философскимъ методомъ.—Идеологія.—Злоупотребленіе математическимъ методомъ.—Кондильякъ, Руссо, Мабли, Кондорсэ, Волней, Сіейесъ, Траси.—Преувеличеніе въ упрощеніи и смѣлость построеній.

Это огромное, великолѣпное зданіе новыхъ истинъ напоминаетъ башню, первый этажъ которой внезапно закопченъ постройкой и становится доступнымъ публикѣ. Люди входятъ туда и строители предлагаютъ имъ посмотрѣть не на небо и не въ даль, но прямо передъ собой, вокругъ себя и на землю, чтобы узнать, наконецъ, страну, въ которой они живутъ. Конечно, точка зрѣнія хороша и совѣтъ справедливъ. Но было бы неправильно думать, что публика взглянетъ вѣрно на вещи; такъ какъ еще нужно произвести осмотръ ея глазъ не страдаетъ ли она дальнозоркостью или близорукостью и не отличается ли ея сѣтчатка, вслѣдствіе привычки или отъ природы, отсутствіемъ восиріятія нѣкоторыхъ цвѣтовъ. Точно также намъ нужно изслѣдовать у французовъ XVIII столѣтія строеніе ихъ внутренняго зрѣнія, т. е. я хочу сказать установленную форму разума, которую они вносятъ вмѣстѣ съ собой, сами того не зная и не желая, въ ихъ новую башню.

I.

Эта установленная форма является классическимъ духомъ, который примѣненный къ научному пріобрѣтенію своего времени, породилъ философію вѣка и доктрину революціи. Его присутствіе можно узнать по различнымъ признакамъ главнымъ образомъ по господству ораторскаго стиля правильнаго, безукоризненнаго, состоящаго изъ общихъ выраженій и связныхъ идей. Онъ длится два вѣка, начиная съ Малерба и Бальзака до Делилля и де-Фонтана; въ теченіе столь длиннаго періода ни одинъ умъ, за исключеніемъ двухъ или трехъ и то лишь въ секретныхъ запискахъ, какъ Сенъ-Симонъ и въ семейныхъ письмахъ какъ маркизъ Мирабо, не можетъ и не смѣетъ освободиться отъ его власти. Далеко не кончаясь вмѣстѣ съ старымъ режимомъ онъ продолжаетъ служить той формой изъ которой выходятъ всѣ рѣчи, всѣ писанія, всѣ выраженія и словарь революціи. Что можетъ быть болѣе дѣйствительнымъ чѣмъ форма заранѣе приготовленная, принятая всѣми, въ которую замыкается, въ силу природы, традицій и воспитанія, каждый умъ, чтобы мыслить? Она является исторической первоклассной силой. Чтобы лучше познакомиться съ нею посмотримъ, какъ она образовалась. Она была установлена въ одно время вмѣ-

стѣ съ правильной монархіей и вѣжливой бесѣдой, сопровождая ихъ не случайно, но въ силу природы вещей. Она дѣйствительно дѣло того новаго народа, который образовался подъ вліяніемъ новаго режима и новыхъ нравовъ, т. е. я хочу сказать дѣломъ праздной аристократіи, осужденной на бездѣлье всезахватывающей монархіею, благородными, хорошо воспитанными людьми, которые будучи устранены отъ всякой дѣятельности все время проводятъ въ бесѣдѣ или занимаютъ на досугѣ свой умъ серьезными и утонченными духовными удовольствіями. Въ концѣ концовъ у нихъ не будетъ другихъ интересовъ и другихъ занятій: самымъ важнымъ дѣломъ является для нихъ бесѣда на всѣ сюжеты какъ серьезные, такъ и легкіе, которые только могутъ интересовать свѣтскихъ мужчинъ и женщинъ. Въ XVII вѣкѣ ихъ называютъ „порядочными людьми" и къ нимъ то именно обращается отнынѣ каждый писатель, даже самый отвлеченный. „Порядочный человѣкъ,—говоритъ Декартъ, не долженъ вовсе читать всѣхъ книгъ или тщательно изучать все чему учатъ въ школахъ"; и онъ озаглавливаетъ свой послѣдній трактатъ: „Изслѣдованіе истины, согласно естественному освѣщенію, опредѣляющаго самимъ собою, безъ помощи религіи и философіи мнѣніе, которое долженъ имѣть каждый порядочный человѣкъ по всѣмъ вопросамъ, которые могутъ занимать его умъ". Дѣйствительно отъ начала до конца въ своей философіи онъ ничего не требуетъ отъ своихъ читателей кромѣ здраваго смысла въ связи съ тѣмъ запасомъ общепринятой опытности пріобрѣтаемой въ обществѣ. Такъ какъ эти люди составляютъ аудиторію, то они же являются и судьями. „Нужно изучать вкусъ двора,—говоритъ Мольеръ; нѣтъ такого мѣста, гдѣ сужденія были бы болѣе справедливыми... Простой здравый смыслъ и посѣщеніе высшаго общества создаютъ тотъ складъ ума, который безъ сравненія тоньше судитъ о вещахъ, чѣмъ все вмѣстѣ взятое заржавленное знаніе педантовъ".

Начиная съ этого момента, можно сказать, что судьею вкуса и истины является уже не ученый, какъ прежде, но свѣтскій человѣкъ, какъ Ларошфуко или Тревиль. Педантъ, а за нимъ и ученый-спеціалистъ отодвинуты на задній планъ. „Истинно порядочные люди,—говоритъ Николь со словъ Паскаля, вовсе не хотятъ поучать. Ихъ едва узнаешь; они будутъ говорить о вещахъ, о которыхъ говорили въ моментъ ихъ прихода. Ихъ нельзя назвать ни поэтами, ни геометрами, но они судятъ о тѣхъ и о другихъ". Въ XVIII вѣкѣ ихъ авторитетъ господствуетъ. Въ огромной толпѣ состоящей изъ глупцовъ и пересыпанной педантами есть, говоритъ Вольтеръ маленькая отдѣльная группа, называемая хорошимъ обществомъ; эта маленькая группа будучи богата, воспитана, образована, вѣжлива, является цвѣтомъ человѣческаго рода; именно ради нея работали величайшіе люди и именно она даетъ славу и имя. Восхищеніе, благосклонность, значеніе принадлежатъ не тѣмъ, кто этого достоинъ, но тѣмъ, кто обращается къ ней. „Въ 1780 г.,—говоритъ аббатъ Морн, французская академія одна во всей Франціи пользовалась уваженіемъ и могла создать положеніе человѣку. Академія наукъ, какъ и академія надписей ничего

не значили въ общественномъ мнѣніи.. Языки это наука глупцовъ. Д'Аламберъ стыдился, что припадлежалъ къ академіи наукъ. Математикъ, химикъ и др. обращаютъ на себя вниманіе лишь не большой горсти людей, писатель же и ораторъ обращаются ко вселенной". Находясь подъ такимъ сильнымъ давленіемъ, духъ вынужденъ принять ораторскій и литературный обороты и приноравливаться къ требованіямъ, условіямъ, вкусамъ, степени вниманія и образованія своей публики. Такимъ образомъ произошла классическая форма: она образовалась подъ вліяніемъ привычки говорить, писать и думать въ присутствіи салонной аудиторіи.

Это видно сразу по языку и стилю. Классическій французскій языкъ родился и кончился въ промежутокъ времени между Аміо, Рабле, Монтэня съ одной стороны и Шатобріана, Виктора Гюго, Онорэ Бальзака—съ другой. Съ самаго начала онъ получаетъ свое имя: это языкъ порядочныхъ людей; онъ не только для нихъ созданъ, но ими и Вожела ихъ секретарь въ продолженіе тридцати лѣтъ только и дѣлаетъ, что записываетъ рѣшеніе „хорошаго вкуса". Вотъ почему во всѣхъ своихъ частяхъ какъ словарь, такъ и грамматика, языкъ этотъ преобразуется при чемъ преобразованіе совершается по образу ихъ ума, который является господствующимъ умомъ. Прежде всего сокращается словарь. Изъ него исключается большинство словъ служащихъ для спеціальной эрудиціи и техническихъ выраженій, выраженія слишкомъ латинскія или слишкомъ греческія, школьныя научныя, ремесленыя, хозяйственные термины все, что слишкомъ отдаетъ какимъ-нибудь занятіемъ или профессіей и не можетъ быть допустимо въ обычной бесѣдѣ. Изъ словаря многія выразительныя и живописныя слова, всѣ грубыя, галльскія или наивныя выраженія, все, что носитъ мѣстный и провинціальный характеръ, всѣ ходячія или вошедшія въ поговорку слова, большое число выраженій отличающихся фамильярностью, рѣзкостью или откровенностью, всѣ рискованныя и ѣдкія метафоры почти всѣ обороты рѣчи, приходящіе сразу въ голову, которые подобно мгновенному блеску молніи, пробуждаютъ въ воображеніи яркую, точную и опредѣленную форму предметовъ, но которые, именно своей неожиданностью, нарушаютъ плавное, вѣжливое теченіе бесѣды. „Достаточно одного дурного слова,—говоритъ Вожела, чтобы вызвать презрѣніе къ человѣку" и наканунѣ революціи одного дурного слова, подслушаннаго г-жой де-Люксембургъ достаточно, чтобы приличный человѣкъ былъ зачисленъ въ разрядъ вульгарныхъ, такъ какъ хорошій языкъ все еще считается одной изъ принадлежностей хорошихъ маперъ. Вслѣдствіе такой безпрестанной чистки, языкъ уменьшается и становится безцвѣтнымъ: уже Вожела считаетъ, что изъ употребленія изгнано половина словъ и фразъ Аміо. Только у Лафонтэна, этого самобытнаго, стоящаго особнякомъ генія, разыскивающаго древніе источники, только у Лабрюера, отважнаго искателя, открывающаго новый источникъ, только у Вольтера, этого воплощеннаго демона, который въ своихъ анонимныхъ и псевдонимныхъ произведеніяхъ даетъ волю своему грубому циничному вдохновенію, встрѣчаются прямыя выраженія. Разъ въ академіи, Грессе въ какой-то рѣчи

осмѣлился употребить пять или шесть такихъ выраженій: дѣло какъ кажется касалось каретъ и париковъ; раздался ропотъ; во время своей долгой отставки, онъ сталъ провинціаломъ и потерялъ хорошій тонъ. Постепенно дошли до того, что въ рѣчахъ употреблялись только общія выраженія. По совѣту Бюффона ихъ слѣдовало употреблять даже для обозначенія особенныхъ вещей. Это, конечно, болѣе подходило къ требованіямъ приличія сглаживающаго и избѣгающаго грубыхъ и фамильярныхъ оборотовъ и которому многія идеи показались бы тривіальными, если на нихъ не набросить легкое покрывало. Это болѣе удобно для лѣниваго вниманія, потому что только общія фразы въ бесѣдѣ могутъ въ моментъ вызвать ходячія, общія идеи, понятныя каждому человѣку, посѣщающему салонъ; наоборотъ, спеціальные термины потребовали бы усилія памяти или воображенія. Если, говоря о дикаряхъ или древнихъ франкахъ я скажу „боевой топоръ", меня всѣ поймутъ съ перваго слова, если же я скажу „томагаукъ" или „бердышъ" то многіе подумаютъ, что я говорю по-тевтонски или ирокезски. Вслѣдствіе этого чѣмъ болѣе развитъ языкъ, тѣмъ болѣе предъявляется къ нему требованій; всѣ слова, называющія собственными именами предметы изгоняются изъ поэзіи; когда встрѣчается такое слово, то его либо избѣгаютъ, либо измѣняютъ перифразой. Поэтъ XVIII вѣка имѣетъ въ своемъ распоряженіи приблизительно одну треть словаря и поэтическій языкъ въ концѣ концовъ станетъ настолько ограниченнымъ, что, когда человѣкъ захочетъ сказать что-либо, онъ не будетъ въ состояніи выразить этого въ стихахъ.

Съ другой стороны чѣмъ болѣе его расчищаютъ, тѣмъ болѣе онъ проясняется. Принужденный пользоваться избраннымъ словаремъ, французъ высказываетъ меньше, но за то выражается вѣрнѣе и красивѣе. „Учтивость, точность"; два слова родившіяся вмѣстѣ съ французской академіей, выражаютъ въ сокращенномъ видѣ реформу, которую навязали народу салоны посредствомъ академіи. Вельможи и свѣтскія дамы, проводящія въ праздности время, занимались тѣмъ, что разбирались въ оттѣнкахъ выраженій, чтобы составлять изрѣченія и опредѣленія. Съ удивительною тщательностью и безконечно тонкимъ тактомъ писатели и свѣтскіе люди взвѣшиваютъ каждое слово и каждое выраженіе, чтобы установить его смыслъ, измѣрить его силу и значеніе, опредѣлить его употребленіе, связи и эта работа продолжается съ первыхъ академиковъ,— Вожела, Шапленэ и Конрара, до конца классическаго вѣка, „Синонимами" Бозе и Жирара, „Замѣтками" Дюкло, „Комментаріемъ" Вольтера къ сочиненіямъ Корнеля, „Лицеемъ" Лагарпа, усиліемъ, примѣромъ, дѣйствіями, авторитетомъ великихъ и малыхъ писателей, которые всѣ безукоризнены. Никогда архитекторы, принужденные пользоваться для своихъ построекъ камнями съ улицы, не были столь хорошо знакомы съ каждымъ изъ этихъ камней, съ его размѣрами, формой, сопротивленіями и съ тѣмъ, куда онъ долженъ быть помѣщенъ. Но разъ это сдѣлано остается только строить съ наименьшей затратой труда, съ наибольшей прочностью и грамматика измѣняется въ одно время и въ одномъ

смыслѣ со словаремъ. Она не позволяетъ словамъ слѣдовать въ измѣнчивомъ порядкѣ впечатлѣній и ощущеній; она располагаетъ ихъ въ строгомъ порядкѣ идей. Писатель лишается права поставить во главу предметъ или черту наиболѣе поразительную: рамка готова, мѣста опредѣлены заранѣе. Каждая часть рѣчи имѣетъ свою: нельзя ни выпустить, ни перемѣнить порядка, какъ это дѣлалось въ XVI вѣкѣ; онъ долженъ употреблять всѣ части рѣчи на извѣстныхъ мѣстахъ, сперва идетъ подлежащее, съ опредѣленіями, затѣмъ глаголъ, затѣмъ прямое дополненіе и, наконецъ, косвенное дополненіе. Такимъ образомъ фраза представляетъ собою постепенное сооруженіе, въ которомъ умъ сперва ставитъ сущность, затѣмъ качества, свойства этого качества, подобно хорошему архитектору закладывающему прежде всего фундаментъ, затѣмъ возводящаго зданіе и наконецъ всѣ аксессуары, преслѣдуя во всемъ экономію и осторожность, стремясь приготовить въ каждой части своей постройки поддержку для слѣдующей. Нѣтъ такой фразы, которая требовала бы малѣйшаго напряженія, вниманія и въ которой на каждомъ шагу нельзя было бы усмотрѣть связи между ея отдѣльными частями. Методъ, служащій для распредѣленія простой фразы, служитъ также для распредѣленія періода, параграфа и цѣлой серіи параграфовъ; онъ создаетъ стиль, а также и синтаксисъ. Въ огромномъ общемъ зданіи имѣется особое мѣсто для каждаго отдѣльнаго зданія. По мѣрѣ того, какъ подвигается впередъ рѣчь, каждое такое мѣсто должно быть занято не позже, и не раньше своей очереди и ни одинъ паразитный членъ не можетъ найти себѣ тамъ мѣста и ни одинъ законный членъ, не смѣетъ нарушить права своего сосѣда; и всѣ эти члены, связанные между собою, должны содѣйствовать всѣми своими силами достиженію главной цѣли. Наконецъ-то, впервые появляется сочиненіе состоящее изъ естественныхъ и отдѣльныхъ группъ, изъ полныхъ округленныхъ фразъ, изъ которыхъ ни одна не наноситъ ущерба другой. Болѣе не разрѣшается писать какъ попало руководясь лишь капризомъ вдохновенія, разбрасываться мыслями, прерывать изложенія скобками, приводить безконечный рядъ цитатъ и перечисленій. Цѣль дана: нужно доказать какую-нибудь истину, найти какое-нибудь опредѣленіе, убѣдить въ чемъ-либо,—для этого необходимо идти впередъ и непремѣнно прямой дорогой. Правильность, послѣдовательность, развитія, осторожные переходы, постоянное движеніе впередъ,—таковъ характеръ этого стиля, въ этомъ заходятъ такъ далеко, что вначалѣ даже семейныя письма, романы, шутки, шуточныя пьесы представляютъ собою отрывки методическаго краснорѣчія. Въ отелѣ Рамбулье объяснительный періодъ достигаетъ размѣровъ и прямолинейностей какъ у Декарта. М-ль Скудери чаще всего употребляетъ союзъ такъ какъ. Къ связнымъ разсужденіямъ питаютъ особую страсть. Салонные посѣтители говорятъ фразами, напоминающими академическую диссертацію. Едва образовавшись, новый инструментъ уже заявляетъ о своихъ качествахъ. Чувствуется, что онъ созданъ чтобы объяснять, доказывать, убѣждать, популяризировать. Сто лѣтъ спустя Кондильякъ будетъ въ правѣ сказать, что этотъ стиль самъ по себѣ

является систематическимъ способомъ разложенія, составленія, научнымъ методомъ, аналогичнымъ ариѳметики и алгебры; во всякомъ случаѣ онъ имѣетъ то неоспоримое преимущество, что, исходя изъ нѣсколькихъ общеупотребительныхъ терминовъ, онъ путемъ цѣлой серіи простыхъ комбинацій быстро и легко ведетъ читателя къ комбинаціямъ высшаго порядка. Въ этомъ отношеніи въ 1789 году французскій языкъ становится первымъ языкомъ. Берлинская академія предлагаетъ премію за объясненіе его превосходства; на немъ говоритъ вся Европа; онъ становится дипломатическимъ языкомъ; онъ становится языкомъ международнымъ, какъ нѣкогда латынь, и повидимому будетъ отнынѣ болѣе другихъ органомъ разума.

Но этотъ языкъ станетъ органомъ извѣстнаго рода разума, разума разсуждающаго, который хочетъ мыслить безъ всякой подготовки, съ наибольшимъ удобствомъ, удовлетворяющійся, тѣмъ что имѣетъ, не стремящійся къ увеличенію и возобновленію познаній, который не знаетъ или не хочетъ обнять всю сущность и полноту реальныхъ вещей. Вслѣдствіе своего пуризма, пренебреженія къ вульгарнымъ выраженіямъ и живымъ оборотамъ рѣчи, вслѣдствіе своей мелочной правильности развитія предложеній, классическій стиль не способенъ описать или изобразить полностью безконечныя и случайныя подробности опыта. Онъ долженъ отказаться выражать внѣшность физическихъ вещей, непосредственное зрѣніе зрителей высшія и низшія крайности страсти, физіономію живого лица, тотъ единственный ансамбль, внезапныхъ чертъ согласныхъ и подвижныхъ, составляющій не общій человѣческій характеръ, но лишь характеръ данной личности, который ни Сэнъ-Симонъ ни Бальзакъ, ни самъ Шекспиръ не въ состояніи были бы передать, если бы богатый языкъ, которымъ они пользуются и который обогащаютъ еще собственными, смѣлыми изобрѣтеніями не доставлялъ имъ разнообразныхъ оттѣнковъ для выраженія многочисленныхъ подробностей ихъ наблюденія. Съ этимъ стилемъ нельзя перевести ни Библіи, ни Гомера, ни Данте, ни Шекспира; прочтите монологъ Гамлета у Вольтера и вы увидите, что отъ него осталась одна абстрактная декламація, приблизительно то же самое что остается отъ Отелло въ его Оросманѣ. Загляните въ Гомера, затѣмъ прочтите у Фенелона описаніе острова Калипсо: скалистый, дикій островъ, гдѣ гнѣздятся чайки и другія морскія птицы, съ длинными крыльями, превращается, при помощи прекрасной французской прозы, въ благоустроенный паркъ, услаждающій взоръ. Въ XVIII вѣкѣ иностранные романисты, принадлежащіе къ тому же классическому вѣку, какъ Фильдингъ, Свифтъ, Дефоэ, Стернъ, Ричардсонъ допускались во Франціи смягченными сильно сокращенными; у нихъ находили слишкомъ откровенныя слова, слишкомъ сильныя сцены; имъ ставились въ вину фамильярныя выраженія, грубости и странности. Переводчикъ сокращаетъ, смягчаетъ, а иногда въ предисловіи извиняется, что кое что оставилъ. Въ этомъ языкѣ для истины отводится небольшое мѣсто, очень ограниченное, притомъ постоянно съуживаемое. Разсматриваемый самъ по себѣ, классическій стиль всегда рискуетъ пользоваться

въ качествѣ матеріала лишь скудными несущественными **общими мѣстами**. Онъ вытягиваетъ ихъ, переплетаетъ, ткетъ изъ нихъ ткань, но изъ этого логическаго сплетенія выходитъ хрупкая филигранная работа; можно хвалить элегантность произведенія, но на практикѣ произведеніе не имѣетъ никакого серьезнаго значенія. По этому характеру стиля можно судить объ умѣ тѣхъ, которымъ онъ служитъ органомъ. Двѣ главныя операціи составляютъ работу человѣческаго разума. Въ присутствіи реальныхъ вещей онъ получаетъ болѣе или менѣе опредѣленное полное и глубокое впечатлѣніе. Затѣмъ отходя отъ этихъ вещей онъ разлагаетъ свое впечатлѣніе и классифицируетъ, распредѣляетъ съ большимъ или меньшимъ искусствомъ извлеченныя такимъ путемъ идеи. Во второй изъ этихъ операцій классическій языкъ занимаетъ первое мѣсто. Принужденный приспособляться къ своимъ слушателямъ, т. е. къ свѣтскимъ людямъ, чуждымъ всякой спеціальности и чрезвычайно разборчивымъ, онъ долженъ былъ довести до совершенства искусство заставить себя слушать и слышать, т. е. искусство сочинять и писать. Съ такимъ умѣніемъ и многочисленными предосторожностями онъ ведетъ своихъ читателей по легкой, отлогой лѣстницѣ, съ ступени на ступеню, не пропуская ни одного поворота, начиная съ самой нижней и кончая самой верхней, такъ что читатели все время могутъ идти ровнымъ, спокойнымъ шагомъ, испытывая какъ на прогулкѣ увѣренность и удовольствіе. Нигдѣ нѣтъ никакихъ перерывовъ или уклоненій: обѣ стороны длинной дороги ограждаются перилами и каждая мысль продолжается въ слѣдующей такимъ нечувствительнымъ образомъ, что невольно подвигаешься впередъ не останавливаясь, не уклоняясь въ сторону пока не достигнешь финальной истины, когда уже необходимо сѣсть. Вся классическая литература носитъ отпечатокъ этого таланта; нѣтъ такого рода литературы, куда бы онъ не проникъ и не ввелъ качества хорошей рѣчи. Онъ господствуетъ также въ тѣхъ отдѣлахъ, которые принадлежатъ къ литературѣ лишь на половину, но которые благодаря ему становятся литературными произведеніями; онъ превращаетъ въ великолѣпное произведеніе искусства сочиненія, которыя по своему сюжету должны быть отнесены къ научнымъ книгамъ, дѣловымъ актамъ, историческимъ документамъ, философскимъ трактатамъ, изложеніямъ какой-либо доктрины, полемикамъ, проповѣдямъ, диссертаціямъ и разсужденіямъ, даже къ словарямъ, начиная съ Декарта до Кондильяка, начиная съ Боссюэ до Бюффона и Вольтера, отъ Паскаля до Руссо и Бомарше, словомъ почти вся проза, даже оффиціальныя депеши и дипломатическая переписка, даже переписка дружеская и отъ г-жи де-Севинье до г-жи дю-Деффанъ, женскимъ перомъ написано столько великолѣпныхъ писемъ, что ихъ нельзя перечислить. Онъ господствуетъ и въ тѣхъ отдѣлахъ, которые принадлежатъ къ литературѣ, но которые приняли отъ него характеръ ораторскихъ произведеній. Онъ не только предписываетъ драматическимъ произведеніямъ точный планъ, правильное распредѣленіе сценъ, заранѣе опредѣленные размѣры, урѣзки и связи, развитіе и послѣдовательность какъ въ отрывкѣ рѣчи,

но кромѣ того требуетъ самаго совершеннаго діалога. Нѣтъ ни одного дѣйствующаго лица, которое не владѣло бы въ совершенствѣ ораторскимъ искусствомъ; у Корнеля, Расина и самого Мольера, наперсникъ, варварскій король, молодой рыцарь, салонная кокетка, слуга всѣ въ совершенствѣ владѣютъ искусствомъ рѣчи. Никогда еще ни одинъ діалогъ не походилъ на ораторскій турниръ въ такой степени. Всѣ разсказы, всѣ характеристики, всѣ дѣловыя изложенія могли бы служить образцами въ школахъ на ряду съ образцами древняго ораторскаго искусства. Склонность столь велика, что даже въ высшій моментъ страданій человѣкъ наединѣ съ собой, безъ свидѣтелей находитъ возможнымъ жаловаться вслухъ и краснорѣчиво умирать.

II.

Такая чрезмѣрность указываетъ на недостатокъ. Изъ двухъ операцій составляющихъ человѣческую мысль—классическій языкъ вторую исполняетъ лучше, чѣмъ первую. Дѣйствительно, вторая операція препятствуетъ исполненію первой, и обязанность выражаться красиво мѣшаетъ высказывать все что слѣдовало бы. Въ классическомъ языкѣ красота формы превосходитъ богатство содержанія и первоначальное впечатлѣніе, являющееся живымъ источникомъ, теряетъ въ правильныхъ каналахъ куда оно заключено свою силу глубину и кипучесть. Поэзія въ истинномъ смыслѣ слова, зависящая отъ мечты видѣнія не могла бы родиться. Лирическая поэма является какимъ-то недоноскомъ точно такъ же, какъ и эпическая. Ничто не заставляетъ уноситься въ тѣ высокія и далекія сферы, гдѣ слово соприкасается съ музыкой и живописью. Никогда не слышно здѣсь невольнаго крика вызваннаго острымъ ощущеніемъ, одинокаго признанія переполненной души, которая говоритъ, чтобы облегчить и излить себя. Если дѣло идетъ, какъ въ драматической поэмѣ о созданіи личности, то классическая форма можетъ создать ихъ только по одному образцу: это все лица, которыя подъ вліяніемъ воспитанія, рожденія или подражанія всегда говорятъ красно, какъ свѣтскіе люди. Другихъ лицъ встрѣтить нельзя, ни у Корнеля и Расина, ни у Мариво и Бомарше. Отпечатокъ настолько силенъ, что замѣтенъ даже на животныхъ Лафонтэна, на служанкахъ и лакеяхъ Мольера, на персахъ Мотескье, на вавилонянахъ, индійцахъ и микромегасахъ Вольтера. Еще нужно замѣтить, что лица эти реальны лишь на половину, въ каждомъ живомъ характерѣ есть два рода чертъ: первыя немногочисленныя, которыя принадлежатъ всему классу, изъ котораго происходитъ человѣкъ и которыя легко можетъ различить каждый зритель или читатель, вторыя очень многочисленныя принадлежатъ только ему и различаются еще съ большимъ трудомъ. Классическое искусство занимается только первыми чертами, сглаживая, подчиняя, пренебрегая другими. Оно не создаетъ реальныхъ людей, ограничиваясь общими характерами, король, королева, юный принцъ, юная принцесса, наперсникъ, первосвященникъ, начальникъ гвардіи, съ какой-нибудь страстью, привычкой или общей наклонностью, лю-

бовью, честолюбіемъ, преданностью или коварствомъ, деспотическимъ или льстивымъ характеромъ, врожденной добротой или злобою. Что касается обстоятельствъ времени и мѣста имѣющихъ такое огромное вліяніе на человѣка, то они едва указываются. По правдѣ говоря, въ трагедіи дѣйствіе можно отнести къ любому вѣку и къ любому мѣсту, вслѣдствіе чего можно сказать, что оно не происходитъ нигдѣ и ни въ какомъ вѣкѣ. Ставится какой-нибудь дворецъ или храмъ, гдѣ чтобы сгладить всякій историческій или личный отпечатокъ, однообразная условность, вноситъ манеры и костюмы, которые нельзя назвать ни французскими, ни иностранными, ни древними, ни современными. Въ этомъ отвлеченномъ мірѣ всѣ говорятъ другъ другу „вы", „господинъ", сударыня" и возвышенный стиль набрасываетъ одинаковый покровъ на самые противоположные характеры. Когда Корнель и Расинъ, сквозь выспренность и элегантность своихъ стиховъ, показываютъ намъ современныя фигуры, это дѣлается безъ ихъ вѣдома; они имѣли въ виду изобразить только человѣка и если въ настоящее время мы узнаемъ въ ихъ дѣйствующихъ лицахъ кавалеровъ, дуэлистовъ, буяновъ, политиковъ и героинь фронды, придворныхъ, принцевъ, епископовъ, дамъ и пестуновъ монархіи, это происходитъ лишь потому, что ихъ кисть, невольно обмакиваемая въ ихъ опытъ нечаянно ронила краску на идеальный и голый контуръ, который они только и хотѣли нарисовать. Ничего, кромѣ контура, кромѣ общаго очерка не хотѣли они набросать, заполнивъ его цвѣтами своего безукоризненнаго языка.

Даже въ комедіи преднамѣренно рисующей окружающіе нравы, даже у столь откровеннаго и столь отважнаго Мольера, образецъ выполненъ не вполнѣ, особенности личности устранены, лицо въ нѣкоторые моменты, становится театральной маской и дѣйствующее лицо, въ особенности, когда оно говоритъ въ стихахъ перестаетъ иногда жить, превращаясь въ рупоръ для произнесенія тирады или разсужденія. Иногда забываютъ указать какое общественное положеніе занимаетъ дѣйствующее лицо, — дворянинъ ли онъ или буржуа, провинціалъ или парижанинъ. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ можно угадывать, какъ у Шекспира, его физическую внѣшность, характеръ, состояніе нервовъ, его быструю или медленную рѣчь, его порывистые или сдержанные жесты, худобу или толщину. Нерѣдко авторъ не считаетъ нужнымъ дать ему собственное имя: его называютъ Кризаль, Оргонъ, Дамисъ, Дорантъ, Валеръ. Его имя ничего не означаетъ, кромѣ простого качества; оно можетъ принадлежать отцу, молодому человѣку, слугѣ, ворчуну, волокитѣ и какъ самая обыкновенная фуфайка, которая приходятся на всякій возрастъ, безразлично переходя изъ гардероба, Мольера, въ гардеробъ Реньяра, Лесажа, Детуша и Мариво. Дѣйствующимъ лицамъ не хватаетъ личной этикетки, подлиннаго и только имъ принадлежащаго имени, составляющаго первое отличіе индивидуальной личности. Всѣ эти подробности, всѣ эти обстоятельства, всѣ эти дополненія человѣка находятся внѣ классической рамки. Чтобы втиснуть туда нѣкоторыхъ изъ нихъ потребовался геній Мольера, полнота его творчества, богатство его наблю-

деній, крайняя свобода пера. Тѣмъ не менѣе онъ нерѣдко ихъ пропускалъ, а въ другихъ случаяхъ вводилъ въ небольшомъ числѣ, такъ какъ избѣгалъ придавать общимъ характерамъ богатство и сложность, которыя могли бы мѣшать дѣйствію; чѣмъ менѣе сложна тема, тѣмъ яснѣе ея развитіе; въ этой же литературѣ первой обязанностью автора является ясное развитіе избранной имъ темы.

Такимъ образомъ въ классическомъ умѣ есть первоначальный недостатокъ зависящій отъ его качествъ и который сдерживаемый въ настоящей мѣрѣ помогаетъ создать ему самые чистые шедевры, но который повинуясь общему правилу постепенно усиливается и обращается въ порокъ подъ естественнымъ вліяніемъ времени, упражненія и успѣха. Онъ былъ узокъ и сдѣлался еще болѣе узкимъ. Въ XVIII вѣкѣ онъ не можетъ изображать живыхъ предметовъ, реальной личности, какая существуетъ въ природѣ и въ исторіи, т. е. какъ неопредѣленное соединеніе, какъ богатое сплетеніе, какъ полный организмъ характеровъ и противоположныхъ частностей, тѣсно сплетенныхъ и подчиненныхъ другъ другу. Ему недостаетъ способности воспринимать и удерживать ихъ. Онъ устраняетъ ихъ насколько возможно, сохраняя въ концѣ концовъ лишь самую незначительную часть, одинъ выпаренный осадокъ, одно почти пустое имя, словомъ то, что называютъ безсодержательнойотвлеченностью. Въ литературѣ XVIII вѣка живые образы встрѣчаются лишь въ маленькихъ эскизахъ, набросанныхъ мимоходомъ и какъ бы контрабанднымъ способомъ Вольтеромъ: баронъ Тондертентрункъ, милордъ Уоттэнъ дѣйствующія лица сказокъ и пять или шесть личностей въ романахъ другихъ писателей: Тюркаре, Жиль-Блазъ, Маріанна, Манонъ Леско, племянникъ Рамо, Фигаро, два или три очерка Кребильона-сына и Колле, произведенія куда проникнула простота и которыя можно сравнить съ картинами такихъ художниковъ какъ Ватто,—Фрагонаръ, Сэнъ-Обенъ, Моро, Ланкрэ, Патеръ, Бодуэнъ и которыя принятыя съ трудомъ или случайно въ оффиціальный салонъ будутъ существовать еще и тогда, когда большія серьезныя картины поростутъ мхомъ, подъ вліяніемъ исходящей изъ нихъ скуки. За то повсюду въ другихъ произведеніяхъ жизненный сокъ изсякъ и вмѣсто цвѣтущихъ растеній можно встрѣтить лишь цвѣты изъ размалеванной бумаги. Что представляютъ изъ себя серьезныя поэмы, начиная съ „Генріады "Вольтера до „Моисея" Руше или „Воображенія" Делилля, какъ не реторическія произведенія украшенныя рифмами? Просмотрите безчисленныя трагедіи и комедіи, посмертный списокъ которыхъ даютъ намъ Гриммъ и Колле, проглядите даже хорошія пьесы Вольтера и Кребильона и позднѣйшихъ модныхъ авторовъ какъ Беллуа, Лагарпъ, Дюси, Мари Шенье, краснорѣчіе, искусство, положенія, прекрасные стихи все тутъ есть за исключеніемъ людей; дѣйствующія лица ничто иное какъ дрессированные манекены, чаще же всего рупоры при помощи которыхъ авторъ передаетъ свои декламаціи. Греки, римляне, средневѣковые рыцари, турки, арабы, перуанцы, гебры, византійцы, всѣ они ничто иное какъ механизмъ для произнесенія тирадъ и публика нисколько не удивляется; у нея нѣтъ истори-

ческаго чувства; она допускаетъ, что человѣкъ повсюду одинаковъ; она апплодируетъ „Инкамъ“ Мармонтеля, „Гонзальву“ и „Повѣстямъ“ Флоріана, всѣмъ крестьянамъ, ремесленникамъ, неграмъ, бразильцамъ, парсамъ, малабарцамъ, выступающимъ передъ нею, для произнесенія напыщенныхъ рѣчей. Въ человѣкѣ видятъ только разсуждающій умъ, одинаковый во всякое время и во всякомъ мѣстѣ; Бернарденъ-де-Сэнъ-Пьеръ придаетъ его своему Парію, Дидро своимъ Отаитянамъ. Въ принципѣ принято, что всякій человѣческій умъ говоритъ и мыслитъ какъ книга. Вслѣдствіе этого ихъ исторія страдаетъ большими недостатками. За исключеніемъ Карла XII, современника оживленнаго Вольтеромъ, благодаря разсказамъ очевидцамъ, за исключеніемъ живыхъ очерковъ и легкихъ набросковъ, въ которыхъ изображаются англичане, французы, испанцы, итальянцы и нѣмцы, разбросанныхъ тамъ и сямъ въ его сказкахъ, гдѣ еще встрѣтите вы людей? У Юма, Гиббона, Робертсона, принадлежащихъ къ французской школѣ и немедленно принятыхъ во Франціи въ изслѣдованіяхъ Дюбо и Мабли, о нашемъ средневѣковьѣ, въ „Людовикѣ XI“ Дюкло, въ „Апахарзисѣ“ Бартелеми, даже въ „Опытѣ о нравахъ“ и въ „Вѣкѣ Людовика XIV“ Вольтера, даже въ „Величіи римлянъ“ и въ „Духѣ законовъ“ Монтескье, мы видимъ отсутствіе живыхъ людей. Эрудиція, критика, здравый смыслъ почти точное изложеніе догматовъ и учрежденій, философскіе взгляды на взаимную связь фактовъ и на общее теченіе вещей,—все есть здѣсь за исключеніемъ живыхъ человѣческихъ душъ. Читая ихъ, кажется, что климаты, учрежденія, цивилизація, которыя всѣ вліяютъ на преобразованіе человѣческаго ума, считаются ими пустою внѣшностью, случайными оболочками, не проникающими глубоко, а лишь касающимися поверхности. Глубокая разница лежащая между людьми двухъ вѣковъ или двухъ расъ, ускользаетъ отъ нихъ. Древній грекъ, христіанинъ первыхъ вѣковъ, феодальный человѣкъ, арабъ, магометанинъ, нѣмецъ, англичанинъ эпохи Возрожденія, пуританинъ появляются въ ихъ книгахъ приблизительно такъ же какъ въ ихъ эстампахъ и на заглавныхъ страницахъ, съ едва замѣтной разницою въ костюмѣ, но съ одинаковою фигурою, съ тѣмъ же самымъ лицомъ сглаженнымъ, обезцвѣченнымъ, приноровленнымъ къ требованіямъ приличія. Симпатизирующее воображеніе, путемъ котораго писатель перевоплощается въ другого и воспроизводитъ въ себѣ систему привычекъ и страстей противоположныхъ его собственнымъ,—этотъ талантъ отсутствуетъ въ XVIII вѣкѣ. Во второй половинѣ этого вѣка онъ совершенно изсякаетъ, встрѣчаясь лишь у Дидро, который пользуется имъ дурно и совершенно случайно. Обратите вниманіе, за этотъ періодъ, на Францію и Англію на тотъ жанръ литературы, въ которомъ онъ чаще всего встрѣчается, а именно на романъ, который напоминаетъ собой переносное зеркало могущее съ наибольшимъ успѣхомъ отражать въ себѣ всѣ стороны природы и жизни. Когда я читалъ рядъ англійскихъ романистовъ,—Дефоэ, Ричардсона, Фильдинга, Смоллета, Стерна и Гольдсмита, вплоть до миссъ Берней и миссъ Аустенъ, я узналъ, что такое Англія XVIII вѣка. Я видѣлъ священниковъ,

деревенскихъ помѣщиковъ, фермеровъ, трактирщиковъ, моряковъ, людей всѣхъ состояній и положеній, отъ высшихъ до низшихъ; я узналъ въ подробностяхъ какія были состоянія, какую можно было сдѣлать карьеру, что тогда зарабатывали люди и что они проживали, какъ они путешествовали, что ѣли и что пили. У меня были въ рукахъ самыя подробныя и обстоятельныя біографіи, полная картина съ тысячью сценъ всего общества, огромная масса свѣдѣній могущихъ помочь мнѣ изучить исторію этого исчезнувшаго вѣка. Если же теперь я читаю вереницу произведеній французскихъ романистовъ,—Кребильона-сына, Руссо, Мармонтеля, Лакло, Ретифа Бретонскаго, Лувье, м-мъ де-Сталь, м-мъ де Жанлисъ и пр., включая сюда Мерсье вплоть до м-мъ Коттенъ, мнѣ не приходится дѣлать отдѣльныхъ замѣтокъ. Я вижу обмѣнъ вѣжливостями, любезностями, шутками, шалостями, разсужденіями въ обществѣ и все. Каждый писатель остерегается разсказать мнѣ о деньгахъ, дать мнѣ въ руки цифры, объяснить бракъ, процессъ, управленіе землями. Мнѣ ничего неизвѣстно о положеніи деревенскаго священника, помѣщика, монастырскаго пріора, управляющаго, интенданта. Все что касается провинціи и деревни, буржуазіи и мелкой торговли, арміи и солдата, духовенства и монастырей, правосудія и полиціи, крупной торговли и хозяйства остается неопредѣленнымъ или высказывается въ ложномъ свѣтѣ; чтобы разобраться въ этомъ, мнѣ приходится прибѣгать къ этому удивительному Вольтеру, который, сбросивъ съ себя классическую тогу, распоясался и сталъ говорить все. О наиболѣе живучихъ органахъ общества, о законахъ и поступкахъ, которые вызовутъ революцію, о феодальныхъ правахъ и сеньоріальномъ судѣ, о контингентѣ и внутренней жизни монастырей, о провинціальныхъ таможняхъ, о корпораціяхъ и цехахъ, о десятинѣ и подушной подати я почти ничего не могу почерпнуть изъ литературы. Для нея, повидимому, ничего не существуетъ кромѣ салоновъ и писателей, остальное не принимается въ разсчетъ; ниже избраннаго общества, занимающагося болтовней, Франція кажется пустой. Когда наступитъ революція это раздѣленіе сдѣлается еще рѣзче. Просмотрите призывы раздававшіеся въ клубахъ и съ трибунъ, отчеты, мотивировку законовъ, памфлеты, всю эту массу сочиненій, навѣянныхъ событіями настоящаго остраго момента; нигдѣ нѣтъ никакого представленія о человѣкѣ въ томъ видѣ, въ какомъ мы постоянно видимъ его передъ своими глазами, въ полѣ и на улицѣ; онъ постоянно изображается какъ несложный автоматъ съ хорошо извѣстнымъ механизмомъ. Для писателей онъ всегда былъ рупоромъ, черезъ который они говорили цвѣтистыя фразы, для политиковъ онъ въ настоящую минуту ничто иное какъ инструментъ для голосованія, который достаточно ткнуть пальцемъ въ нужное мѣсто, чтобы заставить его дать подобающій отвѣтъ. Фактовъ не существуетъ; ничего кромѣ отвлеченностей, цѣлой массы умозаключеній о природѣ, разумѣ, народѣ, свободѣ подобныхъ шарамъ, пущеннымъ безъ пользы въ пространство. Еслибы мы не знали, что все это привело на практикѣ къ ужаснымъ результатамъ, то

можно было бы подумать, что все это игра въ логику, школьныя упражненія, академическое пустозвонство, идеологическія комбинаціи. Дѣйствительно, это идеологія, послѣдній продуктъ вѣка, которое породитъ изъ классическаго духа заключательную формулу и послѣднее слово.

III.

Слѣдовать во всѣхъ изысканіяхъ съ полнымъ довѣріемъ, безъ всякой осторожности методу математиковъ, извлекать, очерчивать, отдѣлять самыя простыя и самыя общія понятія, комбинировать ихъ и изъ полученнаго искусственнаго состава выводить при помощи голаго разсужденія всѣ выводы, заключенные въ немъ: таковъ естественный методъ классическаго духа. Этотъ методъ настолько присущъ ему, что встрѣчается намъ въ равной степени въ обоихъ вѣкахъ, у Декарта, Мальбранша и сторонниковъ чистыхъ идей точно также какъ у сторонниковъ ощущенія, физической необходимости, первобытнаго инстинкта, у Кандильяка, Руссо, Гельвеціуса, а позднѣе у Кондорсе, Вольнея Сіейеса, Кабаниса и Детютта де-Траси. Пусть называютъ они себя приверженцами Бэкона и отрицаютъ врожденныя идеи; исходя изъ другой точки отправленія, чѣмъ картезіанцы, они идутъ потому же пути и подобно картезіанцамъ, сдѣлавъ небольшой заемъ, оставляютъ опытъ. Въ этомъ огромномъ нравственномъ и соціальномъ мірѣ, съ этого дерева человѣчества съ безчисленными корнями и вѣтвями они снимаютъ наружную кору, они не могутъ ни проникнуть, ни схватить глубже; ихъ руки не смогли бы удержать большаго. Они даже не подозрѣваютъ, что есть еще нѣчто; у классическаго духа узкій кругозоръ, ограниченное пониманіе. Кора для нихъ и есть все дерево, и снявъ кору они уносятъ сухой и мертвый эпидермисъ, не возвращаясь болѣе къ стволу. Благодаря свойству духа и литературному самолюбію, они упускаютъ характерныя подробности, живую дѣйствительность, существенное отличіе, типичный и полный примѣръ. Почти ничего подобнаго нѣтъ ни въ „Логикѣ“ и ни въ „Трактатѣ ощущеній“ Кондильяка, ни въ „Идеологіи“ Детютта де-Траси, ни въ „Физикѣ и Морали“ Кабаниса. Никогда, идя за ними, не станешь на твердую, прочную почву личнаго и чужого наблюденія, всегда висишь въ воздухѣ, въ пустой области общихъ мѣстъ. Кондильякъ заявляетъ, что ариѳметическій методъ примѣнимъ къ психологіи и что элементы нашего мышленія могутъ быть расчленены пріемомъ вродѣ „Тройного правила“. Сіейесъ отличается величайшими пренебреженіями къ исторіи и „политика для него—наука, которую онъ по его мнѣнію закончилъ сразу, однимъ усиліемъ мысли подобно Декарту, создавшему также сразу аналитическую геометрію. Детюттъ де-Траси, задумавъ комментировать Монтескье находитъ, что этотъ великій историкъ слишкомъ рабски привязанъ къ исторіи и онъ передѣлываетъ его трудъ, создавая общество, какое должно быть, вмѣсто того чтобы разсматривать то, что есть въ дѣйствительности. Никогда еще съ такимъ ничтожнымъ матеріаломъ человѣческой при-

роды не строились столь правильныя и столь спеціальныя зданія. Кондильякъ оживляетъ статую, затѣмъ на основаніи чистыхъ умозаключаній, шагъ за шагомъ изслѣдуя обоняніе, вкусъ, осязаніе, зрѣніе, слухъ, проявленія ощущенія, которыя онъ предполагаетъ, строитъ изъ всѣхъ этихъ частей человѣческую душу. Посредствомъ договора Руссо создаетъ политическое общество, правительство и законы всякаго справедливаго общества. Въ книгѣ, являющейся чѣмъ-то вродѣ философскаго завѣщанія вѣка, Кондорсе заявляетъ, что этотъ методъ есть „послѣдній шагъ философіи, тотъ шагъ, который нѣкоторымъ образомъ положилъ вѣчную грань между человѣческимъ родомъ и старыми ошибками его дѣтства". „Примѣняя его въ морали, въ политикѣ, въ политической экономіи удалось пойти въ наукахъ моральныхъ почти столь же увѣреннымъ шагомъ, какъ и въ наукахъ естественныхъ. Благодаря этому методу удалось открыть права человѣка". Какъ въ математикѣ ихъ вывели изъ единаго первоначальнаго положенія, а это положеніе, подобное основнымъ истинамъ математики является фактомъ ежедневнаго опыта, признаваемаго всѣми, самоочевиднымъ. Школа будетъ существовать въ теченіе революціи, имперіи, почти всей реставраціи, вмѣстѣ съ трагедіей—своей сестрой, вмѣстѣ съ классическимъ духомъ, который есть ихъ общій отецъ, первобытная, господствующая власть, столь же опасная какъ и полезная, столь же разрушительная какъ и созидающая, столь же способная проповѣдывать заблужденіе какъ и истину, столь же поражающая суровостью своего кодекса, жестокостью своею или однообразіемъ своихъ произведеній какъ и продолжительностью своего господства и универсальностью потомства.

ГЛАВА III.

Соединеніе двухъ элементовъ.—I. Доктрина, ея стремленія и характеръ.—Появленіе господства разума въ дѣлахъ человѣческихъ.—До тѣхъ поръ властвовала традиція.—II. Происхожденіе, природа и цѣнность унаслѣдованныхъ предразсудковъ.—Въ какой области обычаи, религія и государство законны.—III. Классическій разумъ не можетъ стать на эту точку зрѣнія.—Сущность традиціи въ ея прошломъ и настоящемъ неизвѣстна.—Разумъ приступаетъ къ ея уничтоженію—IV. Двѣ стадіи этого предпріятія.—Первая стадія.—Вольтеръ, Монтескье, деисты и реформаторы.—Что они разрушаютъ и что уважаютъ.—V. Вторая стадія, возвращеніе къ природѣ.—Дидро, Гольбахъ и матеріалисты.—Теорія живой матеріи и самозарожденія.—Мораль и инстинктъ.—IV. Руссо и спиритуалисты.—Первобытная добродѣтель человѣка.—Зло цивилизаціи.—Несправедливость собственности и общества.—VII. Блудные сыны философской арміи.—Кэронъ, Сильвэнъ Марешаль, Мабли, Морелли.—Полное дискредитированіе традицій и учрежденій, выросшихъ на ней.

I.

Изъ научныхъ данныхъ, разработанныхъ въ указанномъ духѣ, родилась доктрина, которая казалась откровеніемъ и которая подъ этимъ нарицаніемъ посягнула на руководительство дѣлами человѣчества. Около 1789 года было рѣшено, что жизнь вступила „въ

область свѣта", въ „пору разума", что до этого времени родъ человѣческій пребывалъ въ состояніи дѣтства, что въ настоящее время онъ достигъ „зрѣлости". Наконецъ то явилась истина, и впервые она устраиваетъ свое царство на землѣ. Она должна повелѣвать всѣми, такъ какъ по самой своей природѣ она для всѣхъ одинакова. Въ силу этихъ двухъ убѣжденій философія восемнадцатаго вѣка походила на религіозное вѣроученіе, на пуританизмъ семнадцатаго столѣтія, на исламизмъ седьмого. Тотъ же порывъ вѣры, надежды и энтузіазма, тотъ же духъ пропаганды и владычества, то же упорство и нетерпимость, то же самоувѣренное посягательство на исправленіе человѣка и измѣненіе человѣческой жизни по типу, заранѣе выработанному. Новая доктрина будетъ имѣть своихъ учителей, свои догмы, свой элементарный катехизисъ, своихъ фанатиковъ. Она будетъ говорить такъ же властно, какъ предыдущія вѣроученія, въ качествѣ полновластнаго владыки, которому диктатура принадлежитъ по праву рожденія, и противъ которой всякое возмущеніе есть преступленіе и безуміе. Но она отличается отъ бывшихъ ученій тѣмъ, что основою ея является разумъ, а не Богъ.

Въ самомъ дѣлѣ авторитетъ былъ новый. До того времени въ руководительствѣ поступками и мнѣніями людскими разумъ игралъ роль подчиненную и незначительную. Побужденіе и направленіе исходили изъ другихъ моментовъ; вѣра и повиновеніе передавались по наслѣдству; человѣкъ былъ христіаниномъ и вѣрноподданнымъ, потому что онъ родился христіаниномъ и вѣрноподданнымъ.

Вокругъ нарождающейся философіи и разума, выступившаго на грандіозный экзаменъ, имѣются установленные законы, признанное право, господствующая религія; въ этомъ зданіи всѣ камни пригнаны, и каждый этажъ опирается на нижележащій. Но въ чемъ скрѣпляющій цементъ, и гдѣ помѣщается первоначальный фундаментъ? Всѣ эти обязанности гражданина, которымъ подчинены браки, завѣщанія, право на наслѣдство, контракты, право собственности и личности, обязанности странныя и порою противорѣчивыя, кто ихъ утверждаетъ?

Вначалѣ обычай, неизвѣстно когда появившійся, различный въ разныхъ областяхъ и земляхъ, зависящій отъ индивидуальныхъ свойствъ и условій; потомъ — воля монарха, который приказываетъ записать обычай и санкціонируетъ его. Но эта воля, эта власть монарха, это первое общественное право, кто его утверждаетъ? Вначалѣ—восьмивѣковое держаніе власти, право наслѣдія, подобное тому, въ силу котораго каждый распоряжается своимъ имуществомъ и землею, собственность семьи, передаваемая отъ старшаго къ старшему, право, практикуемое начиная съ перваго основателя государства до послѣдняго живущаго его потомка и наслѣдника; потомъ—религія, которая повелѣваетъ повиноваться установленнымъ властямъ. Наконецъ, кто утверждаетъ эту религію? Вначалѣ—традиція восемнадцати вѣковъ, безконечная серія согласныхъ свидѣтельствъ предшественниковъ; потомъ, при возник-

повеніи,—существованіе и ученія Христа, и, еще раньше, при твореніи міра—Божье повелѣніе и слово.

Такимъ образомъ существующій общественный и нравственный порядокъ опредѣляется прошлымъ, бытность является рѣшающимъ голосомъ, и если подъ всѣми этими свидѣтельствами, упроченными давностью искать въ подземныхъ глубинахъ первооснову, мы натыкаемся на божественную волю. Втеченіе всего семнадцатаго столѣтія эта теорія еще существуетъ въ глубинѣ всякой души подъ формою окрѣпшей привычки и врожденнаго уваженія; теорію эту не подвергаютъ испытанію. Съ нею обходятся такъ же, какъ съ живымъ сердцемъ человѣческаго организма: его не касаются; является неясное чувство, что если коснуться его оно перестанетъ биться.

Наиболѣе передовые, съ Декартомъ во главѣ, „были бы крайне огорчены“, если бы ихъ смѣшали съ тѣми пустыми мыслителями, которые, вмѣсто того чтобы слѣдовать по широкой искони проложенной дорогѣ, слѣпо бросаются по прямому направленію „черезъ горы и стремнины“. Когда они подвергаютъ свои взгляды методической провѣркѣ, они не только исключаютъ и держатъ въ сторонѣ, какъ въ святилищѣ, „истины вѣры“, но и догма, которую они считаютъ внѣ сферы вліянія, все-таки остается въ ихъ душѣ, руководитъ ихъ выводами и дѣлаетъ изъ ихъ философіи приготовленіе и утвержденіе христіанства *).

Словомъ, въ XVII вѣкѣ источникомъ основныхъ идей служитъ вѣра, практика, религіозное и политическое установленіе. Разумъ является моментомъ подчиненнымъ, ораторомъ, сотрудникомъ, котораго религія и самодержавіе заставляютъ на себя работать. Кромѣ Ла-Фонтэна, который, я думаю, является исключеніемъ какъ въ этомъ, такъ и въ остальномъ, самые независимые умы Паскаль, Декартъ, Боссюэ, Ла-Брюйеръ черпаютъ въ установленномъ режимѣ свою первую мысль о природѣ, человѣкѣ, обществѣ, правѣ, управленіи. Такъ что разумъ, поставленный въ рамки подобнаго служенія, играетъ роль государственнаго чиновника, чрезвычайнаго проповѣдника, котораго прелаты посылаютъ циркулировать въ область философіи и литературы. Онъ не разрушаетъ, а утверждаетъ; дѣйствительно, до Регентства его главное употребленіе заключается въ производствѣ добрыхъ христіанъ и вѣрныхъ подданныхъ. Но вотъ роли мѣняются: съ перваго ранга традиція низводится на второй, а разумъ вступаетъ въ первый. Съ одной стороны, религія и самодержавіе, вслѣдствіе своей распущенности и проступковъ въ царствованіе Людовика XIV и вслѣдствіе ослабленія и неудовлетворительности при Людовикѣ XV, разрушаютъ камень за камнемъ основу наслѣдственнаго обожанія и сыновняго повиновенія, что раньше служило имъ базой и поддерживало ихъ въ области недосягаемаго, внѣ спора и разслѣдованія; вотъ почему авторитетъ традиціи незамѣтно уменьшался и исчезалъ. Съ другой стороны, наука, благодаря грандіознымъ и

*) Это ясно у Декарта съ первыхъ шаговъ. (Теорія духа, идея о Богѣ, доказательство его существованія и т. д.).

многочисленнымъ открытіямъ, созидаетъ камень за камнемъ основу довѣрія и всеобщаго уваженія и изъ состоянія предмета празднаго любопытства поднимается до высотъ власти; такимъ образомъ постепенно авторитетъ разума растетъ и становится всеобъемлющимъ. Наступаетъ моментъ, когда, по низложеніи первенствующаго авторитета подчиненнымъ, руководящія идеи, которыхъ блюла традиція, падаютъ подъ натискомъ разума. Изслѣдованіе проникаетъ въ запретное святилище. Вмѣсто колѣнопреклоненія производится провѣрка, и религія, государство, законъ, обычай, словомъ, всѣ органы жизни моральной и жизни практической подвергаются анализу съ цѣлью, сохранить ли ихъ, возстановить или замѣнить, смотря по предписанію новой доктрины.

II.

Если бы доктрина была полна, и если бы разумъ, наученный исторіей, сдѣлался бы критическимъ, онъ легко оцѣнилъ бы смѣщенную имъ соперницу. И тогда, вмѣсто того, чтобы видѣть въ ней узурпатора, повиннаго къ изгнанію, онъ узналъ бы въ ней старшую сестру, которая имѣетъ права на свою долю участія. Вѣковой предразсудокъ есть подобіе разума, но разума темнаго. Онъ такъ же, какъ и разумъ, имѣетъ свои документы, но онъ не умѣетъ въ нихъ разобраться и вмѣсто чистой монеты предлагаетъ апокрифы. Его архивы погребены въ землѣ; для того, чтобы вывести ихъ на свѣтъ Божій, необходимы изысканія, на что онъ неспособенъ; архивы эти, однако, существуютъ, и въ настоящее время исторія ихъ обнаруживаетъ. Когда предразсудокъ разсматриваютъ внимательнѣе, находятъ, что онъ имѣетъ въ своемъ возникновеніи, какъ и наука, долгое наращеніе опыта: люди послѣ многократныхъ нащупываній и попытокъ въ концѣ концовъ приходятъ къ заключенію, что такой способъ жизни или мышленія былъ единственно удобный въ ихъ положеніи, самый практичный изъ всѣхъ, самый благодѣтельный, и режимъ или догма, которая теперь намъ кажется произвольнымъ договоромъ, была вначалѣ доказаннымъ средствомъ общественнаго блага. Онъ и теперь еще существуетъ; во всякомъ случаѣ въ великихъ событіяхъ онъ необходимъ, и можно съ увѣренностью сказать, что, если бы въ обществѣ исчезли вдругъ руководящіе предразсудки, то человѣкъ, лишенный драгоцѣнныхъ завѣтовъ, переданныхъ ему мудростью вѣковъ, быстро впалъ бы въ состояніе одичанія и сталъ бы тѣмъ, кѣмъ онъ былъ раньше, я хочу сказать безпокойнымъ, голоднымъ, бродячимъ и преслѣдуемымъ волкомъ. Было время, когда этого наслѣдія не существовало; въ настоящее время есть еще народности, гдѣ оно отсутствуетъ совершенно. Не ѣсть человѣческаго мяса, не убивать безполезныхъ и неудобныхъ стариковъ, не подкидывать, не продавать и не убивать дѣтей, съ которыми не знаютъ, что дѣлать, быть единственнымъ мужемъ единственной жены, чувствовать отвращеніе къ кровосмѣшенію и къ непотребствамъ противъ природы, быть единственнымъ и признаннымъ владѣльцемъ опредѣленнаго куска земли, слушать властные го-

лоса совѣсти, человѣчности, чести,—все это, раньше неизвѣстное и медленно создавшееся, составляетъ культуру души. Разъ мы принимаемъ эти практическіе завѣты на основаніи довѣрія, они не менѣе святы и становятся только болѣе святыми, когда, пройдя черезъ горнило историческаго экзамена, они открываются передъ нами, какъ тайная сила, которая изъ стада скотовъ образовала общество людей. Въ общемъ, чѣмъ болѣе старъ и болѣе общепринятъ обычай, тѣмъ болѣе онъ покоится на глубокихъ началахъ, на началахъ психологіи, гигіены, общественнаго попеченія. То, какъ напримѣръ, въ отдѣленіи кастъ, гдѣ требуется сохранить въ чистотѣ героическую или мыслящую расу, не допускаютъ смѣшеній, въ силу которыхъ низкородная кровь вызвала бы умственную хилость и низменные инстинкты *). То, напримѣръ, въ запрещеніи употребленія спиртныхъ напитковъ или мяса, необходимо приспособиться къ климату, который предписываетъ растительный режимъ, или къ темпераменту расы, для которой крѣпкіе напитки гибельны **). То, какъ въ установленіи права первородства, необходимо создать и указать заранѣе военоначальника или государя. Если существуютъ дѣйствительныя причины для узаконенія обычая, тѣмъ болѣе существуютъ причины высшаго порядка, освящающія религіозныя вѣрованія. Разсмотрите религію не конспективно, не поверхностно, но въ корень, съ момента ея рожденія, руководясь текстами, взявъ, напримѣръ, одну изъ тѣхъ, которая въ настоящее время господствуетъ въ мірѣ, христіанство, брамапизмъ законъ Магомета или Будды. Въ нѣкоторые критическіе моменты исторіи нѣкоторые люди, выйдя изъ рамокъ ничтожной жизни, узкой и рутинной, охватывали общимъ взглядомъ безконечное мірозданіе; съ величаваго чела вѣчной природы вдругъ спадало покрывало; имъ казалось въ ихъ чрезвычайномъ волненіи, что они постигли ея принципъ; по крайней мѣрѣ схватили нѣкоторыя черты его, и въ силу удивительнаго стеченія черты эти были единственно такими, какими ихъ вѣкъ, ихъ раса, группа расъ, часть человѣчества въ состояніи были понять. Ихъ точка зрѣнія была единственная, на которую могли стать массы, слѣдующія позади ихъ.

Для милліоновъ людей, для сотенъ поколѣній открывался доступъ къ божественнымъ вещамъ только по пути, ими проложенному. Они изрекали единое слово, геройское или нѣжное, полное энтузіазма или тихо ласкающее, единственное, которое желали слышать сердца и умы ихъ современниковъ и потомковъ, единственное, которое было положено въ основу насущныхъ потребностей духа, постоянныхъ стремленій, словомъ всей умственной и нравственной структуры — тамъ у индуса или монгола, — здѣсь у семита или европейца, въ Европѣ—у германца, романца или славянина. Это слово не есть голая формула. Столь грандіозное чув-

*) Принципъ индійскихъ кастъ; контрастъ—Судры и Паріи.

**) Согласно этому принципу на Гавайскихъ островахъ жители внесли законъ, который запрещаетъ продажу спиртныхъ напитковъ туземцамъ и разрѣшаетъ ихъ продавать европейцамъ (Х. де-Варипьи четырнадцать лѣтъ на Сандвичевыхъ островахъ“).

ство, столь доступное пониманію и проникновенное прорицаніе, мысль, которой человѣкъ обнимаетъ безконечность и глубину вещей, такъ далеко уходитъ за обычныя границы своихъ земныхъ условій, что уподобляется озаренію свыше; мысль эта, заключенная въ словѣ, легко переходитъ въ ясновидѣніе, она на порогѣ къ экстазу, она выражается символами, она вызываетъ божественныя видѣнія. Религія по своей природѣ есть метафизическая поэма, сопутствуемая вѣрой. Только при такихъ условіяхъ она дѣйствительна и популярна; такъ какъ, не принимая въ разсчетъ горсти избранниковъ, чистая идея всегда остается пустымъ звукомъ, и истина, чтобы сдѣлаться осязаемой, необходимо должна облечься въ плоть. Необходимъ культъ, легенда, церемоніи, чтобы говорить съ народомъ, женщинами, дѣтьми, съ неразвитыми, со всякимъ человѣкомъ, вращающимся въ кругѣ практической жизни, даже необходимо это для самаго духа человѣка, идеи котораго противъ воли выражаются въ образахъ. Благодаря такой осязаемой формѣ она можетъ давить на совѣсть своею громадною тяжестью, можетъ служить противовѣсомъ врожденному эгоизму, задержать безумный порывъ грубыхъ страстей, подвигнуть волю до отрицанія и преданности, оторвать человѣка отъ самого себя и опредѣлить его всецѣло на служеніе истинѣ, на служеніе другому, создать аскетовъ и мучениковъ, сестеръ милосердія и миссіонеровъ. Такимъ образомъ во всякомъ обществѣ религія есть органъ одновременно драгоцѣнный и естественный. Съ одной стороны, люди нуждаются въ ней, чтобы мыслить о безконечномъ и чтобы хорошо жить, еслибы вдругъ она исчезла, въ душѣ людей образовалась бы тягостная пустота, и они причинили бы другъ другу болѣе зла. Съ другой стороны, напрасны были бы старанія уничтожить ее; руки, которыя посягнули на нее, коснулись бы только ея оболочки; она дала бы побѣги послѣ кровавой операціи; корень ея слишкомъ глубокъ, чтобы его можно было вырвать.

Если, наконецъ, послѣ религіи и обычая мы разсмотримъ государство, т. е. вооруженную власть, которая обладаетъ физической силой и въ то же время моральнымъ авторитетомъ, мы найдемъ столь же благородный источникъ его происхожденія. Въ Европѣ по крайней мѣрѣ отъ Россіи до Португаліи, отъ Норвегіи до Сициліи государственный строй имѣетъ въ основѣ своего происхожденія и существа военное установленіе, гдѣ героизмъ становится защитникомъ права. Въ хаосѣ перемѣшавшихся расъ и разрушающихся обществъ, появляется человѣкъ, который своимъ вліяніемъ собираетъ около себя партію преданныхъ, изгоняетъ чужеземцевъ, подавляетъ разбойниковъ, возстановляетъ успокоеніе, реставрируетъ земледѣліе, создаетъ отечество и передаетъ, какъ собственность своимъ потомкамъ права наслѣдственнаго судьи и главы. Вслѣдствіе подобнаго непрерывнаго полномочія первый общественный постъ—внѣ сферы вліянія конкурренціи фиксированъ въ одной семьѣ, вполнѣ выдѣленъ въ вѣрныя руки; отнынѣ народъ владѣетъ живымъ центромъ, и всякое право находитъ покровителя, котораго можно видѣть. Если глава государства не выходитъ изъ предѣловъ своихъ правъ, если онъ удерживается на наклонной плос-

кости самовластія, если не впадаетъ въ эгоизмъ, онъ даетъ странѣ одно изъ лучшихъ управленій, не только самое прочное, самое жизнеспособное, могущее сплотить двадцать или тридцать милліоновъ людей, но еще—одно изъ самыхъ благородныхъ, ибо преданность долгу облагораживаетъ чиноначаліе и повиновеніе, и вѣрность и честь являются связующимъ звеномъ между начальникомъ и его долгомъ и послѣдовательно—между солдатомъ и его начальникомъ. Таковы весьма цѣнныя права предразсудка, переходящаго отъ поколѣнія къ поколѣнію; можно видѣть, что онъ, подобно инстинкту, является незрячей формой разума. И что окончательно его узаконяетъ, это то, что разумъ самъ, чтобы стать дѣйствительнымъ, долженъ позаимствовать у предразсудка его форму. Доктрина только тогда становится активной, когда слѣпо принимается на вѣру. Чтобы вступить на практическую арену, чтобы управлять душами, чтобы превратиться въ пружину дѣйствія, необходимо, чтобы она пребывала въ умахъ въ состояніи рѣшительнаго убѣжденія, заведенной привычки, установленной склонности, домашней традиціи и чтобы съ колеблемыхъ высотъ разсудка она спускалась и внѣдрялась въ неподвижныя глубины воли; только въ такомъ случаѣ она сдѣлается общественной силой. Но въ силу такого обстоятельства она перестаетъ быть критической и проницательной; она не терпитъ противорѣчій или сомнѣнія, она не допускаетъ ни ограниченій, ни оттѣнковъ; она не считается или плохо оцѣниваетъ свои доказательства. Мы вѣримъ теперь въ безконечный прогрессъ почти также, какъ въ старину вѣрили въ первородное грѣхопаденіе; мы еще принимаемъ готовыя мнѣнія, и Академія наукъ весьма считается съ древними соборными уставами. Постоянно, исключая нѣкоторыхъ спеціальныхъ ученыхъ, вѣра и повиновеніе будутъ необдуманными, и разумъ негодовалъ бы напрасно на то, что предразсудокъ руководитъ человѣческими дѣлами, потому что онъ самъ, чтобы руководить ими, долженъ стать предразсудкомъ.

III.

Къ несчастію, въ восемнадцатомъ столѣтіи разумъ былъ классическимъ, и, чтобы понять традицію, ему недоставало способностей, равно какъ и документовъ. Прежде всего не знали исторіи; эрудиція отвергалась, потому что она была скучна и тяжела; на ученыя компиляціи, на большія собранія текстовъ, на медленную работу критики смотрѣли съ презрѣніемъ. Вольтеръ осмѣивалъ бенедиктинцевъ. Чтобы пустить въ ходъ свой *Духъ законовъ*, Монтескьё изощрялъ остроуміе надъ законами. Рейналь, чтобы дать извѣстность своей исторіи торговли въ Индіи, постарался пришить къ ней декламаціи Дидеро. Наука стала эпиграмматичной или ораторской; техническая или грубая подробность не понравилась бы обществу свѣтскихъ людей; высокій стиль выпускалъ или искажалъ выразительныя приключенія, которыя даютъ оригинальный рельефъ стариннымъ нравамъ. Когда же рѣшались ихъ упоминать, то не различали смысла и понятія. Симпатическое воображеніе

отсутствовало; не умѣли отрѣшиться отъ себя, взглянуть со стороны, представить себѣ странныя и бурныя состоянія человѣческаго духа, рѣшительные и плодотворные моменты, во время которыхъ онъ рождаетъ жизнеспособное существо, религію, которой опредѣлено господство, государство, которое должно существовать. Человѣкъ воображаетъ только на основаніи личнаго опыта, и въ какой степени личнаго опыта люди подобнаго рода нашли бы матеріалъ, чтобы представить муки родовъ? Какимъ образомъ умы въ такомъ родѣ воспитанные и до такой степени любезно уступчивые могли бы сродниться съ чувствами апостола, монаха, основателя-варвара или феодала, видѣть ихъ въ условіяхъ, ихъ объясняющихъ и оправдывающихъ, представить окружающую среду, души, въ началѣ сокрушенныя, обуреваемыя мистической мечтой, потомъ—грубые и буйные умы, подчиняющіеся инстинкту и образамъ, мыслящіе въ полуснѣ, у которыхъ вмѣсто воли были несдерживаемыя побужденія? Резонирующій умъ не постигалъ подобныхъ фигуръ; чтобы заставить ихъ войти въ его прямолинейныя рамки, нужно было ихъ сократить и пересоздать; Макбетъ Шекспира сдѣлался Макбетомъ Дюциса, а Магометъ Корана—Магометомъ Вольтера. Отсутствіе проникновенія въ душу явленій дало въ результатѣ то, что перестали признавать установленія; не подозрѣвали, что истина выясняется только благодаря легендѣ, что справедливость устанавляется только силой, что религія должна облечься въ жреческое одѣяніе, что государство должно принять милитарную форму, и что готическое зданіе, въ такой же мѣрѣ, какъ и всякое другое, имѣетъ свою архитектуру, свои размѣры, свое равновѣсіе, устойчивость, свою полезность и даже свою красоту. По причинѣ отсутствія пониманія прошлаго не понимали настоящаго. Не имѣли вѣрнаго представленія ни о крестьянинѣ, ни о рабочемъ, ни о провинціальномъ буржуа, ни о мелкомъ землевладѣльцѣ-дворянинѣ; ихъ видѣли только издали, полуясныя фигуры, совершенно передѣланныя вліяніемъ философской теоріи и сантиментальнаго тумана. Двѣ или три тысячи свѣтскихъ и книжныхъ людей образовывали кругъ порядочныхъ людей и не выходили за предѣлы этого круга. Если случалось имъ изъ окна замка или во время путешествія видѣть народъ, то это происходило на ходу, совершенно также они видѣли своихъ почтовыхъ лошадей или стада своихъ фермъ, смотрѣли, безъ сомнѣнія, сострадательно, но не догадывались объ ихъ смутныхъ думахъ, ихъ темныхъ инстинктахъ. Не было представленія о духовной структурѣ этого народа, пока примитивной, о скупости и упорствѣ его идей, объ узости его жизни, рутинной, машинальной, заключающейся въ ручномъ трудѣ, занятой заботой о насущномъ кускѣ хлѣба, заключенной въ границы видимаго горизонта; не знали объ его привязанности къ святынѣ, къ ритуалу, къ духовнику, о его глубокой злопамятности, о закоснѣломъ недовѣріи и довѣрчивости, основанной на воображеніи, о его неспособности постигнуть отвлеченное право и общественныя движенія, объ его стадныхъ метаніяхъ, какъ у барановъ и слѣпой ярости, какъ у быка, словомъ обо всѣхъ тѣхъ свойствахъ его характера, которыя революція собиралась

явить воочію. Двадцать милліоновъ людей и даже больше едва перешагнули умственное развитіе среднихъ вѣковъ, а потому и соціальное зданіе, въ которомъ они могли бы жить, въ своихъ существенныхъ чертахъ должно было походить на средневѣковую постройку. Нужно было его оздоровить, вычистить, прорубить въ немъ окна, уничтожить переборки, но сохранить фундаментъ, остовъ и общее расположеніе, безъ каковыхъ условій его обитатели, разрушивъ и втеченіе десятка лѣтъ проживъ на открытомъ воздухѣ лагернымъ порядкомъ, были вынуждены снова строить его почти по тому же плану.

Въ некультурныхъ умахъ, не достигшихъ способности размышлять, вѣра обязательно связывается съ вещественнымъ символомъ, повиновеніе достигается физическимъ воздѣйствіемъ; нѣтъ религіи безъ попа, а государственнаго строя — безъ жандарма. Единственный писатель,— Монтескье, наиболѣе освѣдомленный, самый прозорливый и уравновѣшенный изъ всѣхъ умовъ вѣка разбирался въ этой дѣйствительности, потому что онъ былъ одновременно человѣкомъ освѣдомленнымъ, наблюдателемъ, историкомъ и юрисконсультомъ. Но онъ говорилъ, какъ оракулъ, притчами и загадками, прыгалъ, словно на горячихъ угольяхъ всякій разъ, когда касался вопросовъ своей страны и своего времени. Поэтому-то онъ пользовался уваженіемъ, но былъ изолированъ, и его извѣстность оставалась безъ вліянія. Классическій разумъ отказывался идти столь дальнимъ путемъ въ тяжеломъ изученіи древняго человѣка и человѣка настоящаго. Онъ находилъ болѣе кроткимъ и болѣе удобнымъ слѣдовать по своей первоначальной наклонной плоскости, закрывать глаза на дѣйствительнаго человѣка, вращаться въ современной сферѣ скороспѣлыхъ понятій, извлекать оттуда понятіе о человѣкѣ вообще и создавать воздушные замки. Въ силу такого окончательнаго ослѣпленія онъ перестаетъ видѣть давніе и живые корни современныхъ учрежденій; не видя ихъ, онъ утверждаетъ, что ихъ нѣтъ. Для него наслѣдственный предразсудокъ становится чистымъ предразсудкомъ; традиція не имѣетъ основъ, и власть ея является узурпаціей. Такимъ-то образомъ разумъ объявляетъ войну своему предшественнику съ цѣлью вырвать у него управленіе умами и вмѣсто царства лжи установить царство правды.

IV.

Этотъ великій походъ былъ сдѣланъ въ два пріема. Нѣкоторые участники его подчиняясь велѣніямъ здраваго смысла или изъ робости, оставались на полпути. Другихъ страсть или логика довели до конечной цѣли. Въ первомъ сраженіи непріятель теряетъ свои аванпосты и пограничныя укрѣпленія. Это армія философовъ одерживаетъ верхъ подъ предводительствомъ Вольтера. Чтобы уничтожить наслѣдственный предразсудокъ, противъ него выдвигаютъ новые, царство которыхъ также обширно и авторитетъ которыхъ не менѣе общепризнанъ. Монтескье разсматриваетъ Францію съ точки зрѣнія Персіянина, а Вольтеръ, вернувшись изъ Англіи описываетъ англичанъ—неизвѣстную породу людей. На глазахъ господствующей

религіи и господствующей догмы, вскрываются съ явной или скрытой иронией религіи и догмы различныхъ христіанскихъ сектъ—англиканцевъ, квакеровъ, пресвитеріанъ, социніанцевъ, древнихъ или отдаленныхъ народовъ: Грековъ, Римлянъ, Египтянъ, Магометанъ, Островитянъ, поклонниковъ Брамы, Китайцевъ, простыхъ идолопоклонниковъ. Передъ лицомъ положительнаго закона и установившейся практики, съ явной цѣлью выставляютъ другія конституція и другіе нравы, деспотизмъ, ограниченную монархію, республику, здѣсь церковь подчиненную государству, тамъ церковь отдѣленную отъ государствъ, въ одной странѣ касты, въ другой многоженство; во всѣхъ странахъ, во всѣхъ столѣтіяхъ разнообразіе, противорѣчіе, антагонизмъ основныхъ нравовъ, которые каждый у себя, всѣ одинаково освящены традиціей и вполнѣ законно образуютъ общественное право. Съ этой минуты очарованіе исчезло. Древнія учрежденія теряютъ значеніе божественныхъ; они превращаются въ творенія рукъ человѣческихъ, въ плодъ времени и мѣста, родившіяся изъ цѣлесообразности и на основаніи договора. Скептицизмъ проникаетъ черезъ всѣ бреши. По отношенію къ христіанству онъ немедленно переходитъ въ чистую вражду, въ долгую и яростную полемику, такъ какъ подъ именемъ государственной религіи, оно занимаетъ господствующее положеніе, давитъ свободную мысль, приказываетъ сжигать книги, ссылаетъ, сажаетъ въ тюрьмы, или преслѣдуетъ авторовъ, и повсюду является естественнымъ и оффиціальнымъ врагомъ. Кромѣ того, какъ религія по имени аскетическая, она не только осуждаетъ веселые и распущенные нравы, къ которымъ новая философія относится терпимо, но также и естественныя наклонности, которыя защищаетъ философія и обѣщаніе земного счастья, въ блестящемъ видѣ выставляемое ею передъ глазами всего общества. Такъ сердце и разумъ дружно ополчаются противъ него. Съ текстами въ рукахъ Вольтеръ преслѣдуетъ его на протяженіи всей его исторіи, начиная съ первыхъ библейскихъ разсказовъ до послѣднихъ буллъ, съ неумолимой злобой и жаромъ, какъ критикъ, какъ историкъ, логикъ, моралистъ, онъ провѣряетъ источники, сравниваетъ свидѣтельскія показанія, какъ дятелъ вклевывается во все смѣшное, во всѣ тѣ слабыя мѣста, гдѣ взбунтовавшійся инстинктъ ломится черезъ стѣны своей мистической темницы, во всѣ тѣ сомнительныя мѣста, гдѣ позднѣйшія надстройки измѣнили архитектору первоначальнаго зданія. Но онъ уважаетъ фундаментъ зданія и въ этомъ отношеніи величайшіе писатели вѣка, слѣдуютъ его примѣру. Подъ положительными религіями, которыя ложны, лежитъ естественная религія—истинная. Она подлинный и простой текстъ, съ котораго другія,—извращенный и дополнительный переводъ. Снимите всѣ позднѣйшія противорѣчивыя добавленія; тогда остается оригиналъ и этотъ экстрактъ, на которомъ совпадаютъ всѣ списки—деизмъ. То же самое по отношенію къ гражданскимъ и политическимъ законамъ. Во Франціи, гдѣ столько учрежденій пережили свою полезность, гдѣ привиллегіи не оправдываются уже больше службой, гдѣ права переродились въ злоупотребленія, какая это безсвязная архитектура!—Вродѣ древней готической постройки! Какъ плохо отстроено это зданіе

для современнаго народа! Какая польза въ единомъ, цѣломъ государствѣ отъ всѣхъ этихъ феодальныхъ перегородокъ, раздѣляющихъ ордена, цехи, провинціи? Архіепископъ-сюзеренъ полпровинціи, монашескій орденъ, владѣлецъ двѣнадцати тысячъ крѣпостныхъ, салонный аббатъ получающій хорошій доходъ отъ монастыря, котораго онъ никогда не видѣлъ, дворянинъ щедро оплачиваемый для того, чтобы вертѣться въ прихожихъ, судья, покупающій право быть судьей, полковникъ, бросившій училище, чтобы принять въ командованіе свой наслѣдственный полкъ, парижскій негоціантъ, нанявшій на годъ домъ въ Франшъ-Контэ, теряющій только изъ-за этого поступка права собственности и личныя, какіе все это живые парадоксы! И во всей Европѣ есть подобные имъ. Самое лучшее, что можно сказать „о просвѣщенномъ государствѣ" *), это то что его законы, нравы и практика, составляются „наполовину изъ злоупотребленій, а на половину изъ терпимыхъ обычаевъ". Но подъ этими положительными законодательствами, которыя всѣ другъ другу противорѣчатъ и изъ которыхъ каждое противорѣчитъ самому себѣ, есть естественное право, подстилающее законодательство, примѣняемое въ обычаяхъ, написанное въ сердцахъ. „Покажите мнѣ страну, гдѣ считалось честнымъ отнять у меня плоды моего труда, нарушать обѣщаніе, лгать съ цѣлью принести вредъ, клеветать, убивать, отравлять, быть неблагодарнымъ къ своему благодѣтелю, бить отца или мать, предлагающихъ вамъ пищу". Во всей вселенной одинаковые взгляды на то, что справедливо и что несправедливо", и въ самомъ худшемъ обществѣ сила всегда становится до извѣстной степени въ подчиненіе праву, точно также, какъ даже самая худшая религія, выставляя нелѣпую догму, предполагаетъ существованіе высшаго творца.—Такимъ образомъ религіи и общества, разложенныя изслѣдованіемъ оставляютъ на днѣ реторты одни остатокъ истины, другія остатокъ справедливости, незначительный, но цѣнный остатокъ, нѣчто вродѣ слитка золота, сохраненнаго преданіемъ, очищеннаго разумомъ, который освободившись мало-по-малу отъ примѣсей, отдѣланный и универсальный, одинъ долженъ служить матеріаломъ, составляющимъ религію и всѣ нити общества.

V.

Вотъ тутъ то и начинается второй философскій походъ. Онъ производится двумя арміями: первая состоитъ изъ энциклопедистовъ; одни изъ нихъ, какъ д'Аламберъ, другіе — на половину пантеисты, какъ Дидро и Ламаркъ, на половину рѣшительные атеисты, какъ Гольбахъ, Ла Метри, Гельвецій позже Кондорсе, Лаландъ и Вольней. Всѣ, совершенно не сходные и независимые одни отъ другихъ, согласны въ одномъ,—что традиція—врагъ. Результатъ продолжительной войны всегда таковъ: затягиваясь, она ожесточается; каждая изъ сторонъ стремится захватить у противника все, отнять у него всякую возможность къ отступленію, вытѣснить его изъ всѣхъ его позицій. Никто не хотѣлъ допустить, что ра-

*) Вольтеръ. Dialogues, Entretiens entre A, B, C.

зумъ и традиція могутъ одновременно и въ согласіи другъ съ другомъ защищать одно и то же укрѣпленіе: при появленіи перваго вторая должна удалиться;—отнынѣ предразсудокъ противопоставляется предразсудку.

Въ самомъ дѣлѣ патріархъ Вольтеръ не хочетъ измѣнить своему Богу мести и возмездія *). Простимъ ему этотъ остатокъ суевѣрій въ память его великихъ заслугъ; но разберемъ, что такое для человѣка призракъ, на который онъ смотритъ глазами ребенка. Нашъ умъ воспринимаетъ его при помощи вѣры, а вѣра всегда подозрительна. Она создана невѣжествомъ, страхомъ, воображеніемъ, способностями обманчивыми. Вначалѣ она была только фетишемъ дикаря; тщетно мы ее возвышали и возвеличивали, всегда въ ней проглядываетъ ея происхожденіе; ея исторія есть исторія наслѣдственнаго сновидѣнія, которое, родившись въ неразумномъ и неразвитомъ мозгу, продолжалось изъ поколѣнія въ поколѣніе и существуетъ еще въ культурномъ и здоровомъ мозгу.

Вольтеръ хочетъ, чтобы эта греза была дѣйствительностью, такъ какъ иначе онъ не смогъ бы объяснить прекраснаго устройства міра и такъ какъ часы предполагаютъ существованіе часовщика.

Но сперва надо было доказать, что міръ есть часы и поискать объясненія его устройства,—несовершеннаго, какимъ оно представляется,—въ предположеніи болѣе простомъ и болѣе согласномъ съ опытомъ, т. е. въ предположеніи о вѣчной матеріи, въ которой движеніе также вѣчно. Подвижныя и движущіяся частицы, различные виды которыхъ находятся въ различныхъ состояніяхъ равновѣсія, это минералы, вещество неодушевленное мраморъ, известь, воздухъ, вода, уголь. Ихъ я превращаю въ почву, и въ ней я сѣю горохъ, бобы, капусту. Растенія питаются почвой, а „я питаюсь растеніями". При каждомъ моемъ обѣдѣ, во мнѣ, черезъ меня, не живая матерія дѣлается живой; „я превращаю ее въ мясо, оживляю, дѣлаю чувствительной". Чувствительность въ ней была скрытой, неполной; она заканчивается, дѣлается явной **). Организація есть причина, жизнь и ощущеніе—слѣдствія; мнѣ нѣтъ нужды въ духовной монадѣ, чтобы объяснить слѣдствія, такъ какъ я владѣю причиной. „Посмотрите на это яйцо,—это оно опрокинуло всѣ теологическія школы и всѣ храмы на землѣ. Что такое яйцо? Нечувствительная масса, пока не введено въ него сѣмя. А послѣ того, какъ сѣмя въ него введено? Что оно еще? Нечувствительная масса, инертная жидкость". Придайте ему теплоты, подержите его въ печи, предоставьте его себѣ самому: вы получите цыпленка, т. е. „чувствительность, жизнь, память, сознаніе, страсти, мысль". То, что вы называете душой, есть нервный центръ, гдѣ кончаются всѣ чувствительныя волокна. Колебанія, которыя они ему передаютъ, производятъ въ немъ ощущенія. Пробужденное или возрожденное ощущеніе есть воспоми-

*) Вольтеръ: Dictionnaire Philosophique, ст. Религія: «если вамъ нужно управлять хоть бы селомъ, необходимо, чтобы тамъ была религія».

**) Le rêve de Dictionnaire par Diderot.

паніе. Ощущенія, воспоминанія, представленія и образуютъ всѣ наши идеи. Такимъ образомъ, не умъ организуетъ матерію, а матерія, организуясь, производитъ умъ. Итакъ, помѣстимъ умъ туда, гдѣ онъ есть: въ организованное тѣло; не будемъ отрывать его отъ его подставки, чтобы усадить его на небеса, на воображаемый тронъ;—ибо этотъ непрошенный гость, однажды введенный въ нашъ разумъ, кончаетъ тѣмъ, что разстраиваетъ естественную игру нашихъ чувствъ и, какъ чудовищный паразитъ, влечетъ къ себѣ все наше существо *).

Первое благо здороваго человѣка состоитъ въ томъ, чтобы освободиться, избавиться отъ всякихъ суевѣрій, всякаго страха передъ „невидимой силой". Только тогда онъ можетъ установить основы нравственности, разгадать „естественный законъ".

Такъ какъ небеса пусты, то намъ нѣтъ никакой необходимости ждать распоряженій оттуда, сверху. Посмотримъ внизъ, на землю. Разсмотримъ человѣка самого по себѣ, какимъ онъ представляется глазамъ натуралиста: т. е. организованнымъ точнымъ, чувствительнымъ животнымъ, со своими нуждами, своими аппетитами и своими инстинктами. Они не только ненарушимы, но еще и законны. Откроемъ темницу, куда ихъ запираетъ предразсудокъ, дадимъ имъ просторъ, вольный воздухъ, чтобы они развернулись со всей своей силой, и все будетъ хорошо **).

По Дидро вѣчное супружество обманъ. Это „тиранія мужчины, который обладаніе женщиной превратилъ во владѣніе". Стыдливость, какъ и одежда, изобрѣтеніе и условность. Счастье и чистые нравы имѣются только въ тѣхъ странахъ, гдѣ законы диктуетъ инстинктъ, въ Отаити, напримѣръ, гдѣ бракъ длится одинъ мѣсяцъ, часто одинъ день, иногда—четверть часа, гдѣ сходятся и расходятся по желанію, гдѣ изъ гостепріимства, вечеромъ предлагаютъ гостю свою жену и дочерей, гдѣ сынъ ради приличія женится на матери, гдѣ союзъ половъ есть религіозное торжество, которое отправляется публично. И человѣкъ логики, будучи послѣдовательнымъ до конца, кончаетъ пятью или шестью страницами, отъ которыхъ волосы могутъ встать дыбомъ" ***), признавая самъ, что его доктрина „не хороша для проповѣди дѣтямъ и высокимъ особамъ". Тѣмъ не менѣе, у Дидро къ этимъ парадоксамъ имѣются поправки. Когда онъ рисуетъ современные нравы, онъ моралистъ, онъ не только знаетъ всѣ струны человѣческой души, но указываетъ каждой ея мѣсто. Онъ любитъ красивые и чистые звуки, онъ полонъ энтузіазма для благородной гармоніи, въ немъ столько же чувства, сколько и генія ****). Болѣе того, когда дѣло идетъ о

---

*) Если бы предложили какому нибудь человѣконенавистнику причинить бѣдствіе роду людскому, то онъ не могъ бы изобрѣсть ничего хуже вѣры въ непостижимое существо, съ которымъ люди никогда не могли бы сноситься и которое было бы для нихъ важнѣе собственной жизни. Diderot: Entretien d'un philosophe avec la Maréchale etc.

**) Catechisme universel par Saint Lambert et la loi naturelle pas Ving.

***) Supplement au voyage le Bongalnvilee.

****) Его чудныя сказки: бесѣды отца съ дѣтьми и племянникъ Рамо.

разъясненіи первоначальныхъ импульсовъ, онъ вставляетъ, рядомъ съ самолюбіемъ, независимое и почетное мѣсто, для состраданія, симпатіи, доброжелательности, „благотворительности", для всѣхъ благородныхъ движеній сердца, которое отдается, жертвуетъ собой безотчетно и безвозвратно. Но рядомъ съ нимъ есть и другіе авторы, холодные и ограниченные, по математическому методу идеологовъ *) конструирующіе основы нравственности на манеръ Гоббса. Имъ нужно только одну движущую силу, простую и осязаемую, совсѣмъ грубую, почти механическую, исключительно физіологическую естественную склонность, которая велитъ животному избѣгать страданія и искать удовольствія. „Страданіе и удовольствіе,—говоритъ Гельвецій,—суть единственныя пружины нравственнаго міра, а чувство любви къ самому себѣ есть единственное основаніе, на которомъ можно установить фундаментъ утилитарной морали. Какой другой мотивъ, кромѣ личной выгоды, могъ бы заставить человѣка рѣшиться на благородные поступки. Для него такъ же невозможно любить добро для добра, какъ зло для зла**).

„Принципы естественнаго закона, ****) говорятъ ученики, сводятся къ единственному основному принципу,—сохраненію самого себя".

„Сохранить себя, добыть счастія"—вотъ инстинктъ, право и обязанность.

„О вы ****), говоритъ природа, которые, при помощи импульса, даннаго мной, стремитесь къ счастью въ каждый моментъ вашего существованія, не противьтесь моему самодержавному закону, работайте для своего благополучія, наслаждайтесь безъ боязни, будьте счастливы. Но, чтобы быть счастливымъ, способствуйте счастію другихъ; если вы хотите, чтобы они были полезны вамъ, будьте полезны имъ, ваша выгода, вѣрно понятая, повелѣваетъ вамъ служить имъ. Во всю свою жизнь, „съ рожденія до смерти каждый человѣкъ нуждается въ другихъ людяхъ.

„Живите же для нихъ, чтобы они жили для васъ".

„Будьте добры, такъ какъ доброта соединяетъ всѣ сердца; будьте нѣжны, потому что нѣжность привлекаетъ сочувствіе; будьте скромны, такъ какъ гордость бунтуетъ людей, много о себѣ мнящихъ... Будьте гражданами, потому что отечество необходимо для вашей безопасности и вашего благосостоянія. Защищайте вашу страну, ибо это она заключаетъ въ себѣ ваше достояніе и дѣлаетъ васъ счастливыми". Такимъ образомъ, добродѣтель есть только дальновидный эгоизмъ, человѣкъ не имѣетъ иного повода дѣлать добро, кромѣ страха сдѣлать зло, и, когда онъ жертвуетъ собой,

---

*) Volney, ibid. „Естественный законъ... заключается цѣликомъ въ фактахъ, демонстрированіе которыхъ безпрестанно можетъ повторяться нашимъ чувствамъ и можетъ составить столь же ясную, сколь и точную, какъ геометрія и математика.

**) «Helocfuis» de l'Esprit.

***) Volney ib. us III. S. Lambertu. Первый діалогъ.

****) Baron Holbach, Systême de la nature.

то это для своей выгоды. Можно идти быстро и зайти далеко по этой наклонной плоскости. Коль скоро для каждаго есть единственное правило быть счастливымъ, каждый хочетъ стать имъ въ одну минуту, всякій по своему; стадо распущенныхъ аппетитовъ бросается впередъ и спачала опрокидываетъ всѣ преграды; тѣмъ болѣе, что ему всегда доказывали, что всѣ преграды вредны, придуманы хитрыми и злобными пастухами, чтобы лучше доить и стричь стадо.

„Состояніе общества есть состояніе войны государя противъ всѣхъ и каждаго изъ членовъ общества противъ остальныхъ *).

Мы видимъ по всему лицу земли лишь несправедливыхъ властителей, неспособныхъ, разслабленныхъ роскошью, испорченныхъ лестью, развращенныхъ распущенностью и безнаказанностью, лишенныхъ талантовъ, морали и добродѣтели... Человѣкъ золъ не самъ по себѣ, а потому, что его сдѣлали такимъ". „Хотите ли вы **) знать краткую исторію почти всѣхъ нашихъ несчастій? Вотъ она: жилъ естественный человѣкъ, откуда то привели къ нему культурнаго человѣка, и онъ поднялъ въ пещерѣ гражданскую войну, которая длится цѣлую жизнь... Если вы разсчитываете стать тираномъ естественнаго человѣка, отравите его прежде всего моралью, противной природѣ, создайте ему путы всякаго рода, затрудняйте его движенія тысячью препятствій, свяжите его призраками, которые могутъ его устрашить... Если вы хотите сдѣлать его счастливымъ и свободнымъ, не вмѣшивайтесь въ его дѣла... И будьте всегда убѣждены, что не для васъ, а для себя самихъ эти мудрые законодатели сдѣлали васъ такими неестественными, какими вы являетесь теперь. Въ этомъ я ссылаюсь на всѣ установленія, политическія, гражданскія и религіозныя; изучите ихъ глубже, и я очень ошибаюсь, если вы не увидите родъ человѣческій, сгибающійся изъ вѣка въ вѣкъ подъ ярмомъ, которое позволила себѣ положить на него горсточка плутовъ. Не вѣрьте тому, кто хочетъ ввести порядокъ; приказывать, это всегда значитъ дѣлать себя господиномъ другихъ, принуждая ихъ. Слишкомъ много принужденія! Страсти сильны и если стадо, наконецъ, захочетъ ѣсть вволю, его первой заботой будетъ смять своими деревянными башмаками украшенныхъ митрами и коронами вождей, поставившихъ его въ загородки, чтобы лучше эксплуотировать.

VI.

Возвращеніе къ природѣ, это, такъ сказать, упраздненіе общества: таковъ боевой кличъ всего батальона энциклопедистовъ. Тотъ же самый кличъ поднимается съ другой стороны, со стороны батальона Руссо и соціалистовъ, который въ свою очередь стремится штурмовать установленный порядокъ. Подкопъ, который онъ ведетъ подъ укрѣпленія послѣдняго, кажется болѣе узкимъ, но от-

*) Baron Holbach, „Système de la nature" I. Зутъ.
**) Diderot. Supplément du voyage de Bougainville.

того лишь еще болѣе дѣйствительнымъ, а разрушительное орудіе, которымъ онъ пользуется, есть та же новая идея о человѣческой природѣ. Руссо пришелъ къ ней помощью изученія своего собственнаго сердца: человѣкъ странный, возвышенный, носившій, однако, въ себѣ съ дѣтства зародышъ безумія, къ концу жизни совершенно сошедшій съ ума; умъ дивный и плохо уравновѣшенный, въ которомъ ощущенія, эмоціи и образы были слишкомъ сильны: въ одно и то же время слѣпой и прозорливый; истинный поэтъ, но поэтъ больной, вмѣсто предметовъ видѣвшій свои мечты, жившій какъ въ романѣ и умершій въ кошмарѣ, созданномъ имъ же самимъ, неспособный обуздывать себя *) и владѣть собою, принимающій свои рѣшенія за поступки, пожеланія за рѣшенія, а роль, которую онъ на себя бралъ, за характеръ, въ наличность котораго у себя онъ вѣрилъ; во всёмъ несходный съ обычаями свѣта, упорствующій, оскорбляющійся, пачкающійся во всей грязи, встрѣчающейся на его пути, совершающій странные поступки, гадости и преступленія и, несмотря на это, сохраняющій до конца нѣжную и глубокую чувствительность, гуманность, мягкость, даръ слёзъ, способность любить, страсть къ справедливости, религіозное чувство, энтузіазмъ, подобно живымъ корнямъ, въ которыхъ всегда бродитъ благородный сокъ, тогда какъ стволъ и вѣтви слабѣютъ, обезображиваются или вянутъ отъ суровости воздуха. Какъ объяснить такой контрастъ? Какъ Руссо объясняетъ его самъ? Критикъ, психологъ увидѣлъ бы тутъ только исключительный случай, слѣдствіе необыкновенной и разстроенной структуры ума, подобной Гамлету, Шаттерану, Рене, Вертеру, годной для поэзіи, не годной для жизни. Руссо обобщаетъ: будучи занятъ собой до маніи, не видя въ мірѣ ничего кромѣ одного себя, онъ воображаетъ человѣка по своему подобію и „описываетъ его такимъ, какимъ считаетъ себя“. Сверхъ того, самолюбіе играетъ тутъ большую роль: очень пріятно быть типомъ человѣка. Статуя, когда ее поднимаютъ, получаетъ отъ этого гораздо болѣе значенія. Возвышаешься самъ въ своихъ глазахъ, когда, исповѣдуясь, вѣришь, что исповѣдуешь весь родъ людской.

Руссо созываетъ поколѣніе трубнымъ голосомъ послѣдняго суда и смѣло является тамъ передъ глазами людей и верховнаго судьи: пусть кто-нибудь скажетъ, если онъ смѣетъ: „я поступалъ лучше чѣмъ этотъ человѣкъ“ **). Всѣ нечистыя сдѣлки, которыя онъ за-

---

*) Это собственныя слова Руссо (Rousseau juge de Jean Jacques, третій разговоръ. 193). „Откуда же художникъ и пѣвецъ природы, теперь такъ обезображенной и оклеветанной, можетъ достать свою модель, какъ не изъ своего собственнаго сердца?“.

**) Rousseau. Confessions. Книга I и конецъ V. Первое письмо къ Malesherbes... „я знаю всѣ свои недостатки и живо чувствую всѣ свои пороки. Но при всемъ этомъ я умру съ убѣжденіемъ, что никто изъ всѣхъ людей, которыхъ я зналъ въ своей жизни, не поступалъ лучше меня“; и къ m-me B. 16-го марта 1770 г... „Вы подарили меня уваженіемъ за мои писанія. Вы одарили бы меня еще больше за мою жизнь, если бы знали ее и еще болѣе за мое сердце, если бы оно было открыто вашимъ глазамъ. Никогда не было лучшаго, болѣе нѣжнаго и болѣе справедливаго сердца. Всѣ мои несчастія постигли меня только изъ моихъ добродѣтелей“. Къ г. де-la-Four. „Кто не восторгается мной, недостоинъ меня“.

ключалъ, приходили извнѣ. Его пороки и низости надо приписать обстоятельствамъ: „Если бы я попалъ въ руки лучшаго учителя... я былъ бы добрымъ христіаниномъ, хорошимъ отцомъ семейства, добрымъ другомъ, хорошимъ работникомъ, хорошимъ человѣкомъ вообще". Такимъ образомъ, во всемъ виновато общество. А человѣкъ, по природѣ вообще хорошъ. „Его первыя движенія всегда справедливы. Основной принципъ всей нравственности, который я обсуждалъ въ моихъ сочиненіяхъ, тотъ, что человѣкъ—существо, по природѣ доброе, любящее справедливость и порядокъ... Emile въ особенности есть лишь трактатъ о природной добротѣ человѣка, предназначенный къ тому, чтобъ показать, какимъ образомъ порокъ и ошибка, чуждые его строенію, прививаются ему извнѣ и нечувствительно измѣняютъ его. Природа создала человѣка счастливымъ и добрымъ, общество его развращаетъ и дѣлаетъ несчастнымъ *). Очистите его мысленно отъ его искусственныхъ привычекъ, отъ его добавочныхъ нуждъ, отъ его ложныхъ предразсудковъ, избирайте системы, прислушивайтесь къ внутреннему чувству, позвольте святому инстинкту и сознанію руководить вами и вы обрѣтете первобытнаго Адама, похожаго на статую, которая, упавши въ болото, надолго исчезла подъ корой плѣсени и тины, но, будучи освобождена изъ своего грязнаго футляра, сможетъ снова взойти на пьедесталъ во всемъ совершенствѣ формъ и во всей непорочности своей бѣлизны. Вокругъ этой центральной идеи строится доктрина спиритуалистовъ. Столь благородное существо не можетъ быть простой совокупностью органовъ; въ немъ есть кое-что еще кромѣ матеріи; впечатлѣнія, которыя онъ получаетъ отъ внѣшнихъ чувствъ, вовсе не составляютъ его всего. „Я не только чувствительное и страдательное существо **), но существо дѣятельное и разумное и, что бы тамъ ни говорила философія, я осмѣливаюсь претендовать на честь мыслить". Больше того, это мыслительное начало, по крайней мѣрѣ, въ человѣкѣ—есть начало высшаго порядка. „Пусть мнѣ покажутъ другое животное на землѣ, которое умѣетъ произвести огонь и восхищаться солнцемъ. Какъ! я могу наблюдать, познавать существа и ихъ взаимныя отношенія, я могу чувствовать, что такое порядокъ, красота, добродѣтель; я могу созерцать вселенную, возноситься къ десницѣ, которая ею управляетъ; я могу любить добро, творить его, и уподоблю себя животнымъ! Человѣкъ свободенъ, онъ воленъ въ выборѣ своихъ поступковъ, слѣдовательно, онъ творецъ своихъ дѣйствій и, значитъ, есть первопричина, „нематеріальная субстанція", отличная отъ тѣла, душа, которую тѣснитъ тѣло и которая можетъ его пережить. Голосомъ этой безсмертной души, заложенной въ тѣло, является сознаніе „сознаніе! божественный инстинктъ, безсмертный и небесный голосъ, увѣренный руководитель существа невѣжественнаго и ограниченнаго, но разумнаго и свободнаго, непогрѣшимый судья добра и зла, уподобляющій чело-

---

*) Lettre à m-me de Beaumont. 24. Rousseu juge de Jean-Jacques. Третій разговоръ. 193.

**) Emile. Profession de foi.

вѣка Богу, это въ тебѣ превосходство его природы!"—Рядомъ съ самолюбіемъ, при помощи котораго мы подчиняемъ себѣ, все есть любовь къ порядку, при помощи которой сами мы подчиняемся всему. Рядомъ съ эгоизмомъ, который заставляетъ человѣка стремиться къ счастію даже въ ущербъ другимъ, есть симпатія, при помощи которой оно ищетъ счастія для других, даже въ ущербъ себѣ. Одно личное наслажденіе его не удовлетворяетъ: ему нужно еще спокойствіе совѣсти и откровенность. Вотъ человѣкъ, какимъ создалъ и хотѣлъ создать его Богъ. Нѣтъ ни малѣйшаго недостатка въ его строеніи. Болѣе низменныя части служатъ тому же, чему и возвышенныя: все необходимо, пропорціонально, на своемъ мѣстѣ, не только сердце, совѣсть, разумъ и способности, которыми мы превосходимъ скотовъ, но и наклонности, общія намъ съ животными, инстинктъ самосохраненія и самозащиты, потребность въ физическомъ движеніи, половое влеченіе и прочіе примитивные импульсы, такіе, какими ихъ констатируютъ у ребенка, у дикаря, у человѣка некультурнаго! Ни одинъ изъ нихъ, взятый самъ по себѣ, не порочекъ, не пагубенъ. Ни одинъ ни силенъ черезъ-чуръ, даже любовь къ самому себѣ. Ни одинъ не разыгрывается не во время. Если мы не вмѣшаемся, не наложимъ на нихъ стѣсненій, если мы позволимъ каждому изъ ихъ жизненныхъ источниковъ течь по своей наклонности, если мы не заключимъ ихъ въ темницу своихъ обычаевъ, искусственныхъ и грязныхъ, мы никогда не увидимъ ихъ пѣнящимися и помутившимися. Мы поражаемся ихъ грязью и опустошительностью; мы забываемъ, что по своему происхожденію они безобидны и чисты. Ошибка въ насъ, въ общественныхъ перегородкахъ, въ зараженныхъ и суровыхъ каналахъ, по которымъ мы ихъ направляемъ, обезображиваемъ, заставляемъ застаиваться или кипѣть. „Это сами ваши правительства причиняютъ вамъ тѣ бѣдствія, исцѣленія которыхъ вы ждете отъ нихъ же... Желѣзные скипетры! безумные законы! Васъ должны мы упрекать въ томъ, что не имѣли возможности выполнить нашихъ обязанностей на землѣ! Снимите эти плотины, созданія тираніи и рутины; освобожденная природа тотчасъ же снова пойдетъ своимъ настоящимъ и нормальнымъ ходомъ и человѣкъ, безо всякихъ усилій, снова увидитъ себя не только счастливымъ, но и добродѣтельнымъ.

Съ этого пункта начинается атака; и нѣтъ другого, гдѣ бы она проникала дальше, или гдѣ велась бы съ такою страстной враждой. До сихъ поръ выставляли господствующія учрежденія стѣснительными и ненужными, теперь же ихъ обвиняютъ, кромѣ того, въ томъ, что они несправедливы и испорчены. Возстали не только разумъ и аппетиты, возмутились также совѣсть и гордость. По Вольтеру и Монтескье все, на что я могу надѣяться, это— немножко поменьше бѣдствій. По Дидро и Гольбаху я только на горизонтѣ различаю блистающее. Эльдорадо или покойную Цитеру. По Руссо мнѣ рукой достать Эдемъ, гдѣ сразу же я обрѣту мое благородство, нераздѣльное отъ моего счастья. Я имѣю на него

*) Emile. Книга 1-я. Письмо къ m-me de Beaumont.

право; природа и провидѣніе призываютъ меня туда, это—мое наслѣдіе. Только самовластное учрежденіе отстраняетъ меня отъ него и создаетъ не только мои пороки, но также и мои несчастія *).

Съ какимъ же гнѣвомъ и жаромъ брошусь я на обветшалую преграду! Можно догадаться, что новая доктрина отличается пылкимъ тономъ, угрюмымъ стилемъ, мрачнымъ краснорѣчіемъ. Тутъ дѣло идетъ уже не о шуткахъ и забавахъ. Все сплошь серьезно. Здѣсь звучитъ негодованіе, и мощный голосъ, возвышаясь, проникаетъ за салоны, достигаетъ страдающей и простой толпы, къ которой еще никто не обращался, глухая злоба, которая въ первый разъ встрѣчаетъ истолкователя и разрушительные инстинкты которой скоро придутъ въ движеніе въ отвѣтъ на зовъ своего глашатая. Rousseau вышелъ изъ народа, а не изъ общества. Въ салонѣ онъ стѣсняется **), не умѣетъ говорить, быть любезнымъ. Красивыя слова у него появляются уже послѣ, на лѣстницѣ; онъ молчитъ съ мрачнымъ видомъ или говоритъ нелѣпости и избавляется отъ неловкости только грубой выходкой или педантической сентенціей. Элегантность его раздражаетъ, роскошь стѣсняетъ, вѣжливость кажется ему ложью, бесѣда—болтовней, хорошій тонъ—кривляніемъ, веселость—условностью, умъ—выставкой, наука—шарлатанствомъ, философія — жеманствомъ, обычаи,—застоемъ. Здѣсь все искусственно, лживо и нездорово, начиная съ румянъ, туалетовъ и красоты женщинъ и кончая воздухомъ аппартаментовъ, приправами обѣда, чувствами и удовольствіями, литературой и музыкой, управленіемъ и религіей.

Эта цивилизація, которая апплодируетъ только кривлянью раздраженныхъ и раболѣпныхъ обезьянъ, подражающихъ другъ другу и развращающихъ другъ друга, чтобы дойти утонченностью до недовольста и скуки. Такимъ образомъ, человѣческая культура дурна сама по себѣ, и плоды, которыя она порождаетъ, это—злокачественные наросты и яды. На что годны науки,—неувѣренныя, безполезныя, онѣ только пастбище для диспутантовъ и праздношатающихся.

Кто сталъ бы проводить жизнь за безплодными созерцаніями, если бы каждый, слушаясь только обязанностей человѣка и потребностей природы, имѣлъ время единственно для отечества, для несчастныхъ и для своихъ друзей.

На что годны изящныя искусства. Они только публичная лесть господствующимъ страстямъ.

„Чѣмъ комедія болѣе совершенна и пріятна, тѣмъ пагубнѣе ея эффектъ", и театръ, даже у Мольера,—школа порчи нравовъ,

*) Отдѣлъ I. Всѣ французы будутъ добродѣтельны. Отдѣлъ II. Всѣ французы будутъ счастливы. (Проектъ конституцій, найденный въ бумагахъ Сисмонди, тогда еще школьника).

**) Confessions. Руссо. „Я не понимаю какъ можно говорить въ обществѣ. Я торопливо бормочу отдѣльныя слова безо всякой мысли и очень счастливъ, если онѣ не имѣютъ никакого значенія.—Я любилъ бы общество, какъ и всякій другой, если бы не былъ увѣренъ, что я тамъ показываю себя не только въ невыгодномъ свѣтѣ, но совсѣмъ инымъ человѣкомъ, чѣмъ на самомъ дѣлѣ".

„такъ какъ оно побуждаетъ вѣроломныхъ людей наказывать подъ видомъ глупости непорочность честныхъ людей“. Трагедія, которую называютъ нравственной, растрачиваетъ въ лживыхъ изліяніяхъ то немногое изъ добродѣтели, что у насъ еще осталось. „Когда человѣкъ начинаетъ восхищаться въ басняхъ прекрасными поступками, чего еще требовать отъ него? Не расквитался ли онъ съ добродѣтелью той данью почтенія, которую онъ отдаетъ ей? Чего хотятъ отъ него еще болѣе? Чтобы онъ самъ практиковался въ ней? Онъ не обязанъ играть роли—онъ не комедіантъ“.— Науки, изящныя искусства, искусства, служащія роскоши, философія, литература, все это хорошо только для изнѣживанія и развлеченія духа; все это служитъ только толпѣ блестящихъ и шумливыхъ насѣкомыхъ, которыя жужжатъ на вершинѣ общества и высасываютъ изъ народа весь сокъ. Дѣйствительная наука, единственная и необходимая, это наука о нашихъ обязанностяхъ, и одного внутренняго чувства, безъ всякихъ тонкостей и изученій, достаточно, чтобъ объяснить ее намъ. Изъ искусствъ терпимы только тѣ, которыя, удовлетворяя нашимъ насущнымъ потребностямъ, даютъ намъ хлѣбъ, чтобъ питать насъ, крышу, чтобъ пріютить насъ одежду, чтобъ прикрыть насъ, оружіе, чтобъ защищать насъ. Что касается жизни—единственно здоровая та, которую проводятъ въ поляхъ, безъ изысканности, безъ шума, въ кругу семьи, въ занятіяхъ культурой продуктовъ, которые производитъ земля, между сосѣдями, къ которымъ относишься, какъ къ равнымъ, и слугами, съ которыми обходишься, какъ съ друзьями. Изъ классовъ - единственный достойный уваженія,—это классъ людей трудящихся, преимущественно же работающихъ руками: ремесленниковъ, земледѣльцевъ, единственныхъ истинно-полезныхъ, единственныхъ, которые, приближаясь по условіямъ своего существованія къ естественному состоянію сохраняютъ, подъ грубой оболочкой жаръ, доброту и прямоту первобытныхъ инстинктовъ. Назовите же настоящимъ именемъ эту элегантность, эту роскошь, эту учтивость, эту деликатность литературы, это философское безстыдство, которыми предразсудокъ восхищается, какъ цвѣтомъ человѣческой жизни. Они только плѣсень. Равно оцѣните по дѣйствительной стоимости стаю, которая всѣмъ этимъ питается, я хочу сказать—незанятую аристократію, весь такъ называемый „свѣтъ привилегированныхъ, которые командуютъ и представительствуютъ, бездѣльниковъ салоновъ, которые болтаютъ, наслаждаются и считаютъ себя цвѣтомъ человѣчества; они—только паразиты его. Паразиты и плѣсень, одно притягиваетъ другое, и дерево примется хорошо только тогда, когда мы освободимъ его отъ обоихъ.

Если цивилизація дурна, общество еще хуже *), ибо оно можетъ возникнуть, только уничтоживъ первобытное равенство, и два его основныхъ института: собственность и управленіе—суть узурпаціи. „Первый, кто, огородивъ кусокъ земли, осмѣлился ска-

*) Общество такъ же естественно для человѣческаго рода, какъ дряхлость для индивидуума. Искусства и науки, правительство такъ же нужны народамъ, какъ костыли старику. „Lettres“ m. Philopolis, 248.

зать:—„это мое", и нашелъ людей, достаточно простодушныхъ, чтобъ ему повѣрить, былъ истинный основатель гражданскаго общества. Отъ сколькихъ преступленій, войнъ, убійствъ, отъ сколькихъ несчастій и ужасовъ избавилъ бы родъ людской тотъ, который бы крикнулъ подобнымъ себѣ, вырывая колья и засыпая ровъ: „Берегитесь слушать этого обманщика, вы погибли, если забудете, что продукты принадлежатъ всѣмъ, а земля—никому!".

Первое обращеніе въ собственность было воровствомъ, въ которомъ индивидумъ укралъ у общества часть общественныхъ имуществъ. Ничто не можетъ служить оправданіемъ его посягательства,—ни его трудолюбіе, ни его труды, ни стоимость, которую онъ прибавилъ къ почвѣ. Онъ можетъ говорить: „Я построилъ эту стѣну, а этотъ кусокъ земли заработалъ своимъ трудомъ". Кто позволилъ тебѣ провести межу, можно было бы отвѣтить ему,—и на какомъ основаніи претендуешь ты расплачиваться работой, которую никто на тебя не налагалъ. Развѣ ты не знаешь, что множество твоихъ братьевъ погибаетъ или страдаетъ, нуждаясь въ томъ, что ты имѣешь съ избыткомъ и что тебѣ нужно было ясное и единодушное согласіе всего рода людского, чтобъ сдѣлать тебя собственникомъ всего того, что превышаетъ самое необходимое для поддержанія существованія.

Въ этой теоріи замѣтенъ личный оттѣнокъ—злоба бѣднаго ожесточеннаго плебея, который, вступивъ въ свѣтъ, нашелъ всѣ мѣста занятыми и не сумѣлъ достать себѣ ни одного; плебея, который отмѣчаетъ въ своей исповѣди день, послѣ котораго онъ пересталъ голодать, который, за неимѣніемъ лучшаго, живетъ со служанкой и помѣщаетъ своихъ пятерыхъ дѣтей въ воспитательный домъ, который поочередно—лакей, приказчикъ, богема, учитель, паяцъ, постоянно насторожѣ и не зная за что ухватиться, чтобъ поддержать свою независимость, возмущенный контрастами между обстоятельствами, отъ которыхъ онъ претерпѣвалъ, и душой, которую онъ чувствовалъ въ себѣ, и хранящій въ глубинѣ своего сердца старинную горечь „противъ богатыхъ и счастливыхъ міра сего, какъ будто они были таковыми на его счетъ и какъ будто ихъ ложное счастье было узурпаціей его счастья!" Собственность несправедлива не только по своему происхожденію, но еще и потому, что она притягиваетъ на свою сторону власть, и ея вредъ разростается какъ язва, благодаря пристрастію закона, „всѣ общественныя *) преимущества не являются ли удѣломъ сильныхъ и богатыхъ? Не ими ли одними заняты всѣ доходныя должности? И не къ ихъ ли услугамъ вся общественная власть? Если уважаемый человѣкъ обкрадываетъ своихъ кредиторовъ или совершаетъ другія мошенничества, не увѣренъ ли онъ въ своей безнаказанности. Палочные удары, которые онъ расточаетъ, жестокости, которыя онъ совершаетъ, злодѣйства и убійства, въ которыхъ онъ виновенъ, не заминаются ли всѣ эти дѣла такъ, что къ концу шести мѣсяцевъ о нихъ никто не спрашиваетъ?—Если же этого человѣка обворуютъ, то вся полиція тотчасъ приходитъ въ движеніе, и горе

*) Discours sur l'économie politique, 328.

тому кого онъ подозрѣваетъ! Проходитъ ли онъ по опасному мѣсту, его сопровождаетъ конвой. Если сломается ось его носилокъ, все летитъ къ нему на помощь. Раздается ли шумъ за дверью, онъ говоритъ слово и все замолкаетъ. Безпокоитъ ли его толпа, онъ дѣлаетъ знакъ и всѣ уступаютъ ему дорогу. Если на встрѣчу ему попадется извозчикъ, то его челядь готова убить его. И скорѣе пятьдесятъ пѣшеходовъ будутъ раздавлены, чѣмъ хотя немножко опоздаетъ этотъ бездѣльникъ въ экипажѣ. Все это почтеніе не стоитъ ему ни гроша, оно право богатаго, а не цѣна за богатства. Сколь отличную отъ всего этого картину представляетъ бѣднякъ! Чѣмъ болѣе ему слѣдуетъ, тѣмъ скорѣе общество ему отказываетъ. Для него закрыты всѣ двери даже тогда, когда онъ имѣетъ право заставить ихъ раскрыться, и самой маленькой справедливости онъ добьется съ бóльшимъ трудомъ, чѣмъ другой милости. Вотъ когда дѣло идетъ о барщинѣ или наборѣ войскъ, ему отдаютъ предпочтеніе. И онъ несетъ всегда, кромѣ своихъ повинностей, еще и тѣ, которыхъ его богатый сосѣдъ, благодаря своему значенію, можетъ избѣгнуть. При каждомъ несчастіи, которое съ нимъ случается, всѣ удаляются отъ него. Опрокинься его бѣдная телѣга,—я его почту счастливымъ, если проѣзжая, онъ избѣжитъ оскорбленій со стороны распущенной дворни молодого герцога. Однимъ словомъ, всякая добровольная помощь избѣгаетъ его въ нуждѣ преимущественно потому, что ему нечѣмъ заплатить за нее.

Но я сочту его погибшимъ, если у него, къ несчастію, есть честная душа, милая дочь и богатый сосѣдъ.

Резюмируемъ въ четырехъ словахъ общественный договоръ двухъ сословій: „ты нуждаешься во мнѣ потому, что я богатъ, а ты бѣденъ. Условимся же: я позволяю тебѣ имѣть честь служить мнѣ съ условіемъ, что за трудъ отдавать тебѣ приказанія, который я принимаю на себя, ты мнѣ отдашь все то немногое, что у тебя осталось". Такимъ представляется намъ духъ, цѣль и слѣдствія политическаго общества.

По происхожденію своему, общество было несправедливымъ договоромъ, который, будучи заключенъ между ловкимъ богáтымъ и обманутымъ слабымъ, но Руссо, „прибавилъ новыя путы слабому и новыя силы богатому и, подъ именемъ законной собственности, освятилъ несправедливое присвоеніе земли". Въ настоящее время это—договоръ еще болѣе несправедливый. „Благодаря ему, ребенокъ можетъ приказать старику, идіотъ предводительствуетъ умными людьми, горсточка людей утопаетъ въ излишествахъ, тогда какъ голодному большинству не хватаетъ самаго необходимаго".

Неравенству, по самой его природѣ, свойственно возрастать, вотъ почему власть однихъ увеличивается одновременно съ зависимостью другихъ до тѣхъ поръ, пока наконецъ, оба состоянія не дойдутъ до своей крайности, когда наслѣдственное и вѣчное подданство народа, какъ и наслѣдственный и вѣчный деспотизмъ короля начинаютъ казаться божественнымъ правомъ. Вотъ настоящее положеніе вещей и если оно мѣняется, то—къ худшему*). „Ибо все за-

*) Discours sur l'inégalité. 1783. Contrat social, I, глава IV.

нятіе королей" или тѣхъ, на кого они возлагаютъ свои функціи, состоитъ въ томъ, чтобы распространять свое господство во внѣ и дѣлать его болѣе абсолютнымъ внутри. Если они ссылаются на другую цѣль, это только отговорка

Слова „общественное благо, счастье подданныхъ, слава націи", такъ неловко употребляемыя въ публичныхъ указахъ, возвѣщаютъ только вредные порядки и народъ стонетъ уже авансомъ, когда его господа начинаютъ говорить ему о своихъ отеческихъ заботахъ.—Но дойдя до такого рокового состоянія, „правительственный договоръ расторгается; деспотъ является господиномъ лишь тогда, когда онъ наиболѣе силенъ, а какъ только есть возможность его изгнать, ему не стоитъ и противиться силѣ". Ибо право получается только договоромъ, а ни права, ни договора не можетъ быть между рабомъ и господиномъ.

Чего бы ни касалось нижеслѣдующая бесѣда: — отношенія ли человѣка къ человѣку или человѣка къ народу, она всегда одинаково безсмысленна: „Я заключаю съ тобой условіе: весь убытокъ тебѣ, а барышъ мнѣ, и соблюдать его я буду, сколько мнѣ угодно, а ты также — сколько мнѣ угодно". Пусть безумцы подписываютъ такіе договоры; на то они и безумцы; они не въ состояніи договориваться и ихъ подпись не годится. Пусть побѣжденные поверженные на землю и съ мечомъ у груди, принимаютъ эти условія, такъ какъ они дѣйствовали по принужденію, то ихъ обѣщаніе—ничто. Пусть побѣжденные или безумцы, тысячу лѣтъ назадъ, связали договоромъ всѣ послѣдующія поколѣнія: если можно договариваться за ребенка, то нельзя—за совершеннолѣтняго, и когда ребенокъ достигаетъ полнаго возраста, онъ принадлежитъ только самому себѣ. Въ концѣ концовъ вотъ мы—взрослые и намъ нужно только совершить разумный поступокъ, сбавивъ цѣну притязаніямъ власти, которая величаетъ себя законной. Въ ней есть сила—больше ничего. Но и „пистолетъ въ рукахъ разбойника—та же сила". Скажите же по совѣсти, неужели я долженъ отдать ему свой кошелокъ? Я подчиняюсь только силѣ, и возьму назадъ свой кошелекъ, какъ только буду въ состояніи отнять у разбойника пистолетъ.

VII.

Остановимся здѣсь; не стоитъ труда слѣдовать за блудными сыновьями партіи — Naigon'омъ и Sylvan Marechal'омъ, Mably и Morelly, фанатиками, которые декретируютъ атеизмъ, какъ обязательную догму. Высшій долгъ за соціалистами, которые, чтобъ подавить эгоизмъ, предлагаютъ общность имуществъ и основываютъ республику, въ которой каждый человѣкъ, который захотѣлъ бы возстановить, „отвратительную собственность", объявляется врагомъ человѣчества, третируется съ „безумной яростью" и на всю жизнь заключается въ темницу.—Достаточно прослѣдить за главнымъ корпусомъ арміи и наиболѣе крупными осадами. При помощи разнородныхъ машинъ и противоположныхъ тактовъ, различныя аттаки достигли одной цѣли. Подъ самое основаніе всѣхъ учрежденій сдѣлавъ под-

конъ. Господствующая философія отняла весь авторитетъ у обычая, религіи, государства. Признано, что традиція не только ложна сама по себѣ, но что она еще и губительна своими дѣлами, что при помощи ошибки она создаетъ несправедливость, а своей слѣпотой ведетъ человѣка къ порабощенію. И отнынѣ она приговорена къ смерти. „Уничтожимъ позоръ“ и его виновниковъ. Она—зло для рода человѣческаго, и когда зло будетъ подавлено, останется только добро. „Придетъ же тотъ моментъ, когда солнце будетъ сіять только свободнымъ людямъ на землѣ, признающимъ своимъ господиномъ только разумъ, гдѣ тираны и рабы, попы и ихъ глупыя или лицемѣрныя орудія будутъ существовать только въ исторіи и на театральной сценѣ; гдѣ ими будутъ заниматься лишь для того, чтобъ пожалѣть ихъ жертвы и обманутыхъ ими, чтобы поддерживать въ себѣ ужасомъ передъ ихъ насиліями полезную бдительность, для того, чтобы умѣть распознать и раздавить подъ тяжестью разума первые зародыши суевѣрія и тираніи, если бы они осмѣлились появиться. Царствіе Божіе наступитъ и водворитъ его только разумъ. Такимъ образомъ, мы будемъ обязаны только его спасительной власти основаніемъ новаго и разрушеніемъ стараго строя.

ГЛАВА IV.

Строеніе будущаго общества.—I. Математическій методъ.—Общественный договоръ.—Независимость и равенство договаривающихся.—Всѣ будутъ равны передъ закономъ и каждый будетъ имѣть свою часть во власти.—II. Первые выводы.—Примѣненіе этой теоріи легко.—Причины увѣренности и убѣжденія, что человѣкъ по существу разуменъ и добръ.—III. Неудовлетворительность и непрочность человѣческаго разума. — Неудовлетворительность и недостатокъ разума въ человѣчествѣ.—Подчиненное положеніе разума въ поведеніи человѣка.—Грубыя и опасныя способности.—Природа и польза правительствъ.—По новой теоріи.—По новой теоріи правительство дѣлается невозможнымъ.—IV. Слѣдующіе выводы.—По новой теоріи государство становится деспотомъ. — Предтечи этой теоріи. — Административная централизація.—Утопія экономистовъ.—Ни одно изъ старыхъ правъ непригодно.—Ни одна внѣгосударственная ассоціація не можетъ быть терпима. -Полное отчужденіе индивида обществу.—Права государства на собственность, воспитаніе и религію.—Государство —Спартанскій монастырь.—Полный тріумфъ и послѣдніе эксцессы классической мысли.—Какимъ образомъ она становится мономаніей.—Почему ея твореніе нежизнеспособно.

I.

Разсмотрите же общество, какимъ оно представлялось въ то время нашимъ кабинетнымъ законодателямъ и припомните, что оно представлялось въ такомъ же видѣ законодателямъ національнаго собранія. На ихъ взглядъ рѣшительный моментъ наступилъ *). Отнынѣ будутъ двѣ исторіи: одна—прошедшаго, другая—будущаго. Прежде исторія человѣка, но разумнаго. Наконецъ должно начаться царство права. Изъ всего того, что прошлое основало и передало

*) Barere. Point du jour, № 1, 15-го іюня 1789 г. „Вы призваны начать исторію“.

намъ, нѣтъ ничего законнаго. Кромѣ того, естественный человѣкъ передѣланъ въ искусственнаго, духовнаго или свѣтскаго, благороднаго или простого, короля или подданнаго, собственника или пролетарія, невѣжественнаго или ученаго, крестьянина или горожанина, раба или господина,—всѣ виды искусственности, которыхъ не стоитъ и пересчитывать, такъ какъ происхожденіе ихъ связано съ насиліемъ и обманомъ.

Снимемъ съ человѣка прибавленныя къ нему одежды, возьмемъ его самого по себѣ, одинаковаго во всѣхъ состояніяхъ, во всѣхъ положеніяхъ, во всѣхъ странахъ, во всѣ времена, и поищемъ того вида сообщества, который для него удобнѣе. Такимъ образомъ задача дана, рѣшеніе послѣдуетъ. Сообразно съ привычками классическаго духа и правилами господствующей идеологіи, конструируемъ политику по способу математики *).

Выдѣляютъ одно простое данное, очень общее, очень понятное, для разсмотрѣнія, очень несложное, которое самый невнимательный и самый невѣжественный ученикъ могъ бы легко схватить. Отбросьте всѣ различія, которыя отдѣляютъ одного человѣка отъ другихъ. Оставьте только часть общаго ему съ другими. Этотъ остатокъ есть человѣкъ вообще, другими словами, „чувствительное и разумное животное, которое, какъ таковое, избѣгаетъ страданія, ищетъ наслажденія и, слѣдовательно, стремится къ счастью, къ устойчивому положенію, въ которомъ испытываютъ болѣе удовольствія, чѣмъ страданія“, или еще „это чувствительное животное, способное разсуждать и пріобрѣтать нравственныя идеи“ **).

Каждый можетъ найти это понятіе въ собственномъ опытѣ и сразу провѣрить его самъ. Такова общественная единица. Соединимъ ихъ нѣсколько: тысячу, сто тысячъ, милліонъ, двадцать шесть милліоновъ—и вотъ вамъ французскій народъ. Предположите людей двадцати одного года отъ роду безъ родителей, безъ прошлаго, безъ традицій, безъ обязательствъ, безъ отечества, которые, собравшись въ первый разъ, начинаютъ сразу договариваться между собой. Въ этомъ состояніи, договариваясь всѣ вмѣстѣ, они всѣ равны; такъ какъ, по рѣшенію, мы откинули всѣ величины, внѣшнія и ненужныя, которыми они различались между собой. Всѣ свободны; ибо, по рѣшенію, мы уничтожили несправедливую зависимость, которую на нихъ наложили грубая сила и наслѣдственные предразсудки.—Но, будучи всѣ равными, они не имѣютъ никакого повода жаловать личныя преимущества скорѣе одному, чѣмъ другому. Такимъ образомъ, всѣ будутъ равны передъ закономъ, ни у одного лица, семейства или класса не будетъ привилегій; никто не можетъ провозглашать правъ, которыя могутъ сдѣлаться личными, никто не долженъ нести повинности, изъ которыхъ исключенъ другой; съ другой стороны, такъ какъ всѣ свободны, каждый входитъ со своей личной волей въ союзъ воли, который устанавливаетъ новое общество; надо, чтобы въ общемъ

*) Saint Lambert. Cathechisme unive rsel, первый разговоръ.

**) Condorcet. „Математическіе методы, примѣненные къ новымъ объектамъ, открыли первые пути политическимъ и нравственнымъ наукамъ“.

рѣшеніи каждый имѣлъ свою часть. Они договариваются только на этомъ условіи.

Онъ будетъ почитать законы только потому, что участвовалъ въ ихъ составленіи, и повиноваться судьямъ только потому, что участвовалъ въ ихъ избраніи. Въ сущности, всѣмъ законнымъ властямъ должно пріобрѣсти его согласіе или его голосъ, и въ самомъ скромномъ изъ гражданъ высшія общественныя власти обязаны признать своего повелителя. Никто не можетъ ни отчуждать, ни терять своей части во власти. Она неотдѣлима отъ лица, и когда онъ передаетъ ее въ пользованіе, онъ сохраняетъ на нее право собственности. Свобода, равенство, верховенство народа—вотъ въ чемъ заключаются первые параграфы общественнаго договора. Они строго выведены изъ первоначальнаго опредѣленія; изъ нихъ будутъ выведены не менѣе строго другія права гражданина: знаменитыя слова конституціи, политическіе или гражданскіе законы, короче говоря, форма и духъ новаго государства,

II.

Отсюда два вывода. Во-первыхъ, общество, построенное такимъ образомъ, есть единственно справедливое; ибо, въ противоположность всѣмъ другимъ, является не созданіемъ слѣпо подчиненной традиціи, а договоромъ, заключеннымъ между равными, договоромъ, разсмотрѣннымъ при всестороннемъ освѣщеніи и обдуманномъ съ полной свободой *).

Состоя изъ доказанныхъ теоремъ, общественный договоръ обладаетъ авторитетностью геометріи; вотъ почему онъ, какъ и геометрія, одинаково цѣненъ во всѣ времена, во всѣхъ странахъ, для всѣхъ народовъ: онъ установленъ самимъ правомъ. Каждый, кто ему препятствуетъ, врагъ рода человѣческаго: правительство, аристократія, церковь, кто бы онъ ни былъ—его надо убить. Возмущеніе противъ него есть только справедливая самозащита: когда мы освобождаемся изъ его рукъ, мы лишь отнимаемъ то, что несправедливо захвачено имъ и по закону принадлежитъ намъ.

Во-вторыхъ, общественный кодексъ, такой, какимъ его объявляютъ, долженъ, разъ обнародованный, примѣняться безъ затемнѣній и не допуская сопротивленій, ибо онъ являетъ извѣстный родъ нрав-

*) Руссо еще восхищался Монтескьё, собирая свои матеріалы, но съ тѣхъ поръ теорія развилась и всякое историческое право было отброшено. „Тогда,—говоритъ Condorcet (девятая эпоха),—считалось обязательнымъ отказаться отъ этой ложной и коварной политики, которая, забывая, что всѣ люди имѣютъ права равныя по самой ихъ природѣ, хотѣли измѣрить величину послѣднихъ, ставя ихъ въ зависимость отъ величины территоріи, отъ температуры климата, отъ національнаго характера, отъ богатства народа, отъ степени совершенства торговли и промышленности, раздѣлить неравномѣрно тѣ же самыя права между различными классами людей, согласно ихъ рожденію, богатству, профессіи и создать, такимъ образомъ, противоположные интересы, противоположныя силы, чтобы затѣмъ установить между ними равновѣсіе, которое сдѣлали необходимымъ единственно эти установленія и которое въ нихъ совсѣмъ не можетъ устранить опасныхъ вліяній.

ственной геометріи, болѣе простой, чѣмъ другая, приведенной къ простымъ элементамъ, основанной на самомъ ясномъ и самомъ простомъ понятіи, и ведущей кратчайшимъ путемъ къ важнымъ истинамъ. Чтобы понять и примѣнить эти истины, нѣтъ нужды въ предварительномъ изученіи и глубокомъ размышленіи: достаточно здраваго разсудка и здраваго смысла. Только предразсудокъ и личная выгода могутъ затемнить ихъ очевидность; но для здоровой головы и справедливаго сердца не бываетъ недостатка въ этой очевидности. Разъясните крестьянину или рабочему права человѣка и онъ тотчасъ же станетъ хорошимъ политикомъ. Заставьте передать дѣтямъ катехизисъ гражданина, и при выходѣ изъ школы они такъ же хорошо будутъ знать свои права и обязанности, какъ четыре правила. Послѣ этого надежда расправляетъ свои мощныя крылья: всѣ препятствія кажутся устраненными. Признается, что теорія изъ самой себя и въ силу самой себя порождаетъ практику: достаточно людямъ декретировать и принять общественный договоръ, чтобы однимъ ударомъ пріобрѣсть способность понимать его и охоту исполнять его.

Удивительная увѣренность, непонятная на первый взглядъ, предполагающая въ отношеніи человѣка представленіе, котораго мы уже не имѣемъ. Въ самомъ дѣлѣ, человѣка считали разумнымъ и добрымъ по существу! Разумнымъ, это значитъ способнымъ отдавать предпочтеніе ясному принципу, слѣдовать за теченіемъ отвлеченныхъ разсужденій, понимать и принимать конечное заключеніе, чтобы изъ него извлечь самостоятельно, при случаѣ, всѣ разнообразные выводы, которые оно заключаетъ; таковъ средній человѣкъ въ глазахъ писателей того времени: это потому, что они судили о немъ по самимъ себѣ. Для нихъ человѣческій разумъ,—это ихъ разумъ, классическій разумъ. Уже сто пятьдесятъ лѣтъ, какъ онъ царитъ въ литературѣ, въ философіи, въ наукѣ, въ поведеніи, въ бесѣдахъ, въ силу традиціи, привычки, хорошаго вкуса. Ничего другого не терпѣли, ничего другого не представляли; и если въ этотъ тѣсный кружокъ удавалось проникнуть постороннему лицу, то лишь при условіи употребленія витіеватаго языка, который предписывается резонерствующимъ разумомъ всѣмъ его гостямъ: грекамъ, англичанамъ, варварамъ, крестьянамъ и дикарямъ, въ такой же мѣрѣ различнымъ, въ какой они отличаются отъ него самого. У Бюффона первый человѣкъ, разсказывая о первыхъ часахъ своей жизни, анализируетъ свои ощущенія, свои эмоціи, свои мотивы такъ тонко, какъ бы это сдѣлалъ самъ Кондильякъ. У Дидро—таитянинъ Оту, у бернардинца Сэнъ-Пьера—полудикарь изъ Индостана и крѣпостной изъ Иль-де-Франса, у Руссо—деревенскій викарій, садовникъ, фигляръ,—оказываются говорунами и совершенными моралистами. У Мармонтеля, Флоріана, во всей маленькой литературѣ, которая предшествовала или сопутствовала Великой Революціи, въ театрѣ, трагическомъ или комическомъ, дѣйствующее лицо, кто бы оно ни было: некультурный крестьянинъ, татуированный варваръ, обнаженный дикарь,—прежде всего обладаетъ способностью изъясняться, разсуждать, слѣдить съ пониманіемъ и вниманіемъ за отвлеченнымъ разговоромъ, пускать сясамостоятельно или по слѣдамъ проводника,

по прямолинейной дорожкѣ общихъ понятій. Такимъ образомъ наблюдатели восемнадцатаго столѣтія видѣли только одинъ разумъ повсюду; форма духа, настолько всеобъемлющая, не могла не казаться имъ естественной. Они подобны тѣмъ людямъ, которые, зная одинъ языкъ и говоря на немъ легко, не постигаютъ того, что можно говорить на другомъ языкѣ или что передъ ними могутъ быть нѣмые или глухіе. Тѣмъ болѣе, что теорія укрѣпляла ихъ въ этомъ предразсудкѣ. Согласно новѣйшей идеологіи, всякій доступенъ для всякой истины. Если онъ не постигаетъ ея, то вина падаетъ исключительно на насъ, плохо представившихъ ее. Онъ постигнетъ ее, если мы возьмемъ на себя трудъ довести его до нея. Ибо онъ такъ же, какъ и мы, обладаетъ чувствами, а ощущенія, воспроизведенныя, комбинированныя, запечатлѣнныя представленіями, достаточны не только для того, чтобы образовать наши идеи, но и наши способности *).

Тѣсная и продолжительная связь прикрѣпляетъ къ нашимъ понятіямъ самыя сложныя науки; отъ высшей ступеньки до низшей можно поставить лѣстницу, и если ученикъ задерживается на ней, то это потому, что мы оставили слишкомъ большой промежутокъ между двумя ступеньками. Заполнимъ этотъ промежутокъ и онъ поднимется до верхушки. Къ этой высшей идеѣ о человѣческихъ способностяхъ присоединяется идея не менѣе возвышенная объ его сердцѣ.

Руссо заявилъ, что оно доброе, и высшій свѣтъ устремился въ эту вѣру со всѣми увлеченіями моды и всею сентиментальностью салоновъ. Существовало убѣжденіе, что человѣкъ, въ особенности человѣкъ изъ народа, по природѣ своей чувствителенъ, что его легко растрогать благодѣяніями и вызвать его благодарность, что онъ дѣлается нѣжнымъ при малѣйшемъ знакѣ участія, что онъ способенъ ко всякимъ утонченностямъ.

„Эстампы“ **) представляютъ въ полуразвалившейся избушкѣ двухъ дѣтей—одного пяти лѣтъ, другого—трехъ лѣтъ, стоящихъ передъ дряхлой бабушкой; одинъ изъ нихъ поддерживаетъ ей голову, а другой подаетъ пить. Отецъ и мать, которые входятъ, видятъ эту трогательную картину, и „эти добрые люди чувствуютъ себя настолько счастливыми, имѣя такихъ дѣтей, что забываютъ о своей бѣдности“.—„О, мой отецъ***)—восклицаетъ молодой пиренейскій пастухъ,—возьмите эту вѣрную собаку, которая повинуется мнѣ!„ Эта иллюзія привлекала даже государственныхъ людей. „Государь,—сказалъ Тюрго, представляя королю планъ политическаго воспитанія, осмѣливаюсь вамъ замѣтить, что черезъ десять лѣтъ вашъ народъ будетъ неузнаваемъ и что просвѣщеніемъ, добрыми нравами, своимъ усердіемъ въ служеніи вамъ и родинѣ, онъ станетъ выше всѣхъ народовъ. Дѣти, которымъ въ настоящее время десять лѣтъ, окажутся тогда совершенно приготовленными для государства, любящими свою страну, не изъ страха, а по совѣсти и разуму преданными власти,

*) Кондильякъ. Логика.

**) Histoire de France par Estampes, 1789 (Au Cabinet des Estampes).

***) M-me de Genlis. Souvenir de Felicie, 371—391

услужливыми для своихъ согражданъ, привыкшими признавать и уважать правосудіе". Въ январѣ мѣсяцѣ 1789 года Неккеръ, которому де-Бойе указывалъ на неминуемую опасность и неотвратимыя посягательства со стороны третьяго сословія, „отвѣтилъ холодно, поднявъ глаза къ небу, что слѣуетъ расчитывать на нравственныя качества людей". — Въ сущности, когда хотѣли себѣ представить основаніе человѣческаго общества, смутно рисовали полупастушескую, полутеатральную сцену, нѣсколько похожую на ту, которую можно видѣть на заглавномъ листѣ иллюстрированныхъ книгъ по морали и политикѣ. Люди, полуголые или одѣтые въ шкуры звѣрей, собрались подъ большимъ дубомъ. Среди нихъ поднимается почтенный старецъ и говоритъ „языкомъ природы и разума"; онъ предлагаетъ имъ соединиться и объясняетъ имъ, къ чему ихъ обязываетъ взаимная связь; онъ показываетъ имъ гармонію общественнаго и личнаго блага, и заканчиветъ, заставляя ихъ понять красоты добродѣтели.

Всѣ тотчасъ же испускаютъ крики радости, обнимаются, тѣснятся къ нему и выбираютъ его судьей; начинаются танцы подъ вязами и съ этихъ поръ счастіе воцаряется на землѣ. Обращенія національнаго собранія къ народу представляютъ рѣчи въ этомъ стилѣ. Втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ правительство говоритъ народу, какъ пастушку изъ Гесснера, умоляетъ крестьянъ не жечь замковъ, такъ какъ это причиняетъ страданіе ихъ доброму королю. Ихъ убѣждаютъ, удивить его своими добродѣтелями, чтобы онъ скорѣе могъ получить награду за свои. Въ разгаръ Жакеріи мудрецы того времени воображали, что они живутъ въ идиллической странѣ пастушковъ и пастушекъ и что звукомъ флейты они смогутъ вернуть опять туда горланящую стаю животнаго гнѣва и разнузданныхъ аппетитовъ.

III.

Очень печально, засыпая въ буколической странѣ, найти при пробужденіи овецъ, превращенныхъ въ волковъ; а между тѣмъ, въ случаѣ революціи, этого можно ожидать. То, что мы называемъ въ человѣкѣ разумомъ, является не врожденнымъ, первоначальнымъ и стойкимъ дарованіемъ, а позднѣйшимъ пріобрѣтеніемъ и неустойчивымъ соединеніемъ. Достаточно малѣйшихъ философскихъ познаній, чтобы понять, что онъ являетъ состояніе неустойчиваго равновѣсія, которое зависитъ отъ не менѣе неустойчиваго состоянія мозга, нервовъ, крови и желудка. Возьмите голодныхъ женщинъ и пьяныхъ мужчинъ, соберите ихъ вмѣстѣ съ тысячу, дайте имъ воспламениться ихъ собственными криками, ожиданіемъ, взаимнымъ воздѣйствіемъ ихъ возрастающаго возбужденія, — черезъ нѣсколько часовъ передъ вами будетъ только ватага опасныхъ безумцевъ; съ 1789 года это слишкомъ хорошо будутъ знать. Теперь обратитесь къ психологіи: самый несложный мыслительный процессъ — воспріятіе, воспоминаніе, употребленіе имени, не больше какъ игра многосложной механики, общій и конечный результатъ дѣйствія многочисленныхъ системъ колесиковъ, которыя — подобно

системамъ колесиковъ въ часахъ—тянутъ и толкаютъ, каждое къ себѣ, каждое, влекомое своей собственной силой, каждое, поддерживаемое въ своей работѣ компенсаціями и противодѣйствіями. Если стрѣлка показываетъ часы вѣрно, то это—слѣдствіе случайнаго сочетанія, которое можно назвать удивительнымъ,—чтобы не сказать чудодѣйственнымъ,—а галлюцинаціи, бредъ, мономанія, которые живутъ у нашихъ дверей, всегда готовы вторгнуться къ намъ. Собственно говоря человѣкъ отъ природы безуменъ, равно какъ и тѣло его немощно... Здоровье нашего духа, какъ и здоровье нашихъ органовъ, не что иное, какъ многократная удача и счастливая случайность.

Но если такова участь грубой ткани, грубыхъ, почти крѣпкихъ нитей нашего ума, то каковой должна быть непрочность расположенной наверху и на краяхъ вышивки, тончайшей и сложнѣйшей сѣти, какой является нашъ разумъ въ собственномъ смыслѣ, сѣти, слагающейся изъ общихъ понятій? Образованныя путемъ медленнаго и тонкаго тканья, при помощи долговременнаго накопленія образовъ, между судорогами гордости, энтуазіазма и догматическаго упрямства, сколько шансовъ за то, чтобы даже въ лучшей головѣ эти представленія плохо соотвѣтствовали фактамъ. Достаточно взглянуть на модную идиллію у нашихъ философовъ и политиковъ, чтобы судить объ этомъ. Если таковыми были лучшіе умы, то что сказать относительно толпы народа, мозговъ дикихъ и полудикихъ? Разумъ также одностороненъ въ отдѣльномъ человѣкѣ, какъ рѣдокъ онъ во всемъ человѣчествѣ. Общія понятія и послѣдовательность рожденія встрѣчаются только у немногихъ избранниковъ. Чтобы достигнуть пониманія абстрактныхъ основъ и навыка къ послѣдовательнымъ выводамъ, необходима прежде всего спеціальная подготовленность, продолжительное упражненіе, долговременная практика и сверхъ этого, если дѣло идетъ о политикѣ, хладнокровіе, которое, позволяя размышленію дѣлать завоеванія, даетъ возможность человѣку отрѣшаться на время отъ самого себя для разсмотрѣнія своихъ интересовъ съ точки зрѣнія незаинтересованнаго. Если одного изъ этихъ условій нѣтъ, то отсутствуетъ разумъ, въ особенности политическій разумъ. У крестьянина, поселянина, у человѣка, съ дѣтства занимающагося ручнымъ трудомъ, не только сама сѣть высшихъ представленій несовершенна, но и орудія, съ помощью которыхъ она выткана, не сформированы. У привыкшаго къ вольному воздуху и упражненію членовъ, его вниманіе,—когда онъ окажется въ состояніи неподвижности,—уже къ концу четверти часа начинаетъ ослабѣвать. Общія выраженія достигаютъ его сознанія не больше, чѣмъ гулъ; мыслительныя комбинаціи, которые они вызываютъ, не могутъ возникнуть. Онъ засыпаетъ въ лучшемъ случаѣ, если дрожащій голосъ не будитъ въ немъ инстинктовъ крови, личныхъ вожделѣній, глухой злобы, сдерживаемыхъ внѣшней дисциплиной, но всегда готовыхъ вырваться наружу. У недоучки, даже человѣка, который мнитъ себя образованнымъ и читаетъ газеты, принципы всегда бываютъ непрошенными гостями. Они опережаютъ его понятливость. Напрасно онъ излагаетъ свои вѣроученія: онъ не измѣряетъ ихъ значенія, онъ

не улавливаетъ ихъ границъ, онъ извращаетъ ихъ примѣненіе. Они подобны химическимъ составамъ, безобиднымъ въ кабинетѣ и въ рукахъ химика, но становящимися ужасными подъ ногами пѣшехода. Это замѣтятъ сейчасъ же, когда взрывы произойдутъ, распространяясь по всему лицу земли, когда во имя самодержавія, народа каждая коммуна, всякое сборище будетъ себя мнить націей и согласно съ этимъ будетъ дѣйствовать; когда разумъ въ рукахъ его новыхъ истолкователей прочно установитъ мятежъ на улицахъ и жакерію на поляхъ.

Не только разумъ нисколько не является естественнымъ для человѣка, но даже на поведеніе человѣка и человѣчества его вліяніе незначительно. Исключая холодныхъ и ясныхъ головъ Фонтенеля, Гиббона и Юма, въ которыхъ разумъ, не встрѣчая соперниковъ, можетъ царствовать, — онъ далекъ отъ того, чтобы играть первую роль: послѣдняя принадлежитъ другимъ силамъ, рождающимся вмѣстѣ съ нами и, по праву перваго захвата, укрѣпляющимся во владѣніи помѣщеніемъ... Мѣсто, остающееся разуму, всегда слишкомъ ограничено; обязанности, которыя онъ исполняетъ, часто второстепенны. Открыто или скрыто, онъ не больше, какъ удобный подчиненный, домашній, вѣчно подкупаемый, адвокатъ, которымъ владѣльцы пользуются для веденія своихъ дѣлъ, и если они ему публично уступаютъ первое мѣсто, то это только изъ приличія. Какъ они ни провозглашаютъ его законнымъ сувереномъ, они всегда допускаютъ его власть надъ собою лишь, какъ скоропреходящую, а подъ его номинальнымъ управленіемъ они являются фактическими хозяевами дома... Хозяевами человѣка являются: физическій темпераментъ, тѣлесныя потребности, животный инстинктъ, унаслѣдованный предразсудокъ, воображеніе, вообще захватывающая страсть, въ особенности личный интересъ или интересъ семьи, касты, партіи. Мы бы жестоко ошиблись, если бы представили себѣ, что есть добрые по природѣ, великодушные, симпатичные, или, по крайней мѣрѣ, мягкіе, снисходительные въ подчиненіи себя общественнымъ интересамъ ближнихъ.

Нѣкоторые, наиболѣе сильные, предоставленные самимъ себѣ, производили только опустошенія.

Прежде всего, если не вполнѣ вѣрно, что человѣкъ, по крови, — отдаленный кузенъ обезьяны, то, по крайней мѣрѣ, достовѣрно, что, по своему строенію, онъ есть животное, очень близкое къ обезьянѣ, вооруженное клыками, хищное и плотоядное млекопитающееся, когда-то людоѣдъ, впослѣдствіи охотникъ и воинъ.

Отсюда въ немъ постоянный источникъ звѣрства, жестокости, инстинктовъ насилія и разрушенія, къ этому нужно прибавить, если онъ французъ, веселье, смѣхъ и весьма странную потребность рѣзвиться, дурачиться среди опустошеній, которыя онъ производитъ; это видно будетъ по его дѣламъ. Затѣмъ, съ самаго созданія его, природа бросила его нагимъ и лишеннымъ всего необходимаго на безплодную землю, гдѣ существованіе было трудно; гдѣ, подъ страхомъ смерти, онъ учился дѣлать запасы и сбереженія. Отсюда его постоянная озабоченность и idée fixe пріобрѣсть, собрать, завладѣть, — алчность и жадность.

Особенно въ томъ классѣ, который, будучи прикрѣпленъ къ землѣ, воздерживался на протяженiи шестидесяти поколѣнiй, чтобы кормить другiе классы, и искривленные пальцы которыхъ безпрестанно тянутся къ почвѣ, которую они заставляли приносить плоды,— и это видно будетъ на дѣлѣ. Наконецъ, его болѣе тонкая духовная организацiя сдѣлала изъ него, съ первыхъ же дней, мечтательное существо, въ которомъ грезы, размножаясь, развиваются сами изъ себя въ чудовищныя химеры, увеличивая, выше всякой мѣры, его страхи, надежды и желанiя. Отсюда въ немъ излишекъ чувствительности, внезапный наплывъ эмоцiй, заразительная восторженность, потокъ непреодолимой страсти, эпидемiи легковѣрiя и подозрительности, короче говоря, —энтузiазмъ и паника, особенно если онъ французъ, то есть возбуждающiйся и общительный, легко выходящiй изъ себя и способный воспринимать посторонніе импульсы, лишенный того естественнаго балласта, который поддерживаютъ—флегматическiй темпераментъ и сосредоточенность мысли его сосѣдей германцевъ и латинянъ.

И это все видно будетъ на дѣлѣ. Вотъ нѣкоторыя грубыя силы, которыя управляютъ человѣческой жизнью. Въ обычное время мы ихъ не замѣчаемъ. Такъ какъ онѣ сдерживаются, то и не кажутся намъ сомнительными. Мы предполагаемъ, что онѣ утихли, ослабѣли; мы хотимъ вѣрить, что наложенная на нихъ дисциплина сдѣлалась для нихъ естественной и что, протекая постоянно въ плотинахъ, онѣ получили привычку постоянно оставаться въ своемъ руслѣ.

Въ дѣйствительности же, какъ всѣ грубыя силы, какъ рѣка или потокъ, они остаются тамъ только благодаря принужденiю. Это плотина своимъ противодѣйствiемъ умиротворяетъ ихъ. Противъ ихъ разлива и опустошенiй необходимо выставить силу, равную ихъ силѣ, усиливающуюся соотвѣтственно возрастанiю послѣдней, тѣмъ болѣе суровую, чѣмъ болѣе онѣ угрожаютъ, деспотическую по необходимости противъ ихъ деспотизма, во всякомъ случаѣ принудительную и репрессивную, въ началѣ вождя стада, впослѣдствiи главу армiи; во всѣхъ этихъ видахъ выборнаго или наслѣдственнаго жандарма съ неусыпнымъ взоромъ и тяжелой рукой, который, фактически внушаетъ страхъ, а страхомъ поддерживаетъ миръ. Чтобы направлять и ограничивать его удары, употребляются различные механизмы: предварительныя конституцiи, раздѣленiе властей, кодексъ, суды, законныя формы. Въ концѣ всѣхъ этихъ колесъ всегда видна конечная пружина, сильное орудiе, я хочу сказать - жандармъ, вооруженный противъ дикаря, разбойника и безумца, котораго каждый изъ насъ скрываетъ въ себѣ усыпленнымъ или скованнымъ, навсегда живущимъ въ глубинѣ нашего собственнаго сердца.

Напротивъ, въ новой теорiи именно противъ жандарма провозглашаются всѣ принципы, приняты всѣ предосторожности, пробуждено всякое недовѣрiе. Во имя верховенства народа, отнимаютъ у правительства всякую власть, всякую прерогативу, всякую инициативу, всякую прочность и всякую силу. Народъ есть самодержецъ и правительство только его приказчикъ, менѣе,

тѣмъ приказчикъ,—его слуга. Между ними „никакого договора" неопредѣленнаго или, по крайней мѣрѣ, продолжительнаго, „и который нельзя было бы уничтожить по взаимному соглашенію или изъ за вѣроломства одной изъ сторонъ". „Противно природѣ политическаго тѣла, чтобы самодержецъ связалъ себя закономъ, котораго онъ не смогъ бы никогда нарушить".—Вовсе нѣтъ священныхъ и ненарушимыхъ хартій, „которыя связывали бы народъ въ формѣ конституціи, однажды установленной".

„Право измѣнить послѣднюю есть гарантія всѣхъ другихъ правъ".

„Нѣтъ и не можетъ быть ни одного основного закона, обязательнаго для народа, даже въ лицѣ общественнаго договора". Только при помощи узурпаціи и лжи—князь, собраніе, судьи провозглашаютъ себя представителями народа. „Самодержавіе не можетъ быть предоставлено по той простой причинѣ, что оно неотчуждаемо. Въ тотъ моментъ, когда народъ выдѣляетъ представителей, онъ перестаетъ быть свободнымъ, онъ перестаетъ существовать... Англійскій народъ считаетъ себя свободнымъ,—онъ жестоко ошибается. Онъ является таковымъ только во время избранія членовъ парламента, но какъ только послѣдніе избраны, онъ рабъ, онъ—ничто... Депутаты народа не являются и не могутъ быть его представителями, они только его коммиссары, они не могутъ сдѣлать ни одного опредѣленнаго заключенія. Всякій законъ, не ратификованный цѣлымъ народомъ,—ничто; это не законъ *). Недостаточно, чтобы народъ, собравшись одинъ разъ, установилъ конституцію государства, давая свою санкцію законодательному корпусу; необходимо, чтобы еще были постоянныя и періодическія собранія, которыхъ никто не можетъ ни отмѣнить, ни отсрочить, такъ что въ назначенный день народъ созывается закономъ, не имѣя нужды въ другомъ формальномъ созывѣ.. Въ этотъ моментъ, какъ народъ соберется такимъ образомъ, прекращается всякая юрисдикція правительства, исполнительная власть его отсрочивается". Общество зачинается вновь, и граждане, возвращенные къ своей первобытной независимотти, возобновляютъ, по своей воли, на время, которое они устанавливаютъ, временный договоръ, который они заключаютъ только на указанный періодъ. „Открытіемъ такихъ собраній, которыя имѣютъ предметомъ только поддержаніе общественнаго договора, всегда бываетъ два предложенія, которыхъ никогда нельзя отмѣнить и которыя проходятъ отдѣльно, голосованіемъ: первое—угодно ли суверену сохранить настоящую форму правленія; второе—угодно ли народу оставить исполнительную власть тѣмъ, на которыхъ она въ настоящее время возложена". Такимъ образомъ, „актъ, которымъ народъ подчиняется начальникамъ, есть только возложеніе порученій на этихъ лицъ, исполняя которую они являются только блюстителями интересовъ народа-самодержца и которую онъ можетъ видоизмѣнить, ограничить, отобрать, когда это будетъ ему угодно **). Онъ

*) Rousseau, Contrat Social, I, глава III, главы, 13, 14, 15, 18; IV, глава I. Condorcet, ib. 9 эпоха.

**) Rousseau. Contrat social, III, 1. 18. IV, 3.

сохраняетъ для себя одного не только законодательную власть, которая принадлежитъ и можетъ принадлежать только ему, но онъ также передаетъ и отнимаетъ, по своему произволу, исполнительную власть. Тѣ, которые имѣютъ её, суть его чиновники. „Онъ можетъ назначить и смѣстить ихъ, когда ему угодно“. Лицомъ къ лицу съ нимъ, они не имѣютъ ни одного права. „Для нихъ не можетъ быть вопроса о соглашеніи, они только повинуются“, они не могутъ ставить ему „условій“; они не могутъ требовать отъ него никакихъ обязательствъ. Не говорите, что вслѣдствіе этого ни одинъ человѣкъ сколько-нибудь гордый или просвѣщенный не захочетъ занимать нашихъ должностей, или что наши вожди должны быть по своему характеру лакеями.

IV.

Итакъ, теорія имѣетъ двѣ стороны, и тогда какъ съ одной она ведетъ къ вѣчному крушенію правительствъ, съ другой она приводитъ къ неограниченной диктатурѣ государства. Новый договоръ отнюдь не историческія соглашенія, какъ декларація правъ 1688 г. въ Англіи, какъ Федерація 1579 г. въ Голландіи, заключенная между реальными и живыми людьми, признающими завоеванныя положенія, сформировавшіяся группы и установленные институты, основанные для того, чтобы признать, точно опредѣлить, гарантировать и дополнить историческое право. До общественнаго договора нѣтъ истиннаго права; такъ какъ истинное право рождается только изъ общественнаго договора, единственно цѣннаго, такъ какъ только онъ заключается между существами, совершенно равными и совершенно свободными, существами абстрактными, вродѣ математическихъ единицъ, существами одной стоимости, играющими одну и ту же роль и соглашенія которыхъ не смущаетъ ни одно неравенство, ни одно препятствіе.

Вотъ почему въ моментъ его заключенія всѣ остальные соглашенія превращаются въ ничто. Собственность, семья, церковь, ни одно изъ старыхъ учрежденій не можетъ взывать по праву противъ новаго государства. Мѣсто, на которомъ мы его созидаемъ, должно разсматриваться какъ пустое. Если мы сохранимъ тамъ часть старыхъ построекъ, то это только во имя его и въ пользу его, чтобъ включить ихъ въ него и присвоить ему для употребленія. Вся площадь земли, находящаяся во владѣніи человѣка, принадлежитъ ему. Съ другой стороны онъ не является, какъ въ американской доктринѣ, компаніей взаимнаго страхованія, обществомъ, подобнымъ другимъ, узкимъ по своему предмету, ограниченнымъ въ своихъ функціяхъ, въ своихъ полномочіяхъ и въ которомъ индивидуумы, сохраняя для себя большую часть своихъ имуществъ и своей личности, облагаютъ себя налогами, чтобы держать армію, жандармерію, суды, большія дороги, школы, короче говоря, всѣ наиболѣе крупныя орудія общественной пользы и безопасности, но сохраняютъ часть частныхъ и общихъ, свѣтскихъ или духовныхъ должностей для личной иниціативы и для произвольно возникающихъ ассоціацій, которыя образуются по мѣрѣ надобности.

Наше государство—не только просто-полезная машина, удобный ручной инструментъ, которымъ рабочіе пользуются, не отказываясь отъ самостоятельнаго употребленія своихъ рукъ или одновременнаго употребленія другихъ инструментовъ. Первородное единое дитя и единственный представитель разума, оно должно ради господства этого послѣдняго, не оставлять ничего внѣ своего захвата. Въ этомъ пунктѣ старый строй приводитъ къ новому и установленная практика уже впередъ склоняетъ умы къ принятію нарождающейся теоріи. Вѣдь уже съ давнихъ поръ, при помощи административной централизаціи, государство всюду протягиваетъ руку *). „Знайте,—сказалъ Лоу Д'Аржансону,—что королевство французское управляется 30 интендантами. У васъ нѣтъ ни парламента, ни штатовъ, ни губернаторовъ, есть тридцать чиновниковъ, приставленныхъ по провинціямъ, отъ которыхъ зависитъ счастье и несчастье этихъ провинцій, процвѣтаніе ихъ или скудость. Въ самомъ дѣлѣ, король, глава, отецъ и всеобщій опекунъ ведетъ при помощи довѣренныхъ лицъ мѣстныя дѣла и вмѣшивается своими lettres de cachet или своими милостями въ личныя дѣла. Этими примѣрами и этимъ путемъ возбуждаются воображенія въ теченіе полустолѣтія. Нѣтъ ничего удобнѣе этого орудія для того, чтобы однимъ ударомъ производить реформы въ обширныхъ размѣрахъ. Вотъ почему, весьма далекіе отъ того, чтобы ограничить центральную власть, экономисты хотѣли ее даже расширить. Вмѣсто того, чтобы поставить ей новыя преграды, они мечтали разрушить остатки старыхъ, которые ее еще стѣсняли. „Въ правительствѣ,—говоритъ Кенэ съ учениками, система противодѣйствія вредна по самой идеѣ... Умозрѣнія, на основаніи которыхъ измыслили систему противодавленій—химеричны... пусть государство пойметъ свои обязанности для того чтобы оно было свободно... Нужно, чтобы государство управлялось на основаніи принциповъ высшаго порядка, и когда будетъ такъ, нужно, чтобы оно было всемогуще".

Наканунѣ Великой Революціи снова появилась та же самая доктрина, только одно имя было замѣнено другимъ. Вмѣсто верховенства короля—общественный договоръ ставитъ верховенство народа. Но второе еще болѣе абсолютно, чѣмъ первое и въ демократическомъ монастырѣ, который Руссо строитъ по образцу Спарты и Рима, личность есть ничто, государство—все.

Въ самомъ дѣлѣ, всѣ статьи общественнаго договора сводятся къ одной, именно: «полная передача каждаго со всѣми его правами обществу". Каждый отдаетъ себя всего цѣликомъ „такимъ, каковъ онъ дѣйствительно есть, со всѣми своими силами, часть которыхъ составляютъ имущества, находящіяся въ его владѣніи". Изъ этого нѣтъ никакихъ изъятій. Ничего изъ того, чѣмъ онъ былъ или что онъ имѣлъ ранѣе, не принадлежитъ ему болѣе, какъ собственность. То, чѣмъ отнынѣ будетъ онъ самъ или что будетъ у него,—только передается ему обществомъ, всеобщимъ собственникомъ и абсолютнымъ господиномъ. Нужно, чтобы у государства были всѣ права, а у частныхъ лицъ—ни одного; ибо въ противномъ

*) Tocqueville. L'ancien régime. 2-я книга цѣликомъ и 3, глава III.

случаѣ между первыми и послѣдними могъ бы возникнуть споръ, и такъ какъ нѣтъ никакого высшаго сообщества, могущаго приказывать ему или имъ*), то этотъ споръ не кончился бы никогда.

Напротивъ, благодаря полной передачѣ каждымъ самого себя, союзъ становится столь совершеннымъ, сколько только можетъ быть.

Отказавшись ото всего и отъ самого себя, индивидуумъ не имѣетъ возможности чего либо требовать.

Разсмотримъ выводы.

Во-первыхъ, я являюсь собственникомъ моихъ имуществъ только относительно и изъ вторыхъ рукъ, ибо, при общественномъ договорѣ, я ихъ передалъ**) „и они сдѣлались частью общественныхъ имуществъ". Если въ данный моментъ я ими пользуюсь, то это только въ силу дозволенія государства, которое сдѣлало меня хранителемъ ихъ.

Общество не только принимаетъ имущества частныхъ лицъ, но оно очищаетъ ихъ, превращаетъ узурпацію въ истинное право, пользованіе —во владѣніе. До общественнаго договора я былъ владѣльцемъ только въ силу факта владѣнія и не только не по праву, но даже противъ всякаго права, такъ какъ моя часть была велика, ибо „каждый человѣкъ естественно имѣетъ право на то, что ему необходимо", а я кралъ у другихъ людей все, чѣмъ владѣлъ сверхъ необходимаго для поддержанія существованія.

Вотъ почему государство не только мнѣ не обязано, напротивъ, я ему обязанъ, и не мое имущество оно мнѣ возвращаетъ, а свое — жалуетъ, откуда слѣдуетъ, что, производя этотъ даръ, оно можетъ само диктовать условія, опредѣлять, по своей волѣ, употребленіе, которое я изъ него сдѣлаю, ограничивать и регулировать мое право, дарить его и завѣщать.

„По природѣ своей право собственности только пожизненно; въ тотъ моментъ, когда собственникъ умираетъ, его имущество не принадлежитъ ему болѣе. Такимъ образомъ, предписать ему условія, при которыхъ онъ можетъ располагать своимъ имуществомъ, это значитъ только по виду измѣнить его право, въ сущности же расширить его". Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ мое право вытекаетъ изъ общественнаго договора, оно временно, какъ и послѣдній, достаточно новаго соглашенія, чтобы сузить ***) или разрушить его. „Глава ****) государства можетъ захватить имущества всѣхъ, какъ это было сдѣлано въ Спартѣ во времена Ликурга. Въ нашемъ свѣтскомъ монастырѣ, все чѣмъ владѣетъ каждый монахъ, есть временной даръ монастыря. Во вторыхъ, этотъ монастырь является и семинаріей. Я не имѣю права воспитывать своихъ дѣтей дома и по способу, который кажется мнѣ наилучшимъ. „Если нельзя предоставить разуму *****) каждаго отдѣльнаго человѣка быть един-

---

*) Rousseau. Contrat social. 1. 6.

**) Sbid 1. 9. Государство, по отношенію къ своимъ членамъ, является господиномъ всѣхъ имуществъ, въ силу общественнаго договора.. Владѣльцы разсматриваются какъ хранители общественныхъ имуществъ.

***) Roussea Dscours ur l'economie politiqu.

****) Roussau. Emile. Книга V, 175.

*****) Rousseau. Doscours sur l'economie politique 302.

ственнымъ судьей его обязанностей, тѣмъ менѣе позволительно допускать вліяніе просвѣщенія и предразсудковъ отцовъ въ дѣлѣ воспитанія дѣтей, такъ какъ государство еще болѣе заинтересовано въ немъ, чѣмъ родители.—„Если общественная власть, занимая мѣсто родителей и принимая на себя эту важную функцію, пріобрѣтаетъ права, выполняя ихъ обязанности, они имѣютъ тѣмъ менѣе поводовъ жаловаться на это, потому что въ этомъ отношеніи они собственно только мѣняютъ имя, такъ какъ всѣ вмѣстѣ, подъ именемъ гражданъ, они имѣютъ ту же власть надъ своими дѣтьми, какой пользовались отдѣльно подъ именемъ отцовъ". Другими словами, вы перестаете быть отцомъ, но взамѣнъ этого, вы дѣлаетесь инспекторомъ школъ, одно стоитъ другого; на что же вы жалуетесь? Это было и въ постоянной арміи, которая называется Спартой. Тамъ дѣти, истинныя дѣти общины, одинаково повиновались всѣмъ взрослымъ людямъ.

„Такимъ образомъ, публичное воспитаніе, съ правилами, предписанными правительствомъ, и въ вѣдѣніи судей, установленныхъ сувереномъ, есть одно изъ основныхъ положеній народнаго или законнаго правленія".

Это при его помощи заранѣе формируется гражданинъ, лишь оно должно придать душамъ національный образъ. Народы являются тѣмъ, чѣмъ ихъ сдѣлало правительство: воинами, гражданами, людьми, когда оно того хочетъ, черною сволочью, когда это ему нравится, и только при помощи воспитанія оно ихъ такъ формируетъ. Если вы хотите получить понятіе о публичномъ воспитаніи *), прочтите „Республику Платона" **). Хорошія общественныя учрежденія это тѣ, которыя лучше всего сумѣютъ измѣнить человѣка, отдѣлить отъ него его абсолютную сущность, дать ему относительную и превратить его „я" въ коллективную единицу такимъ образомъ, чтобы каждый человѣкъ считалъ себя уже не отдѣльнымъ недѣлимымъ, а частью цѣлаго и только, какъ таковой, имѣлъ бы способность воспринимать и чувствовать. Ребенокъ, въ первый разъ открывая глаза, долженъ видѣть отечество и до самой смерти—только его одно... Слѣдуетъ научить его разсматривать свою личность только по отношенію къ государственному организму. Такъ дѣлалось въ Спартѣ и такова была единственная цѣль „великаго Ликурга".

„Будучи, въ силу конституціи, всѣ равны, дѣти должны воспитываться вмѣстѣ и по одному и тому же образцу".—„Законъ долженъ регулировать сущность, порядокъ и форму ихъ обученія".— Кромѣ того, всѣ они должны принимать участіе въ публичныхъ упражненіяхъ, въ конскихъ бѣгахъ, въ играхъ, установленныхъ для развитія силы и ловкости, „чтобы пріучить ихъ къ дисциплинѣ, къ равенству, къ братству, къ соревнованію", чтобы научить ихъ, „жить на глазахъ у своихъ согражданъ и желать себѣ публичнаго одобренія". При помощи этихъ игръ съ первой юности они уже демократы, такъ какъ коль скоро награда присуждается не вер-

*) Rousseau. Sur le gouvernemet de Pologne, 277, 283, 287.
**) Rousseau. Emile. Книга I.

ховной властью господъ, а одобреніемъ зрителей, то они привыкаютъ признавать главой—законнаго главу, т. е. рѣшеніе народнаго собранія. Первымъ интересомъ государства является всегда созиданіе воли, въ силу которой оно существуетъ, приготовить голоса, которые его поддерживали бы, искоренить въ душахъ страсти, которыя могли бы дѣйствовать противъ него, насадить въ нихъ склонности, ему споспѣшествующія, установить въ семьѣ, въ этихъ будущихъ гражданахъ чувства и даже предразсудки, которые ему нужны *).

Если оно держитъ въ своихъ рукахъ дѣтей, то будетъ держать и взрослыхъ. Въ монастырѣ послушниковъ нужно воспитывать по-монашески, иначе, когда они выростутъ, монастыря уже не будетъ.

Въ концѣ концовъ нашъ свѣтскій монастырь имѣетъ свою религію, также свѣтскую. Если я исповѣдую иную, то только съ его соизволенія и съ ограниченіями. По природѣ своей онъ враждебенъ всѣмъ ассоціаціямъ, кромѣ своей собственной; онѣ его соперники, онѣ ему мѣшаютъ, онѣ овладѣваютъ волей его членовъ, дѣлая ихъ своими членами, необходимо, въ цѣляхъ созданія единой воли, чтобы въ государствѣ не было частныхъ ассоціацій, и чтобы каждый гражданинъ голосовалъ только за государство не подчиняясь никакому постороннему вліянію. „Все, что нарушаетъ общественное единство, не стоитъ ничего", и для государства было бы лучше, если бы вовсе не было церкви. Не только всякая церковь подозрительна, но если я христіанинъ, то на мою вѣру всегда будутъ особенно дурно смотрѣть". Согласно новому законодателю, „ничего нѣтъ болѣе противнаго общественному духу, чѣмъ христіанство... Общество истинныхъ христіанъ уже болѣе не общество людей. Ибо „отечество христіанъ—не отъ міра сего" **). Онѣ не могутъ имѣть усердія для государства и по совѣсти станутъ поддерживать тирановъ.

Его законъ „проповѣдуетъ только зависимость и рабство... Оно создано, чтобъ быть рабомъ", а изъ раба никогда не сдѣлаешь гражданина. „Христіанская республика: каждое изъ этихъ двухъ словъ исключаетъ другое". Значитъ, если будущая республика мнѣ позволитъ быть христіаниномъ, то лишь при условіи, что моя доктрина останется заключенной въ моемъ умѣ, не проникая до сердца. — Если я католикъ (а на 26.000.000 французовъ — 25.000.000 подходятъ подъ это условіе), то мое положеніе еще хуже. Ибо общественный договоръ не допускаетъ нетерпимой религіи; та секта, которая проклинаетъ другія — является врагомъ общества; „кто осмѣлится сказать, что внѣ церкви нѣтъ спасенія", „тотъ изгоняется изъ государства".—Если, наконецъ, я вольнодумецъ, позитивистъ или скептикъ, мое положеніе нисколько не лучше. „Есть гражданская религія, катехизисъ, символъ вѣры,

---

*) Morelly. Code de la nature. „Въ пять лѣтъ всѣ дѣти отбираются отъ семьи и воспитываются совершенно одинаково на счетъ государства".

**) Rousseau. Contrat social. II. 3. IV 8.

установить статьи котораго есть право суверена, преимущественно не только какъ религіозныя догмы, но и какъ чувства общественности, безъ которыхъ невозможно быть добрымъ гражданиномъ или вѣрноподданнымъ. Эти статьи подразумѣваютъ: „существованіе божества могущественнаго, разумнаго, благодѣтельнаго, предусмотрительнаго, попечительнаго, будущую жизнь, благополучіе справедливыхъ, наказаніе злыхъ, святость общественнаго договора и законовъ *). Не имѣя возможности обязать каждаго вѣровать въ нихъ, надо изгонять изъ государства невѣрующихъ; ихъ слѣдуетъ изгонять не какъ нечестивцевъ, но какъ антисоціальныхъ, неспособныхъ искренно любить законы справедливости, принести въ случаѣ необходимости свою жизнь въ жертву своему долгу". Примите къ свѣдѣнію, что это исповѣданіе вѣры вовсе не пустая церемонія. Новая инквизиція беретъ на себя надзоръ за искренностью исповѣданія. „Если кто-нибудь, признавъ публично эти самыя догмы, станетъ вести себя такъ, какъ будто не вѣритъ въ нихъ, онъ будетъ наказанъ смертью; онъ совершилъ величайшее изъ преступленій: онъ солгалъ передъ законами".

Я сказалъ вѣрно,—мы въ монастырѣ.

V.

Всѣ эти параграфы являются необходимыми выводами изъ общественнаго договора. Съ момента, когда, войдя въ организмъ, какъ часть его, я не оставляю себѣ ничего отъ себя самого, я уже однимъ этимъ отказываюсь отъ моего имущества, моихъ дѣтей, моей церкви, моихъ мнѣній. Я перестаю быть собственникомъ, отцомъ, христіаниномъ, философомъ. Во всѣхъ этихъ функціяхъ меня замѣщаетъ государство. Вмѣсто моей воли отнынѣ есть публичная воля, т. е., въ теоріи, измѣнчивый произволъ большинства, считая по числу членовъ, въ дѣйствительности же грубый произволъ собранія, партіи, индивидуума, который облеченъ общественной властью. Благодаря этому, пристрастіе возрастаетъ безпредѣльно, не зная ограниченій. Въ первый же годъ Грегуаръ говоритъ съ трибуны законодательнаго собранія: „Мы могли бы, если бы захотѣли, перемѣнить религію, но мы не хотимъ этого". Немного позднѣе этого захотятъ; это сдѣлаютъ, установятъ религію Гольбаха, потомъ Руссо, затѣмъ на это осмѣлятся еще и другіе. Во имя разума, единственнымъ представителемъ и истолкователемъ котораго является государство, предпримутъ разрушеніе и передѣлку, сообразно разуму, всѣхъ обычаевъ, праздниковъ, эры, календаря, мѣръ вѣсовъ, именъ временъ года, мѣсяцевъ, недѣль, дней, мѣстъ и памятниковъ, фамилій и именъ, данныхъ при крещеніи, вѣжливости, тона бесѣдъ, манеры кланяться, встрѣчаться, говорить и писать, такъ что французъ, какъ нѣкогда пуританинъ,

---

*) Mercier. Lan 2.240. 1 гл. 61 и 18. Съ 1770 г. намѣчается программа религіи и культа, подобныхъ религіи и культу теофилактроповъ, и одна изъ ея главъ озаглавлена: „вовсе не такъ далеко, какъ думаютъ".

передѣлавъ свою внутреннюю сущность, будетъ указывать мельчайшими деталями своихъ поступковъ и своей внѣшностью на господство всемогущаго принципа, который его обновляетъ, и неумолимой логики, которая имъ управляетъ. Это будетъ послѣднимъ созданіемъ и полнымъ торжествомъ классическаго разума. Поселившись въ ограниченномъ мозгу, который не можетъ вмѣстить и двухъ идей вмѣстѣ, онъ дѣлается холодной или яростной мономаніей, жестокой и въ уничтоженіи прошлаго, которое она проклинаетъ, и въ водвореніи царствія Божія, которымъ она занята; все это во имя воображаемаго договора, анархическаго и деспотическаго въ одно и то же время, снимающаго оковы съ возстанія и узаконяющаго диктатуру. И все это для того, чтобы привести къ противорѣчивому соціальному строю, напоминающему то вакханалію бѣсноватыхъ, то спартанскій монастырь, все для того, чтобы подставить вмѣсто человѣка живого, существующаго и медленно созданнаго исторіей, выдуманнаго автомата, который разрушаетъ самъ себя, какъ только внѣшняя и механическая сила, которая его воздвигла, перестаетъ его поддерживать.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Пропаганда доктрины.

ГЛАВА I.

Успѣхъ этой философіи во Франціи.—Неуспѣхъ той же философіи въ Англіи.—I. Причины этого различія. — Искусство писать во Франціи.—Въ эту эпоху оно очень высоко.—Оно служитъ проводникомъ новыхъ идей.—Книги пишутся для людей высшаго свѣта.—Философы, а слѣдовательно и писатели—люди свѣта.—Вотъ почему философія опускается до салоновъ.—II. Благодаря методу, она дѣлается популярной.—III. Благодаря стилю—пріятной.—Двѣ особенности,—свойственныя XVIII вѣку.—Непристойность и шутка. Искусство и пріемы мастеровъ.—Монтескье, Вальтеръ, Дидро, Руссо.—„Свадьба Фигаро“.

Подобныя теоріи часто проходили черезъ человѣческое воображеніе и пройдутъ еще не разъ. Во всѣ времена и во всѣхъ странахъ достаточно замѣтнаго измѣненія, произошедшаго въ представленіи о человѣческой природѣ, чтобы, какъ отраженіе, тотчасъ же не выросли въ области политики и религіи новыя утопіи и изобрѣтенія. Но этого недостаточно для распространенія новаго ученія, въ особенности для того, чтобы отъ умозрѣній оно перешло къ примѣненію къ жизни. Родившись въ Англіи, философія XVIII-го вѣка не могла развиться въ Англіи. Горячка разрушенія и перестройка тамъ была поверхностной и преходящей. Деизмъ, атеизмъ матеріализмъ, скептицизмъ, идеологія, теорія возвращенія къ природѣ, провозглашеніе даровъ человѣка, всѣ дерзости Болинброка, Коллина, Толанда, Тиндаля и Мандевилля, вся отвага Юма, Гартлея-

Джемса Милля и Бэнтама, всѣ революціонныя доктрины были тепличными растеніями, распустившимися тамъ и сямъ въ уединенныхъ кабинетахъ немногихъ мыслителей. На вольномъ воздухѣ онѣ цвѣли, послѣ краткаго періода цвѣтѣнія при слишкомъ сильной конкурренціи прежней растительности, которой уже принадлежала почва *). — Напротивъ, во Франціи, зерно, занесенное изъ Англіи, проростаетъ и размножается съ необыкновенной силой. Во времена Регентства оно въ цвѣту **). Какъ видъ, соотвѣтствующій климату и почвѣ, онъ завладѣваетъ всей площадью земли, захватываетъ воздухъ и свѣтъ исключительно для себя одного и едва терпитъ подъ своей тѣнью нѣсколько заморышей вражескаго вида, пережитковъ прежней флоры, какъ Роллэнъ образчикъ эксцентрической флоры, какъ Сэнъ-Мартэнъ. Своими громадными деревьями, своими узкими просѣками, безчисленной арміей своихъ отпрысковъ и мелкихъ растеній: Вольтеромъ, Монтескье Руссо, Дидро, д'Аламберомъ и Бюффономъ, Дюкло, Мабли, Кондильякомъ, Тюрго, Бомарше, Бернарденъ де Сенъ-Пьеромъ, Бартелеми и Тома, толпой своихъ журналистовъ, компиляторовъ и говоруновъ, отборностью и популярностью философіи, науки и литературы, ученіе это захватило академію, театръ, гостиныя и разговоры. Всѣ лучшіе умы вѣка — его приверженцы, и между ними нѣкоторые изъ числа самыхъ лучшихъ, какихъ когда либо производило человѣчество. Все это потому, что новое зерно упало на удобную почву, я хочу сказать, въ отечество классическаго разума. Въ этой странѣ резонерствующаго разума оно не встрѣчаетъ соперниковъ, которые задушили его по ту сторону Ламанша, и тотчасъ же пріобрѣтаетъ не только силу соковъ, но и органъ для распространенія, котораго ей не доставало.

I.

Этотъ органъ есть „искусство слова, краснорѣчіе, примѣненное къ серьезнымъ предметамъ, талантъ все сдѣлать яснымъ ***)“. „Великіе писатели этого народа, — говоритъ ихъ великій противникъ, — излагаютъ предметъ лучше, чѣмъ писатели всѣхъ другихъ націй. „Ихъ книги мало дадутъ истиннымъ ученымъ, но „искусствомъ слова“ господствуютъ надъ людьми, и масса людей, которыхъ святилище науки оттолкнуло сквернымъ и сухимъ слогомъ своихъ научныхъ сочиненій, не могутъ противостоять обольстительному стилю и методѣ французовъ“. Такимъ образомъ, классическій духъ, который создавъ идею, снабдилъ ее орудіемъ, такъ что теоріи восемнадцатаго вѣка уподобились тѣмъ сѣменамъ, которыя, будучи снабжены крыльями, сами собой разлетаются по всей землѣ.

---

*) Кто изъ родившихся въ послѣдніе сорокъ лѣтъ читалъ рѣчи Коллина, Толанда, Тиндаля и всего того поколѣнія, которое называло себя вольнодумцами? (Burke, Reflexions on the French revolution. 1790).

**) Edipe de Voltaire, написанъ 1718, а его письма объ англичанахъ 1728 г. Lettres persannes Монтескье, опубликованныя 1726 г., содержатъ въ зародышѣ всѣ важнѣйшія идеи вѣка.

***) Joseph de Maistre. Неизданныя сочиненія. 8.11.

Нѣтъ ни одной книги того времени, которая была бы написана не для свѣтскихъ людей, и даже для свѣтскихъ дамъ. Въ бесѣдахъ Фонтенеля о множественности міровъ центральная фигура—маркиза. Вольтеръ составляетъ свою Метафизику и свою „Essai sur les moeurs“ для г-жи де Шатле, а Руссо своего „Эмиля“ для г-жи д'Эпинэ. Кондильякъ пишетъ свой „Трактатъ объ ощущеніяхъ“ согласно идеямъ м-ль Ферранъ и даетъ молодымъ дѣвицамъ совѣтъ, какъ читать его логику. Бодо посвящаетъ одной дамѣ и объясняетъ ей свою „Tableau économique“. Самое глубокое изъ сочиненій Дидро есть бесѣда г-жи Д'Эспинасъ съ Д'Аламберомъ и Борде! Среди своего „Духа законовъ“ Монтескье помѣстилъ обращеніе къ музамъ. Почти всѣ сочиненія выходятъ изъ гостиной, и гостиная всегда имѣетъ въ нихъ первенство передъ публикой. Эта привычка такъ сильна, что она существуетъ еще въ концѣ 1789 г. Рѣчи, которыя произносились въ національномъ собраніи, суть только отрывки тѣхъ смѣлыхъ рѣчей, которыя репетировались предварительно, по вечерамъ, передъ дамами. Американскій посланникъ *), практическій человѣкъ, съ важной ироніей разсказываетъ Вашингтону объ академическихъ и политическихъ литературныхъ парадахъ, которые предшествуютъ политическимъ и публичнымъ турнирамъ. „Рѣчи прочитывались предварительно въ маленькомъ обществѣ молодыхъ людей и дамъ, въ числѣ которыхъ находилась обыкновенно прекрасная подруга оратора или имѣющая сдѣлаться ею; и общество очень вѣжливо соглашалось его одобрить, тѣмъ болѣе, что дама, которая задавала тонъ маленькому кружку, не находила ничего достойнымъ порицанія, что естественно вело автора къ тому, чтобы передѣлать, я не скажу—улучшить свою работу, и нѣтъ ничего удивительнаго, если, при такихъ нравахъ, профессіональные философы дѣлались свѣтскими людьми. Никогда и нигдѣ не были они ими обыкновенно и въ такой степени. „Для человѣка науки и ума,—говоритъ одинъ англійскій путешественникъ,—здѣсь главное удовольствіе состоитъ въ томъ, чтобы царить въ блестящемъ кружкѣ свѣтскихъ людей **).

Тогда какъ въ Англіи они исключительно погружены въ свои книги, живутъ среди нихъ и фи гурируютъ въ обществѣ только тогда, когда нужно нести политическую барщину, т. е. журналиста или памфлетиста, служащаго партіи. Во Франціи, по вечерамъ, они ужинаютъ въ виллѣ гдѣ служатъ украшеніемъ, увеселеніемъ гостиныхъ, въ которыхъ они говорятъ. Изъ домовъ, задающихъ обѣды, нѣтъ ни одного, въ которомъ не было бы своего философа, нѣсколько позднѣе—своего экономиста, своего ученаго. Въ корреспонденціяхъ можно прослѣдить за ними отъ замка къ замку, отъ гостиной къ

---

*) Переписка губернатора Morris (по-англійски) 11. 83 (24 Января 1790 г.).

**) A comparative view cum d. Джона Андрью (1785 г.). Arthur Joung 123. „Я отъ всей души пожалѣлъ бы человѣка, который разсчитывалъ бы быть хорошо принятымъ въ блестящихъ кругахъ Лондона, не имѣя другихъ достоинствъ, кромѣ званія члена королевскаго общества. Не такъ было бы въ Парижѣ съ членомъ Академіи Наукъ. Онъ увѣренъ вездѣ въ превосходномъ пріемѣ“.

гостиной. Вольтеръ въ Сирэ у г-жи Шатле, потомъ у ней же въ Фернеѣ, гдѣ онъ имѣлъ театръ и принималъ всю Европу; Руссо у г-жи д'Эпинэ и г-жи Люксенбургъ; аббатъ Бартелеми у г-жи Шуазель, Мармонтель и г-жи Неккеръ; энциклопедисты на обильныхъ обѣдахъ у Гольбаха, на умныхъ и скромныхъ обѣдахъ m-me Жоффренъ, въ маленькомъ салонѣ д'Еспинасъ; всѣ въ—большой гостиной, центральной и оффиціальной—я хочу сказать, во французской академіи, куда каждый новый избранникъ вступаетъ, чтобъ показать свой стиль и получить отъ изысканнаго общества патентъ на мастера въ искусствѣ говорить. Подобная публика налагаетъ на автора обязательство быть писателемъ болѣе, чѣмъ философомъ. Мыслителю приходится заниматься своими фразами, по крайней мѣрѣ, столько же, сколько своими идеями, ему совсѣмъ не позволяется быть кабинетнымъ ученымъ. Онъ не простой эрудистъ, погруженный въ свои фоліанты, на нѣмецкій ладъ, не метафизикъ, углубленный въ свои размышленія, имѣющій учениковъ, которые изучаютъ эту науку и людей учительской профессіи, которые съ трудомъ соглашаются жертвовать для этого собой. Онъ не Кантъ который создаетъ отдѣльный языкъ, ждетъ, чтобы публика у него училась, и выходитъ изъ комнаты, гдѣ онъ работаетъ, только въ залу, гдѣ читаетъ свой курсъ. Здѣсь, наоборотъ, что касается слова,—всѣ эксперты и даже пророки. Математикъ д'Аламберъ публикуетъ маленькіе трактаты о краснорѣчіи. Натуралистъ Бюффонъ произноситъ рѣчь о слогѣ. Законовѣдъ Монтескьё составляетъ очеркъ о вкусѣ. Психологъ Кондильякъ пишетъ томъ объ искусствѣ писать. Въ этомъ состоитъ ихъ наибольшая слава, философія имъ обязана своимъ появленіемъ на свѣтъ. Они извлекли ее изъ кабинета, изъ ученаго собранія, изъ школы, чтобы ввести въ общество и въ бесѣды.

II.

„Г-жа маршальша,—говоритъ, одинъ изъ персонажей Дидро—мнѣ нужно начать о предметѣ въ высокомъ стилѣ".—„Въ такомъ высокомъ, въ какомъ вы хотите, лишь бы я могла васъ понять".—„Если вы меня не поймете, это будетъ только моей виной".—„Это очень вѣжливо, но надо вамъ знать, что я никогда ничего не читала, кромѣ моего молитвенника".—„Это неважно, и красивая женщина, хорошаго поведенія, можетъ философствовать, не замѣчая этого, находить безъ усилія опредѣленія добра и зла, понимать и обсуждать самыя возвышенныя доктрины морали и религіи". Таково искусство восемнадцатаго столѣтія, таково искусство писать. Обращаются къ людямъ, которые хорошо знаютъ жизнь и которые очень часто не знаютъ орфографіи, которые очень интересуются всѣмъ и не приготовлены ни къ чему. Дѣло идетъ о томъ, чтобы низвести истину до нихъ. Невозможны для нихъ никакіе научные, никакіе абстрактные термины, они знаютъ только слова своего обычнаго разговора. И это—не препятствіе. Гораздо легче этимъ языкомъ говорить о философіи, чѣмъ о величіи и о тряпкахъ. Такъ какъ въ каждомъ общемъ вопросѣ есть нѣ-

сколько главныхъ и простыхъ понятій, отъ которыхъ зависитъ остальное,—таковы понятія: о единицѣ, о мѣрѣ, о массѣ, о движеніи—въ математикѣ, объ органѣ, о функціи, о жизни—въ физіологіи, объ ощущеніи, о страданіи, объ удовольствіи, о желаніи—въ психологіи, о пользѣ, о договорѣ, о законѣ—въ политикѣ и морали, о доходѣ, о продуктѣ, о стоимости, объ обмѣнѣ—въ политической экономіи, а также въ другихъ наукахъ, всѣ эти понятія выведены изъ повседневнаго опыта, откуда слѣдуетъ, что, аппелируя къ обыденному опыту при посредствѣ нѣсколькихъ простыхъ примѣровъ, исторій, анекдотовъ, маленькихъ разсказовъ, которые могутъ быть очень пріятны, можно образовать эти понятія и точно опредѣлить ихъ. Коль скоро это сдѣлано—сдѣлано почти все, такъ какъ осталось только вести слушателя шагъ за шагомъ, со ступени на ступень, до послѣднихъ выводовъ: „Не будетъ ли m-me маршальша любезна вспомнить объ опредѣленіи себя?"—„Я вспоминаю, вы называете это опредѣленіемъ?—„Да,—но, вѣдь это изъ философіи. Превосходно, неужели и я тоже говорю изъ философіи?"—„Да, какъ говорятъ прозой, не думая объ этомъ".—Остальное не что иное, какъ дѣло разсужденій, т. е. веденія порядка вопросовъ, успѣха въ анализѣ.

Изъ понятія передѣланнаго и очищеннаго такимъ образомъ выводятъ отдаленную истину, затѣмъ изъ этой вторую истину сложную съ первой, и такъ поочереди до конца безъ другихъ обязательствъ, кромѣ заботы подвигаться впередъ шагъ за шагомъ и не опустить ни одного посредствующаго звена. При помощи этого метода все можно объяснить, все сдѣлать понятнымъ, даже женщинамъ свѣта. Въ восемнадцатомъ вѣкѣ именно отъ этого метода зависѣла сущность всѣхъ талантовъ, ткань лучшихъ произведеній, вся ясность, популярность, весь авторитетъ философіи. Это онъ конструируетъ Логіи—Фонтенеля, „Философію невѣжды" и „Принципы поступковъ"—Вольтера, „Письмо къ m-me де-Бомонъ" и „Савойскаго Викарія"—Руссо, „Трактатъ о человѣкѣ" и „Эпохи природы"—Блежерона, „Разговоры о хлѣбахъ",—Галіани, Разсужденія д'Аламбера о математикѣ, „Языкъ чиселъ" и „Логика" Кондильяка, нѣсколько позднѣе „Изложеніе системы міра" Лапласа и „Общія бесѣды"—Биша и Кювье. Наконецъ, Кондильякъ возвелъ его въ теорію, которая скоро подъ именемъ идеологіи возвысилась до догмы и тогда явилась, какъ резюме цѣлаго метода. По крайней мѣрѣ она резюмируетъ способъ, которымъ философы того вѣка завоевали публику, распространяли свое ученіе и добились имъ успѣха.

III.

Благодаря этому методу, философія стала понятной; но для того, чтобы ее читали, нужно было еще кое что. Я сравниваю восемнадцатый вѣкъ съ обществомъ людей, сидящихъ за обѣдомъ. Нѣтъ недостатка не только въ пищѣ вкусной и удобоваримой; но есть тонкія блюда и лакомства. Духъ—обжора, если сервируютъ для него деликатныя вкусныя блюда по его вкусу, то онъ будетъ ѣсть еще болѣе, такъ какъ чревоугодіе возбуждаетъ аппетитъ.

Двѣ особыхъ приправы входятъ въ кухню вѣка и, смотря по тому, кто ихъ приготовляетъ, онѣ снабжаютъ всѣ яства грубымъ или тонкимъ привкусомъ. Въ эпикурейскомъ обществѣ, возвращеніе къ которому проповѣдуется въ силу природы и правъ инстинкта, сладострастные образы и идеи напрашиваются сами собой. Это коробка съ пряностями раздражающими и аппетитными, каждый употребляетъ ее и злоупотребляетъ ею; иные опрокидываютъ ее цѣликомъ на свою тарелку. И я говорю не только о секретной литературѣ и экстраординарныхъ книгахъ, которыя читала г-жа д'Андло, гувернантка дѣтей короля, и которыя попадаютъ въ руки дочерей Людовика XV *), или о другихъ книгахъ еще болѣе необыкновенныхъ **), гдѣ философскія разсужденія какъ будто интермедіи къ непристойностямъ и сальностямъ, и которыя придворныя дамы держали у себя на туалетѣ подъ заглавіемъ: „Heures de Paris". Здѣсь дѣло идетъ о великихъ людяхъ, о наставникахъ общественнаго разума. Кромѣ Бюффона, всѣ прибавляютъ въ свой соусъ пряности, т. е. непристойности и грубости. Онѣ встрѣчаются вездѣ, даже въ „Духѣ законовъ"; ихъ множество обдуманныхъ и соразмѣренныхъ въ „Персидскихъ письмахъ". Въ своихъ двухъ большихъ романахъ Дидро разбрасываетъ ихъ полной горстью, какъ въ день оргій. Во всѣхъ сочиненіяхъ Вольтера онѣ хрустятъ на зубахъ, какъ перечныя зерна. Вы найдете ихъ, но не пряными, а острыми и жгучаго вкуса въ „Новой Элоизѣ", въ двадцати мѣстахъ въ „Эмилѣ", и сначала до конца въ „Исповѣди". Это вкусъ времени: г. Мальзербъ, такой честный и важный, всѣмъ сердцемъ любилъ „La Pucelle"; самый мрачный изъ Монтаньяровъ. Сенъ-Жюстъ написалъ поэму, столько же нескромную, какъ поэма Вольтера, и самая благородная изъ жирондистовъ — г-жа Роланъ оставила исповѣдь, столь же отважную, какъ „Исповѣдь" Руссо ***). Съ другой стороны, вотъ вторая коробка, которая содержитъ старую галльскую соль, я хочу сказать—шутки и насмѣшки. Она раскрывается въ рукахъ философа, который провозглашаетъ верховенство разума, ибо то, что противно разуму,—абсурдно и смѣшно. Какъ только ловкимъ жестомъ сбрасываютъ внезапно наслѣдственную и торжественную маску, которая прикрывала глупость, мы чувствуемъ необыкновенную судорогу, которая раздвигаетъ углы рта и жестоко потрясаетъ грудь, давая намъ чувство внезапнаго успокоенія, неожиданнаго облегченія, вновь пріобрѣтеннаго превосходства, удовлетворенной мести, восторжествовавшей справедливости. Но, смотря по способу, какимъ снята маска, смѣхъ можетъ быть легкимъ или шумнымъ, сдержаннымъ или неудержимымъ, кислымъ и веселымъ горькимъ и саркастическимъ, насмѣшка проходитъ всѣ степени, начиная съ шутливой и кончая негодующей, — нѣтъ другой литературной приправы, которая изобиловала бы такими варіантами и смѣсями и такъ хорошо комбинировалась бы съ предыдущимъ. Обѣ онѣ вмѣстѣ со времени среднихъ вѣковъ были главными

*) Le portier des chartreux.
**) Therèse Philosophe. Имѣется цѣлая литература такого сорта.
***) Посмотрите изданіе г-на Данвакъ, возстановившаго опущенныя мѣста.

ингредіентами, при помощи которыхъ французская кухня составляла свои самыя лучшія лакомства: басни, сказки, острыя слова, шуточки, насмѣшки, вѣчное наслѣдіе веселой и лукавой расы, которое Лафонтенъ сохранилъ посреди высокопарности и серьезности семнадцатаго вѣка и которое снова появилось въ восемнадцатомъ вѣкѣ на филисофскомъ празднествѣ. За столомъ, такъ хорошо сервированномъ, это составляетъ лучшую приманку для блестящаго общества, главное занятіе котораго состоитъ въ удовольствіи и забавахъ. Присоедините къ этому также умѣніе поваровъ, ихъ талантъ смѣшивать, распредѣлять и прятать приправу, видоизмѣнять и располагать яства, увѣренность ихъ руки, тонкость ихъ языкъ, опытность ихъ въ приготовленіи, традиція и практика, которыя вотъ уже сто лѣтъ дѣлаютъ изъ французской прозы тончайшую духовную пищу. Нѣтъ ничего страннаго, если вы найдете, что они способны приготовить изъ человѣческаго слова всякій соусъ и растворить въ немъ все пріятное.

IV.

Въ этомъ отношеніи четверо изъ философовъ не имѣютъ соперниковъ: Монтескьё, Вольтеръ, Дидро и Руссо. Кажется, достаточно только переименовать ихъ. Современная Европа не знаетъ писателей изъ болѣе крупныхъ, и, однако, слѣдуетъ ближе разсмотрѣть ихъ таланты, чтобы лучше понять ихъ мощь. По тону и пріемамъ Монтескьё занимаетъ первое мѣсто. Нѣтъ другого писателя, который былъ бы болѣе него хозяиномъ самого себя, болѣе спокойнымъ снаружи, болѣе увѣреннымъ въ словѣ. Никогда его голосъ не возвышается, онъ говоритъ умѣренно въ самыхъ сильныхъ мѣстахъ.

Ни одного жеста. Восклицанія, порывы восторга, все, что кажется противорѣчащимъ приличію, возмущаетъ его тактъ, его осторожность, его гордость. Кажется, будто онъ всегда говоритъ передъ маленькимъ кружкомъ избранныхъ, очень утонченныхъ людей, и такимъ способомъ, чтобы при каждомъ случаѣ дать имъ почувствовать ихъ утонченность. Нѣтъ лести болѣе тонкой, и мы невольно благодарны ему за то, что онъ даетъ намъ довольство собой, а его необходимо имѣть, чтобы читать его, ибо онъ умышленно сокращаетъ изложеніе, опускаетъ отдѣльныя звенья; для насъ заполнить ихъ значитъ понять то, что подразумѣвается. Порядокъ у него строгій, но онъ скрытъ, и его отрывочныя фразы проходятъ одна за другой, каждая отдѣльно, какъ коллекція коробокъ или ларцевъ съ драгоцѣнностями, то простыхъ и обнаженныхъ съ виду, то великолѣпно украшенныхъ и отчеканенныхъ, но всегда полныхъ. Откройте ихъ, все въ нихъ—сокровище: тамъ вложено въ тѣсномъ пространствѣ большое количество мыслей, эмоцій, изобрѣтеній,—и наше наслажденіе тѣмъ болѣе живо, что все это, захваченное въ одну минуту, легко помѣщается въ нашей головѣ.

„Вотъ что обыкновенно отличаетъ великую мысль, говоритъ онъ самъ: это когда говорятъ вещи, заставляющія насъ различать множество другихъ вещей и открывать сразу то, что мы могли бы надѣяться открыть только послѣ долгаго изученія“.

Дѣйствительно, такова именно его манера; каждая его мысль—резюме. Во главѣ, состоящей изъ трехъ строкъ, онъ концентрируетъ всю сущность деспотизма Часто даже резюме имѣетъ видъ загадки и мы получаемъ двойное наслажденіе—понять и разгадать. Всегда онъ сохраняетъ эту высшую скромность, это искусство указывать не настаивая. „Въ моей защитѣ „Духа законовъ", говоритъ онъ,—мнѣ нравится не то, что я вижу почтенныхъ теологовъ поверженными на землю, а то, что я тамъ вижу ихъ медленно утопающими". Онъ отличается спокойной ироніей, вѣжливымъ презрѣніемъ, скрытымъ сарказмомъ.

Его персы судятъ о Франціи по-персидски и мы смѣемся надъ ихъ промахами. Къ несчастью не надъ ними, а надъ собою надо смѣяться: такъ какъ оказывается, что ихъ ошибка — есть истина *). Иное письмо, весьма серьезное по тону, кажется намъ комедіей, не имѣющей отношенія къ намъ, полное магометанскихъ предразсудковъ и восточнаго пристрастія: поразмыслите и увидите, что наше пристрастіе не меньше относительно тѣхъ же самыхъ предметовъ. Удары необыкновенной силы и ловкости обрушиваются мимоходомъ противъ господствующихъ учрежденій, противъ поддѣльнаго католицизма, который, въ настоящемъ состояніи, въ какомъ находится Европа, не можетъ существовать пятьсотъ лѣтъ, противъ испорченной монархіи, которая заставляетъ голодать полезныхъ гражданъ, чтобы откормить придворныхъ паразитовъ. Вся новая философія развертывается подъ его рукой съ видомъ невинности, въ пастушескомъ романѣ, въ наивной молитвѣ, въ простодушномъ письмѣ. Ни въ одной изъ способностей, которыми можно поразить или остановить вниманіе, нѣтъ недостатка въ его стилѣ: ни въ грандіозномъ воображеніи, ни въ глубокомъ чувствѣ, ни въ живости чертъ, ни въ тонкости нюансовъ, ни въ твердой рѣшимости, ни въ граціи, ни въ неожиданной шуткѣ, ни въ разнообразіи сценической постановки, но между столькими искусными оборотами апологіями, сказками, тонъ остается безупречный. Если авторъ говоритъ какой нибудь парадоксъ, то съ почти англійской важностью. Если онъ излагаетъ нескромныя вещи, то со всей скромностью слова. Въ самой нескромной шуткѣ, какъ и въ самыхъ неблагопристойныхъ мѣстахъ онъ остается человѣкомъ хорошаго общества, рожденнымъ и воспитаннымъ въ томъ аристократическомъ кругу, гдѣ царитъ полная свобода, но гдѣ знаніе жизни превосходно, гдѣ всякая мысль позволена, но гдѣ всякое слово подавлено, гдѣ имѣютъ право все говорить, но при условіи никогда не забываться. Подобный кругъ всегда тѣсенъ и принимаетъ только избранниковъ. Чтобы быть услышаннымъ толпой, нужно говорить инымъ тономъ.

Философія нуждается въ писателѣ, который считаетъ своимъ главнымъ дѣломъ заботу о ея распространеніи, который не смогъ бы держать ее только про себя, у котораго она бьетъ черезъ край, какъ въ переполненномъ фонтанѣ, который постоянно изливаетъ ее на всѣхъ и во всѣхъ формахъ, широкими потоками, тонкими

*) Письмо 24 (о Людовикѣ XIV).

струйками,—никогда не истощаясь и не замедляясь, черезъ всѣ отверстія и всѣ каналы, въ прозѣ, поэзіи, большихъ и мелкихъ стихотвореніяхъ, театрѣ, исторіи, романѣ, памфлетѣ, адвокатской рѣчи, трактатѣ, брошюрѣ, словарѣ, перепискѣ, публично, тайно, проникаетъ на всякую глубину во всякой почвѣ: такимъ былъ Вольтеръ „Я сдѣлалъ для моего времени болѣе, говоритъ онъ, чѣмъ Лютеръ и Кальвинъ", но въ этомъ онъ ошибается.

Однако, въ одномъ онъ правъ, въ его умѣ была частица ихъ духа. Онъ, какъ и они, хочетъ измѣнить господствующую религію, онъ мнитъ себя основателемъ секты, завербовываетъ и соединяетъ прозелитовъ. Онъ пишетъ отлученія, запрещенія и постановленія,онъ пускаетъ въ обращеніе общій пароль, даетъ „братьямъ" девизы; его страстность напоминаетъ рвеніе апостола или пророка. Подобный духъ неспособенъ оставаться въ бездѣйствіи. Онъ по природѣ своей воинствующій и восторженный. Онъ подчеркиваетъ, бранится, импровизируетъ, пишетъ подъ диктовку своего впечатлѣнія, позволяетъ себѣ всякія слова, даже самыя непристойныя; его мысли — взрывы; образы — молніи. Невозможно ему противиться: онъ слишкомъ заразителенъ. Онъ является созданнымъ какъ бы изъ воздуха и пламени, способнымъ возбуждаться скорѣе, чѣмъ кто-либо изъ людей,—составленнымъ изъ атомовъ эфирныхъ и болѣе вибрирующихъ, чѣмъ у другихъ людей, между которыми нѣтъ ни одного съ болѣе утонченной духовной структурой или душевнымъ равновѣсіемъ, болѣе устойчивымъ и неустойчивымъ въ одно и то же время. Его можно сравнить съ тѣми точными вѣсами, которые реагируютъ даже на дыханіе, и рядомъ съ которыми другіе измѣрительные приборы являются грубыми и неточными. На эти деликатные вѣсы можно класть предметы только очень незначительнаго вѣса, крошечные образчики, и только при такомъ условіи они могутъ быть полезны; такъ дѣлаетъ Вольтеръ, совершенно непроизвольно, въ силу характера своего ума и столько же для самого себя, сколько для своихъ читателей. Вся философія, теологія, изложенная въ десяти томахъ, абстрактная наука, библіотека спеціальныхъ знаній, громадная эрудиція, опытъ и изобрѣтенія сводятся въ его рукахъ къ какому нибудь стихотворенію. Изъ громадной грязной массы шлака онъ извлекаетъ зерна золота или мѣди и предлагаетъ ихъ намъ подъ привлекательной и удобной формой, въ видѣ сравненія, метафоры, эпиграммы, которая дѣлается пословицей. Въ этомъ отношеніи съ нимъ не можетъ сравниться ни одинъ изъ писателей древнихъ или современныхъ, онъ не имѣетъ себѣ равнаго въ цѣломъ мірѣ, какъ популяризаторъ. Не измѣняя тона простой бесѣды и какъ бы играя, онъ заключаетъ въ коротенькія фразы глубочайшія открытія и величайшія гипотезы человѣческаго ума, теоріи Декарта, Мальбранша, Лейбница, Локка и Ньютона, различныя религіи древности и новыхъ временъ, всѣ извѣстныя системы физики, физіологіи, геологіи, морали, естественнаго права, политической экономіи — словомъ всѣ отрасли знанія, всѣ вообще понятія, до которыхъ достигъ родъ человѣческій въ XVIII вѣкѣ. Его склонность въ этомъ направленіи такъ велика, что она увлекаетъ

его даже слишкомъ далеко, онъ умаляетъ великое, чтобъ въ силу этого сдѣлать его понятнымъ. Непозволительно такимъ образомъ размѣнивать на мелкую монету религію, легенду, античную, народную поэзію, безсознательныя творенія инстинкта, полувидѣнія первобытныхъ временъ; онѣ не могутъ служить предметомъ веселой и живой бесѣды. Пикантное слово не годится для ихъ выраженія; оно является только пародіей на нихъ, но какая привлекательность для француза, для людей свѣта, въ книгѣ, гдѣ все человѣческое знаніе выражено въ пикантныхъ словахъ, и какой читатель можетъ воздержаться отъ ея прочтенія, такъ какъ это все-таки дѣйствительно человѣческое знаніе, и я не вижу, какой изъ важнѣйшихъ идей можетъ не оказаться въ распоряженіи человѣка, которому вмѣсто молитвенника служатъ „Діалоги“ „Словарь“ или „Римляне“. Перечтите ихъ пять или шесть разъ и вы только тогда сможете дать мнѣ отчетъ въ томъ, что въ нихъ содержится. Тамъ есть не только взглядъ на вселенную и человѣка, не только общія идеи всякаго рода, но тамъ изобилуютъ еще разъясненія по положительнымъ наукамъ и даже техникѣ, мелкіе факты разсѣяны тысячами, множество деталей и бѣглыхъ обзоровъ по астрономіи, физикѣ, географіи, физіологіи, статистикѣ, исторіи всѣхъ народовъ,—обширный личный опытъ человѣка, который самъ перечитывалъ книги, справлялся съ инструментами, посѣщалъ разныя страны, и который, благодаря своей удивительной памяти, живости своего всегда возбужденнаго воображенія, какъ бы видитъ своими умственными очами все, что онъ говоритъ, по мѣрѣ того, какъ излагаетъ.

Единственный талантъ, наиболѣе рѣдкій для классическаго вѣка, наиболѣе цѣнный изъ всѣхъ, такъ какъ онъ состоитъ въ способности представлять себѣ живыя существа не сквозь прозрачный вуаль общихъ фразъ, но такими, какими они являются по своей природѣ и исторіи, со всѣми ихъ оттѣнками, съ ихъ особенными рельефами, со всѣми ихъ аксессуарами въ пространствѣ и времени. Онъ могъ представить себѣ крестьянина за плугомъ, квакера въ его конгрегаціи, нѣмецкаго барона въ его замкѣ, голландцевъ, англичанъ, шотландцевъ, итальянцевъ, французовъ у нихъ дома, важную даму, интригантку, провинціаловъ, солдатъ, дѣвушекъ, и всѣхъ прочихъ представителей рода человѣческаго, на всѣхъ ступеняхъ общественной лѣстницы, каждаго въ сжатомъ видѣ и ясно освѣщеннаго внезапной вспышкой молніи.

Самая выдающаяся черта его слога, это чрезвычайная быстрота, ослѣпительная и головокружительная цѣпь постоянно новыхъ идей, образовъ, событій, пейзажей, разсказовъ, разговоровъ, миніатюръ, которые слѣдуютъ другъ за другомъ, какъ въ волшебномъ фонарѣ, появляющіеся и почти сейчасъ уже исчезающіе подъ рукой нетерпѣливаго чародѣя, который въ одно мгновеніе ока совершаетъ кругосвѣтное путешествіе, и который, перемѣшивая одно съ другимъ, исторію, басню, истину, фантазію, настоящее и прошедшее время, то вставляетъ свое твореніе въ рамку шутовства, то представляетъ его въ видѣ фееріи, болѣе великолѣпной, чѣмъ феерія оперы. Забавлять, забавляться и дать душѣ возможность испытать все, что

только можно вообразить, уподобиться раскаленной печи, въ которую бросаютъ одно за другимъ самыя различныя вещества, чтобы производить въ ней пламя разныхъ оттѣнковъ, съ разнообразнымъ трескомъ и запахомъ, вотъ его первое стремленіе; „жизнь, говоритъ онъ, это ребенокъ, котораго надо баюкать, пока онъ не уснетъ.

Никогда не было между смертными созданія, столь способнаго возбуждать другихъ, болѣе неспособнаго молчать и большого врага скуки, имѣющаго большой даръ для разговора, болѣе предназначеннаго царить въ этотъ снисходительный вѣкъ, когда достаточно было сказать тридцать остроумныхъ словъ, чтобы человѣкъ имѣлъ доступъ въ свѣтъ и увѣренность быть повсюду принятымъ. Никогда не было писателя, который въ болѣе высокой степени былъ одаренъ способностью къ разговору, искусствомъ воодушевить и оживить каждое слово, талантомъ нравиться свѣтскимъ людямъ. Когда онъ того хочетъ, онъ беретъ самый надлежащій тонъ, умѣетъ облекаться, не стѣсняя себя этимъ, въ приличіе, всегда вѣжливый, крайне учтивый, почтительный безъ униженія, привѣтливый безъ приторности и всегда непринужденный; причемъ ему достаточно быть въ обществѣ, чтобы совершенно естественно взять умѣренный тонъ, скромныя манеры и привлекательную полуулыбку благовоспитаннаго человѣка, который вводя читателей въ міръ своей мысли, принимаетъ ихъ тамъ съ почестями. Если вы близки съ нимъ и маленькимъ интимнымъ кружкомъ, гдѣ онъ развертывается во всю на свободѣ,—вы не перестанете смѣяться.

Внезапно, не подавая вида, что хочетъ это сдѣлать, онъ поднимаетъ покровъ, скрывающій злоупотребленіе, предразсудокъ, глупость какого нибудь изъ человѣческихъ кумировъ. При этомъ внезапномъ свѣтѣ настоящая фигура появляется безобразной, отвратительной или плоской. Мы поражены. Передъ нами смѣхъ торжествующаго, изворотливаго ума. А вотъ онъ представляется уже въ другомъ видѣ—это смѣхъ веселаго темперамента, шутливаго импровизатора, человѣка, который остается молодымъ, ребенкомъ или даже гаменомъ до конца дней своихъ и „выдѣлываетъ прыжки на своей могилѣ“. Онъ любитъ каррикатуры, онъ утрируетъ черты лица, онъ выводитъ на сцену шутовъ, онъ водитъ ихъ во всѣхъ видахъ, какъ маріонетокъ. Онъ никогда не устаетъ заставлять танцовать ихъ въ новыхъ костюмахъ. На высотѣ своей философіи, пропагандистской дѣятельности и полемики онъ устанавливаетъ подъ открытымъ небомъ свой карманный театръ, своихъ куколъ: баккалавра, монаха, инквизитора, Фрерона, короля Давида и множество другихъ, которые проходятъ передъ нимъ, жестикулируя, въ пируэтѣ, въ костюмахъ скомороховъ, и когда, такимъ образомъ, умѣнье владѣть шуткой присоединяется къ потребности въ истинѣ, тогда шутка дѣлается всемогущей, такъ какъ въ ней находятъ мѣсто всѣ присущіе и самые глубокіе инстинкты человѣка: злорадное любопытство, стремленіе унизить другого, отвращеніе ко всякимъ стѣсненіямъ и, наконецъ, тотъ фундаментъ дурного расположенія нашего духа,

который закладываютъ въ насъ условность, этикетъ и налагаемое на насъ обществомъ обязательство носить тяжелый плащъ скромности и почтенія; бываютъ въ жизни моменты, когда и самые мудрые люди сбросили бы его безъ особаго огорченія наполовину или даже совсѣмъ. На каждой страницѣ Вольтеръ,—то грубымъ униженіемъ каррикатуриста, то проворнымъ жестомъ шаловливой обезьяны,—сбрасываетъ серьезныя и торжественныя драпировки этого плаща и показываетъ намъ человѣка,—бѣднаго двурукаго, и въ какихъ положеніяхъ!*) Только одинъ Свифтъ могъ бы отважиться рисовать такія картины. Какія физіологическія непристойности о происхожденіи и проявленіи нашихъ чувствъ! Какая несоразмѣрность между нашимъ разумомъ столь слабымъ, и нашими инстинктами, столь сильными! Какъ глубоко на днѣ своего гардероба прячутъ религія и политика свое грязное бѣлье! Смѣешься надъ всѣмъ этимъ, чтобъ не заплакать, и подъ этимъ смѣхомъ скрываются слезы. Онъ кончаетъ насмѣшкой, которая покрываетъ глубокую печаль и скорбную жалость. На этой ступени и при такихъ объектахъ смѣхъ этотъ есть только результатъ привычки и всегда тенденціозенъ. Онъ—вдохновенная манія; состояніе постояннаго разряда нервной машины, направляемой на все окружающее неудержимо и быстро.

Однако, слѣдуетъ замѣтить, что даръ смѣяться является во Франціи еще послѣдней пружиной, могущей поддержать человѣка въ стоячемъ положеніи. Только благодаря ему сохранялся душевный тонъ, способность души сопротивляться, ея сила, столь полная въ этотъ вѣкъ, когда мужчины и даже женщины вѣрили, что у нихъ достаточно выдержки, чтобъ умереть героями съ улыбкой и остротой на устахъ. Когда талантъ писателя встрѣчается съ такими склонностями публики, не бѣда, если онъ уклоняется съ пути; ему можно даже и поскользнуться, такъ какъ это происходитъ съ нимъ на той наклонной плоскости, которая обща ему со всѣми людьми. Благодаря этому, онъ еще болѣе соотвѣтствуетъ своей аудиторіи и его недостатки оказываютъ ему неменьшія услуги, чѣмъ его достоинства. Послѣ перваго поколѣнія людей, здоровыхъ духомъ, является второе съ душевнымъ равновѣсіемъ не слишкомъ устойчивымъ. Дидро, говоритъ: Вольтеръ—это слишкомъ жаркая печь, которая сжигаетъ все, что печетъ, или скорѣе, это вулканъ во-время изверженія, вулканъ, который втеченіе сорока лѣтъ извергаетъ идеи всѣхъ родовъ и видовъ, кипящія и перемѣшанныя между собою: драгоцѣнные металлы, грубые шлаки, вонючую грязь; безпрерывный потокъ изливается безъ опредѣленнаго направленія, сообразно съ неровностями почвы, но всегда съ краснымъ блескомъ и горькимъ дымомъ раскаленной лавы. Не онъ владѣетъ своими идеями, а онѣ всецѣло владѣютъ имъ. Онъ подчиняется имъ.

Чтобы укротить ихъ ярость и помѣшать ихъ опустошеніямъ, онъ не владѣетъ тѣмъ солиднымъ фундаментомъ, который составляютъ

---

*) Dictionaire philosophique, статья Ignorance, Les oreilles du comte de Chesterfield, L'homme aux quarante écus.

здравый практическій смыслъ и соціальная осторожность, эта внутренняя опора, которая у Монтескьё и даже Вольтера преграждаетъ путь распущенности. Все бьетъ у него черезъ край, выливается изъ переполненнаго кратера безъ разбора, черезъ первую трещину или расщелину, которая случайно встрѣчается на пути— въ видѣ лекціи, письма, бесѣды, импровизаціи, выливается не въ безчисленныхъ брызгахъ, какъ у Вольтера, но широкимъ потокомъ, который катится слѣпо по наиболѣе крутымъ склонамъ вѣка. Онъ такимъ образомъ не только опускается до дна антирелигіозной и антисоціальной доктрины со всѣмъ упорствомъ логики и парадокса, болѣе стремительно и шумливо, чѣмъ самъ Гольбахъ, но еще погружается въ грязь вѣка, которой является непристойность, и растягивается въ ней, какъ и на большой дорогѣ вѣка, которой является декламація.

Въ своихъ большихъ романахъ онъ пространнно излагаетъ грязныя двусмысленности или похотливыя сцены. Непристойность у него совсѣмъ не ослаблена злобой и не прикрыта элегантностью. Онъ вовсе не утонченъ и не пикантенъ. Онъ какъ Кребильонъ-сынъ не умѣетъ рисовать красивыхъ шалуновъ. Онъ новичекъ, выскочка („parvenu") въ настоящемъ большомъ свѣтѣ. Вы видите въ немъ плебея, мощнаго мыслителя, неутомимаго работника и великаго артиста, которому нравы его времени позволили явиться на ужинъ къ моднымъ прожигателямъ жизни. Онъ является тамъ первымъ въ бесѣдѣ, руководитъ оргіей, и, какъ будто заражаясь, какъ будто на пари—говоритъ одинъ болѣе двусмысленностей, болѣе непристойностей, чѣмъ всѣ остальные. Точно также въ своихъ драмахъ, въ своемъ „Essai sur Claude et Nèron", въ своемъ „Commentaire sur Sénéque" и въ своихъ прибавленіяхъ къ „L'histoire philosophique" Рейналя, тонъ его становится повышеннымъ. Это— тонъ сантиментальной риторики, который господствовалъ тогда въ силу классическаго духа и новой моды. Дидро доводитъ его до крайныхъ предѣловъ, до слезливой или яростной напыщенности, восклицаніями, обращеніями, выраженіемъ умиленія, ярости, негодованія, энтузіазма, цѣлымъ оркестромъ тирадъ, въ которомъ пылъ его ума находитъ себѣ выходъ и примѣненіе. Зато между столькими знаменитыми писателями онъ единственный артистъ, творецъ душъ, духъ, въ которомъ объекты, событія и лица рождаются и организуются сами собою, только своими силами, непроизвольно, безъ посторонняго вмѣшательства, какъ будто они существуютъ сами собою и для себя, внѣ комбинаціи автора. Человѣкъ, который написалъ „Salons", „Les petits Romans", les Entretiens, le paradoxe du comédien, особенно „Le Rêve de d'Alambert" и le Neveu de Rameau, писатель въ своемъ родѣ единственный въ свое время. Какъ ни веселы и ни блестящи герои Вольтера, они всегда манекены, ихъ движенія заимствованы, всегда видится позади ихъ авторъ, который дергаетъ за веревку. У Дидро эта связь порвана; онъ вовсе не говоритъ устами своихъ персонажей они для него вовсе не рупоръ и не комическія кривляки, но независимыя и отдѣльныя существа, которыя распоряжаются своими поступками; они имѣютъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, свой акцентъ, свой

темпераментъ, свои страсти, свои мысли, свою философію, свой стиль и иногда свою душу, какъ „le Neveu de Rameau“, душа котораго столь оригинальна, столь сложна, полна, жизненна и безобразна, что она является въ естественной исторіи человѣка единственнымъ въ своемъ родѣ монстромъ и безсмертнымъ документомъ. Онъ сказалъ все о природѣ*), объ искусствѣ, о морали и о жизни**) въ двухъ небольшихъ научныхъ статьяхъ, которыя состоятъ изъ двадцати послѣдовательныхъ лекцій, еще до сихъ поръ не утратившихъ своего очарованія и сохранившихъ смыслъ. Пусть найдутъ что-либо подобное у кого-нибудь другого, кто могъ бы преодолѣть такія трудности, написать хоть одно такое произведеніе! „Нѣтъ ничего болѣе безумнаго и болѣе глубокаго“ ***).

Вотъ преимущество тѣхъ геніевъ, которые не имѣютъ власти надъ собой. У нихъ не достаетъ разсудка, но за то они имѣютъ вдохновеніе; изъ двадцати ихъ сочиненій грязныхъ, безформенныхъ и нездоровыхъ всегда можно найти одно произведеніе или, вѣрнѣе, созданіе, одушевленное существо, жизненное само по себѣ, рядомъ съ которымъ другіе, сфабрикованные простыми учеными, являются только наряженными манекенами. Вотъ почему Дидро такой великій разсказчикъ, мастеръ діалоговъ равный въ этомъ одному Вольтеру, благодаря характеру таланта, совсѣмъ противоположнаго таланту Вольтера: вѣрящій во все, что онъ говоритъ, въ тотъ моментъ, когда говоритъ, забывающій самъ себя, восхищающійся собственнымъ разсказомъ, слушающійся внутренняго голоса, поражающійся его внезапными репликами, влекомый, какъ невѣдомымъ потокомъ, теченіемъ дѣйствія, изгибами бесѣды, которая развивается безъ его вѣдома, возвышающійся, благодаря наплыву идей и внезапныхъ скачковъ мысли до неожиданныхъ образовъ, самыхъ смѣшныхъ или самыхъ великолѣпныхъ; настроенный то на столько лирически, что смогъ бы заполнить цѣлую строфу стиховъ Мюссе ****), то настолько шутовски и нелѣпо, что ничего подобнаго не видано со времени Раблэ. Но при всемъ этомъ, онъ—всегда искрененъ, всегда въ зависимости отъ своего сюжета, отъ своего созданія и своей эмоціи; и не имѣетъ себѣ равнаго по естественности въ этотъ вѣкъ искуственной литературы. Его можно уподобить чудному дереву, которое, будучи пересажено въ оранжерею этой эпохи, раздулось, подгнило на половину своего стебля, но 5, 6 вѣтвей котораго, быстро вытянувшись при полномъ свѣтѣ, превзошли всѣ сосѣдніе стволы—свѣжестью своихъ побѣговъ и силою соковъ.

Руссо также ремесленникъ, человѣкъ изъ парода, плохо приспособленный къ элегантному и утонченному свѣту, теряющійся въ гостиной, неблагороднаго происхожденія, плохо воспитанный, замаранный ранней и опасной опытностью, обладающій непріятной и возбужденной чувственностью, больной душой и тѣломъ.

---

*) Le réve de d'Alambert.

**) Neveu de Rameau.

***) Слова самого Дидро по поводу Réve de d'Alambert.

****) Одна изъ наиболѣе прекрасныхъ строфъ въ „Souvenir“ почти списана, невольно, полагаю изъ діалога объ Отаити.

терзаемый блестящими и разстроенными способностями; лишенный чувства мѣры и вносящій пятна своего воображенія, темперамента и прошлаго въ свою суровую мораль и въ свои самыя чистыя идилліи. Сверхъ того, у него нѣтъ, вдохновенія и въ этомъ онъ—совершенная противоположность Дидро. Это онъ признаетъ и самъ, говоря, что его идеи слагаются въ его головѣ съ невѣроятнымъ трудомъ, что каждый оборотъ поварачивается, пять или шесть разъ въ его головѣ прежде, чѣмъ онъ годится быть изложеннымъ на бумагѣ, что какое нибудь письмо на пустячную тему стоитъ ему цѣлыхъ часовъ усталости и что онъ не можетъ усвоить легкаго и пріятнаго тона и преуспѣть въ сочиненіяхъ, которыя требуютъ труда. Зато въ этомъ пылающемъ очагѣ, охваченномъ продолжительными и напряженными размышленіями, слогъ постоянно выковываемый и перековываемый, пріобрѣтаетъ плотность и закалъ, которыхъ нѣтъ ни у кого другого.

Никогда не видано со временъ Ла-Брюйера фразы, столь полной, столь мужественной, въ которой гнѣвъ, восхищеніе, негодованіе и страсть, отраженныя и сконцентрированныя, выступали бы болѣе выпукло и съ болѣе строгой опредѣленностью. Онъ почти равенъ Ла-Брюйеру въ проведеніи осторожныхъ эффектовъ, въ разсчитанномъ искусствѣ развитія дѣйствія, въ краткости острыхъ резюме, въ убійственной быстротѣ неожиданныхъ возраженій, въ исполненіи бравурныхъ открывковъ, портретовъ, описаній, параллелей, въ которыхъ, какъ въ музыкальномъ crescendo одна и та же идея, видоизмѣненная цѣлой серіей всегда самыхъ живыхъ выраженій, достигаетъ или превосходитъ въ послѣдней нотѣ всего, что она можетъ дать въ энергіи или блескѣ. Наконецъ, въ немъ есть то, чего не достаетъ Ла-Брюйеру—его отрывки связаны между собой. Онъ пишетъ не только страницы, но и книги. Нѣтъ ни одного мыслителя, болѣе сжатаго. Его доказательства вяжутся петля за петлей, въ одномъ, двухъ, трехъ томахъ, какъ огромная безконечная сѣть, въ которую попадаешь волей, неволей. Это систематикъ, который, углубясь въ самого себя, съ глазами, упрямо пригвожденными къ своей мечтѣ или своему принципу, погружается въ нихъ съ каждымъ днемъ все болѣе, разматываетъ выводы одинъ за другимъ и постоянно держитъ въ рукахъ цѣлую сѣть. Не троньте его. Какъ пугливый паукъ отшельникъ, онъ все ткетъ и плететъ изъ глубины своего собственнаго существа, при помощи самыхъ дорогихъ убѣжденій своего разума, самыхъ скрытыхъ движеній своего сердца. При малѣйшемъ сотрясеніи, онъ вздрагиваетъ. Защищаясь, онъ ужасенъ.

Иностранецъ, протестантъ, оригиналъ по темпераменту, по воспитанію, по сердцу, по духу и привычкамъ, одновременно филантропъ и мизантропъ, обитатель идеальнаго міра, который онъ создалъ въ противовѣсъ реальному, онъ находится на новой точкѣ зрѣнія. Никто не чувствителенъ въ такой степени къ порокамъ и бѣдствіямъ существующаго общества. Никого не трогаетъ такъ счастье и добродѣтели будущаго. Вотъ почему онъ вполнѣ завладѣлъ общественнымъ разумомъ: при помощи сатиры и при

помощи идилліи. Безъ сомнѣнія, въ настоящее время эти завоеванія не кажутся крупными. Субстанція, которую они охватывали, исчезла. Мы не составляемъ аудиторіи, къ которой онъ обращался. Знаменитыя разсужденія о вліяніи образованія и о происхожденіи неравенства кажутся намъ школьной риторикой, намъ нужно нѣкоторое усиліе воли, чтобы прочесть „Nouvelle Héloise". Авторъ отталкиваетъ насъ продолжительностью своего озлобленія и преувеличенностью своего энтузіазма.

У него—всегда крайности—то онъ угрюмъ, съ нахмуренными бровями, то со слезами на глазахъ, то съ воздѣтыми къ небу руками.

Гипербола, прозопопея и другіе литературные инструменты играютъ у него часто и тедепціозно. Мы чувствуемъ сильное желаніе видѣть въ немъ то изощреннаго софиста, то старательнаго ритора, то возбужденнаго предсказателя, то есть, всегда актера, который поддерживаетъ извѣстное положеніе, принимаетъ позы и ищетъ эффектовъ. Наконецъ его слогъ вездѣ, кромѣ исповѣди, насъ утомляетъ. Онъ слишкомъ вычуренъ, постоянно напряженъ.

Авторъ—всегда авторъ и своими недостатками снабжаетъ своихъ персонажей. Его Юлія трактуетъ и разсуждаетъ на двадцати страницахъ подрядъ о дуэли, о любви, о долгѣ, съ логичностью, съ талантомъ и фразами, которые сдѣлали бы честь ученому моралисту. Всюду общія мѣста, общія темы, рядъ тягучихъ сентенцій и отвлеченныхъ умствованій, т. е. истинъ болѣе или менѣе безсодержательныхъ, парадоксовъ болѣе или менѣе пустыхъ. Малѣйшій обстоятельный фактъ, анекдоты, черты нравовъ, болѣе интересовали бы насъ, потому что въ настоящее время мы предпочитаемъ опредѣленное краснорѣчіе фактовъ—вялому краснорѣчію словъ. Въ восемнадцатомъ вѣкѣ было иначе и у каждаго писателя такой ораторскій слогъ являлся именно параднымъ костюмомъ, обычнымъ нарядомъ, который необходимо было надѣвать на себя, чтобы быть допущеннымъ въ компанію порядочныхъ людей. То, что намъ кажется теперь вычурностью, тогда было только приличіемъ. Въ классическомъ вѣкѣ совершенный періодъ и выдержанное развитіе дѣйствія относились къ приличіямъ а значитъ были обязательны. Замѣтьте сверхъ того, что эта литературная драпировка, которая скрываетъ отъ насъ истину въ настоящее время, не скрывала ея отъ людей того времени. Они усматривали подъ ней настоящую черту, осязаемую подробность, которыхъ мы уже не видимъ. Всѣ злоупотребленія, всѣ пороки, всѣ излишества утонченности и культуры, всѣ эти общественныя и моральныя болѣзни, которыя Руссо бичевалъ своимъ авторитетнымъ словомъ, были тутъ у нихъ на глазахъ, въ ихъ сердцахъ, видимыя и доказываемыя тысячью ежедневныхъ и обычныхъ примѣровъ. Чтобы примѣнять сатиру, имъ нужно было только смотрѣть и вспоминать. Ихъ опытъ дополнялъ книгу, и благодаря содѣйствію читателей, авторъ имѣлъ могущество, какого ему не достаетъ теперь. Поставимъ себя на мѣсто читателей, и мы найдемъ у себя тѣ же впечатлѣнія. Его вспышки, сарказмы, дерзости всякаго рода, которые онъ обращаетъ къ сильнымъ міра сего, къ свѣтскимъ кавалерамъ и дамамъ, его упрямый и рѣзкій тонъ

скандализируютъ, но не раздражаютъ. Напротивъ, послѣ стольких комплиментовъ, изысканностей и маленькихъ стишковъ, все это пробуждаетъ пресыщенныя палаты. Это—ощущеніе сильнаго и крѣпкаго вина, послѣ долгаго режима миндальнаго молока и засахаренныхъ лимоновъ. Такъ его первое разсужденіе противъ искусствъ и литературы „сразу раздѣваетъ до нага". Но его идилія трогаетъ сердца еще болѣе, чѣмъ его сатиры. Если люди слушаются голоса моралиста, который ворчитъ, то они припадаютъ къ ногамъ волшебника, который ихъ чаруетъ.

Особенно женщины и молодежь преданы тому, кто показываетъ имъ землю обѣтованную. Все накопленное недовольство, утомленіе настоящимъ, скука, смутныя огорченія, множество скрытыхъ желаній пробиваются подобно подземнымъ водамъ, вызываемымъ однимъ ударомъ бурава на полный свѣтъ. Этотъ удара бурава Руссо направилъ подъ самое основаніе, благодаря своему генію и счастливому стеченію обстоятельствъ. Въ обществѣ, совершенно искусственномъ, гдѣ люди—салонныя кривляки и гдѣ жизнь состоитъ въ грандіозномъ парадѣ по выдуманному образцу, онъ проповѣдуетъ возвращеніе къ природѣ, независимость, серьезность, страсть, откровенность, жизнь мужественную, активную пылкую, счастливую и свободную, при полномъ солнцѣ и на вольномъ воздухѣ. Какой просторъ для подавленныхъ способностей, для богатаго и чистаго источника, который всегда течетъ въ глубинѣ человѣка и которому въ нашемъ прекрасномъ мірѣ нѣтъ выхода.

Придворная дама знала любовь именно такою, какою она была тогда: хорошимъ тономъ, иногда просто препровожденіемъ времени, простымъ волокитствомъ, крайняя учтивость котораго плохо прикрываетъ безсиліе, холодность и иногда бездѣльничанье, короче говоря похожденія, забавы и лица, подобныя тѣмъ, которыхъ описалъ Crébillon сынъ. Однажды вечеромъ, отправляясь на балъ, она находитъ на своемъ туалетѣ „Nouvelle Héloise". Я нисколько не удивлюсь, если она заставитъ свою прислугу и свои волосы ожидать цѣлые часы, если въ четыре часа утра она прикажетъ отпречь лошадей, если она остатокъ ночи проведетъ за чтеніемъ книги, если она будетъ захлебываться слезами,—въ первый разъ *) въ жизни она увидѣла человѣка, который любитъ.—Точно также, если вы хотите понять Эмиля, вспомните дѣтей, которыхъ мы описали, маленькихъ сеньоровъ, разубранныхъ, раззолоченныхъ, разпаряженныхъ, напудренныхъ добѣла, украшенныхъ шпагой съ бантомъ, со шляпой подъ мышкой, дѣлающихъ реверансы, предлагающихъ руку, изучающихъ передъ зеркаломъ изящныя позы, повторяющихъ заученные комплименты, хорошенькихъ манекеновъ, въ которыхъ все является работой портного, куафёра, воспитателя и учителя танцевъ; рядомъ съ ними маленькія mesdames шести лѣтъ, еще болѣе искусственныя, стиснутыя въ китовый усъ, обла-

*) Confessions II часть, книга VI „Дамы упивались книгой и авторомъ и ихъ было вовсе не мало, даже въ высшемъ кругу, такъ что я не смогла бы ихъ сосчитать, если бы вздумала сдѣлать это. Я имѣю этому доказательства, которыхъ не желаю писать и которыя, не нуждаясь въ испытаніи, подтверждаютъ мое мнѣніе. J. Iand: Histoire de ma vie I 73.

ченныя въ тяжелое платье, полное конскаго волоса и желѣзныхъ полосъ, отягощенныя куафюрой въ ½ аршина вышины, истыя куколки, которыхъ разрумяниваютъ и которыми мать забавляется каждый день четверть часа, чтобы затѣмъ на цѣлый день оставить ихъ на попеченіе горничныхъ. Такая мать прочитываетъ Эмиля. Ничего удивительнаго, если она тотчасъ же раздѣнетъ бѣдняжку и будетъ строить планы, какъ она сама будетъ кормить своего будущаго ребенка.— Вотъ благодаря такимъ-то контрастамъ, Руссо и былъ такъ силенъ. Онъ показалъ зарю людямъ, которые вставали только въ полдень, пейзажи глазамъ, которые останавливались только на гостиныхъ и дворцахъ, природный садъ человѣку, который прогуливался только по подстриженнымъ аллеямъ и между прямолинейными грядками;—деревню, уединеніе, семью, народъ, простыя и искреннія удовольствія горожанамъ, утомленнымъ сухостью свѣта, излишествами и запутанностью роскоши, однообразной комедіей, которую они играютъ каждый вечеръ, при сотняхъ свѣчъ, у себя или у другихъ *). Слушатели, такимъ образомъ расположенные, не смогутъ ясно отличить напыщенность отъ искренности, чувствительность отъ сентиментальничанья. Они слѣдуютъ за своимъ авторомъ, какъ за вождемъ, какъ за пророкомъ до самаго конца къ его идеальному міру, столько же ради его преувеличеній, сколько и ради его открытій, такъ же далеко по пути заблужденій, какъ и по пути истины.

Вотъ въ чемъ великая мощь литературы этого вѣка. Каждый разъ, какъ только струя таланта, какая бы только она ни была, бьетъ изъ земли, это всегда для того, чтобы пропагандировать и двигать впередъ новую доктрину; найдутся два или три ручейка, которые текутъ въ противоположномъ направленіи: журналъ Фрерона, комедія Палиссо, сатира Жильбера. Философія проникаетъ и бьетъ черезъ край во всѣхъ каналахъ, открытыхъ и тайныхъ, въ нечестивыхъ молитвенникахъ, въ „Théologies portatives", (Карманная теологія)", въ сладострастныхъ романахъ, которые разносятъ тайкомъ, въ маленькихъ злыхъ стихотвореніяхъ, эпиграммахъ и пѣсенкахъ, которыя сочиняются ежедневно, въ ярмарочныхъ представленіяхъ **), въ академическихъ рѣчахъ, въ трагедіи и операхъ, съ самаго начала до самаго конца вѣка, съ „Эдипа" Вольтера до „Фигаро" Бомарше. Кажется, что, кромѣ нея ничего нѣтъ на свѣтѣ; по крайней мѣрѣ, она повсюду и наводняетъ всѣ роды литературы; не бѣда, если она ихъ обезображиваетъ; достаточно того, что они служатъ ея проводникомъ. Въ 1763 году въ трагедіи Манко-Капакъ, ***) „главную роль", пишетъ современникъ играетъ дикарь, который излагаетъ въ стихахъ все, что мы прочли

*) Описаніе восходящаго солнца въ Эмилѣ, Элизіума (природнаго сада) въ Новой Элоизѣ,—посмотрите особенно въ Эмилѣ, (конецъ IV книги) удовольствія Руссо, если бы онъ былъ богатъ.

**) Посмотрите уже у Мариво: (La double inconstance) сатира на дворъ, на придворныхъ, на весь испорченный большой свѣтъ, противополагаемый маленькимъ людямъ,—которые сохранили первобытную доброту—поселянамъ и поселянкамъ.

***) Bachaumont. I. 24.

частью въ „Эмиліи“, частью въ общественномъ договорѣ“ о короляхъ, о свободѣ, о правахъ человѣка, о неравенствѣ сословій“. Этотъ добродѣтельный дикарь спасаетъ сына короля, на котораго первосвященникъ поднимаетъ кинжалъ, затѣмъ, указывая поочередно на себя и первосвященника, онъ восклицаетъ: „Вотъ это—цивилизованный человѣкъ, а вотъ это дикарь“. Эти стихи вызвали аплодисменты, а успѣхъ былъ настолько большой, что пьесу потребовали въ Версаль и играли передъ королемъ. Остается сказать тѣ же самыя слова съ искусствомъ, блескомъ, живостью, вдохновеніемъ и шумомъ: тогда получится „Свадьба Фигаро“. Никогда мысль вѣка не показывалась въ костюмѣ, который дѣлалъ бы ее наиболѣе видимой и въ убранствѣ, придающемъ ей болѣе очарованія. Заглавіе пьесы: „Безумный день“ и, дѣйствительно, это вечеръ безумія, ночь, какія бывали тогда въ большомъ свѣтѣ, французскій маскарадъ въ испанскихъ нарядахъ, съ цѣлымъ рядомъ костюмовъ, съ мѣняющимися декораціями, куплетами, балетомъ, деревней, которая танцуетъ и поетъ; пестрая вереница лицъ: джентльмэновъ, слугъ, дуэній, судей, секретарей, адвокатовъ, учителей музыки, садовниковъ, короче говоря, спектакль для глазъ, для ушей, для всѣхъ чувствъ;—противоположность господствующей комедіи, гдѣ три народныхъ героя, возсѣдая на классическихъ креслахъ, обмѣниваются дидактическими умствованіями, въ абстрактной гостиной. Болѣе того, это путаница, въ которой дѣйствіе изобилуетъ интригами, которыя перекрещиваются, преломляются, завязываются, со всеобщими переодѣваніями, благодарностями, удивленіями, презрѣніями, прыжками въ окно, съ хватаніемъ за шиворотъ и за горло—все это въ молніеносномъ слогѣ, въ которомъ каждая фраза блеститъ всѣми своими гранями, гдѣ всѣ реплики кажутся вырѣзаны рукою гранильщика, гдѣ глаза охотно остановились бы на созерцаніи многихъ красотъ языка если бы умъ не увлекался быстротой діалоговъ и живостью дѣйствія. Но вотъ еще другая приманка, самая сильная приманка для свѣта, который съ ума сходитъ по Парни: это согласно словамъ графа д'Артуа, которыхъ я не осмѣливаюсь цитировать, обращенія къ чувствамъ, призывъ чувствъ, который составляетъ весь букетъ пьесы. Созрѣвающій плодъ, ароматный, висящій на вѣткѣ, еще не падаетъ съ нея, но, кажется, вотъ, вотъ упадетъ, всѣ руки тянутся, чтобы его сорвать; такъ и сладострастіе, чуть, чуть прикрытое, но оттого еще болѣе возбуждающее замѣчается во всемъ, сцена за сценой: въ волокитствѣ графа, въ безпокойствѣ графини, въ наивности Фаншетты, въ шуткахъ Фигаро, въ вольностяхъ Сюзанны, въ заключеніе всего и, чтобъ покончить съ этимъ, въ скороспѣлости Шерубина. Добавьте къ этому постоянно двойной смыслъ каждаго слова, автора, спрятаннаго за своими героями, истину, вложенную въ уста плутовъ, злую насмѣшку, прикрытую наивностью, барина одураченнаго, но избавленнаго отъ возможности быть смѣшнымъ своими прекрасными манерами, лакея, возмущеннаго, но спасеннаго отъ возможности озлобиться, своей веселостью,—прибавьте все это и вы поймете, какъ могъ Бомарше выводить на сцену старый режимъ передъ вождями этого ре-

жима, ставить политическую и соціальную сатиру, пристегивать къ каждому злоупотребленію словечко, которое становится пословицей обрисовывать немногими штрихами всю полемику философовъ противъ государственныхъ тюремъ, литературной цензуры, продажи должностей, привиллегій рожденія, произвола министровъ, неспособности чиновниковъ, болѣе того, соединить въ одномъ лицѣ всѣ народныя требованія; дать главную роль плебею, незаконнорожденному, бѣдняку и лакею, который, благодаря своей ловкости, мужеству и веселому нраву, держится, выплываетъ, идетъ противъ теченія, пробирается впередъ на своей маленькой лодкѣ, увертывается отъ ударовъ большихъ кораблей и даже опережаетъ своего хозяина, осыпая своихъ противниковъ при каждомъ ударѣ веселымъ дождемъ острыхъ словъ. Впрочемъ, разумъ, по крайней мѣрѣ во Франціи, самая великая сила. Для обезпеченія успѣха философіи стоило только, чтобы литература начала служить философіи. Ихъ союзу публика не окажетъ никакого сопротивленія и госпожѣ ничего не стоитъ убѣдить тѣхъ, которые уже соблазнены служанкой.

ГЛАВА II.

Общество во Франціи. I. Аристократія. Обыкновенно она противится нововведеніямъ.—Условія этого сопротивленія. Примѣръ Англіи.—Во Франціи—противоположныя условія. Бездѣятельность высшаго класса.—Философія кажется упражненіемъ ума.—Болѣе того, она матеріалъ для разговора.—Философскія бесѣды въ восемнадцатомъ вѣкѣ.—Ихъ возвышенность и прелесть.—Привлекательность, которой онѣ отличались.—III. Второе слѣдствіе бездѣятельности.—Духъ скептицизма, вольнодумства и критики.—Старыя обиды и новыя недовольства установленнымъ порядкомъ.—Симпатіи къ теоріямъ, которыя на него нападаютъ.—До какой степени ихъ одобряютъ.—Пропаганда ихъ въ высшемъ классѣ. Успѣхъ невѣрія въ религіи.—Его происхожденіе. Оно вспыхиваетъ въ эпоху регентства.—Возростающее раздраженіе противъ духовенства.—Матеріализмъ въ салонахъ.—Мода на науки.—Окончательное мнѣніе о религіи. Скептицизмъ высшаго класса.—V. Успѣхъ оппозицій въ политикѣ.—Его происхожденіе.—Экономисты и сторонники парламентаризма.—Они пролагаютъ пути философамъ.—Фронда салоновъ.—Либерализмъ женщинъ. VI. Неопредѣленныя и смутныя надежды.—Благородство чувствъ поведенія. Мягкость и благія намѣренія правительства.—Ослѣпленіе и оптимизмъ.

I.

Слѣдуетъ ли думать, что публика очень хочетъ дать себя побѣждать и соблазнять. Она только вѣритъ, когда расположена вѣрить и въ успѣхѣ книгъ ея участіе часто больше, чѣмъ—самого автора. Когда вы будете говорить людямъ о религіи и политикѣ, почти всегда у нихъ есть готовое мнѣніе; ихъ предразсудки, ихъ интересы, ихъ положеніе обязываютъ ихъ уже заранѣе; они будутъ слушать васъ только тогда, когда вы громко будете говорить имъ о томъ, что они думаютъ про себя. Предложите уничтожить огромное соціальное зданіе, чтобы перестроить его наново, по совершенно иному плану: обыкновенно вашими слушателями будутъ только живущіе въ лачугахъ или безпріют-

ные, живущіе въ антресоляхъ или подвалахъ, ночующіе подъ открытымъ небомъ, въ пустынномъ мѣстѣ, около домовъ. Что же касается средняго обывателя, жилище котораго тѣсно, но терпимо, онъ боится перевозокъ, онъ держится за свои привычки. Еще труднѣе будетъ имѣть дѣло съ людьми высшаго класса, которые занимаютъ всѣ прекрасныя помѣщенія. Чтобы они приняли вашъ проектъ, нужно, чтобы ихъ ослѣпленіе и безкорыстіе достигли высшей степени. Въ Англіи они скоро замѣтили опасность. Какъ бы философія ни была тамъ скороспѣла и самобытна, она тамъ не привилась. Въ 1729 г. Монтескье писалъ въ своихъ путевыхъ замѣткахъ: „Въ Англіи—никакой религіи, четверо или пятеро изъ членовъ палаты общинъ посѣщаютъ мессу или проповѣди... Если кто нибудь заговоритъ о религіи, всѣ начинаютъ смѣяться. Во время моего пребыванія тамъ, кто то сказалъ: „Я вѣрю въ это, какъ въ членъ символа вѣры“ и всѣ стали смѣяться. Тамъ имѣется одинъ комитетъ для разсмотрѣнія вопросовъ вѣры, но и это считаютъ смѣшнымъ“. Пятьдесятъ лѣтъ спустя, общественный разумъ поворотилъ назадъ. „Всѣ, у кого была хорошая крыша надъ головой и хорошая одежда на тѣлѣ *) увидѣли плоды новыхъ доктринъ. Во всякомъ случаѣ, они чувствуютъ, что кабинетныя умозрѣнія не должны переходить въ проповѣди на улицѣ. Нечестіе имъ кажется неделикатностью; они разсматриваютъ религію, какъ цементъ общественнаго порядка. Это потому, что сами они люди общественные, занятые дѣломъ, принимающіе участіе въ управленіи, наученные ежедневнымъ и личнымъ опытомъ. Практичность предохранила ихъ отъ химеръ теоретиковъ; они знаютъ по себѣ самимъ, какъ трудно руководить людьми и сдерживать ихъ. Обращаясь съ машиной они знаютъ какъ она дѣйствуетъ, чего она стоитъ, какова ея цѣна, и никогда не соблазняются, чтобы отбросить ее, чтобы вмѣсто нея испытать другую, которую считаютъ лучшей, но которая существуетъ еще только на бумагѣ. Баронету или сквайру, который является судьей въ своихъ владѣніяхъ, не трудно разглядѣть въ приходской власти своего необходимаго сотрудника и естественнаго союзника. Герцогъ или маркизъ, который засѣдаетъ въ верхней палатѣ рядомъ съ епископами нуждается въ ихъ голосахъ, чтобы провести билль и въ ихъ помощи, чтобы привлечь на свою сторону пятнадцать тысячъ сельскихъ священниковъ, которые располагаютъ голосами деревни. Такимъ образомъ, рука каждаго касается одного изъ колесъ соціальной машины, большого или малаго, главнаго или придаточнаго, и это сообщаетъ имъ серьезность, предусмотрительность и здравый смыслъ. Когда дѣлаютъ дѣйствительное дѣло, тогда нѣтъ желанія возноситься въ воображаемомъ мірѣ; благодаря этому, всякій, кто занятъ работой на твердой землѣ, относится съ отвращеніемъ къ воздушнымъ прогулкамъ въ пустомъ пространствѣ. Чѣмъ болѣе человѣкъ занятъ, тѣмъ менѣе онъ мечтаетъ и для дѣлового человѣка геометрія общественнаго договора есть только игра чистаго разума.

*) Слова Маколея.

II.

Во Франціи совсѣмъ наоборотъ. „Я туда прибылъ въ 1774 г. говоритъ одинъ англійскій джентльмэнъ, прямо изъ дома моего отца, который никогда не возвращался изъ парламэнта раньше трехъ часовъ утра, котораго я цѣлое утро видѣлъ исправляющимъ корректурные листы своихъ рѣчей для журналовъ, и который, обнявъ насъ поспѣшно и съ разсѣяннымъ видомъ, бѣжалъ на политическій обѣдъ...

Во Франціи я встрѣтилъ людей самаго высокаго происхожденія, наслаждающихся самымъ широкимъ досугомъ. Они видались съ министрами, но лишь для того, чтобы наговорить имъ любезностей и получить отъ нихъ знаки почтенія; въ концѣ концовъ они настолько же чужды политическимъ дѣламъ Франціи, какъ Японіи, и еще болѣе чужды своимъ личнымъ, напримѣръ, знаютъ своихъ крестьянъ только по отчетамъ управляющихъ. Если одинъ изъ нихъ, въ званіи губернатора, отправлялся въ провинцію, то только на показъ; въ то время, какъ интендантъ управлялъ, онъ представительствовалъ съ граціей и великолѣпіемъ, принималъ, задавалъ обѣды. Принимать, задавать обѣды, любезно занимать гостей—вотъ всѣ занятія большого вельможи. При томъ, бесѣда происходитъ между нимъ и ему подобными, и каждый имѣетъ право говорить все въ пріятной компаніи. Прибавьте, что соціальный механизмъ вертится самъ собой, какъ солнце, съ незапамятныхъ временъ, своей собственной силой. Развѣ можетъ онъ быть потревоженъ салонными разговорами? Во всякомъ случаѣ, не онъ, сеньоръ, руководитъ этимъ механизмомъ, онъ вовсе не отвѣтственъ за его дѣйствіе. Такимъ образомъ, ни одной скрытой мысли, ни одной мрачной заботы. Легко, смѣло идетъ онъ по слѣдамъ своихъ философовъ; оторванный отъ дѣлъ, онъ можетъ предаваться идеямъ, какъ напримѣръ, молодой человѣкъ изъ хорошей фамиліи, который, выйдя изъ школы, схватываетъ одинъ принципъ, выводитъ изъ него слѣдствія и строитъ систему, не безпокоясь объ ея примѣненіи.

Нѣтъ ничего пріятнѣе этого умозрительнаго порыва. Духъ паритъ въ вышинѣ, какъ окрыленный. Однимъ взглядомъ онъ обнимаетъ самые широкіе горизонты, всю человѣческую жизнь, всю міровую экономію, основу міра, религіи, общества. Хорошо, но какъ же бесѣдовать, если воздерживаться отъ философіи? Что это за кружокъ, куда не допускаются ни высшая политика, ни высшая критика? И какой иной мотивъ можетъ объединить образованныхъ людей, если не желаніе поговорить вмѣстѣ о высокихъ матеріяхъ? Уже втеченіе двухъ столѣтій во Франціи въ разговорахъ касаются всего:—вотъ почему въ нихъ столько привлекательности. Иностранцы не могутъ имъ противиться. У нихъ нѣтъ ничего по-

---

*) Морлэ, мемуары I. В. 9. (о сочиненіяхъ и разсужденіяхъ Дидро, Гольбаха и атеистовъ). „Все казалось тогда невиннымъ въ этой философіи, которая жила подъ сѣнью умозрѣній и въ самыхъ смѣлыхъ вещахъ искала только мирнаго духовнаго упражненія“.

добнаго. Лордъ Честерфильдъ ставитъ бесѣду французовъ въ примѣръ. „Она касается всегда въ нѣкоторыхъ пунктахъ исторіи, критики или даже философіи, что болѣе приличествуетъ разумнымъ существамъ, чѣмъ наши разсужденія о вистѣ и о погодѣ“.

Руссо, такой ворчунъ, признаетъ, „что какой-нибудь отдѣлъ науки о нравственности не могъ бы быть лучше разсмотрѣнъ въ обществѣ философовъ, чѣмъ въ обществѣ красивой женщины въ Парижѣ“. Конечно, тамъ болтаютъ иногда и глупости, но если какой-нибудь значительный человѣкъ сдѣлаетъ важное предположеніе или станетъ разбирать серьезный вопросъ, вниманіе сосредоточивается на этомъ новомъ предметѣ; мужчины, женщины, старики, молодежь, всѣ спѣшатъ разсмотрѣть его со всѣхъ сторонъ, и поражаешься здравымъ смысломъ и разумомъ, которые, какъ бы по желанію, являются изъ этихъ шаловливыхъ головъ“. По правдѣ говоря, въ этомъ вѣчномъ празднествѣ, которое задаетъ себѣ блестящее общество, первое мѣсто занимала философія. Безъ философіи обыкновенная шутка казалась вялой, она была своего рода высшей опорой, въ которой проходятъ и сталкиваются то въ серьезныхъ костюмахъ, то въ комичныхъ нарядахъ, всѣ великія идеи, которыя могутъ интересовать мыслящую голову. Трагедія того времени не отличается отъ философіи почти ничѣмъ, кромѣ того, что она имѣетъ всегда торжественный видъ и играется только въ театрѣ, вторая же принимаетъ всѣ виды и находится повсюду, такъ какъ разговоръ есть повсюду. Не бываетъ ни одного обѣда, ни одного ужина, гдѣ бы ей не отводилосьмѣсто.

Собираются за обѣдомъ среди утонченной роскоши, улыбающіяся нарядныя женщины и образованные и любезные мужчины — избранное общество, въ которомъ у всѣхъ быстрый умъ и увѣренное обхожденіе.

Со второго блюда вспыхиваетъ вдохновеніе, сверкаютъ остроты, кипитъ и пылаетъ умъ. Можно ли удержаться, чтобы за дессертомъ не изложить въ остроумныхъ выраженіяхъ важныхъ матерій? Къ кофе появляется вопросъ о безсмертіи души и существованіи Бога. Чтобы мы могли представить себѣ эту очаровательную и смѣлую бесѣду, надо взять корреспонденцію, маленькіе трактаты, діалоги Дидро и Вольтера—все, что есть наиболѣе живого, наиболѣе тонкаго и наиболѣе пикантнаго въ литературѣ этого вѣка; и это еще будетъ только остатками, только мертвымъ обломкомъ. Вся эта писанная философія говорилась, и говорилась съ выраженіемъ, съ живостью, съ неподражаемой естественностью импровизаціи, съ жестами и измѣнчивымъ выраженіемъ гнѣва и энтузіазма. Еще и теперь, охладѣвшая и на бумагѣ, она увлекаетъ и плѣняетъ; что же было тогда, когда она выходила живая и трепещущая изъ устъ Вольтера или Дидро? Въ Парижѣ каждый день бывали ужины подобные тому, который описалъ Вольтеръ, гдѣ, „два философа, три умныхъ дамы, M. Pinto, знаменитый еврей, капелланъ реформатской капеллы батавскаго посланника, секретарь князь Голицынъ, православный, швейцарскій капитанъ-кальвинистъ, собравшись вокругъ одного стола, обмѣнивались втеченіе четырехъ часовъ своими анекдотами, остротами,

замѣчаніями и сужденіями относительно всѣхъ „предметовъ искусства, науки и вкуса". У барона Гольбаха перебывали по очереди самые замѣчательные и самые образованные иностранцы: Юмъ, Уильксъ, Стернъ, Беккаріо, Верри, аббатъ Галіани, Гаррикъ, Франклинъ, Пристлей, лордъ Шельбернъ графъ Крейдскій, герцогъ Брауншвейгскій, будущій электоръ Майнцкій. Основу общества барона составляли: Дидро, Руссо, Гельвецій, Дюкло, Рейналь, Сюаръ, Мармонтель, Буланже, кавалеръ де Шатлэ, путешественникъ Бартеръ докторъ Руель, химикъ. Два раза въ недѣлю въ воскресенье и четвергъ, „не въ ущербъ другимъ днямъ" у него обѣдали въ два часа, въ силу обычая, знаменательный обычай, который оставляетъ для разговора и веселья всю силу человѣка и лучшіе часы дня. Въ то время не откладывали бесѣдъ на поздніе и ночные часы; не были принуждены, какъ въ настоящее время подчинить ее нуждѣ въ деньгахъ, парламенту, биржѣ,—разговоръ есть великое дѣло. „Прибывъ въ два часа, говоритъ Морелле, мы тамъ были еще въ 7, 8 часовъ вечера *). Именно тамъ можно было услышать бесѣду, наиболѣе свободную, наиболѣе одушевленную и наиболѣе поучительную изъ когда-либо бывшихъ. Нѣтъ ни одной вольности политической или религіозной, которая не была бы тамъ выдвинута и обсуждена pro и contra.

Часто кто-нибудь одинъ получалъ слово и спокойно предлагалъ свою теорію, не будучи прерываемъ. Другой разъ бывали рѣдкія сраженія по всей формѣ, причемъ остальное общество являлось спокойными зрителями ихъ. Именно тамъ слышалъ я Ру и Дарeэ, излагающими свои теоріи о землѣ, Мармонтеля, высказывающаго свои прекрасны принципы, собранные имъ въ Elements de la littérature, Койналя, говорившаго намъ о ливрахъ, су и денье, торговлѣ испанцевъ въ Вера-Круцѣ и объ Англіи и ея колоніяхъ, Дидро—импровизирующаго объ искусствахъ, морали, метафизикѣ съ этимъ несравненнымъ пыломъ, съ этимъ изобиліемъ выраженій, потокомъ образовъ и логики, съ той исключительностью стиля, той мимикой, подобной которой не было ни у кого другого, и слабый образъ которой сохранился только въ трехъ, четырехъ изъ его сочиненій.

Среди нихъ секретарь неаполитанскаго посольства Галіани, красивый геніальный карликъ, нѣчто вродѣ Платона или Макіавелли съ вдохновеніемъ и жестами арлекина, неистощимый въ разсказахъ, удивительный шутникъ, совершенный скептикъ, „не вѣрящій ничему и ни во что", даже въ новую философію, онъ не довѣряетъ атеистамъ салона, отклоняетъ ихъ дифирамбы каламбурами и съ парикомъ въ рукѣ, съ ногами, скрещенными на креслѣ, на которое онъ вскарабкался, доказываетъ имъ при помощи комическаго нравоученія, что они „разсуждаютъ или звонятъ если не какъ болваны, то, по крайней мѣрѣ, какъ колокола **) и, во вся-

*) Morellet. Mémoires 1. 733.

**) Непереводимая игра словъ одинаково произносимыхъ: raisonner—разсуждать и résonner—звучать и непереводимый каламбуръ въ словѣ cruche—кувшинъ и болванъ (qu'ils raisonnent ou resonnent, si non comme des cruches, du moins comme des cloches).

комъ случаѣ, такъ же скверно, какъ теологи". „Это представляло— говоритъ одинъ изъ присутствующихъ—самую пикантную вещь въ мірѣ; это стоило лучшаго изъ спектаклей и лучшаго изъ развлеченій. Найдите же способъ, чтобы люди привыкшіе проводить жизнь въ разговорѣ, не стали разыскивать людей, хорошо говорящихъ! Столь же легко было бы предписать ихъ женамъ, которыя каждый вечеръ ходятъ въ театръ и играютъ комедію дома, не привлекать къ себѣ извѣстныхъ актеровъ и пѣвцовъ: Желіотъ и Преволь, молодого Молэ, который, будучи боленъ и нуждаясь въ подкрѣпляющихъ средствахъ, получилъ въ одинъ день болѣе двухъ тысячъ бутылокъ вина отъ всякаго рода придворныхъ дамъ". Клэронъ, заключенная въ тюрьму по приказу епископа, привлекаетъ туда удивительное стеченіе каретъ и царитъ среди самаго блестящаго круга, въ лучшемъ аппартаментѣ тюрьмы.

Когда пользуются жизнью такимъ образомъ, философъ со всѣми своими идеями становится столь же необходимымъ для салона, какъ и люстра со всѣми своими свѣчами. Онъ—часть новой роскоши. Его вывозятъ. Самодержцы, среди своего великолѣпія и на вершинѣ своего успѣха, приглашаютъ его къ себѣ, чтобы отвѣдать хоть одинъ разъ въ своей жизни удовольствіе свободной и совершенной бесѣды.

Когда Вольтеръ пріѣхалъ въ Пруссію, Фридрихъ II хотѣлъ поцѣловать у него руку, ласкалъ его, какъ любимую женщину и даже впослѣдствіе, послѣ столькихъ взаимныхъ уколовъ, не могъ воздержаться отъ переписки съ нимъ. Екатерина II пригласила къ себѣ Дидро и, ежедневно, впродолженіе двухъ или трехъ часовъ изощряла свой умъ въ бесѣдахъ съ нимъ на возвышенныя темы. Густавъ III, будучи во Франціи, сблизился съ Мармонтелемъ и принялъ визитъ Руссо, какъ особую честь. Про Вольтера справедливо говорили, что у него на рукахъ „всѣ четыре короля": Прусскій, Шведскій, Датскій и Русскій, не считая другихъ картъ,— принцевъ, принцессъ, великихъ князей и маркграфовъ. Очевидно, въ этомъ обществѣ первое мѣсто принадлежитъ писателямъ; темой для разговоровъ служатъ только ихъ поступки и жесты, и имъ не устаютъ оказывать почести. „Здѣсь,—пишетъ Юмъ Робертсону,—я питаюсь одной амброзіей, пью одинъ нектаръ, дышу однимъ ѳиміамомъ и ступаю только по цвѣтамъ. Каждый человѣкъ, котораго я встрѣчаю, и въ особенности каждая женщина, сочла бы, что манкируетъ самой своей священной обязанностью, еслибы не обратилась ко мнѣ съ длинной и замысловатой рѣчью въ честь меня". Когда онъ былъ представленъ въ Версали, будущій Людовикъ XVI, десяти лѣтъ, будущій Людовикъ XVIII, восьми лѣтъ, и будущій Карлъ X, четырехъ лѣтъ, каждый сказалъ ему комплиментъ относительно его книги. Мнѣ нѣтъ надобности описывать возвращеніе Вольтера, его тріумфъ, того, какъ вся академія in corpore явилась его встрѣчать, какъ его экипажъ былъ остановленъ толпой, описывать кишащія народомъ улицы, окна, лѣстницы, балконы, переполненные поклонниками, опьяненную театральную залу, которая не перестаетъ ему апплодировать, снаружи весь народъ, сопровождающій его криками „ура", такой же нескончаемый

наплывъ посѣтителей въ его салонахъ, какъ и у короля, знатныхъ вельможъ, тѣснившихся къ дверямъ и напрягающихъ слухъ, чтобъ уловить хоть одно его слово; знатныхъ дамъ, на цыпочкахъ слѣдящихъ за малѣйшимъ его жестомъ.

„Чтобы понять то, что я испытывалъ,—говоритъ одинъ изъ присутствовавшихъ, — надо было быть въ той атмосферѣ, гдѣ я жилъ: это атмосфера энтузіазма“.—„Я съ нимъ разговаривалъ“, этого одного слова было достаточно, чтобы первый встрѣчный сдѣлался „особой“. И въ самомъ дѣлѣ, онъ видѣлъ дивнаго капельмейстера, который вродолженіе 50-ти лѣтъ управлялъ головокружительнымъ баломъ идей, того, кто, будучи всегда на эстрадѣ, всегда во главѣ, признанный руководитель всемірной бесѣды, создавалъ мотивы, давалъ тонъ, отмѣчалъ размѣръ, запечатлѣвалъ порывъ и первый подавалъ знакъ ударомъ смычка.

III.

Замѣтьте крики, которыми его встрѣчали: „Да здравствуетъ авторъ „Генріады“, защитникъ Каласа, авторъ „Дѣвственницы!“. Никто въ настоящее время не сталъ бы превозносить его ни за первое, ни за послѣднее произведенія. Это намъ указываетъ на склонность вѣка; отъ писателей требовали не только идей, но идей оппозиціонныхъ. Отставить аристократію отъ дѣлъ, это значитъ сдѣлать ее фрондирующей; человѣкъ только тогда охотно принимаетъ законъ, когда онъ способствуетъ проведенію его въ жизнь. Если вы хотите сблизить его съ правительствомъ, сдѣлайте такъ, чтобъ онъ былъ къ нему причастенъ. Въ противномъ случаѣ, оставаясь зрителемъ, онъ будетъ видѣть однѣ ошибки, онъ будетъ чувствовать только тренія, онъ будетъ расположенъ только къ критикѣ и осмѣянію. Дѣйствительно, въ этомъ случаѣ, онъ какъ бы въ театрѣ; въ театрѣ же хотятъ забавляться и прежде всего не быть стѣсненнымъ. А сколько стѣсненій представляетъ собой установленный режимъ. На первомъ мѣстѣ—религія. Для любезныхъ „шалопаевъ“, которыхъ описываетъ Вольтеръ *), для „тысячи людей, которымъ нечего дѣлать, кромѣ какъ играть и развлекаться“, она является педагогомъ самымъ непріятнымъ, постоянно ворчливымъ, враждебнымъ по отношенію къ пріятнымъ удовольствіямъ, враждебнымъ къ свободному разсужденію; педагогомъ, сжигающимъ книги, которыя хочешь прочесть, внушающимъ догмы, которыхъ не слушаешь больше. Говоря прямо—это „bête noire“, кто бы ни отпустилъ колкости на ея счетъ, онъ встрѣчается съ распростертыми объятіями.—Вторая цѣпь—это мораль половъ. Она кажется достаточно тяжелой людямъ удовольствія, товарищамъ Ришелье, Лозена и Тилли, героямъ Кребильона-сына, всему этому галантному и распутному міру, для котораго ненормальность сдѣлалась нор-

*) Вавилонская принцесса.

мальнымъ явленіемъ. Наши представители бѣлой кости безъ труда примутъ теорію, которая узаконитъ ихъ обычную жизнь. Они будутъ очень довольны узнавъ, что бракъ есть условность и предразсудокъ. Они рукоплещутъ Сенъ-Ламберту, когда тотъ во время ужина, поднявъ бокалъ шампанскаго, провозглашаетъ возвратъ къ природѣ и къ нравамъ Отаити (d'Otaïti).—Послѣднее препятствіе, правительство, есть самое стѣснительное изъ всѣхъ, потому что оно примѣняетъ остальныя и давитъ человѣка своей тяжестью, присоединенной ко всей тяжести другихъ цѣпей. Оно абсолютно, централизовано, дѣйствуетъ по произволу, оно отстало, совершаетъ ошибки, имѣетъ столько оборотныхъ сторонъ: какая масса причинъ для недовольства! Противъ него затаенная и глухая злоба тѣхъ, которые нѣкогда были могущественными и которыхъ оно лишило власти; противъ него провинціальные штаты, парламентъ, знатные вельможи провинцій, старинное столбовое дворянство, которое, какъ Мирабо, охраняютъ феодальный духъ, и, какъ отецъ Шатобріана, называютъ аббата Рейналя „умницей". Противъ него недовольство всѣхъ тѣхъ, которые считаютъ себя обойденными при распредѣленіи должностей и милостей, не только провинціальное дворянство, оставшееся за бортомъ*) въ то время, какъ придворная знать раздѣляетъ королевскій столъ, но и большая часть придворныхъ, которымъ остаются однѣ крохи, тогда какъ маленькій интимный кружокъ поглощаетъ всѣ значительные и лакомые куски. Противъ него злое чувство тѣхъ, которыми оно управляетъ; эти, видя, что оно беретъ на себя роль Провидѣнія, беретъ на себя руководительство всѣмъ, ставятъ ему въ вину все, какъ дороговизну хлѣба, такъ и неисправность дорогъ. Противъ него новѣйшій гуманизмъ, который въ салонахъ наиболѣе элегантныхъ, обвиняетъ его въ поддержкѣ ветхихъ остатковъ варварской эпохи, обвиняетъ его за налоги, плохо распредѣленные, плохо использованные, плохо взимаемые, за кровавые законы, за слѣпое судопроизводство, за безчеловѣчныя казни, за преслѣдованіе протестантовъ, за „lettres de cachet", за государственныя тюрьмы. И я не говорю ужъ о его насиліяхъ, скандалахъ, о его позорѣ, не говорю о Парижскомъ Договорѣ, о m-me дю-Барри, о банкротствѣ. Является отвращеніе; рѣшительно все никуда не годно. Зрители пьесы говорятъ между собой не только о томъ, что пьеса плоха, но что и театръ плохо сооруженъ, неудобенъ, заглушаетъ звуки, что онъ слишкомъ тѣсенъ, настолько, что для того, чтобъ получить удовольствіе, его необходимо разрушить и перестроить, начиная съ погребовъ вплоть до чердаковъ.

Въ это время подходятъ новые строители со своими спеціальными на этотъ счетъ разсужденіями, съ уже готовыми планами; они доказываютъ, что всѣ великія общественныя учрежденія, религія, мораль, общество, не могутъ не быть грубо сколоченными

*) Напримѣръ, отецъ Мармонта, дворянинъ, удостоенный на 28-мъ году ордена Св. Людовика, бросаетъ службу, потому что всѣ повышенія предоставлены придворнымъ. Удалившись въ свое имѣніе, онъ сдѣлался либераломъ и обучаетъ своего сына разбираться въ Отчетахъ Неккера. (Мармонъ.)

и нездоровыми, потому что до сихъ поръ они строились изъ кусковъ и обломковъ, постепенно, по частямъ и чаще всего варварами, во всякомъ случаѣ простыми каменьщиками, и всегда на авось, ощупью, безъ принциповъ. Они же являются архитекторами, у нихъ есть принципы, принципы разума, природы правъ человѣка, принципы простые и плодотворные, о которыхъ каждый можетъ слышать и изъ которыхъ достаточно взять выводы, чтобъ замѣнить безформенныя постройки прошлаго великолѣпнымъ зданіемъ будущаго. Велико искушеніе для недовольныхъ, невѣрующихъ, эпикурейцевъ и филантроповъ. Они охотно принимаютъ крайности, которыя совпадаютъ съ ихъ тайными желаніями; по крайней мѣрѣ, они ихъ принимаютъ въ теоріи и на словахъ. Великія слова, свобода, справедливость, общественное благо, человѣческое достоинство, эти слова такъ прекрасны и къ тому же такъ неопредѣленны! Какое сердце можетъ запретить себѣ любить ихъ и какой умъ можетъ предвидѣть всѣ ихъ примѣненія? Тѣмъ болѣе, что до послѣдняго момента теорія не спускается съ высотъ, она остается заключенной въ своихъ отвлеченностяхъ, она напоминаетъ академическую диссертацію, въ теоріи дѣло постоянно касается человѣка отвлеченнаго, общественнаго договора, общества воображаемаго и совершеннаго. Найдется ли въ Версали придворный, который отказался бы провозгласить равенство въ Салентѣ?—Между двумя этажами человѣческаго разума, верхнимъ, въ которомъ создаются чистыя разсужденія, и нижнимъ, гдѣ живутъ практическія вѣрованія, сообщеніе бываетъ не полнымъ и медленнымъ. Извѣстное число принциповъ не выходитъ изъ верхняго этажа; они здѣсь находятся на положеніи достопримѣчательностей; это механизмы тонкіе, замысловатые, которымъ охотно производятъ смотры, но которые почти никогда не употребляются въ дѣло. Если иногда владѣлецъ переноситъ ихъ въ нижній этажъ, онъ пользуется ими только на половину; установленныя привычки, вы годы или прежніе и болѣе сильные инстинкты ограничиваютъ ихъ на практикѣ. Этимъ не выражается нечестность, онъ просто человѣкъ; каждый изъ насъ исповѣдываетъ истины, которыми онъ не руководится. Однажды вечеромъ, когда неповоротливый адвокатъ Тарже взялъ щепотку табаку изъ табакерки жены маршала де-Бово, послѣдняя, салонъ которой считался маленькимъ демократическимъ клубомъ, осталась пораженной этой чудовищной фамильярностью. Позже, Мирабо, вернувшись къ себѣ послѣ того, какъ онъ вотировалъ отмѣну титуловъ дворянства, схватилъ своего лакея за ухо и, смѣясь, крикнулъ ему своимъ звучнымъ голосомъ: „Ну, а ты, плутъ, я надѣюсь, однако, что для тебя я останусь навсегда господиномъ графомъ!“—Это показываетъ, какимъ образомъ усваивались новыя теоріи въ аристократической головѣ. Онѣ занимали весь верхній этажъ и здѣсь онѣ ткали съ веселымъ гуломъ основу безконечныхъ разговоровъ; ихъ жужжаніе продолжается втеченіе всего вѣка; никогда прежде въ салонахъ не наблюдалось такого круговорота общихъ фразъ и красивыхъ словъ. Кое-что изъ нихъ упало въ нижній этажъ, можетъ быть это была одна пыль я хочу сказать, однѣ надежды, довѣріе къ будущему,

вѣра въ разумъ, склонность къ справедливости, юношеская и благородная готовность, энтузіазмъ, который быстро проходитъ, но который иногда можетъ наэлектризовать до самоотрицанія и самоотверженія.

IV.

Прослѣдимъ успѣхи философіи въ высшемъ классѣ общества. Религія получаетъ первые и самые большіе удары. Маленькая кучка скептиковъ, которая была едва замѣтна при Людовикѣ XIV, пріобрѣтала своихъ новыхъ рекрутовъ втихомолку. Въ 1698 г. Палатина, мать регента, уже пишетъ, что „теперь нельзя встрѣтить почти ни одного молодого человѣка, который не хотѣлъ бы стать атеистомъ“ *). Съ регентствомъ „невѣріе выступаетъ среди бѣлаго дня“. „Я не думаю,—говоритъ опять Палатина 1722 г., — чтобы нашлось въ Парижѣ, какъ между духовными, такъ и между мірянами, сто человѣкъ, которые имѣли бы истинную вѣру, хотя бы только вѣрили въ Нашего Господа. Это заставляетъ трепетать“... Роль духовнаго лица въ свѣтѣ уже тяжела; онъ является тамъ паяцомъ, шутомъ**). „Какъ только мы тамъ показываемся, говоритъ одинъ изъ нихъ,—насъ заставляютъ вести споры, насъ принуждаютъ, напримѣръ, доказывать пользу молитвы для человѣка, не вѣрующаго въ Бога, необходимость говѣнья для человѣка который всю свою жизнь отрицалъ безсмертіе души, — обязанность тяжелая, и насмѣшники не за насъ“.—Вскорѣ продолжительный скандалъ изъ-за исповѣдныхъ свидѣтельствъ и упорство епископовъ въ недопущеніи обложенія налогомъ церковныхъ имуществъ возбуждаютъ общественное мнѣніе противъ духовенства, а слѣдовательно, и противъ религіи. „Можно опасаться,—говоритъ Барбье въ 1751 г.,—что это кончится серьезнымъ, можно, пожалуй, увидѣть, какъ въ этой странѣ устроютъ, однажды, революцію, чтобы перейти въ протестанство“***). „Ненависть противъ священниковъ,— пишетъ Д'Аржансонъ въ 1753 г.,—доходитъ до послѣдней степени. Они едва рѣшались показываться на улицахъ, чтобы не подвергаться насмѣшкамъ... Такъ какъ наша нація и нашъ вѣкъ отличаются совсѣмъ инымъ просвѣщеніемъ, чѣмъ во времена Лютера, то дойдутъ до такой степени, до которой слѣдуетъ идти; изгонятъ всѣхъ священниковъ, все духовенство, все сокровенное, все таинственное“... „Въ пріятельской компаніи не рѣшаются больше говорить за духовенство,—они опозорены, на нихъ смотрятъ, какъ на чиновъ инквизиціи... Священники замѣтили уменьшеніе въ этомъ году болѣе чѣмъ на треть числа своихъ причастниковъ. Іезуитскій коллежъ сталъ пустовать, 120 пансіонеровъ были взяты отъ этихъ монаховъ, такъ запятнанныхъ. Замѣтили также во время карнавала въ Парижѣ, что никогда не было видно на балу столько маскированныхъ, наряженныхъ духовными лицами, епископами,

---

*) Обертэнъ. Общественный духъ въ XVIII вѣкѣ.
**) Монтескье „Персидскія письма“.
***) Обертэнъ. 281, 282, 285, 289.

аббатами, монахами, монахинями". — Антипатія такъ велика, что самыя посредственныя книги производятъ фуроръ, если только онѣ идутъ противъ христіанства и осуждены, какъ таковыя. Въ 1748 г. одно произведеніе Туссэна въ защиту культа природы—„Нравы" сдѣлалось сразу такимъ знаменитымъ, что не было ни одного человѣка въ извѣстномъ кругу,—говоритъ Барбье,—мужчины или женщины, хвастающагося умомъ, который не хотѣлъ бы его видѣть. Встрѣчаясь на прогулкахъ, спрашивали другъ друга: „Вы читали „Нравы?". Десять лѣтъ спустя, перешагнули черезъ деизмъ. „Матеріализмъ", — говоритъ опять Барбье, — „большой вредъ"... „Почти всѣ образованные и развитые люди,—пишетъ д'Аржансонъ,—озлобляются противъ нашей священной религіи. Она расшатана со всѣхъ сторонъ, и что еще больше возбуждаетъ невѣрующихъ, такъ это попытки, которыя дѣлаютъ набожные, чтобы заставить вѣрить. Они пишутъ книги, которыхъ никто не читаетъ. Больше уже не спорятъ. смѣются надо всѣмъ и твердо стоятъ на почвѣ матеріализма". Горасъ Вальполь, который возвращается во Францію въ 1765 г., и здравый смыслъ котораго предвидитъ опасность, удивляется такой неосторожности. „Я обѣдалъ сегодня,— говоритъ онъ,—съ десяткомъ ученыхъ. Несмотря на то, что слуги находились тамъ, чтобы намъ прислуживать, разговоръ, даже относительно Ветхаго Завѣта, былъ гораздо свободнѣе, чѣмъ я допустилъ бы это за своимъ столомъ въ Англіи, еслибы это могъ слышать хотъ одинъ лакей". Вездѣ говорятъ учительскимъ тономъ. „Смѣхъ такъ же вышелъ изъ моды, какъ коньки или бильбоке. Нашимъ добрымъ малымъ некогда веселиться, они слишкомъ заняты; имъ нужно сначала повергнуть на землю Бога и короля; всѣ и каждый, мужчины и женщины, усердно стараются разрушать. Въ ихъ глазахъ я невѣжда, потому что у меня сохранились еще нѣкоторыя вѣрованія". „Знаете ли Вы, что такое философы и что означаетъ здѣсь это слово? Сначала оно разумѣетъ почти всѣхъ, затѣмъ имъ опредѣляютъ людей, которые выказываютъ себя врагами папизма, но которые, большею частью, стремятся къ ниспроверженію всей религіи". „Эти ученые, прошу у нихъ прощенья, эти философы—несносны, поверхностны, надменны и фанатичны. Они не перестаютъ проповѣдывать съ самой наглой непринужденностью, и ихъ признанная доктрина—это атеизмъ... Даже Вольтеръ не удовлетворялъ ихъ; одна изъ ихъ дамъ—прозелитокъ сказала мнѣ о немъ: „онъ ханжа, это деистъ". Это очень сильно, а между тѣмъ мы все еще не дошли до конца, потому что до сихъ поръ невѣріе было больше модой, чѣмъ убѣжденіемъ. Вальполь, хорошій наблюдатель, не ошибся здѣсь. „Изъ того, что я говорилъ вамъ объ ихъ религіозныхъ или, скорѣе, антирелигіозныхъ разсужденіяхъ, не заключайте,—пишетъ онъ,—что знатные люди—люди, по крайней мѣрѣ,—атеисты. Къ счастью для себя, бѣднята́жки, Они неспособны такъ далеко довести свои разсужденія, но они поддакиваютъ многимъ крайностямъ, потому что это въ модѣ, и потому что не могутъ противорѣчить". Теперь, когда „маленькіе учителя устарѣли" и когда всѣ „философы",—они также философы; надо всегда быть, какъ всѣ. Но что ихъ прельщаетъ въ но-

вомъ матеріализмѣ, такъ это пикантность парадоксовъ и свобода удовольствій. Ученики хорошей фамиліи устраиваютъ разныя продѣлки со своимъ духовнымъ наставникомъ. Они, при помощи научныхъ теорій, изыскиваютъ, какъ бы оставить его въ дуракахъ, и шалости эти нравятся имъ тѣмъ больше, что приправлены невѣріемъ. Одинъ изъ придворныхъ, увидавъ картину Дуаэна „Св. Женевьева и зачумленные", призвалъ на слѣдующій день художника въ домикъ къ своей любовницы. „Я хотѣлъ бы,—сказалъ онъ ему,—чтобы вы нарисовали мою даму на качели, которую раскачивалъ бы епископъ, меня же вы помѣстите такимъ образомъ, чтобы я могъ видѣть икры этого прелестнаго созданія и даже еще больше, если вы хотите придать живость вашей картинѣ".

Пѣсня Marotte, такая неприличная, „производитъ фуроръ". „Черезъ двѣ недѣли послѣ того, какъ я ее написалъ", говоритъ Колле, „я не встрѣчалъ ни одного человѣка, у котораго не было бы ея копіи, и это водевиль, я хочу сказать, собраніе духовныхъ прославило ее. Чѣмъ книга непристойнѣе и антирелигіознѣе, тѣмъ она больше по вкусу; если не могутъ достать печатнаго экземпляра, ее переписываютъ. Колле насчитываетъ, можетъ быть, двѣ тысячи рукописныхъ копій „Дѣвственницы" Вольтера, которыя втеченіе одного мѣсяца распространились въ Парижѣ.

Сами судьи сжигаютъ только для проформы. „Не думайте, чтобы палачъ имѣлъ разрѣшеніе бросать въ огонь книги, названія которыхъ были помѣчены въ приговорѣ суда. Господа были бы очень недовольны, если бы пришлось лишить свои библіотеки этихъ экземпляровъ, которые по праву возвращаются имъ, а регистраторъ замѣщаетъ ихъ нѣсколькими ничтожными мелочами, въ которыхъ у него нѣтъ недостатка. Но по мѣрѣ того какъ время идетъ впередъ, невѣріе, менѣе острое теперь, становится болѣе твердымъ. Оно укрѣпляется въ своихъ источникахъ. Даже женщины охвачены страстью къ наукамъ. Въ 1782 г. одно изъ дѣйствующихъ лицъ г-жи Жанлисъ пишетъ: Пять лѣтъ тому назадъ я оставилъ ихъ занимающимися только своими украшеніями „устройствомъ своихъ ужиновъ; теперь я встрѣчаю ихъ всѣхъ учеными и остроумными".

Въ кабинетѣ свѣтской дамы можно найти, наряду съ алтаремъ, посвященнымъ благотворительности или дружбѣ, лексиконъ естественныхъ наукъ или физическіе и химическіе трактаты.

Женщина не заставляетъ больше себя изображать на портретахъ богиней на небесахъ, но сидящей въ лабораторіи, среди инструментовъ и телескоповъ. Маркиза Нель, графиня Бранка, графиня Понъ, маркиза Полиньякъ присутствуютъ у Руеля, когда онъ производитъ плавленіе и улетучиваніе бриллiантовъ. Въ салонахъ образуются кружки въ 20 и 25 человѣкъ, чтобы изучать курсъ физики или прикладной химіи, минералогіи или ботаники.

На публичныхъ засѣданіяхъ Академіи Надписей свѣтскія дамы апплодируютъ диссертаціямъ о быкѣ Align, о взаимномъ отношеніи языковъ египетскаго, финикійскаго и греческаго. Наконецъ въ 1786 г. онѣ заставляютъ открыть для нихъ двери французскаго коллэжа. Ничто ихъ не отталкиваетъ. Многія владѣютъ ланцетомъ и даже

скальпелемъ: маркиза Вуаэ присутствуетъ при диссекціи, а молодая графиня Куаньи вскрываетъ трупы своими собственными руками. На этомъ фундаментѣ, который является основою господствующей философіи, свѣтское невѣріе находитъ новую точку опоры. Къ концу столѣтія „встрѣчаются молодые люди, которые шесть или семь лѣтъ уже открыто щеголяютъ невѣріемъ, думая, что невѣріе заступаетъ мѣсто разума и что быть атеистомъ все равно, что быть философомъ". Есть безъ сомнѣнія и много деистовъ, въ особенности послѣ Руссо, но я не думаю, чтобы на сто человѣкъ изъ общества можно было бы найти въ Парижѣ десять христіанъ или христіанокъ.

„Вотъ уже десять лѣтъ", говоритъ Мерсье въ 1783 г., „высшій свѣтъ не посѣщаетъ мессъ. Бываютъ только по воскресеньямъ, чтобы не скандализировать лакеевъ и лакеи знаютъ, что ходятъ только для нихъ". Герцогъ Куаньи въ своихъ владѣніяхъ близъ Амьенса запрещаетъ молиться за него и угрожаетъ своему священнику въ случаѣ, если тотъ позволитъ себѣ эту выходку, сбросить его съ каѳедры. У него заболѣваетъ сынъ; онъ не позволяетъ принести причастіе; сынъ этотъ умираетъ,—онъ запрещаетъ отпѣвать его и приказываетъ закопать тѣло въ саду. Больной самъ, онъ закрываетъ свою дверь передъ Амьенскимъ епископомъ, который десять разъ приходилъ, чтобы видѣть его, и умираетъ, какъ и жилъ.— Конечно, такой скандалъ обращаетъ на себя вниманіе, онъ случается еще, какъ исключеніе. Почти всѣ „съ независимостью идей соединяютъ приличную внѣшность". Когда горничная докладывала „Госпожа графиня, пришелъ священникъ со св. Дарами, прикажете принять его? Онъ желалъ бы имѣть честь причастить Васъ", приличіе соблюдалось. Этого несноснаго человѣка принимаютъ, съ нимъ вѣжливы; если отъ него отдѣлываются, то подъ благовиднымъ предлогомъ, но если къ нему почтительны, то исключительно ради приличія „Въ Сюратѣ когда умираютъ должны держать въ своей рукѣ коровій хвостъ". Никогда общество не отдалялось такъ отъ христіанства. Въ ихъ глазахъ положительная религія есть только народное суевѣріе, годное для дѣтей и простыхъ, но не для „порядочныхъ людей" и лицъ высокопоставленныхъ. Вы должны поклониться проходящей процессіи, но только поклониться.

Послѣдній признакъ и самый значительный изъ всѣхъ—священники, которые работаютъ среди народа и происходятъ изъ него, сохраняютъ вѣру народа, прелаты же, которые бесѣдуютъ и вращаются въ свѣтѣ, должны имѣтъ свѣтскіе взгляды. Я не говорю здѣсь только о салонныхъ аббатахъ, домашнихъ придворныхъ, разносителяхъ новостей, сочинителяхъ мелкихъ стишковъ, будуарныхъ услужникахъ, которые служили эхомъ того общества, въ которомъ находилось, и рупоромъ изъ салона въ салонъ. Эхо или рупоръ только повторяютъ фразу, скептическую или другую, которую имъ бросаютъ.

Дѣло касается церковныхъ сановниковъ и на этомъ пунктѣ сходятся всѣ свидѣтели. Въ августѣ 1767 г. аббатъ Босснье, старшій викарій Кагора, произнося въ Луврской капеллѣ панегерикъ Людовику

Святому, „выключилъ даже крестное знаменіе. Никакихъ текстовъ, никакого цитированія Священнаго Писанія, ни одного слова о Богѣ, ни о святыхъ. Онъ обрисовалъ Людовика IX только со стороны политическихъ заслугъ, военныхъ и моральныхъ. Онъ порицалъ крестовые походы, онъ показалъ ихъ нелѣпость, жестокость, даже несправедливость. Онъ прямо и безъ всякой пощады задѣвалъ дворъ Рима.—„Другіе избѣгаютъ произносить съ каѳедры имя Іисуса Христа и говорятъ только о христіанскомъ законодателѣ". Какой-то тонкій наблюдатель опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ различіе и оттѣнки поведенія священнослужителей: „Простой приходскій священникъ долженъ немножко вѣрить, иначе его сочли бы за лицемѣра, но онъ не долженъ, однако, быть и твердо убѣжденнымъ, иначе его сочли бы нетерпимымъ. Старшій викарій, наоборотъ, можетъ улыбнуться кстати, когда разговоръ касается религіи, епископъ при этомъ засмѣется, кардиналъ уже вставитъ свое словечко".—„Нѣсколько времени тому назадъ",—разсказываетъ хроникеръ, „спросили одного изъ наиболѣе уважаемыхъ священниковъ Парижа: „Думаете ли вы, что епископы, всегда выставляющіе впередъ религію, сами очень религіозны?"—Добрый пастырь, поколебавшись съ минуту, отвѣтилъ: „Можно найти между ними четырехъ или пятерыхъ, которые еще вѣрятъ". Для тѣхъ, которые знаютъ ихъ происхожденіе, ихъ общество, ихъ привычки и ихъ вкусы, нѣтъ въ этомъ ничего невѣроятнаго. Донъ-Коллиньонъ, представитель Метлапскаго аббатства, носитель высшаго правосудія, прекрасный разсказчикъ, любезный хозяинъ, избѣгаетъ скандала и только въ тѣсномъ кружкѣ допускаетъ своихъ двухъ любовницъ къ обѣду; въ остальномъ также мало набожный, насколько это возможно, и гораздо меньше еще савойскаго викарія, онъ „видѣлъ зло только въ несправедливости и недостаткѣ милосердія", смотрѣлъ на религію только какъ на учрежденіе политическое и какъ на моральную узду. Я могу упомянуть о многихъ другихъ, какъ напримѣръ, о де-Гримальди, молодомъ и изящномъ епископѣ Монса, который назначаетъ старшими викаріями своихъ молодыхъ и изящныхъ товарищей и въ своемъ загородномъ домѣ въ Куланѣ устраиваетъ свиданія съ хорошенькими женщинами. По нравамъ сдѣлайте заключеніе о вѣрованіяхъ. Въ другихъ случаяхъ нетрудно сдѣлать выводы. У Руанскаго кардинала, у де-Бріенна, архіепископа Сенса, у Талейрана, епископа Отунскаго, у аббата Мори, защитника духовенства, скептицизмъ очевиденъ. Ривароль *), самъ также скептикъ, заявляетъ, что при приближеніи революціи „познанія духовенства равнялись познаніямъ философовъ".—„Сословіе, у котораго меньше всего предразсудковъ", говоритъ Мерсье **), „кто бы повѣрилъ этому!—это сословіе духовенства", и архіепископъ Нарбонскій, объясняя сопротивленіе высшаго духовенства

*) Ривароль, „Мемуары".
**) Мерсье IV, 142.—„Въ Овернѣ", говоритъ де-Монлозье, „я подобралъ себѣ общество изъ умныхъ священниковъ, нѣкоторые изъ нихъ были деистами, остальные же открытые атеисты.

въ 1791 г., приписываетъ его не вѣрѣ, но дѣлу чести. „Мы поступали тогда, какъ истые джентльмэны, потому что о большинствѣ изъ насъ нельзя сказать, чтобы это дѣлалось изъ религіозныхъ побужденій“.

V.

Отъ алтаря до трона разстояніе небольшое, а между тѣмъ для общественнаго мнѣнія нужно тридцать лѣтъ, чтобы преодолѣть его. Впродолженіе первой половины вѣка еще не сложилось какой-либо партіи политической или соціальной. Иронія „Персидскихъ писемъ“ настолько же умѣренна, какъ и деликатна; „Духъ законовъ“— консервативенъ. Что касается аббата Сенъ-Пьера,— надъ его мечтаніями посмѣиваются, а академія вычеркиваетъ его изъ своего списка, когда онъ осмѣливается порицать Людовика XIV. Подъ конецъ экономисты съ одной стороны, а парламентаристы съ другой—подаютъ сигналъ. „Къ 1750 г.“, говоритъ Вольтеръ, „нація, пресыщенная стихами, трагедіями, комедіями, романами, операми, романтическими исторіями, моральными разсужденіями, еще болѣе романтическими, спорами о граціи и конвульсіяхъ, принимается разсуждать о хлѣбѣ“. Откуда происходитъ дороговизна хлѣба? Почему земледѣлецъ такъ бѣденъ? Каковъ составъ и предѣлъ подати? Не должна ли быть обложена податями вся земля и можетъ ли земля платить сверхъ того, что производитъ? Вотъ вопросы, которые проникаютъ въ салоны подъ покровительствомъ короля, посредствомъ органа Кеснея,—его доктора, „его мыслителя“, основателя системы, которая усиливаетъ могущество князя, чтобы облегчить участь народа и которая увеличиваетъ число обложенныхъ податями, чтобы облегчить подати. Въ то же время черезъ противоположную дверь являются другіе вопросы, не менѣе новые.

„Есть ли Франція монархія ограниченная и представительная или государство на манеръ Турціи? Живемъ ли мы подъ властью абсолютнаго повелителя или нами управляетъ власть ограниченная и контролируемая?—„Высланные члены парламента... принялись изучать общественное право по его источникамъ и разсуждають о немъ, какъ въ академіяхъ. Въ умахъ общества, вслѣдствіе ихъ изученій, устанавливается мнѣніе, что нація выше короля, какъ вселенская церковь—выше папы“.—Измѣненіе поразительное, почти внезапное. „Пятьдесятъ лѣтъ“,—говоритъ опять Д'Аржансонъ, „общество нисколько не интересовалось новостями государства, теперь же каждый читаетъ свою „Газету Парижа“, даже въ провинціяхъ. О политикѣ разсуждаютъ вкривь и вкось, но ею уже интересуются. Разъ только разговоръ коснулся этой темы, онъ уже больше не разстается съ нею, и салоны открываютъ свои двери политической философіи, слѣдовательно общественному договору, энциклопедіи, проповѣдямъ Руссо, Мабли, Гольбаха, Рейналя и Дидро. Въ 1759 г. д'Аржансонъ, разговорившись, считаетъ себя уже близкимъ къ конечному моменту. „На насъ дуетъ философскій вѣтеръ свободнаго и анархическаго государства, это проникаетъ въ умы и быть можетъ идея такого государства засѣла

уже въ головахъ настолько, что можно будетъ осуществить ее при первомъ удобномъ случаѣ. Быть можетъ, революція произошла бы съ меньшими распрями, чѣмъ думаютъ, все рѣшилось бы единогласно" *). Не сейчасъ еще, но сѣмя всходитъ. Башомонъ въ 1762 г. отмѣчаетъ цѣлый потокъ памфлетовъ, брошюръ и политическихъ диссертацій, „страсть къ разсужденіямъ относительно финансовъ и управленія". Въ 1765 г. Вальполь констатируетъ, что атеисты, которые тогда руководили бесѣдами, вооружались противъ королей, какъ и противъ священниковъ. Одно опасное слово гражданинъ—внесенное Руссо, вошло въ обыденную рѣчь и, что особенно поразительно, женщины украшались имъ, какъ кокардой. „Вы знаете, какая я гражданка", пишетъ одна молодая дѣвушка своему другу. „Какъ гражданка и какъ другъ, могла ли я получить болѣе пріятныя новости, чѣмъ извѣстія о моей малюткѣ и о мирѣ?". Другое слово, не менѣе значительное,—энергія,—нѣкогда смѣшное, входитъ въ моду и вставляется при всякомъ случаѣ. Вмѣстѣ съ рѣчью измѣнились чувства, и наиболѣе великосвѣтскія женщины переходятъ къ оппозиціи.

„Въ 1771 г.,—говоритъ насмѣшникъ Безанваль послѣ ссылки парламента,—собранія общественныя и увеселительныя обратились въ маленькіе генеральные штаты, гдѣ женщины, превратившись въ законодателей, устанавливали предпосылки и съ увѣренностью излагали положенія публичнаго права. Графиня Эгмонтъ, переписывавшаяся съ королемъ Швеціи, посылаетъ ему замѣтку объ основныхъ законахъ Франціи, отзывается съ уваженіемъ о парламентѣ—послѣднемъ защитникѣ національныхъ свободъ противъ посягательствъ канцлера Мопу. „Г-нъ канцлеръ", говоритъ она, уже полгода заставляетъ изучать исторію Франціи людей, которые могли бы умереть, не узнавши ея".—„Я не сомнѣваюсь въ томъ, Ваше Величество", прибавляетъ она, „что Вы не злоупотребите той властью, которую опьяненный народъ довѣрилъ Вамъ безъ ограниченій. Ваше царствованіе можетъ стать эпохой возстановленія либеральнаго и независимаго правленія, но ни въ какомъ случаѣ не источникомъ абсолютной власти". Много другихъ женщинъ перваго ранга—Ламаркъ, де-Буфле, де-Бріеннъ, де-Месмъ, де-Люксембургъ, де-Грои, думаютъ и пишутъ такимъ же образомъ. „Абсолютная власть", говоритъ одна изъ нихъ,—„это смертельная болѣзнь, которая, поражая незамѣтно моральныя качества, кончаетъ разрушеніемъ государствъ..."

Поступки государей подвергаются цензурѣ ихъ собственныхъ подданныхъ, а также и всего міра... Франція погибла, если настоящее правительство будетъ существовать".

Когда въ царствованіе Людовика XVI новое правительство выдвигаетъ и снова задерживаетъ слабыя попытки реформъ, критика ихъ также остается постоянной. „Ребячество, слабость, постоянная непослѣдовательность", пишетъ другая, „безпрестанно мѣняютъ другъ друга, чтобы сдѣлать насъ еще худшими, чѣмъ мы

*) Ночь 4-го августа кажется предсказанной здѣсь.

были раньше. Король и графъ д'Артуа вернулись изъ путешествія по нашимъ провинціямъ. Они путешествовали, какъ путешествуютъ всѣ люди подобнаго рода,—съ ужасными тратами и опустошеніями на всемъ своемъ пути, не извлекая изъ этого путешествія ничего кромѣ ожирѣнія. Король растолстѣлъ, какъ бочка; что касается графа д'Артуа—то онъ не растолстѣлъ, только благодаря той жизни, которую ведетъ".

Духъ гуманности, въ то же время и свободы, проникнулъ въ женскія сердца. Онѣ интересуются бѣдными, низшими, народомъ.

Г-жа Эмонтъ совѣтуетъ Густаву III засадить Далекарлію картофелемъ. Когда появился опубликованный эстампъ въ пользу Калласовъ, вся Франція и даже Европа спѣшили подписаться и императрица Россіи внесла 5.000 ливровъ". — „Земледѣліе, экономія, реформы, философія", пишетъ Вальполь, „составляютъ хорошій тонъ, даже и при дворѣ".—Когда президентъ Дюпати составилъ замѣтку въ память трехъ невинно приговоренныхъ къ колесованію,—въ обществѣ только объ этомъ и говорятъ". — „Эти разговоры въ обществѣ", говоритъ одна дама, переписывавшаяся съ Густавомъ III, — „уже не праздная болтовня, такъ какъ посредствомъ именно ихъ и слагается общественное мнѣніе".

Слова стали дѣлами и всѣ чувствительныя сердца превозносятъ съ восторгомъ эту замѣтку, вызванную гуманностью и которая кажется полной таланта, потому что она полна души". Когда Латюдъ выходитъ изъ Бицерты, г-жа де-Люксембургъ, г-жа де-Буффле и г-жа де-Сталь, изъявляютъ желаніе отобѣдать съ г-жей Легро, простой бакалейщицей, которая „три года переворачивала все вверхъ дномъ", чтобы освободить заключеннаго. Только благодаря женщинамъ, ихъ пѣжности, ихъ усердію, единодушію ихъ симпатій, де-Лалли добился возстановленія чести своего отца. Когда ихъ охватываетъ страсть, онѣ задыхаются: г-жа де-Лозенъ, такая скромная, рѣшилась публично наговорить дерзостей человѣку, который дурно отозвался о Неккерѣ.—Вспомните, что въ этотъ вѣкъ женщины были королевами, устанавливали моду, руководили разговорами, слѣдовательно идеями, а слѣдовательно и мнѣніями *). Когда онѣ выступаютъ впередъ на политической почвѣ, можно быть увѣреннымъ, что за ними слѣдуютъ мужчины: каждая изъ нихъ влечетъ за собой весь свой салонъ.

VI.

Аристократія, пропитанная гуманитарными и радикальными правилами, придворные,—враждебные двору, привилегированные, способствующіе уничтожать привилегіи, — въ такомъ странномъ зрѣлищѣ нужно видѣть знаменіе времени. „Это ужъ неизбѣжно,— говоритъ одинъ изъ современниковъ,—что все должно измѣниться и перевернуться". На самой высокой ступени, на низшей, въ со-

*) Коллэ. Дневникъ, III, 437 (1770): „Женщины до такой степени забрали верхъ у французовъ, до такой степени поработили ихъ, что они думаютъ и чувствуютъ какъ онѣ».

браніяхъ, въ общественныхъ мѣстахъ, среди привилегированныхъ встрѣчаются только сторонники оппозиціи или реформаторы. „Въ 1787 г. почти всѣ, болѣе замѣтные въ сословіи перовъ, высказались въ парламентѣ за сопротивленіе... Во время обѣдовъ, за которыми мы тогда собирались вмѣстѣ, я слышалъ, какъ высказывались почти всѣ тѣ идеи, которыя вскорѣ должны были обнаружиться съ такимъ блескомъ. Уже въ 1774 г. Воблапъ, отправляясь въ Мецъ, видѣлъ въ вагонѣ одно духовное лицо и одного графа, гусарскаго полковника, которые не переставая говорили о политической экономіи. Тогда это было въ модѣ; всѣ были экономистами и бесѣдовали только о философіи, о политической экономіи, въ особенности о гуманности и о возможности помочь доброму народу. Эти два послѣднія слова были у всѣхъ на устахъ". Прибавьте къ этому разговоры о равенствѣ. Томасъ, въ похвальной рѣчи маршалу Саксоніи, говорилъ: „Я не могу этого скрыть—онъ королевской крови", и этой фразой восхищались. Только нѣкоторые главы парламентскихъ или сеньоріальныхъ фамилій сохраняютъ старый дворянскій и монархическій взглядъ; все же молодое поколѣніе примыкаетъ къ новому. „Мы же, — говоритъ одинъ изъ нихъ,—молодое французское дворянство, безъ сожалѣнія о прошедшемъ и безъ заботы о будущемъ, мы весело ступаемъ по цвѣточному ковру, который скрываетъ отъ насъ бездну. Со смѣхомъ порицая старинныя моды, феодальную гордость нашихъ отцовъ и ихъ важные этикеты, мы считали стѣснительнымъ и смѣшнымъ все, что отдавало стариной. Тяжесть старинныхъ доктринъ насъ давила. Смѣющаяся философія Вольтера, забавляя, увлекла насъ. Не углубляясь въ философію болѣе значительныхъ писателей, мы восхищались ею, какъ выраженіемъ мужества и сопротивленія деспотизму. Свобода, въ чемъ бы она ни выражалась, нравилась намъ своимъ мужествомъ, равенство—своимъ удобствомъ. Люди находятъ удовольствіе спускаться настолько, насколько они надѣются вновь подняться, какъ только захотятъ этого, и безъ предусмотрительности мы наслаждались одновременно и преимуществами патриціевъ, и сладостью плебейской философіи. Такимъ образомъ, хотя подкапывались подъ наши привилегіи, эти остатки нашего стараго могущества, эта маленькая война намъ нравилась. Мы не чувствовали въ этомъ опасности, для насъ это было только забавное зрѣлище. Это было только словесное и письменное состязаніе, которое, казалось намъ, не въ состояніи причинить какой-либо ущербъ преимуществамъ существованія, которыми мы наслаждались и обладаніе которыми втеченіе многихъ вѣковъ заставляло насъ вѣрить въ непоколебимость его. Внѣшность зданія оставалась нетронутой, и мы не видѣли, какъ оно разрушалось внутри. Мы смѣялись надъ серьезными тревогами стараго двора и духовенства, которое громило этотъ духъ нововведенія. Мы апплодировали республиканскимъ сценамъ нашихъ театровъ *), философскимъ рѣчамъ нашихъ академій,

*) Сегюръ: „Я слышалъ, какъ весь дворъ въ театральной залѣ Версальскаго дворца апплодировалъ съ энтузіазмомъ „Бруту", трагедіи Вольтера, и въ особенности этому двустишію: „Я сынъ Брута и ношу въ своемъ сердцѣ запечатлѣнную свободу и отвращеніе къ королямъ".

смѣлымъ трудамъ нашихъ литераторовъ". Если неравенство и продолжало еще существовать въ распредѣленіи назначеній и мѣстъ, то „равенство начинало царить въ обществѣ! Во многихъ случаяхъ званіе писателя имѣло преимущество передъ званіемъ дворянина. Придворные, рабы моды, ухаживали за Мармонтелемъ, д'Аламберомъ, Рейналемъ. Часто можно было видѣть, какъ въ обществѣ, писатели второго и третьяго порядка встрѣчались и пользовались такимъ почетомъ, какой не выпадалъ на долю провинціальной знати. Учрежденія оставались монархическими, но нравы уже становились республиканскими. Мы предпочли бы одно слово похвалы изъ устъ д'Аламбера, Дидро, самой большой милости со стороны князя. Невозможно провести вечеръ у д'Аламбера, пойти въ отель Ларошфуко, къ друзьямъ Тюрго, присутствовать на завтракѣ у аббата Рейналя, быть допущеннымъ въ общество и въ семью де-Мальзерба, приблизиться, наконецъ, къ самой прелестной королевѣ и къ самому добродѣтельному королю, безъ того, чтобы не подумать, что мы вступаемъ въ своего рода золотой вѣкъ, о которомъ предшествовавшіе вѣка не давали ни малѣйшаго представленія. Мы были ослѣплены призмой новыхъ идей и доктринъ, сіяли надеждой, пылали жаромъ отъ всякой славы, энтузіазмомъ отъ всякихъ талантовъ, и отдавались плѣнительнымъ мечтамъ философіи, которая хотѣла упрочить счастье человѣческаго рода. Далекіе отъ предвидѣнія несчастій, насилій, преступленій, низверженія престоловъ и основныхъ взглядовъ, мы видѣли въ будущемъ одни только блага, которыя могли быть обезпечены за гуманностью царствомъ разума. Широкое поле было предоставлено всѣмъ литературнымъ трудамъ реформаторовъ, всѣмъ проектамъ нововведеній, самымъ либеральнымъ мыслямъ, самымъ смѣлымъ системамъ. Каждый думалъ, что идетъ по наилучшему пути, не смущаясь передъ препятствіями и не боясь ихъ. Мы гордились тѣмъ, что были французами, тѣмъ болѣе—французами XVIII вѣка. Никогда болѣе ужасному пробужденію не предшествовалъ болѣе сладкій сонъ и болѣе увлекательныя мечты".

Они не остаются при однихъ своихъ мечтахъ, мысленныхъ желаніяхъ, надеждахъ. Они дѣйствуютъ, они становятся истинно благородными; только бы дѣло заслуживало уваженія,—они уже будутъ служить ему. При извѣстіи объ американскомъ возстаніи маркизъ Лафайетъ, оставя свою молодую беременную жену, не обращая вниманія на запрещеніе двора, покупаетъ фрегатъ, переправляется черезъ океанъ и отправляется сражаться рядомъ съ Вашингтономъ. „Съ тѣхъ поръ, какъ я узналъ о раздорахъ, сердце мое было завербовано и я только и мечталъ, какъ бы встать подъ ихъ знамена". Множество дворянъ сопровождало его. Они, конечно, увлекаются опасностью. Возможность быть простреленнымъ слишкомъ драгоцѣнна, чтобы не считаться съ нею. Но кромѣ этого дѣло идетъ еще объ освобожденіи угнетенныхъ; „какъ паладины, говоритъ одинъ изъ нихъ, мы показали бы себя философами" *), и рыцарскій духъ встаетъ на защиту свободы. Съ неменьшимъ

*) Сегюръ, I, 87.

усердіемъ они отдаются другимъ обязаностямъ, менѣе блестящимъ и менѣе захватывающимъ. На провинціальныхъ собраніяхъ самые знатные люди округа—епископы, архіепископы, аббаты, герцоги, графы, маркизы, соединившись съ выдающимися по богатству и образованію лицами третьяго сословія, что составляло въ общей сложности около тысячи человѣкъ, короче говоря — весь цвѣтъ общества, весь высшій слой населенія, созванный королемъ, устанавливаетъ бюджетъ, защищаетъ податное сословіе отъ притязаній казны, производитъ кадастръ, уравниваетъ подати, уничтожаетъ барщину, слѣдитъ за дорогами, увеличиваетъ число благотворительныхъ заведеній, распространяетъ знанія среди земледѣльцевъ, предлагаетъ, поддерживаетъ и руководитъ всѣми реформами. Я прочелъ двадцать томовъ ихъ протоколовъ; нельзя встрѣтить лучшихъ гражданъ, болѣе честныхъ администраторовъ, болѣе старательныхъ, которые безвозмездно отдали бы столько труда, исключительно ради общественнаго блага. Добрыя намѣренія очевидны. Никогда аристократія не была такъ достойна власти, какъ въ тотъ моментъ, когда она должна была лишиться ея. Привилегированные, оставившіе свою праздность, становились общественными дѣятелями и, отдавшись своимъ занятіямъ, они возвращалились къ своимъ обязанностямъ. Въ 1778 г., на первомъ собраніи Берри, докладчикъ—аббатъ де-Сегиро *), осмѣливается сказать, что „распредѣленіе податей должно быть братскимъ раздѣленіемъ общественныхъ повинностей". Въ 1780 г. аббаты, пріоры и настоятели той же провинціи предоставляютъ изъ собственныхъ средствъ 60.000 ливровъ, и нѣсколько дворянъ, менѣе чѣмъ за сутки,—17.000 ливровъ. Въ 1787 г., на собраніи въ Алансонѣ, дворянство и духовенство вносятъ вскладчину 30 000 ливровъ, чтобы облегчить этимъ неимущихъ плательщиковъ каждаго прихода **). въ апрѣлѣ 1787 г. на собраніи нотаблей король говорилъ о той „готовности, съ которой архіепископы и епископы постановили не претендовать ни на какое исключеніе ихъ въ дѣлѣ несенія общественныхъ налоговъ. Въ мартѣ 1789 г., съ открытія уѣздныхъ собраній, духовенство все цѣликомъ, дворянство почти полностью, короче все привиллегированное общество добровольно отказывается отъ своихъ привиллегій въ несеніи податей. Жертва вотируется единогласно. Они по собственному почину предлагаютъ ее третьему сословію и нужно познакомиться по рукописнымъ протоколамъ съ этимъ великодушнымъ и симпатичнымъ шагомъ. „Дворянское сословіе округа Тура", говоритъ маркизъ Лузиньянъ, „признавая, что его члены прежде всего люди и граждане, а потомъ уже дворяне, не можетъ вознаградить себя болѣе подходящимъ къ духу справедливости и охватывающаго ихъ патріотизма способомъ за свое долгое молчаніе, на которое оно было осуждено злоупотребленіями административ-

*) Леонъ де-Лавернь, тамъ же, 26, 55, 183. Податное бюро провинціальнаго собранія Тура протестуетъ противъ податныхъ привиллегій.

**) Въ уѣздѣ Мулэнъ, 39 человѣкъ, большею частью дворяне, прибавляютъ своихъ 18.950 ливровъ къ 60.000, назначеннымъ королемъ на дороги и благотворительныя учрежденія.

ной власти, какъ показывая своимъ согражданамъ, что не желаетъ пользоваться впредь ни одной изъ денежныхъ привиллегій, которыя обычай сохранилъ за нимъ, и что оно добровольно произноситъ торжественный обѣтъ нести совершенно равно, и каждый пропорціонально своему достатку, общіе подати и налоги, которые будутъ опредѣленны „націей“.—„Я вамъ повторяю это“,—сказалъ графъ Бюзансуа третьему сословію Берри, „мы всѣ братья, мы хотимъ раздѣлить ваше бремя... Мы хотимъ присягнуть на единеніе со Штатами и этимъ показать согласіе и гармонію, которыя должны царить въ нихъ. Я уполномоченъ предложить вамъ присоединиться къ намъ, чтобы составить общій наказъ“.—„Необходимы три качества депутату“,—говоритъ маркизъ Барбансонъ отъ имени шатарускаго дворянства: „честность, стойкость, знанія. Первыя два находятся одинаково у депутататовъ всѣхъ трехъ сословій, но знанія встрѣтятся чаще въ третьемъ сословіи, умъ которыхъ упражнялся дѣятельностью“.—„Новый порядокъ вещей развертывается передъ нашими глазами“,—говоритъ аббатъ Легранъ отъ имени шатарускаго духовенства, „завѣса предразсудковъ разодрана, разумъ занялъ ихъ мѣсто. Онъ завладѣваетъ всѣми французскими сердцами, подкапывается подо-все, что основывалось только на старинныхъ взглядахъ, и извлекаетъ свою силу изъ самого себя“. Привилегированные не только дѣлаютъ первый шагъ, но еще дѣлаютъ его безъ всякихъ усилій. Они говорятъ тѣмъ же языкомъ, какъ и лица третьяго сословія, они — послѣдователи однихъ и тѣхъ же философовъ, они исходятъ, повидимому, изъ однихъ и тѣхъ же принциповъ. Дворянство Клермона въ Бовоази приказываетъ своимъ депутатамъ „требовать прежде всего, чтобы была сдѣлана декларація правъ, которыя принадлежатъ всѣмъ людямъ“. Мантское дворянство утверждаетъ, что политическіе принципы такъ же абсолютны, какъ и моральные, потому что тѣ и другіе общей базой имѣютъ разумъ“.

Дворянство Реймса проситъ, чтобы „король смилостивился и согласился пріѣхать разрушить Бастилію“.

Неоднократно послѣ подобныхъ обѣщаній и готовности делегаты дворянства и духовенства бывали встрѣчены на собраніяхъ третьяго сословія рукоплесканіями, „слезами“ восторгомъ, когда видишь всѣ эти изліянія, какъ не повѣрить въ согласіе! И какъ предвидѣть, что начнутъ драться при первомъ же поворотѣ пути, на который вступили по-братски, рука-объ-руку!

Но у нихъ нѣтъ этого печальнаго опыта. Они считаютъ, по принципу, что человѣкъ, особенно человѣкъ изъ народа, добръ. Зачѣмъ предполагать, что онъ можетъ желать зла тѣмъ, которые ему желаютъ только добра? Они увѣрены, со своей стороны, въ своемъ доброжелательствѣ и своей симпатіи. Они не только говорятъ о своихъ чувствахъ,—они ихъ дѣйствительно имѣютъ. „Въ то время“—говоритъ одинъ современникъ, участіе самое живое наполняло сердца; чего больше всего боялись богатые, такъ это — прослыть за безчувственныхъ“. Парижскій архіепископъ, котораго будутъ преслѣдовать швыряньемъ камней, далъ сто тысячъ экю на улучшеніе госпиталя. Управляющій Бертье, котораго убьютъ, произвелъ кадастръ Иль-

де-Франса, чтобы уравнять подати, что позволило ему понизить оброкъ сначала на одну восьмую, потомъ на одну четверть. Финансистъ Божонъ построилъ госпиталь. Неккеръ отказывается отъ жалованья за свою службу и ссужаетъ два милліона, чтобы возстановить кредитъ. Герцогъ Шаро съ 1770 г. уничтожаетъ барщину въ своихъ помѣстьяхъ и основываетъ госпиталь въ своей сеньоріи. Принцъ Бофремонъ, президенты Везеты, Шамолля, Шайлно, цѣлый рядъ другихъ лицъ въ Франшъ-Контэ, слѣдуя примѣру короля, освобождаютъ своихъ крѣпостныхъ. Епископъ Сенклодскій объявляетъ, несмотря на своего начальника, освобожденіе своихъ крѣпостныхъ. Маркизъ Мирабо учреждаетъ въ своемъ имѣніи Лимузинъ безплатное бюро примиренія для улаживанія споровъ и изготовляетъ ежедневно въ Флери девятьсотъ фунтовъ экономическаго хлѣба въ пользу „бѣднаго народа, который лѣзетъ въ драку, чтобы получить его“. Барраль, епископъ Кастрскій, предписываетъ всѣмъ своимъ священникамъ проповѣдывать и пропагандировать культивированіе картофеля. Маркизъ Герши взбирается съ Артуромъ Юнгомъ на кучу сѣна, чтобы научить складывать его хорошенько въ стоги. Графъ Ластейри вводитъ во Франціи литографію. Большое число вельможъ и прелатовъ фигурируютъ въ агрономическихъ обществахъ, пишутъ или переводятъ полезныя книги, слѣдятъ за примѣненіемъ знаній, изучаютъ политическую экономію, знакомятся съ индустріей, принимаютъ участіе, какъ охотники или иниціаторы, во всѣхъ общественныхъ преобразованіяхъ. „Никогда“,—говоритъ Лакретель французы не были болѣе соединены, чтобы противиться всѣмъ несчастіямъ, бремя которыхъ природа накладываетъ на насъ, и которыя тысячею путей проникаютъ въ соціальныя учрежденія“. Можно ли допустить, что столько соединенныхъ добрыхъ намѣреній закончится разрушеніемъ всего.

Всѣ успокоились какъ правительство, такъ и высшій классъ, мечтая о благѣ, которое они сдѣлали или хотѣли сдѣлать. Король вспоминаетъ, что онъ далъ гражданскія права протестантамъ, уничтожилъ предварительный допросъ и пытку, отмѣнилъ барщину, устроилъ свободное циркулированіе зерна, завелъ провинціальныя собранія, поднялъ флотъ, помогъ американцамъ, сократилъ расходы своего двора, назначилъ на должности Мальзерба, Тюрго и Неккера, далъ свободу прессѣ, считался съ общественнымъ мнѣніемъ*). Ни одно правительство не проявило себя такимъ мягкимъ.

14-го іюля 1789 г. въ Бастиліи находилось только семь человѣкъ заключенныхъ, изъ которыхъ одинъ идіотъ, одинъ задержанный по просьбѣ своей семьи и четверо обвиненныхъ въ подлогахъ**).

---

*) „Большинство иностранцевъ затрудняются составить себѣ представленіе объ авторитетѣ, которымъ пользуется теперь во Франціи общественное мнѣніе, они съ трудомъ понимаютъ, что за невидимая сила, которая господствуетъ вплоть до королевскаго двора. Между тѣмъ таково это въ дѣйствительности“. (Неккеръ (1785), цит. Токвилемъ).

**) Гранье де-Кассаньякъ, II, 236.—Въ началѣ царствованія Людовика XVI, Мальзербъ посѣтилъ, по обычаю, дома, гдѣ содержались государственные преступники. „Онъ сказалъ мнѣ лично, что онъ велѣлъ выпустить только двоихъ“.

Ни одинъ государь не былъ болѣе гуманнымъ, болѣе милосерднымъ, болѣе заботящимся о несчастныхъ. 1784 г. въ годину наводненій и эпидемій, онъ велѣлъ раздать на три милліона пособій. Къ нему обращались даже въ частныхъ случаяхъ. 8-го іюня 1785 г. онъ посылаетъ двѣсти ливровъ женѣ одного бретонскаго земледѣльца, которая, имѣя уже двоихъ дѣтей, родила еще тройню. Во время жестокой зимы онъ позволяетъ бѣднымъ ежедневно завладѣвать его кухнями. Весьма вѣроятно, онъ послѣ Тюрго самый любимый народомъ человѣкъ среди современниковъ. Его уполномоченные идутъ по его стопамъ. Я читалъ цѣлое множество писемъ управляющихъ, которые стараются быть маленькими Тюрго. „Такой-то строитъ госпиталь, другой учреждаетъ преміи для земледѣльцевъ; этотъ сажаетъ съ собой за столъ ремесленниковъ, тотъ предпринимаетъ запашку болота". Де-ла-Туръ въ Провансѣ, сдѣлалъ столько добра втеченіе сорока лѣтъ, что противъ его желанія третіе сословіе присуждаетъ ему золотую медаль. Одинъ губернаторъ устраиваетъ курсъ экономическаго хлѣбопеченія,—какой опасности могутъ подвергаться подобные пастыри среди паствы? Когда король созываетъ генеральные штаты никто не „сомнѣвается, никто не боится за будущее. „Объ учрежденіи новой конституціи въ государствѣ говорили какъ о дѣлѣ мелкомъ, какъ объ естественномъ событіи".

— „Люди, лучшіе и наиболѣе добродѣтельные, видѣли въ этомъ начало новой эры счастья для Франціи и всего цивилизованнаго міра. Честолюбивые радовались широкой карьерѣ, которая откроется ихъ надеждамъ. Но не нашлось бы ни одного индивидуума, самаго мрачнаго, самаго боязливаго, самого большого энтузіаста, который могъ бы предвидѣть хоть одно изъ чрезвычайныхъ событій, до которыхъ будутъ доведены Генеральные Штаты".

ГЛАВА III.

I. Средній классъ.—Старый духъ Третьяго Сословія.—Общественныя дѣла касаются только короля.—Границы янсенитской и парламентской оппозиціи.—II. Перемѣны въ условіяхъ жизни буржуа. Онъ обогащается.—Онъ одолживаетъ Государству.—Опасность, грозящая его ссудамъ.—Онъ интересуется общественными дѣлами.—III. Онъ поднимается по соціальной лѣстницѣ.—Дворянство приближается къ нему.—Онъ приближается къ дворянству.—Онъ развивается.—Онъ принадлежитъ къ обществу.—Онъ стѣсненъ привилегированными. — IV. Философія проникаетъ въ такимъ образомъ приготовленные умы.—Въ это время философія Руссо въ модѣ.—Согласованіе этой философіи съ новыми потребностями.—Она принята Третьимъ сословіемъ. — V Дѣйствіе, которое она на него оказываетъ.—Возникновеніе революціонныхъ чувствъ.—Инстинкты равенства.—Потребность въ господствѣ.—Третье сословіе рѣшаетъ, что оно составляетъ націю —Химеры, невѣжество, экзальтація. — VI. Заключеніе.

I.

Втеченіе долгаго времени новая философія, заключенная въ избранномъ кружкѣ, являлась только роскошью для высшаго общества. Негоціанты, фабриканты и лавочники, адвокаты, прокуроры и врачи, профессора и священники, дѣльцы, чиновники и прикащики, весь средній классъ занимался своимъ дѣломъ. Горизонтъ

каждаго былъ ограниченъ его профессіей или ремесломъ, которымъ онъ занимался, корпораціей, въ которую онъ былъ включенъ, городомъ, гдѣ родился, или самое большое провинціей, въ которой онъ жилъ. Благодаря бѣдности идей и скромности желаній, буржуа ограничивался кругозоромъ своихъ предковъ. Его взоръ почти не осмѣливался обращаться за эту ограду, въ запрещенную и опасную область государственныхъ вопросовъ; ужъ много, если онъ бросалъ туда быстрый и тайный взглядъ: общественныя дѣла были дѣлами короля. И такъ, не было оппозиціи за исключеніемъ адвокатскаго сословія, приверженца обязаннаго Парламенту и увлеченнаго въ его круговоротъ. Въ 1718 году, послѣ судебнаго засѣданія, когда адвокаты Парижа объявили стачку, пораженный регентъ съ гнѣвомъ воскликнулъ: „Какъ, эти чудаки также вмѣшиваются!“ Хотя нужно замѣтить, что большей частью многіе изъ нихъ держались въ сторонѣ. „Мой отецъ и я, писалъ позже адвокатъ Барбье, мы не вмѣшивались въ этотъ скандалъ, произведенный людьми, критически и безпокойно настроенными“.—И онъ прибавляетъ слѣдующее, выразительно сказанное profession de foi: „Я думаю, что нужно исполнять свой долгъ честно, не вмѣшиваясь въ государственныя дѣла, надъ которыми не имѣешь ни власти, ни полномочій. — Во всей первой половинѣ восемнадцатаго столѣтія я вижу въ Третьемъ сословіи только одинъ единственный очагъ оппозиціи, — парламентъ, и вокругъ него, раздувая огонь, витаетъ старый галликанскій или янсенитскій духъ. „Добрый городъ Парижъ, писалъ Барбье въ 1733 году, проникнутъ янсенизмомъ съ головы до ногъ“, не только магистратъ, адвокаты, профессора, весь цвѣтъ буржуазіи, „но также вся масса Парижа, мужчины, женщины, дѣти, всѣ были приверженцами этой доктрины, не зная ея сущности, не разбираясь въ ея отличительныхъ чертахъ и толкованіяхъ, изъ ненависти къ Риму и іезуитамъ. Женщины нѣженки и вплоть до служанокъ, всѣ здѣсь смѣшались... Партія эта еще увеличилась тѣми честными людьми королевства, которые ненавидятъ гоненія и несправедливость“.— Поэтому, когда всѣ суды, присоединившись къ адвокатамъ, также подали въ отставку, и демонстративно продефилировали изъ палаты „въ толпу народа“, публика говорила: „Вотъ истинные Римляне, отцы отечества; и при проходѣ двухъ совѣтниковъ, Писелля и Менги, имъ апплодируютъ и бросаютъ имъ вѣнки“. Безпрестанно разжигаемая ссора между парламентомъ и дворомъ была одной изъ тѣхъ искръ, которая произвела окончательный взрывъ, и огонь янсенистовъ, тлѣвшій подъ пепломъ, нашелъ себѣ выходъ въ 1791 г., когда аттаковали церковное зданіе. — Но въ этомъ старомъ очагѣ можно было найти только горячій пепелъ, зарытыя головни, и по временамъ можно было услышать потрескиваніе горящей соломы; самъ по себѣ, самостоятельно онъ вовсе не былъ способенъ произвести пожаръ. Его устройство сдерживало его пламя и его содержаніе охлаждало его жаръ. Янсенистъ слишкомъ преданный христіанинъ, чтобъ не уважать властей, поставленныхъ сверху. Членъ же парламента, консерваторъ по положенію, пришелъ-бы въ ужасъ отъ сверженія установленнаго порядка. Оба, какъ тотъ, такъ и другой, борятся за традиціи и противъ ново-

введеній; вотъ почему, они, послѣ того, какъ защищали прошлое отъ произвола, будутъ его защищать отъ революціоннаго насилія и падутъ одинъ въ безсиліи, другой—въ забвеніи.

II.

Да и воспламененіе средняго сословія запаздываетъ и для того, чтобъ оно среди него распространилось необходимо сперва постепеннымъ преобразованіемъ огнеупорный матеріалъ превратить въ горючій.—Большая перемѣна произошла въ восемнадцатомъ столѣтіи въ условіяхъ жизни третьяго сословія. Буржуа работалъ, заводилъ фабрики, торговалъ, зарабатывалъ, копилъ и съ каждымъ днемъ обогащался больше. Можно считать, что это великое расширеніе предпріятій, торговли, спекуляцій и состояній, ведетъ начало отъ Ло; пріостановленное войной это теченіе съ новой силой доразвивается, пользуясь каждымъ мирнымъ періодомъ, послѣ договора въ Ахенѣ въ 1748 году, послѣ Парижскаго Договора въ 1763 году и, особенно начиная съ царствованія Людовика XVI. Вывозъ изъ Франціи, который въ 1720 году опредѣлялся въ 106 милліоновъ, въ 1735 г. въ 124, въ 1748 г. въ 192, достигъ 257 милліоновъ въ 1755 г., 309 въ 1776 г., 354 въ 1788 г. Одинъ Санъ-Доминго въ 1786 послалъ въ метрополію на 131 милліонъ своихъ продуктовъ и получилъ взамѣнъ на 44 милліона товаровъ. 1) Благодаря этому обмѣну, мы видимъ въ Нантѣ, Бордо, основываются колоссальныя фирмы „Я считаю Бордо, писалъ Артуръ Юнгъ, болѣе богатымъ и коммерческимъ городомъ, чѣмъ какойлибо изъ городовъ Англіи, за исключеніемъ Лондона... Въ это послѣднее время Франція достигла болѣе быстрыхъ успѣховъ въ морской торговлѣ, чѣмъ даже Англія". По мнѣнію одного администратора того времени, налоги на предметы потребленія даютъ съ каждымъ днемъ все большій доходъ, потому что, начиная съ 1774 года, различные виды индустріи развиваются съ каждымъ днемъ все больше. 2) И этотъ прогрессъ правильно поддерживается. „Можно считать, говоритъ Неккеръ въ 1781 году, что общая сумма всѣхъ пошлинъ на предметы потребленія возрастаетъ на 2 милліона въ годъ".—Въ этомъ напряженіи изобрѣтательности, трудолюбія и генія, Парижъ занимаетъ центральное мѣсто. Еще въ большей степени, чѣмъ въ настоящее время, ему принадлежала монополія въ производствѣ всего того, что является созданіемъ ума и вкуса, книги, картины, эстампы, статуи, драгоцѣнности, украшенія, наряды, экипажи, обстановка, предметы рѣдкости и моды, украшенія для элегантной и свѣтской жизни; всѣмъ этимъ онъ снабжалъ Европу. Въ 1774 г. обороты его книжной торговли равнялись 45 милліонамъ, тогда какъ обороты въ той же отрасли Лондона достигали только четверти этой суммы. Благодаря этимъ барышамъ создавались большія состоянія, еще большее количество среднихъ, и капиталы, такимъ способомъ образованные, искали себѣ употребленія.—Правда, самыя благородныя руки королевства протягивались за ними, чтобъ ихъ получить, дворяне, принцы крови, цѣлыя провинціи, духовное сословіе, въ пер-

вую голову король, который, будучи наиболѣе нуждающимся изъ всѣхъ, занималъ по десяти на сто и постоянно находился въ поискахъ за новыми кредиторами. Уже при Флери долгъ возросъ на 18 милліоновъ ренты и впродолженіе семилѣтней войны вновь на 34 милліона. При Людовикѣ XVI Неккеръ занялъ капиталъ въ 530 милліоновъ, Жоли де Флери 300 милліоновъ, де-Калонъ 800 милліоновъ, всего 1630 милліоновъ впродолженіе десяти лѣтъ. Процентъ съ долга, который въ 1755 г. не превышалъ суммы въ 45 милліоновъ, въ 1776 г. возросъ до 106 милліоновъ и достигъ 206 милліоновъ въ 1789 г. Сколько кредиторовъ указываютъ эти немногія числа! И замѣтьте, что почти всѣ эти кредиторы принадлежали третьему сословію, которое было единственнымъ пріобрѣтателемъ и собирателемъ. Прибавьте къ нимъ тысячи другихъ: на первомъ мѣстѣ финансисты, которые ссужаютъ правительство авансами, авансами неизбѣжными, потому что съ незапамятныхъ временъ оно запродаетъ свой хлѣбъ на корню, и постоянно текущій годъ уничтожаетъ всѣ будущіе плоды слѣдующихъ лѣтъ: въ 1759 году было 80 милліоновъ, уплаченныхъ за срокъ и 170 милліоновъ въ 1783 г. На второмъ мѣстѣ, масса поставщиковъ, крупныхъ и незначительныхъ, которые во всѣхъ пунктахъ территоріи находились въ денежныхъ отношеніяхъ съ государствомъ за свои работы и поставки; это—настоящая армія, возраставшая съ каждымъ днемъ съ тѣхъ поръ, какъ правительство, увлеченное централизацiей, стало само снабжать себя всѣми подрядами, и, побуждаемое общественнымъ мнѣніемъ, увеличило предпріятія, имѣвшія общеполезный характеръ: при Людовикѣ XV государство построило шесть тысячъ миль желѣзной дороги, при Людовикѣ XVI въ 1788 году, чтобъ отвратить голодъ, оно купило на сорокъ милліоновъ зерна.

Благодаря этому расширенію его дѣятельности и займу капиталовъ, оно сдѣлалось всемірнымъ должникомъ; съ этихъ поръ общественныя дѣла не являются ужъ только дѣлами короля. Его кредиторы безпокоятся за его расходы, потому что это ихъ деньги онъ расточаетъ; если онъ будетъ управлять плохо, они будутъ разорены. Они-бы не прочь знать его бюджетъ, провѣрить его расходныя книги. Заимодавецъ всегда вправѣ охранять свой вкладъ. И вотъ буржуа поднимаетъ голову и начинаетъ разсматривать вблизи громадную машину, игра которой, скрытая отъ постороннихъ взоровъ, до сихъ поръ являлась государственной тайной. Онъ дѣлается политикомъ и съ этого самаго момента онъ дѣлается недовольнымъ.—Потому что, нельзя этого отрицать, эти дѣла, въ которыхъ онъ такъ сильно заинтересованъ, ведутся плохо. Членъ семьи, который велъ бы въ такомъ духѣ свои дѣла, заслуживалъ бы быть отданнымъ подъ опеку. Постоянно въ управленіи государствомъ издержки превышали доходъ. По оффиціальнымъ отчетамъ годичный дефицитъ достигалъ семидесяти милліоновъ въ 1770 г., восьмидесяти милліоновъ въ 1783 г.; когда попытались его уменьшить, то достигли этого только банкротствами, первое въ два милліарда въ концѣ царствованія Людовика XIV, второе почти современное Ло, еще слѣдующее произошло при Терре благодаря умень-

шенію на треть и на половину ренты, не говоря ужъ о замалчиваніи деталей, о сбавкахъ, безконечномъ оттягиваніи платежей, о всѣхъ актахъ насилій и подлоговъ, которые могущественный должникъ безнаказанно употребляетъ по отношенію къ слабому кредитору. „Насчитываютъ пятьдесятъ шесть нарушеній общественнаго довѣрія, считая съ Генриха IV и отъ министерства Ломени включительно" и на горизонтѣ показывается послѣднее банкротство, болѣе ужасное чѣмъ всѣ предыдущія. Многіе, Безенваль, Ленге, хладнокровно совѣтовали произвести его, какъ необходимую и оздоровляющую ампутацію. Не только потому что раньше происходили подобные случаи и въ этомъ отношеніи правительство руководилось только своимъ собственнымъ примѣромъ, но таково его обычное правило, потому что оно живетъ только изо дня въ день, посредствомъ изворотовъ и отсрочекъ, пробивая одну дыру, чтобъ заткнуть другую, и спасаясь отъ несостоятельности единственно вынужденнымъ терпѣніемъ своихъ кредиторовъ. Съ нимъ, пишетъ одинъ современникъ, они не могли быть ни въ чемъ увѣрены и имъ приходилось постоянно ждать. „Помѣщали ли они свои капиталы въ его займы, они никогда не могли разсчитывать на уплату процентовъ къ опредѣленному сроку, строили ли они его корабли, исправляли ли дороги, одѣвали ли его солдатъ они не имѣли гарантій для своихъ ссудъ. Не будучи увѣрены въ платежахъ, они принуждены были смотрѣть на контракты, заключаемые съ министрами, какъ на ссуды, выданныя для рискованныхъ авантюръ". За все расплачивались только тогда, когда могли и если могли, даже съ домашними служащими, съ поставщиками припасовъ, съ личной прислугой. Въ 1753 г. прислуга Людовика XV ужъ 3 года, какъ ничего не получала. Ночью, на улицахъ Версаля можно было видѣть его конюховъ, просящихъ милостыню, и его „скрывающихся поставщиковъ; въ 1778 г. онъ былъ долженъ виноторговцу 792.630 франковъ и 3.467.980 франковъ поставщику рыбы и мяса. Въ 1788 г. нужда была настолько велика, что министръ Ломени взялъ и истратилъ фонды, собранные по подпискѣ частными людьми для больницъ; казна, ко времени его ухода, оказалась пустой, за исключеніемъ четырехъ тысячъ франковъ, изъ которыхъ половину онъ положилъ себѣ въ карманъ. Вотъ какое управленіе!—Въ виду такого должника, который очевидно дѣлался несостоятельнымъ, всѣ, кто болѣе или менѣе были вовлечены въ его дѣла, всѣ съ тревогой стали совѣщаться; а ихъ было множество: банкиры, негоціанты, фабриканты, чиновники, заимодавцы всѣхъ родовъ и степеней: на первомъ мѣстѣ рантье, которые пожизненно вложили все свое состояніе и которымъ грозила нищета, если правительство не будетъ уплачивать имъ по 44 милліона, которые оно имъ должно. Промышленники и торговцы, которые довѣрили ему коммерческую часть и которые боялись повредить себѣ противодѣйствіемъ; за ними ихъ кредиторы, ихъ служащіе ихъ рабочіе, ихъ близкіе, короче—наибольшая часть трудящагося и мирнаго класса, который до сего момента повиновался безропотно и не думалъ вовсе о контролѣ надъ установленнымъ режимомъ. Съ этихъ поръ онъ начинаетъ внимательно контролировать его, съ недовѣріемъ, съ гнѣ-

вомъ, и горе тѣмъ, которыхъ онъ обвинитъ, потому что онъ знаетъ, что разоряя государство, разоряютъ его.

III.

Къ этому же времени этотъ классъ поднялся по соціальной лѣстницѣ и черезъ лучшихъ своихъ представителей онъ сблизился съ людьми наиболѣе высокопоставленными. Нѣкогда разстояніе между Дорантомъ и Журденомъ, между донъ-Жуаномъ и Диманшемъ, де-Сотенвиллемъ и Жоржемъ Данденомъ было огромно. Одежды, жилище, нравы, характеръ, понятіе о чести, идеи, языкъ, все разнилось. Теперь разстояніе почти незамѣтно. Съ одной стороны дворянство приблизилось къ третьему сословію, съ другой—третье сословіе къ дворянству и равенство по существу предшествовало равенству по праву.—Съ приближеніемъ къ 1789 году съ трудомъ можно было различить ихъ на улицѣ. Въ городѣ дворяне ужъ не носятъ больше шпаги; они оставили вышивки, позументы, и прогуливались въ скромномъ фракѣ или же ѣздили въ кабріолетѣ, которымъ сами же правили. „Простота англійскихъ обычаевъ" и обычаи третьяго сословія показались имъ болѣе удобными въ частной жизни. Ихъ блескъ ихъ стѣснялъ, они были утомлены быть постоянно на виду.

Отнынѣ они допускаютъ обращеніе запросто, чтобъ не стѣснять себя, и готовы охотно „смѣшаться со всѣми соотечественниками безъ чванства и помѣхъ". Дѣйствительно, признакъ знаменательный, и старые феодалы имѣли поводъ браниться. Маркизъ де-Мирабо, узнавши, что его сынъ собирается быть своимъ собственнымъ адвокатомъ, утѣшается только тѣмъ, что другіе, и даже болѣе высокопоставленные, поступаютъ еще хуже *). „Хотя я съ трудомъ перевариваю мысль, что внукъ нашего дѣда проходитъ курсы, смѣшиваясь съ разношерстной толпой, издали снимая шапку и фигурируя передъ перилами суда, состязается въ практикѣ съ крикунами и мелкими сутягами, но я сказалъ себѣ затѣмъ, что Людовикъ XIV былъ бы неменьше удивленъ, еслибъ онъ видѣлъ, какъ жена его внучатаго пріемника, одѣтая крестьянкой и въ передникѣ, безъ свиты, безъ пажей, безъ кого бы то ни было бѣгаетъ по дворцу и террасамъ, и проситъ у перваго встрѣчнаго повѣсы во фракѣ дать ей руку, которую тотъ и предлагаетъ ей до лѣстницы". Дѣйствительно, уравненіе внѣшности и манеръ свидѣтельствовало только объ уравненіи, происшедшемъ въ умахъ и сердцахъ. Если старый декоративный блескъ былъ уничтоженъ, это значитъ, что чувства, въ немъ выражавшіяся, исчезли. Это возвѣщало серьозность, достоинство привычку обуздывать себя и признавать общество, авторитетъ и приказаніе. Это было торжество пышное и строгое, которому долженъ подчиняться главный штабъ общества. Теперь торжество померкло, потому что главный штабъ разсѣялся. Если дворяне одѣваются какъ буржуа, это значитъ, что они сами превратились въ буржуа—я хочу сказать—въ

*) Письмо маркиза де-Мирабо. 23 марта 1783 г.

праздныхъ людей, отставленныхъ отъ дѣлъ, которые болтаютъ и забавляются. Безъ сомнѣнія, они забавляются, какъ люди со вкусомъ, и разговариваютъ, какъ люди хорошаго общества; но трудность не будетъ велика, уравнять ихъ въ этомъ. Съ тѣхъ поръ, какъ третье сословіе обогатилось, многіе изъ разночинцевъ сдѣлались свѣтскими людьми.

Потомки Самуила Бернара ужъ не называются Тюркаре, но извѣстны, какъ Пари-Дювернуа, Сенъ-Жамъ, Лабордъ, облагороженные, съ изысканнымъ чувствомъ и умомъ, тактичны, литературно и философски образованы, занимаются благотворительностью, устраиваютъ празднества и умѣютъ принимать. У нихъ встрѣчаютъ то же общество, близкое по оттѣнку, какъ и у вельможъ, тѣ же взгляды, тотъ же тонъ. Ихъ сыновья, де-Виллемюръ, де-Франкель, д'Эпиней, бросаютъ деньги направо и налѣво такъ же изящно, какъ молодые герцоги, съ которыми они ужинаютъ. Съ деньгами и съ умомъ какой-нибудь выскочка быстро поднимается, и его сынъ, если не онъ самъ, будетъ посвященнымъ: нѣсколько лѣтъ занятій въ академіи, учитель танцевъ, одна изъ тысячи повинностей, которыя даютъ право на дворянство и онъ пріобрѣтаетъ тотъ внѣшній лоскъ, который ему не достаетъ. И въ то же время всякій, кто только могъ соблюдать приличія, кланяться и разговаривать, пріобрѣталъ привиллегію быть принятымъ повсюду. Одинъ англичанинъ замѣчаетъ, что самой лестной кому бы-то ни было похвалой было сказать о немъ, что „онъ умѣетъ раскланиваться въ совершенствѣ".

Жена маршала де-Люксембургъ, такая гордая, всегда выбирала себѣ кавалеромъ Лагарпа; въ самомъ дѣлѣ: „онъ такъ хорошо подаетъ руку". Плебей не только вступаетъ въ салонъ, если у него есть умѣнье держаться, онъ также и господствуетъ въ немъ, если у него есть талантъ. Первое мѣсто въ разговорѣ и даже въ уваженіи всего общества принадлежитъ Вольтеру, сыну нотаріуса, Дидро, сыну ножевщика, Руссо, сыну часовщика, д'Аламберу, пріемышу, воспитанному стекольщикомъ; и когда, послѣ смерти великихъ людей, остались только второстепенные писатели, знатнѣйшія герцогини еще очень довольны имѣть за своимъ столомъ Шамфора, также пріемнаго ребенка, Бомарше, тоже сына часовщика, Лагарпа, вскормленнаго и воспитаннаго изъ милости, Мармонтеля, сына деревенскаго портного, и массу другихъ, менѣе извѣстныхъ, однимъ словомъ, всѣхъ литературныхъ выскочекъ.

Наконецъ, дворянство кончаетъ со своими традиціями, заимствуя ихъ перо и стремясь къ ихъ успѣху. „Теперь, — говоритъ принцъ Энэнъ (Hénin), отрѣшились отъ старинныхъ и нелѣпыхъ предразсудковъ относительно изученія литературы. Что касается меня, то я завтра же написалъ бы комедію, еслибъ былъ къ этому способенъ; и, еслибъ меня немного подзадорили, я бы ее и сыгралъ". И фактически „виконтъ де-Сегюръ, сынъ военнаго министра, играетъ роль любовника въ „Nina" на сценѣ театра m-me Гюимаръ вмѣстѣ со всѣми актерами итальянской комической труппы". Одинъ изъ персонажей m-me де-Жанлисъ возвратившись въ Парижъ послѣ пятилѣтняго отсутствія, говоритъ „что онъ оставилъ людей, занятыхъ единственно игрой, охотой, своимъ домашнимъ очагомъ,

и нашелъ ихъ всѣхъ писателями". Они переходятъ изъ салона въ салонъ со своими трагедіями, комедіями, романами, ..ло ами, диссертаціями и разсужденіями всевозможныхъ родовъ. Они стараются поставить на сцену свои пьесы, подвергаютъ ихъ предварительной критикѣ актеровъ, добиваются похвальнаго слова въ „Mercure", читаютъ басни на засѣданіяхъ академіи. Они, впадая въ мелочное тщеславіе, ввязываются въ ссоры и въ мелочи литераторской жизни, того хуже, въ мелочи театральной жизни, потому что состоятъ актерами въ сотнѣ общественныхъ театровъ и играютъ съ настоящими артистами. Прибавьте, если хотите, ко всему этому другіе ихъ маленькіе таланты любителей: рисованіе à la gouache, сочиненіе пѣсенъ, игру на флейтѣ. Послѣ этого смѣшенія классовъ и перемѣщенія ролей, какое превосходство остается на долю дворянства? Благодаря какой спеціальной заслугѣ, какому общепризнанному отличію добьется оно уваженія третьяго сословія? За исключеніемъ высшаго сорта бонтонности и нѣкоторой утонченности въ умѣніи жить, чѣмъ инымъ отличаются они? На какое особенное образованіе, какой навыкъ въ дѣлахъ, на какой опытъ въ государственномъ управленіи, какое знаніе политики, какое вліяніе на мѣстное населеніе, на какой нравственный авторитетъ могло оно ссылаться, чтобъ оправдать свои притязанія на первое мѣсто?—На практикѣ, это ужъ третье сословіе исполняетъ всю работу и поставляетъ спеціалистовъ, управителей, главныхъ слугъ министерствъ, администраторовъ свѣтскихъ и духовныхъ, дѣйствительныхъ работниковъ всѣхъ родовъ и степеней. Вспомните того маркиза, о которомъ только что была рѣчь, стараго капитана французской гвардіи, благороднаго и честнаго человѣка, признавшагося на выборахъ 1789 г., что существенныя знанія у депутата „встрѣчаются большею частью, принадлежащаго къ третьему сословію, умъ котораго достигъ опытности въ дѣлахъ". Что касается теоріи, то разночинецъ понимаетъ въ ней столько же сколько и дворянинъ. Но онъ намѣревается изучить ее лучше, потому что, прочитавъ тѣ же книги и проникшись тѣми же принципами, онъ не останавливается подобно послѣднему на полпути къ выводамъ, но вдумываясь пробивается впередъ до глубины доктрины, убѣжденный, что его логика должна быть непогрѣшимой, и что онъ будетъ владѣть тѣмъ большими знаніями, чѣмъ меньше у него предразсудковъ. Посмотрите на молодыхъ людей, достигшихъ двадцатилѣтняго возраста, около 1780 г., родившихся въ трудолюбивой семьѣ, привыкшихъ къ усиленному труду, способныхъ работать по 12 часовъ ежедневно, какъ Барнавы, Карно, Редереры, Мерлэнъ де-Тіонвилль, Робеспьеры! Это—дѣятельная раса, чувствующая свою силу, которая критикуетъ своихъ соперниковъ, зная ихъ слабости, которая сравниваетъ свою трудоспособность и свое образованіе, съ ихъ легкомысліемъ и неспособностью, и которая въ моментъ, когда въ ней бродитъ юношеское тщеславіе, видитъ себя заранѣе лишенной высшихъ должностей, обреченной пожизненно на мѣста подчиненныхъ, потому что ей препятствуетъ во всякой карьерѣ высшее сословіе, въ которомъ она съ трудомъ видитъ равныхъ. На артиллерійскихъ испытаніяхъ, гдѣ Шеренъ, генеологъ, не принималъ разночинцевъ, а аббатъ

Боссю, математикъ, не принималъ несвѣдующихъ, оказалось, что дворянамъ не достаетъ способностей, а способнымъ — дворянства. Дворянинъ и образованный—эти два понятія кажутся исключающими одно другое. На сто учениковъ четыре и пять соединяютъ эти оба условія. Теперь же, когда общество смѣшано, подобныя соединенія часто и легко встрѣчаются. Адвокатъ, врачъ, литераторъ, всякій человѣкъ третьяго сословія, который разговариваетъ запросто съ какимъ-нибудь герцогомъ, путешествуетъ въ дилижансѣ рядомъ съ какимъ-нибудь графомъ, гусарскимъ полковникомъ, можетъ сдѣлать оцѣнку своего собесѣдника или сосѣда, разобрать его идеи, провѣрить его достоинства, воздать ему уваженіемъ по заслугамъ; и я увѣренъ, онъ его не очень высоко оцѣнитъ. Съ тѣхъ поръ какъ дворянство, отрѣшенное отъ своихъ спеціальныхъ обязанностей, и третье сословіе, взявшее на себя главныя обязанности, находится на одномъ уровнѣ по воспитанію и образованію, неравенство, ихъ раздѣляющее, сдѣлавшись безполезнымъ, сдѣлалось оскорбительнымъ. Установленное обычаемъ, оно больше не освящается разсудкомъ, и третье сословіе по справедливости приходитъ въ негодованіе противъ привилегій, которыхъ ничто теперь не оправдываетъ: ни способности дворянъ, ни бездарность буржуа.

IV.

Недовѣріе и гнѣвъ къ правительству, подвергающему опасности всѣ богатства, вражда и непріязнь къ дворянству, стоящему преградой на всѣхъ дорогахъ, вотъ какія чувства назрѣвали въ среднемъ сословіи, единственно благодаря росту его богатства и развитія. Уже заранѣе можно догадаться, каково будетъ дѣйствіе новой философіи на почву такъ подготовленную. Заключенная сперва въ аристократическихъ кругахъ доктрина просачивалась чрезъ всѣ отверстія, какъ струящаяся вода и незамѣтно распространилась по всему нижнему этажу. Уже въ 1727 г. Барбье, буржуа стариннаго пошиба, знавшій только по названію философію философовъ, пишетъ въ своемъ дневникѣ: „У сотенъ бѣдныхъ семействъ отнимаютъ ихъ пожизненный доходъ, который имъ давалъ возможность существовать, доходъ, получаемый съ облигацій, по которымъ должникомъ является король, фонды котораго изсякли; людямъ, занимавшимъ высокіе посты, гдѣ они составляли себѣ значительныя богатства, выдается по пятидесяти шести тысячъ ливровъ пенсіи, и все на счетъ народа, чтобы дать имъ возможность отдыхать и ничего не дѣлать“ *). Одна за другой идеи реформъ проникаютъ въ его кабинетъ стряпчаго; достаточно разговора, чтобы ихъ распространить, а простой здравый разсудокъ не нуждается въ философіи, чтобъ ихъ принять. „Норма обложенія имущества,—говоритъ онъ въ 1750 г.,—должна быть пропорціональна и распространена равно на всѣхъ подданныхъ короля и членовъ государства сораз-

---

*) Барбье, II, 16; III, 255. „Король обкрадывается всѣми этими вельможами, которые окружаютъ его, особенно во всѣхъ поѣздкахъ по его различнымъ замкамъ, очень многочисленнымъ.

мѣрно съ имуществомъ, которымъ каждый дѣйствительно владѣетъ въ королевствѣ; въ Англіи землидворянства, духовенства и третьяго сословія одинаково разложены безъ различій; ничего не можетъ быть болѣе справедливаго". Въ слѣдующія затѣмъ десять лѣтъ волна растетъ; о правительствѣ плохо отзываются въ кофейняхъ, на гуляньяхъ, и полиція не осмѣливается арестовывать хулителей, „потому что пришлось бы арестовать всѣхъ". Вплоть до конца царствованія это нерасположеніе растетъ.—„Въ 1744 году,— говоритъ книгопродавецъ Арди,—во время болѣзни короля въ Метцѣ, частныя лица заказали на свой счетъ 6.000 header мессъ о здравіи; въ 1757 г., послѣ покушенія Даміена, число заказанныхъ мессъ не превышало 600; въ 1774 г., во время болѣзни, отъ которой онъ умеръ, число это спустилось до трехъ". Полной потерей довѣрія къ правительству, огромнымъ вліяніемъ Руссо, этими двумя одновременными событіями можно отмѣтить поворотъ Третьяго сословія въ философіи. Въ началѣ царствованія Людовика XVI, когда одного путешественника, возвратившагося послѣ нѣсколькихъ лѣтъ отсутствія, спросили, какую перемѣну онъ замѣтилъ въ націи, онъ отвѣтилъ: „Ничего другого, кромѣ того, что рѣчи, раздававшіяся раньше въ салонахъ, повторяются теперь на улицахъ". А повторяется на улицахъ — доктрина Руссо, „Рѣчи о неравенствѣ", „Общественный договоръ", распространенный, упрощенный и повторяемый его послѣдователями на разные лады и въ различныхъ формахъ. Что могло быть болѣе соблазнительнымъ для третьяго сословія! И не только потому теорія эта пользуется почетомъ, что съ нею она сталкивается въ рѣшительный моментъ, когда его сознаніе впервые возстаетъ противъ господствующихъ понятій; но болѣе того, она его снабжаетъ оружіемъ противъ соціальнаго неравенства и политическаго произвола, и оружіемъ настолько острымъ, въ какомъ оно только можетъ нуждаться. Какой учитель можетъ пользоваться большей симпатіей у людей, желающихъ имѣть контроль надъ властями, желающихъ уничтожить привиллегіи, чѣмъ геніальный писатель съ могучей логикой, пламенный ораторъ, утвердившій естественное право и уничтожившій право историческое, провозгласившій равенство людей и потребовавшій верховной власти народа, на каждой страницѣ объявлявшій объ узурпаціи, о порокахъ, о безполезности и вредѣ сильныхъ и королей!—И я выпускаю изъ виду тѣ черты, благодаря которымъ онъ пріобрѣталъ уваженіе сыновей трудолюбивой и строгой буржуазіи, новыхъ людей, которые работаютъ и поднимаются, именно—его серьезное содержаніе, его рѣзкій и суровый тонъ, его восхваленіе простоты нравовъ, добродѣтелей домашняго быта, личнаго достоинства, мужественной энергіи; это плебей, обращающійся къ плебеямъ.—Нѣтъ ничего удивительнаго, если его дѣлаютъ своимъ вождемъ и принимаютъ его доктрины съ той ревностной вѣрой, которая называется энтузіазмомъ, и которая всегда сопровождаетъ первую идею, какъ и первую любовь. Одинъ компетентный судья, современникъ Малэ-дю-Панъ, писалъ въ 1799 году: „Въ среднемъ и низшемъ сословіи Руссо имѣетъ въ сто разъ больше читателей, чѣмъ Вольтеръ. Это исклю-

чительно онъ привилъ французамъ доктрину верховной власти народа съ ея наиболѣе крайними выводами. Мнѣ бы трудно было назвать хотя бы одного революціонера, который не былъ бы въ восторгѣ отъ его анархическихъ теоремъ и который не горѣлъ бы желаніемъ воплотить ихъ въ жизни. Этотъ „Общественный договоръ“, уничтожающій общество, былъ Кораномъ жеманныхъ болтуновъ 1789 г., якобинцевъ 1790 г., республиканцевъ 1791 г. и безумцевъ наиболѣе неистовыхъ... Я слыхалъ Марата въ 1788 г., читающимъ и комментирующимъ „Общественный договоръ“ на публичныхъ гуляніяхъ при восторженныхъ аплодисментахъ слушателей“. Въ томъ же году, въ огромной толпѣ, наполнявшей Большую Залу Дворца, Лакретелль слышитъ, какъ эту же книгу цитируютъ съ разъясненіемъ ея догмъ „подъячіе Базоша“, молодые адвокаты, весь тотъ ничтожный книжный міръ, который кишѣлъ публицистами новаго стиля. Изъ сотенъ деталей видно, что онъ для всѣхъ служилъ катехизисомъ. Въ 1784 г. сыновья судей, идя брать свой первый урокъ права къ адъюнктъ-профессору, М. Сересту, получаютъ „Общественный договоръ“, который ихъ учитель даетъ имъ для руководства. Тѣ, кто находятъ новую политическую геометрію слишкомъ трудной, изучаютъ въ ней только аксіомы, а если и аксіомы затрудняютъ, въ ней выискиваютъ только очевидныя истины, подходящіе эквиваленты, мелкую размѣнную монету въ модной литературѣ, въ театрѣ, исторіи и романахъ. Догмы равенства и свободы пробивались и проникали ко всѣмъ, кто только умѣлъ читать, черезъ „Похвальныя рѣчи“ Томаса, чрезъ пастурали Бернардена де-Сенъ-Пьера, черезъ компиляціи де-Рейналя, черезъ комедіи Бомарше, даже черезъ „Le jeune Anacharsis“ и новую страсть къ греческой и римской древности. „Въ эти послѣдніе дни,—говоритъ Метра, у кюре д'Оранжен'а былъ обѣдъ для сорока деревенскихъ священниковъ въ пяти льё отъ Парижа. Во время дессерта, подъ вліяніемъ вина, они всѣ сознались, что пріѣхали въ Парижъ, чтобъ посмотрѣть „Свадьбу Фигаро“... Казалось, что до сихъ поръ комическіе авторы всегда старались заставить смѣяться высшихъ надъ низшими; здѣсь же, наоборотъ, низшіе смѣются надъ высшими“. Отсюда — успѣхъ пьесы. Такой-то управляющій замка нашелъ въ библіотекѣ Рейналя, рѣзкости котораго привели его въ такой восторгъ, что тридцать лѣтъ спустя онъ передавалъ безошибочно этого автора. Такой-то сержантъ французской гвардіи вышиваетъ по ночамъ жилеты, чтобы заработать себѣ на новыя книги.—Послѣ галантной живописи будуаровъ на сцену выступаетъ суровая и патріотическая; „Велизарій“ и „Гораціи“ Давида указываютъ на новое направленіе умовъ публики и мастерскихъ *). Это—духъ Руссо, „духъ республиканскій“ **); онъ охватилъ весь средній классъ, артистовъ чиновниковъ, священниковъ, врачей, прокуроровъ, адвокатовъ, писателей, журналистовъ, а пищей ему служили дурныя

*) „Велизарій“ появился въ 1780 г., „Клятва Гораціевъ“—въ 1783 г.
**) Жефруа.—„Парижъ, съ его республиканскимъ духомъ, обыкновенно аплодируетъ тому, кто палъ при Фонтенебло“.

страсти въ одинаковой мѣрѣ съ возвышенными, честолюбіе, зависть, жажда свободы, стремленіе къ общественному благу и сознаніе права.

V.

Всѣ эти страсти возбуждаютъ одна другую. Ничто не возбуждаетъ такъ чувства справедливости, какъ нарушеніе ея, и ничто, въ свою очередь, не вызываетъ такъ сожалѣнія о несправедливости, какъ чувство справедливости. Теперь, когда третіе сословіе считаетъ себя лишеннымъ принадлежащаго ему мѣста, оно чувствуетъ себя плохо на томъ мѣстѣ, которое занимаетъ, и страдаетъ отъ тысячи мелкихъ оскорбленій, которыхъ раньше оно не чувствовало. Чувствуя себя гражданиномъ, человѣкъ возмущается, когда къ нему относятся, какъ къ подчиненному, и никто не соглашается покоряться тому, кого онъ считаетъ себѣ равнымъ. Вотъ почему, когда за послѣднія двадцать лѣтъ старый режимъ сдѣлался много мягче, его тяжесть чувствуется сильнѣе, каждый мелкій уколъ его раздражаетъ, какъ большое пораненіе. Можно привести тому десятки примѣровъ. Барнавъ, ребенкомъ *), былъ какъ-то въ театрѣ въ Греноблѣ. Онъ находился со своей матерью въ ложѣ которую герцогъ Тоннеръ, губернаторъ провинціи, предназначалъ для одного изъ своихъ прислужниковъ. Директоръ театра, затѣмъ начальникъ стражи, приходятъ просить г-жу Барнавъ удалиться; она отказывается; тогда, по распоряженію губернатора, въ ложу входятъ четверо вооруженныхъ солдатъ, чтобы вывести ее силой. Уже партеръ началъ принимать участіе, и можно было опасаться столкновенія, когда г-нъ Барнавъ, предупрежденный объ оскорбленіи, увелъ свою жену и сказалъ во всеуслышаніе: „я ухожу по приказанію губернатора". Публика, вся оскорбленная буржуазія, рѣшила не посѣщать спектаклей впредь до удовлетворенія, и театръ дѣйствительно пустовалъ нѣсколько мѣсяцевъ, пока, наконецъ, г-жа Барнавъ не согласилась снова появиться въ немъ.

Будущій депутатъ вспомнилъ въ послѣдствіи объ оскорбленіи и съ этихъ поръ поклялся вывести сословіе, къ которому принадлежалъ, изъ того унизительнаго положенія, къ которому, казалось, оно было приговорено. Подобное же случилось и съ Лакруа, будущимъ членомъ конвента **). Его толкнулъ при выходѣ изъ театра какой-то аристократъ, подававшій руку хорошенькой женщинѣ. Лакруа громко запротестовалъ.—„Кто вы такой?"—Лакруа, тогда еще провинціалъ, простодушно назвалъ свое имя, фамилію и званіе.—„Ну-съ",—сказалъ тотъ,—„все это хорошо для Васъ, а я—графъ де-Шабань и очень спѣшу!" Затѣмъ онъ громко расхохотался и сѣлъ въ карету, „Ахъ сударь!" сказалъ Лакруа, все еще разгоряченный своимъ непріятнымъ приключеніемъ, „ужасно разстояніе, которое гордость и предразсудки кладутъ между людьми!"—Будьте увѣрены, что у Марата,—ветеринара при конюшняхъ графа

---

*) Сентъ-Бевъ, Бесѣды на понедѣльникъ, II, 24 (Изслѣдованіе о Барнавѣ).

**) Тилли, Воспоминанія, I, 243.

д'Артуа, у Робеспьера—любимца епископа д'Арра, у Дантона—мелкаго адвоката, „обремененнаго долгами", у всѣхъ другихъ, двадцать разъ страдало самолюбіе при подобныхъ же столкновеніяхъ. Тѣмъ же объясняется и скрытая горечь, которою пропитаны насквозь Воспоминанія г-жи Ролланъ. «Она *) не прощала обществу того унизительнаго положенія, которое долго въ немъ занимала" **).

Въ 1818 г. въ маленькомъ сѣверномъ городкѣ графъ . . . ., за обѣдомъ у мѣщанскаго подпрефекта, сидя за столомъ рядомъ съ хозяйкой дома, сказалъ ей, принимая отъ нея тарелку супа: „благодарю Васъ, душа моя". Но революція уже снабдила маленькую мѣщаночку когтями и зубами, и нѣсколько минутъ спустя, съ самой любезной улыбкой, она спросила его: „хотите цыпленка, душа моя?" Благодаря Руссо, щепетильность, столь естественная въ человѣкѣ вообще и столь чувствительная во французѣ, была доведена до крайности. Малѣйшій оттѣнокъ, тонъ рѣчи казался пренебрежительнымъ. Однажды ***), когда при военномъ министрѣ говорили объ одномъ изъ главныхъ офицеровъ, который достигъ этого положенія только благодаря своимъ заслугамъ, министръ сказалъ, „Это случайный офицеръ" ****). Эта острота повторялась, комментировалась, и принесла много зла. Высокопоставленные люди были настолько снисходительны, что съ одинаковой любезностью „принимали у себя всѣхъ тѣхъ, которые были имъ представлены". У герцога Пантьевръ благородные обѣдали съ хозяиномъ дома; разночинцы же—у старшаго его приближеннаго и только къ кофе появлялись въ гостиной. Тутъ они находили „въ силѣ и почетѣ" тѣхъ, которые удостоились чести обѣдать съ Его Высочествомъ и которые не отказывались поздороваться съ покровительственной снисходительностью съ прибывшими; этого было достаточно. Герцогъ простиралъ свою учтивость до изысканности. Беньо, несмотря на всю свою сговорчивость ни зачто не соглашался побывать тамъ еще разъ.—Ненависть поддерживается не только тѣми короткими поклонами, которые они дѣлаютъ, но и тѣми глубокими поклонами, которые имъ должны были отвѣшивать. Шанфоръ съ озлобленіемъ

*) Слова Фонтана, который зналъ ее и восхищался ею. (Сентъ-Бевъ, Новые понедѣльники, VIII, 221).

**) Воспоминанія г-жи Ролланъ (possim.) 14-ти-лѣтней дѣвочкой, представленная г-жѣ Буазморель, она была оскорблена, когда услышала, какъ ея бабушку называютъ „mademoiselle".—„Немного спустя я не могла не признаться себѣ, что стою выше M-lle д'Аннашъ, которая, несмотря на свои 60 лѣтъ и свое высокое происхожденіе, не умѣла составить самого простого письма, которое было бы возможно прочесть". Въ тотъ же періодъ ей пришлось провести недѣлю у одной дамы при дворѣ жены дофина, послѣ чего она сказала своей матери: „еще нѣсколько дней, и я возненавидѣла бы всѣхъ этихъ людей до такой степени, что не могла бы найти себѣ мѣста отъ ненависти".—„Да чтожъ такое они тебѣ сдѣлали?"—„Чувствовать несправедливость и ежеминутно видѣть передъ глазами нелѣпость".—Приглашенная къ обѣду въ замокъ Фонтенэ, она съ матерью должна была обѣдать въ буфетной и т. п.

***) Вобланъ, I, 153.

****) Непереводимая игра словъ: fortune—случайность, officier de fortune—офицеръ изъ рядовыхъ. Прим. перев.

разсказываетъ, какъ d'Alambert, въ полный расцвѣтъ своей славы, былъ какъ то у г-жи Деффанъ одновременно съ президентомъ Гено и г-мъ де-Понъ-де-Вейль. Вошелъ докторъ Фурнье и здороваясь сказалъ г-жѣ Деффанъ „имѣю честь засвидѣтельствовать Вамъ свое глубочайшее почтеніе"; президенту Гено: „честь имѣю кланяться"; г-ну де-Понъ-де-Вейль „Вашъ покорнѣйшій слуга", а д'Аламберу, „здравствуйте" *). Когда человѣкъ возстановленъ, все можетъ вызвать его злобу. Третіе сословіе, наученное Руссо, недовольно дворянствомъ за всѣ его поступки и еще больше за его качества, за его роскошь, за его щегольство, за его развлеченія, за его утонченныя и блестящія манеры. Шанфоръ раздражается любезностями, которыми его осыпали. Сіежъ требуетъ у нихъ аббатства, которое ему обѣщали, но не дали. Каждый кромѣ общей обиды, страдаетъ еще и отъ своей личной. Ихъ холодность, какъ и фамильярность, ихъ вниманіе, какъ и невниманіе, оскорбляютъ, и отъ этихъ тысячи мелкихъ булавочныхъ уколовъ, дѣйствительныхъ или воображаемыхъ, желчь накопляется все больше и больше.

Въ 1789 г. ее накопилось столько, что она разливается; „наиболѣе почетнымъ для французскаго дворянина считалось вести свою родословную отъ какихъ-то 30.000 человѣкъ, которые въ каскахъ, кирасахъ, нарукавникахъ, набедренникахъ, на большихъ лошадяхъ, закованныхъ въ желѣзныя латы, топтали ногами 8 или 10 милліоновъ нагихъ людей, предковъ современной націи. Вотъ вполнѣ заслуженное право на уваженіе и любовь потомковъ! И, чтобы окончательно подорвать уваженіе къ дворянству, оно увеличиваетъ и обновляетъ свое сословіе принятіемъ въ свою среду людей, которые нажились, опустошая хижину бѣдняка, который не платилъ своихъ налоговъ".—„Почему третіе сословіе, спрашиваетъ Сіежъ, не изгнало въ лѣса Франконіи всѣ эти аристократическіе роды, которые сохраняютъ еще свою безумную претензію считаться потомками расы завоевателей и наслѣдовать права побѣдителей. Я предполагаю, что, за недостаткомъ полиціи, Картушъ еще болѣе основательно укрѣпился на большихъ дорогахъ. Получилъ ли онъ дѣйствительно право на сборъ дорожныхъ пошлинъ? Если бы онъ имѣлъ время продать ту монополію, когда-то довольно распространенную, добросовѣстному преемнику, развѣ его право въ рукахъ пріобрѣтателя сдѣлалось бы болѣе достойнымъ уваженія? Всякая привиллегія, въ сущности, несправедлива, ненавистна и противорѣчитъ общественному договору. Кровь закипаетъ при одной мысли, что въ концѣ XVIII столѣтія подлые остатки феодальнаго строя могли еще быть санкціонированы закономъ. Каста

*) Шанфоръ, 16—„Кто бы повѣрилъ этому? Не налоги, не тайные приказы объ арестахъ, не всѣ другія злоупотребленія властью, также не притѣсненія управляющихъ и не разорительная медленность судебныхъ разбирательствъ, вооружили націю, но предразсудки дворянства, которые больше всего вызывали ненависть. Это вполнѣ подтверждается тѣмъ, что низшее населеніе городовъ и крестьянство по деревнямъ было поднято противъ дворянства буржуазіею, писателями, финансистами, всѣми тѣми, наконецъ, которые завидовали дворянству„.

дворянъ есть поистинѣ отдѣльный народъ, но народъ поддѣльный, который, не будучи въ состояніи, по недостатку полезныхъ членовъ, существовать самъ по себѣ, присасывается къ дѣйствительной націи, какъ тѣ паросты, которые истощаютъ и изсушиваютъ растенія, высасывая изъ нихъ соки". Они пользуются всѣмъ, все существуетъ только для нихъ. „Всѣ отрасли исполнительной власти достались въ руки касты, которая поставляетъ духовныхъ, судей и военныхъ. Нѣкоторое сотоварищество или соглашеніе ведетъ къ тому, что дворяне начинаютъ свысока смотрѣть на нихъ, какъ на всю остальную націю... Дворъ, а не монархъ царствовалъ тогда. Дворъ создаетъ и раздаетъ должности. „А что такое дворъ, какъ не глава этой многочисленной аристократіи, которая наводняетъ собою всю Францію, которая, въ лицѣ своихъ представителей, достигаетъ всего и вездѣ захватываетъ въ свои руки всю власть во всѣхъ ея отрасляхъ?" *). Покончимъ съ этимъ общественнымъ преступленіемъ, съ этимъ продолжительнымъ смертоубійствомъ, которое одинъ классъ безпрестанно учиняетъ надъ другими и еще гордится этимъ. Не спрашивайте, какое мѣсто должны занимать привилегированные въ соціальномъ строѣ:—это было бы все равно, что спрашивать, какое мѣсто отвести въ тѣлѣ больного той ужасной болѣзни, которая пожираетъ его живьемъ". Выводъ напрашивается самъ собой: вырѣжемъ язву или, по крайней мѣрѣ, убьемъ заразное начало. Третіе сословіе, взятое въ отдѣльности, представляетъ „самостоятельную націю", у которой нѣтъ недостатка въ органахъ, которая не нуждается ни въ чьей помощи, чтобы существовать или руководить собой, и которая выздоровѣетъ, какъ только сброситъ съ себя паразитовъ, впившихся въ ея тѣло. „Что такое третіе сословіе? Все. Чѣмъ же оно было въ политической жизни? Ничѣмъ. Чего оно добивается? Быть чѣмъ-нибудь".—Не чѣмъ-нибудь, но всѣмъ. Его политическое честолюбіе такъ же велико, какъ и соціальное, и оно стремится къ господству такъ же сильно, какъ и къ равенству. Если привиллегіи нехороши сами по себѣ, то привиллегіи княжескія еще хуже, потому что шире, и человѣческое достоинство, оскорбленное преимуществами дворянъ, гибнетъ подъ самовластіемъ короля. Что изъ того, что онъ едва пользуется имъ, что его правленіе, руководимое общественнымъ мнѣніемъ, походитъ на попечительство слабохарактернаго и снисходительнаго отца. Освободившись отъ дѣйствительнаго деспотизма, третіе сословіе возстаетъ противъ возможности его и считало бы себя рабомъ, если бы согласилось быть подданнымъ. Оскорбленная гордость воспрянула, напряглась и, чтобы вѣрнѣе упрочить свое право, она уничтожаетъ права всѣхъ другихъ. Такъ сладко, такъ заманчиво для человѣка, который съ давнихъ поръ терпѣлъ надъ собою гнетъ, занять мѣсто своихъ бывшихъ владыкъ, а ихъ поставить на свое, признавать ихъ своими ставленниками, считать себя частью государственной

---

*) „Дворянство,—говорили дворяне,—есть посредникъ между королемъ и народомъ.—Да, какъ охотничья собака есть посредникъ между охотникомъ и зайцами". (Шанфоръ).

власти, до нѣкоторой степени королемъ Франціи, единственнымъ создателемъ всѣхъ правъ и полномочій!—Сообразно съ доктринами Руссо, наказы (cahiers) третьяго сословія единодушно признаютъ необходимость ввести во Франціи, ея въ ней еще нѣтъ или, во всякомъ случаѣ, та, которая есть, никуда не годится.

До сихъ поръ „условія общественнаго договора игнорировались", теперь, когда ихъ обнаружили, нужно ихъ записать. Совершенно несправедливо говорить, какъ это дѣлаютъ дворяне по Монтескье, что конституція существуетъ, что ея главнѣйшія черты не должны быть измѣнены, что нужно только уничтожить злоупотребленія, что генеральные штаты имѣютъ только ограниченную власть, что они не компетентны замѣнить монархію другимъ режимомъ. Иносказательно или опредѣленно, третье сословіе отказывается ограничить свои полномочія и не допускаетъ, чтобы ему ставили преграды. Такимъ образомъ они единодушно требуютъ, чтобы депутаты выбирались „не сословіями, а поголовно и сообща". „Въ томъ случаѣ, если депутаты духовенства и дворянства откажутся подавать голоса сообща и поголовно, депутаты третьяго сословія, которые представляютъ 24 милліона человѣкъ, имѣя всегда возможность, несмотря на несогласіе представителей отъ 400.000 лицъ, объявить себя національнымъ собраніемъ, заявятъ королю вмѣстѣ съ тѣми изъ духовенства и дворянства, которые захотятъ примкнуть къ нимъ, о своей готовности помочь государству въ случаѣ нужды, и такимъ образомъ установленный налогъ будетъ распредѣленъ безъ различія между всѣми подданными короля".—„Третье сословіе",—говорятъ другіе наказы; „которое составляетъ 99 на 100 человѣкъ населенія, не есть сословіе. Отнынѣ, вмѣстѣ ли съ привилегированными или безъ нихъ, оно будетъ, называясь прежнимъ именемъ, признано народомъ или націей".—Не удивляйтесь, что народъ, такъ исковерканный, становится толпой, что начальники не создаются въ одну минуту, что трудно отрѣшиться отъ своихъ естественныхъ руководителей; не забывайте, что духовенство и дворянство продолжаютъ еще быть избранниками, что ²/₅ земли находятся въ ихъ рукахъ, что половина интеллигентныхъ и образованныхъ людей выходятъ изъ ихъ рядовъ, что многое еще зависитъ отъ ихъ доброй воли, что эти историческія сословія постоянно доставляли свободнымъ учрежденіямъ ихъ лучшихъ защитниковъ. По принципу Руссо нужно не оцѣнивать людей, но сосчитывать ихъ; для политики только численность имѣетъ значеніе. Ни происхожденіе, ни состояніе, ни положеніе, ни способности не даютъ преимуществъ: сильный или слабый, невѣжда или ученый, генералъ, солдатъ или мошенникъ, каждая отдѣльная личность, въ соціальной арміи является только единицей, имѣющей право голоса. Гдѣ вы видите большинство, тамъ и право. Вотъ почему третье сословіе выставляетъ свое право, какъ неоспоримое, и въ свою очередь повторяетъ слова Людовика XIV—государство—это я".

Разъ принципъ уже установленъ или принятъ, все пойдетъ хорошо. „Казалось", разсказываетъ одинъ свидѣтель, что страной будутъ управлять теперь люди золотого вѣка. Этотъ народъ,

свободный, справедливый и мудрый, всегда уравновѣшанный, всегда удачно выбирающій министровъ, всегда умѣренный въ примѣненіи своей силы и власти, никогда не могъ заблуждаться, ни ошибаться, никогда не допустилъ бы надъ собою господства, ни тираніи тѣхъ лицъ, которыхъ онъ облекъ бы своимъ довѣріемъ. Только его воля творила бы законы и эти законы вели бы къ его счастью". „Нація возродится". Эта фраза повторяется вездѣ и письменно и устно. Въ Nangis Артуръ Юнгъ находитъ, что она составляетъ сущность всѣхъ политическихъ разговоровъ.

Капеланъ полка, приходскій священникъ въ бесѣдѣ съ сосѣдями, также не отстаетъ отъ другихъ; другой вопросъ, что онъ подъ этимъ понимаетъ.

Невозможно ничего понять въ его объясненіяхъ, развѣ только о теоретическомъ производствѣ правленія, сомнительномъ въ исходной своей точкѣ, рискованномъ въ своемъ развитіи и химерическомъ по своимъ результатамъ". Англійской конституціи, которую Англія предложила имъ взять за образецъ, они не придаютъ большой цѣны", они слегка посмѣиваются надъ ней, эта конституція недостаточна полна, главное—она не считается съ принципами. — Замѣтьте, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ лицомъ высокопоставленнымъ, съ кругомъ людей просвѣщенныхъ. Въ Ріонѣ на выборныхъ собраніяхъ, Малуэ наблюдаетъ „мелкихъ мѣщанъ, дѣльцовъ, адвокатовъ, полныхъ невѣждъ въ общественныхъ вопросахъ, ссылающихся на соціальный договоръ, съ жаромъ ораторствующихъ противъ тираніи и предлагающихъ каждый свою конституцію. Большинство изъ нихъ ничего не знаютъ и занимаются мелочами. Болѣе образованные имѣютъ только ученическія понятія о политикѣ. Въ коллежахъ университета совершенно не преподаютъ исторіи. „Имя Генриха IV", говоритъ Лавалетъ, „не было ни разу произнесенно передъ нами впродолженіе моего 8-ми лѣтняго обученія, и въ 17 лѣтъ я еще не зналъ въ какую эпоху и какимъ образомъ Бурбоны утвердились на престолѣ". Чтобы докончить свое образованіе, они пріобрѣтали, какъ Камиллъ Демулэнъ кое-какія познанія по латыни и вступали въ жизнь, пропитанные „республиканскими идеями", возбужденные воспоминаніями о Римѣ и Спартѣ, „проникнутые глубокой ненавистью къ монархической власти". Затѣмъ въ юридической школѣ они изучали абстрактное право, или совсѣмъ ничего не учили. Парижскіе курсы пустовали; профессоръ читалъ свои лекціи передъ писцами, которые продавали свои записки. Ученикъ, который вздумалъ бы присутствовать и самъ составлять лекціи, заслужилъ бы порицаніе, его обвинили бы въ томъ, что онъ отбиваетъ заработокъ у писцовъ. Слѣдовательно, получить дипломъ ничего не стоитъ: въ Буржѣ его можно получить въ полгода. Если молодой человѣкъ, несмотря на это, все таки, пріобрѣтаетъ знаніе законовъ, то это приходитъ гораздо позже и только путемъ практики Никакихъ знаній иностранныхъ законовъ и учрежденій, только нѣкоторыя смутныя и невѣрныя понятія. Самъ Малуэ плохо разбирается въ англійскомъ парламентѣ и многіе, судя по названію, считаютъ его аналогичнымъ французскому. Что касается механизма свобод-

ныхъ учрежденій или условій дѣйствительной свободы — это ужъ слишкомъ сложно для ихъ пониманія. Двадцать лѣтъ спустя Montesquieu считался уже устарѣвшимъ, за исключеніемъ развѣ только родовитыхъ семей юристовъ. Что даетъ изученіе древней Франціи? „Чего онъ достигъ такими обширными и глубокими изысканіями? Тяжелыхъ догадокъ и поводовъ къ сомнѣніямъ". Гораздо удобнѣе начинать съ правъ человѣка и отсюда уже дѣлать выводы. Для этого достаточно школьной логики, а школьная риторика доставитъ готовыя тирады. При такомъ отсутствіи знаній, неопредѣленныя слова о свободѣ, равенствѣ, о суверенитетѣ народа, горячія рѣчи, Руссо и его послѣдователей, всѣ новѣйшія аксіомы пылаютъ, какъ зажженные угольи и наполняютъ атмосферу дурманомъ и опьяняющими парами. Могучее, но неопредѣленное слово становится между мыслью и предметами; всѣ понятія перепутываются и наступаетъ безуміе. Никогда еще люди на такой ступени не утрачивали понятій о реальныхъ предметахъ; никогда они не были въ одно и тоже время болѣе слѣпыми и болѣе мечтательными; никогда полнѣе ихъ затемненное сознаніе не скрывало отъ нихъ дѣйствительной опасности и не пугало сильнѣе опасностью воображаемой. Иностранцы, которые могли хладнокровно наблюдать это зрѣлище, какъ Маллэ дю Панъ, Артуръ Юнгъ и др. пишутъ, что французы потеряли головы. Въ этомъ всеобщемъ безуміи Моррисъ можетъ указать Вашингтону только на одного здравомыслящаго человѣка—Мармонтеля, но и Мармонтель говоритъ тоже, что и Моррисъ. На предварительныхъ и выборныхъ собраніяхъ онъ единственный человѣкъ, который возстаетъ противъ безразсудныхъ предложеній. Всѣ остальные возбуждены, экзальтированы безъ всякаго повода, почти дикари. Въ каждомъ проявленіи стараго режима, во всѣхъ отросляхъ управленія, „въ полицейскихъ правилахъ, въ указахъ о финансахъ, въ авторитетѣ власти, которая охраняетъ порядокъ и общественное спокойствіе, однимъ словомъ, всюду они видѣли тиранію... Дошло до того, что стѣны и заставы Парижа казались рѣшетками для дикихъ звѣрей, слишкомъ оскорбительнымъ для гордости людей". — „Я видѣлъ", говоритъ одинъ изъ ораторовъ, „я видѣлъ на оградѣ Сэнъ Викторъ, на одной изъ колоннъ съ культурными украшеніями... возможно ли повѣрить?! Я видѣлъ огромную голову льва съ развертой пастью, извергающаго цѣпи, которыми онъ какъ-бы хочетъ опутать проходящихъ. Можно ли представить себѣ болѣе ужасную эмблему деспотизма и рабства"! Самая рѣчь оратора походила на львиное рыканье. Вся аудиторія была взволнована, а я, которому такъ часто приходилось проходить мимо ограды Сэнъ-Викторъ, я удивлялся, какъ такое ужасное изображеніе не бросилось мнѣ въ глаза. Въ тотъ же самый день я нарочно обратилъ особенное вниманіе, и на пилястрѣ въ видѣ украшенія я увидѣлъ щитъ, висящій на тоненькой цѣпочкѣ, которую скульпторъ прицѣпилъ къ маленькой мордочкѣ, какъ это можно видѣть на привратныхъ молоточкахъ или у фонтанныхъ крановъ".—Извращенная впечатлительность, сумасшедшія выдумки послужили бы для врача симптомами умственнаго помѣшательства; — а вѣдь это только первые

мѣсяцы 1789 года! Въ такихъ возбужденныхъ и раздраженныхъ умахъ магическая сила слова создаетъ призраки, одни отвратительные—аристократа и тирана, другіе обольстительные — друга народа и неподкупнаго патріота,—фигуры преувеличенныя и выдуманныя воображеніемъ, но которыя будутъ приниматься за реальныя, которыя галлюцинатъ будетъ осыпать своими почестями или преслѣдовать своей яростью.

VI.

Такъ зарождается и распространяется философія XVIII вѣка. Въ бель-этажахъ, въ роскошныхъ позолоченныхъ аппартаментахъ, идеи являлись только украшеніемъ вечеровъ, забавою въ салонахъ, красивымъ бенгальскимъ огнемъ; ими играли, ихъ выбрасывали со смѣхомъ въ окошко. Собранныя по антресолямъ и подваламъ, разнесенныя по лавкамъ, магазинамъ и дѣловымъ кабинетамъ, идеи эти нашли здѣсь горючій матерьялъ, груды хвороста, накопившіяся здѣсь съ давнихъ поръ, и вотъ загораются большіе огни. Похоже даже, что начинается пожаръ, такъ какъ каменныя трубы зловѣще гудятъ и красный свѣтъ брызгаетъ на оконныя стекла. „Нѣтъ,— говорили обитатели верхнихъ квартиръ, „они не станутъ поджигать домовъ, они сами живутъ въ нихъ, какъ и мы. Это горитъ солома или, самое большее, выкинуло пламя изъ трубы, но достаточно одного ведра холодной воды, чтобы потушить его; а впрочемъ, такіе маленькіе случаи прочищаютъ каминныя трубы и выжигаютъ накопившуюся сажу“.

Берегитесь — въ подвалахъ домовъ подъ просторными и высокими сводами, которые ихъ поддерживаютъ, запрятанъ порохъ.

КНИГА ПЯТАЯ.

Народъ.

ГЛАВА I.

I. Нищета.—При Людовикѣ XIV.—При Людовикѣ XV.—При Людовикѣ XVI.— II. Условія жизни крестьянина втеченіе послѣднихъ 30-ти лѣтъ стараго порядка.—Насколько необходимо его существованіе.—Состояніе земледѣлія.— Необработанныя земли. — Низкая культура. — Недостаточная заработная плата.—Отсутствіе благосостоянія.—III. Видъ деревни и крестьянъ.—IV. Какъ крестьянинъ дѣлается собственникомъ. — Жизнь его становится тяжелой.— Увеличеніе его тяготъ.—При старамъ порядкѣ—онъ „важное животное“.

Ровно за 100 лѣтъ до 1789 г. ла-Бріеръ писалъ: „Можно увидѣть какихъ-то дикихъ животныхъ, самцовъ и самокъ, разсыпанныхъ по деревнѣ, черныхъ, багровыхъ и совершенно сожженныхъ солнцемъ; прикрѣпленные къ землѣ, они взрываютъ и пашутъ ее съ непобѣдимымъ постоянствомъ. Они повидимому владѣютъ чле-

нораздѣльной рѣчью, а когда они становятся на ноги, то имѣютъ человѣческій образъ; и въ самомъ дѣлѣ это — люди. На ночь они забираются въ берлоги, гдѣ питаются чернымъ хлѣбомъ, водой и кореньями. Они избавляютъ другихъ людей отъ необходимости сѣять, пахать и производить средства къ жизни, и такимъ образомъ заслуживаютъ тотъ хлѣбъ, который они сами сѣютъ“. Но втеченіе слѣдующихъ 25-ти лѣтъ они не имѣютъ хлѣба и мрутъ толпами; я полагаю, что въ 1715 году погибло около одной трети, шесть милліоновъ, отъ голода и нужды. Такимъ образомъ эта картина по отношенію первой четверти вѣка, предшествовавшаго революціи, далека отъ того, чтобы быть слишкомъ яркой, — она наоборотъ слишкомъ слаба, и видно, что втеченіе цѣлаго полувѣка и даже болѣе, вплоть до смерти Людовика XV, картина эта остается вѣрной, можетъ быть даже скорѣе вмѣсто того, чтобы ослаблять ее, ее пришлось бы усилить.

Въ 1725 году,—говоритъ Сенъ-Симонъ, наряду съ избыткомъ въ Стасбургѣ и Шантильи, въ Нормандіи можно было найти только полевую траву. Первый король Европы не можетъ быть названъ Великимъ, разъ онъ есть только король нищихъ всѣхъ сортовъ и разъ его царство превращается въ обширную больницу умирающихъ, у которыхъ отнимаютъ, все съ полнымъ спокойствіемъ. По словамъ Флери, въ самыя лучшія времена и въ прекраснѣйшихъ областяхъ во Франціи, „крестьянинъ прячетъ свое вино, боясь налоговъ и свой хлѣбъ, боясь податей“, убѣжденный, что „онъ погибшій человѣкъ, если есть возможность сомнѣваться, что онъ не умираетъ съ голода“. Въ 1739 году д'Аржансонъ пишетъ въ своемъ дневникѣ: „Голодъ довелъ до возстанія въ трехъ провинціяхъ— Руффекъ, Каенъ и Шинонъ. На дорогахъ убивали женщинъ, несшихъ хлѣбъ... На-дняхъ герцогъ Орлеанскій принесъ въ совѣтъ кусокъ хлѣба и, положивъ его передъ столомъ короля, сказалъ: „Ваше Величество, вотъ какимъ хлѣбомъ питаются въ настоящее время ваши подданные... Въ моемъ Турренскомъ кантонѣ уже больше года люди питаются травой. Нужда надвигается со всѣхъ сторонъ; въ Версалѣ говорятъ объ этомъ болѣе, чѣмъ когда-либо. Епископъ Шартрскій, на вопросъ короля о состояніи его народа, отвѣчалъ, что голодъ и смертность тамъ таковы, что люди ѣдятъ траву какъ бараны и мрутъ какъ мухи. Въ 1740 году, Массильонъ епископъ Клермонъ-Ферана, — писалъ Флери: „Народъ въ нашихъ деревняхъ живетъ въ ужасной нуждѣ, — безъ кроватей, безъ обстановки; большая часть даже втеченіе полугода, не имѣютъ ржаного и овсянаго хлѣба, составляющаго ихъ единственную пищу, которую они принуждены вырывать изо рта у себя и у своихъ дѣтей, чтобы платить налоги. Къ сожалѣнію имъ приходится видѣть ежегодно, эту грустную картину собственными глазами, во время моихъ посѣщеній. Въ этомъ смыслѣ негры нашихъ колоній несравненно болѣе счастливы, такъ какъ за работу они, ихъ жены и дѣти, сыты и одѣты; тогда какъ наши крестьяне, самые работящіе во всемъ государствѣ, при самой тяжелой и упорной работѣ, не могутъ имѣть хлѣба для себя и своей семьи и платить налоги“. Въ 1740 году народъ возмутился въ Лиллѣ, по поводу того что

вышелъ весь хлѣбъ. „Одинъ интендантъ мнѣ пишетъ, что нужда часъ отъ часу растетъ; втеченіе послѣднихъ 3-хъ мѣсяцевъ, малѣйшее сомнѣніе въ урожаѣ влечетъ за собой возмущеніе. Въ особенно тяжеломъ положеніи находится Фландрія; не съ чѣмъ дожить до новаго урожая, который будетъ не раньше, какъ черезъ 2 мѣсяца. Лучшія провинціи не въ состояніи снабжать остальныя. Во всѣхъ городахъ, каждый гражданинъ обязанъ кормить одного или двухъ бѣдныхъ, выдавая имъ по 14 фунтовъ хлѣба въ недѣлю. Въ одномъ только маленькомъ городкѣ Шательро (въ 4.000 жителей), въ такомъ положеніи находилось эту зиму 1.800 бѣдныхъ. Количество бѣдняковъ превышало количество людей, имѣющихъ возможность жить не нищенствуя... а сборъ податей производится съ безпримѣрной строгостью; у бѣдныхъ отбираютъ одежду, послѣдніе четверики пшеницы, щеколды отъ дверей и т. п. Аббатисса Жуарра сказала мнѣ вчера, что въ ея кантонѣ, въ Бри, большинство полей не могли быть засѣяны". Ничего нѣтъ удивительнаго, разъ голодъ доходитъ до Парижа. „Боятся за будущую Среду... Въ Парижѣ нѣтъ больше хлѣба, кромѣ испорченной муки, которую привозятъ и сжигаютъ въ печахъ. Въ Бельвилѣ, день и ночь работаютъ на мельницахъ, перемалывая старую испорченную муку. Народъ совсѣмъ близокъ къ возстанію; хлѣбъ повышается въ цѣнѣ ежедневно на одинъ су; ни одинъ купецъ не рѣшается да и не хочетъ доставить сюда свое зерно. Въ Галлѣ почти произошло возмущеніе, такъ какъ хлѣба тамъ не доставало съ 7-ми часовъ утра. Бѣдному люду находящемуся на Бисетрѣ сократили содержаніе и стали выдавать вмѣсто 3/4 фунта плохого хлѣба, только 1/2 фунта. Всѣ возмутились и прогнали стражу; многіе разбѣжались и теперь наводнятъ Парижъ. Тогда туда была вызвана вся стража и всѣ объѣзды изъ окрестностей, которые и вступили въ бой съ несчастными бѣдняками, дѣйствуя ударами ружей, штыковъ и сабель. Считали, что 40 или 50 человѣкъ было убито; возстаніе, однако, не окончилось вчера утромъ".

Черезъ 10 лѣтъ бѣдствіе увеличилось. Въ десяти лье отъ Парижа, въ моей деревнѣ, нужда и продолжающіяся жалобы удвоились; что же наконецъ происходитъ въ нашихъ несчастныхъ провинціяхъ внутри государства?.. Мой священникъ говорилъ мнѣ, что восемь семействъ, жившихъ до моего отъѣзда своей работой, въ настоящее время добываютъ себѣ хлѣбъ нищенствомъ. Работы совершенно не находятъ. Соотвѣтственно съ этимъ сокращается благосостояніе богатыхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ подати взимаются съ болѣе чѣмъ военною строгостью. Сборщики и судебные пристава, въ сопровожденіи слесарей, открываютъ двери, забираютъ движимость и продаютъ все за четверть стоимости, и убытки превышаютъ подать.—Въ настоящее время я нахожусь въ Туреннѣ, на своихъ земляхъ. Я не вижу здѣсь ничего кромѣ ужасающей нужды; теперь уже не грустное предчувствіе нужды, но полное отчаяніе обуяло несчастныхъ жителей: они не желаютъ ничего кромѣ смерти и избѣгаютъ размноженія.. Считается, что четвертую часть дней въ году они ежедневно ходятъ на барщину, гдѣ должны кормиться; а чѣмъ? Я вижу, что бѣдные люди тамъ гибнутъ отъ нужды.

Видны только разрушенныя и развалившіяся деревни, и ни одного вновь строющагося дома... Потому что, по словамъ моихъ сосѣдей, населеніе уменьшилось болѣе чѣмъ на одну треть. Поденщики прилагаютъ всѣ мѣры, чтобы бѣжать въ маленькіе города. Есть множество деревень, которыя весь народъ покинулъ. У меня есть нѣсколько приходовъ, гдѣ подати не уплачены за 3 года; но что все время идетъ своимъ чередомъ, такъ это принужденіе... Сборщики податей и казны ежегодно причиняютъ убытки половинѣ населенія, гоняясь за налогами. Одинъ чиновникъ явился въ деревню, гдѣ находится моя дача, и сказалъ, что въ этомъ приходѣ должны быть увеличены налоги въ этомъ году, такъ какъ онъ замѣтилъ, что крестьяне выглядятъ жирнѣе чѣмъ раньше, что на порогахъ онъ видѣлъ перья пулярдокъ, что значитъ тамъ хорошій столъ, что тамъ счастливы и т. д.—Вотъ то, что приводитъ въ отчаяніе крестьянина, вотъ гдѣ причина несчастій государства".—„Въ деревнѣ, въ которой я теперь живу, я слышу, что браки и дѣторожденія исчезаютъ. Въ моемъ приходѣ, въ которомъ мало дворовъ, есть тѣмъ не менѣе болѣе 30 молодыхъ людей и дѣвушекъ, достигшихъ болѣе чѣмъ брачнаго возраста; нѣтъ ни одной свадьбы и даже этотъ вопросъ ими не затрогивается. Ихъ къ этому побуждаютъ, а они всѣ отвѣчаютъ одно и тоже, что не стоитъ плодить такихъ же несчастныхъ, какъ они сами. Я самъ пробовалъ выдать замужъ нѣсколькихъ дѣвицъ, помогая имъ, но при этомъ встрѣтилъ тѣ же разсужденія, какъ будто всѣ онѣ сговорились".—„Одинъ изъ моихъ священниковъ сообщаетъ мнѣ, что онъ, будучи самымъ старымъ въ Туреннѣ, видѣлъ многое, какъ напр., страшную дороговизну хлѣба, но что онъ не помнитъ такой страшной нужды (даже въ 1709 г.), какъ въ этомъ году. Турренскіе помѣщики говорили мнѣ, что они желали занять населеніе поденными работами въ деревнѣ, но, что населеніе настолько слабо и малочисленно, что не можетъ работать своими руками". Тѣ, которые могутъ уйти—уходятъ. „Одно лицо изъ Лангедока мнѣ сказало, что множество крестьянъ покидаетъ эту провинцію и бѣгутъ въ Пьемонтъ, Савойю, Испанію, напуганные и измученные преслѣдованіемъ десятиной. Сборщики податей продаютъ и арестуютъ все, какъ гусары на войнѣ и даже съ большей жадностью и злостью, въ цѣляхъ собственнаго обогащенія". „Я видѣлъ интенданта одной изъ лучшихъ провинцій государства, который сказалъ мнѣ, что тамъ нельзя больше найти фермеровъ, что отцы предпочитаютъ отправлять своихъ сыновей жить въ городахъ, что пребываніе въ деревнѣ дѣлается для жителей съ каждымъ днемъ невыносимѣе. Одинъ человѣкъ, свѣдущій въ финансахъ сказалъ мнѣ, что болѣе двухсотъ семей покинули въ этомъ году Нормандію, опасаясь сбора податей въ ихъ деревняхъ".—„Парижъ кишитъ нищими; нельзя остановиться передъ дверью, чтобы десятокъ оборванцевъ тотчасъ же не окружилъ васъ съ воплями. Говорятъ, что это все жители деревни, которые не будучивъ состояніи выдерживать долѣе творимыя тамъ притѣсненія, бѣгутъ въ городъ, предпочитая нищенство труду".

Тѣмъ не менѣе населеніе городовъ, вовсе не счастливѣе дере-

венскаго. „Одинъ офицеръ, часть котораго составляетъ гарнизонъ Мезіера, говорилъ мнѣ, что народъ сталъ несчастливъ въ этомъ городѣ, что какъ только подавался въ гостинницахъ обѣдъ офицерамъ, народъ бросался и расхватывалъ его“. — „Въ Руанѣ болѣе 12 тысячъ рабочихъ—нищихъ, столько же въ Турѣ и т. д. Насчитываютъ до 20 тысячъ рабочихъ, покинувшихъ государство 3 мѣсяца назадъ, чтобы отправиться за границу въ Испанію, Германію и т. д. Въ Ліонѣ болѣе 20 тысячъ шелкопрядильныхъ рабочихъ остались безъ дѣла; ихъ держатъ на виду, изъ боязни, чтобы они не перебрались за границу“. Въ Руанѣ и Нормандіи „наиболѣе зажиточные озабочены добываніемъ себѣ хлѣба для существованія, большинство населенія не имѣетъ его вовсе, причемъ оно вынуждено, чтобы не умереть съ голоду, изобрѣтать себѣ пищу, которая приводитъ въ ужасъ человѣческую природу“.—„Даже въ Парижѣ, пишетъ д'Аржансонъ, какъ я узналъ, въ тотъ день, когда наслѣдникъ съ супругой ѣхали въ Соборъ Парижской Богоматери черезъ мостъ де-ла-Турнель, тамъ собралось болѣе 2000 женщинъ, которыя имъ кричали: дайте намъ хлѣба, иначе мы умремъ съ голода“. Одинъ изъ священниковъ, прихода Св. Маргариты увѣряетъ, что въ Сентъ Антуанскомъ предмѣстьѣ, въ промежутокъ времени отъ 20 января по 20 февраля, погибло отъ нужды болѣе 800 человѣкъ, что бѣдняки умирали на своихъ чердакахъ отъ голода и холода и что священникамъ не оставалось ничего какъ только присутствовать при ихъ смерти, причемъ даже не было средствъ къ спасенію. Если бы я сталъ перечислять сборища возмущенія голодныхъ, ограбленія магазиновъ, — то я бы никогда не кончилъ: — суть конвульсивныя содроганія надорваннаго существа; оно крѣпилось сколько могло; наконецъ инстинктъ возмутился. Въ 1747 году „были значительныя возстанія изъ за хлѣба; въ Гвіанѣ это происходитъ на каждой площади“. Въ 1750 г. шесть-семь тысячъ человѣкъ собрались въ Беарнѣ за рѣкой, чтобы оказать сопротивленіе чиновникамъ; двѣ роты Артуасскаго полка даютъ залпъ по возмутившимся и убиваютъ до дюжины ихъ. Въ 1752 г. бунтъ продолжался 3 дня въ Руанѣ и его окрестностяхъ; въ Дофинэ и Овернѣ крестьяне, собравшись толпами взламываютъ хлѣбные амбары и берутъ рожь по цѣнѣ, какую хотятъ; въ томъ же году въ Арлѣ, 2000 вооруженныхъ крестьянъ приходятъ въ городскую думу съ требованіемъ хлѣба, и ихъ разгоняютъ солдаты. Въ одной Нормандіи я нахожу бунты въ 1725, 1737, 1739, 1752, 1764, 1765, 1766, 1767, 1768 годахъ и всегда изъ за хлѣба. „Цѣлыя деревни, пишетъ Парламентъ, не имѣя самыхъ необходимыхъ для жизни вещей, были вынуждены перейти на пищу животныхъ .. Еще 2 дня и въ Руанѣ не будетъ ни провизіи, ни зерна, ни хлѣба. Также ужасенъ послѣдній мятежъ; и на этотъ разъ еще чернь, хозяйничая въ городѣ впродолженіе 3-хъ дней, разграбила всѣ общественные житницы и магазины. Съ тѣхъ поръ и до конца въ 1770 году въ Реймсѣ, въ 1775 году въ Дижонѣ, Версали, Сенъ Жерменѣ, Понтуазѣ и Парижѣ, въ 1782 г. въ Пуатьѣ, въ 1785 г. въ Эксѣ и Провансѣ, въ 1788 и 1789 годахъ въ Парижѣ и во всей Франціи, вы увидите подобные взрывы. Безъ со-

мнѣнія при Людовикѣ XVI правительство смягчается, интенданты дѣлаются человѣчнѣе, администрація улучшается, налоги дѣлаются менѣе неравномѣрными, барщина облегчается, благодаря преобразованіямъ, однимъ словомъ нужда становится меньше. И все таки она еще превышаетъ то, что можетъ перенести человѣческая природа.

Просмотрите правительственную переписку послѣднихъ 30-ти лѣтъ предшествовавшихъ революціи: сотни признаковъ откроютъ вамъ чрезмѣрныя страданія, даже когда они не приходятъ въ возмущеніе. Конечно, для человѣка изъ народа, крестьянина, ремесленника, рабочаго, который существуетъ своей работой, жизнь очень непрочна; онъ имѣетъ минимумъ средствъ къ жизни, только, чтобы не умереть съ голода, а часто даже этого минимума у него нѣтъ. Здѣсь въ четырехъ округахъ „жители питаются почти исключительно гречихой", такъ какъ втеченіе пяти лѣтъ не было яблокъ, то для питья они имѣютъ только воду. Въ виноградныхъ мѣстностяхъ каждый годъ, винодѣлы въ большомъ количествѣ принуждены въ глухую пору просить милостыню. Въ другомъ мѣстѣ нѣкоторые рабочіе, поденщики и ремесленники, вынужденные продать свои вещи и вообще движимость, умирали отъ холода; недостаточное и нездоровое питаніе распространило много болѣзней и въ двухъ округахъ насчитываютъ до 35 тысячъ нищихъ. Въ одномъ отдаленномъ кантонѣ крестьяне жнутъ еще зеленую рожь и сушатъ ее въ печахъ, такъ какъ ихъ голодъ не позволяетъ имъ дольше ждать.

Интендантъ Пуатье пишетъ, что „какъ только были открыты благотворительныя мастерскія, туда стало ломиться страшное количество бѣдныхъ, какія бы старанія не принимались, чтобы уменьшить цѣны и предоставить работу только самымъ нуждающимся". Интендантъ Буржа замѣчаетъ, что многіе арендаторы продали свою движимость, что цѣлыя семьи впродолженіе двухъ дней ничего не ѣли", что въ нѣсколькихъ приходахъ, голодающіе остаются большую часть дня въ постели, чтобы меньше страдать. Интендантъ Орлеана сообщаетъ, что „въ Солоньѣ бѣдныя вдовы жгутъ свои деревянныя кровати, а другія свои фруктовыя деревья", чтобы предохранить себя отъ холода; и кромѣ того онъ прибавляетъ: „Ничто не преувеличено въ этой картинѣ, вопль нужды не можетъ быть переданъ, нужно вблизи видѣть нужду деревни, чтобы составить себѣ объ этомъ представленіе". Другіе интенданты изъ Ріона, Ла-Рошели, Лиможа, Ліона, Монтабана, Каена, Алансона, Фландріи, Мулена, сообщаютъ подобныя же новости. Можно сказать, что это сплошной погребальный звонъ, прекращающійся лишь для того, чтобы начаться снова; его слышно со всѣхъ сторонъ, даже когда годъ не слишкомъ гибельный. Въ Бургундіи возлѣ Шатильона на Сенѣ „Сеньоральные налоги съ десятиной подати, а также издержки на производство, дѣлежъ на 3 части всѣхъ доходовъ съ земли, не оставляя ничего несчастнымъ земледѣльцамъ, которые непремѣнно забросили бы свои поля если бы два швейцарскихъ предпринимателя, фабриканты ситца, не выбрасывали ежегодно 40 тысячъ франковъ, наличными день-

гами въ этой мѣстности. Въ Овернѣ деревни пустѣли съ каждымъ днемъ; многія деревни съ начала столѣтія потеряли болѣе 1/3 своихъ жителей. „Если не поторопиться облегчить нужду разореннаго народа"—сказало въ 1787 году провинціальное собраніе, то Овернь лишится навсегда своего населенія и культуры".

Въ Коменжѣ, во время революціи, нѣкоторыя общины угрожали запустить свои земли, если имъ не сбавятъ налоговъ. „Всѣмъ извѣстно,—говоритъ собраніе Высокой Гмины, что судьба, наиболѣе обложенныхъ налогами общинъ настолько ужасна, что неоднократно видѣли, что собственники запускали свои земли. Кто не помнитъ, что жители Сенъ-Сернена до 10 разъ запускали свои земли и кромѣ того угрожали еще вернуться къ этому печальному рѣшенію, пока правительство не возмѣститъ имъ убытковъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ мы видѣли, что община въ Бунесѣ была заброшена жителями, помѣщикомъ и десятникомъ этой общины"; бѣгство было бы еще больше если бы законъ не запрещалъ всѣмъ оброчнымъ покидать оброчныя земли, или по крайней мѣрѣ они должны были въ тоже время отказаться отъ всего, чѣмъ они въ этой общинѣ обладали. Въ Суассоннѣ, по свѣдѣніямъ провинціальнаго собранія" нужда достигла ужасающихъ размѣровъ. Въ Гаскони „зрѣлище душураздирающее". Въ окрестностяхъ Туля, земледѣлецъ, заплативъ подати, десятины и поземельный налогъ, остается самъ съ пустыми руками.

Земледѣліе есть грустное состояніе постоянныхъ нехватокъ, при которомъ тысячи людей должны съ трудомъ прозябать.

Въ деревняхъ Нормандіи почти всѣ безъ исключенія жители, фермеры и собственники, ѣдятъ ячменный хлѣбъ и пьютъ воду, живутъ, какъ самые несчастные изъ людей, чтобы имѣть возможность уплатить налоги, которыми они обременены". Въ той же, провинціи, въ Форжѣ „многіе несчастные ѣдятъ овсяный хлѣбъ, а многіе—моченыя отруби, что стоило жизни нѣсколькимъ дѣтямъ". Ясно, что народъ живетъ изо-дня въ день; хлѣба у него нѣтъ, какъ только плохъ урожай. Если случится морозъ, градъ или наводненіе, то цѣлая провинція не будетъ знать, что дѣлать, чтобы просуществовать до слѣдующаго года; во многихъ мѣстностяхъ достаточно даже обыкновенной зимы, чтобы наступило бѣдствіе. Со всѣхъ сторонъ видны руки протягивающіяся къ королю, который является всеобщимъ благодѣтелемъ. Народъ похожъ на человѣка, который идетъ черезъ прудъ у котораго вода доходитъ до рта; при малѣйшемъ пониженіи почвы, при малѣйшей волнѣ, онъ теряетъ равновѣсіе, погружается въ воду и захлебывается. Напрасно древнее милосердіе и новѣйшее человѣколюбіе изощряются, чтобы прійти ему на помощь: вода слишкомъ высока. Нужно, чтобы ея уровень понизился, и чтобы прудъ могъ вылиться черезъ широкій спускъ. До тѣхъ поръ несчастный сможетъ дышать только черезъ промежутки времени и каждый моментъ рискуетъ утонуть.

II.

Между 1757 и 1760 годами празднoшатающіеся, имѣющіе возможность ужинать, начинаютъ смотрѣть съ сожалѣніемъ и трево-

гой на рабочихъ, которые не обѣдаютъ. Почему эти такъ бѣдны и какимъ образомъ на столь хорошей почвѣ, какая во Франціи, не достаетъ хлѣба тѣмъ, которые ростятъ зерно? Прежде всего множество земель необработано и, что еще хуже, запущены. Согласно лучшимъ наблюдателямъ „четвертая часть почвы совершенная новь. Пустоши и мѣста поросшія верескомъ встрѣчаются тамъ чаще всего. Они образуютъ большія пустыни въ сотни и тысячи десятинъ".—„Проѣзжая по Анжу, Мену, Бретани, Пуату, Лимуссену, Марису, Берри, Ниверне, Бурбонне, Овернь, можно увидѣть, что половина этихъ провинцій—неизмѣримыя, покрытыя верескомъ равнины, которыя, однако, могли бы смѣло быть обработаны". Въ Туреннѣ, Пуату, Берри это обширныя равнины, до 30 тысячъ десятинъ. Въ одномъ кантонѣ возлѣ Прельи, верескъ покрываетъ 40.000 десятинъ хорошей земли. Земледѣльческое общество въ Реннѣ сообщаетъ, что 1/3 часть земель въ Бретани находятся въ запустѣніи.—Это не безплодіе, а упадокъ. Режимъ изобрѣтенный Людовикомъ XIV сдѣлалъ свое дѣло, и вродолженіе вѣка земля возвращается къ дикому состоянію. „Видны только заброшенныя развалины замковъ; всѣ лучшія помѣстья, заселенныя прежде свободнымъ дворянствомъ, теперь заселены бѣдными фермерами пастухами, слабыя работы которыхъ едва доставляютъ имъ средства къ существованію, а маленькій остатокъ отъ налоговъ готовъ сойти на нѣтъ, благодаря разоренію собственниковъ и бѣгству хлѣбопашцевъ". Въ Конфоленскомъ округѣ такая земля, которая сдавалась въ 1665 году за 2.956 ливровъ, въ 1777 году сдается только за 900 ливровъ. На границахъ Марша и Берри, владѣніе на которомъ въ 1660 году могли великолѣпно жить 2 господскихъ семьи, представляетъ изъ себя теперь ничтожную бездоходную ферму; „еще теперь на всѣхъ окрестныхъ верескахъ можно увидѣть слѣдъ, оставленный когда-то шлигомъ плуга". Когда-то цвѣтущая Сомонья, превратилась въ болото и лѣсъ; сто лѣтъ назадъ она производила хлѣба въ три раза больше; 2/3 ея мельницъ исчезли; нѣтъ больше даже признаковъ ея виноградниковъ; „верескъ занялъ мѣсто винограда". Такимъ образомъ, оставленная киркой и плугомъ, большая часть земли, перестала кормить людей, а остатокъ, плохо обработанный, едва удовлетворяетъ ихъ самымъ необходимымъ потребностямъ.

Въ первый же разъ, какъ не будетъ урожая, эти послѣднія поля останутся необработанными, такъ какъ хлѣбопашецъ слишкомъ бѣденъ, чтобы покупать сѣмена и часто интендантъ вынужденъ ихъ раздавать, безъ чего къ бѣдствію текущаго года присоединится недостатокъ будущаго. Такимъ образомъ въ наше время, всякое бѣдствіе вліяетъ на будущее время такъ же какъ и на настоящее; втеченіе двухъ лѣтъ въ 1784 и 1785 годахъ, засуха погубила скотъ, благодаря чему многіе земледѣльцы были вынуждены оставить свои поля въ запустѣніи. Во вторыхъ, при обработкѣ земли прибѣгаютъ къ средневѣковымъ способамъ. Артуръ Юнгъ свидѣтельствуетъ, что во Франціи „земледѣліе находится еще только въ X-мъ вѣкѣ". Кромѣ Фландріи и Эльзасской долины поля остаются подъ паромъ одинъ годъ изъ трехъ, а часто одно

изъ двухъ лѣтъ. Плохія орудія; полное отсутствіе желѣзныхъ плуговъ; во многихъ мѣстахъ еще придерживаются плуга Виргинія. Оси телѣгъ и шины колесъ деревянныя, и часто подножка тележки служитъ бороной. Мало скота—мало удобренія; капиталъ предназначенный для обработки въ три раза меньше, чѣмъ теперь. Урожаи слабѣе: „Наши общественныя земли,—говоритъ одинъ хорошій обозрѣватель, даютъ приблизительно самъ-шесть". Въ 1778 году въ богатой мѣстности, которая окружаетъ Тулузу, рожь дала только самъ-пять; теперь же даетъ самъ-восемь и больше. Артуръ Юнгъ вычисляетъ, что, въ его время, англійскій акръ даетъ 28 четвериковъ зерна, французскій акръ—18 четвериковъ, что общій доходъ съ одинаковой земли втеченіе одного времени, составляетъ 36 фунтовъ стерлинговъ въ Англіи и только 25 во Франціи. Въ виду того, что проселочныя дороги отвратительны, и перевозка часто является неосуществимой, ясно, что въ отдаленныхъ кантонахъ, гдѣ плохая почва, едва даетъ самъ-три, часто бываетъ нечего ѣсть. Какъ прожить до слѣдующаго урожая? Такова постоянная забота передъ и во время революціи. Изъ рукописныхъ сообщеній я вижу, что деревенскіе старшины считаютъ количество мѣстнаго продовольствія: столько то четвериковъ въ амбарахъ, столько-то сноповъ на гумнѣ, столько-то ртовъ, которые надо кормить втеченіе столькихъ-то дней до августовскаго хлѣба; и приходятъ къ заключенію, что на 2, 3, 4 мѣсяца не хватаетъ провіанта. Такое состояніе сообщеній и земледѣлія обрекаетъ страну къ періодическимъ голодамъ и я осмѣливаюсь сказать, что наряду съ вѣтряной оспой, отъ которой изъ восьми человѣкъ умираетъ одинъ, есть еще одна мѣстная болѣзнь, столь же господствующая и смертельная, именно голодъ.

Не сомнѣваются, что народъ и въ особенности крестьянинъ этимъ страдаетъ. Коль скоро цѣна на хлѣбъ повысится, онъ не можетъ больше его достать, и даже безъ повышенія онъ достаетъ его съ трудомъ. Пшеничный хлѣбъ стоитъ, какъ и теперь, отъ 3—4 су фунтъ, но въ среднемъ человѣкъ зарабатываетъ только 19 су въ день вмѣсто 40, и такимъ образомъ, при той же работѣ, поденщикъ можетъ себѣ купить вмѣсто одного хлѣба только половину. Подсчитавъ все и сравнивъ плату съ цѣной на зерно, видно, что годовая работа, исполненная сельскими рабочими могла, въ то время, принести ему 959 литровъ зерна, а теперь 1851 литръ; такимъ образомъ его благосостояніе увеличилось до 93%. Благосостояніе хозяина—работника, увеличилось до 70%; виноградаря до 125%. Этого достаточно, чтобы показать какова была въ то время ихъ нужда.—И эта нужда постоянное явленіе во Франціи. Благодаря наблюденіямъ сравнительнымъ и вычисленіямъ Артуръ Юнгъ дошелъ до того, что во Франціи „тѣ, которые живутъ полевыми работами, а такихъ большинство, на 76% менѣе обезпечены чѣмъ въ Англіи, на 76% хуже питаются, и на столько же хуже одѣты, хуже обставлены и здоровые и больные". Точно также въ $^7/_8$ государства нѣтъ фермеровъ, а есть арендаторы. Крестьянинъ слишкомъ бѣденъ, чтобъ быть земледѣльцемъ-предпринимателемъ; у него совершенно нѣтъ земледѣльческаго капитала. Соб-

ственникъ желающій поднять въ цѣнѣ свою землю, имѣетъ для ея обработки только несчастныхъ не имѣющихъ ничего кромѣ рукъ; онъ долженъ на свой счетъ сдѣлать всѣ затраты на обработку: онъ долженъ дать скотъ, орудія, сѣмена, и даже обезпечить въ пищѣ арендатора, до перваго урожая"· «Въ Ватанѣ, въ Берри, напримѣръ арендаторы почти каждый годъ занимаютъ хлѣбъ у собственника, дабы имѣть—возможность дожить до жатвы». — „Очень рѣдко встрѣчаются такіе, которые не должаютъ своимъ хозяевамъ, по меньшей мѣрѣ 100 литровъ въ годъ". Часто хозяинъ предлагаетъ оставить имъ весь урожай, съ условіемъ, чтобы они не просили у него ничего втеченіе года; „эти несчастные" отказались; предоставленные самимъ себѣ они не могли бы жить.—Въ Лимуссенѣ и Ангушуарѣ ихъ бѣдность такова: „что они съ лежащими на нихъ налогами не могутъ тратить въ годъ на человѣка болѣе 25—30 ливровъ, я не говорю о деньгахъ, но считая все что они потребляютъ натурой, собравъ урожай. Часто они имѣютъ еще меньше и когда они совершенно не могутъ существовать, хозяинъ вынужденъ имъ дополнять... Арендаторъ всегда ограниченъ тѣмъ, что необходимо для того чтобы не умереть съ голода". Что касается мелкаго собственника, поселянина, который самъ пашетъ свою землю, то его положеніе вовсе не лучше. „Земледѣліе въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ у нашихъ крестьянъ есть настоящая каторга; они тысячами гибнутъ съ дѣтства, а въ юношескомъ возрастѣ ищутъ себѣ мѣста гдѣ угодно, только не тамъ, гдѣ они должны бы были быть". Въ 1783 году во всей Тулузенской равнинѣ они не ѣли ничего кромѣ маиса, смѣшаннаго мелкаго зерна и очень мало хлѣба; въ теченіе полугода горные жители живутъ каштанами; картофель почти совсѣмъ неизвѣстенъ и согласно Артуру Юнгу изъ 100 крестьянъ 99 отказались бы его ѣсть. Согласно донесеніямъ интендантовъ, главной пищей въ Нормандіи является овесъ, въ округахъ, Де-труа—гречиха, въ ла-Маршѣ и Лимуссенѣ гречиха съ каштанами и рѣпой, въ Оверни, гречиха, каштаны, кислое молоко и немного соленой козы; въ Босѣ, смѣсь ячменя и ржи; въ Берри, смѣсь ячменя и овса. Совершенно нѣтъ пшеничнаго хлѣба: крестьянинъ потребляетъ только муку низшаго сорта, такъ какъ онъ не можетъ платить больше двухъ су за фунтъ хлѣба. Мяса и скотобоенъ нѣтъ совсѣмъ: самое большее онъ можетъ зарѣзать одного поросенка въ годъ. Его домъ построенъ изъ битой глины, покрытъ соломой, окна отсутствуютъ и убитая земля составляетъ его полъ. Даже когда почва доставляетъ хорошіе матеріалы, камень, сланецъ и черепицу, окна всетаки лишены стеколъ. Въ одномъ приходѣ Нормандіи въ 1789 году „большинство домовъ построены на четырехъ вилахъ"; часто это ничто иное, какъ риги и хлѣвы, „гдѣ изъ четырехъ жердей и грязи выстроена печь". Вмѣсто одежды—отрепье и часто, зимой полотняное отрепье. Въ Кверси и другихъ мѣстахъ нѣтъ ни чулокъ, ни сапогъ, ни даже деревянныхъ башмаковъ. „Невозможно, говоритъ Юнгъ, для англійскаго воображенія представить себѣ тѣхъ животныхъ, которыя прислуживали намъ въ Сульякѣ въ гостинницѣ „Красной Шапки"; существа—названныя, благодаря вѣжливости жи-

телей, женщинами, на самомъ же дѣлѣ ходячія кучи навоза. Но было бы напрасно искать во Франціи служанку гостинницы чисто одѣтую". Прочтите нѣкоторыя описанія, взятыя на мѣстѣ и вы увидите, что во Франціи взглядъ на деревню и крестьянина такой же какъ и въ Ирландіи, по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ.

III.

Въ самыхъ плодородныхъ мѣстностяхъ, напримѣръ, въ Лиманвѣ, избы и лица, все свидѣтельствуетъ „о бѣдствіи и нуждѣ".—„Большинство крестьянъ слабы, изнурены и малы ростомъ". Почти всѣ собираютъ на своихъ поляхъ хлѣбъ и вино, но вынуждены продавать его, чтобы платить проценты и налоги; они ѣдятъ только черный хлѣбъ, сдѣланный изъ ржи и ячменя и пьютъ воду, налитую на виноградныя выжимки. „Англичанинъ, никогда не покидавшій своей страны, не можетъ себѣ представить наружность большинства крестьянокъ Франціи". Артуръ Юнгъ, который говорилъ съ одной изъ нихъ въ Шампаньи говоритъ, что „даже вблизи ей можно дать отъ 60—70 лѣтъ, настолько она сгорблена, настолько ея лицо морщинисто и загрубѣло отъ работы; а она мнѣ сказала, что ей только 28 лѣтъ". Эта женщина, ея мужъ и хозяйство являются довольно точнымъ образчикомъ условій жизни мелкаго собственника—земледѣльца вообще. На все, про все они имѣютъ, уголокъ земли, одну корову и маленькую, несчастную лошаденку; ихъ семеро дѣтей потребляютъ все молоко коровы. Они должны одному помѣщику франшаръ (42 фунта) пшеницы и трехъ цыплятъ, другому 3 франшара овса, цыпленка и 1 су, къ чему нужно прибавить подати и другіе налоги.

„Да придетъ намъ Богъ на помощь,—говорила она, такъ какъ подати и налоги насъ разоряютъ". Что же это будетъ въ мѣстностяхъ гдѣ плохая земля?—„Начиная отъ Ормъ (около Шательро) до Пуатье, пишетъ одна дама, есть много земель, которыя не приносятъ ничего, а отъ Пуатье до меня (въ Лимуссенѣ) есть 25 тысячъ десятинъ земли, которыя представляютъ собой только мелкій кустарникъ и морской камышъ.

Крестьяне питаются тамъ рожью, отъ которой не отдѣляютъ отрубей и которая, благодаря этому, черна и тяжела, какъ свинецъ. Въ Пуату и здѣсь пашутъ только верхній слой земли, маленькимъ, сквернымъ безконечнымъ плугомъ... Отъ Пуате до Мантшорильона 9 миль, и увѣряю васъ я встрѣтила тамъ только четырехъ человѣкъ, и троихъ отъ Мантморильона до меня, на разстояніи 4-хъ миль; и то мы увидѣли изъ далека, такъ какъ на дорогѣ мы не встрѣтили ни одного. Въ такой странѣ это васъ не удивитъ... Заботятся о томъ, чтобы женить ихъ такъ же рано какъ господъ", конечно изъ опасенія воинской повинности. Но страна отъ этого не болѣе заселена, такъ какъ почти всѣ дѣти умираютъ. Въ виду того, что женщины почти не имѣютъ молока, годовалые дѣти должны ѣсть тотъ хлѣбъ, о которомъ я вамъ говорила; дѣвочка четырехъ лѣтъ обладаетъ животомъ беременной женщины...

Рожь померзла въ этомъ году на Пасху; пшеницы очень мало;

изъ двѣнадцати арендныхъ участковъ моей матери, есть пожалуй только въ четырехъ. Дождя не было съ Пасхи: нѣтъ сѣна, ни пастбищъ, никакихъ овощей, ни фруктовъ; вотъ положеніе бѣднаго крестьянина; въ частности нѣтъ ни корма, ни домашнихъ животныхъ... У моей матери всегда было нѣсколько полныхъ житницъ, но теперь нѣтъ ни зерна, такъ какъ впродолженіе двухъ лѣтъ она кормила всѣхъ своихъ арендаторовъ и бѣдныхъ".—Помѣщикъ той же провинціи говоритъ, что крестьянамъ помогаютъ, имъ покровительствуютъ, рѣдко притѣсняютъ, но ихъ презираютъ. Его притѣсняютъ если онъ добръ и обходителенъ, но если онъ золъ, то его раздражаютъ и злятъ... Его держатъ въ нуждѣ и униженіи люди, которые отнюдь не безчеловѣчны, у которыхъ существуетъ предразсудокъ главнымъ образомъ среди дворянства, что онъ другой породы чѣмъ мы... Собственникъ выжимаетъ все что можетъ, во всякомъ случаѣ, глядя на него и его воловъ, какъ на домашнихъ животныхъ, онъ запрягаетъ ихъ въ телѣги и пользуется ими во всякое время для разныхъ поѣздокъ, подводъ и перевозокъ. Съ своей стороны арендаторъ мечтаетъ о жизни съ минимальнымъ количествомъ работы, и о предоставленіи большей части земли, покосы и пастбища, разсуждая, что доходъ доставляемый ему приплодомъ скота не стоитъ ему никакого труда. Небольшая площадь, которую распахиваетъ онъ, идетъ подъ посѣвы нужныхъ для пропитанія низкоцѣнныхъ хлѣбовъ вродѣ гречихи, рѣпы и т. п. Вся утѣха его въ его лѣни и медленности, вся надежда на урожай каштановъ, а единственное занятіе, которому онъ добровольно предается—это размноженіе. Будучи не въ состояніи нанять работниковъ на ферму—онъ дѣлаетъ дѣтей. Другіе имѣютъ небольшое имущество и главнымъ образомъ „живутъ козами, которыя пожираютъ все". Но довольно часто, по приказу парламента, стража убиваетъ этихъ козъ. Одна женщина, съ двумя грудными дѣтьми „безъ молока и безъ дюйма земли", у которой убили такимъ образомъ двухъ козъ, ея единственную поддержку, и другая, у которой убили ея единственную козу и которая нищенствуетъ вмѣстѣ съ сыномъ, пришли съ жалобами въ замокъ; одна получаетъ 12 ливровъ, другая взята въ качествѣ служанки и съ тѣхъ поръ „эта деревня съ веселымъ видомъ ломаетъ шапки".

— Въ самомъ дѣлѣ они не привыкли къ благодѣяніямъ; страдать—участь всего этого бѣднаго народа. „Они считаютъ неизбѣжной, какъ дождь или градъ, необходимость быть притѣсненными болѣе сильными, богатыми, ловкими, уважаемыми и кто-то придаетъ имъ, если можно такъ выразиться, страдальчески-горестный характеръ".

Въ Оверни, странѣ феодальной, покрытой сплошь церковными и помѣщичьими владѣніями, нужда такъ же велика. Въ Клермонъ-Ферракѣ, „есть улицы, которыя своимъ цвѣтомъ, грязью и сквернымъ запахомъ, могутъ сравниться только съ канавами въ навозной кучѣ". Въ гостинницахъ, большинство мѣстечекъ „тѣснота, нужда, грязь, мракъ". Въ Праделлѣ гостинница „одна изъ худшихъ во Франціи". Въ Обена, говоритъ Юнгъ, „гостинница могла бы быть хлѣвомъ для одной изъ моихъ свиней". Дѣйстви-

тельно чувства притупляются: первобытный человѣкъ доволенъ если онъ имѣетъ возможность спать и питаться. Онъ питается, но какой пищей! Чтобы перенести эту неперевариму пищу здѣшнему крестьянину нуженъ болѣе твердый желудокъ, чѣмъ въ Лимуссенѣ; въ деревнѣ, гдѣ 10 лѣтъ спустя рѣжутъ въ годъ до 25 поросятъ, въ то время ѣли только 2 или трехъ въ годъ. Разсмотрѣвъ дикость нравовъ, оставшихся со временъ Верциппеторикса, увеличенныхъ страданіемъ, нельзя удержаться отъ нѣкотораго ужаса. Маркизъ Мирабо описываетъ „что на обѣтномъ праздникѣ въ Монъ-Дорѣ, дикари потоками сходятъ съ горы, священникъ въ стихарѣ и епитрахили, судьи въ парикахъ, патрули съ саблями на голо охраняютъ площадь передъ тѣмъ, чтобы разрѣшить волынкамъ начинать играть; танцы прерываются черезъ 1/4 часа дракой; крики и свистки дѣтей, немощныхъ и другихъ присутствующихъ, которые наускиваютъ, какъ это дѣлаетъ чернь, когда дерутся собаки; ужасные люди или вѣрнѣе рыжія животныя, въ одеждахъ изъ толстаго полотна съ широкими кожаными поясами покрытыми мѣдными гвоздями, огромнаго роста увеличеннаго высокими деревянными башмаками, еще приподнимаются, чтобы видѣть драку, все сильнѣе стучатъ ногами, локтями чешутъ себѣ бока, съ истощенными и покрытыми жирными волосами лицами, съ блѣднѣющей верхней частью лица и раздирающейся въ жестокую улыбку нижней частью, и выказываютъ родъ дикаго нетерпѣнія.—И эти то люди платятъ налоги и хотятъ еще отнять у насъ санъ. Не знаютъ, кого хотятъ обирать, кѣмъ думаютъ управлять, кого взмахомъ безпечнаго и подлаго пера думаютъ всегда безнаказанно морить холодомъ, впредь до катастрофы. Бѣдный Жанъ Жакъ, говорилъ я себѣ, кто бы послалъ тебя и твою систему переписывать твои ноты съ этихъ господъ, тотъ грубо отвѣтилъ бы на твои сочиненія. „Пророческимъ предостереженіемъ удивительнымъ предвидѣніемъ было то, что зло рождаемое болѣзнью не скрыло отъ него зла, заключеннаго въ лекарствѣ. Просвѣщенный своимъ феодальнымъ и сельскимъ инстинктомъ, старый дворянинъ не судитъ однимъ ударомъ правительство и философовъ, старый режимъ и революцію.

IV.

Если человѣкъ несчастливъ, то онъ бываетъ ожесточенъ; но когда онъ собственникъ и вмѣстѣ съ тѣмъ несчастливъ, то онъ еще болѣе ожесточенъ. Онъ могъ вдаться въ нищету, но онъ не предается грабежу; таково было положеніе крестьянина въ 1789 году; потому что впродолженіе всего 18-го столѣтія онъ пріобрѣталъ землю. Какъ же онъ поступалъ въ подобной нуждѣ? Положеніе едва вѣроятное, хотя достовѣрное; его можно объяснить только характеромъ французскаго крестьянина, его воздержанностью, упорствомъ, строгимъ отношеніемъ къ самому себѣ, его скрытностью, его врожденной страстью къ собственности и землѣ. Онъ жилъ въ лишеніяхъ, сберегая копѣйку за копѣйкой. Каждый годъ нѣсколько бѣлыхъ монетъ присоединялись къ его маленькой кучкѣ денегъ,

спрятанныхъ въ наиболѣе секретномъ углу его погреба; конечно крестьянинъ Руссо, который пряталъ свое вино и хлѣбъ въ яму для храненія зерноваго хлѣба, имѣлъ еще болѣе удивительный тайникъ: немного денегъ въ шерстяномъ чулкѣ или въ горшкѣ, лучше ускользаетъ отъ розыска чиновниковъ, чѣмъ остальное. Въ рубищѣ, съ босыми ногами, питаясь только чернымъ хлѣбомъ, но скрывая въ своемъ сердцѣ маленькій кладъ, на который онъ возлагалъ столько надеждъ, онъ поджидаетъ случая, и случай не заставляетъ себя долго ждать. „Несмотря на всѣ свои привиллегіи, пишетъ одинъ дворянинъ въ 1755 году, дворянство разоряется и исчезаетъ съ каждымъ днемъ, тогда какъ среднее сословіе овладѣваетъ богатствами".

Множество владѣній переходятъ такимъ образомъ, посредствомъ принудительной или добровольной продажи, въ руки капиталистовъ, литераторовъ, негоціантовъ, крупныхъ буржуа. Но что вѣрно, такъ это то, что прежде чѣмъ подвергнуться окончательному отобранію имѣнія, обремененные долгами помѣщики обращались къ частной продажѣ собственности. Крестьянинъ, давшій взятку управляющему, находится тамъ со своимъ кладомъ. „Плохая земля, баринъ, и она стоитъ вамъ больше чѣмъ приноситъ дохода". Дѣло идетъ объ уединенномъ кускѣ, о краѣ поля или луга, иногда о фермѣ, фермеръ которой больше не платитъ, чаще еще объ арендованной землѣ, гдѣ лѣнивые и нуждающіеся арендаторы каждый годъ ложатся бременемъ на хозяина. Этотъ послѣдній можетъ себѣ сказать, что проданная частица для него не потеряна, такъ какъ на основаніи права выкупа, въ одинъ прекрасный день, онъ можетъ получить ее обратно, а пока что онъ получитъ подать, оброкъ и пошлины съ продажи помѣстья. Кромѣ того у него и вокругъ него есть много пустого пространства, которое осталось запущеннымъ вслѣдствіе упадка культуры и уменьшенія населенія. Чтобы возстановить ихъ цѣнность, нужно уступить право собственности; другого средства прикрѣпить человѣка къ землѣ нѣтъ.—А правительство помогаетъ этому предпріятію: не собирая больше ничего съ покинутой земли, оно соглашается временно убрать свою слишкомъ тяжелую руку. Указомъ 1766 года обработанная земля освобождается на 15 лѣтъ отъ сельскохозяйственнаго налога и, вслѣдствіе этого, въ двадцати восьми провинціяхъ, 400.000 десятинъ земли разработаны въ 3 года.

Вотъ какимъ образомъ помѣщичье владѣніе постепенно крошится и уменьшается. Къ концу, во множествѣ мѣстъ кромѣ замка и прилежащей фермы, которая приноситъ двѣ или, три тысячи франковъ въ годъ дохода, помѣщикъ не имѣетъ ничего кромѣ своихъ феодальныхъ правъ; весь остатокъ земли принадлежитъ крестьянамъ. Уже около 1750 года Фарбонне отмѣчаетъ, что многіе дворяне и новопожалованные дворяне „съ правами на огромную собственность, доведены до крайней нищеты", продали земли мелкимъ земледѣльцамъ по низкой цѣнѣ, часто за сумму налоговъ. Около 1760 года говорятъ уже четвертая часть земли перешла въ руки сельскихъ работниковъ.

Въ 1772 году по поводу налога въ размѣрѣ одной двадцатой

части, чистаго дохода съ недвижимостей интендантъ Касна, сдѣлавъ списокъ земель въ своемъ округѣ утверждаетъ, что пожалуй съ 150 тысячъ, „есть быть можетъ 50 тысячъ недвижимостей съ которыхъ поступаетъ только по 5 су, и можетъ быть еще столько же, которыя даютъ не болѣе 20 су.

Современные обозрѣватели подтверждаютъ эту страсть крестьянина къ земельной собственности.

Всѣ сбереженія низшихъ классовъ, когда либо помѣщенныя въ частныя предпріятія или въ государственныя бумаги, предназначаются во Франціи для покупки земли". „Также количество мелкой земельной собственности все возрастаетъ. Неккеръ говоритъ, что ея уже „огромное количество". Артуръ Юнгъ въ 1789 году удивляется ихъ громадному множеству и „склоняется къ мысли, что онѣ составляютъ третью часть государства". Это равнялось бы уже нашей современной цифрѣ, и одинаковыя цифры получатся также, если взять отношеніе числа земельныхъ собственниковъ къ числу зрителей.

Но пріобрѣтая землю мелкій землевладѣлецъ принимаетъ на себя заботу о ней. Пока онъ былъ простымъ поденщикомъ и имѣлъ только свои руки, ему налогъ приходилось платить только на половину: „гдѣ ничего нѣтъ,—король теряетъ свои права". Теперь же онъ можетъ быть бѣденъ и выставлять себя еще болѣе бѣднымъ, казна требуетъ съ него уплату за всю его собственность. Сборщики, такіе же крестьяне, какъ и онъ, ревниво относящіеся къ праву сосѣдства, отлично знаютъ сколько принесло ему его имѣніе; вотъ почему у него берутъ все, что только могутъ взять. Напрасно онъ работалъ съ новымъ ожесточеніемъ,—его руки остаются такъ же пусты и въ концѣ года онъ убѣждается, что его поле ничего не принесло ему самому. Чѣмъ болѣе онъ наживаетъ и производитъ, тѣмъ тяжелѣе становятся повинности. Въ 1715 году налогъ и подушная подать, которую онъ одинъ или почти одинъ платитъ, доходила до 66 милліоновъ; въ 1759 г. дошла до 93 милліоновъ и въ 1789 г. до 110 милліоновъ. Въ 1757 году налогъ дошелъ до 283.156.000 ливровъ, въ 1789 году до 476.294.000 ливровъ.—Безъ сомнѣнія, въ теоріи по человѣколюбію и добрымъ чувствамъ хотятъ облегчить и имѣютъ къ нему сожалѣніе, но на практикѣ, вслѣдствіе необходимости и рутины, съ нимъ поступаютъ, согласно наставленію кардинала Ришелье, какъ съ вьючнымъ животнымъ, которому отмѣряютъ овесъ изъ боязни, чтобы оно не слишкомъ ожирѣло и не лягалось, „какъ мулъ привычный къ труду, портится скорѣе вслѣдствіе продолжительнаго отдыха, чѣмъ изъ-за работы".

ГЛАВА II.

Главная причина нужды: налогъ. — I. Прямой налогъ. — Состояніе разныхъ владѣній въ концѣ царствованія Людовика XV.—Предварительные вычеты десятника и казны.—Что остается собственнику.—II. Состояніе нѣсколькихъ провинцій во время революціи.—Налоги, подушная подать, пошлины, двадцатыя части, оброкъ.—Насколько каждый изъ этихъ налоговъ уменьшаетъ доходъ.—Громадность общаго вычета.—III. Четыре вида прямыхъ налоговъ на плательщика—владѣющаго только своими руками.—IV. Сборы и конфискаціи.—V. Косвенные налоги. Налогъ на соль.—VI. Причина тяжести налоговъ.—Исключенія и привиллегіи.—VII. Городскія пошлины.—Тяжесть вездѣ падаетъ на бѣднѣйшихъ.

I.

Разсмотримъ вблизи вымогательства, отъ которыхъ крестьянинъ страдаетъ, онѣ огромны и стоятъ превыше всего, что мы можемъ себѣ представить. Давно уже экономисты составили смѣту сельскаго хозяйства и доказали цифрами излишекъ податей, которыми обремененъ земледѣлецъ.—Если хотятъ, чтобы онъ продолжалъ воздѣлывать землю, то ему надо предоставить часть его сборовъ, часть неотъемлемую, которая составитъ приблизительно половину его валового дохода, и изъ которой нельзя ничего израсходовать, не разоривъ его. На самомъ дѣлѣ она представитъ именно нужное и ни копѣйки больше: во-первыхъ, проценты съ первоначальнаго капитала, затраченнаго имъ на обработку, скотъ, движимость, орудія вообще и земледѣльческія орудія; во-вторыхъ, на ежегодную поддержку того же капитала, который убываетъ, благодаря теченію времени и употребленію; въ третьихъ, предварительныя затраты, которыя онъ сдѣлалъ въ текущемъ году на сѣмена, жалованье рабочимъ, кормъ для скота и людей; наконецъ въ четвертыхъ, вознагражденіе, причитающееся ему за рискъ и убытки.

Вотъ привиллегированный долгъ, который долженъ быть погашенъ раньше всѣхъ, раньше долга помѣщику, десятиннику и даже самому королю, – потому что это есть долгъ землѣ. Только послѣ уплаты этого долга можно тронуть остатокъ, который явится дѣйствительнымъ барышомъ, чистымъ доходомъ. А въ странѣ ,гдѣ есть земледѣліе, король и десятинникъ берутъ половину этого чистаго дохода если земля велика, и берутъ его цѣликомъ, если она мала. Большая ферма въ Пикардіи, приносящая собственнику 3.600 ливровъ, выплачиваетъ 1.800 ливровъ королю и 1.311—десятиннику; другая въ Суасоннѣ, снятая за 4.500 ливровъ, платитъ 2.200 ливровъ налогу и болѣе 1.000 экю десятины. Средней величины мыза около Невера даетъ 138 ливровъ казнѣ, 121 церкви и 114 собственнику. Въ другой, въ Пуату, казна беретъ 348 ливровъ, а собственникъ получаетъ только 238 ливровъ. Вообще въ странѣ большихъ фермъ, собственникъ получаетъ 10 ливровъ съ десятины при очень хорошей обработкѣ и только 3—при обыкновенной. Въ странѣ маленькихъ фермъ и мызъ онъ получаетъ съ десятины 15 су, 8 су и даже 6 су.—Это значитъ, что весь чистый доходъ идетъ на причтъ и въ казну.

Вмѣстѣ съ тѣмъ его рабочіе ему ничего не стоятъ. Въ той мызѣ въ Пуату, которая приноситъ 8 су съ десятины 36 рабочихъ потребляютъ каждый ежегодно на 26 франковъ ржи, на 2 франка овощей, масла и молочныхъ продуктовъ на 2 франка, на 10 су поросятъ; въ общемъ на одно лицо въ годъ приходится 16 фунтовъ мяса и всѣхъ расходовъ на сумму 36 франковъ. Въ самомъ дѣлѣ они пьютъ только воду, для освѣщенія и суповъ они употребляютъ масло изъ дикой рѣпы, сливочнаго масла они не пробуютъ никогда, одежду они дѣлаютъ изъ шерсти своихъ овецъ и изъ конопли, которую они воздѣлываютъ; они не покупаютъ ничего и только платятъ за трудъ портному которому сами доставляютъ матеріалъ. На другой мызѣ на границѣ Марша и Берри, 46 рабочихъ стоятъ еще меньше, такъ какъ каждый изъ нихъ потребляетъ не болѣе какъ на 25 франковъ въ годъ. Судите о чудовищной части, которую присуждаетъ себѣ церковь и государство если при такихъ минимальныхъ расходахъ на обработку, собственникъ къ концу года, находитъ въ своемъ карманѣ 6 или 8 су съ десятины, изъ которыхъ, если онъ крестьянинъ, онъ долженъ еще платить оброкъ помѣщику, платить въ общественную кассу на земское ополченіе, покупать свой насущный хлѣбъ, выкупать барщину и многое другое. Въ концѣ царствованія Людовика XV, въ Лимузенѣ, — говоритъ Тюрго, король для самого себя беретъ съ земли почти столько же, сколько собственникъ". Есть такіе округа, напримѣръ, въ Туллѣ, гдѣ онъ высчитываетъ $56^1/_2\,^0/_0$ изъ дохода, оставляя хозяину только $43^1/_2\,^0/_0$; вслѣдствіе этого „множество помѣстій тамъ запущено".

И не думайте, что современемъ бремя становится легче, — или что въ другихъ провинціяхъ земледѣлецъ лучше обставленъ. Въ этомъ отношеніи документы вполнѣ достовѣрны, и доходятъ почти до настоящаго времени. Стоитъ просмотрѣть протоколы провинціальныхъ собраній 1787 года, чтобы узнать въ оффиціальныхъ цифрахъ до чего казна можетъ высасывать соки изъ трудящихся и вырывать изо рта у нихъ хлѣбъ, который они добываютъ въ потѣ своего лица.

II.

Здѣсь говорится только о прямомъ налогѣ, податяхъ, аксессуарахъ, подушной подати, двадцатыхъ частяхъ, денежныхъ налогахъ и оброкѣ замѣнившемъ барщину. Въ Шампаньи изъ 100 ливровъ дохода плательщикъ податей платитъ обыкновенно 54 ливра 15 су, а въ нѣкоторыхъ приходахъ 71 ливръ 13 су. „Возьмемъ плательщика податей въ Иль-де-Франсѣ крестьянина—собственника двадцати десятинъ земли, которыя онъ самъ обрабатываетъ и которыя оцѣнены въ 10 ливровъ дохода съ десятины; его считаютъ также собственникомъ дома, въ которомъ онъ живетъ, причемъ стоимость найма его опредѣлена въ 40 ливровъ."

Такой плательщикъ платитъ поземельной подати, личнаго и промысловаго налога 36 ливровъ 14 су, побочныхъ налоговъ 17 ливровъ 17 су, подушной подати 21 ливръ 8 су, двадцатыхъ

частей 24 ливра 4 су; всего 99 ливровъ 3 су; къ чему слѣдуетъ прибавить еще приблизительно 5 ливровъ за замѣну барщины: всего 104 ливра съ имѣнія, которое онъ могъ бы снять въ аренду за 240 ливровъ, т. е. болѣе $^5/_{12}$ всего дохода.

Будетъ еще хуже если сдѣлать подсчетъ бѣдныхъ округовъ. Въ Высокой Гвіеннѣ, „всѣ имѣнія обложены налогами, побочными и двадцатыми частями болѣе четверти дохода, за вычетомъ только расходовъ по обработкѣ; а дома—въ треть дохода, за исключеніемъ расходовъ по ремонту и поддержкѣ; къ этому надо прибавить еще подушную подать, отнимающую приблизительно десятую часть дохода, десятину,—отнимающую седьмую часть, сеньоральные сборы,—отнимающіе другую седьмую часть, налогъ, замѣняющій барщину, расходы при принудительномъ взысканіи податей, наложеніи запрещеній, секвестрованіи и принужденіи, наконецъ мѣстныя повинности обыкновенныя и чрезвычайныя. Вычисливъ это, мы видимъ, что въ общинахъ средне обложенныхъ податью, собственнику не остается даже третьей части дохода, а что въ общинахъ неудачно расположенныхъ, собственникъ вынужденъ влачить существованіе обыкновеннаго фермера, едва имѣющаго возможность восполнить расходы по обработкѣ". Въ Оверни подать доходитъ до 4 су съ ливра чистаго дохода; побочныя и подушныя подати отнимаютъ еще 4 су и 3 денье; двадцатыя части—2 су и 3 денье; сборъ на государственныя дороги, добровольные дары, мѣстныя повинности и расходы по сборамъ берутъ еще 1 су и 1 денье: всего 11 су и 7 денье съ ливра дохода, не считая помѣщичьихъ податей и десятины. „Палата съ сожалѣніемъ узнала, что нѣкоторые сборы податей даютъ 17, 16 су, а наиболѣе умѣренные по 14 су (съ ливра). Доказательства исходятъ отъ палаты; они записаны въ спискахъ и податныхъ палатъ и въ судахъ округовъ. Ихъ еще больше въ спискахъ приходовъ, гдѣ можно найти безконечное число расчетовъ по покинутымъ имѣніямъ, которыя сборщики податей взяли на откупъ и доходъ которыхъ часто не достаточенъ дляу платы налоговъ". Подобныя цифры очень краснорѣчивы и я думаю, что ихъ можно свести въ одно цѣлое. Если взять вмѣстѣ Нормандію, Орлеанъ, Суассонъ, Шампань, Или-де-Франсъ, Берри, Пуату, Овернь, Ліонъ, Гасконью и Высокую Гвіенну, словомъ всѣ главные округа, то можно увидѣть, что изъ 100 франковъ чистаго дохода, прямой налогъ отнималъ у плательщика 53 франка, т. е. больше половины. Это выходитъ почти въ 5 разъ больше, чѣмъ теперь.

III.

Но казна, нападая на платящаго собственника, не оставила безъ вниманія плательщика не имѣющаго собственности. За отсутствіемъ земли она схватила самого человѣка. За отсутствіемъ дохода, облагаютъ налогомъ жалованье. За исключеніемъ двадцатыхъ частей, всѣ предыдущіе налоги настигаютъ не только того кто владѣетъ, но также и того, кто не владѣетъ. Въ Тулузенѣ, въ Сенъ-Піеррѣ, Бажурвиллѣ, бѣднѣйшій поденщикъ, имѣющій только свои руки для добыванія средствъ жизни и зарабатываю-

щій 10 су въ день, платитъ 8, 9, 10 ливровъ подушной подати. „Въ Бургони постоянно можно увидѣть несчастнаго ремесленника безъ всякаго имущества, обложеннаго 18—20 ливрами подушной подати и налоговъ“. Въ Лимузенѣ деньги приносимыя зимой каменщиками идутъ „на уплату налоговъ съ ихъ семействъ“. Что касается поденщиковъ и сельскихъ рабочихъ, то даже привиллегированный собственникъ, который ими пользуется, вынужденъ брать на свой счетъ часть уплачиваемыхъ ими налоговъ; если же онъ этого не дѣлаетъ, то они прекращаютъ работу не имѣя, что ѣсть; даже въ интересахъ хозяина нужно, чтобы человѣкъ имѣлъ свой паекъ хлѣба, какъ быкъ свой паекъ сѣна. „Въ Бретани это истинная правда, что 9/10 ремесленниковъ, хотя плохо одѣтыхъ и питающихся къ концу года не имѣютъ ни одного экю, свободнаго отъ долговъ“; подушная подать и остальное берутъ у нихъ этотъ послѣдній и единственный экю. Въ Парижѣ, продавецъ золы, торговецъ битыми бутылками, торговецъ стараго желѣза и старыхъ шляпъ“, лишь только они имѣютъ жилище, должны платить подушную подать по 3 ливра 10 су съ головы. Чтобы они не забывали платить, отвѣтственнымъ является квартирохозяинъ, сдающій имъ помѣщеніе. Въ случаяхъ опозданія имъ посылаютъ „синяго человѣка“, экзекуціоннаго сыщика, которому они платятъ за день пути и который водворяется въ ихъ квартирѣ. Мерсье разсказываетъ объ одномъ рабочемъ прозванномъ четверорукимъ, который имѣлъ четырехъ дѣтей, жилъ въ 6-мъ этажѣ и устроилъ себѣ печку на манеръ алькова, чтобы имѣть возможность спать со своей семьей. „Одинъ разъ я отворяю его дверь, которая имѣла только одну щеколду; въ комнатѣ были только стѣны и токарный станокъ. Этотъ человѣкъ выходя изъ за своей печки наполовину больной сказалъ мнѣ: „я думалъ, что это сыщикъ за подушной“. Такимъ образомъ, каково бы ни было положеніе плательщика, какъ бы бѣденъ и голъ онъ не былъ, цѣпкая рука казны лежитъ на его спинѣ. Тутъ нельзя ошибиться: она не скрывается, въ назначенный день она является и прямо и жестоко прикладывается къ плечамъ. Мансарда и хижина, также хорошо, какъ мыза, ферма и домъ знаютъ сборщика, судебнаго пристава и экзекуціоннаго сыщика; ни одна лачуга не избѣгаетъ этого отвратительнаго отродья. Для нихъ сѣютъ, жнутъ, работаютъ и лишаютъ себя всего; и если съ лишеніями накопляемые каждую недѣлю ліарды превратятся къ концу года въ золотую монету, то она попадаетъ въ ихъ же мѣшокъ.

IV.

Нужно изучить систему въ дѣйствіи. Это машина для стрижки грубая и плохо установленная, которая одинаково плоха и по своей цѣли и по пріемамъ. И что въ ней хуже всего, это то, что въ ея скрипящей системѣ колесъ, плательщики, сами же являются орудьями, которыя, должны сами себя стричь и обирать.

Въ каждомъ приходѣ есть 2, 3, 5, 7 человѣкъ, которые подъ именемъ сборщиковъ и отличенные, какъ избранники обязаны распредѣлять и собирать налоги.

„Нѣтъ болѣе тяжкой обязанности"; каждый по протекціи или привиллегіи старается отъ нея освободиться. Общества ведутъ постоянныя тяжбы противъ непокорныхъ, и чтобы никто не могъ отговариваться своимъ незнаніемъ, они составляютъ впередъ, на 10 и 15 лѣтъ, списки будущихъ сборщиковъ. Во второстепенныхъ приходахъ ими бываютъ всѣ, „мелкіе собственники, и каждый изъ нихъ становится сборщикомъ почти каждыя шесть лѣтъ. Во многихъ деревняхъ ими являются ремесленники, поденщики, арендаторы, которые собственно говоря нуждаются во всемъ своемъ времени, чтобы зарабатывать себѣ жизненныя средства. Въ Оверни, гдѣ здоровые мужчины уходятъ на зиму искать работы, берутъ женщинъ: въ округѣ Сентъ-Флуръ, есть такія деревни, гдѣ всѣ четыре сборщика въ юбкахъ.—За всѣ вырученныя имъ взысканія они отвѣчаютъ своими имѣніями, движимостью и лично и вплоть до Тюрго они взаимно отвѣтственны другъ за друга; судите о ихъ заботахъ и рискѣ: въ 1785 году въ одномъ округѣ Шампани 95 посажены въ тюрьму и каждый годъ до 200 тысячъ ихъ на пути къ тюрьмамъ. „Сборщикъ, говоритъ Беррійское провинціальное собраніе, обыкновенно въ теченіе двухъ лѣтъ проводитъ половину дня въ бѣготнѣ отъ двери къ двери запоздавшихъ плательщиковъ".—Эта должность, пишетъ Тюрго, является причиной отчаянія и часто полнаго разоренія тѣхъ, кому она поручена; такимъ образомъ послѣдовательно ведутъ къ нуждѣ всѣ зажиточныя семейства деревни". Въ самомъ дѣлѣ нѣтъ совершенно сборщиковъ, которые ходятъ безъ принужденія и получаютъ ежегодно, 8 или 10 приказаній". Иногда ихъ сажаютъ въ тюрьму на счетъ прихода. Иногда съ ними и съ плательщиками поступаютъ „черезъ гарнизонныя учрежденія, наложеніе запрещеній, наложеніе ареста, задержаніе движимости, и продажу движимости".

„Въ одномъ только округѣ Виллафраншъ, говоритъ провинціальное собраніе Высокой Гвіенны, насчитываютъ 106 разносчиковъ запрещеній и другихъ агентовъ, которые всегда находятся въ пути".

Это перешло въ привычку и приходу выгодно страдать такъ, ибо онъ страдалъ бы больше, если бы поступалъ иначе. Около Орильяка, говоритъ маркизъ Мирабо, имѣется прилежаніе, трудъ, бережливость, а кромѣ этого—ничего кромѣ нужды и бѣдности.

Населеніе состоитъ на половину изъ несостоятельныхъ и изъ состоятельныхъ, но притворяющихся бѣдняками изъ опасенія новыхъ налоговъ. Разъ подать наложена, весь народъ стонетъ, жалуется и никто не платитъ. Какъ только вышелъ срокъ, въ тотъ же часъ и минуту накладывается запрещеніе и сборщики, хотя бы и зажиточные, воздерживаются отъ платежа, хотя въ концѣ концовъ при экзекуціи имъ придется заплатить больше. Но этотъ родъ расходовъ вошелъ въ обыкновеніе; они расчитываютъ, что если они будутъ болѣе аккуратны, то на будущій годъ будутъ сильнѣе обложены". Въ самомъ дѣлѣ, получатель, платящій своимъ сыщикамъ по франку въ день, заставляетъ имъ платить два франка и такимъ образомъ выигрываетъ разницу. Вотъ почему „если извѣстные приходы рѣшаютъ быть аккуратными и платить не дожи-

даясь запрещенія, то сборщикъ, видя, что у чего отнимается лучшая часть его состоянія, приходитъ въ дурное расположеніе духа и при слѣдующей раскладкѣ, между нимъ, гг. выборными, помощниками и другими цирульниками этого рода происходитъ договоръ, и на этотъ аккуратный приходъ налагается двойное бремя, чтобы научить его жить". Такимъ образомъ множество административныхъ піявокъ живетъ на счетъ крестьянина. „Наконецъ, говоритъ одинъ интендантъ, въ Рошорантинскомъ округѣ сборщикамъ нечего было взять съ продажи движимостей, достигшей 600 ливровъ, такъ какъ все было поглощено расходами. Въ Шатодунскомъ округѣ произошло тоже самое съ другой продажей, достигшей 900 ливровъ, и относительно дѣлъ такого рода никто не освѣдомленъ, какъ бы вопіющи онѣ не были". Въ довершеніе всего сама казна безпощадна. Тотъ же интендантъ пишетъ въ 1784 году, годъ голода: „Съ ужасомъ можно было наблюдать, какъ въ деревняхъ сборщикъ торговался съ отцами семействъ, изъ за цѣпы на движимость, предназначенную крестьяниномъ къ продажѣ, чтобы остановить крикъ нужды своихъ дѣтей". Такимъ образомъ, что если бы сборщики не хватали, то ихъ самихъ схватили бы. Подъ давленіемъ казначеевъ, какъ видно изъ документовъ, они требуютъ, преслѣдуютъ, надоѣдаютъ плательщикамъ. Каждое вескресенье и каждый праздникъ они стоятъ у выхода изъ церкви, предупреждая запоздавшихъ; затѣмъ на недѣлѣ они ходятъ изъ избы въ избу, чтобы получить долгъ.

„Обыкновенно они совершенно не умѣютъ писать и водятъ съ собой писаря". Изъ 106, которые ѣздятъ по Сентъ-Флурскому округу, не найдется и 10, которые смогутъ прочесть оффиціальную бумагу и подписать квитанцію; отсюда вытекаетъ множество ошибокъ и мошенничествъ. Кромѣ писца при нихъ состоятъ экзекуціонные сыщики, люди самыхъ низшихъ слоевъ, плохіе рабочіе безъ работы, которые чувствуютъ, что ихъ ненавидятъ и ведутъ себя соотвѣтственно. Сколько бы имъ не запрещали брать взятокъ, заставлять жителей себя кормить или ходить съ сборщиками по трактирамъ, „привычка уже пріобрѣтена, злоупотребленія будутъ всегда". Но какъ бы ни были тяжелы экзекуціи ихъ остерегаются избѣгать. Въ виду этого, пишетъ одинъ интендантъ ожесточеніе необыкновенное".

„Ни одинъ частный человѣкъ не позоветъ къ себѣ сборщика, и не будетъ ему платить, пока не увидитъ у себя постоя". Крестьянинъ похожъ на своего осла, который нуждается въ побояхъ, чтобы двинуться съ мѣста и хотя онъ въ этомъ случаѣ кажется тупымъ, онъ на самомъ дѣлѣ хитеръ. Такъ какъ сборщикъ, будучи отвѣтственнымъ, „склоненъ естественно увеличить долю аккуратныхъ плательщиковъ, на счетъ долей неаккуратныхъ. Вотъ почему аккуратный плательщикъ становится въ свою очередь неаккуратнымъ и допускаетъ составленіе актовъ даже въ томъ случаѣ, когда у него есть деньги въ сундукѣ. Разсчитавъ все это онъ пришелъ къ заключенію, что хотя ходъ дѣла и стоитъ дорого, но все таки онъ ему обойдется меньше, чѣмъ надбавка подати, поэтому изъ двухъ золъ онъ выбираетъ меньшее.

Противъ сборщиковъ онъ имѣетъ только одно средство: свою бѣдность, кажущуюся или дѣйствительную, невольную или добровольную. „Всѣ плательщики, говоритъ еще Беррійское провинціальное собраніе, стараются не показывать своего имущества; они себѣ отказываютъ въ обстановкѣ, одеждѣ, въ пищѣ и вообще во всемъ, что находится на виду у другихъ". „Г. Шуазель-Гуффье хотѣлъ на свой счетъ покрыть крестьянскія избы черепицей, чтобы обезопасить ихъ отъ пожаровъ, но они поблагодарили его за его доброту, и просили оставить ихъ избы такими, какія онѣ есть, говоря, что если бы онѣ были покрыты черепицей вмѣсто соломы, то чиновники увеличили бы налоги". — „Вообще работаютъ, но только для удовлетворенія необходимыхъ потребностей... Боязнь заплатить лишній экю заставляетъ большинство людей пренебрегать вчетверо большей выгодой". — „...Благодаря этому, плохой скотъ, жалкая сбруя и плохое удобреніе, даже у тѣхъ, которые могли бы имѣть лучше". „Если бы я зарабатывалъ больше, говорилъ одинъ крестьянинъ, то это пошло бы сборщику". Неимовѣрный ежегодный грабежъ, отнимаетъ у нихъ все, вплоть до желанія довольства". „Большинство изъ нихъ малодушны, недовѣрчивы, безчувственны, уничижены", „мало чѣмъ они отличаются отъ древнихъ рабовъ". имѣя большое сходство съ Египетскими феллахами и съ земледѣльцами Индостана. Въ самомъ дѣлѣ, казна, благодаря произволу и громадному количеству долговъ дѣлаетъ всякое владѣніе ненадежнымъ, каждое пріобрѣтеніе тщетнымъ, каждое сбереженіе смѣшнымъ; на самомъ дѣлѣ имъ принадлежитъ только то, что они успѣютъ урвать у казны.

V.

Во всякой странѣ казна имѣетъ двѣ руки: одна видимая, которая прямо роется въ сундукахъ плательщиковъ податей, другая скрытая, которая пускаетъ въ ходъ руку посредника, чтобы не навлечь на себя гнѣвъ на новое гнусное вымогательство. Здѣсь нѣтъ даже предосторожности этого рода; вторые когти также видны какъ и первые; судя по ихъ построенію и по жалобамъ я былъ бы правъ думая, что они еще болѣе зловредны. Прежде всего соляные налоги, пошлины и сборы отдаются ежегодно на откупъ и продаются откупщикамъ, которые уже по самому своему ремеслу стараются извлечь какъ можно больше денегъ изъ своей сдѣлки. Въ отношеніи плательщика они являются не администраторами, но эксплоататорами; они его купили. Онъ принадлежитъ имъ по условіямъ ихъ договоровъ; они заставляютъ его потѣть, не только чтобы получить съ нихъ уплаченные авансы и процентами на авансы, но кромѣ того всѣ доходы, подъ которые они могутъ выжать. Этого достаточно, чтобы показать, какимъ образомъ взимаются косвенные налоги. — Во-вторыхъ, благодаря соляному налогу и сборовъ розыскъ вторгается въ каждое хозяйство. Въ мѣстностяхъ большого соляного налога Иль де-Франсѣ, Менѣ, Анжу, Туренѣ, Орлеанѣ, Берри, Бурбонѣ, Бургундіи, Шампани, Першѣ, Нормандіи Пикардіи, соль стоила 13 су фунтъ, т. е. въ 4 раза больше, а принимая

во вниманіе стоимость денегъ, въ 8 разъ больше, чѣмъ теперь. Еще лучше, въ силу указа 1680 года, каждое лицо старше семи лѣтъ обязано покупать по 7 фунтовъ соли въ годъ; на семейство въ 4 человѣка это составитъ болѣе 18 франковъ въ годъ, т. е. 19 дней работы: новый прямой налогъ, который, какъ и подать вводитъ руку казны въ карманы плательщиковъ и заставляетъ ихъ точно также какъ и подать, взаимно мучить другъ друга. Въ самомъ дѣлѣ нѣкоторые изъ нихъ назначены властью раскладывать эту обязательную соль и, какъ и сборщики податей они являются „отвѣтственными за цѣну на соль". Послѣ нихъ и всегда по примѣру системы взиманія податей, есть другія отвѣтственныя лица. „Послѣ того какъ первыя подверглись описи лично и имущественно откупщикъ (фермеръ) имѣетъ право предъявлять общіе иски противъ главныхъ жителями прихода". Дѣйствія этого механизма были описаны. „Въ Нормандіи,—говоритъ Русенскій парламентъ, каждый день хватаютъ, продаютъ, описываютъ несчастныхъ не имѣющихъ хлѣба, за то что они не купили соли.

Но если строгости также велики какъ при взиманіи податей, то притѣсненія еще въ 10 разъ хуже, потому что они входятъ въ домъ, ежеминутно и непрерывно. Было запрещено отнимать хоть одну унцію изъ обязательныхъ 7-ми фунтовъ, для другого употребленія какъ „горшокъ и солонка". Если крестьянинъ сберегалъ немного соли на супѣ, чтобы посолить поросенка и имѣть возможность ѣсть зимой немного мяса, то онъ долженъ былъ бояться чиновниковъ! Поросенокъ конфисковался и налагался штрафъ въ 300 ливровъ. Нужно было чтобы человѣкъ шелъ въ амбаръ покупать другую соль, дѣлалъ бы объявленіе, принесъ бы бюллетень и выставилъ бы этотъ бюллетень на всеобщій осмотръ. Тѣмъ хуже для него, если онъ не можетъ заплатить за добавочную соль; ему не остается ничего, какъ продать свое животное и воздержаться отъ мяса на Рождество; это наиболѣе частый случай и я могу сказать, что для арендатора съ 25-ю франками въ годъ это случай совершенно обыкновенный.—Запрещено употреблять для горшковъ и солонокъ другую соль, какъ изъ количества семи фунтовъ. „Я могу разсказать о двухъ сестрахъ,—говоритъ Летронъ, которыя жили въ двухъ миляхъ отъ одного города, гдѣ лавка открывалась только по субботамъ. Ихъ запасъ соли вышелъ. Чтобы прожить три или четыре дня до субботы, онѣ прокипятили остатокъ разсола, изъ котораго извлекли нѣсколько унцій соли. Въ результатѣ посѣщеніе и прото-колъ чиновниковъ. Благодаря друзьямъ и протекціи имъ все обошлось только въ 48 ливровъ". — Запрещено черпать воду изъ моря и соленыхъ источниковъ подъ страхомъ штрафа въ 20—40 ливровъ. Запрещено гонять скотъ въ болота и другія мѣста, гдѣ есть соль, а также поить ихъ морской водой подъ страхомъ конфискованія и 300 ливровъ штрафа. — Запрещено набивать солью макрелей, возвращаясь съ рыбной ловли, а также прикладывать слащъ рыбы. Приказано употреблять не больше $1/2$ фунта соли на боченокъ. Приказано истреблять каждый годъ натуральную соль, образующуюся въ нѣкоторыхъ кантонахъ Прованса. Судьямъ запрещено

смягчать или отмѣнять штрафы, назначенные по поводу соли подъ страхомъ отвѣтственности и отрѣшенія отъ должности.—Я выпускаю множество другихъ приказовъ и запрещеній: они исчисляются сотнями Это законодательство падаетъ на плательщика, какъ стянутая сѣть изъ тысячи петель и чиновникъ, который ее набрасываетъ заинтересованъ въ томъ, чтобы плательщики были неисправны. Сверхъ того вы видите рыбака, который обязанъ разбить свой боченокъ, хозяйку, ищущую объявленіе о своемъ окорокѣ, соляного пристава, изслѣдующаго буфетъ, провѣряющаго разсолъ, пробующаго солонку, и заявляющаго, если соль слишкомъ хороша, что она контрабандная, потому что соль изъ конторы откупщика, единственно законная, обыкновенно попорчена и смѣшана съ мусоромъ.

Тѣмъ временемъ другіе акцизные чиновники, спускаются въ погребъ. Нѣтъ ни болѣе грозныхъ, ни болѣе строго схватывающихъ всѣ предлоги для наличности преступленія.

Если обыватель изъ милосердія даетъ бутылку вина изнемогающему бѣдняку, то это является достаточной причиной для преданія его суду и наложенія на него неимовѣрныхъ штрафовъ... Бѣдный больной, который упроситъ своего священника дать ему бутылку вина, долженъ будетъ претерпѣть судъ способный разорить не только несчастнаго, который ее принялъ, но даже и благодѣтеля, который ему ее далъ. Это не химера".

Въ силу особаго закона, чиновники могутъ каждую минуту сдѣлать списокъ вину даже у винорадаря собственника, указать ему что онъ можетъ выпить, обложить его на остатокъ и на излишне выпитое: такъ какъ откупщикъ является компаньономъ винорадаря и имѣетъ свою долю въ его урожаѣ.—Въ одномъ виноградникѣ въ Еперисѣ съ четырехъ бочекъ вина, собранныхъ въ среднемъ съ десятины и стоющихъ 600 франковъ, онъ взимаетъ сначала 30 франковъ, а когда вино продано, еще 75 франковъ. Естественно, что „жители прибѣгаютъ къ самымъ тонкимъ и отлично придуманнымъ хитростямъ, чтобы уберечь себя отъ его столь сильныхъ правъ. Но чиновники ловки, подозрительны, освѣдомлены, и неожиданно вторгаются въ подозрѣваемые дома; ихъ инструкціи сводятся къ тому, что они должны учащать свои посѣщенія, и имѣть достаточно точные списки, „чтобы съ одного взгляда видѣть состояніе погреба каждаго жителя. Теперь, когда виноградарь заплатилъ, наступаетъ очередь купца. Этотъ послѣдній, чтобы послать четыре бочки потребителю, уплачиваетъ откупщику еще 75 франковъ. Вино отправляется и откупщикъ предписываетъ ему опредѣленные пути; если онъ уклонится, то вино конфискуется и за каждый шагъ дороги онъ долженъ платить. Судно съ виномъ отправленное изъ Лангедока. Дофине или Руссильона, поднимающееся по Ронѣ и спускающееся по Луарѣ, чтобы слѣдовать въ Парижъ по каналу Бріара, платитъ въ дорогѣ, не считая сборовъ на Ронѣ отъ 30 — 40 сортовъ разныхъ сборовъ, не включая въѣзда въ Парижъ. „Оно ихъ платитъ" въ 15 или 16 разныхъ мѣстахъ и эти увеличенные платежи вынуждаютъ перевозчиковъ тратить на путешествіе на 12 —

15 дней больше, чѣмъ они бы употребили, если бы всѣ платежи были сосредоточены въ одной конторѣ.

Водяные пути особенно сильно обложены „отъ Понтарліера до Ліана 25 или 30 дорожныхъ пошлинъ; отъ Ліана до Эгъ Мортъ еще больше, такъ что то, что стоитъ въ Бургундіи 10 су, приходитъ въ Ліанъ по 15—18 су, а въ Эгъ Мортъ болѣе чѣмъ по 25 су". Наконецъ вино приходитъ къ городскимъ заставамъ, гдѣ оно будетъ выпито. Тамъ оно платитъ акцизъ, который въ Парижѣ составляетъ 47 франковъ съ мюйда.—Оно входитъ и направляется въ погребъ кабатчика или содержателя гостинницы; тамъ платится еще отъ 30—40 франковъ за право розничной торговли; въ Ретелѣ платятъ отъ 50–60 франковъ за бочку, Реймсской мѣры. Итогъ — чудовищный. За одну бочку Бордосскаго вина, въ Рейнѣ включая разные сборы, а именно: обязательные пятину 8 су на ливръ и акцизъ, превышаютъ сумму въ 72 ливра, не считая покупной цѣны; къ этому надо прибавить расходы и сборы, которые рейнскій купецъ уплачиваетъ впередъ, и которые онъ беретъ потомъ съ покупателя: вывозная изъ Бордо, фрахтъ, страхованіе, шлюзовый сборъ, сборъ за ввозъ въ городъ, сборъ за право ввоза въ госпитали, сборъ за мѣру, за маклерство, въ пользу питейныхъ инспекторовъ.

Итого по меньшей мѣрѣ кабатчикъ долженъ выплатить 200 ливровъ за то, чтобы продать только одну бочку вина. „Можно догадаться можетъ ли Рейнскій народъ пить вино за такую цѣну и всѣ тяготы падаютъ опять таки на винодаря, такъ какъ если потребители не покупаютъ, то онъ не можетъ продавать.

Среди мелкихъ земледѣльцевъ онъ наиболѣе достоинъ сожалѣнія; по свидѣтельству Артура Юнга, виноградарь и бѣднякъ были въ то время равносильныя выраженія. Часто у него нѣтъ урожая, „а всякій шальной урожай можетъ разорить человѣка, неимѣющаго капитала". Въ Бургундіи, Берри, Суассонѣ, въ Труа Зевеше, въ Шампани, я вижу, что согласно всѣмъ донесеніямъ у него нѣтъ хлѣба и онъ принужденъ нищенствовать. Въ Шампани, синдики, Баръ-сюръ, Абъ, пишутъ, что много разъ жители Ферте, во избѣжаніе податей выливали свои вина въ рѣку, а провинціальное собраніе разъясняетъ, что „въ большей части провинціи, малѣйшее увеличеніе пошлины, заставитъ всѣхъ земледѣльцевъ покинуть землю". Такова исторія вина при старомъ порядкѣ. Начиная отъ производителя—виноградаря и кончая продавцомъ — кабатчикомъ, сколько притѣсненныхъ людей и сколько вымогательствъ! Что же касается пошлины на сало, то по приказанію генеральнаго контролера, она приводитъ ежегодно къ 4.000 домашнихъ арестовъ, 3.400 заключеній въ тюрьмѣ, 500 приговорамъ къ кнуту, къ ссылкамъ и каторжнымъ работамъ. Если когда нибудь были 2 налога хорошо разсчитанные, не только для разоренія, но и для раздраженія крестьянина, бѣдняковъ и народа, то конечно это были эти два.

VI.

Совершенно очевидно, что тяжесть налоговъ является главной причиной нужды; отсюда идетъ накопившаяся глубокая ненависть

къ казнѣ и ея агентамъ, сборщикамъ, провіантскимъ чиновникамъ, сборщикамъ налоговъ, акцизнымъ таможеннымъ чиновникамъ. Но почему налогъ сталъ тяжелъ? Въ отвѣтѣ не можетъ быть сомнѣнія, такъ какъ многія общины ведутъ ежегодно тяжбы противъ такихъ то лицъ и совершенно открыто пишутъ объ этомъ въ своихъ прошеніяхъ.

Что дѣлаетъ налоги столь тягостными, это, что наиболѣе сильные и способные ихъ нести нашли способъ отъ нихъ избавиться, а главной причиной нужды является громадное количество изъятій.

Прослѣдимъ ихъ отъ налога къ налогу. Во первыхъ дворяне и духовенство освобождены не только отъ личной подати, но, какъ уже было сказано, они освобождены и отъ промысловаго налога на владѣнія, которыя они или сами обрабатываютъ или же при посредствѣ своихъ управляющихъ. Въ Оверни, въ одномъ Клермонтскомъ округѣ, насчитываютъ 50 приходовъ, гдѣ, благодаря такому устройству всѣ земли привиллегированныхъ освобождены отъ налоговъ, и такимъ образомъ вся тяжесть ихъ падаетъ на обложенныхъ. Еще лучше, привиллегированные могутъ заявить, что ихъ арендаторы ничто иное, какъ управляющіе: этотъ случай имѣетъ мѣсто въ Пуату въ нѣсколькихъ приходахъ; мѣстные чиновники не рѣшаются приглядываться тамъ слишкомъ близко. Такимъ образомъ привиллегированный освобождаетъ отъ налога себя и свое имущество, считая въ томъ числѣ, принадлежащія ему фермы. Между тѣмъ налогъ постоянно увеличивается, благодаря росту числа спеціальныхъ налоговъ, обслуживающихъ столько новыхъ предпріятій. Стоитъ пробѣжать исторію этого періодическаго увеличенія, чтобы показать человѣку третьяго сословія, что онъ одинъ или почти одинъ платилъ и платитъ на постройку мостовъ, шоссе, каналовъ и зданій для суда, на уплату долговъ, на постройку и поддержку тюремъ, на убѣжища для сумасшедшихъ, на древесные разсадники, почтовыя станціи, на школы фехтованія и верховой ѣзды, на мостовыя въ Парижѣ, на содержаніе генералъ-лейтенантовъ, намѣстниковъ и комендантовъ провинцій, на жалованье уѣзднымъ судьямъ, сенешаламъ и вице-судьямъ, на содержаніе финансовыхъ конторъ, на избирательныя конторы, на посланныхъ въ провинціи коммиссаровъ, на жалованье вѣдомству маршала, на конную стражу и не знаю сколько еще другихъ вещей. Въ государственныхъ земляхъ, гдѣ казалось бы налоги должны быть распредѣлены болѣе равномѣрно, замѣчается подобное же неравенство. Въ Бургундіи всѣ расходы на маршальскую часть, конскіе заводы и народныя празднества, всѣ суммы предназначенныя на курсы химіи, ботаники, анатоміи и акушерства, на поддержаніе искусствъ, на освобожденіе отъ податей почталіоновъ, на награды начальниковъ и подчиненныхъ управленія, на жалованье чиновникамъ и секретаріату министра, на расходы по сборамъ и даже на нищихъ почти 1.800.000 ливровъ израсходованы на общественную службу и все это ложится бременемъ на третье сословіе; два первыхъ сословія не платятъ за это ни одного су.

Во вторыхъ, что касается подушной подати, которая по роду своему должна была быть распредѣлена на 22 разряда, и должна

была лежать на всѣхъ, пропорціонально доходамъ, извѣстно, что съ самаго начала духовенство освободилось отъ нея посредствомъ выкупа; что же касается дворянства, то оно такъ ловко дѣйствовало, что его налоги уменьшились настолько, насколько увеличились таковые третьяго сословія. Какой нибудь графъ или маркизъ, интендантъ или рекетмейстеръ, имѣющіе 40.000 ливровъ дохода, которые по тарифу 1695 года, должны были бы платить отъ 1.700 до 2.500 ливровъ, платятъ только 400, а обыватель съ 6.000 дохода, который по тому же тарифу долженъ былъ платить только 70 ливровъ, платитъ 720. Такимъ образомъ подушная подать привиллегированныхъ уменьшилась на $^{3}/_{4}$ или на $^{5}/_{6}$, а подать непривиллегированныхъ удесятерилась.

Въ Иль-де-Франсѣ съ 240 ливровъ дохода, подушная подать беретъ съ плательщика 21 ливръ 8 су, съ дворянина 3 ливра, и самъ интендантъ говоритъ, что онъ облагаетъ дворянъ только на 807-ю часть ихъ дохода; Орлеанскій интендантъ облагаетъ ихъ только на $^{1}/_{120}$ часть; наоборотъ плательщикъ обложенъ на $^{1}/_{11}$ часть. Если къ дворянамъ присовокупить еще другихъ привиллегированныхъ судейскихъ чиновниковъ, служащихъ въ откупу, освобожденные города, то составится группа, которая вмѣститъ въ себя почти всѣхъ зажиточныхъ и богатыхъ людей, доходъ которыхъ, конечно, въ значительной мѣрѣ превышаетъ доходъ простыхъ плательщиковъ. Между тѣмъ мы знаемъ по смѣтамъ провинціальныхъ собраній, сколько въ каждой провинціи беретъ подушная подать съ обѣихъ группъ: въ Ліонѣ — съ плательщиковъ 898.000 ливровъ, съ привиллегированныхь—190.000; въ Иль-де-Франсѣ — съ оброчныхъ 2.689.000 ливровъ, съ привиллегированныхъ 232.000; въ генеральномъ штатѣ Алансонъ съ оброчныхъ 1.067.000 ливровъ, съ привиллегированныхъ — 122.000; въ Шампани съ оброчныхъ — 1.377.000 ливровъ, съ привиллегированныхъ 199.000; въ Высокой Гвіеннѣ — съ оброчныхъ 1.268.000 ливровъ, съ привиллегированныхъ 61.000; въ генеральномъ штатѣ Ошъ, съ оброчныхъ 797.000 ливровъ, съ привиллегированныхъ—21.000; въ Оверни, съ оброчныхъ, 1.753.000 ливровъ, съ привиллегированныхъ—86.000; короче, если подвести итогъ для 10 провинцій, то выйдетъ 11.636.000 ливровъ съ бѣдныхъ группъ и 1.450.000 ливровъ—съ богатыхъ группъ: такимъ образомъ эти послѣднія платятъ въ 8 разъ меньше, чѣмъ должны были бы платить.

Въ платежѣ двадцатыхъ частей непропорціональность меньше и кромѣ того мы не имѣемъ точныхъ цифръ; тѣмъ не менѣе можно сказать, что часть привиллегированныхъ приблизительно вдвое меньше, чѣмъ она должна бы была быть. „Въ 1772 году,—говоритъ де-Каланнъ, было признано, что двадцатыя части уплачивались непропорціонально доходу. Невѣрныя заявленія, вымышленные отчеты, слишкомъ благопріятныя отношенія почти ко всѣмъ богатымъ собственникамъ, привели къ неравенству и безконечнымъ неправильностямъ.

Провѣрка 4.902 приходовъ показала, что 2 двадцатыя дохода, исчислявшіяся въ 54 милліона, должны были бы подняться до 81 милліона.

Помѣщичье владѣніе, которое по доказанному доходу должно было бы платить 2.400 ливровъ, платитъ только 1.216. Еще хуже съ принцами крови; доказано, что ихъ владѣнія пользуются льготой и платятъ только 188.000 ливровъ, вмѣсто 2.400.000. При такомъ правленіи, которое притѣсняетъ слабыхъ, чтобы облегчить сильныхъ, чѣмъ больше человѣкъ въ состояніи платить подать, тѣмъ меньше онъ платитъ.

Такова исторія четвертаго и послѣдняго прямого налога, т. е. я хочу сказать подати, замѣстившей барщину. Присоединенная первоначально къ двадцатымъ частямъ, разложенная затѣмъ на всѣхъ собственниковъ, по постановленію Совѣта она вновь присоединяется къ налогу и раскладывается затѣмъ на наиболѣе обремененныхъ. Такимъ образомъ этотъ налогъ есть четвертая часть главнаго налога, прибавленная къ нему, и для примѣра можно привести Шалепань, гдѣ на 100 ливровъ дохода она отбираетъ у плательщиковъ 6 ливровъ 5 су. „Такимъ образомъ, говоритъ провинціальное собраніе, дороги, поврежденныя тяжестью дѣятельной торговли и усиленной ѣздой богачей, поправляются только на подать бѣдняковъ". По мѣрѣ того, какъ цифры проходятъ у насъ передъ глазами, невольно представляются воображенію двѣ фигуры изъ басни, лошадь и мулъ, оказавшіеся товарищами по путешествію: лошадь имѣетъ право скакать на одномъ мѣстѣ въ свое удовольствіе; вотъ почему ее освобождаютъ отъ тяжести, чтобы нагрузить другого, такъ что наконецъ вьючное животное изнемогаетъ подъ ношей.

Не только среди всѣхъ вообще лицъ подлежащихъ обложенію, привиллегированные освобождены отъ платежа въ ущербъ плательщикамъ, но и среди самыхъ плательщиковъ богатые облегчены въ ущербъ бѣднымъ, и такимъ образомъ большая часть этой ноши кончаетъ тѣмъ, что ложится бременемъ на самый бѣдный и работящій классъ, на мелкаго собственника, который обрабатываетъ свое собственное поле и на простого работника, у котораго нѣтъ ничего кромѣ орудья и рукъ, и вообще на сельскаго обывателя.

Прежде всего въ отношеніи налоговъ многіе города или пользуются льготами или освобождены. Отъ налоговъ и аксессуаровъ. Компьенъ при 1671 дворѣ платитъ только 8.000 франковъ, тогда какъ деревня въ окрестностяхъ Канли при 148 дворахъ, платитъ 4.475 франковъ. Версаль, Сенъ-Жерменъ, Бове, Етампъ, Понтуазъ, Сенъ Дени, Компьенъ, Фонтэнебло, обложенные всѣ вмѣстѣ на 169.000 ливровъ подушной подати, платятъ на $^2/_3$ меньше, чѣмъ слѣдуетъ и вносятъ поэтому 1 франкъ вмѣсто 3 франковъ, 10 су съ каждаго обывателя; въ Версали даже еще меньше, такъ какъ на 70.000 жителей приходится подушной подати только 51.600 франковъ. Вообще, во всѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о сборѣ подати, горожанину оказывается предпочтеніе сравнительно съ его приниженными деревенскими сосѣдями. Также „сельскихъ обывателей зависящихъ отъ города и включенныхъ въ списки, притѣсняютъ съ такой жестокостью, о которой трудно составить себѣ представленіе.. Городскіе долги постоянно сталкиваютъ на нихъ

тяжесть, отъ которой они ищутъ средства освободиться, и самый богатый городской обыватель платитъ меньше налоговъ, чѣмъ самый несчастный землепашецъ". Вотъ почему „страхъ налоговъ опустошаетъ деревни и сосредочиваетъ въ городахъ всѣ таланты и капиталы". Такое же неравенство было и внѣ городовъ. Ежегодно выборные и ихъ сборщики, облеченные полной властью, опредѣляли налогъ прихода и каждаго жителя отдѣльно. Въ ихъ невѣжественныхъ и пристрастныхъ рукахъ несправедливость руководила равномѣрностью, а частный интересъ, мѣстная ненависть, жажда мщенія, необходимость пощадить друга, родственника сосѣда, покровителя, начальника, могущественнаго человѣка или человѣка опаснаго. Интендантъ Мулена, прибывъ въ свой округъ находитъ, что „задолжавшіе люди ничего не платятъ и что несчастные слишкомъ обременены". Дижонскій интендантъ пишетъ, что „основанія раскладки до того произвольны, что дольше нельзя заставлять стонать населеніе провинцій". Въ Руенскомъ округѣ „нѣкоторые приходы платятъ болѣе 4-хъ су съ ливра, а нѣкоторые едва 1 су".—Въ теченіе трехъ лѣтъ, что я живу въ деревнѣ, пишетъ одна дама изъ той же мѣстности, я замѣчала, что большинство богатыхъ собственниковъ менѣе всего обременены; это тѣ которые призваны для разверстки, а народъ всегда обремененъ". „Я живу въ мѣстности, расположенной въ 10 лье отъ Парижа, писалъ д'Аржансонъ, гдѣ хотѣли ввести пропорціональный налогъ, но все была одна сплошная несправедливость; помѣщики одержали верхъ, чтобы облегчить своихъ арендаторовъ".—Кромѣ этихъ, которые благодаря покровительству облегчаютъ свои налоги, есть еще такіе, которые посредствомъ денегъ, совсѣмъ отъ нихъ освобождаются. Одинъ интендантъ, посѣтивъ намѣстничество Баръ-на-Сенѣ, замѣчаетъ, что „богатые земледѣльцы добиваются назначенія себѣ маленькихъ повинностей отъ короля и пользуются соединенными съ ними привиллегіями, благодаря чему вся тяжесть налоговъ падаетъ на другихъ".—„Одной изъ главныхъ причинъ нашихъ невѣроятно обременительныхъ податей,—говоритъ Оверпское провинціальное собраніе, является неимовѣрное количество привиллегированныхъ, которое увеличивается съ каждымъ днемъ, благодаря торгу и отдачи въ аренду должностей, есть такія должности, которыя меньше чѣмъ въ двадцать лѣтъ облагородили 6 семействъ". Если подобныя злоупотребленія будутъ продолжаться, „то кончится тѣмъ, что въ теченіе одного вѣка, всѣ оброчные, наиболѣе способные сносить тяжесть налоговъ, станутъ дворянами". Отмѣтьте тѣмъ болѣе, что безконечное число мѣстъ и должностей, не сопряженныхъ съ пожалованьемъ дворянства, освобождаютъ исправляющихъ эти должности отъ личной подати и сводятъ подушную къ $1/_{40}$ части ихъ дохода: во-первыхъ всѣ общественныя, административныя или судебныя должности, затѣмъ всѣ должности по сбору соляной пошлины, по вывозу товаровъ, въ коронныхъ имѣніяхъ, на почтѣ, по сбору податей и акциза. „Мало есть приходовъ, пишетъ одинъ интендантъ, гдѣ нѣтъ такихъ должностныхъ лицъ, а въ нѣкоторыхъ можно найти по 2 и по 3". Начальникъ почти освобожденъ отъ налоговъ на всѣ свои имѣнія и имущество и даже на фермы,

размѣромъ до 100 десятинъ. Ангулемскіе нотаріусы освобождены отъ барщины, отъ сборовъ, отъ помѣщенія у себя войскъ, и ни ихъ сыновья, ни первые клерки не идутъ въ ополченіе. Если вблизи разсматривать большую сѣть улавливающую плательщика, то на каждомъ шагу можно открыть петли, черезъ которыя съ небольшимъ стараніемъ и усиліемъ могутъ проскакивать всѣ рыбы большого или средняго размѣра; только мелкая рыба остается на днѣ верши. Хирургъ, если онъ въ то же время не аптекарь, сорока пятилѣтній сынъ, купецъ, но живущій у своего отца, ускользаютъ отъ сбора податей. Та же льгота существуетъ для церковныхъ сборщиковъ Мерси и Етруатъ Обсервансъ. На всемъ Востокѣ и Югѣ частныя, зажиточныя лица покупаютъ себѣ эти права сборщиковъ приблизительно за 1 луидоръ или 10 экю и положивъ въ чашу 3 ливра, они пускаютъ ее по какому-нибудь приходу: десять жителей маленькаго города въ горахъ, 5 жителей единственной деревни въ Треньякѣ получили такимъ способомъ освобожденіе отъ налоговъ. Поэтому „сборъ податей падаетъ опять-таки на бѣдныхъ всегда безсильныхъ и часто несостоятельныхъ“, и всѣ эти привиллегіи, которыя разоряютъ плательщика, вызываютъ вмѣстѣ съ тѣмъ дефицитъ въ казнѣ.

VII.

Еще нѣсколько словъ, чтобы закончить картину. Въ города спасаются и, дѣйствительно, сравнительно съ деревней города представляютъ изъ себя убѣжище. Но нужда и тамъ преслѣдуетъ бѣдняковъ, потому что съ одной стороны они обременены долгами, а съ другой шайка, которая ими управляетъ возлагаетъ налоги на неимущихъ. Угнетенные казной притѣсняютъ народъ и сваливаютъ на него тяжесть, возлагаемую на нихъ королемъ. Семь разъ за 80 лѣтъ онъ у нихъ отнималъ и снова продавалъ имъ право назначать своихъ общественныхъ чиновниковъ и они, чтобы уплатить „эту громадную сумму, удвоили свои сборы. Теперь, хоть они и освобождены, они продолжаютъ платить; ежегодный налогъ сдѣлался постояннымъ; никогда казна не выпуститъ добычи; пососавши разъ—она сосетъ всегда. „Вотъ почему въ Бретани, говоритъ одинъ интендантъ, нѣтъ ни одного города, гдѣ расходъ не превышалъ бы доходовъ“. Они не могутъ поправить свои мостовыя, они не могутъ починить дорогъ, подъѣздъ къ нимъ почти невозможенъ“. Какъ имъ поступать, чтобы поддерживать свое существованіе, если они вынуждены платить послѣ того, какъ уже платили? Акцизъ увеличенный въ 1748 году долженъ былъ доставить втеченіе 11 лѣтъ условленные 606.000 ливровъ; но 11 лѣтъ прошло, казнѣ уплачено, но она такъ хорошо продолжала поддерживать свою требовательность, что уже въ 1774 году они внесли 2.071.052 ливра и что временный акцизъ сдѣлался постояннымъ.— Кромѣ того акцизъ этотъ установленъ на самые необходимые въ жизни предметы и такимъ образомъ ремесленникъ является болѣе обремененнымъ, чѣмъ буржуа. Въ Парижѣ, какъ мы уже видѣли взимаютъ за ввозъ одного мюйда вина 47 ливровъ; вообще денеж-

ныя обложенія вдвое больше, чѣмъ теперь. „За тюрбо, пойманнаго на берегу Гарфнера и присланнаго по почтѣ, плата за ввозъ въ 11 разъ больше его стоимости; слѣдовательно населеніе столицы вынуждено не ѣсть морскую рыбу“. Въ окрестностяхъ Парижа, въ маленькомъ приходѣ Обервиллiеръ нахожу „громадныя пошлины на сѣно, солому, зерно, сало, сальныя свѣчи, яйца, сахаръ, рыбу, хворостъ и дрова“. Компіена платитъ всѣ свои пошлины, облагая напитки и скотъ. Въ Тулѣ и Вердунѣ налоги настолько тяжелы, что тамъ остаются только тѣ, которыхъ удерживаютъ ихъ обязанности или же соглашающіеся остаться тамъ по старой привычкѣ“. Въ Куломиліерѣ „купцы и народъ до такой степени обременены налогами, что они лишены возможности проявлять свою предпріимчивость“.—Народная ненависть къ акцизнымъ, таможеннымъ и податнымъ вездѣ глубока. Буржуазная олигархія повсюду заботится прежде о себѣ, чѣмъ о своихъ управляемыхъ. Въ Неверѣ и Мусинѣ, „всѣ богатые люди находятъ средство освободиться отъ сбора податей или временнымъ отправленіемъ разныхъ должностей или довѣріемъ, которымъ они пользуются у выборныхъ, благодаря чему сборщиковъ Невера этого и предыдущаго годовъ, можно было принять за настоящихъ нищихъ“. Въ Анжерѣ „независимо отъ обычныхъ подарковъ, поглощающихъ изъ годового дохода 2.127 ливровъ, общественныя суммы расходуются и употребляются еще на тайныя траты по произволамъ городскихъ чиновниковъ“. Въ Провансѣ, гдѣ общества облагаются свободно и должны казалось бы щадить бѣдныхъ „большинство городовъ, особенно Эксъ, Марсель и Тулонъ, уплачиваютъ свои налоги, мѣстные и общіе, исключительно изъ droit de piquet. Такъ называется, налогъ на всю муку, которая имѣется и которая потребляется на ихъ землѣ“, напримѣръ изъ 254.897 ливровъ, которые расходуетъ Тулонъ, 233.405, налога на муку. Такимъ образомъ весь налогъ падаетъ на народъ, а епископъ, маркизъ, президентъ, крупный промышленникъ, платятъ меньше за свой обѣдъ изъ тонкой рыбы и винноягодниковъ, чѣмъ конопатчикъ или носильщикъ за свои 2 фунта хлѣба натертые чеснокомъ! А, хлѣбъ въ этой безплодной мѣстности слишкомъ ужъ дорогъ! И онъ кромѣ того такъ плохъ, что морской интендантъ не употребляетъ его для своихъ служащихъ! — „Сиръ, говорилъ съ каѳедры г. де-ла-Фаръ, епископъ Нанси, 4-го мая 1789 года, сиръ, народъ, которымъ вы правите далъ недвусмысленныя доказательства своего терпѣнія... Это народъ — мученикъ, которому кажется, что жизнь оставлена ему только для того, чтобы заставить его дольше страдать“.

VIII.

„Я несчастливъ, потому что съ меня слишкомъ много берутъ. Съ меня берутъ слишкомъ много потому, что не достаточно берутъ съ привиллегированныхъ. Привиллегированные не только заставляютъ меня платить вмѣсто нихъ, но еще берутъ съ меня церковныя и феодальныя пошлины. Если съ своего дохода въ 100 франковъ я уже отдалъ 53 и даже больше сборщику податей,

нужно еще, чтобы я далъ больше 14 франковъ на государя и больше 44 на десятину *), а на 18 или 19 франковъ, которые мнѣ остаются я долженъ еще удовлетворить погребную соляную крысу. Я одинъ, бѣдный человѣкъ, долженъ оплачивать два правительства: одно прежнее, мѣстное, которое теперь не существуетъ, безполезно, неудобно, унизительно и которое обнаруживается только своими стѣсненіями, несправедливостями и обложеніями; другое—новое, центральное, вездѣсущее, которое возлагая на себя всѣ обязанности имѣетъ громадныя требованія и опять таки ложится всей своей огромной тяжестью на мои худыя плечи". Таковы, въ точныхъ словахъ, смутныя мысли, которыя начинаютъ бродить въ народныхъ головахъ, и ихъ же находятъ на каждой страницѣ записокъ Генеральныхъ Штатовъ.

„Дай Богъ, говоритъ одна деревня въ Нормандіи, чтобы монархъ взялъ въ свои руки защиту несчастнаго обывателя мучимаго и терзаемаго чиновниками, помѣщиками, правосудіемъ и духовенствомъ".—„Сиръ, пишетъ одна деревня въ Шампани, все что намъ присылалось отъ вашего имени, было всегда требованіе денегъ. Насъ обнадеживали, что это прекратится, но съ каждымъ годомъ это требованіе увеличивалось. Мы ропщемъ не на васъ, такъ какъ мы васъ слишкомъ любимъ, но на тѣхъ, которые у васъ служатъ и которые гораздо лучше соблюдаютъ свои интересы, чѣмъ ваши. Мы увѣрены, что они васъ обманываютъ и мы съ горемъ говоримъ себѣ: О если бы нашъ добрый король это зналъ!... Мы обременены разнаго рода налогами; до сихъ поръ мы отдавали вамъ часть нашего хлѣба, но если это будетъ продолжаться, то и у насъ его не будетъ совсѣмъ. Если бы вы увидѣли бѣдныя избушки, въ которыхъ мы живемъ, несчастную пищу, которую мы принимаемъ, то вы были бы тронуты; это, лучше чѣмъ наши слова, объяснило бы вамъ, что мы больше не въ силахъ и что нужно насъ облегчить... Что намъ досаднѣе всего, такъ это то, что имѣющіе больше имущества, платятъ меньше. Мы платимъ подати и всю массу налоговъ, а духовенство и дворяне, имѣющіе лучшія имѣнія, ничего этого не платятъ. Почему же это происходитъ, что богатые платятъ меньше, а бѣдные больше? Развѣ не долженъ каждый платить соотвѣтственно возможности? Сиръ, мы просимъ васъ, чтобы это было такъ, такъ какъ это будетъ справедливо...

„Если бы мы смѣли, то мы предприняли бы посадку виноградниковъ на холмахъ; но мы до того притѣснены податными чиновниками, что мы скорѣе склонны вырвать тѣ, которые уже поса-

---

*) Удѣльныя пошлины можно считать седьмою частью чистаго дохода, также какъ и десятину. Эта цифра, которую даетъ провинціальное собраніе Высокой Гвіенны (Procés verbaux 47). Въ другихъ провинціяхъ много отдѣльныхъ примѣровъ даютъ почти такія же цифры.—Десятина колеблется между 10-ой и 30-ой частью валового дохода и обыкновенно приближается больше къ десятой, чѣмъ къ тридцатой. Среднее будетъ по моему мнѣнію четырнадцатая часть, но такъ какъ половину валового дохода надо отнести на расходы по производству, десятина будетъ равняться $^1/_7$. Летроснъ говоритъ, что $^1/_5$ и даже $^1/_4$.

жены; все вино, которое мы вырабатывали бы, было бы для нихъ, а намъ остался бы только трудъ. Весь этотъ незаконный налогъ по истинѣ бичъ, и чтобы избавиться отъ него мы предпочитаемъ оставлять земли въ запустѣніи... Освободите насъ сначала отъ обиралъ и соляныхъ приставовъ; мы страшно страдаемъ отъ всѣхъ этихъ выдумокъ; теперь какъ разъ время смѣнить ихъ; если только они останутся, то мы никогда не будемъ счастливы. Мы этого просимъ у васъ, сиръ, со всѣми остальными вашими подданными, которые также устали, какъ и мы... Мы бы попросили васъ еще о многомъ другомъ, но вы не можете сдѣлать все сразу". — Налоги и привиллегіи, вотъ, по подлиннымъ народнымъ наказамъ, два врага, противъ которыхъ никогда не умолкнутъ жалобы. „Мы разорены требованіями налоговъ... мы обложены свыше нашихъ силъ!.. Мы не чувствуемъ себя въ силѣ переносить это дольше... мы гибнемъ приведенные въ уныніе жертвами, которыя отъ насъ требуютъ... Работа обложена податью, а праздная жизнь отъ нея освобождена... Самое гибельное злоупотребленіе причиняетъ феодальная система, и зло которое она причиняетъ, намного превышаютъ молнію и градъ... Невозможно существовать, если будутъ продолжать отбирать три четверти жатвы въ качествѣ подушной подати, хлѣбной подати помѣщику и т. д. Собственникъ получаетъ четвертую часть, десятникъ беретъ себѣ двадцатую, налогъ—десятую, если не считать еще опустошеній, производимыхъ безконечнымъ множествомъ дичи, которае пожираетъ поля въ зеленомъ видѣ: такимъ образомъ несчастному землепашцу не остается ничего кромѣ работы и горя". Почему только низшій классъ платитъ за дороги, по которымъ духовенство и дворяне катаются въ коляскахъ? Почему только эти несчастные люди принуждены отбывать воинскую повинность? Почему „сборщикъ выбираетъ только беззащитныхъ и неимѣющихъ покровительства"? Почему достаточно быть слугою привиллегированнаго, чтобы избѣжать службы?— Разрушьте эти голубятники, которые, теперь заключаютъ въ себѣ иногда до 5.000 паръ голубей. Уничтожьте варварскія феодальныя права, подъ которыми до сихъ поръ болѣе пятисотъ тысячъ людей стонетъ въ Нижней Бретани. — „Въ своихъ войскахъ, сиръ, вы имѣете болѣе 30 тысячъ рабовъ по меньшей мѣрѣ"; если кто-нибудь изъ нихъ будетъ произведенъ въ офицеры и получивъ пенсію покинетъ службу, онъ долженъ вернуться жить въ хижину, въ которой родился; когда онъ умретъ, помѣщикъ возьметъ его имущество. Не должно быть ни отсутствующихъ прелатовъ, ни аббатовъ пользующихся командировками. „Вовсе не мы должны покрывать существующій дефицитъ, а епископы и духовныя лица вообще; отнимите у кардиналовъ двѣ трети ихъ дохода".—„Пусть феодализмъ будетъ уничтоженъ. Человѣкъ, и въ особенности крестьянинъ, безсердечно прикрѣпленъ къ несчастной землѣ, гдѣ онъ изнуренный чахнетъ... Нѣтъ ни свободы, ни благоденствія, ни счастья тамъ, гдѣ земля является рабомъ... Нужно уничтожить пошлины съ продажи помѣстья, обиранье чрезмѣрными податями, оброки тысячу разъ уплаченные привиллегированнымъ. Пусть феодализмъ ограничивается своимъ желѣзнымъ скипетромъ, а не

присоединяетъ къ нему еще кинжалъ откупщика". Здѣсь и уже впродоженіе нѣкотораго времени это говоритъ уже не сельскій обыватель; это уже прокуроръ и адвокатъ, прилагающіе ему свои метафоры и теоріи. Но адвокатъ только и сдѣлалъ, что перевелъ на литературный языкъ чувства сельскаго обывателя.

ГЛАВА III.

I. Состояніе народныхъ умовъ.—Неспособность мыслить.—Какимъ образомъ идеи переходятъ въ легенды.—II. Политическая неспособность.—Какъ перетолковываются политическія новеллы и акты правительства.—III. Разрушительныя побужденія. — На что направлена слѣпая ярость. — Недовѣріе къ властямъ.—Недовѣріе переходитъ въ ненависть къ нимъ. — Положеніе народа въ 1789 году.—IV. Рекруты—главари мятежа.—Браконьеры.—Контрабандисты и тайное солевареніе.—Разбойники.—Нищіе и бродяги.—Появленіе разбойниковъ. Парижскій народъ.

I.

Теперь, чтобъ понять ихъ дѣйствія, нужно разсмотрѣть состояніе ихъ умственныхъ способностей, ихъ текущія мысли и ихъ манеру мыслить. Но, на самомъ дѣлѣ, нужно ли описывать ихъ портретъ, и не достаточно ли будетъ тѣхъ подробностей о ихъ состояніи, которыя были отмѣчены? Ихъ узнаютъ позже, по ихъ собственнымъ дѣйствіямъ, когда въ Туреннѣ, они ударомъ деревяннаго башмака убьютъ мэра и помощника собственнаго избранія, за то, что эти два несчастные человѣка, изъ повиновенія національному собранію, составили списокъ налоговъ или когда въ Труа, они повлекутъ и разорвутъ на улицахъ почтеннаго судью, который ихъ въ это время кормилъ и составилъ въ ихъ пользу завѣщаніе.—Возьмите грубый мозгъ нашего современнаго крестьянина, и выбросьте изъ него всѣ идеи, которыя втеченіе восьмидесяти лѣтъ накоплялись въ немъ при посредствѣ стольких путей, какъ начальная школа, учрежденная въ каждой деревнѣ, возвращеніе рекрутовъ послѣ семилѣтней службы, страшное размноженіе книгъ, журналовъ, дорогъ, желѣзныхъ дорогъ, путешествій и разнаго рода сношеній *).

Попробуйте представить себѣ тогдашняго крестьянина запертаго и отгороженнаго, начиная съ отца и кончая сыномъ, въ своей деревушкѣ, безъ проселочныхъ дорогъ, безъ новостей, безъ другихъ наставленій кромѣ воскресной проповѣди, поглощеннаго заботой о насущномъ хлѣбѣ и о налогахъ „съ его несчастнымъ и изнуреннымъ видомъ", не рѣшающагося поправить своего дома, вѣчно измученнаго, недовѣрчиваго, съ умомъ узкимъ и такъ ска-

---

*) Герцогъ де-Монтоже. Въ Тулузенѣ изъ 50 приходовъ, 10 имѣютъ школы. — Въ Гасконіи, — говоритъ ошское провинціальное собраніе (24) „большинство деревень не имѣютъ школьныхъ учителей, ни священническихъ домовъ".—Въ 1778 году Парижская почта приходила въ Тулузу только 3 раза въ недѣлю". Тулузская—въ Альби, Родезъ и т. д. 2 раза въ недѣлю, въ Бомонтъ, Сенъ-Жиронъ и т. д. 1 разъ. „Въ деревнѣ,—говоритъ авторъ,—живешь такъ сказать въ уединеніи, въ изгнаніи". Въ 1789 году Парижская почта приходитъ въ Безансонъ только 3 раза въ недѣлю.

зать, заскорузлымъ отъ нужды. Его положеніе почти сходно съ положеніемъ его быка и осла, а мысли его соотвѣтствуютъ его положенію. Въ теченіе долгого времени онъ оставался притупленнымъ; у него нѣтъ даже инстинкта; „машинально и даже не поднимая глазъ онъ ведетъ свой наслѣдственный плугъ. Въ 1751 году д'Аржансонъ писалъ въ своемъ дневникѣ: „Теперь ихъ ничто не трогаетъ изъ придворныхъ новостей; они не имѣютъ понятія о государственныхъ дѣлахъ... Разстояніе между столицей и провинціей увеличивается съ каждымъ днемъ... Здѣсь совершенно не знаютъ самыхъ замѣчательныхъ происшествій, которыя насъ въ Парижѣ болѣе всего поразили... Жители деревни представляютъ изъ себя ничто иное какъ бѣдныхъ рабовъ, вьючныхъ животныхъ, прикрѣпленныхъ къ ярму, которыя идутъ, потому что ихъ бьютъ кнутомъ, которыя ни о чемъ не заботятся и ничего не предпринимаютъ, разъ они ѣдятъ и спятъ въ свое время". Они не жалуются „они даже и не думаютъ жаловаться"; ихъ страданія кажутся имъ чѣмъ-то естественнымъ, какъ напримѣръ зима или градъ. Ихъ мысли, какъ и земледѣліе имѣютъ еще средневѣковый характеръ. Въ Тулузенѣ, чтобы открыть вора или вылѣчить человѣка, или больное животное, прибѣгаютъ къ знахарю, который гадаетъ при посредствѣ рѣшета. Деревенскій житель всѣмъ сердцемъ вѣруетъ въ мертвецовъ и въ ночь всѣхъ Святыхъ онъ ставитъ приборъ для покойниковъ. Въ Оверни, въ началѣ революціи, открылась заразительная лихорадка, и было рѣшено, что причиной ея являлся де-Монлозье, признанный колдуномъ, и вотъ 200 человѣкъ отправились разрушать его домъ. На такомъ же уровнѣ находится ихъ религія: „Священники ихъ пьютъ вмѣстѣ съ ними и продаютъ имъ отпущеніе грѣховъ. Каждое воскресенье во время проповѣдей они предлагаютъ купить покровительство какого-нибудь святого: столько-то стоитъ чинъ лейтенанта при св. Петрѣ!—А если крестьянинъ жалѣетъ денегъ, то въ честь св. Петра произносится хвалебное слово, чтобы побудить его къ покупкѣ". Для его первобытныхъ мозговъ, незнающихъ идей, но полныхъ образовъ, нужны на землѣ идолы какъ и на небѣ. „Я нисколько не сомнѣвался,—говоритъ Ретифъ де-ла-Бретонъ,—что король можетъ законнымъ путемъ обязать каждаго человѣка, отдать мнѣ свою жену или дочь, и вся моя деревня (Саси въ Бургонѣ) думала также какъ и я". Въ подобныхъ головахъ нѣтъ мѣста для отвлеченныхъ мыслей, для познанія общественнаго строя; они его терпятъ и больше ничего. „Народная масса, пишетъ губернаторъ Моррисъ въ 1789 году, имѣетъ вмѣсто религіи только своихъ священниковъ, вмѣсто закона—начальство и вмѣсто нравственности только личную выгоду; вотъ созданія, ведомыя теперь пьяными священниками по широкой дорогѣ свободы; и первое употребленіе, которое они изъ нея дѣлаютъ это возмущенія со всѣхъ сторонъ, потому что они голодны".

Да и какъ же могло быть иначе? Прежде чѣмъ пустить корни въ ихъ мозгу, всякая идея должна превратиться въ легенду, столь же безсмысленную, какъ и простую, приноровленную къ ихъ опыту, способностямъ, къ ихъ страху и надеждамъ. Разъ попавъ

на такую необработанную и плодоносную почву, идея эта прозябаетъ, преобразовывается, превращается въ дикій наростъ, въ темную листву, въ ядовитые плоды. Чѣмъ она чудовищнѣе, тѣмъ она живучѣе, опирается на самую слабую вѣроятность, и успѣшно сопротивляется наиболѣе вѣскимъ доказательствамъ. Во времена Людовика XV, когда арестовали бродягъ, то по заблужденію или по ошибкѣ захватили нѣсколькихъ дѣтей, и вотъ пронесся слухъ, что король беретъ кровавыя ванны, чтобы возстановить свои упавшія силы и это казалось настолько достовѣрнымъ, что женщины, подстрекаемыя материнскимъ инстинктомъ, присоединились къ мятежу: былъ схваченъ одинъ полицейскій унтеръ-офицеръ, немилосердно избитъ, и когда онъ попросилъ духовника, то женщина изъ народа схватила булыжникъ, и закричавъ, что ему не слѣдуетъ давать времени, чтобы уйти въ рай, разбила ему голову, увѣренная, что она поступаетъ справедливо.—Во времена Людовика XVI народу было доказано, что голодъ вызванъ искусственно: въ 1789 году одинъ офицеръ, слушая разговоры своихъ солдатъ, слышитъ какъ они повторяютъ „съ глубокимъ убѣжденіемъ, что принцы и придворные приказываютъ бросать муку въ Сену, съ цѣлью заставить голодать Парижъ". Послѣ этого офицеръ обратился къ вахмистру и спросилъ его, какъ можетъ онъ вѣрить подобнымъ глупостямъ. „Это истинная правда, лейтенантъ, отвѣчалъ тотъ: въ доказательство можно привести то, что мѣшки съ мукой были перевязаны синими веревками". Этотъ аргументъ казался имъ неоспоримымъ; ничто не могло бы заставить ихъ отступиться.—Такимъ образомъ въ низшихъ слояхъ общества сплетался скверный и ужасный романъ, объ условіяхъ голода, о Бастиліи, о расходахъ и удовольствіяхъ двора, гдѣ Людовикъ XVI, королева Марія-Антуанетта, графъ д'Артуа, г-жа де-Ламбаль, Полиньякъ, откупщики, помѣщики, важныя дамы, представляются въ видѣ вампировъ и вѣдьмъ. Я видѣлъ нѣсколько варіантовъ въ современныхъ брошюрахъ, тайныхъ гравюрахъ, въ народныхъ картинкахъ и раскрашенныхъ изображеніяхъ, и эти наиболѣе дѣйствительны такъ какъ они говорятъ глазамъ. Это сильнѣе исторіи Манорена или Картуша, и какъ разъ подходитъ къ людямъ, у которыхъ чтеніе сосредоточено на похожденіяхъ Картуша и Манорена.

II.

Отсюда вы можете судить о ихъ политическомъ развитіи. Всѣ вещи представляются имъ въ невѣрномъ свѣтѣ; это дѣти, которыя на каждомъ поворотѣ дороги, въ деревѣ или кустѣ видятъ ужасное привидѣніе. Когда Артуръ Юнгъ посѣтилъ источники въ окрестностяхъ Клермона, то его арестовали, и хотѣли посадить въ тюрьму женщину, которая служила ему проводникомъ; многіе были того мнѣнія, что „онъ былъ посланъ королевой, чтобы минировать городъ и его взорвать, а всѣхъ жителей, которые убѣгутъ отправить на каторгу". Черезъ 6 дней послѣ этого, по ту сторону Пюи, несмотря на его паспортъ, городская стража пришла къ нему въ 11 часовъ вечера съ цѣлью арестовать его въ по-

тели; ему объявляютъ, „что онъ конечно принадлежитъ къ заговору, составленному королевой, графомъ д'Артуа и графомъ д'Антрагъ, крупнымъ собственникомъ той страны; что они послали его какъ землемѣра, чтобы измѣрить поля, съ цѣлью удвоить налогъ".—Здѣсь мы на мѣстѣ схватываемъ невольную и грозную работу народнаго воображенія: по одному признаку, по одному слову оно строитъ свои воздушные замки или фантастическія тюрьмы, и мечты кажутся ему столь же основательными, какъ и дѣйствительность. У нихъ нѣтъ внутренняго инструмента, который раздѣлялъ бы и распознавалъ бы вещи; они думаютъ оптомъ; дѣйствительность и мечта, кажутся имъ вмѣстѣ и соединенными въ одно цѣлое. Во время выбора депутатовъ въ Провансѣ пронесся слухъ, что „лучшій изъ королей желаетъ, чтобы все было одинаково, чтобы не было болѣе ни епископовъ, ни помѣщиковъ, ни десятины, ни сеньоральныхъ правъ, чтобы не было болѣе ни титуловъ, ни различій, ни правъ охоты и рыбной ловли; ...что народъ будетъ освобожденъ отъ всякихъ налоговъ, что только 2 первыхъ сословія будутъ нести всѣ государственныя тяготы". Вмѣстѣ съ тѣмъ 40 или 50 мятежей вспыхиваютъ почти въ тотъ же день. „Нѣсколько обществъ отказываетъ платить своимъ казначеямъ что нибудь сверхъ королевскихъ налоговъ". Другія дѣлаютъ еще лучше: „Когда въ Бриньолѣ расхищали кассу сборщика пошлинъ на кожи, то дѣлали это съ крикомъ „Да здравствуетъ король!"— „Крестьяне все время говорятъ, что грабежи и разрушенія, которые они учиняютъ, соотвѣтствуютъ желанію короля".—Немного позднѣе, въ Оверни, крестьяне, сжигающіе замки, выказываютъ „большое отвращеніе", къ подобному плохому обращенію „съ такими хорошими господами"; но они ссылаются на то, что „приказъ непреклоненъ и они имѣютъ увѣдомленіе, что Его Величество такъ хочетъ".—Въ Ліонѣ когда городскіе кабатчики и окрестные крестьяне проходили мимо таможни, они были глубоко убѣждены, что король пріостановилъ на 3 дня входныя пошлины.—Насколько велико ихъ воображеніе, настолько они близоруки. „Хлѣба, долой земельную подать и налоги", вотъ единственный крикъ, крикъ нужды причемъ увеличившаяся нужда бросается впередъ, какъ взбѣсившееся животное. Долой скупщиковъ! Магазины разбиты, конвой хлѣба арестованъ, рынки разграблены, булочники повѣшены, хлѣбъ оцѣненъ такъ низко, что онъ или совсѣмъ не привозится или его прячутъ. Долой акцизъ! И вотъ таможенныя заставы сломаны, чиновники убиты, у городовъ нѣтъ денегъ на самые необходимые расходы. Въ огонь всѣ списки налоговъ, счетныя книги, думскіе архивы, помѣщичьи архивы, монастырскіе пергаменты, всѣ подлыя бумаги, которыя создаютъ повсюду должниковъ и угнетенныхъ! И сама деревня не знаетъ больше, какъ разверстать свои пастбища и луга.—Противъ скверныхъ бумагъ, противъ публичныхъ агентовъ, противъ людей близко или даже изъ далека касающихся хлѣба, остервенѣніе слѣпо и глухо. Разъ звѣрь выпущенъ, то онъ сокрушаетъ все на своемъ пути, раня самого себя, и съ упорнымъ рычаніемъ бросается на препятствіе, которое надо преодолѣть.

III.

Все это происходитъ отъ того, что у нихъ нѣтъ руководителей и благодаря отсутствію организаціи большинство изъ нихъ представляетъ собою стадо. Противъ всѣхъ своихъ естественныхъ начальниковъ, противъ сановниковъ, богачей, людей служащихъ облеченныхъ властью, вражда у нихъ закоренѣлая и неизлѣчимая. Они свободно могутъ желать имъ добра и даже дѣлать имъ его, но тѣ отказываются вѣрить въ ихъ человѣколюбіе и въ ихъ безкорыстіе. Народная масса слишкомъ угнетена; она предубѣждена противъ всѣхъ мѣръ, исходящихъ отъ нихъ, даже самыхъ полезныхъ и либеральныхъ. „При одномъ упоминаніи о новомъ собраніи, говоритъ одна провинціальная коммиссія въ 1787 году, мы слышали какъ одинъ бѣдный землепашецъ воскликнулъ: о Боже! Еще новыя взятки!" Всѣ начальники имъ подозрительны, а отъ подозрѣнія до вражды недалеко. Въ 1788 году Мерсье говоритъ, что „уже нѣсколько лѣтъ, неповиновеніе въ народѣ очень замѣтно, и въ особенности среди ремесленниковъ... Когда то, когда я входилъ въ печатню служащіе снимали шапки. Теперь они довольствуются тѣмъ, что смотрятъ на васъ и насмѣхаются: только вы переступили порогъ, какъ вы уже слышите, что они говорятъ о васъ болѣе вольнымъ тономъ, чѣмъ если бы вы были ихъ товарищемъ".—Въ окрестностяхъ Парижа то же положеніе среди крестьянъ и г-жа Виже-Лебренъ, отправляясь въ Романвиль къ маршалу де-Сегюръ, дѣлаетъ слѣдующую замѣтку: „Они не только не снимаютъ болѣе передъ вами шапокъ, но еще смотрятъ на васъ съ нахальствомъ; нѣкоторые даже угрожали намъ своими толстыми палками". Въ концертѣ, который она давала послѣ этого въ мартѣ или апрѣлѣ мѣсяцѣ, гости ея собирались изумленные. „Утромъ во время прогулки на Лоншанъ, собравшаяся около заставы де Л'етуаль чернь, самымъ ужаснѣйшимъ образомъ оскорбляла всѣхъ лицъ, проѣзжавшихъ въ колясках; негодяи вскакивали на подножки и кричали: въ будущемъ году вы будете стоять на запяткахъ вашихъ экипажей, а мы въ нихъ будемъ сидѣть". Въ концѣ 1788 года ручей сдѣлался бурнымъ потокомъ, а потокъ превратился въ водопадъ.

Одинъ интендантъ пишетъ, что въ его провинціи правительство должно выбирать, и выбирать въ смыслѣ народномъ, отречься отъ привиллегированныхъ классовъ, уничтожить старые порядки, дать третьему сословію двойной голосъ. Духовенство и дворянство ненавидятъ, главенство ихъ представляется ярмомъ. „Въ прошломъ іюлѣ мѣсяцѣ, старые штаты были бы приняты съ восторгомъ, ихъ созваніе встрѣтило бы очень мало препятствій. Втеченіе пяти мѣсяцевъ умы прояснились, взаимныя выгоды были разсмотрѣны, и составились союзы. Васъ оставляли въ невѣдѣніи, что во всѣхъ слояхъ третьяго сословія броженіе достигло апогея, и что достаточно искры, чтобы разгорѣлся пожаръ... Если рѣшеніе короля будетъ въ пользу двухъ первыхъ сословій, то вспыхнетъ возстаніе во всѣхъ частяхъ провинцій, и 600.000 человѣкъ вооружатся и настанутъ всѣ ужасы Жакеріи". Но дѣло сдѣлано и предстоятъ

его результаты. Когда возмутившіяся массы смѣщаютъ своихъ естественныхъ руководителей, то нужно, чтобы онѣ взяли или переносили другихъ. Это то же, если бы армія, вступая въ кампанію перебила бы своихъ офицеровъ; новые чины устроены для самыхъ дерзкихъ, самыхъ сильныхъ, самыхъ угнетенныхъ, для тѣхъ, которые больше всего терпѣли отъ прежняго образа правленія, и теперь съ криками „впередъ“ идутъ во главѣ и составляютъ главныя шайки. Въ 1789 году толпы готовы, такъ какъ подъ народомъ, который страдаетъ есть другой народъ, страдающій еще больше, возмущеніе котораго постоянно, и который будучи притѣсненнымъ, преслѣдуемымъ и темнымъ, ждетъ только случая, чтобы выйти изъ потемокъ и порвавъ свои цѣпи выйти на свѣтъ.

IV.

Люди безъ сознанія, ослушники всѣхъ видовъ, дичь правосудія или полиціи, побирухи, нищіе, паршивые, шелудовые, истощенные и суровые, они являются порожденіемъ злоупотребленій, режима и на каждой соціальной ранѣ они размножаются, какъ черви.— Четыреста же охраненныхъ намѣстничествъ и безопасность неисчислимой дичи, объѣдающей урожаи на глазахъ у собственниковъ, къ браконьерству понуждаютъ тысячи людей тѣмъ болѣе опасныхъ, что они не боятся суровыхъ законовъ и вооружены. Уже въ 1752 году, можно увидѣть около Парижа „сборища по пятьдесятъ и шестьдесятъ человѣкъ въ полномъ вооруженіи, ведущихъ себя, какъ на предписанной фуражировкѣ, съ пѣхотой въ центрѣ и кавалеріей на крыльяхъ... Они селятся въ лѣсахъ, гдѣ устроили себѣ обнесенную окопами и укрѣпленную ограду, а за жизненные припасы они платятъ сколько слѣдуетъ“. Въ 1777 году около Санъ въ Бургундіи генералъ-прокуроръ Террай, охотясь съ двумя офицерами на своихъ земляхъ, встрѣтилъ 7 браконьеровъ, которые стрѣляли по дичи на ихъ глазахъ и послѣ этого стали стрѣлять въ нихъ самихъ: въ результатѣ Террай раненъ и у одного изъ офицеровъ пробито платье. Является объѣздъ, но браконьеры держатся крѣпко и отбрасываютъ его. Тогда вызываютъ драгунъ изъ Прованса,— браконьеры убиваютъ одного драгуна и двухъ лошадей, и тогда ихъ рубятъ саблями; четыре изъ нихъ остаются на мѣстѣ, а семеро схвачены.—По запискамъ Генеральныхъ Штатовъ видно, что каждый годъ, въ каждомъ большомъ лѣсу можно найти убитыхъ людей, смерть которымъ была причинена иногда ружьями браконьеровъ, иногда, и притомъ болѣе часто, ружьями сторожей. Это внутренняя война; такимъ образомъ всякая обширная область укрываетъ своихъ бунтовщиковъ, у которыхъ есть порохъ и пули, которыми они умѣютъ пользоваться.

Другихъ рекрутовъ мятежа поставляютъ контрабандисты и тайные солевары. Всякій непомѣрный налогъ ведетъ къ мошенничествамъ, и создаетъ войну въ народѣ между уклоняющимися отъ налога и его защитниками. Отсюда можно судить о количествѣ преступниковъ сообразно съ количествомъ надзирателей: 1.200 льё внутреннихъ таможенъ охраняются 50.000 людей, изъ которыхъ 23.000 солдатъ безъ формы.

„Въ мѣстностяхъ сильно обложенныхъ налогомъ и въ провинціяхъ пяти большихъ откуповъ, на четыре лье въ ширину и въ длину отъ линіи укрѣпленій“ обработка земли заброшена; всѣ состоятъ или таможенными чиновниками или контрабандистами. Чѣмъ больше налогъ, тѣмъ больше становится премія предложенная нарушителямъ закона, и по всей границѣ Бретани съ Нормандіей, Менонъ и Анжу четыре су на фунтъ, прибавленные къ соляной пошлинѣ увеличиваютъ, сверхъ всякаго ожиданія, безъ того громадное количество тайныхъ солеваровъ.

„Многочисленныя шайки людей вооруженныхъ ножами или длинными желѣзными палками, а иногда пистолетами и ружьями, пытаются силой открыть себѣ проходъ. Множество женщинъ и дѣтей самаго маленькаго возраста переходятъ черезъ цѣпь разбойниковъ, а съ другой стороны стаи приведенныхъ въ страну собакъ выпущенныхъ на свободу, послѣ того, какъ онѣ нѣкоторое время были заперты безъ всякой пищи, нагружены солью, которую онѣ, побуждаемыя голодомъ быстро доставляютъ своимъ хозяевамъ“. Къ этому доходному ремеслу бродяги, отчаявшіеся, голодающіе, сбѣгаются издалека цѣлыми стаями. „Вся Бретонская граница заселена переселенцами большей частью изгнанныхъ съ родины, которые послѣ года жительства пріобрѣтаютъ всѣ бретонскія привиллегіи: единственное ихъ занятіе заключается въ дѣланіи кучъ соли, которую они перепродаютъ тайнымъ солеварамъ“. При свѣтѣ молніи по ночамъ можно было бы увидѣть, длинную вереницу тревожныхъ преслѣдуемыхъ кочевниковъ, цѣлое населеніе самцовъ и самокъ дикихъ бродягъ, привыкшихъ къ побоямъ, закаленныхъ непогодой, оборванныхъ „почти всѣхъ пораженныхъ упорной чесоткой“, и я вижу много подобныхъ въ окрестностяхъ Морлъ, Лоріанъ и другихъ портовъ, а также на границахъ между другими провинціями и на границахъ королевства. Между 1783 и 1787 годами, въ Кверси, двѣ соединенныя шайки отъ 60—80 контрабандистовъ провозятъ около 40.000 фунтовъ табаку, убиваютъ двухъ таможенныхъ чиновниковъ и защищаютъ съ оружіемъ въ рукахъ свои склады въ горахъ; для того чтобы ихъ обуздать нужно солдатъ, которыхъ военный комендантъ не даетъ. Въ 1789 году большая шайка контрабандистовъ постоянно работаетъ на границѣ Мена и Анжу; военный комендантъ пишетъ, что „ихъ глава умный и грозный разбойникъ, что онъ имѣетъ уже 54 человѣка, и что скоро онъ будетъ имѣть отрядъ, опасный, благодаря отчаянію и нищетѣ“; было бы пожалуй кстати подкупить нѣкоторыхъ изъ его людей и заставить предать его, разъ его не могутъ взять. Таково положеніе вещей въ странѣ, гдѣ разбой сдѣлался всенароднымъ явленіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь какъ въ Калабріи народъ стоитъ за разбойниковъ и противъ жандармовъ. Вспоминаютъ дѣла Мандрена въ 1754 году, какъ онъ съ шайкой въ 150 человѣкъ, приноситъ тюки контрабанды и только грабитъ чиновниковъ, вспоминаютъ его 4 похода, продолжавшіеся 7 мѣсяцевъ черезъ Франшъ-Конте, Ліонъ, Бурбонне, Овернь и Бургундію, 25 городовъ, въ которые онъ безпрепятственно входитъ, освобождаетъ арестантовъ и продаетъ свои товары; чтобы его побѣдить пришлось разбить ла-

геръ передъ Валенсіей и послать 2.000 человѣкъ; его взяли; только благодаря измѣнѣ, и еще до сихъ поръ нѣкоторыя семейства той страны гордятся его родствомъ, говоря, что онъ былъ освободитель.—Нѣтъ болѣе тяжелаго признака, какъ когда народъ предпочитаетъ враговъ закона его защитникамъ, общество разлагается и въ него внѣдряются черви. Прибавимъ къ этому еще настоящихъ разбойниковъ, убійцъ и воровъ. „Въ 1782 превотальный судъ въ Монтаржи разбиралъ дѣло Гюлена и его 200 сообщниковъ, которые впродолженіе 10 лѣтъ посредствомъ организованныхъ предпріятій опустошали часть государства“ —Мерсіе насчитываетъ во Франціи „болѣе чѣмъ 10 тысячную армію разбойниковъ и бродягъ“, противъ которыхъ постоянно дѣйствуетъ объѣздъ въ 3.756 человѣкъ. „Каждый день жалуются, говоритъ провинціальное собраніе Высокой Гвіены, что въ деревняхъ нѣтъ совсѣмъ полиціи“. Отсутствующій помѣщикъ ни за чѣмъ не наблюдаетъ; судьи и чиновники ни въ какомъ случаѣ не предпримутъ чего нибудь даромъ, противъ несостоятельнаго преступника и такимъ образомъ „земли его превращаются въ убѣжище всѣхъ разбойниковъ страны“. Всякое злоупотребленіе порождаетъ опасность, распущенность точно также, какъ и страшная строгость, ослабленная феодализмомъ, какъ слишкомъ напряженная монархія. Всѣ учрежденія существуютъ кажется для того, чтобы увеличивать и сносить зачинщиковъ безпорядка, и чтобы воспитать, внѣ общественныхъ рамокъ, исполнителей, которые прійдутъ разбивать строй.

Но ихъ общія дѣйствія еще болѣе опасны; потому что, чѣмъ больше работниковъ они разоряютъ—тѣмъ больше будетъ нищихъ, которые не желаютъ работать, опасныхъ лѣнтяевъ, которые просьбами и вымогательствомъ добываютъ себѣ хлѣбъ у крестьянъ, которые и для самихъ себя имѣютъ его недостаточно. „Бродяги, говоритъ Летронъ, являются для деревни самымъ ужаснымъ бичемъ; это шайки враговъ, которые разсѣявшись по мѣстности живутъ въ волю и собираютъ настоящія подати... Они постоянно бродятъ по деревнямъ, изслѣдуютъ входы въ дома, разузнаютъ о лицахъ въ нихъ живущихъ и о состояніи хозяина.—Бѣда тому, о комъ извѣстно, что онъ имѣетъ немного денегъ!.. Сколько разбоевъ на большихъ дорогахъ и кражъ со взломомъ! Сколько убитыхъ путешественниковъ и разбитыхъ домовъ и взломанныхъ дверей! Сколько убійствъ священниковъ, землепашцевъ, вдовъ, которыхъ они мучили, чтобы узнать, гдѣ деньги и потомъ ихъ убивали!“

За 25 лѣтъ до революціи, нерѣдкость было, что 15—20 человѣкъ „вламывалось на ферму, чтобы тамъ расположиться спать, запугать фермера, и требовать отъ него все, что имъ нравилось“.—Въ 1764 году правительство приняло противъ нихъ мѣры, которыя свидѣтельствовали объ излишкѣ зла: „Бродягами и лицами безъ свидѣтельствъ признаются тѣ, которые втеченіе шести мѣсяцевъ, не займутся ни профессій ни ремесломъ, и которые, не имѣя ни имущества, ни состоянія для существованія, не смогутъ быть признаны и засвидѣтельствованы, лицами достойными довѣрія, какъ люди хорошей жизни и нравственности.

Приказъ Его Величества былъ не только о томъ, чтобы аресто-

вать бродягъ находящихся въ деревнѣ, но также всѣхъ нищихъ, которые не имѣя профессіи могутъ быть разсматриваемы, какъ подозрѣваемые въ бродяжничествѣ". Для здоровыхъ 3 года каторжныхъ работъ: въ случаѣ рецидива—9 лѣтъ; въ случаѣ вторичнаго рецидива безсрочныя галеры. Дѣти моложе 16 лѣтъ поступаютъ въ убѣжища „Нищій, который будетъ задержанъ патрулемъ, говоритъ циркуляръ, не долженъ быть выпущенъ иначе, какъ при самой твердой увѣренности, что онъ больше нищенствовать не будетъ; это можно постановить только въ томъ случаѣ, если лицо облеченное довѣріемъ и свободное отвѣчало бы за нищаго и вызвалось бы дать ему занятіе или кормить его, и указало бы средства, которыми оно можетъ помѣшать ему нищенствовать".

Послѣ выполненія всѣхъ этихъ условій нужно еще сверхъ того спеціальное разрѣшеніе интенданта. Говорятъ, что въ силу этого закона, сразу было арестовано до 50.000 нищихъ, а въ виду того, что госпиталей и обыкновенныхъ тюремъ было недостаточно для ихъ содержанія, нужно было построить смирительные дома. Вплоть до паденія стараго порядка, это дѣло продолжалось съ промежутками: въ 1768 году въ Лангедокѣ было задержано еще 433 нищихъ втеченіе 6-ти мѣсяцевъ, а въ 1787 году—205 въ 4 мѣсяца.

Около того же времени 300 содержались въ Безансонской тюрьмѣ, 500 въ тюрьмѣ Реннѣ, 650 въ тюрьмѣ Сенъ-Дени. Ихъ содержаніе стоило королю до 1 милліона въ годъ, и Боже мой, какъ они содержались! Вода, солома, хлѣбъ, 2 унціи соленаго сала—всего на 5 су въ день; а такъ какъ провизія за послѣднія 20 лѣтъ вздорожала на $1/_3$ стоимости, то тюремщикъ завѣдывавшій кормленіемъ или долженъ былъ заставлять ихъ поститься, или разориться самъ. Что же касается до способа наполненія тюремъ, то полиція является турками по отношенію къ простонародью; она ударяетъ по кучѣ и удары ея метлы больше сыпаютъ, чѣмъ чистятъ. По приказу 1778 года, пишетъ одинъ интендантъ, „солдаты объѣздовъ, должны арестовать не только нищихъ и бродягъ, которыхъ они встрѣчаютъ, но также тѣхъ, на которыхъ имъ указываютъ, какъ на таковыхъ и какъ на лицъ подозрительныхъ. Житель, самаго безукоризненнаго поведенія и не могущій быть заподозрѣннымъ въ бродяжничествѣ, не можетъ быть увѣренъ, что не будетъ посаженъ въ тюрьму, такъ какъ его свобода находится во власти солдата, объѣзда, постоянно боящагося быть обманутымъ, или подкупленнаго деньгами. Въ Реннской тюрьмѣ я видѣлъ нѣсколькихъ мужей, арестованныхъ исключительно по указанію ихъ женъ, и столько же женъ, — по указанію ихъ мужей; нѣсколько дѣтей отъ перваго брака, по просьбѣ ихъ мачехъ; много служанокъ беременныхъ отъ хозяевъ, которымъ онѣ служили, и заключенныхъ по ихъ указанію и дѣвочекъ въ такомъ же положеніи заключенныхъ по указанію ихъ обольстителей; дѣтей—по указанію отцовъ и отцовъ по указанію дѣтей: всѣ безъ малѣйшаго намека на бродяжничество и нищенство... Нѣтъ ни одного превотальнаго приговора, который вернулъ бы свободу заключеннымъ, несмотря на безчисленное количество несправедливо арестованныхъ".

Предположимъ, что такой человѣчный интендантъ, какъ этотъ выпустилъ бы ихъ; и вотъ они на мостовой, нищіе по винѣ закона, который преслѣдуетъ нищенство, и который прибавляетъ къ несчастнымъ имъ преслѣдуемымъ, несчастныхъ, которыхъ онъ дѣлаетъ, еще болѣе ожесточенныхъ, испорченныхъ душой и тѣломъ. „Почти всегда случается, что арестанты, задержанные за 25 или 30 лье отъ тюрьмы, заключаются въ нее только черезъ 3 или 4 мѣсяца послѣ ареста, а иногда еще черезъ болѣе продолжительный срокъ. Въ ожиданіи же ихъ переводятъ изъ бригады въ бригаду, въ тюрьмы находящіяся по дорогѣ, гдѣ они проживаютъ пока не соберется достаточно большое количество ихъ, чтобы составить поѣздъ. Мужчины и женщины заключены въ одной и той же тюрьмѣ, и выходитъ всегда такъ, что тѣ изъ нихъ, которыя не были беременны во время ареста, дѣлаются такими по прибытіи въ тюрьму. Тюрьмы обыкновенно вредны для здоровья; часто большая часть заключенныхъ выходятъ изъ нихъ больными;“ нѣкоторые, находясь въ соприкосновеніи съ разбойниками, выходятъ сами разбойниками. — Зараза моральная и зараза физическая: нарывъ увеличивается такимъ образомъ, благодаря лѣкарству, и мѣста обузданій становятся разсадниками разврата.

И несмотря на всѣ свои строгости, законъ не достигаетъ своего предмета. „Наши города, говоритъ Бретонскій парламентъ, до такой степени населены нищими, что кажется, что всѣ проекты составленные для истребленія нищенства, только увеличили его.“— „Большія дороги, пишетъ интендантъ, наводнены опасными негодяями, людьми безъ свидѣтельствъ и настоящими нищими, которыхъ объѣзды не арестуютъ или по небрежности, или потому что ихъ вмѣшательство не вызвано къ этому частными просьбами“. Что бы съ нимъ дѣлали, если бы арестовали? Ихъ слишкомъ много, не знали бы куда ихъ сажать. И кромѣ того, какъ помѣшать нищимъ просить милостыню? Конечно, явленіе это плачевное, но оно неизбѣжно. На извѣстной ступени, нужда это медленная гангрена, при которой больная часть пожираетъ здоровую, и человѣкъ, который едва существуетъ, живьемъ пожирается человѣкомъ, которому совсѣмъ нечѣмъ существовать. „Крестьянинъ разоренъ, онъ гибнетъ жертвой давленія множества бѣдныхъ, которые опустошаютъ деревни и укрываются въ городахъ.

Отсюда — опасныя для общественнаго спокойствія толпы; отсюда—эта толпа мошенниковъ и негодяевъ; отсюда—это множество людей сдѣлавшихся ворами и убійцами, единственно изъ за того, что у нихъ нѣтъ хлѣба. Но это еще только легкій набросокъ безпорядковъ, которые я видѣлъ собственными глазами“. „Чрезвычайная сама по себѣ, нужда въ деревняхъ увеличивается еще безпорядками, которые она влечетъ за собой; нечего искать въ другомъ мѣстѣ ужасный источникъ нищенства и всѣхъ его пороковъ“.

Къ чему облегчительныя средства или сильныя операціи противъ болѣзни, находящейся въ крови и входящей въ самый составъ соціальнаго тѣла? Какая полиція можетъ быть дѣйствительна въ приходѣ, гдѣ 1/4 или 1/3 жителей питаются только тѣмъ, что

выпрашиваютъ переходя отъ двери къ двери? Въ Аржанте и Бретани „изъ 2.300 жителей, не занимающихся торговлей или промышленностью, больше половины только-только достаточны, а болѣе 500 человѣкъ, доведены до нищенства“. Въ Деньшинѣ, въ Артуа „изъ 130 домовъ — 60 пользуются столомъ для бѣдныхъ“. Въ Нормандіи, согласно объясненіямъ священниковъ „изъ 900 прихожанъ Сенъ-Мало, $^3/_4$ могутъ жить остальные несчастны“. — „Изъ 1.500 жителей Сенъ-Патрисъ 400 просятъ милостыню; изъ 500 жителей Сенъ-Лоранъ, $^3/_4$ просятъ милостыню“. Въ Марбефъ, говорятъ записки, „изъ 500 человѣкъ, населяющихъ нашъ приходъ — 100 должны нищенствовать и кромѣ того ежедневно приходятъ изъ сосѣднихъ приходовъ отъ 30 до 40 бѣдныхъ“. Въ Вулбаннѣ, въ Лангедокѣ, каждый день у монастыря „бываетъ общая милостыня, при раздачѣ которой присутствуютъ отъ 300—400 бѣдныхъ независимо отъ той, которую раздаютъ старикамъ и бѣднымъ и которая является наиболѣе изобильной“. Въ Ліонѣ въ 1787 году „30.000 рабочихъ ожидаютъ продовольствія отъ общественной благотворительности;“ въ Реннѣ, въ 1788 году послѣ наводненія „двѣ трети жителей были повержены въ нужду;“ въ Парижѣ изъ 650.000 жителей, народная перепись 1791 года насчитывала 118.784 неимущихъ.—Достаточно мороза или града, какъ въ 1788 году, чтобы не было урожая, чтобы хлѣбъ былъ по 4 су за фунтъ, и чтобы въ благотворительныхъ мастерскихъ рабочіе зарабатывали только 12 су въ день; вѣрите ли вы, что эти люди безропотно покорятся голодной смерти? Около Руана, зимой 1788 года, лѣса разграблены среди бѣла дня, Баньерскій лѣсъ срубленъ весь цѣликомъ, срубленныя деревья публично продавались грабителями. Голодающіе и грабители идутъ всѣ вмѣстѣ и нужда дѣлается соучастницей преступленія. Ихъ преслѣдуютъ по слѣдамъ изъ провинціи въ провинцію: четыре мѣсяца спустя, въ окрестностяхъ Еташпа, 15 разбойниковъ передъ ночью нападаютъ на три фермы и фермеры, подъ угрозой пожара, вынуждены дать, одинъ 300 франковъ, другой 150, вѣроятно всѣ деньги, которыя были у нихъ въ сундукахъ.—„Воры, каторжники, негодяи всѣхъ сортовъ“, вотъ кто будетъ составлять авангардъ во время возстанія „и побуждать крестьянина къ жестокостямъ“. Послѣ разграбленія дома Ревельонъ въ Парижѣ, можно замѣтить, что „среди 40 задержанныхъ бунтовщиковъ не найдется почти ни одного, который не подвергался бы раньше наказанію кнутомъ или клейменію“.

Во всякомъ возмущеніи подонки всплываютъ на поверхность. Ихъ раньше никогда не видѣли; какъ лѣсные барсуки или крысы сточныхъ трубъ, они оставались въ своихъ логовищахъ или норахъ. Они выходятъ изъ нихъ толпами и какія фигуры появляются внезапно въ Парижѣ! Не запомнятъ, чтобы подобныхъ встрѣчали раньше среди бѣла дня... Откуда они? Кто вызвалъ ихъ изъ ихъ мрачныхъ убѣжищъ? Иностранцы всѣхъ странъ, вооруженные большими палками, оборванные... одни почти голые, другіе странно одѣтые“, въ несообразные лоскуты, „ужаснаго вида“, вотъ товаръ или статисты возстаній, которыхъ можно купить по 6 франковъ за голову, за которыми пойдетъ народъ.

„Въ Парижѣ,—говоритъ Мерсье, они вялы, блѣдны, малы ростомъ, невзрачны, обижены и кажутся отдѣленными отъ другихъ сословій государства. Богатые и важные имѣющіе экипажи, имѣютъ варварское право давить и изувѣчивать ихъ на улицѣ... Для пѣшеходовъ нѣтъ совершенно никакихъ удобствъ, нѣтъ даже тротуаровъ. Сотни жертвъ умираютъ ежегодно подъ колесами колясокъ".—„Одинъ несчастный ребенокъ,—говоритъ Артуръ Юнгъ, былъ раздавленъ на нашихъ глазахъ, а самъ я нѣсколько разъ былъ съ головы до ногъ облитъ водой изъ канавы. Если бы наши молодые дворяне проѣхались бы съ такой же скоростью въ Лондонѣ по улицѣ безъ тротуара, какъ ихъ парижскіе братья, они бы скоро увидѣли себя побитыми самымъ наилучшимъ образомъ и брошенными въ канаву". Мерсье безпокоится по поводу столь огромнаго количества черни.

„Въ Парижѣ есть можетъ быть 200.000 лицъ, которыя не имѣютъ полной собственности на 50 экю; несмотря на это городъ существуетъ". Порядокъ поддерживается только силой и страхомъ, благодаря караульнымъ солдатамъ, которыхъ большинство называетъ „тихоходы". Это насмѣшливое прозвище приводитъ въ ярость этотъ родъ войска, которое въ такомъ случаѣ увеличиваетъ удары прикладомъ и наноситъ раны безъ разбора всему, что попадается ему навстрѣчу. Мелкій народъ всегда готовъ объявить имъ войну, такъ какъ они его никогда не щадили. Въ самомъ дѣлѣ „небольшой отрядъ караульныхъ, разсѣиваетъ часто безъ труда толпу въ 500—600 человѣкъ, которые кромѣ того кажутся сильно возбужденными, но которые исчезаютъ въ мгновеніе ока, какъ только солдаты произведутъ нѣсколько ударовъ прикладами и надѣнутъ наручники на двухъ-трехъ бунтовщиковъ". Однако „если бы парижскій народъ былъ предоставленъ своему первому порыву, если бы онъ не чувствовалъ за своей спиной пѣшую и конную стражу, коммиссара и полицейскаго унтеръ-офицера, то безпорядкамъ не было бы границъ. Чернь, освобожденная отъ узды, которая ее сдерживаетъ, пустилась бы на насилія тѣмъ болѣе жестокія, что она сама не знала бы, гдѣ ей остановиться... Пока будетъ Гонесскій хлѣбъ волненіе не будетъ всеобщимъ; нужно чтобы рынокъ былъ въ этомъ заинтересованъ, иначе женщины будутъ молчать... Но если Гонесскаго хлѣба не будетъ на двухъ базарахъ подрядъ, возстаніе сдѣлалось бы всеобщимъ и невозможно представить себѣ, на что рѣшится это множество изнеможенныхъ, желающихъ освободить себя и своихъ дѣтей отъ голода". Въ 1789 году хлѣба нѣтъ больше ни въ Гонессѣ ни во всей Франціи.

ГЛАВА IV.

I.—Вооруженная сила разсѣивается.—Какъ набрана армія.—Какъ содержится солдатъ.—II.—Организованность общества исчезаетъ.—Нѣтъ сборнаго центра.—Инертность провинціи.—Вліяніе Парижа.—III.—Направленіе теченія. —Человѣкъ изъ народа, ведомый адвокатомъ.— Власть остается лишь за теоріей и грубой силой.—Самоубійство стараго порядка.

I.

Гдѣ же средство противъ всеобщаго возмущенія?

Наклонности 150 тысячъ людей, которые поддерживаютъ порядокъ, тѣ же, что и у 26 милліоновъ людей ему подчиняющихся; а злоупотребленія, недобросовѣстность и всѣ причины разрушающія націю, разрушаютъ и армію. Изъ 90 милліоновъ, которые тратятся казной на войско, 46 идутъ на содержаніе офицеровъ, и лишь 44 на солдатъ; между тѣмъ извѣстно, что офицерскій чинъ доступенъ, согласно новому ордонансу, лишь дворянамъ, благородство происхожденія которыхъ не подвергается сомнѣнію. Нигдѣ это неравенство, возмущающее общественное мнѣніе, не проявляется такъ рѣзко: съ одной стороны въ распоряженіи меньшинства—и власть, и почести, и деньги, и досугъ, и хорошій столъ и развлеченія, съ другой стороны на долю большинства оставалось подчиненіе, униженіе, утомленіе; вербовка хитростью или насиліемъ, никакой надежды на движеніе по службѣ, шесть су въ сутки, отвратительная пища, узкая постель на двоихъ и наконецъ побои, практикующіеся уже нѣсколько лѣтъ. Съ одной стороны знатное дворянство,—съ другой—люди самаго низкаго происхожденія.

Можно подумать, что здѣсь нарочно, для увеличенія возбужденія, поставили двѣ противоположности, одна противъ другой. „Ничтожность солдатскаго жалованья",—говоритъ одинъ экономистъ,—„его одежда, сонъ, пища, полнѣйшая подчиненность дѣлали службу слишкомъ жестокой, чтобы на нее можно было брать людей не изъ подонковъ общества". И въ самомъ дѣлѣ ихъ набираютъ въ самыхъ низкихъ слояхъ населенія. Не только всѣ дворяне освобождены отъ жеребьевки, но и всѣ принадлежащіе къ управленію фермъ и путей сообщеній, „всѣ лѣсничіе, смотрители охоты, служащіе и прислуга на жалованьи у духовенства, обществъ, храмовъ, дворянства и знати", и даже состоятельные горожане, сыновья зажиточныхъ крестьянъ и вообще всѣ тѣ, кто имѣетъ средства или какого-нибудь покровителя. Для войска, слѣдовательно, остаются лишь самые бѣдные, и идутъ они на службу далеко неохотно. Наоборотъ служба имъ такъ отвратительна, что они часто скрываются въ лѣса, гдѣ ихъ нужно искать съ оружіемъ въ рукахъ. Въ какомъ-нибудь округѣ, который черезъ три года въ одинъ день выставитъ отъ 50 до 100 волонтеровъ, мальчикъ обрубаетъ себѣ большой палецъ, чтобы не попасть въ жеребьевку.—Къ этимъ подонкамъ общества присоединяютъ еще отбросы изъ тюремъ и смирительныхъ домовъ. Послѣ того какъ

изъ нихъ выпустятъ всѣхъ, которые могутъ указать свое мѣстожительство или найти поручителя, остаются лишь послѣдніе бродяги, „всѣ совершенно неизвѣстные и опасные люди; среди нихъ выбираютъ тѣхъ, которые кажутся наименѣе дурными, и стараются завербовать ихъ въ армію". Наконецъ послѣдній источникъ— это полунасильная-полудобровольная вербовка, доставляющая въ армію подонки большихъ городовъ,—авантюристовъ, прогнанныхъ подмастерій, бродягъ безъ крова. Вербовщикъ, получающій плату за каждаго рекрута и каждый дюймъ сверхъ указаннаго пятифутоваго роста, устраивается въ кабачкѣ, угощаетъ и ораторствуетъ:— „Друзья мои, обыкновенно въ полку получаютъ на первое—супъ, затѣмъ жаркое и салатъ,—больше ничего, я васъ не обманываю; пирогъ и вино являются уже исключеніемъ". Онъ заставляетъ пить, платитъ за вино, въ случаѣ надобности уступаетъ свою любовницу: „послѣ нѣсколькихъ дней разгула молодой кутила принужденъ себя продать, не имѣя чѣмъ расплатиться—и вотъ рабочій, преобразившись въ солдата идетъ подъ палкой дѣлать упражненія. И вотъ охрана общества поручена солдатамъ, набраннымъ изъ среды, всегда покушавшейся на это общество—разореннымъ крестьянамъ, задержаннымъ бродягамъ, людямъ свихнувшимся съ пути, задолжавшимъ, отчаявшимся—несчастнымъ легко соблазняющимися съ горячей головой, которые смотря по обстоятельствамъ становятся то бунтовщиками, то солдатами.

Котораго изъ двухъ лучше участь? Солдатъ получаетъ не больше хлѣба чѣмъ задержанный, и получаетъ худшій. Хлѣбъ для арестованнаго бродяги дѣлается изъ просѣянной муки, для солдата же, который его сторожитъ, хлѣбъ печется изъ неочищенной муки.—Въ такихъ обстоятельствахъ нужно, чтобы солдатъ не разсуждалъ—но между тѣмъ сами офицеры вызываютъ его на размышленіе. Офицеры тоже стали политиками и заговорщиками. За нѣсколько лѣтъ до революціи въ арміи „уже говорили, разсуждали, жаловались; новыя идеи бродили въ умахъ; цѣлая переписка установилась между двумя полками".

Изъ Парижа получались новости въ рукописяхъ; онѣ были разрѣшены военнымъ министромъ и стоили кажется двѣнадцать луидоровъ въ годъ. Скоро онѣ приняли философскій тонъ, разсуждали, говорили о министрахъ, о желательныхъ перемѣнахъ, и благодаря этому только скорѣе распространялись". Очевидно, что сержанты подобные Гошу, преподаватели фехтованія, какъ Ожеро, не разъ читали эти сообщенія, забытыя на столѣ, и растолковывали ихъ въ солдатскихъ помѣщеніяхъ. Недовольство коренилось уже давно, и уже въ концѣ прошлаго царствованія раздавались удручающіе возгласы. На одномъ праздникѣ, устроенномъ однимъ изъ принцевъ крови, гренадеры прислуживали у стола, накрытаго подъ громадной палаткой. Запахъ, который они распространяли, непріятно поразилъ нѣжное обоняніе принца. „Отъ этихъ бравыхъ людей,—сказалъ онъ слишкомъ громко,—ужасно пахнетъ носками". Тогда одинъ изъ гренадеровъ рѣзко отвѣтилъ,—„это потому, что ихъ у насъ нѣтъ",—послѣ чего настало глубокое молчаніе.

Впродолженіе слѣдующихъ двадцати лѣтъ раздраженіе тлѣетъ

и распространяется: солдаты Рошамбо помнятъ, какъ они сражались бокъ о бокъ со свободной американской милиціей. Въ 1788 году маршалъ де-Во передъ возстаніемъ въ Дофинэ пишетъ министру: „Расчитывать на войско невозможно“, а черезъ четыре мѣсяца послѣ открытія Генеральныхъ Штатовъ, шестнадцать тысячъ дезертировъ, бродя кругомъ Парижа, руководили возставшими, которыхъ они должны были усмирять.

II.

Разъ эта плотина уничтожена—никто не можетъ удержать наводненія, распространяющагося по всей Франціи, какъ по гладкой равнинѣ. У другихъ народовъ, при такихъ обстоятельствахъ встрѣчались препятствія: тамъ имѣлись возвышенныя мѣста, мѣста прибѣжища, нѣсколько старыхъ укрѣпленій, за которыми нѣкоторые, во всеобщей паникѣ, могли укрыться. Здѣсь же первый напоръ сноситъ все безъ остатка, и въ этихъ 26 милліонахъ разбросанныхъ людей—каждый совершенно одинокъ. Уже давно правительство Ришелье и Людовика XIV подточило незамѣтной работой естественно сложившейся группы людей, которыя и разсыпались при первомъ же толчкѣ. Исключая Вандеи я не знаю ни одного мѣста, ни одного сословія, гдѣ бы многіе люди, вѣря въ нѣсколькихъ другихъ, сплотились бы вокругъ послѣднихъ въ минуту опасности. Нѣтъ больше патріотизма ни въ провинціи, ни въ городахъ. Низшее духовенство непріязненно относится къ прелатамъ, провинціальное дворянство—къ придворной знати, городское населеніе—къ муниципальной олигархіи, корпорація къ корпораціи, приходъ къ приходу, сосѣдъ къ сосѣду. Всѣ разрознены другъ отъ друга привилегіями, завистью и увѣренностью каждаго что онъ является жертвой обмана другого. Портной подмастерье раздраженъ на хозяина, который не позволяетъ ему пойти днемъ въ гости; мальчики изъ парикмахерской злятся на парикмахера, потому что онъ не позволяетъ имъ работать внѣ заведенія; деревенскій прядильщикъ воюетъ съ городскимъ, за то что послѣдній отбиваетъ у него ремесло; деревенскіе винодѣлы—съ горожанами, которые хотятъ пространство на семь миль кругомъ города очистить отъ виноградниковъ; одно село возбуждено противъ другого, такъ какъ пониженіе налоговъ въ одномъ, вызвало ихъ увеличеніе въ другомъ; крестьянинъ, обложенный большей податью—противъ обложеннаго меньшей; часть прихода противъ сборщика податей, который, сочувствуя другой части, несправедливо отягощаетъ первую. „Нація,—грустно говорилъ Тюрго, это общество, состоящее изъ различныхъ сословій, плохо между собой соединенныхъ, и изъ народа, отдѣльные члены котораго имѣютъ между собой очень мало связи и гдѣ слѣдовательно, каждый занятъ своимъ личнымъ интересомъ. Нигдѣ не замѣтно интереса общественнаго. Города, села имѣютъ другъ съ другомъ не болѣе сношеній, чѣмъ и округа, къ которымъ они причислены. Они не могутъ даже сговориться между собой о веденіи нужныхъ для нихъ общественныхъ работъ“. Уже въ продолженіе 150 лѣтъ власть разъединяла все, чтобы повелѣвать. Она

отдалила одного человѣка отъ другого, мѣшала имъ прійти къ соглашенію, и достигла того, что они даже другъ друга не знаютъ. Одно сословіе въ невѣдѣніи относительно другого; каждый составляетъ себѣ химерическое предоставленіе о другомъ, и придаетъ ему окраску, сообразно своему воображенію:—одинъ выдумываетъ идиллію—другой мелодраму. Одни воображаютъ себѣ крестьянъ въ видѣ сентиментальныхъ поступковъ—другіе убѣждены, что всѣ благородные тираны. Благодаря этому взаимному незнанію и вѣковой разрозненности, французы потеряли привычку, искусство и способность дѣйствовать совмѣстно. Одни неспособны болѣе къ добровольному соглашенію и коллективной работѣ. Въ минуту опасности никто не смѣетъ расчитывать на своего сосѣда, на своего равнаго. Никто не знаетъ, куда обратиться, чтобы найти себѣ руководителя. „Невозможно найти ни одного человѣка, который бы могъ поручиться отвѣтить за самый маленькій округъ; даже больше не найти человѣка, который бы могъ поручиться за другого". Безпорядокъ полный и непоправимый. Осуществилась утопія теоретиковъ, возвратилась первобытная эпоха. Есть только какіе-то подставные люди. Каждый человѣкъ впадаетъ въ первобытную слабость и его жизнь и имущество находятся въ рукахъ первой съумѣвшей организоваться шайки. У него осталась только баранья привычка быть ведомымъ, ждать толчка и смотрѣть въ сторону приказывающаго центра, въ сторону Парижа, изъ котораго постоянно приходили распоряженья. Артуръ Юнгъ былъ пораженъ этимъ машинальнымъ жестомъ. Повсюду замѣчалъ онъ полнѣйшее невѣжество и полнѣйшую покорность. Новости объ Альзасѣ онъ, иностранецъ, привозитъ первый въ Бургундію: возстаніе было ужасно; чернь разгромила ратушу въ Страсбургѣ и никто ни слова не знаетъ объ этомъ въ Дижонѣ. „Хотя, пишетъ онъ, уже девять дней прошло послѣ событія; и я сомнѣваюсь, были ли бы они болѣе освѣдомлены черезъ девятнадцать дней". Никакихъ газетъ въ кафе, никакого справочнаго мѣста, ни рѣшительности, ни мѣстнаго движенія. Провинція подчиняется событіямъ въ столицѣ; „люди не смѣютъ двигаться, не смѣютъ даже составить себѣ мнѣнія, прежде чѣмъ его не высказалъ Парижъ". Вотъ къ чему приводитъ централизація монархической власти. У обществъ она отняла ихъ крѣпость, у индивида его жизненность. Остается лишь человѣческая пыль, которая клубится и съ непреодолимой силой разрушитъ все, подъ слѣпыми порывами вѣтра.

III.

Мы уже знаемъ въ какую сторону онъ дуетъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ совершенно достаточно посмотрѣть какъ составлялись наказы третьяго сословія. Крестьянинъ былъ подъ руководствомъ законника, мелкаго деревенскаго прокурора, завистливаго адвоката-теоретика. Первый настаиваетъ, чтобы въ наказахъ пространно изложены были его мѣстныя и личныя жалобы, его протесты противъ налоговъ и податей, его просьба объ освобожденіи его собакъ отъ живодерни; его желаніе имѣть ружье для защиты отъ

волковъ. Второй же, поправляющій и внушающій, ссылается при этомъ на права человѣка и на циркуляръ Сіейса. „Уже два мѣсяца, пишетъ одинъ изъ южныхъ комендантовъ, какъ мелкіе юристы, адвокаты, которыми кишатъ всѣ города и села, съ цѣлью быть выбранными въ Генеральные Штаты, пристраиваются къ людямъ третьяго сословія, подъ предлогомъ поддержать ихъ и просвѣтить ихъ невѣжество. Они постарались ихъ убѣдить, что они будутъ хозяевами Генеральныхъ Штатовъ, и что упорядоченье дѣлъ королевства будетъ находиться въ ихъ рукахъ; что третье сословіе, выбирая депутатовъ изъ приказныхъ людей, будетъ имѣть право и силу первенствовать, уничтожить наслѣдственность дворянства, его права и привиллегіи; что каждый гражданинъ можетъ сдѣлаться при такихъ условіяхъ, дворяниномъ, если онъ это заслужилъ; что если они будутъ выбраны народомъ, то они заставятъ Генеральные Штаты дать ему все, что онъ ни пожелаетъ, такъ какъ священники, люди средняго происхожденія, согласились отдѣлиться отъ высшаго духовенства и присоединиться къ нимъ, а дворянство, соединившись съ высшимъ духовенствомъ составятъ лишь одинъ голосъ противъ двухъ третьяго сословія. Если бы третье сословіе выбирало горожанъ, то они безъ сомнѣнья присоединились бы къ двумъ высшимъ сословіямъ. Но уѣздные и сенешальскія собранія были переполнены приказнымъ людомъ, заглушавшимъ мнѣнія другихъ и старавшихся держать все въ своихъ рукахъ; каждый изъ нихъ интриговалъ и нырялъ, чтобы быть выбраннымъ". Въ Тюреннѣ, пишетъ интендантъ, мнѣніе большинства голосовавшихъ было или вынуждено или выпрошено. Довѣренные въ моментъ баллотировки всовывали въ руки выборщиковъ уже написанные билеты и устраивали такъ, что послѣдніе по пріѣздѣ въ гостинницы находили тамъ программы и мнѣнія, способныя вскружить голову всякому и гарантирующія успѣхъ судейскаго сословія.—„Въ Лектурскомъ сенешальствѣ многіе приходы и общины не получили увѣдомленій о высылкѣ ихъ требованій и депутатовъ въ сенешальское собраніе. Если же нѣкоторые и были предупреждены, то прокуроры, адвокаты и нотаріусы сосѣднихъ мелкихъ городовъ, составляли наказы, не спрашивая мнѣнія всей общины. По одному наказу написанному вчернѣ они составляли одинаковыя копіи, которыя и продавались по дорогой цѣнѣ совѣтамъ деревенскихъ приходовъ. Тревожный признакъ, который съ первыхъ же шаговъ указываетъ путь, по которому пойдетъ революція. Человѣкъ изъ народа—всецѣло подъ вліяніемъ адвоката, военный же даетъ себя вести человѣку фразеру.

Съ перваго же года можно увидѣть результатъ ихъ сообщничества. Во Франшъ-Конте крестьяне маршала Шэла, по совѣту нѣкоего Руже, „рѣшаютъ ничего ему больше не платить и самостоятельно дѣлятъ между собой доходы отъ рубки лѣса. Онъ увѣряетъ, что всѣ провинціальныя общины, рѣшили поступать также, и его совѣты такъ распространены въ деревнѣ, что многія общины убѣждены, что онѣ ничего больше не должны, ни королю, ни господамъ.

Де-Марнезіа, депутатъ Національнаго Собранія, пріѣхалъ

сюда провести нѣсколько дней у себя для укрѣпленія здоровья; съ нимъ обошлись самымъ грубымъ возмутительнымъ образомъ, а нѣкоторые хотѣли отвезти его въ Парижъ подъ конвоемъ. Когда онъ уѣхалъ, на его замокъ было произведено нападеніе, двери были разбиты и садовая стѣна разрушена. Между тѣмъ никто изъ дворянъ не дѣлалъ столько добра своимъ крестьянамъ, какъ маркизъ Марнезіа. Насилія во всѣхъ видахъ увеличиваются. Ко мнѣ постоянно приходятъ жалобы на злоупотребленіе національной милиціи ея оружіемъ,—и я ничѣмъ не могу это прекратить". Маршальство, боясь, на основаніи одной рѣчи, произнесенной въ Національномъ Собраніи, быть распущеннымъ, не хочетъ наживать себѣ враговъ. „Уѣздные суды такъ же робки. Я отсылаю имъ безъ конца массу дѣлъ, и ни одинъ преступникъ не наказанъ..." „Ни одинъ народъ не пользуется такой безпредѣльной свободой, опасной для честныхъ гражданъ. Чувствовать себя всегда въ опасности быть зарѣзаннымъ негодяями, постоянно смѣшивающими понятія свободы и распущенности—противно всѣмъ человѣческимъ законамъ".—Другими словами страсти ищутъ своего оправданія въ теоріи, а теоріи, чтобы примѣняться ко времени, прибѣгаютъ къ страстямъ. Напримѣръ герцогъ Ларошфуко имѣлъ около Ліанкура невоздѣланныя земли; „какъ только началась революція, бѣдняки города объявили, что невоздѣланныя земли принадлежатъ имъ, такъ какъ они составляютъ часть націи, которой эти земли принадлежатъ", тотчасъ же „безъ соблюденія всякихъ формальностей", они входятъ во владѣніе, раздѣляютъ земли, ставятъ изгороди и распахиваютъ.

„Это указываетъ,—говоритъ Артуръ Юнгъ, на общій духъ. Еще шагъ впередъ, и послѣдствія для собственности въ этомъ королевствѣ будутъ не маленькія". Еще въ предъидущемъ году, мародеры, рубя и продавая чужой лѣсъ говорили, „что народъ имѣетъ право брать все, что ему нужно".—Имъ проповѣдывали, что они властелины, они и дѣйствуютъ какъ властелины. Принимая во вниманіе состояніе ихъ умовъ, ихъ поведеніе совершенно естественно. Нѣсколько милліоновъ дикарей направляются по этому пути нѣсколькими тысячами болтуновъ, а политика въ кафэ толкуется и направляется сборищемъ съ улицы. Съ одной стороны радикальное ученіе служитъ грубой силѣ. Съ другой стороны грубая сила въ распоряженіи радикальнаго ученія. И лишь эти двѣ власти остаются на обломкахъ разрушенной Франціи.

ГЛАВА V.

Заключеніе.

Двѣ эти власти суть преемники и убійцы стараго порядка и если прослѣдить, какъ послѣдній ихъ зародилъ, высидѣлъ, выкормилъ, поставилъ на ноги и возбудилъ, нельзя не замѣтить, чтоего исторія—исторія продолжительнаго, медленнаго самоубійства его можно уподобить человѣку, который, взобравшись на самый верхъ громадной лѣстницы, подпилилъ ее у себя подъ ногами.—Въ та-

кихъ случаяхъ однихъ добрыхъ намѣреній не достаточно. Быть либеральнымъ, даже щедрымъ и намѣчать полу-реформы, не поведетъ ни къ чему. Наоборотъ, съ помощью своихъ, какъ дурныхъ, такъ и хорошихъ качествъ, какъ добродѣтелей такъ и пороковъ, привиллегированные одинаково работали себѣ на несчастье; ихъ заслуги также способствовали ихъ паденію, какъ и ихъ ошибки. Заслуженно получавшіе прежде вознагражденіе за свои услуги, руководители общества, сохранили свои титулы, но перестали исполнять свои обязанности. Какъ въ мѣстномъ, такъ и въ центральномъ управленіи ихъ мѣсто стало синекурой, а ихъ привиллегіями стали злоупотреблять. Во главѣ ихъ король, устроившій Францію, отдаваясь ей, какъ своему личному дѣлу, кончилъ тѣмъ, что сталъ пользоваться ей какъ своей собственностью. Общественныя деньги становятся его карманными деньгами, а государство въ 26 милліоновъ людей управляется страстями, тщеславіемъ, личными слабостями, интригами любовницы, капризами супруги, и съ такимъ произволомъ, небрежностью, неумѣньемъ, отсутствіемъ послѣдовательности и расточительностью, которыя недопустимы даже въ частномъ хозяйствѣ. Король и привиллегированные имѣютъ лишь въ одномъ превосходство—въ умѣньи жить, хорошемъ вкусѣ и тонѣ, способности принимать и представлять, даръ граціозно разговаривать, остроуміи и веселости, и умѣнье обращать жизнь въ сказочный и блестящій праздникъ—какъ будто міръ ни что иное, какъ салонъ для утонченныхъ лѣнтяевъ, въ которомъ достаточно лишь быть остроумнымъ и любезнымъ; между тѣмъ міръ—это циркъ, въ которомъ нужно быть сильнымъ, чтобы побѣждать,—лабораторія, въ которой нужно работать, чтобы быть полезнымъ. Благодаря этой привычкѣ и совершенствованію склонности къ утонченному разговору, они придали французскому духу классическую форму, которая въ соединеніи съ пріобрѣтеніями науки произвела философію XVIII вѣка, пренебреженіе къ традиціи, претензіи передѣлать всѣ человѣческія установленія съ помощью одного лишь разума, примѣненіе математическихъ методовъ въ политикѣ и нравственности, новый катехизисъ правъ человѣка, и всѣ анархистскія и деспотическія ученія „Общественнаго договора“. Лишьтолько на свѣтъ появилась новая химера, они тотчасъ принимаютъ ее у себя въ гостиныхъ для препровожденія времени. Они играютъ съ чудовищемъ еще маленькимъ, невиннымъ, разукрашеннымъ, какъ барашекъ въ пастушескихъ эклогахъ. Имъ въ голову не приходитъ, что оно можетъ превратиться въ громаднаго, ужаснаго звѣря. Они его кормятъ, ласкаютъ, а потомъ выпускаютъ его изъ своихъ дворцовъ на улицу.—И здѣсь оно попадаетъ къ буржуазіи, возстановленной противъ правительства, которое угрожаетъ ея благосостоянію, задѣтой въ своемъ самолюбіи неравенствомъ и привиллегіями другихъ; революціонная теорія быстро разрастается, внезапно пріобрѣтаетъ особенную рѣзкость и черезъ нѣсколько лѣтъ становится безспорной властительницей общественнаго мнѣнія. Въ этотъ моментъ по ея призыву появляется другой колоссъ, чудовище съ милліонами головъ, дикое и ослѣпленное животное, весь придавленный и пришедшій въ отчаяніе народъ, вдругъ сор-

вавшійся съ цѣпи и бросившійся на разоряющее его правительство, на привиллегіи, заставляющія его голодать. Въ деревняхъ оставленныхъ своими хозяевами не останется никакой власти; въ провинціяхъ, механически связанныхъ централизаціей, не останется ни одной независимой кучки людей; въ этомъ обществѣ, разсыпавшемся отъ деспотизма, не сможетъ сформироваться центра иниціативы и противодѣйствія; и въ этомъ высшемъ классѣ, безоружномъ даже въ силу своей человѣчности, не найдется ни одного человѣка, свободнаго отъ заблужденій и способнаго дѣйствовать; и никакіе воля и разумъ, направленные къ благу, не смогутъ защищаться отъ двухъ враговъ всякой свободы и всякаго порядка, отъ вліянія демократическихъ мечтаній, которыя смущаютъ лучшіе умы, отъ напора грубой черни, которая извращаетъ лучшіе законы. Въ моментъ открытія Генеральныхъ Штатовъ, направленіе мысли и событій не только опредѣлилось, но стало очевидно. Каждое поколѣніе, само того не вѣдая, несетъ въ себѣ и свою будущность свою исторію. Современному поколѣнію задолго до конца, можно было бы предсказать его судьбу, и если бы мы могли также предвидѣть подробности, какъ и общую картину, то можно было бы повѣрить выдумкѣ Лагарпа, которую онъ придумалъ въ концѣ Директоріи, приводя въ порядокъ свои воспоминанія.

II.

„Мнѣ кажется, — говоритъ онъ, — что это было вчера; между тѣмъ это было въ началѣ 1788 года. Мы обѣдали у одного изъ нашихъ коллегъ по академіи, знатнаго и умнаго человѣка. Общество было большое и смѣшанное: придворные, юристы, писатели, академики.—Какъ всегда, обѣдъ былъ великолѣпенъ. За дессертомъ подъ вліяніемъ винъ Мальвазіи и Констанса, къ веселости хорошей компаніи прибавилась еще извѣстная свобода, выходившая иногда чуть-чуть изъ границъ. Въ высшемъ обществѣ тогда позволялось все, лишь бы это возбуждало смѣхъ. Шамфоръ намъ прочелъ свои нечестивыя и неприличныя сказки и важныя дамы прослушали ихъ, не закрывая лица вѣеромъ. Послѣ этого посыпались шутки относительно религіи: одинъ произносилъ тираду изъ „la Pucelle“, другой декламировалъ извѣстные философскіе стихи Дидро... Раздались апплодисменты... Разговоръ сталъ болѣе серьезнымъ. Восхищались переворотомъ, произведеннымъ Вольтеромъ и всѣ согласились, что это главнымъ образомъ и сдѣлало его славнымъ. „Онъ далъ тонъ своему вѣку и заставилъ читать свои книги и въ гостиной, и въ прихожей“. Одинъ изъ присутствующихъ, задыхаясь отъ смѣха, разсказалъ, что ему сказалъ одинъ парикмахеръ, пудрившій его голову: „Видите ли, сударь, я простой ремесленникъ, но цѣню религію не больше любого другого“. Затѣмъ рѣшили, что революція должна скоро кончиться, и что фанатизмъ и суевѣріе должны уступить мѣсто философіи; принялись высчитывать срокъ возможнаго наступленія эпохи царства разума и соображать кто изъ присутствующихъ ее дождется.—Самые старые жаловались, что имъ это не удастся; молодые радова-

лись этой возможности и всѣ привѣтствовали Академію, которая подготовила великое дѣло и была центромъ и двигателемъ свободной мысли.

Лишь одинъ изъ присутствующихъ не принималъ участія въ веселомъ разговорѣ. Это былъ Газоттъ, любезный и оригинальный человѣкъ, къ сожалѣнію пристрастившійся къ мечтаніямъ инлюминатовъ. Наконецъ, онъ попросилъ слова: „Господа,—говоритъ онъ самымъ серьезнымъ тономъ, — будьте довольны; вы увидите всѣ этотъ большой переворотъ, котораго вы такъ желаете. Вы знаете, что я обладаю немного даромъ пророчества, и я повторяю, вы это всѣ увидите... И знаете ли, что произойдетъ отъ этого переворота, что произойдетъ со всѣми вами здѣсь присутствующими"...? „Что-жъ,—съ дерзкой усмѣшкой произнесъ Кондарсе,—и философу лестно встрѣтиться съ пророкомъ". — „Вы, господинъ Кондорсе, испустите духъ на полу темницы, вы умрете отъ яда, принятаго вами, чтобы избавиться отъ палача, яда, который вы въ тѣ счастливыя времена, будете постоянно носить съ собой". Сначала всѣ были поражены удивленіемъ, затѣмъ раздался всеобщій хохотъ. „Въ чемъ же здѣсь связь съ философіей и царствомъ разума?— „Въ томъ, что я вамъ именно и говорю: вы кончите такъ именно во имя философіи, гуманизма и свободы и во время царства разума; и это будетъ настоящее царство разума, потому что цѣлые храмы будутъ ему посвящены, и даже другихъ храмовъ, кромѣ храмовъ разума, въ то время не будетъ... Вы, господинъ Шамфоръ вскроете себѣ жилы двадцатью двумя ударами бритвы, но умрете лишь нѣсколько мѣсяцевъ спустя. Вы, господинъ Викъ д'Азиръ вы не сами вскроете себѣ жилы, но заставите ихъ себѣ вскрыть шесть разъ впродолженіе одного дня, во время припадка подагры, чтобы вѣрнѣе достигнуть результатовъ, и умрете ночью. Вы, господинъ Николаи, погибнете на эшафотѣ; вы господинъ Бальи— на эшафотѣ; вы, господинъ Малербъ—на эшафотѣ; вы господинъ Руше—тоже на эшафотѣ". „Значитъ мы попадемъ подъ власть татаръ или турокъ?—„Вовсе нѣтъ; я вамъ уже сказалъ, что вы будете управляться одной философіей и однимъ лишь разумомъ. Тѣ, которые съ вами такъ поступятъ будутъ тоже всѣ философами, каждую минуту у нихъ на устахъ будутъ тѣ же фразы, которыя вы произносили теперь, они будутъ повторять всѣ ваши ученія, цитировать, какъ и вы стихи Дидро и „Pucelle". — „Когда же все, это произойдетъ?" — „Шести лѣтъ не пройдетъ, какъ все что я вамъ сказалъ исполнится".—„Вотъ такъ чудеса,— сказалъ Лагарпъ,—а я что же, останусь непричемъ"? „Съ вами тоже случится чудо, такое же необыкновенное; вы сдѣлаетесь вѣрующимъ".—„Теперь я успокоенъ,—замѣтилъ Шамфоръ, если мы должны умереть, когда Лагарпъ сдѣлается христіаниномъ, то мы— безсмертны".—„Въ такомъ случаѣ,—заговорила герцогиня де-Грамонъ,—мы, женщины очень счастливы, потому что революція насъ не коснется. Вѣдь принято, что мы и весь нашъ полъ неприкосновенны"...—„На этотъ разъ, милостивая государыня, и вашъ полъ васъ не защититъ; съ вами обойдутся также какъ и съ мужчинами, не дѣлая никакой разницы... Вы, герцогиня, со многими дру-

тими дамами будете отвезены на эшафотъ въ телѣгѣ и съ ууками, связанными за спиной".—„Ну, я надѣюсь, что въ такомъ случаѣ у меня будетъ карета, задрапированная чернымъ сукномъ". „Нѣтъ, сударыня, еще болѣе знатныя дамы, чѣмъ вы, будутъ ѣхать, какъ вы, въ телѣжкѣ и съ завязанными руками".—„Еще болѣе знатныя дамы!..—что? принцессы крови"? Еще болѣе знатныя дамы". — Начали находить, что шутка пошла слишкомъ далеко. Герцогиня де-Грамонъ, чтобы разсѣять впечатлѣніе, не настаивала на послѣднемъ отвѣтѣ и сказала лишь самымъ легкомысленнымъ тономъ: „Вы увидите, что онъ мнѣ не оставитъ даже исповѣдника.— „Да, герцогиня, его у васъ не будетъ, ни у васъ, ни у другихъ; послѣдній приговоренный, которому будетъ разрѣшено исповѣдаться, будетъ..." онъ вдругъ остановился: „—Ну кто будетъ тотъ счастливый смертный, имѣющій эту прерогативу"?— „—Это послѣдняя, которая у него останется—и это будетъ король Франціи".

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

[library stamp]